

Анатолий Прядкин

*По длинному
коридору
общезития*

Поэзия. Проза

Москва
2020

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
П86

П86   Прядкин А. И. По длинному коридору общежития: Поэзия.
Проза. – Москва: «ММТК-СТРОЙ», 2020. – 552 с.: ил.

ISBN 978-5-380-00184-7

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© А. И. Прядкин, 2020
© Оформление: ООО «ЗЭО», 2020

ISBN 978-5-380-00184-7

Через длинный коридор общественного жития

Для Каширы Анатолий Иванович Прядкин – весьма значимый поэт и писатель, целая эпоха. И если его жизненные вехи были достаточно противоречивы, не всегда однозначны, то его поэзия и проза почти всегда вызывали интерес у читателей.

Анатолий Прядкин – поэт-шестидесятник, который из-за весьма своенравного характера так и не окончил Литинститут, последнее отчисление (а их было два: за драку (08.09.1965) и за нарушение дисциплины (28.05.1969)) состоялось незадолго до защиты диплома на 5 курсе. А ведь у автора за плечами ещё два года учёбы на историко-филологическом факультете Краснодарского пединститута и к тому же сельскохозяйственный техникум.

*Я ушёл от всеущего стресса
И живу в общежитии треста...*

Уходил и перечёркивал свою судьбу Анатолий Иванович не раз. Не всегда мог он терпеть рамки общества, в которых почему-то обязательно нужно быть. Стоит только открыть трудовую книжку и посмотреть записи – почти нигде больше года не работал, но основная причина увольнений – «по собственному желанию». Хотя, безусловно, тяга к труду налицо.

*Я рабочий. Сперва только дело.
От него никуда ни на шаг.*

Вот какие записи имеются в трудовых книжках Анатолия Ивановича.

Анатолий Иванович Прядкин

Средне-техническое образование.

До поступление в Пашковское райпо трудовой стаж имеет два года (работал в «Гипроводхозе»).

Экспедитор склада – Пашковское райпо, 1962 г.

Грузчик – Краснодарский транспортный трест, Краснодарское объединение ж/д хозяйства, 1964 г.

Грузчик – Краснодарский хлопчатобумажный комбинат, 1965 г.

Секретарь комитета ВЛКСМ средней школы №2 – Ступинский ГК ВЛКСМ, 1965 г.

Слесарь 4 разряда – трест «Мособлстрой», ССМУ-16, 1966 г.

Директор Дома культуры – Шугарово, 1967 г.

Слесарь хлораторной установки турбинного цеха – Ступинская ТЭЦ №17, 1967 г.

Слесарь-сантехник 4 разряда – Белостолбовский кирпичный завод, 1967 г.

Грузчик – аэропорт «Домодедово», 1968 г.
Бригадир механического отряда – совхоз «Сельская жизнь», 1969 г.
Печатник 4 разряда – типография Ступинского машиностроительного завода, 1969 г.
Рольщик 4 разряда – Ступинская картонажная фабрика, 1970 г.
Оператор печей стекловолокна 5 разряд – Ступинский завод стеклопластиков, 1971 г.
Мастер – передвижная колонна 27 «Мособлстрой», 1971 г.
Мастер 4 разряда – передвижная колонна 27 «Мособлстрой», 1974 г.
Механик – совхоз «Городище», 1975 г.
Инженер-механик – совхоз «Городище», 1975 г.
Мастер-геодезист – СМУ «Центролитстрой», 1976 г.
Мастер – передвижная механизированная колонна 34 «Мособлстрой» №28, 1978 г.
Мастер ОКС – Каширская экспериментальная картонажная фабрика, 1978 г.
Плотник – Кузбассшахтстрой, 1979 г.
Слесарь 5 разряда – ремонтно-механические мастерские, Ожерелье, 1981 г.
Каменщик 3 разряда – Каширская дистанция пути Московской ж/д, 1981 г.
Слесарь-сантехник 5 разряда – Каширская дистанция пути Московской ж/д, 1982 г.
Слесарь-сантехник 5 разряда – жилищно-коммунальная контора «Мособлстрой»-4, 1983–1985 гг.
Монтажник 3 разряда – МК-3 «Кашираагропромстрой», 1989 г.
Слесарь-сантехник 4 разряда – Каширское ПТО городского хозяйства, авар.-дисп. сл., 1990 г.
Кочегар котельной – горпищекомбинат «Каширский», цех безалкогольных напитков, 1992 г.
Штукатур-маляр 4 разряда – АО «Астра», 1993 г.
Штукатур-маляр 4 разряда – АО «Астра», 1995 г.
Транспортный рабочий 3 разряда – ЖЭУ, 1996 г.
Штукатур-маляр 4 разряда – АО «Астра», 1996 г.
Каменщик 4 разряда – ЖЭУ, 1996 г.
Каменщик 4 разряда – МУП «ЖКС», 1997 г.
Каменщик 4 разряда – МУП «ЖКС», служба «Жилкомсервис», 2000 г.
Всего: 36 мест работы, 21 специальность.

Эти записи говорят о том, что Анатолий Прядкин человек разносторонний, готовый к любой работе, даже тяжёлой и сложной. Тема труда часто прослеживается в его творчестве, как основа биографии.

Из заметки в краснодарской газете:

«А. Прядкин остаётся верен «рабочей» теме («Грузчики», «Яблоки»). В поэтических строках его стихов живёт мускульная и духовная крепость нашей молодёжи, её высокая нравственная требовательность, гордое самосознание рабочего человека».

Л. Круглик, кандидат филологических наук, Л. Гагауз, 1965 г.

Мускульная крепость... Духовная крепость... Гордое самосознание... Казацья сила... Всё это часто прослеживается в произведениях Анатолия Ивановича.

Однако судьбой автора стало трагическое сосуществование с обществом. Уже с малых лет он понял, что такое общежитие.

Первым его общежитием стал детдом, где он оказался во время войны, потеряв на оккупированной территории мать, и жил надеждой, что отец вернется с фронта. А затем были и другие общежития. И жизнь в них угнетала.

Не одиночества, молю, – уединения.

И, конечно, ему, потомственному казаку, да ещё и детство которого прошло среди цыган, хотелось уединения на воле, в родной степи:

*В степь уйду...
В степи душе спокойней.*

Но не всегда поэту удавалось в жизни уходить «в ту степь». Почти десять лет пришлось ему провести в местах, не столь отдалённых. И всё из-за неумения сдерживаться.

*Меня учили с детства драться
За справедливость до крови...*

И он дрался, с чужими и с близкими, за справедливость и из-за принципа. И страдал, прежде всего, сам. И получал сроки...

Анатолий Иванович никогда не скрывал своего прошлого, у него даже была целая повесть «Камерный концерт» (исключительно для «Каширских известий», 1992 г.) про то, какие нравы царят в тюрьме. Готовя к печати данный сборник, я посчитал лишней эту тему, хочется, чтобы читатель наслаждался изяществом общечеловеческих строк.

Скажите: как же мог творец поэтического, духовного слова получить срок, а затем, столько лет проведши в зековской среде, написать что-то хорошее? Как говорится, от сумы да от тюрьмы не зарекайся. Много и порядочных людей попадало за решётку. А сам Анатолий Иванович отвечает так: «Поэзия всё-таки существует сама по себе, а человек – сам по себе. Где-то, разумеется, они имеют общую точку, в процессе творчества одного и рождения другой, но в дальнейшем отождествлять их опасно».

Настоящая поэзия сама по себе исключительно полезна для людей, но от природы творческим людям тяжело приспособиться к этому материальному миру, оттого у них в жизни много проблем, они кажутся неадекватными, часто становятся изгоями, иногда у них появляются обиды, озлобленность.

Но Анатолия Ивановича ничто не сломило. Стихи он писал везде. И последние лет тридцать писал почти каждый день, видимо, его вдохновила Кашира, которая стоит на особом, почётном месте в его творчестве (возможно,

совсем неслучайно так совпало, что количество стихотворных произведений в этом сборнике – 1356, а это дата основания Каширы!). Девиз «Ни дня без строчки» – это про Анатолия Ивановича. Именно поэтому этот сборник его лучших произведений получился довольно объёмным.

Составляя своеобразную «Антологию Прядкина», я решил сделать следующие разделы книги:

Поэзия:

- I. Юность – период юной поэзии автора.
- II. Зрелость – начало зрелой поэзии у автора.
- III. «Пора отречения от сладких грёз и суеты...» – период, когда тяжёлая судьба начинает прослеживаться в творчестве автора.
- IV. «Незванный от земли до звёзд» – переосмысление жизни и «перестройка» автора.
- V. «Гвоздь загнуть в каблуке перестройки» – постперестройка в стихосложении у автора
- VI. С именем – все стихотворения автора обрели названия.
- VII. «Я – продукт XXI века...» – стихи нового тысячелетия.

«Из сборников» – избранные стихи автора из сборников стихотворений.

Проза:

- I. Художественная проза
- II. Очерки, эссе, мысли, воспоминания

Даты произведений в тексте – это в основном даты публикаций стихотворений и прозы в прессе. Раннее творчество Анатолия Ивановича было найдено в отделе газет РГБ (г. Химки), также помогли архивы газет Каширского краеведческого музея. Остальное – черновики и газетные вырезки, собранные самим автором, хранящиеся в каширской городской библиотеке-филиале им. А. И. Воронкова и у родственников.

О трагической смерти автора я написал в своей книге «Проза жизни», повторяться не буду. Хочу только поблагодарить за хлопоты его сноху – Елену Прядкину, её мужа, и Дениса – внука поэта. Также благодарен за помощь Анатолию Прядкину авторам ЛИТО «Зодиак» и МПС «ГороСкоП», в особенности, Анне Поповой и Павлу Сафонову, и депутату Константину Казвинову.

А вот о жизни своей, об этом длинном коридоре общественного жития Анатолий Иванович более подробно расскажет сам в своих бессмертных произведениях.

Андрей Тернов,
руководитель литературного объединения «Зодиак»
и молодёжной поэтической студии «ГороСкоП»,
член Союза писателей России,
член Союза журналистов России

«Рабству вечному сродни»

Из личного знакомства с Анатолием Прядкиным помню один эпизод. Анатолий Иванович предложил газете, где я работала, свои стихи. Подборка была большая – не по нашему формату, и мне пришлось стихи отбирать. Наиболее привлекательными показались в основном лирические, они и увидели свет. Автор остался недоволен.

– Почему однотипные стихи выбрала? Поэта-то не видно, – возмутился он.

Тогда каждый остался при своём мнении. И сейчас, спустя почти полвека, я считаю, что любовная лирика стоит в особом ряду творчества А. Прядкина. Стихов на эту, как известно, неиссякаемую тему, у него мало, но они идут из глубины сердца.

Вот он, молодой, но уже познавший разрушительную силу чувства, позволяет себе написать «Ave, Люся!». Католическая молитва «Ave, Мария!» вдохновляла не одного поэта, но, чтобы осмелиться так обратиться к простой современной женщине, кажется, мало возносить её до небес. Невольно вспоминается А. Фет: «... не в блеске лучей, в тихом предстань сновидении...». Причём вспоминается и тогда, когда читаешь стихи, посвящённые второй жене поэта – Нине Прядкиной, стихи, исполненные невысказанного при её жизни чувства.

В отношениях с женщинами Анатолий Прядкин искал успокоения, взаимопонимания. Увы, не находил и всё-таки, сознавая, что счастье в общечеловеческом понимании не для него, верил:

*Когда болезнь расставит сети
И для молитв не будет слов,
Меня спасут от верной смерти
Надежда, вера и любовь.*

Как и у всякого поэта, у А. Прядкина есть, условно говоря, любимые темы. Это те темы, которые не оставляют с годами, не иссякают и проходят через всё творчество. Нередко на склоне лет они приобретают особое звучание. В данном случае это тема детства, родного кубанского края, так не похожего на Подмоскovie, где поэт прожил большую часть жизни. Читая этот сборник, не раз выходишь вместе с ним в степь, вдыхаешь запахи полыни, чабреца и мяты, любишься блестящими на солнце скакунами, с грустью смотришь вслед уходящему табору.

*В степь уйду..
В степи, как в сказке, ночью,
Вольный ветер, небо в васильках!
Как букетик мне собрать захочется.
Но не тронет тех цветов рука.*

*В степь уйду..
В степи душе спокойней,
Отдыхает от забот мирских,
И пасутся вороные кони,
Что пригнал в ночное мудрый скиф...*

Но степь далеко, в той жизни. А в этой совсем другой расклад, и, как оказывается, от реальности могут спасти новые знания, собранная в книгах мудрость, философские размышления. Отсюда многолетнее творчество Анатолия Прядкина: наряду со стихами, посвященными современникам, меняющимся временам, которые вместе со страной пережил поэт, событиям, оставившим в его жизни след, видим размышления о жизни вообще, о тех её сторонах, которые формируют личность и диктуют определенную линию поведения. При этом поэт понимает причины, побудившие его обратиться именно к этим темам:

*Мысль о жизни – время жертвы,
Рабству вечному сродни.*

Почти сорок лет прожил Анатолий Прядкин в Кашире – маленьком подмосковном городе на берегу Оки. Естественно, древняя Кашира вдохновляла его как писателя. Стихи, поэмы, эссе, рассказы, очерки и зарисовки, представленные в сборнике, показывают город в разных аспектах, но больше автора интересовала история, хотя и неразрывно связанная с современностью. А еще он сознавал, что именно на земле Каширы останется навек:

*Жаль, что жизнь уходит,
Жизнь моя уходит,
Словно пароходик на Оке.
Белый пароходик, белый пароходик
Белой чайкой тает вдалеке.*

*Белая Кашира, белая Кашира,
Ты во мне под солнцем и луной.
Белая Кашира, ты наворожила
Пядь земли, что будет подо мной.*

«Наворожила» Кашира и интерес своих жителей к творчеству Анатолия Прядкина. Думаю, сборник, издаваемый по инициативе руководителя литобъединения «Зодиак» Андрея Тернова, будет хорошим подарком тем, кто интересуется творчеством земляков.

Алевтина Гришина,
член Союза писателей России,
заслуженный работник печати Московской области

«Блажен, кто потерял годам тем счёт...»

(Интервью с А. И. Прядкиным)

Анатолий Иванович Прядкин сотрудничает с газетой более двух десятков лет. На страницах «районки» публиковались его очерки, рассказы, повесть, многочисленные зарисовки о земляках. Сегодня ему исполняется 60 лет. От всей души поздравляем его с этой датой, желаем и впредь неиссякаемой энергии, острого пера и новых достижений в творчестве.

– Анатолий, тебе сегодня 60! Не смог бы ты вспомнить для читателей «Каширских известий» несколько эпизодов из своей жизни?

– Зачем вспоминать? У меня отличная память... Я, например, вижу до сих пор скорбное лицо легендарного летчика Михаила Водопьянова в Курской гостинице, когда он держит в руке свой уже пустой стакан, у меня ещё полный... Слышу, как Николай Рубцов в общежитии Литинститута, сидя на койке, тихо, ни на кого не глядя, поёт: «В комнате моей светло, это от ночной звезды». Вижу эlegantного Константина Симонова, который «приказывает» мне, студенту Литинститута, садиться в его черную «Волгу» и ехать в ЦДЛ, чтобы возложить траурный венок к гробу с покойным Ильёй Сельвинским...

– Ты как-то заикнулся, что видел Сталина и он угощал тебя мороженым.

– Нет, мороженое я получил из рук мороженщицы, а платил (вот этого, действительно, не помню!) или Сталин, или Молотов. Это было в сорок седьмом году в Сочи. Я как-нибудь расскажу эту историю, потому что закончилась она в Москве, в магазине «Дары природы», но уже с одним Молотовым.

А вот ещё эпизод. Я сижу на коленях у дедушки Вани. Дедушка этот – известный всему миру русский богатырь Иван Поддубный... Уже после техникума, работая в «Гипроводхозе», я был у него на могиле в Ейске. Кланялся...

– Ты, кроме поэзии, ещё чем-нибудь увлекался?

– Я увлекаюсь всем, что относится к жизни. Жизнь – очень весёлая вещь. Это мы сами скучаем... Ребята и девчата из стройцеха, где я работаю, по моему, унывающим меня не видели. Да я и сам не вижу причин для грусти, но исключение, конечно, есть. Это биологический закон. Он мёртв, как и любой другой, а потому и вечен. Правда, цыгане о нём не знают. В юности я долго жил с этими людьми и многому научился у них.

Вот на открытие памятника Александру Пушкину в Кашире я шёл просто из любопытства, но когда услышал, что мэр Каширы наизусть читал Пушкина, целый день был в восторге! И подумал: «Вот бы и Ельцин, вместо того, чтобы «мутить воду» на посту Президента, лучше читал бы «Евгения Онегина». Ведь Николай I читал же. И дела в России шли споро. А сейчас?

– Анатолий, за что тебя исключили из Литературного института?

– Меня исключили за поступок, «отличающийся особым цинизмом». Я вроде бы из окна общежития выбросил чужой партбилет. Сергей Сергеевич Смирнов (секретарь парткома института) сказал тогда, несмотря на защиту Владимира Солоухина и Владимира Чивилихина, что он меня бы расстрелял... Я ответил: «Стреляйте, но партбилет не выбрасывал...».

– **Некрасивый случай всё-таки.**

– ...Теперь я знаю, что это была провокация. Но ведь другие не знают. И я бросил писать стихи. Потом, лет через 20, дал себе слово наверстать упущенное. Не сдержал. Навёрстывать бесполезно. Хотя, опять же, о чём грустить? Кто знает, что упущено: зло или добро?

Нет Николая Анциферова, который сказал в «Нахаловке»: «Я работаю, как вельможа, я работаю в шахте лёжа...». Нет Николая Рубцова. Теперь после полочки иногда я вместо него беру гитару и пою: «В комнате моей светло...».

Владимир Алексеевич Солоухин на последней книге сделал мне дарственную надпись: «Дорогому Толе Прядкину...». Солоухин был очень скуп на комплименты. Во всяком случае, я никогда их не слышал ни в чей адрес, за исключением А. Солженицына.

– **Твои планы на будущее?**

– Я «бесплановое существо». Но скажу словами деда по материнской линии, которого «чтобы жили все красиво, раскулачили дотла...»: «есть ещё порох в пороховницах». И от себя добавлю: сухой порох... бездымный...

Беседовал А. Я. Иванов,

06.07.1999 г.

Биография

Анатолий Иванович Прядкин (06.07.1939 – 27.10.2016). Поэт-шестидесятник. Родился на Кубани в Усть-Лабинске.

Отец – Иван Ефимович Прядкин, работал 1-м секретарём Советского РК ВКП (б) (Краснодарский край).

Учился в школе № 58 Пашковской станицы, затем в Пашковском сельскохозяйственном техникуме (с 1955 по 1959 гг.), где ему была присвоена квалификация техника-землеустроителя. С 1960 по 1962 гг. обучался в Краснодарском госпединституте на историко-филологическом факультете по специальности русский язык, литература, история. С 1963 по 1969 гг. учился в Литературном институте им. А. М. Горького.

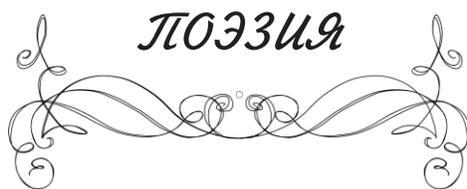
Был дважды женат. Первая жена – Людмила Прядкина (Кузнецова), сын – Владимир. Вторая жена – Нина Прядкина (Завьялова), сын – Сергей.

Много лет проработал строительным рабочим. Участвовал в строительстве г. Ступино. Был мастером-геодезистом в СМУ «Центролитстрой», Кашира. Всего за жизнь поменял 36 мест работы, освоил 21 специальность.

Всю свою жизнь писал стихи, прозу, публицистику. Сотрудничал с изданиями Краснодарского края («Советский педагог», «Комсомолец Кубани»), Каширского («Огни коммунизма» («Каширские известия»)) и Ступинского («Заря коммунизма», «Машиностроитель», «Знамя труда») районов Московской. Автор четырёх сборников стихотворений: «От первого лица», «Я жил в России», «Апокалипсис» и «Белая Кашира».

Похоронен в Кашире на Аладьинском кладбище.

І. Юность

У памятника

Кусты разросшейся сирени,
Берёзка, голову склонив,
А рядом с ней великий Ленин
Стоит, дыханье затаив.

В одной руке – простое кепи,
Другую – протянул вперёд.
Он смотрит вдаль, где видны степи,
Где солнце начало восход.

Широкий лоб, борода клином,
Полны теплом его глаза...
И был он в мире самым мирным,
Он путь свободе указал.

Вокруг него играют дети,
И счастьем матери полны:
Ведь над страной ярко светит
Огонь труда, а не войны.

Сюда приходят и седые
Его соратники, друзья,
С кем шёл он в годы боевые,
И в ссылку шёл, и Зимний брал.

На красный мрамор пьедестала
Упали первые лучи.
Страна моя с рассветом встала,
К Вселенной пробует ключи.

*А. Прядкин, студент I курса
историко-филологического
факультета
21.04.1961 г.*

Войны не разжечь новой

Люди, смотрите зорко!
Бонн покупает танки.
А в Турцию из Нью-Йорка
С ракетами едут янки.
Правду свободной Кубы
Чернят господа в эфире,
Кастетами крошат зубы
Неграм в «свободном мире».
В барах Брюсселя и Гента
Вербуют юнцов недолго,
Проданным и купленным агентам
Предлагают карьеру в Конго.
В Риме святая обитель
Планы обмана строит.
Но кто, господа, скажите,
Солнце из вас закроет?
Солнце – это мы, люди.
Слушайте наше слово!
Мир и свобода будет!
Войны не разжечь вам новой!

*А. Прядкин (I курс)
01.05.1961 г.*

Встреча

Девушка идет тропой с вокзала,
Видно, что не наша, не станичная,
Ей старушка школу показала...
(Школа-интернат у нас – отличная!)
Показала и шагает следом,
Новостей таких она любительница.
Сообщает радостно соседям:

– Познакомьтесь, новая учительница.
Белый шарфик обнимает плечи.
Босоножки запылились модные.
Девушка смущается при встрече
С нашими казачками дородными.
А мальчишки прибежали с луга
(Беспокойных любопытство
мучает).

И стоят, глаза друг на друга,
Что же делать по такому случаю?..
И с венком к учительнице новой
Подошли мальчишки загорелые,
Подают букет цветов пунцовый,
Сделанный руками неумелыми,
– Вот, возьмите, на лугу собрали.
По утрам там росы спеют звёздные,
А за речкой голубые дали
И поля, поля кругом колхозные.
Тёплой встречей девушка довольна.
Будет и она станицы жительница,
Где разлив Кубани виден вольный...
Так встречали новую учительницу.

*А. Прядкин, студент 1 курса
02.06.1961 г.*

О ковре, что летал над травушкой,
Над горами, над Волгой-матушкой.
Повышая заметно голос,
Рассказал о полётах в космос,
Что учёные там увидели,
Как на Марсе, какие жители.
Возле сцены встаёт старуха:
– На Венере дожди аль сухо?
За вопросом вопрос уверенно
Задаётся о новом времени.
Лектор прост и в ответах точен,
Расходиться никто не хочет.
Дед Данило охоч до истины,
Вытирая платочком лысину,
Говорит, что года – помеха,
Полетел бы на Марс с успехом.
В тесном зале народ волнуется:
– Как Гагарин, где тренируется?
Пусть придет гостить в станицу,
Здесь, как маки, встают зарницы,
Будят рано луга душистые,
Колокольчики голосистые...
За успехи страны отличные
Рады люди мои станичные.

23.06.1961

Лекция

Собирались в Доме культуры
Бесшабашные балагуры.
Выбирали себе скамеечки,
Грызли смачно сухие семечки.
А под вечер в косынках ярких
С новой фермы пришли доярки.
Шли на лекцию не обычные
Трудолюбые мои станичные.
Под баян трактористы пели,
Что любовь хороша в апреле.
А комсорг наш Галина Зорина
О культуре с друзьями спорила.
Убеждали её ребята:
– Культработы здесь маловато,
Очень редко читают лекции,
Да и лекции так, не веские.
По графину стуча указкой,
Начал лекцию лектор сказкой

Здравствуй, космос!

Космос, видишь?
Встает человек величаво.
Слава ему,
Слава!
Космос, знаешь?
В жизни нельзя иначе.
Нужна удача,
Смелость,
Верность.
Космос, слышишь?
Ты слышишь, космос,
Голос –
Человеческий голос!
Космос, видишь?
Заря с человеком встала.
Разве этого мало?

08.08.1961 г.

На кухне

Сегодня на кухне
Девочки-кухарки
Готовят отменный обед.
Румянцем их щёки
Украшились ярким,
Как будто заря
Здесь оставила след.
Помыты, нарезаны
Нужные овощи...
Без слёз обошлись бы,
Без мук
И даже, возможно,
Без поварской помощи...
Вот если бы только не лук.

После ужина

Собрались мы после ужина
У колхозного амбара.
Обязательно было нужно нам
Слушать новости из Краснодара.

Небольшой экран телевизора
Был похож на кусочек неба.
Узнавали мы, сколько вывезли,
Сколько вывезти нужно хлеба.

И, прослушав комментатора,
Наполняли повыше кузов,
Вывозили на элеваторы
Золотую кукурузу мы.

Балалайка

У сельповской автолавки
Выбирают, забыв о времени,
Вологодские балалайки
Пастухи из колхоза Ленина.

Как лучи, с перезвоном струны,
И такая от них мелодия...
Будто в поле осеннем лунном
С песней славною в хороводе я.

Обступили парней доярки,
Поправляют косынки модные...
Балалайки вы, балалайки,
Эх, симфонии вы народные.

*А. Прядкин, студент II курса
06.10.1961 г.*

Поступь поколений

Земля моя!
Впиши в свою историю
Страницами полей
И половодьем рек,
Что мы
Наш новый мир построили,
Чтоб коммунизм вошёл в
двадцатый век.

Земля моя!
Скажу тебе, как матери:
В успехах наших
Я уверен...
В президиуме съезда партии –
Великий Ленин...

*А. Прядкин, студент II курса
20.10.1961 г.*

Бессмертие

*памяти комсомольцев, погибших в боях
за власть Советов*

Это песнь о моих друзьях,
Песнь о тех, кто за счастье пал.
Я горы и звёзды взял,
Чтоб воздвигнуть им пьедестал.
Они будут со мною жить,
Потому что за правду шли,
Они будут со мною дружить,
Потому что мне жизнь сберегли.
И ушли в предрассветный час,
Не успев повидать подруг,
Их на севере холод тряс,
Им высушивал губы юг.

Ведь у них был на жизнь мандат,
Но они, разделив свой хлеб,
Шли отстаивать Петроград,
Чтобы ветер свободы креп.
Лезла явно, лезла тайком,
Лезла контра со всех сторон...
И тогда был закрыт райком:
Комсомольцы ушли на фронт!
Это песнь о моих друзьях.
Слава людям такой судьбы!
Они знали, что жизнь моя –
Продолжение их борьбы
И что будет бессильна смерть:
Сила жизни – сильней свинца.
Будут домнами нам гореть
Беззаветные их сердца,
Будет ясным вставать рассвет,
Потому что каждый, кто пал,
Комсомольский сберёг билет
И мне его передал.
Это песнь о моих друзьях.
Слава людям такой судьбы!
Они знали, что жизнь моя –
Продолжение их борьбы.

*А. Прядкин, студент II курса
27.10.1961*

Юность

Я встретил тебя
Вместе с солнечным утром.
Ты в спецовке рабочей
И с дерзкой мечтой.
Ты уходишь туда,
Где немисливо трудно,
Где в работе размах,
Небывалый подъём.
Мир подвластен труду,
Мир для жизни создан...
Свое счастье ты ищешь
В жестокой борьбе.
Ты штурмуешь сегодня
Далёкие звёзды,
Чтоб галактика завтра
Покорилась тебе.

Ты, как жизнь, бесконечна,
Нацелена мудро.
Слышу: голос твой веский
Взрывает покой.
Я встречаю тебя
Вместе с солнечным утром,
Ты в спецовке рабочей
И с дерзкой мечтой.

*А. Прядкин, студент II курса
05.11.1961 г.*

Перевод с адыгейского

У нас в ауле

Что ты смотришь все на горы,
Наших девушек не видишь?
Может быть, ты – парень гордый,
Ставишь ты себя всех выше?
Слышал я в своём народе,
Что трава тиха, без ветра,
Лань своей дорогой ходит,
Без любви завянет ветка.
Много девушек красивых,
Оглянись! У нас в ауле
Их глаза темны, как сливы...
Это тоже что-то значит,
Только я хожу всё мимо,
И глаза мои незрячи –
Моё сердце у любимой.

* * *

– Всегда ты, речка горная,
Бежишь вперёд, звеня.
Возьми же к морю Чёрному
Попутчиком меня.
И отвечали воды:
– Ну что ж, со мной иди,
Но если, вдруг, ты лодырь,
То нам не по пути!
И у меня есть дело –
Спешу к морской волне.
Кто любит труд, кто, смелый,
Тот и попутчик мне.

*Перевод с адыгейского
А. Прядкина, В. Горского
05.11.1961 г.*

Посвящаю А. П. Луговой, моей учительнице

Поэма

I.
Помню, помню, здесь были плавни,
А сейчас такие сенокосы...
И над самым берегом Кубани
Распустили кротко ивы косы.
Их сегодня расчешет ветер,
Чтобы быть им вовек красивыми.
Здесь, в станице, я детство встретил
У затона, где плачут ивы.
Здравствуй, здравствуй,

моя станица!

Мы расстались с тобой друзьями.
Здесь тропинки, как половицы,
Петушиные гребни – пламя.
Ветер, ветер, ты песню спой мне,
Только грусти степной не надо,
Потому что я детство вспомнил,
Потому что я с детством рядом.
Я считался мальчишкой бойким,
Но с девчонками в ссоре не был.
Часто-часто на жёсткой койке
Бредил звёздною синью неба.
Здесь Кубани разливы вешние,
Серебристые, серебристые...
Мне навстречу выходит женщина –
Я глаза её вижу чистые –
Анна Павловна. Анна Павловна!
Даже трудно сейчас поверить...
Так же ходите плавно-плавно вы,
Для гостей не закрыты двери,
Так же любите запах мяты,
В синих шапках кусты сирени...
Опустился плетень у хаты
На подпорки, как на колени.

II.
Много-много дорог-дорожек...
Всех за год нельзя измерить.
Анна Павловна! Мне дороже
Путь, где вижу я ваши двери.
Как давно в этой хате не был!

Вновь пахнуло грушёвым взваром.
Вижу в окна кусочек неба,
Крыши, красные от загара.
Над кроватью портрет девичий.
Он старел, как и вы, с годами,
Только он сохранил обличье
Вашей юности вместе с вами.
Ваша юность горела в стужу,
Крепла сердцем в походах частых.
Банда белых убила мужа,
Расстреляла у яра счастье.
Жизнь и время туманят память,
Счастья первого больше нету.
Но батрацкое ваше знамя
Полыхает над стансоветом.
И с тех пор жизнь пошла иначе:
Больше радости, меньше боли.
Обновлялся мой край казачий,
Вы работали в новой школе.
К вам, учительнице кубанской,
Приходили, чуть-чуть робея,
Комиссары войны гражданской
И разведчики Кочубея.
Вечерами в колхозном клубе,
Где махорка дымила синим,
Вы рассказывали, как будет
Строить будущее Россия.
У вас было тогда два сына –
Это было второе счастье...
В сорок первом от стен Берлина
На восток прорывались части.
И, не медля, глазами чистыми
Проводили сынов с порога.
Билось сердце у вас неистово,
Чуя скорбную песнь тревоги.
Если к вам подойти поближе,
То услышишь, как трудно дышите,
И на смуглом лице увидишь
Две морщины, что горем вышиты.
Не успело пройти волнение,
Не остыли детей постели,
Получили вы извещение,
Что два сына в бою сгорели.
Свет покрылся, как черной
скатертью,
Но вы горю не дали голоса.

Лишь упали на щёки матери
Слёзы – зёрна больного колоса.
Долго, долго ночами плакали,
Только, выплакать всё не в силах,
Выходили вы с фермы на поле,
На заречных лугах косили.
Осень листья зарёю плавилла,
А за рощей бледнело поле...
Класс наш, дружбою крепкой

спянный,

Самый лучший был в нашей школе.
В это время войны суровое
Все мальчишки казались строже.
Собирали мы медь и олово,
Собирали везде, где можно.
А когда секретарь райкома
Предложил нам работать в поле,
Мы работали так, что дома
Наши руки ныли от боли.

III.

Она очень любила поле
И осеннюю синь Кубани.
Потому называли Полей
Эту девочку в сарафане.
Поля, Поля! Полина Зорина
Не забыла поля Кубани,
Как жар-птицы, встают здесь зори,
Маки с бархатными губами.
Белокошая, белокошая,
Приходила ты, словно лебедь,
Ты девочкой была курносою
И с глазами, как будто небо.
Как ты думаешь, Поля Зорина,
Разве дружба придёт случайно?
Мы мирились, и здесь же

ссорились,

И по-детски хранили тайны.
Навсегда я запомнил вечер,
Когда ты мне дала листочек,
Где писала: «С тобой – навечно...».
Вместо росписи только точки.
Мне весь мир стал тогда понятней.
Но записку я, между прочим,
Спрятал в собственной голубятне,
А то мать прочитала б ночью...

К Анне Павловне всем классом
Мы ходили под вечер в гости.
Угощала она всех квасом,
Караваем румяным, толстым.
Вместе встретили сорок пятый.
Солнце пряталось за пригорки,
Мы простились тогда у хаты –
Уезжали в Сибирь на стройки.
Анна Павловна, Анна Павловна!
Вы остались в станице южной...
На вокзале девчонки плакали...
Может, так это было нужно.
Мы крепили плотинам ребра,
Согревали работой тундру.
По неделе в меню лишь вобла,
И не хныкал никто, что трудно.
Анна Павловна, вам писали,
Что на стройке живём мы дружно,
Что у Поли сынишка Алик,
Что работаем там, где нужно.
И везде вспоминаем часто
Вас и солнечную станицу.
Мы находим в работе счастье,
Принимаем его сторицей.
Были снова потом дороги,
Были снова потом маршруты,
Ветры радости и тревоги,
Ветры встречные и попутные...

IV.

Анна Павловна, Анна Павловна!
Даже трудно сейчас поверить...
Так же ходите плавно-плавно вы,
Для гостей не закрыты двери.
Беспокойство для вас привычно,
Анна Павловна, в самом деле,
Вы живёте судьбою станичною,
А иначе бы не сумели.
Вот и снова я с вами рядом...
Вечер хату зарёй наполнил...
Вечер, вечер, мне песню надо,
Вечер, вечер, я детство вспомнил.

А. Прядкин, студент II курса

03.12.1961

Мальчишки

В синих трусиках,
В маечках аленьких,
Беспокойные, босоногие
Мальчишки
Выдували мыльные шарики,
Лёгкие, как одуванчики.
Но с годами оставили
Звонкое детство.
И с годами в дороге
Они возмужали.
Шар земной
Получили мальчишки
В наследство
И витками ракет,
Как ребенка, его спеленали.

...

...В синих трусиках,
В маечках аленьких
И задорные, остроногие
Ныне мальчишки
Выдувают мыльные шарики
И мечтают
О всей галактике.

*А. Прядкин, студент
Краснодарского пединститута
21.01.1962*

«Незабудка»

Там,
Где две дороги в узел связаны,
Где весной –
Душистая калина,
«Незабудкой»
Кем-то была названа
Чабрецом заросшая могила,
А над ней
Всходило солнце ясное,
Пчёлы целый день
В траве жужжали,
Здесь снимали маки
Шляпы красные,
В карауле тополя стояли.

«Незабудка» –
Значит, не забудется
Русский парень
Из пехотной части.
Будет песня славе
Его спутницей,
Будет жить
Спасенное им счастье.

*А. Прядкин, студент II курса
23.02.1962*

* * *

Встречают вокзалы
Экспрессы синие
Стоцветными букетами голубей.
Встречают экспрессы
Изоляторов лилии.
Ну как не позавидуешь
Такой судьбе?
Но я люблю товарные станции,
Где держат вагоны
Друг друга так,
Что кажутся сцепы
Стальными пальцами,
Сжатými крепко в кулак.
Где знают цену
Нетто и брутто,
Где маневровый не свистнет зря,
Где в топках рождается
Каждое утро
Заря.

*А. Прядкин, рабочий
16.09.1962*

Море

Швартовались
Волны у причала,
И медузы к гулким сваям липли.
Пеной крыльев чайки нас встречали
И кричали: «Море не для хлипких».

Только мы на самом
Дерзком сейнере
Выходили в море ставить сети.
Мы теряли в море опасение
И дышали солнцем на рассвете.
Пусть не открывали мы Америк
И не слали SOS
Во время шторма.
Но зато уловы были в норме,
Но зато мы чайкам стали верить.

26.10.1962

Порыв

*Лирический репортаж ведёт наш
(«Комсомолец Кубани») нештатный
корреспондент А. Прядкин.*

Недавно мне пришлось побывать у ремонтников депо станции Краснодар-1. Я видел, как вдохновенно работают комсомольцы-ремонтники Н. Диденко и Н. Романовский, слесари-дизелисты С. Даньшин, П. Мачнев. Они несли предмайскую вахту.

В машинном цехе, где проходят испытания генераторы тепловозов, закаляются характеры ремонтников, живёт крепкая дружба, которая помогает всему коллективу в борьбе за почётное звание – депо коммунистического труда.

«Добро пожаловать» –
на высокой арке.

И входит утро в цеха рокочущие.
Становится солнце отличной марки
К станкам на смену вместе
с рабочими.

Стальным отливом встречают
рельсы
Усталые тепловозы в бессонном
депо.

Они вернулись из дальних рейсов
И, словно корабли, всплывают в порт.
Есть ремонт тепловозов плановый,
Ну, а если подшипники плавятся –
Приступают к делу ремонтники,
Приступают к делу романтики.

Два друга стояли рядом.
Романовский сказал:
– Готово!
И Диденко мигнул:
– Порядок,
Генератор почти как новый.
Эти парни в душе романтики,
Эти парни в депо ремонтники.
...А в цеху проверяют следующий
С сизым отблеском генератор.
И каждый – в работе сведущий,
И каждый – организатор.
А день в цехах рабочего накала,
А день приносит трудностей немало.
И даже на станках блестит
испарина...

Но хорошо, когда с тобой
напарники.

Но хорошо, когда есть помощь
друга,
Который книги любит,
Любит спорт...
...Гудит, поёт (ах, как поёт!) депо.
И здесь ребятам лучшая награда,
Когда с заданьем справится бригада
И тепловоз получит раньше срока
Дорожную, проверенную визу...
И будет слышен далеко-далёко
Поющий вдохновенно мощный

дизель.

01.05.1963

Лесорубы

Ты говорил, старик, однажды:
– Берись за дело, Бог поможет...
Я уходил тайгу треножить,
Треножить мог её не каждый.

И спотыкались сосны-маги
О наши солнечные пилы,
А сколько пилы перепили
Из-под коры смолистой влаги.

Когда смотрели звёзды сонно,
Виднелись пни, как будто родинки...
Рождались маленькие сосны
Под колыбельный ветер Родины.

Пойми, старик, работа радует,
Когда она твоя до капельки.
А ты хотел, чтоб я был маленьким,
А я с плечами, как у радуги.

И я у Бога не на помочах.
Давно кую свои устои.
Но без людской,
        без братской помощи
Я ничего, старик, не стою.

В карьере

Приезжали сюда не мямли,
Приезжали не за рублями.
И, конечно, не к тёще в гости,
А входили, как входят гвозди
В свежевывструганные доски.
Так входили сюда подростки,
Без сомнений и без остатка.
Здесь в работе ценилась хватка
И законная помощь друга.
Ничего, что шутилось туго,
Ничего, что снимали пробу
С новичков... И смотрели в оба,
Чтобы в чаше большого карьера
Не примазалась к нам карьера.

*А. Прядкин, экспедитор
Пашковского райпо
29.06.1963*

О хлебе

Трактористы, смеясь на кухне,
Говорили мне:
– Ну-ка, ухнем!
Чтобы смену держал в ночи,
Получай-ка, браток, харчи...
Наш комбайн ушёл на жатву,
Нож шипящие шикал буквы.

И дышал по-июльски жарко
От душистой пшеницы бункер.
Вилы брал,
Как Нептун, напарник.
И солома струилась в копны.
Мне казалось, что это окна
Раскрывает с зарёй пекарня.
Ранним утром я был доволен,
Что я правду узнал о хлебе...
Солнце нынче взошло над полем
Караваем румяным в небе.

26.07.1963

Час жизни

*Посвящается грузчикам
областной базы «Кооп-стройторг»*

Бригадир в косынке Надя Асеева
Тихо подходит к столику.
Не то чтобы серьёзно,
Не то чтобы рассеяно,
Но грузчики смотрят
На неё, как школьники.
Домино закончилось.
Сразу, с хрустом.
Ребята прекратили
Нелепый разговор.
Надя:
«Хотите почитаем
«Короли и капуста».
Ведь был же между нами
Такой уговор».
А кто-то из сидящих:
«Возьмём поближе,
Нас интересует такой вопрос,
Как забастовка идёт в Париже,
Как переговоры ведёт Лаос».
Грузчики притихли.
Слово – информации.
Даже из конторы пришел кассир.
Вышел кладовщик
Строгий, как квитанция,
Шепчет:
«Интересно устроен мир!

Я ведь сам когда-то
Ранен был в траншее,
Так что мне понятен
Смерти залп.
Лично я бы треснул
Шпейделю по шее
И других таких же
Тем же наказал».
А потом взволнованно
Мы о жизни спорили
И на будущее планы строили.
Трос над контейнером
Натянут трактором
Так,
Что дрожит, как нитка,
Работа здесь горячая,
Но грузчики с характером
И солнце, как улыбка.
И автокран солидный
Здесь,
Услышит только:
– Вира! –
Берёт как минимальный
Вес
Плечом стальным полмира.
А грузчики здесь
Празднуют
Рабочую, не праздную
Большую жизнь.

А. Прядкин, студент

Отцовские ладони

Мне снятся эти ладони
И солнце в весеннем небе...
Сорок первый.
Прощаемся в военкомате
С отцом. Вот и всё.
Даже писем
От него не было.
Но слышал его я голос,
Уткнувшись в руки лицом.
Мне снятся эти ладони,
Когда, от забот уставши,
В траве,
Как в зелёном ливне,
Усну где-нибудь в степи.
Тогда
Я к этим ладоням
Припадаю устами,
Чтоб солнечного настоя
С ладоней родных испить.

23.02.1964

II. Зрелость

Яблоки

Летели осы, словно пули,
В грузённый яблоками пульман.
А он стоял под пломбой, целый,
Каким-то дядею оценен.
Чтоб на далекой где-то ярмарке
Спустить повыгоднее яблоки.
И нам по ящику на брата
Бесплатно отдали, без брака.
Чтоб не смотрели в щели косо,
Чтоб лишних не было вопросов,
Откуда яблоки и чьи...
Ведь кто-то думал: промолчим...
И удивлений было уйма,
Когда те ящики мы в пульман
Неосторожно так вернули,
Как будто штопор в них ввернули.
И разгружали только щебень –
Он был тяжёл, но на лету
Напоминал веселый щебет
Чижей в шафрановом саду.

17.02.1965

Миллион событий

Строгий Питер, холодный Питер.
Чьи-то окна, как карты биты...
На Фурштатской в снегу обмяк
Тёплый с музыкой особняк.
Здесь послы и бороды пышные:
Дипломаты – ни звука лишнего.
Преферанс – ни копейки денег.
Здесь Россию бороды делят.
Строгий Питер. Холодный Питер.
Чьи-то окна, как карты биты.
...А к Симбирской подходят
выборжцы.

Для буржуев здесь: «Накось,
выкуси...».
Ни ликёры, ни виски – квас.
В Белом зале – рабочий класс.
На столах стаканы гранёные,
И по капельке в них вина.
Возле ёлки – парень в будёновке
Восемнадцатый год... Война...
Рукоплещет кому-то вход:
– Что такое там, Новый год?
Сердце парня-выборжца ёкнуло...
Ленин... Ленин пришел на ёлку.
Вот идёт он: чуть-чуть в снегу,
Вот в матросском стоит кругу.
Ленин шутит легко и радостно,
Подбегает девчонка – ладожская –
Голубые разливы глаз:
Владимир Ильич... вальс!
Строгий Питер, холодный Питер.
Новый год... Миллион событий...
01.01.1966

В Шушенском

На крылечках опята сушатся,
Пахнет сеном во всех дворах.
...Ленин утром идет
по Шушенскому,
Рядом с Лениным – детвора.
Босоногая, в сарафанах
Да в рубашках льняных до пят.
Все Ивановны да Степановичи.
Пацаны идут, аж сопят.
Далеко идут, за околицу,
Где качаются васильки.
– Дядь... а дядь... а вы что, охотиться
Или ставить в лесу силки?..

И глазёнки смотрят доверчиво,
Улыбаясь, на Ильича:
– Мы вас здесь подождём до вечера,
У колодца будем встречать.
За лугами озёра синие,
Тростниками шуршит река.
Затерялась в лесах Россия...
За строкой ложится строка,
Ленин пишет, прищурясь, пишет,
Пиджачок линиялый на нём...
И Россия ветрами дышит,
Дышит ливнями, Октябрём...

22.11.1967

На Волге

Шмели. Берёзы. Спелые стога.
И ветер синий и немного волглый.
Трубит в ладоши пароходов Волга,
Да где-то песня бродит по лугам.
Да человек идёт между берёз,
Он долго, долго не был с ними
вместе...
Подполье... Ссылка... Заграница...
Съезды...
О, как Россию он везде берёт!
Над берегом зелёный куст ветлы,
На берег волны корни накатили.
Смеясь, берёт Надежда

Константиновна

Из рук его заречные цветы.
А завтра нужно думать о земле,
А завтра снова будет уйма дела.
Я знаю, Волга, очень ты хотела
Чтоб отдохнул ещё Ильич в селе...
Шмели. Берёзы. Спелые стога.
И ветер синий и немного волглый.
Трубит в ладоши пароходов Волга –
Зовёт его в заречные луга.

05.09.1969

Автобусные страдания

«Дорога от пассажирского автотранспортного предприятия до картонной фабрики уже в течение ряда лет не ремонтируется, асфальтовое полотно покрыто выбоинами. Из-за этого испытывают неудобства пассажиры, преждевременно выходит из строя автотранспорт».

(Из писем в редакцию газеты «Заря коммунизма»)

Ехал с фабрики картонной
Не автобус – чудеса:
Гул мотора монотонный
И четыре колеса.

Так ему и ехать прямо б
По зеркальному шоссе.
Но в ухабистую яму
Возле СМУ автобус сел.

Пассажиры друг за друга –
Каждый был на всё горазд...
А дорога с перепугу
Как тряхнёт – круги из глаз.

Кто-то вскрикнул. Всклипнул кто-то.
А водитель хмурил бровь.
За ближайшим поворотом
Затрещал автобус вновь.

Эти ямы повторялись.
И дорога, наконец,
Незаметно потерялась
Там, где слева видно ТЭЦ...

Ехал с фабрики картонной
Не автобус – чудеса.
У машины многотонной
Не хватило колеса.

Пусть прошло уже всё лето,
Есть возможность впереди:
Колесо, дорогу эту
Всеми силами найти.

22.08.1970

Полдень

От зноя полдень спелый,
Как яблоко в саду.
От зноя полдень белый,
Как лилия в пруду.

И в листья, как в ладони,
Уткнулися лучи.
В затоне солнце тонет,
А всё вокруг молчит.

О, полдень, ясный полдень,
Продли ещё свой миг.
Дай мне тебя запомнить,
Дай ощутить твой мир.

Я буду так же светел,
На радость – не беду,
В ладони чьи-то с веток
Лучами упаду.

29.08.1970

***

Людмиле Прядкиной (Кузнецовой)

Любимая, земля ещё нага,
И розы лишь цветут в оранжерее...
А денег нет. Но не о том жалею.
Жалею, что осыпались снега.

Осыпались букетами в ночи,
Прекраснее, чем тайны икебаны.
Осыпались, как сыплют палачи
Горстями соль в пылающие раны.

Мне те снега дарили боль и грусть,
Я мучился в метели, как подранок.
И нес тебе единственный подарок:
Простую, как травинка в поле, Русь.

Любимая, к тебе приходит март,
А от меня уходит и уходит...
Останутся пусты мои уголья,
И я меж них – беспомощен и мал.

Как хорошо, что в них ты не жила,
Что горе обошло твою обитель.
Забудь сегодня все свои обиды,
Мне большего тебе не пожелать.

08.03.1972

***

Л. П.

Казалось мне, любовь моя легка
И пронести её сквозь жизнь
нетрудно,
Но вот опять поспорился с ней
крупно,
И вновь она, как прежде, далека.

Казалось мне, любовь моя легка
И уберечь её мне будет просто.
Не уследил. И вот уж слишком
поздно,
Бессмысленно в судьбу её вникать.

***

Ты теперь не моя.
Ты чужая... чужая...
Я стою, как маяк,
Корабли провожая...

Не могу их встречать,
Это днём против сути,
Я горю по ночам,
А потухну – осудят.

Рядом хлещет прибор
Тяжело и свирепо,
Разошлись мы с тобой
До смешного нелепо.

Только кто виноват,
Разберись тут, попробуй...
Ни к чему здесь слова –
Виноваты мы оба.

И теперь я не твой,
Я для всех одинаков.
Вот утихнет прибой,
Кто-то бросит здесь якорь...

* * *

Л. П.

Встречу и затоскую:
Что говорить тебе...
Мне ли любить такую
Сердцем своим теперь.

Всё, что берёг, исчезло
И не вернуть уже...
Я находил лишь честно
Всё, что терял, в душе.

Может, не надо было
В сущность вещей вникать,
Крепкое, как зубило,
Время долбит века.

Мне почему-то жутко
Чувствовать этот ритм...
«Может, всё это шутка», –
Кто-то всерьёз узрит.

* * *

Опять поля раскрыли души,
Мне откровенность та ясна:
Сугробы туч вновь ветер рушит,
И солнце в стебли льёт весна.

Уже слышней моторов рокот,
Теперь не скоро на покой,
Плуг лемехом напруг по локти –
Обычай пахаря такой.

Наступит вечер светлой тенью,
Рукам рабочим – перекур,
И тихо вспомнит пробужденье
Земля на окском берегу.

Пора придёт. Наступит жатва,
Тогда на нивах не до сна...
И, может, даже будет жалко,
Что в лето вызрела весна.

Старик

Потолковать старик мастак,
Судачит целый час.
И то – не то, и то – не так,
Жаль, нету Ильича...
Река уже не глубока,
Хоть где её измерь...
Ломали льды её бока,
И человек умел...
Старик – уже белёсый бес,
Но вот привык ругать.
Вот там срубили, черти, лес,
Там – извели луга.
Не берега теперь – песок
И не вода, а муть.
Он пальцем тычет мне в висок:
– Поймёшь когда-нибудь!
– А ведь ты правду режешь, дед,
Вода уже не та.
Но ты ведь сам за столько лет
Не посадил куста.

Звёздный

Сосны тёплые, как вёсны,
Ветра маршевый мотив...
А в тайге – посёлок Звёздный,
Как в депо – локомотив.
Набекрень береты, кепки
И по локоть – рукава.
Оптимист ты или скептик –
День проходит суковат.
Только будет всё в порядке –
У костра ершист огонь...
От родителей в палатки –
Самый трудный перегон.
Из друзей никто не бросит, –
Но, бывает, так «несут»,

Всю б тайгу прошёл без просек –
 Это тоже жизни суть.
 Пилы звонкие, как пчёлы,
 Словно дятлы – топоры.
 В лица – щепок смех веселый,
 Тропки, словно из коры.
 Начинай с себя – не поздно,
 А потом других учи.
 На земле посёлок Звёздный
 Не на звёздах рос, учти.
 Не раскачивались сонно
 От зари и до зари.
 С неба падали лишь сосны,
 Оставался след золы.
 И ручные были лоси,
 И доверчива тайга.
 Вдоль широких светлых просек –
 Солнце, словно на рогах...
 В кружках чай дымился крепкий,
 Но сухарь был суховат...
 Набекрень береты, кепки
 И по локоть – рукава.
 Сосны тёплые, как весны,
 Ветра маршевый мотив...
 А в тайге – посёлок Звёздный,
 Как в депо – локомотив...

26.07.1975 г.

Октябрь мой

Октябрь мой, ты – старый
 большевик,
 Мечта твоя веками созревала.
 Твой самый мирный в мире
 броневик
 На площади Финляндского вокзала.
 Октябрь мой, я чувствую твой шаг,
 В петлице вижу красную гвоздику.
 Душа твоя – рабочая душа,
 В ней века ритм рождается великий.
 Октябрь мой, ряды твои крепки,
 Несёшь знамёна алые, как зори,
 И заревом бунтующей «Авроры»
 Озарены твои большевики.

07.11.1975

Зимние мотивы

Над лесами, лесами, лесами
 Белый ветер и белый снег.
 Ах, зима, подари мне сани,
 Белоснежный любимой смех.

На дорогах твоих исконных
 Всех полозьев чисты следы.
 И сугробов белые кони
 От мороза совсем седы.

Над лесами, лесами, лесами
 Незапятанный белый свет.
 Почему мы белеем сами?
 Дай мне белый, зима, ответ.

Дай мне белую песню вьюги,
 Чтобы белые снились сны,
 Чтоб верны мы были друг другу
 До светлейших лучей весны.

01.01.1976

Солдаты Октября

Я вижу вас, солдаты Октября.
 Как землю вы свою жалели!
 Недаром пахнут пашнями шинели,
 В степях светло рождается заря.
 А в горизонт уходит борозда
 Тугая, словно самый спелый колос.
 А значит и страда нагрянет скоро
 И позовёт к себе вас неспроста.
 Я вижу вас, солдаты Октября.
 Легли дороги пулемётной лентой,
 И было в сорок первом жарким
 лето,
 И вместе с вами встали сыновья.
 Я вижу вас, солдаты Октября.
 Не счесть имён бессмертных
 и фамилий.
 Декретом Ленинским о мире
 Свою судьбу вы начали не зря.

21.02.1976

Светлый день

В полях гривастый ветер
Чуть-чутьочку продрог.
А день на редкость светел,
Шагает вдоль дорог.

Моторов слышен рокот –
Машины на полях,
И рукава по локоть –
Коль позвала земля.

Усталый день, пропахший
Соляркой и травой,
Уткнётся где-то в пашни
Горячей головой.

24.04.1976

Подарит золотые росы

Продли, июль, последний звездолёт,
Не все ещё загаданы желанья.
И, может быть, наступит

час свиданья,

Ведь путь к тебе так труден и далёк.

Продли, июль, последний

звездопад –

Я протяну ему свои ладони,

У ног моих кончается тропа,

А дальше – молочай, чабрец

и донник.

Нет, сенокос, я знаю, не минул –

Прошла пора большого сенокоса.

И непременно золотые росы

Не раз подарит косарям июль.

26.08.1976

* * *

Опять начинается зимняя сказка –
Зима прикатила на белых салазках.
Стоит на опушке. Идёт по селу.
Снега её в руки бери и целуй.

Пусть губы пропахнут декабрьским
ветром,
Глаза пусть наполнятся искренним
светом.

Пусть лес отзовется мне звоном
хрустальным,
На чистых тропинках отдаст свои
тайны.

Быть может, укажут берёза
с рябиной

Дорогу к любимой.

А может, подскажет дорогу сама

Из сказки пришедшая в край

мой зима.

18.12.1976

* * *

Хочу рассказать, как твердеет бетон,
Как чёрствая гибнет душа.

Хочу рассказать...

И дополнить притом,

Что море – воды лишь ушат.

Что в жизни моей не случилось

беды,

Чтоб стоила горькой слезы,

Что годы порой оставляют следы

Поглубже, чем след от фрезы...

Любимая, верь, что не сломит меня

Ни ложь и ни чёрная смерть,

Что сердце моё из ветров и огня –

Другого вовек не иметь...

* * *

Кусты жасмина и сирени.

Веранда. Дикий виноград.

И две таинственные тени

Вдоль сохранившихся оград.

В каком году, в каком столетье

Я слышал шёпот их святой?

Всё тот же сумрак ночи летней,

Ограды блеск в глазах седой.

Всё тот же свет струится лунный,
Всё те же древние слова...
Вновь кто-то царственный и юный
Мою любовь расцеловал...

* * *

Декабрь молодец –
Хозяйничает чинно.
И солнца леденец
Припрятал под овчиной.
Едва глаза протёр,
А как волшебник зрячий,
И прорубь, как костёр,
Он сделает горячей.
Пройдёт за косогор,
Окинет поле оком,
Вернётся свеж и горд,
Как от жены далёкой.
Запутает следы,
Чтоб не найти по звёздам.
Поднимут мягкий дым
Домов гудящих ноздри.
Согреется в пути,
Уснув в душистом сене.
И унесёт в груди
Мороз – своё спасенье.

* * *

Молчаливы леса до озноба,
До щемящего крика души...
Вот и замерли мы на мгновение оба
У тревожной последней межи.
Кто пройдёт ту черту роковую,
Кто нарушит священный запрет?
Там, наверно, уже не ревнуют,
И потеряв в прошедшее след.
Миг, как вечность, томительно
длится,
Но всё ближе решающий шаг.
Как светлы, как чисты наши лица,
И как трудно, как тяжело дышать.
Наших снов, наших слов вся основа –
Лишь предлог, чтобы нам
не тужить...

Молчаливы снега до озноба,
До щемящего крика души.

* * *

Вон облака – в дозоре витязи...
Следы полынного огня.
Я захочу – и мы увидимся
В закате прожитого дня.
Обидны мне слова последние,
Но я обиды не таю,
Свои ветра и ливни летние
Тебе на память отдаю.
Когда-нибудь и мы состаримся,
Но ты об этом не жалея.
Я захочу – и мы останемся
Лучами солнца на заре...

* * *

Хотелось взять и умереть
Иль хуже – заново родиться...
А нужно было лишь смелей
Взять и навек с тобой проститься.
Но не хватало даже сил,
Чтоб задымилась сигарета:
То дождь осенний моросил,
То слишком знойным было лето.
Затем хрустальные леса
Заворожили до забвенья...
Я умирал и воскресал
Перед тобой в одно мгновенье.

* * *

Неужели цветы отцветут
И тропа затеряется в поле?
Неужели забуду я вскоре
Полевую твою красоту?
Неужели закружат снега,
Заметая следы, словно тайны?
Неужели я голос твой дальний
Буду снова искать наугад?
Неужели пройдут холода
И не будет сердцам испытаний?
Неужели мгновенья свиданий
Станут встречей с тобой навсегда?

Завода и служащих...
«Центролит», ты, как зодчий,
Всего тебе лучшего.
Замминистра поздравил –
Директор даст премию...
Ты трудом себя славил,
Завод, а не в прениях...
Остальное докажешь,
Живёшь не в провинции...
По медали б на каждого
Золотого плавильщика.

25.10.1977

***

Нет, я, признаться, не особый –
Другим поболее дано...
Хочу узнать, на что способен,
И этим мучаюсь давно.
Вот ошибусь порой нелепо
И, если сам устрою суд
Себе, то значит, верно, крепок,
Таких в беде друзья спасут.
Спасут. И будет всё нормально.
И лишь обидно станет мне,
Что сам себе я всыпал мало.
Ведь мог бы всыпать и вдвойне.

***

Был шар земной почти в масштабе
глобуса.
Мороз был, снег и ветер
будь здоров.

Лишь на Каширу не было автобуса.
Запаздывал... А впрочем, все старо...
Не знать мне больше чётких
расписаний,
На остановках не стоят теперь...
Но соглашусь, как прежде, и на сани,
Вот только бы не опоздать к тебе.

31.01.1978

***

– Где живёшь ты, скажи?
– В Кашире.
– А точнее?
– Возле Оки.
– Где взяла ты глаза такие?
– А ты взглядом меня окинь...
– Ты красивая, слышишь?
– Очень...
Но об этом я знаю сама.
Жди. Вернусь к тебе после осени.
– Как зовут-то, ответь?
– Зима...

25.02.1978

***

Пойми меня: бывает в жизни час,
Когда опять зовёт тебя дорога.
И, оценив прошедший путь
свой строго,
Берёшь с собой лишь маленькую
часть...
И вновь тогда огромен белый свет,
Для грусти не находится причины.
И там, в пути, рождаются мужчины,
Которые за всё несут ответ.

III. «Пора отречения от сладких грёз и суеты...»

---

* * *

Ухожу от тебя,
Как уходят в открытое море.
Память вновь теребя,
Совість, знаю, ошибки отмолит.

Ухожу от тебя,
Как уходит дорога в безлюдные
степи.
Может, в этих степях
Разорву недоверия цепи...

Ухожу от тебя,
Как уходят закаты, сгорая.
Все обиды терпя,
Доберусь до проклятого рая.

Ухожу от тебя,
Как уходит в безмолвие лето.
Было много тепла,
Но душа до сих пор не согрета.

Половицы скрипят,
Шелестит по обочинам гравий...
Ухожу от тебя,
Укажи мне мой путь самый главный.

* * *

Умирает женщина от любви,
Умирает медленно, мучительно...
«Милый мой, осмелся и сруби,
Ведь не все в лесу деревья считаны...

Дай мне силы, чтоб покончить вмиг
С этим счастьем необъятным,
как сокровище...

Я покину и тебя, и этот мир,
И тогда ты от меня уже
не скроешься...

Буду приходить к тебе во снах,
Буду над тобой звездой полярною,
Буду пред тобой, как тайный знак,
До последнего дыхания понятная...

Нет, не надо рая, дай мне ад
За свои и за твои грехи отвечу.
Жизнь твоя – ненайденный
мой клад,
Я к нему – дорога буду вечная...».

Умирает женщина от любви,
Нет уже надежды на спасение...
Станет меньше звёзд голубых,
А потом исчезнут и последние.

Я люблю, Подмосковье, тебя

Я люблю, Подмосковье, тебя
С соловьиной раскатистой трелью,
С тёплой пашней в прозрачном
апреле,
С ясным взглядом в конце октября,

С чистым снегом, прильнувшим
к щеке,
С первым хрустом незлого мороза,
С белым следом моих полозьев,
С самой щедрой звездой вдалеке,

С бесконечной, как жизнь,
бороздой,
С луговыми тропинками летом,
С доброй песней, восходом запетой,
С той неброской твоей красотой,

С юным блеском в глазах у ребят,
С синим ветром, пропахшим
хлебом,
С голубым и высоким небом,
Я люблю, Подмосковье, тебя!

* * *

Когда сверх нормы я загружен
Делами праведного дня,
Знать, жизни я такой и нужен,
Не обойтись ей без меня.

Когда она даёт уроки,
Когда вручает мне права,
Я обязательно по локти
Засучиваю рукава.

Но не для праздности, потехи
И не для красного словца
Мои рабочие доспехи
С плеча рабочего отца.

* * *

Пора приходит отреченья
От сладких грёз и суеты,
И наступает курс леченья,
Хотя ничем не болен ты.

Но время – самый добрый лекарь,
Найдёт изъян в твоей душе,
Не скажет вслух, что ты – калека,
Что ты – почти мертвец уже.

Безмолвно выпишет рецепты
На самый страшный в мире яд,
Такой же терпкий, словно степи,
Где табуны ветров царят.

И умертвишь ты всё былое,
Отравы той не расплескав,
Потом глаза твои закроет
Устало памяти рука.

* * *

В Москве, на станции Товарной,
Воспоминаний взявши груз,
Я о любви писал коварной,
Махорки впитывая грусть.

Мои друзья ещё не спали,
Но было тихо, как в гробу.
Ломались спички, словно шпалы,
Чтоб высветить мою судьбу.

Писал стихи не на бумаге
И даже без карандаша,
Как на любом архипелаге,
Где очищается душа.

«Что может быть любви
коварней?» –

Себя я спрашивал всерьёз.
Как молотом по наковальне,
Бил по мозгам моим вопрос.

Бил хладнокровно! Бил с оттяжкой!
Бил то ликуя, то скорбя,
А я сидел весь нараспашку
И подставлял ему себя.

* * *

Даже если в жизни всё prospлю,
Этим сам себя не удивлю.

Помню о тебе

Теперь, когда уже всё в прошлом,
Когда исчезла боль в душе,
Я помню о тебе хорошее,
Плохое умерло уже.

А ты забыла всё, наверно...
Ну что ж, бывает иногда:
Одним любовь лишь на мгновенье,
Другим – на долгие года...

Нет, я с тобой тогда не спорил
И не доказывал, что прав.
Я уходил надолго в поле
И набирал целебных трав.

Нет, я с тобой тогда не спорил...
Зачем? Пусть будешь ты права...
Я съел давно с тобой пуд соли,
А остальное – трын-трава...

* * *

Люди, как мне жалко вас,
Вечно вы в каком-то жутком страхе,
Словно снятся вам немые плахи,
Палачей кровавые рубахи,
Слёзы из своих уж мёртвых глаз.

Может быть, не в руку эти сны,
Может, вы ни в чём не виноваты,
Может, в этом нет ни капли яда,
Может, вовсе и не надо ада,
Может, вы прекрасны и честны.

Не волнуйтесь, я ведь не пророк,
Я мальчишка, озорник, задира,
Суета мне надоела мира,
Вдребезги моя разбилась лира.
Но прошёл немало я дорог.

И везде, где находил ночлег,
Где давали кров, огонь и пищу,
Хоть один, но спал усталый нищий,
Сонного обкрадывали тыщи,
Потому как был он весь ничей.

Разодрав рубище на куски,
Вы делили, алчные, добычу,
Только шеи вздрагивали бычьи,
Элегантно, чопорно, привычно,
И клыки сверкали, и виски.

Люди, люди, вам мне не помочь
Избежать ошибок и пороков,
Не нужны вам ясные пророки,
Нищего запомните уроки:
Поспешите друг от друга прочь...

* * *

Прошла моя задорная беспечность,
Исчезла озорная суета.
Но в памяти останется навечно
Прошедших дней святая красота.

Блаженны, кто познал её капризы,
Её безумство, делавшее мир,
Кто был хоть раз её любовью

признан

И навсегда отвергнут в тот же миг.

Мысли вслух

Чудеса творятся, да и только!
Сколько я ни рвал порочный круг,
Разорвать не мог –
Сработан тонко,
Тонко так,
Что режет даже слух.
Ну, а как же выбраться из власти
Этого злосчастного кольца,
Если не найдётся в мире мастер
Развязать два связанных конца?
Чудеса творятся, да и только!
Сколько я ни рвал порочный круг,
Разорвать не мог...
А вот иголкой
Уколол, и он распался вдруг.

* * *

Чтоб не зависеть от судьбы,
Чтоб пренебречь самим собой,
Каким же надо в жизни быть,
Какой вести неравный бой?
Что смерть?

На то он –
Человек.
Кому ещё взбрѣдет на ум:
«Одной не избежать вовек,
И не бывать
Вовеки
Двум».

* * *

Пересчитываю я годы,
Пересматриваю дела.
Не рассчитываю на льготы:
Жизнь как сажа была бела.

Перещупываю суставы,
Лоб почёсываю – силѣн!
Способ правды добиться старый
И приемлем для всех времѣн.

Пересчитываю я годы,
Не спеша подвожу итог.
Сколько было дано на отдых?
Сколько было – на тяжкий вздох...

* * *

Дождь пройдёт.
Пусть не сейчас, так вскоре.
Убежит ручьями в водоѣм.
Ну, а нам увидеть надо море,
Только море,
Только нам вдвоѣм.
Это не прогулка будет, слышишь?
Путь наш – предначертанный
судьбой,
Небо – это часть разбитой крыши
С ржавой водосточною трубой.
Нас не позовѣт никто на отдых,
Не проводит взглядом в ранний час
От холодных грядок огородных
До опушки в солнечных лучах.
Дождь пройдёт.
Пусть не сейчас, так вскоре,
Мы всегда чего-то страстно ждѣм.
И, увидев каплю, ищем море
Под снегами, ветром и дождѣм.

* * *

Не толпитесь у порога,
Отведите свет очей.
«Мѣртвых душ» сжигает Гоголь?
Затушить бы половчей.
Не спасти уже, пожалуй,
То, что в сердце он хранит,
На Арбате нет пожарных? –
«Город N» дотла сгорит!
Есть вопросы стержневые,
Что всю жизнь нам говорят:
Души вечные – живые,
Души мѣртвые – горят.

* * *

Совесть ходит, ездит и летает.
И повсюду между двух огней.
И везде за нами наблюдает.
Больно ей?
А нам ещё больней.
Но даѣм протиснуться обману
В наши мысли, чайня, дела.
Лупим в грудь легко,
как по карману,
Бить-то научились, мастера.
Совесть не зависит от поклажи,
Сколько её ложью ни грузи.
Всѣ равно придѣт и правду скажет.
А подумать: кто её просил?

Партизанам отряда им. И. А. Кочубея

Всему конец в конце концов.
А как хотелось бы вернуться
И на себя же оглянуться –
Туда, в безмолвие лесов...

Всему конец в конце концов,
Но нет конца беде народной
В оседлой жизни и в походной,
Когда с войной – лицо в лицо...

А как хотелось им домой!
Но жгли свои дома и хаты.
Как свят огонь ржаной, закатный,
Как близок зов:
– Любимый мой...

* * *

Дождь идёт.
Степная даль размыта.
Тишина. Как в детстве, клонит в сон.
И уже во сне стучат копыта –
Табуны идут за горизонт.

Табуны идут, косясь, намётом,
Без дорог,
По выжженной стерне.
Табуны идут в аллюре мёртвом,
В зареве закатном,
Как в огне.

Табуны идут, не дрогнут нервы,
Стебелёк – и тот не задрожит.
Табуны идут
В том,
Сорок первом...
Табуны идут...
Идут дожди...

Сны проходят...
Что-то в них забыто,
Что-то вспоминается опять...
Табуны идут...
Стучат копыта...
Каждое –
Земли и неба пядь.

* * *

У каждого что-то неладно
Иль было,
Иль будет в душе.
Как хочется жизни парадной,
Да праздников нету уже.
Характеру, значит, угодно

Любить,
Ненавидеть,
Искать.
Отвыкну от жизни походной –
Погибну в себе,
Как в тисках.

* * *

Было всё, чего душе угодно, –
Отказался.
Ниспроверг.
Ушёл.
И сказал минорнейшим аккордом:
– Плохо мне, когда всё хорошо.

Было всё, чего душа желает, –
Отмахнулся:
– Сытость мне не впрок.
...Комната почти что нежилая,
Жёсткий взгляд упёрся в потолок.

Нет минут для праздного досуга.
И порой, себя ударив в лоб,
Я жалею, что в глазах так сухо,
Как в полях,
Что бросил хлебороб.

Да, жалею...
Только не о прошлом,
Не о том, что бросил и ушёл.
Ведь когда со всеми по-хорошему,
Первому – себе нехорошо.

* * *

В жизни всё сложнее и всё проще,
Чем обычно кажется глазам.
Но об этом расскажу попозже,
А когда – ещё не знаю сам.
...В этот час
Я вижу всё, как надо,
Вижу,
Как на самом деле есть...

* * *

Живу, как грузчик,
И не каюсь.
Тюки, мешки, и вновь узлы.
Сердитым захожу в пакгауз,
Сердитым захожу –
Не злым.
Ах, эта адская работа –
Носить в себе раздумий груз!
Глаза в слезах,
Но не от пота –
Не всё наматывай на ус...
Ах, эта адская работа –
На самом деле – просто рай,
Когда идёшь, не зная брода,
Шагнул и видишь:
Через край.
Ах, эта адская работа!
И в самом деле –
Суший ад...
Но смотришь:
Мысль твоя свободна,
И ты, такой земной,
Крылат.

* * *

Имеют и сердца изъяны,
Но это всё-таки сердца.
Давай расстанемся друзьями
Под свист чумазого скворца,
Под этот ветер на берёзе,
Под этот свет, что так высок.
Давай расстанемся серьёзно,
Чтоб только встретились мы в срок.
Давай расстанемся друзьями
До той черты,
До той межи,
Где меж землёй и небесами,
Как будто это между нами,
Осталась только наша жизнь.

Расцелуемся?

Расцелуемся? Грех невелик!
Дальше будет всё так, как в легенде.
Ну, а если Адам – мой двойник
И живёт на моём континенте?..
О, любовь!
Возрождение душ,
И слияние чувств воедино,
И такая нелепая чушь,
Если верности нет лебединой.

А. Евдокимовой

Нет, не думай, не думай,
что вспомнил,
Вспомнил то, что осталось в груди...
Просто полдень во мне,
Белый полдень
Говорит: от себя уходи.
Уходи, как и все остальные,
Как другие на этой земле.
Будут петь тебе рельсы стальные,
Будет радость дарить тебе хлеб.
Я и сам собирался когда-то
Урожай с огорода извлечь,
Но терялась в безмолвии хата
И в сарае не слышалась речь.
Косари в спелых поймах не пели,
Петухи не кричали зарю,
Закрома и амбары пустели,
Гаснул молний над полем салют...
Вот тогда потянулся я к букве,
К слогу, слову и речи родной,
И, как зёрна, летящие в бункер,
Заструилась строка за строкой.

* * *

Вроде бы друг другу не мешаем,
Но взгляни внимательней вокруг:
Люди уезжают, уезжают,
А другие приезжают вдруг.

– Благодарю, – скажу, – Жар-птица,
Но я и сам проснуться б мог.
Не думай, нынче не до смеха,
Я раздвоился, я распят...
Сам от себя всю жизнь, как эхо,
И вот теперь, как видишь, вспать...
И вот теперь одна морока:
Мне б на мирском пути успеть
Вернуться хоть чуть-чуть до срока,
Вернуться к самому себе.
И там, где рельсы слились в строчку,
Где пеньё раннее скворцов,
На всём былом поставить точку,
Как ставят все в конце концов.

* * *

Верю ветрам и деревьям,
Верю просёлку в грозу.
Только в безмолвном доверии
Жизни открылась мне суть.
Пусть позавидуют люди
Ливням, траве луговой,
Это безмолвье не будет
Сразу чертой роковой.
Верю метели морозной,
Листьям, летящим, как рой,
Верю во всё, что серьёзно
Так беспокоит порой.
Не потому ли с годами
Ближе, роднее, больней
Голос становится дальний
Сжатых не мною полей.

* * *

Не одолеть правобережья –
Высокий берег и крутой...
Я притаился на черешне,
Ей Богу, рот ещё пустой.
Серпом внизу лежит плотина,
К своей шамайке льнёт рыбец.
Сетей исчезла паутина,
Ну, слава Богу! Наконец!

И там, где красный клюв заката
Клюёт булыжника зерно,
Ещё хранит казачья хата
Сухой степной полдненный зной.
В её тени дела спокойны,
И в детстве видел я не раз:
Стоят рассёдланные кони
И не спускают с ведёр глаз...
Всё так же... Так же, как и прежде,
С овсом к ним тянется рука...
Безбрежье – да! Правобережье...
Не одолеть, не взять пока.

* * *

Лежу в саду с закрытыми глазами –
Увиденное раньше познаю.
Казённые кирпичные казармы,
И на плацу бойцы под марш поют.
В обветренные всматриваюсь лица,
Найдя в заборе узенькую щель,
Назавтра марш и песня повторится,
Но что у них сегодня на душе?
Война прошла. Окопы стали мельче.
И глубже память тех, кто на плацу.
Как я хочу, чтоб был я здесь
замечен,
Чтоб показали издали отцу.
Боюсь, чтоб он меня не перепутал
С другими, что глядят через забор,
Боюсь, что вдруг приедет
на попутной,
А утром в часть.
И вновь в смертельный бой...

* * *

И завтра будет день, и завтра будет
пища,
И всяких разных дел невпроворот.
И солнце деревень начистит
голенища
Просёлку, что замрёт
не у моих ворот.

Я встану на заре, умоюсь у колодца,
Затем глотну воды студёной
из ведра,
Вновь прокричит петух,
который так дерётся,
Что не уронит честь хозяйского
двора.

Таких, как он, – люблю! Горластых
и настырных,
Красивый красный клюв и шпоры –
будь здоров!

Такой зерно найдёт там, где растёт
пустырник,
Но сроду не возьмёт из-под чужих
столов.

Он будет допоздна сердит
и озабочен,
Как полагается всесильному царю,
И только на шесте, проснувшись
среди ночи,
Он вспомнит, что ему дано трубить
зарю.

Наступит новый день,
к столу поспеет пища,
И будет дел земных опять
невпроворот...

Но только на чужих забытых
пепелищах
Такой петух вовек не заорёт.

***

Сдаваться? Нет! Ещё ты жив,
бродяга,
Не вся ещё исхожена земля.
И не змея за пазухой – бумага,
На ней стихи, что путь к тебе сулят.

Сдаваться? Нет! Тоска отточит
жало
И приготовит смертоносный яд,
И я ещё хлебну его, пожалуй.
Но как целебен для меня твой
взгляд...

***

Я думал: легко и просто...
Уеду, забуду. Конец.
Стою. Впереди – перекрёсток –
Проверка на верность сердец.
Стою. Впереди только бездна,
И пропасть – шагни – позади...
Мужская знакомая песня,
Избитый, банальный мотив.

***

Ничто не волнует, как прежде:
Ни скорость, ни время, ни вес,
Ни то, что просторы безбрежной,
Ни то, что свирепствует стресс.
Ничто не волнует, как раньше,
И всё же... И всё же порой
Ищу в ученическом ранце
В засохших чернилах перо.
Ничто не волнует, как прежде,
Где память не знала утрат...
И всё же ищу всё прилежней
Стихов моих первых тетрадь.

***

Трагедия? Ну что ж, взгрустнём
немного.
Комедия? Улыбка не в упрёк.
Да, наших чувств извилиста дорога,
Но я свою прямой, как жизнь,
сберёг.

Вот потому и говорю сегодня,
Когда утихли встречные ветра:
Моей души не тронуты угодя,
Сгоравшие не раз в пути дотла.
Вот потому и в самый знойный
полдень

Был щедр мой хлеб, гостеприимен
кров,
И рядом, если кто-то помнит,
Надежда, вера были и любовь...

* * *

Не ради шуток и не ради смеха
И не друзьям заносчивым в укор,
Весь мир прошёл, Вселенную
объехал,
Чтоб завершить о смысле жизни
спор.
Но смысла нет и никогда не будет,
Пока под этим небом голубым
Всерьёз друг друга не полюбят люди
И я тобой не буду век любим.

* * *

Лишь вздохну: пропади
всё пропадом,
Из такого не выйдешь огня!
Только Родина, Родина, Родина
Не похвалит за это меня...
...Просижу до утра у парома,
Где с зарёю заплещет волна.
– Вижу, парень, ты в жизни
не промах,
Нет, не промах... – прошепчет Она. –
Да, бывают большие утраты,
От которых годами знобит,
Но беда поднимает крылатых,
Как огонь поднимает снопы.
Поднимись над оплаканным горем,
Собери свою волю в кулак,
Докажи, что не даром ты вскормлен
И воспитан в степи, словно злак.
Отгрустишь хоть в Загорске,
хоть в Болдино,
Грусть поможет осилить беду,
Я – твоя ясноокая Родина,
За тобой на край света пойду.

* * *

Наши чувства не станут беднее
От больших философских трясин.
Горсть земли всё роднее, роднее,
И дороже небесная синь.
Не поэтому ль чаще и чаще,
Открывая всё то, что в канве,

К нам спешит долгожданное
счастье –
Полежать на песке, на траве,
Прикоснуться щекой или взглядом
К белобрысой коре, роднику...
Нас те вещи, которые рядом,
Не всегда и не часто влекут...
Посидим на тугом корневище,
Где снуют целый день муравьи...
Зря с природой мы связь где-то
ищем,
Эта связь только в нашей крови.
Эта связь глубока и безбрежна,
И, когда вдруг исчезнет она,
На простых, на святых и на грешных
Ляжет смертная кара сполна.

* * *

Всё, что можно разбить, – разбили.
Всё, что может гореть, – сожгли...
Так беспечно вразнос любили,
Что, наверно, с ума сошли.
Сумасшедшие! Как же дальше?
Помириться уже нельзя,
И пусты свои патронташи,
И стволы ничьи не грозят.
Значит, больше не будет цели?
Значит, будет только мишень?
Небосвод не заменит целый
Дым и копоть в моей душе...

* * *

Полвека много или мало?
Судить не мне, в конце концов.
Я называю маму – мамой,
А папу, как всегда, отцом.
Спасибо, память, за поруку,
За всё, что было наяву!
О, сколько лет идём друг к другу,
И будет так, пока живу.
Пока зовусь я вашим сыном
И неподкупен край степной.
И полночь лампы керосиновой
Во мне ещё, как летний зной.

Да не станет поле это клином,
Да не зарастёт пусть сорняками,
Пусть лежит всё там, как на ладони,
Всё, что было, есть, когда-то будет...
Да никто из нас вовек не тронет
То, что оставляет память людям...

* * *

О, степь! Опять себя ругая,
Завет твой помню наизусть.
Вот сделал шаг – и жизнь другая,
Иная даль, чужая грусть.
Как внешне всё однообразно,
Как всё похоже до тоски,
Не отвязаться от соблазна
Собрать все вместе колоски.
Как всё обычно, однородно...
Не в том ли вечного черта?
Как до сих пор простонародно
Стоит вдали берёз чета.
Легко взойду к ней на пригорок,
Душой, как ветром, обниму...
И снова будет взгляд мой зорек,
Свободомыслие – уму.

* * *

Пушкин у костра сидит с цыганкой,
Лермонтов загнал в горах коня,
И Есенин, буйствуя тальянкой,
Из Рязани смотрит на меня...
Ах, Россия! Рано или поздно
От обиды, пули и ножа
Солнечному дню иль ночи звёздной
Молится светло твоя душа.
Исповедью этой все мы живы,
Да не останутся сердца...
Будем же настолько справедливы,
Чтоб исполнить долг свой до конца.
Может, где-то вновь костёр пылает,
Ратный конь летит во весь опор
Да тальянка вьюге подпекает,
Празднуя, Россия, твой простор...

* * *

Как пугают пустые рамы,
Страшен дом, если нет дверей.
До сих пор слышу голос мамы:
«Убегай, мой родной, скорей...».
До сих пор во дворе облава,
Ловят немцы, смеясь, детей.
Убегаю... Бурьян... Канавы...
Голос мамы: «Скорей, скорей...».
Убегаю быстрее, чем ветер,
Ноги сами меня несут.
Может, где-то на белом свете
Люди всё же меня спасут?
Оккупация – не разлука,
Не оставшихся в ней вина.
Честно смотрим в глаза друг другу.
Я – ребёнок. И ты – война.

* * *

На опушке леса или в чаще,
Или там, на просеке сквозной,
Родина, не требовал я счастья,
Если ты была в беде со мной.
Я молчал, что кем-то был обижен
И в пути нечестно обойдён,
Главное, что я к тебе был ближе,
Чем к поленьям, что в костре, огонь.
На холмах среди равнин российских,
Средь дорог, бегущих вдоль полей,
Пусть не в святцы занесут,
а в списки
Самых справедливых бунтарей.
Бунтарей добра, работы, мысли,
Тех, кто непокорен был судьбе.
Коль не занесут, тогда причисли,
Родина, хоть как-нибудь к себе.

* * *

Усмехнутся: характер, мол, слабый.
Вслед посмотрят и бросят: «Доколе
Так страдать. Так страдать из-за бабы!
Это ж надо придумать такое?»
Оглянусь: «Из-за бабы?! Нет!
Женщины.

И не ваша об этом забота...». Вновь пройду мимо окон
завешенных,
Мимо крепкого, с лаем забора.
Мимо вросшего в землю сарая,
Мимо зарослей крепкого хрена,
Мимо детского светлого рая,
Где ромашка росла по колено...
Не судите меня только, люди,
Что всё мимо, и мимо, и мимо.
Ну, и что ж, что не любит,
не любит...
Но зато ведь любима, любима...
Значит, есть что-то в жизни иное,
От чего мы до смерти зависим.
Ни свиданий, ни встреч
и ни писем...
Почему же так сердце-то ноет?

* * *

Да здравствует детство!
Да здравствует юность!
Футбол и походы. Костры сентября.
Да здравствует самая первая
глупость –
Влюбиться тайком на уроке в тебя.
Урок географии. Реки и горы.
Пустыни. Равнины. Озёра. Моря.
Сидел я за партой всесильный
и гордый,
И думал: «Отныне ты будешь
моя...».
Урок географии... Вновь перемена.
Ты Кольке Безродному даришь
тетрадь...
Да здравствует первая в жизни
измена,
Учившая преодолению преград!
И я вспоминаю степную станицу,
Девчонку, стоящую возле плетня,
И я вспоминаю, как будто мне
снится –
Она ожидает меня...

Урок географии. Страны чужие.
Люди чужие. Чужой небосклон...
Как мы, смеясь друг над другом,
дружили,
Как до сих пор я серьёзно влюблён...

* * *

Солдат с сынишкой на руках.
Уходит на войну...
Поднял его до потолка:
– Будь вот таким, когда вернусь...
«Вернусь...» – во мне ещё грохочет...
«Вернусь...» – как рана кровоточит...
«Вернусь...» – качается чабрец.
– Вернусь...
– Вернись быстрее, папа!..
– Вернусь...
– А где он, этот... Запад?..
– Прости... На миг к земле припал...
Прости... Нигде не отступал...
Прости... Я буду вас любить...
Вернуться – значит отступить.

* * *

Когда тебе под пятьдесят
И осень меж берёз,
Чужие мысли не теснят –
Свои в себе берёшь.
Примнёшь росистую траву,
Которой много лет,
И в слове крохотном – «живу» –
Откроется секрет –
След... На краю твоей земли,
Где журавли трубят,
Где ветер влил, вонзил, вселил
Вот эту жизнь в тебя...
Когда тебе под пятьдесят
И мягче зной хвои,
Чужие мысли не грозят,
Казнят уже свои.

* * *

Не одиночества, молю, – уединения.
И лишь тогда, оставшись сам

с собой,

Я делаюсь холопом вдохновения,
Как для степи созревший зверобой.

Не одиночества, молю, – уединения.
И там, разоблачив себя в конец,
Стою. Молчу на грани откровения,
Как у дороги в сумерках чабрец.

Не одиночества, молю, – уединения.
Чтоб там, где будет ливень, слякоть,
грязь,
Я рос один, как все растут растения,
Со всем, что на земле, имея связь.

В. А. Дегтярёву

*второму человеку после И. В. Сталина,
удостоенному звания Героя
Социалистического Труда в 1940 г.,
конструктору-оружейнику*

Ещё он ходит без погон,
И жизнь, и смерть равны местами.
Ещё секретный полигон
Усыпан мирными цветами.

Ещё стоит у верстака,
Осознавая роль калибра...
Уже нельзя ему как-либо,
Уже пора – наверняка.

Ещё мишени все целы,
И воздух пахнет майским мёдом,
Жужжанье слышится пчелы
Над несерийным пулемётом.

Ещё живы его друзья,
Ещё теплы подруг ладони,
У броневой ружья
Ещё нет пули броневой.

Ещё не вздрогнул автомат,
Ещё солдат спокойны лица,
Но как тревожна вся граница,
От Балтики и до Карпат!

Ещё он ходит без погон,
И жизнь, и смерть равны местами,
Но справедливости огонь
Огнём отмщенья скоро станет.

* * *

Я замечаю в жизни часто
И сам не знаю почему:
Слеза любви к всему причастна
И не причастна ни к чему.
Беда ль в душе, иль в сердце счастье,
Иль вольнодумие уму –
Слеза любви к всему причастна
И не причастна ни к чему.
Она в глазах моих безбрежных
Порой щедра, порой скупа,
И вкус её, святой и грешный,
Я ощущаю на губах.
Спугнёт её безмолвьем бездна,
Согреет песней высота?
Она придёт и скажет честно:
– Я умираю просто так.
Я замечаю в жизни часто
И сам не знаю почему:
Слеза любви к всему причастна,
И не причастна ни к чему.

* * *

Речка. Дубрава. Поле.
Голос мой на затоне.
Всё, что случится после,
Будет, как на ладони.
Раки перезимуют,
Птицы перегнездятся,
Люди переревнут –
Многому удивятся.
Ферма. Скирда. Просёлок.
Белый зной на баштане.
Двадцать... Тридцать... Сорок...

* * *

Когда хандра и сердце стынет,
Когда в душе полдневный зной,
Не до Московских поликлиник,
В Мещере б побывать лесной.
Когда от радио и теле-
Программ не мысли, а молва,
Сосредоточиться б на деле,
Да на таком, чтоб жизнь мала...
Чтоб ни надежды, ни просвета...
И не туда тебя влечёт,
Где, от дождя или от ветра
Замёрзнув, скажешь: «Дёрнул чёрт!»
Когда тоска и сердце ноет
И хлад рассудок твой сковал,
В провинциальное, степное,
Туда б, на ночь, на сеновал.
От процедур и от лекарства
И от морщин, что на лице,
Души наивное лукавство –
Как самому себе рецепт.

* * *

*Своя избушка, свой простор.
А. Кольцов. «Пословицы»*

Ужель и впрямь, нет худа без добра?
О, сколько лет я этим озадачен.
Далёкие степные хутора,
В делах любых желаю вам удачи.
Один из вас меня в войну ласкал,
Кормил, чем мог, знать, в жизни
был не промах.
Он и теперь отдаст до колоска
Весь урожай в амбары Агропрома.
В глубинке ли, в затерянной глуши
Иль там, где в небо убегают пашни,
В колёса ваши верю и гужи,
Всё остальное вдоль дороги – басни.
Любовь к земле и есть для вас
земля,
Она хранит от зла, кощунства, худа...
Недаром так крестьянская семья
Напоминает мне укладом хутор.
И, кажется, пора уже, пора

Не только стебель видеть,
но и корень
И всё делить по чести – пополам,
Коль счастье – счастье,
а коль горе – горе...
Ужель и впрямь нет худа без добра?
Расхлябанность считается за удаль?
И если исчезают хутора,
То значит, нет добра без худа.

* * *

Какая здесь, в деревне, грусть,
Какая может быть здесь скука?
Траву пощипывает гусь,
Щенков облизывает сука.
Топор взлетает, как петух,
Бревну не хочется колотиться...
И аж захватывает дух,
Узнав себя на дне колодца...
Какая здесь, в деревне, грусть,
Какая может быть здесь скука?
От яблок, вишен и от груш,
Деревьев и кустов наука.
Какая здесь, в деревне, грусть,
Какая может быть здесь скука?
Сверхдобродетельная глушь,
Ты верная моя подруга...

* * *

Посмотрю на ветлу. И на лодку
в затоне.
Брошу взгляд на мелькнувший
сквозь ливень экспресс.
Словно мир на моей уместился
ладони,
Уместился – и всё, без волшебных
чудес.
Разве может быть здесь,
на земле этой, чудо,
Всё реально, и просто, и прочно ещё,
Только лес почему-то пронзительно
чуток,
Словно веткой хлестнул
по невинности щёк.

Высоцкого иль Визбора –
Не выманишь с экрана...
И вновь мы с телевизором,
Как будто два барана.
Судьба моя пронизана,
Ну, словно телебашней,
Перечить телевизору –
Нет ничего опасней.
Всё в мире приблизительно,
И нечего трепаться,
Так стал я телезрителем,
Похожим на скитальца...

* * *

Безмолвье изб и тишина подворья –
Единство содержания и форм.
О, как сильны и вера здесь, и воля,
О, как высок степной чуть видный
холм!
Я не уйду из этих мест подальше,
Чтоб вникнуть в суть земного
бытия,
Пусть жизнь моя везде одна и та же,
Но не везде один и тот же я.
Ещё вчера меня терзала ревность,
Ужель забыла родина совсем?
Прости... Прости в последний раз,
деревня,
За первый мой неопытный посев.
Безмолвье нив и тишина просёлка –
Хоть вздрогнуло бы что-нибудь
чуть-чуть.
И кто-то смотрит на меня так зорко,
Что передать уже не хватит чувств.

* * *

И когда до могилы останется шаг,
Приготовят верёвки и гвозди,
Встрепенётся моя озорная душа:
– Я приду ещё, люди, к вам в гости...

Застучат молотки, кто-то скажет:
«Прощай!» –
Только я ничего не услышу,
Лишь покажется мне, словно капли
дождя
Вдруг ударили дома по крыше.
Вот и вся канитель: гроб опустят
легко.
Ни боязни, ни страха, ни риска.
Как я буду, о, люди, от вас далеко,
Буду так далеко, что покажется –
близко.

* * *

Сорок лет истязает рана
Капитана первого ранга.
Истязает и днём, и ночью,
Проверяя его на прочность.
Истязает ночью и днём,
Сорок лет под прямым огнём...
Как стремительно и внезапно,
Без единого с борта залпа,
Словно в горло врагу тесак,
В море к берегу шёл десант.
За спиной, как бессмертье, море...
Остальное волной всё смоем.
Ну, а если и впрямь беда?
Отомсти за нас, капитан!
Может, легче б далась победа,
Были ведь на борту торпеды...
Может, можно было хоть раз...
Может, нужен тогда был приказ...
...Расстелись, самобранка-скатерть,
Вспомни тех, кто покинул катер.
Море Чёрное, как слеза,
Сорок лет не вернуть назад.
Сорок лет истязает рана
Капитана первого ранга.
Коль морская душа болит,
Это хуже, чем инвалид.

* * *

Пока сильны мы и свободны
И супротив идём судьбы,
Все чувства наши благородны –
Иначе и не может быть.
Пока мы требуем от жизни
И глубины, и высоты,
Хранит нас дух святой Отчизны,
Он даст подняться и... сойти.

* * *

Когда погас последний луч заката –
Как будто сердце оборвалось вдруг...
Вот так в любом из нас когда-то
Сомкнётся жизни неизменный круг.
И мрак в глазах окутает курганы,
Просёлок и безбрежное жнивье,
Но будем жить, чтоб рубцевались
раны,
Не заживут – и с болью проживём.

* * *

В сорок седьмом, послевоенном,
В голодном, нищенском году
Бродил я вместе с Марком Твенном
И верил: с ним не пропаду.
И не пропал, степей повстанец,
Попал в Измайловский детдом.
Благодарю, американец,
И низко кланяюсь на том.
Как всё меняется мгновенно,
Когда всё в жизни хорошо!
И я в детдомовской таверне
Себе ровесника нашёл.
Там в мисках был кисель
фруктовый –
Мечта великая бродяг.
И я сидел в рубашке новой
У Тома Сойера в гостях.

* * *

И мне пришлось стоять над бездной,
Но я оставил этот пост
Тогда (от мысли неизбежной,
Что окажусь во тьме кромешной),
Чтоб строить через пропасть мост.

* * *

Азартная штука – земная работа!
Ей не было, нет и не будет конца.
Вникаешь в неё до последнего пота
От первого, с запахом леса, венца.
От пашни зернистой, просёлка
вдоль поля,
От взмаха косы и удара весла,
От тихих молитв, чтоб сегодня
и после
Не сделать и в помыслах капельки
зла.
И если закончено доброе дело,
Приблизился к замыслу даже на шаг,
Каким всемогущим становится тело,
Каким вдохновеньем трепещет душа!

* * *

Плачь, пацан, пусть будет сердце
чище.
Тяжело бывать у зла в плену.
В детстве я немало знал мальчишек,
Искупивших вовремя вину.
Ты их встретишь на дорогах жизни,
На страницах самых лучших книг.
Кем они остались для Отчизны?
Расспроси об этом сам у них.
И когда Москва слезам не верит –
Ярость мне сжимает кулаки.
Всё равно она откроет двери,
Потому что сам я из таких.
Плачь, пацан, мужчины слёз
не прячут
И не вытирают их платком.
Плачь, пацан, за первую удачу,
Что тебе ещё, как в горле ком.

* * *

От асфальта, бетона, железа,
От безликого в полночь огня
Спрячусь завтра под пологом леса –
Не отыщите больше меня.
Может, будет в лесу мне не хуже
До конца моих считанных дней,
Но зачем и кому буду нужен,
Кроме где-то живущих людей?

* * *

Мы не расстанемся с кувалдой,
И будет нужен вечно лом,
Так режет слух простая правда,
Когда не режет, значит, врём.
Вязали веники, и вяжем,
И будем впредь ещё вязать,
Нам трудовой процесс не страшен,
Не отказали б тормоза.
Порой дела белее сажки,
Полны мечтами закрома,
О, Русь, в плечах косая сажень,
Ещё бы чуточку ума.

Ах, какие кони – загляденье

Ах, какие кони – загляденье!
Эти унесут за облака.
А купить таких не хватит денег,
А укрась – не та уже рука.
Ах, какие кони – нет им равных!
Семена копыт видны в степи.
На таких идут на самый крайний
Риск – и супротив своей судьбы.
Я скажу от всей души:
Поверьте,
Мог бы заарканить весь табун.
Вот таких коней рисует ветер,
Перевоплотившийся в тайфун.
И, когда они достигнут цели,
Опустив и гривы, и хвосты,
Кто их по достоинству оценит
Вдоль степной задумчивой версты?

* * *

Пролетит ли подбитая птица,
Зашуршит боязливо зверёк,
Слуху не за что зацепиться,
Слово в горле – и то поперёк.
Полыхнёт на закате зарница,
Тронет ветер над речкой лозу.
Взгляду не за что зацепиться.
Разве что за соринку в глазу?
Вот такие безлюдные степи
Разве станут опорой внутри?
Даже если душа перетерпит –
Память муку мгновенно продлит.

* * *

На берегу родной Кубани,
Там, где входил я в мир большой,
Кривил, быть может, я губами,
А вот чтоб сердцем, чтоб душой!
Привычка эта, иль от роду,
Иль что-то духом превозмог?
Шёл по прямой в огонь и в воду,
Но возвращался, где как мог.
О, как извилисты дороги!
Но если будет путь домой,
Скажу с мольбою:
– Дай Бог ноги...
И дальше – только по прямой.
Через колдобины и ямы
И всю былую канитель,
Быстрее срочной телеграммы,
Той, что срывает дверь с петель.

* * *

Нитрокраска пахнет спелой дыней,
А пластмасса – вызревшим арбузом.
Если это так, то я отныне
С физикой и химией в союзе.
Только пусть не чувствуют обиды
В Дедовске задумчивые ели,
Птицы пусть выходят на орбиты,
Им маршруты тоже надоели.
Коль реактор жизни не остынет –
Изотоп не станет мне обузой.

Заявляю всем, что я отныне
С химией и физикой в союзе.
И не против сложных тех явлений,
Так легко чарующих науку.
Отыскать бы формулу от лени,
Мне бы пригодилось... Сыну...
Внуку...

Сыну Владимиру

Всё правильно, сын мой! Всё верно!
Я должен уйти... И уйду...
Дорогою обыкновенной
Под дятла задумчивый стук...

Под свист поднебесной турбины,
Под песню, томившую грудь,
Под стылое пламя рябины...
А ты на земле этой будь!

Не надо печальных раздумий –
Тоска не поднимет на бой!..
Да будет летящим наш турман,
Да зверя хранить зверобой.

Да будет обычной дорога,
Что жизнью дана неспроста,
Да мать у родного порога
С мольбой о тебе на устах...

22.04.1983

***

Что ни сделаю, всё не в жилу.
Как-то быстро так и легко...
Краснодар поменял на Каширу
И Кубань заменил Окой.
Из Каширы попал на Вятку...
Каму... Волгу... Иртыш... И Томь...
Вроде б складывалось по порядку,
Но смотрю: результат не тот.
Не такая должна быть сумма
Мной отсчитанных там годов,
А прикинул затем без шума:
Ко всему должен быть готов.

***

Переступил черту, порог,
Не ведая, зачем.
Но если бог ты – значит, бог,
А если червь, то червь...
Витай! Лучи не ослепят.
Ползи, таков удел!..
Не обнадёживай себя,
Тем более людей...

***

Снова чувства, словно осень,
Снова я скучаю очень.
И весна ко мне вернуться не спешит.
Я любви узнаю почерк,
Напиши мне пару строчек,
Напиши мне, напиши мне, напиши.
Размечтался, словно ветер,
Ну, зачем тебя я встретил?
И зачем так перепутались пути?
Друг от друга мы уходим,
Только скажем через годы:
Не уйти нам, не уйти нам, не уйти.
Вновь глаза в глазах утонут,
Вновь обнимутся ладони
И разделят пополам свою вину.
Только я признаться должен:
Что для нас всего дороже,
Не вернуть нам. Не вернуть нам,
не вернуть...

***

Меня, как стог, разворошили, –
Ребёнка матери лишили!
Лишили ласки и тепла –
Сожгли любовь двоих дотла.
Мать увели. Ребёнка тоже.
Но кто-то должен! Должен!
Должен!
Ответить... Муж или отец?
В конце концов, всему конец...
Меня, как стог разворошили.
Ребёнка матери лишили...

Он через час уйдёт к другой,
Где станет запросто слугой
Той, где французские духи
Встречают так же и других,
Той, где серебряный хрусталь
От разных рук и губ устал.
Где говорят спокойно, тихо,
А в душах вопль ужасный, дикий...
Меня, как стог, разворошили,
И глубоко вонзили вилы.
Мать увели. Ребёнка тоже.
Но кто-то должен! Должен!

Должен!

Ответить... Муж или отец?
В конце концов, не я подлец...

* * *

Норд-ост крылат и быстр зимой.
Новороссийск. Сорок седьмой.
Мне восемь лет. Я шпингалет.
Стою. Смотрю на внешний рейд.
Там силуэты кораблей,
Там море кажется добрей.
А здесь, у взорванного пирса,
Воды не хватает, чтоб напиться.
И я иду. Ищу колонку,
Ищу, как божиу коровку.
Норд-ост крылат и быстр зимой.
Новороссийск. Сорок седьмой.
Весь город съёжился, как ДОТ.
Враг не прошёл! И не пройдёт!
Мне восемь лет. Я шпингалет.
Иду. Ищу отцовский след.
Ботинки тёткины набухли,
Я, как Гаврош Цемесской бухты.
За бухтой – малая земля,
Моя опора и семья...

* * *

Надо ж было придумать тебя!
Вот и мыкаюсь по степям.
А в степях только даль и ширь
И луны пустой монастырь.

Надо ж было придумать тебя!
...Ни просёлка и ни тропы.
Только спутники шелестят,
Словно высохшие снопы.
Надо ж было придумать тебя!
А какая ты в жизни есть?
Вот уже журавли трубят,
Вот и срок испытаний весь.
Надо ж было придумать тебя!
Снова мыкаться по степям?
А в степях только ширь и даль
И любовь собирает дань...

Раисе Фокаревой

Когда на улице пустой
Стоишь под фонарём,
Приходишь к истине простой:
«Ах, ладно, не умрём...».
Потом идёшь в кромешной тьме,
Подошвами шурша,
И фраза крутится в уме:
«Куда несёт душа?...»
Пройдёшь и вдоль, и поперёк
Безмолвие дорог
И вдруг поймёшь, что не сберёг
То, что сберечь бы мог,
Что так хранил в самом себе,
Что кем-то с толку сбит...
«Вернуться только бы успеть,
Пока она не спит.
Вернуться к свету и теплу,
К её родным глазам...».
Вернёшься... Дождик по стеклу,
Как будто плачешь сам...

28.05.1985

* * *

Как скучен культуры регламент,
Как скуп современный язык.
Свистите щедрее щеками,
Ныряйте в реке, как язи.
Алейте в степи, словно маки,
Деревьями будьте в лесу.

Снимите наряды и маски,
Раскройте прекрасного суть.
Смотрите на небо почаше,
Вникайте в судьбу борозды.
Пусть ваше огромное счастье
Окажется самым простым.
Довольствуйтесь хлебом и солью,
Ковшом родниковой воды.
Земля наделит вас любовью,
Любовь не обделит святым.

Т.

От дождей ли, от снов, от ветров,
От случайного взгляда иль слова
Вдруг становится в жизни светло –
Бытия проступает основа.
Корешок. Стебелёк. Колосок.
С нетерпением ждём урожая.
Вся Вселенная, как колесо,
И оно суть всего обнажает.
Обнажает... Но как объяснить,
Что, заведомо зная, что будет,
Люди рвут материнскую нить,
От которой зависят все люди.
Так и я оборвал свою нить,
Оборвал там, где раньше был узел...
Так хотелось свой путь изменить,
Только стал он короче и уже...

Р. М. Ф.

Мне не нужна твоя прописка,
Жилплощадь, погреб и сарай.
Я был и есть твой самый близкий,
А если нет, то покарай...
Мне не нужна твоя прописка.
Нужна была твоя любовь.
Чтоб жить без страха и без риска,
Чтоб стала ты моей судьбой.

* * *

Там, где был я рождён,
Волкодавы волкам не уступят,
Ветер прёт на рожон,
Как, отчаявшись в жизни,
преступник.

Косоглазый табун
Разнесёт на пути все преграды.
Не отыщешь тропу,
По которой уйдёшь от расплаты.
Там, где я был рождён,
Расстоянье в пути – не помеха.
Окликают ружьём,
Чтобы к другу ты в гости заехал.
Там, где я был рождён,
Ни избы вдалеке, ни палатки.
Постоишь под дождём
И поймёшь, не раскиснув:

не сладко...

Степь окинешь светло,
Чувств познав половежье.
Будет быстрым седло,
Станут туже поводиья.

27.05.1985

* * *

Кто бы толком помог
Разобраться, какой я на деле?
Самокрутки дымок
Эту участь, как с другом, разделит.
Где лежат те весы,
Чтобы взвесить все «за»
и все «против»?

Где добро совершил,
А где зло, что в душе ещё бродит?
Как бы сделать тот шаг,
Чтобы после не смог оступиться?
Из какого ковша
Вдалеке от родного напиться?
Посижу у костра,
Подсчитаю, что в жизни имелось.
Что мне будет за страх?..
Что мне будет за смелость?..

* * *

Нам не хватает мелочей –
Дела глобальные, как вера.
Ушли от солнечных лучей,
Закрылись шторами от ветра.
Нам не хватает мелочей –
Гиперболоиды, как мука.
Не забредём теперь в ручей,
В кусты не влезем переулка.
Нам не хватает мелочей –
Казнят масштабы мировые.
Не ищем преданных очей,
Что в нас поверили впервые,
Что от печали и тоски
Всю жизнь надеждой охраняют.
И так до гробовой доски,
С землёй покуда не сравниют.

* * *

Мудрец, подняв вопросом бровь,
Мне заявил довольно круто:
– Какая может быть любовь,
Когда царит кругом рассудок?
– Не спорю, – молвил я ему, –
Тогда скажи, что ищем взглядом,
Когда проходит Ева рядом,
Ужели то, что дать уму?..

* * *

Не всё выходит так, как хочешь,
И это ты имей в виду.
Валун сбиваешь вместо кочки,
Находишь рай порой в аду.
Хитросплетенье мироздания!
Узлы сомнений разрубил.
Сказал ей гордо: «До свиданья!»
Ушёл. И крепче полюбил.

* * *

Я маюсь чувственную данью,
И душу эта дань знобит.
Любовь так учит состраданью,
И состраданье так – любви.

* * *

Воркует весёлый мой турман –
Все беды ему нипочём!
Ах, турман, нам вместе б подумать,
Как жить мы сегодня начнём.
Ты видишь, как ветер лихачит,
Как солнце слепит нам глаза?
Из всех человеческих качеств
Я знаю – ни шагу назад!
Я знаю ещё и другое,
Когда предаёт тебя друг,
Тогда твоё горе – не горе...
Презренье бы высказать вслух.
Мы оба с тобой непоседы,
Мы – дети земли и небес.
Оставим же эти беседы,
Продолжим дорожную песнь.

* * *

Время нас скоро рассудит,
Время бесспорный судья.
Пусть не подумают люди,
Что не поверил им я.
Нет, доверяю, конечно,
Знаю, иначе нельзя,
Только вот в драме сердечной
Разве помогут друзья?
Разве кому-то известно,
Разве узнаешь из книг,
Кем будет дальше невеста,
Кем там же станет жених...

* * *

Высоким стилем говорить не надо.
Не те года. Не там уже зенит.
Но, как всегда, от рая и до ада
Ведёт одна-единственная нить.
Её не оборвать и не обрезать
И обойти ещё не удалось.
Она сильнее нас, прочней железа –
Бессмертная, беспомощная злость.

* * *

Прости меня, Ильинский лес,
За то, что были мы врагами.
Я отказался наотрез
Твой сон тревожить сапогами.
Я отказался от грибов,
От земляники и озона
Лишь потому, что есть любовь,
Приход её не ждёт сезона.
Там, где красавица сосна,
Где мы расстанемся, как братья,
Быть может, выбежит Она
И попадёт в мои объятия.

* * *

Человеческий разум безумен,
Словно нервами сжатый кулак,
И поэтому ненаказуем
Как зачинщик неистовых драк.
Он дерётся безжалостно, дико
И пощады не молит себе.
Так татаро-монгольское иго
Гибло в зареве скифских степей.
Обессилев, упав на колени,
Превращаясь пред истиной в тлен,
Воскресает из собственной тени,
Как из мрака ликующий день.
Не успев залечить свои раны,
Не считаясь с вселенской молвой,
Он встаёт, чтоб, как прежде,
буянить,
Чтоб опять рисковать головой.
Как судьбе, этой цели он предан,
И стоит – ни вперёд, ни назад...
Никакая вовеки победа
Рук его не сумеет связать.

* * *

Я даже тогда не заметил,
Как в бездну летел головой...
И снег был, и дождь был, и ветер,
И час был, и миг роковой

Р. М.

О, бездна, подобная аду...
Спросить не успел, почему
Ты выбрала эту расплату:
Пощёчина и... поцелуй...

* * *

Идти было некуда дальше,
И всё же пошёл он вперёд...
Был путь тот и труден, и страшен,
Но вёл в бесконечный полёт.
Прошёл, словно сбросил оковы
И ношу смертельную с плеч.
– Летай, коль мужик ты толковый, –
С земли ему слышалась речь.
– Летай над вселенскою бездной,
Пока два крыла за спиной,
Не жди только манны небесной,
Не требуй пощады земной...
Идти было некуда дальше,
И всё же пошёл он вперёд...
И вот потому непродражен
Вовеки: убей – не соврёт!

* * *

Мало ль что может случиться,
Дай поцелую ещё...
Мой поцелуй, словно птица,
Вспыхнет на зареве щёк.
Мало ль что может случиться,
Дай посмотрю тебе вслед,
Я не могу поручиться,
Что впереди белый свет.
Мало ль что может случиться,
Мы не из этих ведь мест,
Время ты видишь как мчится?
Был бы закрыт переезд.
Провод в земле, словно корень,
Кем-то назло оголён.
Как он смертельно спокоен,
Тронешь – ударит огонь.
Мало ль что может случиться,
Ты напиши обо всём:
Дрогнут ли солнца ресницы...
Зреет ли поле овсом...

* * *

Боязно вчера мне стало... Боязно!
И в глазах от мглы белым-бело.
Слишком близко подошла ты
к поезду,
Слишком быстро кончился перрон.
Ах, надежда! Рельсы да колёса,
И тревожный сердца перестук.
Одного нам не решить вопроса:
Кто же, где же в жизни верный

друг?

Знаю: закурила в тусклом тамбуре,
Размечталась, глядя за окно...
Наши души все в цыганском таборе,
В той стране, которой нет давно...
Не сердца стучат, а вновь колёса,
И вокруг такая пустота,
Словно кто-то бросился с откоса,
Чтоб в дороге время наверстать...

20.12.1985

* * *

Как мысль работала моя,
Как напрягал воображенье...
Морские затевал сраженья,
Чтоб были мирными моря.
Какие земли открывал –
Таких не снилось и Колумбу...
Есть путь, проложенный по румбам,
И путь, когда разбит штурвал.

16.01.1987, Семилуки

* * *

Привыкаю к жизни трудовой –
Прихожу с работы чуть живой.
Сполосну лицо, переоденусь,
Вновь во мне улыбка и задор.
От себя я никуда не денусь,
Даже если будет звать простор.
Даже если будет вечно длиться
Дело без начала и конца...
Зря с надеждой вглядываюсь в лица,
Нет вокруг довольного лица.

Привыкаю к жизни трудовой –
Прихожу с работы чуть живой...
Не о том пишу я, между прочим,
(Для лопаты всякий гожд диплом)
Главное, чтоб я остался прочным
И душа не сделалась дуплом.

* * *

То холмы, то низины,
То равнины опять.
Без полей, без озимых
Русь не больше, чем пядь.
Потому и казнили
То огнём, то мечом,
Но спасала Россия.
И спасал чернозём.

* * *

Накормила, обула, одела,
Посмотрела, как сыну, в глаза.
Что сказать ты, Россия, хотела,
Что хотела, как мать, мне сказать?
Говори, я ничем не обижен,
Я родился и вырос в степях,
Где и беды, и радости ближе,
Где не спросят напрасно с тебя.
Говори, повторю слово в слово,
Словно клятву на жизнь и на смерть.
Кто не ведает умысла злого,
Тот и страха не должен иметь.
Говори, наша правда крылата,
Наша правда, как солнце в степи.
Не сбегу, как солдат из санбата,
Не сдеру окровавленный бинт.
Заживут пусть смертельные раны,
Без меня отстоят рубежи,
Но на случай, на самый на крайний,
Завещаю тебе свою жизнь.

Об этом ты знаешь сама.
Мне ветер был нужен летящий
и небо,
Сводящее напрочь с ума.
Войду. Поздоровуюсь.
Сяду в прихожей.
И если ты скажешь: «Прости» –
Пойму, что правдивей обязан
и должен
Потом дописать этот стих.

* * *

Бредёт безмолвно и устало
Без понуканий, без кнута,
Века бредёт людское стадо,
Бредёт неведомо куда.
Бредёт, забыв свои угоды,
Бредёт, куда глаза глядят...
То есть стезя, стезя Господня,
И повернуть никак нельзя.

* * *

Может, всё-таки где-то известно,
Может, знает седая молва,
Почему так земля бессловесна,
А какие рождает слова!
Чернозём, солончак и суглинок –
Всё равно вдохновенья полны.
Сколько ж будет идти поединок
Берегов и потопной волны?..

* * *

Из кирпича, бетона и раствора
Дом возвели что надо, первый сорт.
И столько в нём небесного простора,
И столько в нём заоблачных высот,
Что каждая отдельная квартира,
Хоть на каком пусть будет этаже,
Вместит в себя не меньше,
чем полмира,
А каждый житель – целый мир
в душе...

* * *

Перестанет сердце биться,
И в глазах померкнет небо...
Что ж, тогда взлечу, как птица –
Я ещё крылатым не был.
Если стану вдруг спокоен
Под берёзой, под осиной –
Значит, я ушёл, как корень,
К родникам твоим, Россия.
Отзовусь ли эхом, звоном
На холме или за оврагом,
Ничего... Я вечный воин –
Ни копьём не взять, ни страхом.
Коль меня не будет долго
На высоком том обрыве,
Значит, что целует Волга,
Золотой ласкает ливень.
Перестанет сердце биться,
И уста не молвят слова?!
Я б со всеми мог проститься –
Никому не сделал злого.

* * *

Какая-то ты не такая.
Какая-то вся ты не та.
Зовёшь? Или так – кликаешь?
А очи твои, а уста...

Какая-то ты не такая.
Какая-то вся ты не та.
Неужто царевна морская?
Земная? Тогда – лепота.

Давай тогда будем знакомы.
Вот – кони. А вот – стремена.
В дороге нас степи прокормят,
А ветры дадут имена.

Безбрежными будут владенья,
Бесстрашными будут сыны,
Ты только ни слова про деньги
И шубу соболью сними...

Трава забвенья и тоски,
Трава живых людей
Растёт из гробовой доски
И гробовых гвоздей.

* * *

Где взять руды железной горсть,
Чтоб память возродила
Дощатый тот Железногорск
И Лёшку бригадира?
Ну, где ты, Лёшка, друг лихой?
(На пенсии едва ли).
...Железной вниз текут рекой
В карьере самосвалы.
Назад дорога вверх крута,
И Лёшка сбросил китель.
И вдруг руда, а с ней – беда.
Машина – тоже гибель.
Три дня, три ночи, вновь и вновь,
Вливают Лёшке нашу кровь –
Бригады всей, всего участка.
Казалось, вся страна причастна.

* * *

Прошли бы тучи грозовые
Иль облака над головой...
Но слышу только позывные.
Как хорошо, хоть голос свой!
Ужель взлетели так высоко,
Так беспощадна высота,
Что человеку взглядом зорким
И человека не достать?
Смотрю, до боли напряжённый,
Как будто где-то там магнит,
И думаю, умалишённый:
Какая нас связует нить?
Хотя бы тучи грозовые
Иль облачко над головой...
Они, конечно, там живые.
А на земле нам каково?

* * *

Тяжело бывает, хоть умри.
Но во мне, как корни, крепнет вера
В родину – степной клочок земли,
Горький от полыни и от ветра.
Знаю, что его поднимет плуг –
Всё, что на земле, всегда крылато –
И опять замкнётся жизни круг
По прямой: с полей на элеватор...
И опять, живи хоть тыщу лет,
Поднимай свой клин, чужое поле.
Главное, чтоб виден был твой след
При тебе, сегодня, завтра, после...

Крутобережье

*Урек, текущих на юг, правые берега
крутые, а у тех, что на север, пологие.
И наоборот.*

Всё реже я клянусь судьбу
И доверяю ей всё реже.
Как ни петлял бы жизни путь,
Не обойти крутобережье...
Оно не блещет красотой,
Там обрываются дороги.
Но коль дела совсем уж плохи,
Спасает берег высотой.
А вот куда течёт река,
На юг течёт или на север,
Я узнаю по облакам,
И по тому, где косят клевер,
И по тому, о чём душа
Напомнит в песне, в поговорке...
На диком берегу Иртыша,
Иль вдоль по матушке по Волге.

* * *

Когда исчезли дикие стихии,
Эмоции и чувства поглотив,
Явились мысли дерзкие, нагие –
Апатии живой локомотив.

* * *

Вещали прошедшего тени,
И мысль убежала вперёд:
– Ни слава, ни власть и ни деньги –
Ничем не подкупишь народ.
Никто, даже самый ничтожный,
Тебе не поверит ни в чём,
Пока ты свой посох дорожный
Легко заменяешь мечом.
Вещали прошедшего тени,
И мысль возвращалась назад.
Молчали Кремлёвские стены,
Тайницкий безмолвствовал сад.

* * *

Наконец-то написать не страшно
И прочесть не боязно друзьям,
Что в Москве на площади
на Красной

Тоже есть немало чёрных ям.
Мне об этом вспомнилось сегодня,
Поднимался к солнцу из метро...
Как ещё нужны нам преисподние,
Где всё вечно, свято и светло.

* * *

Изнурительная работа,
Неизменный во всём режим...
Мне из грешных напомнил кто-то:
– Мы себе не принадлежим.
С афоризмом таким хоть в бездну,
Будь, что будет, – вниз головой!
Только дайте допеть мне песню
И свиданье с моей вдовой.

* * *

Всё чаще искреннее: «Помнишь?..»
Себе ли, встреченным друзьям...
Ужель приходит в память полночь?
Приходит. По каким часам?

– Ты помнишь? – словно гром
ударит.
– Ты помнишь?.. – молния пронзит.
И памяти ржаной сухарик
Росой небесной оросит.

Всё чаще искреннее: «Помнишь?..»
Аристократы или чернь?
Нужна нам только в прошлом
помощь,
А в будущем она зачем?

– Ты помнишь?
– Ну, конечно, помню!
Вовек такое не забыть!
С каким отчаяньем... и болью...
С какой надеждой: просто быть...

* * *

Любовь моя когда-нибудь отыщется?
Найдёт меня в пути,
в конце концов?
Заехать в Курск на улице
Радищева?

Через забор пробраться на крыльцо?
Ты не сердись, что много было шума,
Зато теперь такая тишина,
Что стало ясно: очень узко думал,
Зачем мужчине надобна жена.
Зачем ему и тёща, и усадьба,
И для картошки ранней огород?..
Ну, слава Богу! Значит,
вышла свадьба?

А говорят, народ уже не пьёт...
Учи детей. В учительской и дома,
И на уроках, стоя у доски.
Теперь мне не до игреков и омов,
Мне б в омут – от обиды и тоски.
Мне б так куда-нибудь

запропасться,
Так ждать тебя на несколько минут,
Чтоб только мог успеть с тобой
проститься,
И в скорый в Симферополь –
промелькнуть...

Вот оно – Подмосковье,
Избы, скирды, стрижи.
Лучше бы не с любовью,
А с делами, как он.
В Русь,
В Москву,
В Подмосковье
Был и Ленин влюблён.

* * *

Когда способности мелки
И ум – извилина одна,
Цепляют людям ярлыки
(Рога внедряя и клыки):
Мол, вот вам красная цена!
Отсюда, с «Дедова бугра»¹,
(Не с «Тёщиного языка»²)
Сорвусь, как будто бы с багра,
А если впрямь – от ярлыка.
Сорвусь в ближайший самый день,
Сорвусь, какие там слова!
Ещё каширскую сирень
В оврагах я не целовал.
Отсюда, с «Дедова бугра»,
(Не с «Тёщиного языка»)
Скажу: «Нет худа без добра,
И не хвалите мужика».

* * *

Не всем достался Божий дар
Поэтом вовремя родиться.
А я и вовсе опоздал
К распределению явиться.
Я долго ползал меж колёс,
В собачьих ящиках катался.
– Лети вперёд, наш паровоз, –
Я пел, пока он не сломался
И был поставлен на ремонт.
И сколько лет уже в резерве!
Мой паровоз меня поймёт,
Не он, конечно, будет первым.

¹Микрорайон Кашира-3

²«Тёщин язык» – перекрёсток между Каширой-2 и Каширой-3

И даже не его собрат,
Скользкий вдоль по монорельсу,
Но тот, кто вышел из заплат,
Кто пел однажды «Марсельезу»,
Кто доверял судьбу железу,
Тот знал божественный талант.

* * *

Нам бы только взлететь...
От земли оторваться!
Нам бы только на курс поуверенней
лечь.
А потом уже можно в судьбе
разобраться,
А потом уже можно собой
пренебречь.
Пренебречь ради тех, кто остался
на взлётной
На последней, далёкой стоять
полосе,
Пренебречь, чтоб вернуться
из бездны межзвёздной,
Пренебречь, чтоб вернулись
на землю мы все.

Нам бы только взлететь...
От земли оторваться!
Нам бы только найти неизвестную
цель.
А потом голосам дорогим
отозваться
И не думать о смерти, что будет
в конце.

Нам бы только взлететь...
От земли оторваться!
Нам бы только почувствовать силу
турбин,
А потом уже песней высокой
остаться,
Песней той, что журавль
в синем небе трубит.

Потом, когда хлеба скосили,
Когда копнили на стерне,
Я уточнил: вопрос о мире –
Вопрос о будущей войне...
И здесь не выйдет: или – или...
Здесь надо: раз и навсегда!
Я положил ещё навильник
Такой, что рухнула скирда...

* * *

...И нет отмщенья, нет пощады.
Вот так, тесовая изба!
Вот так, забор глухой, дощатый,
Та злость, какой всё по зубам.
И ты, хозяйская цепная,
Что оценилась и не зря.
В глазах твоих тоска степная
И столько ж зависти и зла.
Я не считал утрат, лишений,
Я знал, что совесть есть и стыд.
Давай, сниму с тебя ошейник –
Судьба и это мне простит.
...И нет отмщенья, нет пощады
На той затоптанной меже,
Где чувство горькое досады
Скользит и снова ты блажен.

* * *

Из всех душевных состояний
Одно тревожит и влечёт –
Земное чувство расстояний,
Всегда идущее в зачёт.
Оно – волненья кругозора,
Его и боль, и торжество.
Степные светлые озёра
Или столбов высокий створ,
Двор, что с крыльца окинешь
взглядом,
И поздних грядок постный вид.
Как от далёкого мы рядом?...
Стоишь? А как остановить?
Ведь ты не просишь подаянья
И не отвергнут сам собой.
То – соразмерность расстоянья
Меж послушаньем и мольбой.

* * *

Душевные раны – глубокие раны,
И нет им и не было в жизни конца.
Я в детстве военном остался
без мамы.

Остался без мамы... Потом без отца.
Душевные раны – глубокие раны.
Неужто защиты душа лишена?
Стираются вроде кровавые грани,
И вдруг – с чемоданом уходит жена.
Страшней ничего не бывает на свете,
Когда одинок ты, безмолвен и сед,
И в гости приходят любимые дети,
И прямо с порога: «Здорово,
сосед...».

Душевные раны – глубокие раны,
И нет им, и не было в жизни конца.
Но дан нам на случай, на самый
на крайний
Предел, за которым мужают сердца.
Душевные раны – опасные раны.
Как люди, бегущие из-под охраны.

* * *

Степи, степи... Без конца. Без края.
В жизни не бывал я с ними врозь.
И вокруг тоска такая злая,
Что глотает пыль из-под колёс.
Вот она – крестьянская глубинка,
Вот они – рабочие верха.
В ЗИЛовской ли, в ГАЗовской
кабинке

Добираться нам сюда века.
Хорошо, когда загружен кузов,
Благодать, когда полезен груз.
По всему Советскому Союзу
Расселилась ты недаром, Русь!
То колодец там, на перекрёстке,
То скирда, где виден переезд,
То полянка, словно для берёзки,
Из берёзки виден чей-то крест.
И простор... Простор необозримый,
Без преград для мысли и молвы.
Только б было место для озимых
И нашёлся б клин для яровых.

Вот она – крестьянская глубинка.
Вот они – рабочие верха...
Чувств каких-то светлых паутинка
И слова, как будто лемеха.

* * *

Какой же женщиной быть надо,
Как нужно чувство охладить,
Чтоб жестом, голосом иль взглядом
Сказать: «Любимый, уходи...
Не унывай, ещё, быть может,
Найдёшь и счастье, и покой.
Конечно, нас порой корёжит,
Но потому судьба дороже,
И принимай её такой...».
Любить в наш век? Как это мало!
Как всем доступно, Боже мой!
Она сказала... Ты сказала...
А кто-то в бездну головой...

* * *

Как живёшь ты, родная липа,
В Подмосковных своих лесах,
Где крупней, чем в джунглях калибры,
До рассвета зреет роса?
Без тебя на опушках мёртво.
А когда зажужжит пчела,
Вся Россия пропахнет мёдом,
Как парным молоком – вчера.
Лапти что? Мы не лыком шиты!
Что лукошки? Дай рюкзаки!
Как молитвенно ждём защиты!
Защищаться нам не с руки.
Нападение нас измучило,
Век двадцатый. Куда ты влип?
Я меняю удачу случая
На аллею печальных лип.
И прожить соглашусь как-либо,
Не берусь умереть святым...
Только гроб пусть не будет липовым,
И не липовыми – цветы.

Самозванцы

В чёрный рот четыре пальца –
Глохни, избранная тля!
Где проходят самозванцы –
Там топор или петля...
Пусть зовёт к первопрестольной –
Самый верный в жизни путь.
Если хочешь стать достойным,
Кто тебе мешает? Будь!
Не понятен иностранцу
Корень истины простой:
Ну, зачем для голодранца
Царский именно престол?
Сколько душ своих сгубили,
Золотых голов, а зря.
От Москвы и до Сибири
То топор, а то – петля...
В монастырских стенах пытка,
А на лобном месте – смерть...
Ну, последняя попытка
Чтоб была ещё и впредь.
В чёрный рот четыре пальца,
Где петля, а где – топор...
И уходят самозванцы
На закате смутных пор.

* * *

Ты видишь, как бедны мои уголья,
Как ветер собирает урожай?
Здесь никогда беда одна не ходит
И волки только стаями кружат.
Здесь нет дорог, ведущих
к избавленью
От морозящей каждый день тоски.
Не искорки, а целые поленья
В глазах моих, что так к костру
близки.
Присядь к огню, минута перекура
В мужчине убивает страх и зло.
И, если нет желанья бить по скулам,
Знать, от души, от сердца отлегло.
Знать, понял ты, что высшее богатство,
Которое всегда влекло тебя, –
Простое человеческое братство
В таких вот обездоленных степях.

* * *

От вдохновенного Болдино
И до скорбящей сумы
Чем же тревожишь ты, Родина,
Наши сердца и умы?
Горечь степная, полынная,
Сладость ветров на лугу?
Мы пред тобой, неповинная,
Каемся, как на духу.
Не осуди опрометчиво,
Всыпь, чтобы помнили впрок.
Дума одна только вечная –
Не запятнать твой порог!
Вроде бы всё уже пройдено:
Реки, овраги, холмы...
Чем же волнуешь ты, Родина,
Наши сердца и умы?

* * *

В степи не спрятаться, не скрыться,
Коль совершил на свете зло.
Одно – сквозь землю провалиться.
Да как провалишься? Светло.
И доброта такая рядом,
Что умирать – и срам, и стыд.
Пускай не словом – кротким
взглядом,
Быть может, всё-таки простит?
Поверит в исповедь, как грому,
Поверит делу, как дождю,
Чтоб ты себе уже другому
Сказал: «Иди... там люди ждут...».

* * *

В речках что-то много стало тины
И совсем исчезли караси.
Дождь ли выпал радиоактивный,
Щуки развелись ли на Руси?
Удочки возьму – и на протоку.
Это ведь не к чёрту на рога.
Главное: домой вернуться к сроку,
На своих, хоть на каких ногах.

Главное: не видели б соседи
И не заподозрили б улов.
Запах тихоокеанской сельди
Откровенней и правдивей слов.
Это всё, конечно, вроде шутки.
(Злая шутка тоже неглупа).
Ну, зачем мне караси и щуки,
Если никакой я не рыбак?
Если, закатав опять штанины,
Перейду Лопасню иль Пахру
Под последний клёкот журавлиный,
Не подняв с одеждой даже рук...
Выберусь на берег на пологий,
Растянусь, как в детстве, на траве.
Мысли луч меж туч пробьётся
строгий,
Словно среди насупленных бровей.

* * *

Искатель правды из меня
не вышел –
Не разорвал я лжи злосчастный
круг.
Зато в душе своей поднялся выше –
На высоту, где жив высокий дух.
Где ничего нельзя переиначить
По-своему, чтоб так, как ты хотел.
Но разве это что-нибудь да значит
В преддверье самых неотложных
дел?
Сумел воображения фундамент
Воздвигнуть храм заветного в душе.
Орнамент был гвоздём или гекза-
метр,
Иль Гоголю подаренный сюжет?
Искатель правды из меня
не вышел –
Не разорвал я лжи злосчастный
круг...
Зато, о, как мой дух был независим,
Когда гонял я голубей на крыше,
Не думая: а с крыши в прах
иль в пух?

* * *

Когда тебя коснётся старость
И будешь памятью жива,
Ты вспомнишь, что тебе остались
Мои дела, а не слова.
Остался весь. Весёлый, дерзкий,
Навек отвергнутый тобой.
Вот потому и был по-детски
Влюблён в зенит я голубой.
Вот потому в небесной сини
Воображеньем рисовал
Черты светлейшие России
И твоего лица овал.
Вот потому и в мир огромный
(Не затереть бы неба холст)
Ушёл! Безропотный. Бездомный.
Незванный от земли до звёзд.

* * *

Что ж, что щедры, как люди,
пашни...
Мне долго было невдомёк,
Что я не солоно хлебавши
Прошёл их вдоль и поперёк.
И вот в конце дороги длинной,
Где борозда теряет след,
Они сошлись все вместе клином
На мне, как весь мой белый свет.
В плену осота и полыни,
Уйдя за тридевять земель,
Я ждал, пока закат остынет,
А он в глазах моих ржавел...

IV. «Незванный от земли до звёзд»

Письмо

Поэма

*О, сила правды!
Мне под старость,
Мечты в реальность воплотив,
Познав бессилие и ярость,
Не изменив себе ни малость,
Даруешь ты свои плоды...*

Автор

...В письме, в рассказе ли солдата
Услышу: пуля не берёт...
Что ж, что в словах звучит бравада?
Но этот человек не врёт!
Когда огонь – не та преграда,
Когда бессилие не в счёт,
Поверю вышедшим из ада.

Ведь это ж надо! Дёрнул чёрт!
Когда больничная палата
Берёт в озноб, бросает в дрожь,
Жизнь или смерть здесь виновата,
Что может быть лекарством ложь?!
...Который день лежу в больнице
И вру бессовестно врачу,
Что я умею сам лечиться
И вылечусь, коль захочу.
А он про сон меня... Про газы...
Про аппетит... И про отца...
И, подмигнув лукавым глазом,
Мне говорит:
– Лечись, пацан...
Лечусь. Я, собственно, не болен.
Я ранен. Рана от ножа.
И с чердаков, и с колоколен,
И со всего – чего достоин –

Срывался сам...
А здесь – душа...
Душа? Так значит, дрогнул духом,
Когда полез он на рожон!?
И вдруг, поверите, ножом...
Он был моим, признаться, другом.
Был суд. И нас двоих судили –
Ругали и жалели вслух!
Когда все страсти поутихли,
Я вспомнил, что виновен дух.
Из-за него мы пострадали –
Два пацана военных лет.
Из-за него мы жёстче стали?
Нет...
Я не берусь пока ответить,
Уж больно прям и строг вопрос.
...Его письмо лежит в конверте.
О, как доступен текст и прост:
«Привет! Пишу из малолетки.
Тоска замучила и грусть.
Пока ты там жуёшь таблетки,
Мне стало ясно, что я – трус.
Прости. Дай Бог тебе здоровья!
Не попадай, как я, в тюрьму!
Вину, быть может, смою кровью...
Менты – свидетели тому!»
...Соображал в ту ночь я туго –
Казанский был виной вокзал,
И скорый поезд из Цхалтубо,
Который, кстати, опоздал.
Всё потеряло смысл логичный!
Попал, как с корабля на бал.
Народ кавказский энергичный,
Но я ему не уступал...
Недаром вырос в Краснодаре
И наскитался по Москве.
И вдруг... Ужель опять ударит?..
Платформа... Площадь... Дождь...
И сквер...
И мы одни... О, Бог! Свидетель!
Друг перед другом в той ночи...
Но кто-то между нами третий:
– Ну, что ж вы, сукины вы дети... –
Стоит безмолвно и кричит...
А я молчу... Всегда к услугам...
Я знаю, что такое боль.

И кто-то третий... Нет, не в ухо!
– Ты проиграешь этот бой...
...Я от рассвета до заката
И вновь до утренней зари
О правде думаю крылато:
– Ужель одна она царит?
Ужель она – судья всевышний,
Ужель она для нас пророк?
А если демон? Демон лишний?
А если дьявол? Если Бог?
Да что я, разве это дело?
Смотри, как лихо занесло!
Не Бог, не дьявол и не демон.
Здесь два огня: добро и зло.
Добро и зло? Не в том морока.
Иная вышла канитель,
Когда не в бровь попал, а в око.
Что мы – другие!.. Мы – не те.
Не те, простите, и не эти.
– А кто? – резонный встал вопрос.
Пусть на него ответит третий.
Он между нами во весь рост.
Ответит? Хватит силы духа?
А если сам меж нами дух?
А если шёпотом на ухо:
– Мой дух! Мой враг или мой друг?
...Сизифов труд гнетёт и мучит.
Но наступает вдруг пора,
Когда он разуму нас учит.
Научит, словно с плеч гора.
И вот стоим мы на вершине.
Ликуем... Празднуем... Живём...
А разве что-то совершили?
Ну, одолели свой подъём –
Отрезок жизни.

* * *

Вы вправе рассуждать, милейший,
Наук земных познав углы:
«Чем больше знаний, тем их
меньше,
Тем круче правила игры.
Тем беспредельнее законы,
Тем шире бездна бытия,
Как почерневшие иконы

Белопесочного монастыря...».
Вы вправе рассуждать, милейший,
Наук земных познав углы:
«Чем больше знаний,
тем их меньше...».

Вам здесь бы мысль и закруглить.
Вот здесь бы взор сосредоточить,
Чтоб круга виден был овал,
Ведь даже после многоточий
Зияет в голове провал.

* * *

В Московской или Тульской
области,

Иль на границе областей
Замру, как будто перед пропастью,
Услышав в небе журавлей.
В Рязанской или Курской области,
На Волге или на Дону

Замру от той высокой робости,
Согласный на побег в плену,
От той небесной ясной гласности,
От крика тела и души.

Когда смертельные опасности –
Лишь призраки и миражи,

И далеко ещё до подлости,
И нет пока худых вестей

В Орловщине, в Тамбовской
области

И на границах областей.
Когда ещё нужна нам подлинность,
И дверь открыта для гостей,
Пока ещё прозрачна облачность,
И небо есть для журавлей.

* * *

Вот приеду к отцу на могилу,
И, чтоб люди не видели слёз,
Тихим взором всю землю окину
И безмолвное небо – до звёзд...
Захлебнусь от табачного дыма,
И, уткнувшись в ладони лицом,
Я пойму, как была неделима
Эта жизнь – между мной и отцом...

* * *

В мире мрака и огня,
Где приют забвенья,
Слёзы горькие хранят
Сладость откровенья.
Я не знаю, почему,
Но прошу, как милость:
Обними и поцелуй
Так, что и не снилось.
На земле следы любви
Были и исчезли,
От невзгод ушли б любых,
Если б жили честно.
Не могу в себе я сам
Разобраться толком.
Ах, как правда по глазам
Больно бьёт и долго.

* * *

Вынырну на миг волшебной щукой,
На глазах у всех вильну хвостом...
Как на это мне ответить шуткой,
Коль серьёзно спросится потом?
Превращусь в Жар-птицу я средь
ночи –

Поклевать пшеничного зерна,
А молва такого напроорочит,
Что и впредь мне будет не до сна.
И жалеть я буду долго-долго
На холмах, в оврагах и в лесах,
Что не оказался серым волком,
Тем, что так не верит в чудеса.

Пантеизм

Тот, кто стоял уже над бездной,
Кто был почти что невесом,
Тому доподлинно известно,
Что «Всё во мне, и я во всём!».
Что одиночество – не ужас.
Гранит в душе ли, чернозём,
Уйдёшь, гармонию нарушив?
Но: «Всё во мне, и я во всём!»

* * *

Кто знает, на земле или на небе,
Из чистых рук или из грязных рук
Единственный мне выпал тяжкий
жребий
Почувствовать огонь душевных мук?
Огонь, который в чёрной гуще мрака,
Выращивая разума плоды,
сжигает их...
(Сгорают твердь и мякоть!),
Чтоб тем огнём в грядущем
жизнь продлить.
О, пламя, превращающее в пепел
Над безднами висящие мосты!
Что в человеке может быть нелепей
Того огня – из искорок простых?

* * *

Верю каждому зверю,
Каждой твари земной...
А стучит кто-то в двери –
Страх встаёт за спиной.
Вспыхнет честное слово,
Озарится молвой,
И покажется снова:
Становлюсь сам не свой...
Верю каждому зверю,
Каждой твари земной,
Под берёзой, под елью,
На тропинке степной.

Отцу

И когда на тебя, земледельца,
Навалилась вся сразу земля,
Оставались лишь небо для сердца
И раскрытая горсть для семян.
Оставались замёрзшие пашни
Вдоль ничейной никчёмной межи,
За которой погибший, пропавший
Остаётся, как правило, жив.

* * *

Как в детстве, вновь зайду
в станичный садик
(Куда через забор я проникал).
– Ну, здравствуй, – поклонюсь, –
мой медный всадник,
Как хорошо, что ты не ускакал.
Кусты сирени вспыхнут синим
цветом,
Казак коня поднимет на дыбы:
– Ты вновь пришёл, мальчишка,
за ответом?
Пришёл, и значит, – раб своей
судьбы.
– Да, раб судьбы, но той, что мне
по нраву,
Той, что вела всегда меня сюда,
Быть может, чтоб свободно
спозаранку
Умчаться в степь, исчезнув
без следа.

* * *

Любитель острых ощущений.
Бродяга. Шулер. Сквернослов.
Он называл польнь женьшенем,
Отравой – страстную любовь.
Любитель острых ощущений.
Бродяга. Шулер. Сквернослов.
Он в мире вечных жил лишений,
Но презирал всё ремесло.
Любитель острых ощущений
Ханыга. Склочник. Горлохват.
А, в общем, жил он, как отшельник,
И только этим был богат.
Любитель шумных приключений.
Мечтатель. Циник. Богослов.
Он в мире вечных жил мучений,
Пока ему в судьбе везло.

* * *

Пока идёт всё так, как надо,
Так, как и надо на земле.
Добро добрее стало рядом,
А зло намного стало злей.
Пока идёт всё так, как надо,
Так, как и надо на земле,
Ведь только раем или адом
Мы не продолжим жизни след.

* * *

Неба Божьего теоретики –
То в острог, то в скит, то в полон...
Все раскольники и еретики –
Словно стая белых ворон.
Между злом и добром посредники,
Инквизиция им не суд.
Все раскольники и еретики
Исповедуют жизни суть.
Эти пашни, леса и реки,
Соловецкие острова
Нам раскольники и еретики
Завещали не на словах.
Дайте хлеба мне, кваса, редьки,
Келью с нарами из доски.
Все раскольники и еретики
Мне по жизни земной близки.

* * *

Ради Поэзии можно
Даже витать в облаках,
Где-то в просторе межзвёздном
С праведной силой в руках.
Ради Поэзии можно
Даже идти на дуэль,
Только стрелять будет тошно,
Если презренная цель...
Ради Поэзии можно
В горе собой пренебречь,
Чтоб и во мраке острожном
Светлая слышалась речь.
Ради Поэзии можно
И увернуться от пуль,
Если задумал серьёзно
Жизни почувствовать пульс.

Таборная пляска

В Геленджике на пляже,
На золотом песке,
Цыган с цыганкой пляшут.
Вся жизнь – на волоске!..
Ни бубна, ни гитары.
Но это не беда.
Цыган ещё не старый,
Цыганка – молода...
Она – букет из света,
Он – беспросветный мрак.
Потом он – весь из ветра,
Она, как в поле мак.
Огонь в суровом взоре –
Она к нему летит.
Ну, что там, в прошлом горе,
Раз счастье впереди!
Не выбраться из круга,
Аплодисментов шквал.
Цыган свою подругу
При всех расцеловал.

* * *

Не музыка мучит – халтура.
(И спорить о том не берусь)
Строительная увертюра?
Тебе, вдохновенная Русь.
Кирпич ли, бетон, арматура,
Дубовый, сосновый ли брус –
Строительная увертюра
Тебе, незабвенная Русь.
Не каждая баба и дура,
Не каждый мужик и умён...
Строительная культура
От русских исконных имён.
Не музыка мучит – халтура.
Дворец ли, собор ли, изба,
Москва ли, Кашира ли, Тула –
Одна до могилы судьба.
Не музыка мучит – халтура.
Пред ней даже гений оглох...
Строительная диктатура
Во имя грядущих дорог.

* * *

Не грози холодами, Кашира,
Мне не страшен по коже мороз.
Разве видела ты дебошира,
Рисковавшего жизнью всерьёз?
Разве слышала исповедь чище,
Чем признание познавшего мрак?
Тот, кто счастья случайного ищет,
Не сожмёт крепко пальцы в кулак,
Не раскроется весь нараспашку,
Не оставит карман без гроша
И жалеть будет только рубашку,
Даже если страдает душа.
Не грози холодами, Кашира,
Рождество ли, крещение твоё.
У какого узнать старожила,
Где согреемся завтра вдвоём?
Вот Рыбацкая, вот и Ямская,
Вот Стрелецкая... Дальше куда?
Если в рай – холода не пускают...
По Советской – дорожка крута...

* * *

Теории ввергают в муки.
Когда-нибудь без лишних слов,
Я променяю все науки
На ненаучную любовь.
Пусть улыбнётся академик
И ухмыльнётся эрудит:
– В преклонном возрасте? Без денег?
Увы, уже не полюбить.
Язык, мой друг, смолчи, притворный,
Но вздрогни, мускул, на лице!
– Любви все возрасты покорны... –
В ответ сказал поэт придворный,
Всерьёз окончивший лицей.

* * *

Не потому, что стал я вдруг
покорным,
Не потому, что сильно так ослаб,
Теперь крещусь на все подряд
иконы –
Которая из них меня спасла?

* * *

В лесу родившись или в поле,
Яви, о, тело, в мире след!
Душа тебя отыщет после,
Когда души в утробе нет.

О, сколько праведного, Боже,
О, сколько грешного окрест...
Душа о том узнает позже –
Всегда в запасе время есть,

И безграничное пространство,
И всяческих поток причин,
Чтоб сохранялось постоянство
Непостоянных величин.

* * *

Я долго ждал, чтоб выпал случай,
Чтоб встретившись к лицу лицом,
Признался я, что я – не лучший...
Что я – не я, в конце концов.

О, оглянись на зов мой дальний,
Такая разница теперь...
Ты слышишь, годы испытаний
Благодаря тебе стерпел...

* * *

Чужды предтечам подоплёки
Хоть с языка, хоть со страниц,
Не потому ль в душе пророки
Похожи на зверей и птиц?
Не потому ль тот образ мысли
Мы ждём, во сне и наяву
И зорко всматриваясь в листья,
И чутко вслушиваясь в траву.

* * *

Чего ты ждёшь, о, Русь, ответь,
О чём задумалась, святая?
Колоколов тревожна медь
Санкт-Петербурга и Валдая.
Чего ты ждёшь, о, Русь, скажи,

Почив на вере православной?
Кто разорвал твои гужи
Под Киево-Печерской лаврой?
Нет для тебя дорог иных,
Одна твоя видна дорога...
Неужто на перекладных
Вновь от острога до острога?

* * *

Жизнь абсурдна. Будущего нет.
Есть лишь непрерывное движенье.
Но в какой-то нужный нам момент
Мы педаль находим торможенья.
Так заведено уж на Руси,
Где пути людей исповедимы:
Главное нам так затормозить,
Чтоб напев услышать лебединый.
Жизнь есть жизнь. Удел всего –

движенье,

Принципу мы этому верны.
И движенье это – отчужденье
От себя. В том нашей нет вины.
Отчуждаясь от себя и близких,
От насущных якобы проблем,
Забываем ставить обелиски
Тем, кому обязаны мы всем.

* * *

Ленинград, Сталинград и Москва...
Из своих из бессмертных орудий
Показали горячий оскал,
Показали Европе и будет.

Я пишу эти строчки не зря,
А чтоб помнили русские люди,
Что спасут их ни свет ни заря
Те далёкие залпы орудий.

Ленинград, Сталинград и Москва...
Вот три воина вечных России.
Ни одна гробовая доска
До сих пор их не может осилить...

* * *

Меня беспокоят простейшие мысли
О самых обычных вещах...
Ну, что же вы, люди, размякли,
Задора не слышно в речах?
Не верите в завтра?

раскисли,

Не верьте, не надо!

Поверьте сегодня в себя!
Попробуйте крепость морского

каната,

Узнайте, как мачты скрипят...

* * *

Ну, где он, риск канатоходца?
Да ведь о том подумать глупо.
Арена, словно дно колодца,
Над головою – неба купол.
Вина последний выпит кубок –
Душа на счастье не напьётся,
А тело ляжет в ложе дуба
В лучах играющего солнца.
Ну, где он, риск неотвратимый?
Конечно, нет ни в чём опоры.
Но почему-то ноги мимо
Стараются пройти крамолы.
Лишь вздрогнет первую душа,
Когда неверным будет шаг.

* * *

О, Москва, колхозная столица,
Что реклам бесцветных мишура?
Умерла в руках моих синица,
Канул в бездну с горя и журавль.

Вот и я к приокскому обрыву,
Твой колхозник, молча подхожу
И смотрю, как частник рубит иву,
Рубит! Рядом с фабрикой «Ажур»!

Гомер

Мужей трусливых не щадя,
Он наделял их жён отвагой.
И ради этого бродягой
Жил на базарных площадях.

О, как он запросто умел
Связать все факты воедино,
Живые образы химер
Он находил в простолюдинах.

И вот уже вторую эру
Внимает мир с тех пор Гомеру.

* * *

И как бы это ни звучало,
И как бы это ни звалось,
В природе самой одичалой
Есть человеческая злость.
И доброты святой не меньше
(Тому не ведаю причин).
Я это замечал у женщин
И, безусловно, у мужчин.
И как бы это ни звучало,
И как не резало бы слух,
То материнское начало
И возвеличивает дух...

* * *

Писатель и поэт Владимир
Солоухин
Сказал мне как-то: «Нет, не в том
ты пишешь духе,
Вот, скажем, «Небеса на землю
смотрят слепо»,
А можно написать: «Закрыли тучи
небо»...
Ещё один пример: «Нет истины
на свете».
Что я в виду имел?
Что я её не встретил.

* * *

Уймись, душа моя, уймись,
К чему тревоги и терзанья,
Какой в твоих желаньях смысл?
Желанья – кости мирозданья.

* * *

Жизнь неслась, как снежная лавина,
Всё сметая на своём пути.
Смерть – её другая половина,
Поперёк легла – не обойти.

С грамотой охранной,
как с повинной,
Раньше смерти стать перед судьбой
Жизнь неслась по всем дорогам
лихо.
И была интрига та со мной...

Цыганка

Дай, соколик, ручку – погадаю,
Расскажу, что выпадет с годами.
Будет на душе твоей тревога,
Дом казённый, дальняя дорога.
А в конце пути – большое горе,
Только ты его забудешь вскоре,
Потому что горе сменят беды.
Ты, я вижу, фантазёр отпетый!
Дай, красавец, ручку – погадаю.
Видишь, я цыганка молодая,
Мать моя – луна, отец мой – солнце,
Оттого и я, как серьги-кольца,
С плеч моих шальная льётся шаль.
Дай хоть прикурить, раз денег жаль.

* * *

Чемодан мой всегда у дверей,
Как мятежный корабль на рейде.
Сжёт огонь крепостных батарей
Адрес твой на последнем конверте.
Не пробиться к тебе на причал,
Не войти даже в тихую бухту.

Маяка догорела свеча,
Зажигать её снова не буду.
О, небесной любви паруса,
Я встречаю вас реже и реже...
Было время – я локти кусал
От измены земных побережий.
Чемодан мой всегда у дверей,
Как мятежный корабль на рейде.
Будет время – сорвусь с якорей
За мгновенье иль меньше до смерти.

* * *

В ранний час, когда в степи ни звука,
В час, когда безмолвие вокруг,
Всё же что-то долетит до слуха,
Отчего спокойней станет вдруг.
Отчего ещё роднее станет
Мать земля и кустик чабреца,
И вдали растаявшая сая
Над могилкой сгорбленной отца.
Отчего забудется сердце чаще,
Светом чувств наполнится душа...
Это ль не земное наше счастье?
Отойди... Попробуй... Хоть на шаг...
22.07.1989

* * *

Виктору Бычихину

«Привет, Егорыч! – говорю я
громко. –
Как дети? Как супруга? Как дела?
В твоей душе идёт сплошная ломка,
А перестройка что, уже прошла?»
Он смотрит с любопытством
исподлобья
И отвечает тихо, невпопад:
«Теории живое дело гробят.
Я тоже буду к старости горбат».
Егорыч – ветеран каширской
стройки
И среди нас, салаг, авторитет.
По случаю он пьёт не только соки,
Но не на том сошелся белый свет...

К нему плывут на крепких стропах
блоки.
Идёт бетон. Швартуется раствор.
Он жизнь свою в свои уложит
сроки,
Тогда о нём и будет разговор.
«Привет, Егорыч!» – говорю я
громко.
Он чувствует, о чём это ему.
А на поддоне кирпичи, как хромка,
В вагончике на полочке махорка.
Всё остальное – тоже по уму.

* * *

Прощай, Кашира, уезжаю!
Храни луг счастья золотой.
Делю сейчас и умножаю
Всё, что имели мы с тобой.
Прощай, Кашира, уезжаю!
Ты не смотри печально вслед.
Себя в себе уничтожаю,
Как в белом свете – белый свет...
Прощай! И той подлунной деве,
Что клятву верности сожгла,
Скажи, что у меня нет денег
И не осталось даже зла...

Полемическая поэма

(фрагменты)

Давит жизнь на меня не напрасно
(Словно гайка на крепкой резьбе),
Потому что преступную праздность
Обезвредить мне вряд ли успеть.
Я ругаюсь с ней страстно и гневно.
Я дерусь с ней, но праздность хитра:
Подкупает меня ежедневно
Сладкой ленью и ложью с утра.
Неужели так будет до гроба
(Сила духа и воли слаба?),
Неужели останусь холопом
И в душе не осилю раба?

* * *

Гну стальные ль трубы на два дюйма,
Леркой нарезаю ли резьбу –
Не хочу о будущем и думать,
Полагаюсь только на судьбу.

Прикоснусь ли к клавишам рояля,
Упадет ли капля на ладонь –
Может, и ко мне судьба лояльна,
Выдержу нагрузку, как поддон?

Вскрикнет птица голосом тревожным,
Упадёт за рощицей звезда –
Я с билетом железнодорожным
Попытаюсь что-то навестать.

**Писателю и поэту –
учителю моему,
Владимиру Солоухину**

Эх, и пряники,
Чудо пряники!
Горе горькое не беда,
То конёк-горбунок упряменький,
То боярыня молода!

Ну и пряники,
Словно ратники!
(Русь великая, будь свята!)
А за ними царёвы стражники,
Да опричники по пятам!..

Что за пряники?
Чу! Без паники!
Не за деньги такая бьель,
Если в каждой фигурке спрятаны
Капли... Крошки моей судьбы.

* * *

И день назад, и год, и век,
И все века, что шли когда-то,
С собой не ладил человек,
И это сохраняет свято.

Его помирят только твердь
Земная... (чуточку помедля)
И завтра, послезавтра, впредь,
И в будущие тысячелетья.

* * *

Люд стрелецкий и ямской
Не от хмеля крутит, клонит...
Дмитрий женится! Какой?
А поди узнай в Коломне!
Видишь, хитрая Рязань,
Гордый Новгород и Киев,
Чей огонь горит в глазах
У невесты Евдокии!
Не гневись, Москва, с утра
О тебе единой дума,
Не сгорела ты дотла,
Если в Божьем небе турман.
Только это не судьба
(Белой не была вороной),
Коль цела ещё изба
Князя Дмитрия в Коломне.
Для Престольной будет град,
Чтобы знали, кто такие,
Жениха целуй стократ,
Князя дочка – Евдокия!
Чтоб над Волгой и Окой
Вдовы вновь не голосили
Дмитрий женится. Донской?
Будет и такой в России!..

* * *

Оставались лишь небо для сердца
И раскрытая горсть для семян.
И тогда на тебя, земледельца,
Навалилась вся сразу земля.

Тихо вздрогнули мёрзлые пашни
Вдоль единственной, вечной межи,
За которой, бесследно пропавший,
Вопреки чёрной памяти жив...

Решим ли все проблемы сразу
Иль ни единой не решим?
Так подкупают часто стражу,
Чтоб сохранить всю мощь дружин.

Я раб отчий

Как сквозь дырочки на перфоленте
Наше вечное время течёт.
Рекордсмены, себя пожалейте,
Мировые рекорды не в счёт!

Смысл рекордной работы порочен,
Бесплезен наивный престиж.
Исключение только для Сочи,
Ты, Россия, за это простишь...

Белый парус не виден на рейде,
Значит, снова поднял якоря.
И работа, как первая леди,
На борту козыряет не зря.

Я в команду попал, между прочим,
Потому что был духом не слаб.
Первой леди весёлые очи
Заманили меня на корабль.

А признаться, я просто раб отчий,
Для меня есть работа везде,
Но работает тот, кто захочет,
При лампадке и даже звезде...

Эй! Ну кто надо мной там хохочет,
Так азартно смеётся до слёз?
Господа! Я, ей Богу, раб отчий,
Я раб отчий до гроба всерьёз.

Я устроен на зависть так классно,
Благодарен за это судьбе.
Но мешает преступная праздность,
Словно девка хмельная в избе.

Сохраню ли морские владенья,
Что достались мне адским трудом,
Где не будет ни славы, ни денег, –
Из-за них в моей жизни Содом...

Как сидит эта праздность удобно!
Не в засаде, открыто сидит.
Защищают её мои рёбра,
Защищает и грудь, словно щит.

О, как праздность ругаю я гневно,
Как дерусь с ней! Да праздность хитра.
Лицемерит со мной ежедневно
И метёт языком, как метла.

Но осилил душевные муки
И великий соблазн бытия,
Чтоб не знали ни дети, ни внуки,
Чем всю жизнь озабочен был я.

Да! Меня волновала работа,
От макушки терзала до пят,
До седьмого, солёного пота
Шёл с волны на волну мой фрегат.

По бортам было слово «Аврора»,
Тот фрегат, словно страж на Неве!
Я услышу ещё без укора,
Что железо способно ржаветь...

...Вот и кончилась длинная повесть,
А работе не видно конца!
В чём же дело, ответь, моя совесть,
Но не красного ради словца.

Я души в тебе, слышишь, не чаю,
Говорю тебе, глядя в глаза:
«Мы вдвоём за дела отвечаем!»
Мне иначе уже не сказать.

Ни длинней не сказать, ни короче,
Никаким не сказать языком,
Потому, что я только раб отчий,
С господами, увы, не знаком.

Исповедь Пугачёва

Поэма

*Россия – вольных дум оплот.
(Она – не тройка с бубенцами).
Какой бы мог ещё народ
Сводить концы веков с концами?..*

Автор

О, Русь, моё лобное место,
И уши мои, и глаза...
Ужель никому не известно,
Что руки я сам развязал,
Кафтан разорвал свой парчовый...
(Палач, словно ворон в ночи!)
О, Русь, признаёшь Пугачёва?
Признаешь, родная, смолчи!
Стою вот и вижу, как будто
В безбрежной, в безгрешной степи
Следы свои так я запутал,
Как пёс, что сорвался с цепи.
Жаль, не было больше бечёвок –
Треножить безумный табун,
Аркинули все Пугачёва –
Остался непойманым бунт.
Негоже, чтоб в первопрестольной
Шадили смутьянов таких...
Мне надобно смерти, достойной
Степей моих диких Донских...
За то, что злодеем был главным,
За то, что бунтарил и стих,
Прости мне, народ православный,
И ты мне, Россия, прости!
Меня обескрылило небо,
Лишила надежды сума,
И дерзость моя, и свирепость –
Не бедность, не скудость ума.
Россия... Россия... Россия...
Мать-мачеха, слышишь меня?
Мне страх пред тобою осилить –
Как выйти живым из огня.
Боязнь эта смерти подобна,
Бросает то в жар, то в озноб,
Все казни пред ней допотопны
И раем покажется гроб...

...Мой конь был ещё не осёдлан,
Холодной была булава,
Когда по станицам и сёлам
Меня окликала молва.
За дымом обозных ночёвок,
Средь стад кочевых и отар,
Не стало меня – Пугачёва,
Явился живой государь...
Под утренний звон и вечерний
С далёких полей и холмов
Стекалось моё ополчение,
Чтоб дал я и пищу, и кров...
Башкиры... Мордва... И калмыки...
Казак... Или беглый холоп...
Шёл русский единый, великий
Гонимый нуждою народ.
Не поздно об этом, не рано.
Недаром сегодня я тут...
Мне в смелости не было равных,
И крут был... И лют... Но – не плут.
Казань, Оренбург и Саратов
Картечью не раз прожжены,
Казалось и мне, что заплаты
На царских одеждах видны.
Терпеть я не мог унижений
И в бешенстве яром от них,
Подобно бессмертной мишени,
Маячил у стен крепостных.

Россия... Россия... Россия...
Мать-мачеха, слышишь меня?
Страшнее не может быть силы,
Которой дано изменять.
С казачкой лежал ли на сене,
Царём ли в шатре пировал,
Я думал одно: об измене –
Как будто кто мысли сковал!
Стоял ли безмолвно над Волгой,
Гутарил ли с бабой в избе,
Я знал, что осталось недолго
Своей поклоняться судьбе...
Сугробы... Сугробы... Сугробы...
Скрипит под санями мороз...
Ну, что ж вы застыли, холопы,
Ужель помирать будем врозь?

Ужель не иметь больше веры
 В Россию, в свободу, в себя?
 Не смолкли ещё наши ветры
 В Донских и Кубанских степях.
 Пред вами стою, холодея,
 И Бога молю лишь о том,
 Чтоб вы не забыли злодея
 На этом вот месте святом...
 Вовеки не будет здесь пусто!
 И завтра такой же злодей
 Умолкнет от жуткого хруста
 Своих белоснежных костей.
 Россия... Россия... Россия...
 Мать-мачеха, слышишь меня?
 Мне страх пред тобою осилить –
 Как выйти живым из огня...
 Всё! Лес моих дум раскорчёван,
 И час наступил роковой,
 Коль нечего взять с Пугачёва –
 Плачу за него головой...

17.04.1990

Юрий Долгорукий

Рассветы дальнорозки,
 Закаты близоруки.
 До смерти был назойлив
 Князь Юрий Долгорукий.
 Любил пиры и гончих,
 И дерзкий смех кольчуги...
 Народ – чего он хочет,
 Коль по земле кочует,
 Коль средь холмов и речек
 И рощи белоствольной
 Собрался сам на вече
 На звон первопрестольной?
 Знать, позвала столица
 (Оплот всему народный!),
 Недаром запах снится
 Садовый, огородный.
 Рассветы – словно ближе.
 Закаты – словно дальше...
 Польщён ли град? Обижен?
 Я – князь с мечом на страже.

1990 г.

Владимиру Высоцкому

Он родился не поздно, не рано
 И со всеми всегда был на равных:
 На парижских бульварах, на Пресне,
 На последней, смертельной волне.
 А когда начиналась песня,
 Он с собой был на равных вдвойне.

Он родился не поздно, не рано
 И со всеми всегда был на равных:
 В электричке, в пивной и в подьезде,
 На эстраде ревушей, где пел.
 А когда начиналась песня,
 Он пред всеми немножко робел.

Он родился не поздно, не рано.
 Как незрима была его рана.
 Как хотел, чтоб восстали мы вместе
 Против зла, против лжи и рутин.
 А когда начиналась песня,
 Он всегда оставался один.

31.05.1990

* * *

Теперь я только развожу руками:
 Своим поступкам трудно дать отчёт.
 Как мог я с жизнью долго так
 лукавить?

Ведь знал, куда и как она течёт.
 Ведь понимал, всему конец
 приходит:

И ревности, и счастьем, и беде –
 И упадёт от ветра через годы
 Высоких чувств и клятв моих
 плетень...

Теперь я только развожу руками:
 Своим поступкам трудно дать отчёт.
 За каплей капля убивает камень,
 Вот я сижу, веду тем каплям счёт.

* * *

Давай, любимая, прощаться,
Давай прощаться, как сошлись...
Любовь у нас, как танцплощадка,
И это так, и ты не злишь.
И пусть плывут оркестра звуки.
Плывут светло за нами вслед...
О, час убийственной разлуки
Да будет в жизни не во вред!..
Да будут слышаться аккорды
Прощальных вальсов и танго,
Чтоб мы с тобою через годы
Об этом помнили тайком.

31.05.1990

* * *

Если сдвину с плеч обиды
Или кепку – набекрень,
Не сойдёт Земля с орбиты.
Не наступит судный день.
Но на свист весёлый, дерзкий
И на резкий, страстный взгляд
Вздрогнут в страхе занавески,
Так, что скулы заболят.
Я пройду, конечно, мимо
(Сохраняя свой престиж).
Разве той, навек любимой,
Как-то... что-то не простишь?..

* * *

Живу в такой я атмосфере,
Что умоляю иногда:
Приговорили б к высшей вере
Хоть не на долгие года.
Приговорили бы к надежде,
Приговорили бы к любви!
И здесь, и там одни и те же:
Казни и милуй, Бог, любых!
И здесь, и там одно и то же.
Но если отзвонил свой срок,
Ты никому уже не должен –
В затылок...
И себе –
в висок!

17.07.1990

Пустяк

Меня учили с детства драться
За справедливость до крови,
Во имя преданного братства,
Во имя чести и любви.

Пустяк – любая заваруха,
Я не такое перенёс.
Зато поверили друг в друга
Под рукопашную колёс.

Пустяк – любая заваруха...
Этап, конечно, есть этап,
Но не теряйте силу духа
И жизни будущей масштаб.

Пустяк – любая заваруха,
Я не такое пережил...
Смотрю в окно, и в горле сухо.
Смочи, транзитный пассажир...

* * *

Когда тебе уже за сорок,
Когда плод жизни ты вкусил,
То понимаешь, как ты зорок,
Но видеть не осталось сил.
Когда тебе уже за сорок,
Ты знаешь, что там, впереди...
И носишь сердце, как осколок,
Там, где и принято, – в груди...

* * *

На автобусных остановках,
На причалах морских, в метро
Человек в толпе, как иголка,
Обнажает своё нутро.
Обнажает в концертных залах,
В переулках, на площадях,
Обнажает нутро, как жало,
Самого себя не щадя.
На Крещение или Пасху
(Это, в принципе, всё равно!)
Всё, что там, внутри, – нараспашку,
Даже если для глаз темно.

Начинали с любви и начнём этот
 день.
 Только эта любовь не любовь
 Дон Жуана
 В самолете, на пляже, в степном
 шалаше...
 Коль меня упрекают в разбитии
 жбана,
 Значит, новый не сделаю хуже уже...
 Но разбился не жбан, не кувшин
 и не ваза,
 Раскололся мой разум почти
 пополам!
 Это признак нетленной
 критической массы,
 Где на жизнь и на смерть обречён
 каждый грамм.
 Массу я умиряю, как магией магму,
 Но она и во сне всё летит на меня.
 За себя не боюсь, только б выручить
 маму
 И оставить ей кров и лучину огня.
 Заедает мошкá. Как занозы,
 микробы.
 Вирус гриппа впотьмах потерял
 эпицентр.
 И вот в этот момент появился
 Чернобыль –
 Обожжённые руки и кровь на лице.
 Он качнулся, то – взрыв (время
 было за полночь).
 Вопль сирены летел, словно
 лазерный луч...
 Люди звали людей, люди звали
 на помощь...
 Лунный свет над рекой стал горяч
 и колюч.
 Дерзкий, огненный перст
 поднимался над блоком,
 Над четвёртым (оглохшим!)
 безмолвной АЭС.

Все реальные вещи выходят нам
 боком,
 Если в них гениальное что-нибудь
 есть.
 Но об этом потом. А сперва
 об опасном...
 О реакции смерти... Незримой...
 Цепной...
 Блок бетоном себя, как бедой,
 заграбастал,
 Он пощады не ждал у людей
 за спиной...
 Он её не просил. Он остался
 надгробьем.
 И в мгновенье прозрел: атом поднял
 мятеж...
 Поклонись ему низко, грядущий
 Чернобыль,
 Добрым словом у края могилы
 утешь!
 Не кривите уста сердобольно,
 пророки!
 Нет того среди вас, кто укажет
 мой путь.
 Человеку прощаются даже пороки
 В час, когда он выходит
 из собственных пут.
 Все расчеты ничто, если властвует
 случай,
 Если сила стихии вольна, как волна.
 Только горе беды избегать нас
 научит,
 И такая наука – не наша вина.
 Но она – бытиё! И считаться с ней
 надо,
 Бесконечная мысль тоже знает
 предел,
 Кто бы мог предсказать, что изменит
 нам атом
 В безупречной, в его же исконной
 среде?

Джин ослепнул со зла.
(Мы не зря рисковали),
Но откуда взялось оно, это вот зло?
Может, люди ушли от своих
наковален,
Может, сеять и жать –
не людей ремесло?

О, мой век! Неужели ты только
свидетель?
Не поднимешься больше в заветный
зенит?
Люди стали сегодня правдивы,
как дети.
Может, эта загадка тебя осенит?

Люди стали щедрей. Люди стали
роднее...
Вновь реактор бедой нам и горем
грозит.
В человеке порой разобраться
труднее,
Чем цепную реакцию зла загасить.

Что скажу сыновьям, соловьям
и берёзам?
Что отвечу жене на безмолвный
вопрос?
Много было у нас парадоксов,
курьезов,
Тайн, загадок и метаморфоз...

Мы вникали во всё без нужды
и без спроса,
Шли в края, что другим во владенья
даны.
Изгоняли чёртей, били ведьм ниже
пояса
И у Демона в сердце искали тайник.

Нам позволено всё! Мы стоим вне
закона,
Передвинули стрелки часов всех
на днях.
Из-за нас Прометей был к утёсу
прикован –

Как искали мы, люди, хоть отблеск
огня!
Настроение дрянь... «Фёрст гуд
ньюз»¹ сообщает:
«Мирный атом закован Москвой
в саркофаг».
...Смерть любые ошибки прощает,
Жизнь карает не зря тех,
кто выронил флаг.

Настроение дрянь... «Фёрст гуд
ньюз» сообщает:
«Да, реактор навек замурован
в бетон...».
И Чернобыль души в той гробнице
не чаёт.
Но утечка... Утечка идёт, словно
стон...

Настроение дрянь... Разберёмся,
пожалуй.
Значит, разум нечестно играет
собой.
Потому что в глазах моих –
лица пожарных,
А на лицах такая обидная боль.

Не скажу, где на счастье прибита
подкова.
Знаю, где теребят телефон по ночам.
Я тревожу вас, слышите,
доктор Гуськова².
То, что вышло, исправить нельзя
без врача.

Курс лечения будет, признаюсь я,
долг,
Лучевая болезнь не итог сквозняка...
Если нужен до смерти сейчас
радиолог,
Значит, жизнь не валяет уже дурака.

1. Американская газета.

2. Ангелина Константиновна Гуськова, советский и российский врач-радиолог, доктор медицинских наук, профессор, участвовала в лечении пострадавших в результате Чернобыльской аварии.

Был?! Да я восхищен и теперь
(О, моя лебединая песня!).
Показалось? И я не стерпел,
Подошёл и застыл перед бездной.

– Я не пропасть, – услышал слова. –
Я – любовь! Я твоя! Я – загадка!
Кто кого до утра целовал?
Горько вспомнить,
а было так сладко.

Не дано нам менять ремесло
И терять человеческий облик.
Всем чертям вопреки и назло
Я тяну этих строчек оглобли.

Жизнь, как жизнь. Глаз за глаз.
Кровь за кровь.
Ничего и не надобно больше.
Остальное – сплошная любовь,
Без которой никто жить не может...
30.10.1990

И сам не свой

Поэма

Кого из нас не мучает сознание
Реальности обычной вопреки,
Что человек – особое создание,
Что всё ему подвластно, всё с руки...

Телесной не испытывая кары
И совести не ведая суда,
Так глубоко мы в тайны проникали,
Что дальше – ни туда и ни сюда.

Не требуя уступок и поблажек,
Старались оторваться от земли.
И отрывались... (И с успехом даже!)
От дома своего и от семьи,

От Родины, от чаяний народа...
И если случай приведёт назад,
Мы всё равно вокруг посмотрим
гордо,

Найдём, что в оправдание сказать.

Во мне, как и во всяком человеке,
Живущем по законам бытия,
Как будто бы сроднились (и навеки)
Чужое МЫ и собственное Я.

Сроднились после тягостных
скитаний
Не для сенсаций, слухов и молвы.
Сроднились (и не зря) для сбора
дани
Друг с друга, не теряя головы.

Сроднились, не придав тому
значений,
Без вечной разделяющей межи
И дерзкий клич бессчётных
ополчений,
И кроткий зов божественной души.

Чей голос мне дороже и роднее,
Чья ближе и понятнее судьба?
То становлюсь богаче, то беднее,
То мир во мне, то вспыхнет
вдруг борьба.

Я рос среди полыни и осота –
Видна была одна лишь голова.
И жизнь моя казалась первосортной,
Об этом помнит дикая трава.

В саду или на грядке огородной,
Поверив в исключительность корней,
Я говорил всё то, что мне угодно,
И делал так, как было надо мне.

Страх одолел, боязнь сковала разум,
И скорбью переполнилась душа,
Когда среди бурьяна вспомнил фразу:
«Мы не рабы...». И больше – ни шиша.

Качались, как казачьи сёдла, степи,
И голос был подобием мольбы:
– Мы не рабы... (Так говорили
стебли!),

Мы просто беззащитны и слабы...

* * *

Мужики, дружнее сдвинем кружки
И осушим разом их до дна!
Мы должны в России жить
по-русски,
Чтобы душ святых не запятнать.

Мы не ваньки-встаньки,
не петрушки
И не скоморохи, не шуты.
Мы должны в России жить
по-русски,
И мечи нужны нам, и щиты.
Мы преодолеем перегрузки
И психологический барьер...
Мы должны в России жить
по-русски,
Собираясь быть в СССР.

13.04.1991

* * *

Если сам себе я нужен,
Как отечеству холоп,
Затяну ремень потуже,
Садану ладонью в лоб.

Сапоги намажу салом
Так, чтоб слюнки потекли,
И потопаю по шпалам
Я до станции Акри.

Там на Пасху на платформе
Дикий, как степной бурьян,
Мне цыганочку исполнит
Самый русский из цыган.

И подумаю я позже,
Горько сплюнув на асфальт:
– А крестился ведь, безбожник.
Может, в чём-то виноват?

Затяну ремень потуже,
Кепку сдвину набекрень.
Лучше будет или хуже?
Дальше даже думать лень...

* * *

Когда земля меня вскормила,
Как дикий стебель на меже,
«Не сотвори себе кумира»... –
В моей послышалось душе.

Со страхом я взглянул на небо
И, одолев в себе испуг,
Сказал: «Ведь это так нелепо...
Так неожиданно... так вдруг...».

И дальше жил, враждую мирно,
Храня сомнения свои.
«Не сотвори себе кумира»... –
Как будто взял и сотворил.

Не очень ласково и мило
Звучал настойчивый завет:
«Не сотвори себе кумира».
Не сотвори себе во вред.

Не сотвори и господина,
Не сотвори себе раба,
Конечно, наша жизнь едина,
И, если что, то всем – труба.

Дают по две «ноль пять» на рыло,
По десять пачек сигарет...
«Не сотвори себе кумира»...
Не сотворю... Ей Богу, нет!

* * *

Степи, степи... Без конца и края.
В жизни не бывал я с ними врозь.
И вокруг тоска такая злая,
Что глотает пыль из-под колёс.

Вот она – крестьянская глубинка,
Вот они – рабочие верха!
В ЗИЛовской и ГАЗовской кабинках
Добираться нам туда века.

Хорошо, когда загружен кузов,
Благодать, когда полезен груз.
По всему Советскому Союзу
Расселилась изгнанная Русь.

То колодец там, на перекрестке,
То скирда, где виден переезд,
То полянка, словно для берёзки,
За берёзкой виден чей-то крест.

И – простор. Простор необозримый,
Без преград для мысли и молвы...
Только было б место для озимых
И нашёлся б клин для яровых.
Вот она, крестьянская глубинка,
Вот они, рабочие верха,
Чувств каких-то светлых паутинка,
И слова, как будто лемеха.

Легенда о Кашире

Поэма

*Где Симферополь, где Кашира,
Где поворот, где стуск крутой...*

Владимир Солоухин

Русь, конечно же, огромна,
Русь безмерно велика,
Но известно, где Коломна,
Где Москва и где Ока.

Ну, держи карман пошире,
Зря смекалку не гранжирь!
Если семь церквей в Кашире,
Сколько на Руси кашир?

На Руси нерукотворной,
Где казна, что медный грош,
Где возвысился крамольно,
Как на тризне, бранный ковш, –
В ту Каширу всяк не вхож!

Там бескрайние уголья –
Кровью полита земля.
Там синица и сегодня
Стоит больше журавля.

Как в мешке дырявом шило
Настораживает взгляд,
Для Москвы была Кашира
И осталась... Жаль терять!

Шли в лаптях в столицу гуси.
Мёд... Сметана... И грибы...
Так затягивался узел
Нашей рыночной судьбы.

Под полой рождались цены,
Предложения и спрос.
Но с продажи пять процентов
Лишь мужик имел в мороз.

Оскудели нынче пойма
И руновские сады...
Коль виновник будет пойман,
Кто осмелится судить?

Дефицитная посуда
Выносилась, словно хлам...
А потом явилось чудо –
Вновь воскрес Введенский храм.

Бес во мне дышал на ладан,
Над землей разверзлась тьма,
И воспламенились рядом
Две свечи: Отец и Мать...

Беззащитным было пламя
Супротив вселенской лжи.
Боже мой, однако память...
Господи, однако жизнь...

Две свечи. Две русских доли
На слезах, как на песке.
Был на исповеди что ли?
Не обмолвился ни с кем...

Избежали муки рая,
Радость вынести б в аду.
Наконец-то жизнь такая,
Как в 17-ом году.

Нет давно уже «Стрелецкой»
(Этикетка с топором),
И по улице Советской
Не пробраться на паром...

Не сверкнуть в карете царской
Мимо служащих ГАИ...
Продвигаться по Пушкинской
Лучше на своих двоих...

Там в интимной обстановке
Как-то стрелочник сказал:
«Нет в коммуне остановки?
Не увидите вокзал!

Мне другой не нужно жизни,
Я по горло этой сыт!..
Если уж не смог Дзержинский...
Что сейчас... Кому грозит?..»

Вот спросите старожила,
Хоть с Рыбацкой, хоть с Ямской,
Где она теперь, Кашира
И была она какой?

Прозвучит ответ нелепо,
Озадачив чуткий слух:
«Нет её... Ушла на небо,
На земле оставив дух...

А была она такая,
Что пером не описать,
Да ушла, ни в чем не каясь,
Шесть веков с лихвой назад»...

24.08.1991

* * *

Попробуйте хоть несколько
минут –
Не говорю о том, чтоб ежечасно, –
В душе своей долбить промёрзший
грунт
И верить в то, что теплится там
счастье.

Попробуйте – один всего лишь раз –
Найти в себе такую силу духа,
Чтоб искры не посыпались из глаз,
Когда влетит за дело оплеуха.

V. «Гвоздь загнуть в каблуке перестройки»

Плач

Плач – старинная обрядовая песня на похоронах, поминках или свадьбе. Словарь русского языка И. Ожегова

Плачь Россия безмолвная, плачь.
Хошь под слёзы, а хошь –
под гармошку...
Александр Сергеевич правил
первач,
А Сергей Александрович – в доску...

Оба были – семь пядей во лбу,
Оба были в почёте и силе.
Оба ставили грош на судьбу,
Оба ставили жизнь на Россию.

Плачь, Россия безмолвная, плачь,
Горе всем на земле и на небе,
В борозде спотыкается грач,
Там, за тучами, падает лебедь.

Словно в бездну уходит зерно,
Выбираются корни наружу...
Молотили Россию, как сноп,
Убивая и тело, и душу.

Плачь, Россия безмолвная, плачь,
Поминальные светятся свечи...
Как огонь их высок и горяч!
Околпачить хотели, да нечем...

Объегорить – и то невдомёк,
Испугались кромешного ада.
Пред Россией – во мне огонёк.
Словно перед бойницей – лампада.

Плачь, Россия безмолвная, плачь,
После слёз и светлее, и легче,
Чёртов свет глух, и нем, и незряч,
Божий свет наши раны залечит.

Есть в России извечный черёд –
Не поймёшь, кто последний,
кто крайний.
То бунтует крещёный народ,
То другой – словно буря в стакане.

Плачь, Россия безмолвная, плачь,
Обобрали себя мы до нитки.
Бедный ситец да нищий кумач –
Неужель пролетарские лики?

Наш рабочий? Крестьянин?
Солдат?
Наш (советский ещё) заключенный?
Век свободы, клянусь, не видать,
Белый свет наш воистину чёрный.

Плачь, Россия безмолвная, плачь,
Есть одна только в жизни прореха:
Сколько сам на себя ни батрачь,
Не до шуток, увы, не до смеха...

Сколько сам по себе ни паши,
Благодать не имеет предела,
Потому что границы души
С рубежами не сходятся тела.

Плачь, Россия безмолвная, плачь,
Если мы господа и вельможи,
Если мы и на тёртый калач,
И на чёрную пайку похожи.

Если нам от сумы и тюрьмы
Отказаться не велено свыше.
Если мы... Если мы... Если мы...
Ну, да ведь ничего не попишешь.

07.01.1992

В вагоне

Да, мужик, видать, хлебнул ты горя!
Выйдем в тамбур, станем у дверей,
Там, о всякой всячине глаголя,
Ехать будет всё-таки быстрее.

И увидим, как из ресторана
Сытые выходят господа...
Только не срывавай, прошу,
стоп-крана!
Тормозить не стоит никогда.

Лучше набирать всё время скорость,
Чтоб вся жизнь слилась в сплошной
поток!

Видишь, как Россия раскололась,
Это торможения итог.

Молитва

Во имя Отца и Сына,
Во имя Святого Духа,
Берёзы, ольхи, осины,
Телеги, просёлка, луга...

Во имя Отца и Сына,
Во имя Святого Духа,
Лампы моей керосиновой,
Железных ладоней плуга,
Тропинки, ручья, осоки,
Безмолвной, как небо, пашни,
Чтоб не трещали сороки...
С Останкинской телебашни...

Во имя Отца и Сына,
Во имя Введенской церкви,
Пусть волки будут сытыми,
И овцы пусть будут целы...

Во имя Отца и Сына,
Во имя Святого Духа,
Во имя тебя, Россия,
Чтоб вылез я из трясины
Назло чужестранным слухам.

* * *

Живу, но так, на всякий случай,
Как паровоз на всех парах.
И как участник ярый путча,
И как его смертельный враг.

Живу, по сути разговора,
Мне не до собственной судьбы.
Там, на Неве, стоит «Аврора»,
Источник холостой стрельбы.

Воспринимаю всё двойко,
Куда теперь: вперёд? Назад?
Когда опять поднимут якорь,
Какой во тьме услышу залп?..

Живу. Мечтаю: «Будет лучше».
Живу на свой и риск, и страх,
И как участник ярый путча.
И как его смертельный враг.

1992 г.

* * *

Завтра я депешу настрочу
Самому высокому вельможе:
«Дайте мне пожить, как я хочу,
Потому что так я жить и должен.

Потому что лёгкостью небес,
Тяжестью земного притяженья
Времени на жизнь дано в обрез,
А тем паче – для раскрепощенья.

Потому что грешен или нет,
Только после смерти скажут судьи,
Потому что чёрен белый свет
И не докопаешься до сути...».

Чтоб не задымилось перо
И не загорелась бумага,
Текст перепишу я набело,
Подпишусь под ним единым махом.

* * *

Стихи писать удобно ночью,
А прозу – выгоднее днём.
Я убедился в том воочию,
Объятый творческим огнём.

28.05.1992

* * *

Пусть дорожают с каждым днём
билеты,

Без расписанья ходят поезда,
Я всё равно на родину приеду –
Вот только б самому не опоздать...

Я всё равно на родину приеду,
К отцу, и к матери, и к бабушке,
и к деду.

Ко всей живущей в памяти родне,
Живущей, как в чужой теперь
стране.

Я обойду заставы и границы,
Пересеку любые рубежи, –
Мне надо предкам низко

поклониться
И той земле, в которой скоро жить.

Пусть дорожают с каждым днём
билеты,

Без расписанья ходят поезда,
Но говорят народные приметы:
«Час Родины, решающий настал».

Я всё равно на родину приеду,
Измученный изменчивой судьбой,
А там хоть раз отпраздную победу
Когда-нибудь хоть над самим собой.

06.08.1992

Комнатёнка без ремонта
Целых сорок лет,
И живу я в ней без понта,
Да и жил бы впредь...
Мяса нет. Сплошные кости!
Что и нужно мне.
И никто не ходит в гости,
Тишина, как на погосте
В полночь при луне.

Некролог

О, как жалею я порой,
Что не прочёл людскую повесть,
Где положительный герой –
Всечеловеческая совесть.

Она избита так уже,
Так изуродована внешне,
Что никакой, увы, сюжет
Не исцелит во тьме крошечной.

О, совесть! Каждый Божий день
Тревожно дышишь ты на ладан
И на людей бросаешь тень,
Как на тюрьму её ограда.

И если ты ещё не спишь
Сном безмятежным, беспробудным,
То, значит, ты опять столбишь
Дорогу в будущее будни...

Жаль, мне не взять уже пера –
Переписать людскую повесть,
Где раздевают догола
И распинают люди совесть.

Друзьям по общежитию

Спасибо, ребята, за мёд,
За чайную ложечку мёда!
Не каждый сегодня поймёт,
Что помощь больному не мода.

Не каждому Богом дано
Делиться последним по-братски,
Но мы друг за друга горой
Ещё постоим в век наш адский.

Да, я говорю наотрез,
За каждое слово в ответе.
Меня не ломает болезнь,
Пока мы все вместе на свете.

Спасибо, ребята, за мёд,
За лучшее в жизни лекарство!
Признаться, я был уже мёртв,
Как наше теперь государство.
24.10.1992

Связь

Разошлись... и связи рвутся звенья,
Нам уже их в жизни не сцепить.
Память зарастёт травой забвенья,
Как окоп в распаханной степи.

Разошлись... и никакого звука!
Но, мудрей с годами становясь,
Мы поймём, какой была нам мукой
Сладострастья временная связь.

Разошлись... и связи рвутся нити,
Нити между небом и землёй...
Всё равно когда-нибудь в зените
Встретимся навечно всей семьёй.

Кровь

Не зная берегов,
Ни устья, ни истока,
Течёт людская кровь,
Течёт, течёт, и только.

Что ей очаг? Что кровь?
Ни родины, ни рода!
Течёт людская кровь –
Закон круговорота.

Ни злых, ни добрых слов –
Нейтралитет потока!
Течёт людская кровь,
Течёт, течёт, и только.
Окоп. Траншея. Ров.
И кое-где местами
Вдруг замирает кровь
Могильными крестами.

Свет

Вопрошал я у кувалды,
Спрашивал и у серпа:
«Значит, жить теперь без правды –
Наша доля и судьба?»

Вопрошал и у народа:
«Значит, ближе свой карман,
Чем духовная свобода,
Чувств сердечных океан?»

И запомнил я навеки
Тот, единственный ответ:
«После тщательной примерки
Так устроен белый свет!»

Небесные кони

Поэма

I.
Простите нас, скифские кони,
За наши земные грехи...
Вас больше никто не накормит,
Не даст отдохнуть от сохи.

И на ночь не снимут уздечки
С горячих и трепетных губ.
Мой ядерный век бессердечный
На чувства бессмертные скуп.

Мой ядерный век, словно робот,
От пашни безмолвной до звёзд.
Он слышит копыт ваших цокот,
Как в яслях хрустящий овёс.

Простите, небесные кони,
Давно распахали тропу,
Где сочные стебли, как корни,
Кормили бы целый табун.

Простите, крылатые кони,
Что вас мы спасти не смогли,
Остались на память иконы,
И те на кострах мы сожгли.

Сгорели телеги и брички,
И упряжь сгорела давно...
Сгорела, увы, не от спички –
От шалости детской с огнём.

II.
Ах, кони! Ретивые кони!
Грызите свои удила,
Но вам не уйти от погони,
Коль жизнь, словно сажа, бела.

И вам не уйти от прогресса,
От этих железных коней...
О том разглагольствует пресса,
И я разглагольствую с ней.

Ах, кони! Гривастые кони!
Где ваша степная трава?
Вы были, как воры в законе,
На всё бы имели права!

Ах, кони! Небесные кони!
Летите! Аллур три креста...
Когда-то я сам был в загоне
И думал, что совесть чиста...

III.
Прощайте, гривастые кони,
Прощайте на веки веков,
Заменят вас бритые клоны
С напёрстками вместо подков.
С пружинами вместо лодыжек,
С моторами вместо сердец,
И после глубоких отдышек
Прогрессу наступит конец.

Прощайте, крылатые кони,
Вас ждут над землей небеса.
Пусть дух ваш, земле непокорный,
Внезапно взлетит, как десант...
И тут же вернётся назад.

Эго

Полемическая поэма

I.
Я – эго! Я альфа всему и омега.
Я – эхо! Безмолвно живу меж людей,
Зимой я с морозом, с сугробами
снега,
А летом – с цветами оживших идей,
Удел мой, которым я всюду владел.

Я – эго! Ругайте меня и браните.
Я – эхо! Я – отклик болезненных
ран.
Мой голос на небе, как солнце в
зените,
А вот на земле все слова – бумеранг.
То Библию славят, то славят Коран.

Я – эго! Я – эхо! Ни меньше,
ни больше,
Мне всё человечество, словно
хомут...
И Господом жребий последний был
брошен,
Тот жребий достался на счастье уму,
Поскольку не нужен был ум никому.

С ума и начнём этот диспут
открытый
И спросим прилюдно: где счастье
теперь?
«Всё там же, где ваши собаки
зарыты», –
Услышим известный,
преемственный перл,
Страдания и муки он, бедный,
терпел.

О, как насобачился разум в ответах,
Народ никогда ничего не поймёт!
И эхо, запутавшись в срубленных
ветках,
Для нашего слуха не будет как мёд.
Да будет Господь для нас жив,
а не мёртв.

II.
Я – эго! Ещё Робин Гуд и Айвенго,
Ещё и Чапаев, и Щорс, и Махно...
И все исчезают, явившись
мгновенно,
Как будто другого уже не дано.
Ни здесь и ни там, где живым
всё равно.

Я – эго! Я в принципе вечное кредо
Любых убеждений, сомнений и грёз.
Я предок всему и поэтому крепок,
Без смеха живу и, конечно, без слёз,
Тем паче без сказочных метаморфоз.

Я – эго! Я – эхо с безлюдного берега,
Где виден под небом унылый погост,
Где души, не знавшие в жизни
успеха,
Теперь поднимаются в полный
свой рост –
Продолжить под звёздами
ангельский пост.

Желания оных явиться на диспут,
Узнать бытия бесконечную цель –
Бесспорно, похвальны! И надобно
б тиснуть
Афишу об этом: «Сегодня концерт!
Курировать будет его Парацельс».
Шаляпин споёт: «Эх, дубинушка,
ухнем!»
Есенин прочтёт вдохновенно стихи,
И вспомнит гнедых под гитару
Алухтин,
Цыганские песни для чар колдовских
И про ямщиков не забудет лихих...

Ш.

Я – эго! Не путать прошу с эгоистом,
Не стоит мешать меня с праздной
толпой.

Я – эго! Душа моя в роли горниста,
И разум за ней поднимается в бой,
Но бьётся, по сути, с самим же
собой.

Кому умирать в этой жизни охота?
Ответить на этот вопрос не могу.
Вот гибнет идущая на смерть
пехота,
Смертельные раны наносит врагу,
А враг пред врагом не бывает
в долгу.

Я – эго! Разбитая в щепки телега,
И кровь, словно мак, расцвела
на снегу.
Откуда я начал, туда и приехал,
Лишь месяц в дороге добавил
серьгу...
Он думал, я тройку в телегу впрягу.

Жизнь есть жизнь

Жизнь есть жизнь. Её удел –
движенье.
Принципу мы этому верны.
Но движенье это – приближенье
К самому себе, когда уныл
И не видно под рукой чернил,
Чтоб перечеркнуть, что сочинил...

Жизнь есть жизнь. Её удел –
движенье.
Без движенья наша жизнь мертва.
Но движенье не для униженья,
Так гласит бессмертная молва...
Вот за эти вещие слова
Жизнь свою всю жизнь я целовал.

Сталин

Он был альфа и омега,
Он – синоним личной власти.
Семь арестов, пять побегов
Из-за большевистской масти.

Не любил еврейских шуток
И бранил мороз колючий.
Был в чулане полушубок,
Валенки на всякий случай.

При обычной, скудной жизни
Помогал партийной кассе
И мечтал о коммунизме,
И, мечтая, был опасен.

Да! Искал врагов народа.
Да! Враги в то время были...
Сталин – ленинской породы,
Той, что вышла из Сибири.

Образ Сталина нетленен,
На него не вышла мода
Для грядущих поколений,
То есть просто для народа.

Кто имеет глаза и уши

Кто имеет глаза и уши,
За зубами таит язык,
Понимает, что хлеб насущный
Добывает простой мужик.

Кто имеет живую душу,
Кто не держит в карманах рук,
Обойдёт стороною кущи,
Топора не услышав стук.

Кто имеет глаза и уши,
Кто не прячет в потемках лик,
Не рассмотрит в кофейной гуще:
Он ничтожен или велик.

А на водах или на суше
Всем моментам потерян счёт,
Кроме первого, что упущен,
И последнего, что течёт...

Вот поэтому я с порога,
Светом солнечным весь лучась,
Как учила меня эпоха,
Здесь живу, и живу сейчас.

Жизнь по уму

Сонет

Перестал торопиться, спешить
И опаздывать вдруг перестал,
Только не потому, что я стар, –
Стал умом, а не чувствами жить.

Грех тоску и печаль ворошить
И не знать ликования литавр.
Оставляю пустым пьедестал –
От ораторства в горле першит.

Пушкин памятник делом воздвиг,
Ну, а я, к сожалению, – фиг...

От смешного до грустного шаг,
Шаг всего! И ни больше, ни меньше.
Стал умом жить... А что же душа?
А душа без стихов и без женщин.

Дядя Петя бьёт в тельяшку

Дядя Петя бьёт в тельяшку,
Зубы стиснув, как тиски:
«Не дадите больше бражки –
Разнесу всех на куски!»

Грудь его идёт, как крейсер,
Грунт тараня, как линкор.
Если где-то берег треснет,
Будет морю нелегко...

А Петру моря, что лужи,
И по пояс океан...
«Это я, – кричит, – контуженный?
Это я, – орёт он, – пьян?»

Мне плевать, что мир хороший,
Я его от смерти спас!» –
И в горячке чёрной клёши,
Руки-вёсла – тоже в пляс.

Дядя Петя бьёт в тельяшку,
Зубы стиснув, как тиски:
«Были б души нараспашку
И короче языки...».

Бартерный сезон

Кричим и шепчем в унисон,
Что совесть есть всему мерило.
В России бартерный сезон,
Как будто бархатный период.

Иду и я, как все, на риск,
Меня безделье злит и бесит.
Меняю Сочи на Норильск,
Орешек кедровый – на персик.

Акри согласен – на Стамбул.
Париж отдам за Ожерелье.
Меняю мясо на шампур –
Боюсь до смерти ожиренья.

Живу в Кашире, как пижон,
Жене давно не муж, а «врио» –
В России бархатный сезон.
Как будто бартерный период.

Мне все равно, что вверх,
что вниз, –

Одна и та же перегрузка.
Капитализм – на коммунизм?
Но то в кругу довольно узком!

Мне всё равно: назад... вперёд...
Я предрассудком не владею.
Но не хочу, чтоб вновь народ
Менял идею на идею...

29.09.1992

Меланхолия

О какой волноваться судьбе?
От макушки спокоен до пят.
Домовой куролесит в избе.
Ведьма возится с сажей в трубе,
Половицы да двери скрипят.

Что ж, что в горнице светлой темно,
Квас да редька опять на столе.
Свежим хлебом не пахнет давно,
Тараканов за печкой полно –
Эту братию не одолеть.

В никакие не верю слова,
И не верю в таинственный чек.
Вот дожить бы мне до Покрова,
Да качнуть там, где надо, права,
Да успеть бы на Ноев Ковчег.

О какой волноваться судьбе?
От макушки спокоен до пят.
Всё проходит само по себе,
Только время не движется вспять,
Да Христос, как и прежде, распят.

29.09.1992

Биография

У меня всегда перед глазами –
Мужества и верности пример.
Потому что я под небесами
На земле отца и мать имел.

Я придумал их себе в детдоме,
По ночам глаза в потолок:
Мама на Магнитке строит домну,
Папа – ворошиловский стрелок.

Родина простит за всё без скидки,
Ежели по крови с ней близки.
До сих пор нужны стране магнитки
И, конечно, меткие стрелки...

После из таких вот биографий
Я собрал в тетрасточке одну –
Из газет... из писем... фотографий...
Из последних сводок про войну...

И когда меня всерьёз спросили,
Кто мои родители и где,
Смело я смотрел в глаза России,
А на тех, кто спрашивал, глядел...

Сказ о Кашире

Фрагменты поэмы

До небес превозносила
И лицом бросала в грязь...
Так языческая сила
Почитала отродясь,
Будь холоп ты или князь.
Так в России и сегодня,
И в Кашире в том числе:
Но велела власть Господня –
Быть порядку на земле!
Суть всего – в добре и зле.
От добра добра не ищут,
От злодейства спасу нет.
Дёгтем пахнут голенища –
Ну, какой оставим след,
Что, опять себе во вред?
Первый камень – белый камень.
А второй – ещё белей!
Головою и руками
Строить легче и быстрее...
Заруби на лбу, пострел!
Вот и храм Успенский, белый,
Словно лебедь над Окой...
Радость плачет? Сдали нервы?
Что пытаешь? Кто такой?
До Москвы – подать рукой...

...

Вот на том и порешили –
С Богом заодно народ:
На Оке стоять Кашире.
Сад иметь и огород,
И чтоб страж был у ворот.
Там, за вольной Волгой, ханы
Не спускают глаз с Москвы,
С мёртвой хваткою арканы
До локтей уже в крови –
Пеплом стелется ковыль...
Быть тебе, Кашира, белой
Перед чёрною ордой.
Быть тебе отныне первой
Перед горем и бедой –
Освятись живой водой!
Враг коварный, вероломный,
Иже нет ему числа.
Не до нас сестре Коломне –
За подмогой не послать.
На свою надейся рать...

...

Та Кашира лишь в помине,
Но стоит цела Москва.
И твоё, Кашира, имя
Сохранила всё ж молва,
А молва всегда жива.

...

...Вот на том и порешили –
С Богом заодно народ:
Быть в России вновь Кашире...
На Оке нашёлся брод.
Все воды набрали в рот...
Левый берег был пологий,
Правый – в высь на полверсты.
Помолились у дороги
На могильные кресты...
Русь! Боишься высоты?
Вот на том и порешили –
С неба будет благодать.
Ковш по кругу осушили,
Что второго не видать?

Пропадать так пропадать!
Не пропали! С неба сдуло
Стаи галок и ворон.
Взору вдруг открылась Тула,
На холмах – Московский трон
С четырех со всех сторон.
Русь была, как на ладони:
Пойма, лес, почтовый тракт...
Мужики, ну, кто нас тронет,
Кто не знает русских драк?
Иноходец не дурак!
Русь была, как на ладони:
Лужники, Акри, пустырь,
Барки волжские в затоне,
Белый храм и монастырь –
Место, чтоб блюсти посты...
А над всем правобережьем –
Неба синие холсты...
Видишь, сударь мой любезный,
Сколько дивной красоты,
Да такой – с ума сойти!
Видишь, там как будто небо,
То, представь себе, Ока!
И Россия тянет невод
И не вытянет пока –
Не найдётся рыбака...

...

Э-эх, и ярмарка в Кашире –
Негде яблоку упасть!
Но держи карман пошире,
Если ты мужик лобаст,
Бог возлюбит и подаст.
В тесноте да не в обиде –
Навались, базарный люд!
Ты ещё, клянусь, не видел,
Как в России продают.
Вон стрельцы верёвки вьют!..
Что за смех и много шума,
Покажи товар лицом!
На овце дубленка? Шуба?
Разве курица с яйцом?
Хрен уж точно с холодцом!
Не скупись, святые души,
Выбирай на цвет и вкус.

И перины, и подушки
Отдаёт в придачу гусь.
Что во сне увидишь, Русь?
Ванька-встанька и Матрёшка
На ретивом Горбунке,
С балалайкой и гармошкой,
С пайкой хлеба в узелке
Разом ойкнули: о'кей!
То услышала Жар-Птица
И сказала Горбунку:
«Если сей базар продлится,
Петь я стану на суку
Не своё «Кукареку»...
Речь продолжила лягушка,
Как царевна, пряча взор:
«Люди добрые, игрушки,
Приглашаю всех за стол,
Стол задаром, что престол!»
Твердолобых в лоб бьют ложкой,
И тогда они умней.
Шла в сафьяновых сапожках
Ярмарка до наших дней.
Я присутствовал на ней.

Каша

Заварили всё же кашу,
Замесили так хлеба,
Что расхлёбывают сажу
Даже печка и труба.
Не унять деревню нашу –
Вон колокола как бьют!
Глянь, а белые-то пляшут,
Слышь, а красные поют.
Праздник что ль опять сегодня?
Ну, народа – просто жуть!
Стенкой синие выходят,
И коричневые жмут.
Жёлтых вроде бы не густо,
Чёрных и в помине нет...
А ведь письменно и устно
Зазывали на обед.
Перемыли ложки, миски,
Подмели метлой в избе,
Позаимствовали мысли

У вождей ВКП (б).
Заварили всё же кашу,
Веселись, крещёный люд!
Видишь, красные-то пляшут,
Слышишь, белые поют...

15.12.1992

Русская зима

Поэма

*В пространствах беспредельных
Горят материки.
В подвалах и котельных
Не спят истопники.*

Б. Пастернак

Когда стоят в России холода,
Когда вокруг безмолвствует
природа,
Любое вече можно оправдать:
Всё русское для русского народа.

Когда на шпалах рельсы рвёт мороз,
Когда от взмаха в щепки вся колода,
У многих начинается склероз –
Всё русское для русского народа.

Когда снега метель метлой метёт,
Когда на вздох осталось кислорода,
То никому никто уже не врёт –
Все русское для русского народа.

На холода я, в принципе, чихал.
Нет крепче спирта на Руси мороза,
Тем паче, что и Ленин – кочегар,
Бросает уголь в топку скрупулёзно.

У нас, в России, каждый гражданин
От двух столиц до самых до окраин
Берёт себе достойный псевдоним.
Тот Авель, например, а этот – Каин!..

* * *

Теперь легко. Теперь спокойно
Смотрю на всё, что есть окрест.
Но в раме видится оконной
Всё тот же, тот же чёрный крест.
С боков сжимают те же стены,
И давит сверху потолок,
На мне лежат безмолвно тени
Креста и вдоль и поперёк.

Победы День

Взмахнул руками и упал.
Упал на землю и пропал.
Пропал... Исчез с лица земли,
Чтоб стать безвестным для семьи.
Чтоб стать чужим для отчих мест,
Чтоб не смогли поставить крест.
Чтоб даже холмик не возник...
Чтоб корень жизни не проник
К нему туда, где мрак и тлен...
Вот так пришёл Победы День.

* * *

Увы, надежды больше нет
Рассчитывать на все земные блага,
Но если ты действительно поэт –
Перо необходимы и бумага.

Время

Слава Богу, без лжи и лести
День прошёл, а за ним и ночь.
Провалиться на страшном месте,
Это было уже точь-в-точь.

И костра замерзает пламя,
И безмолвна уже толпа,
И меня убивает память,
Как вассал своего раба.

Время сводит концы с концами –
Узел вяжет не на авось...
Вот и тащат в слезах щипцами
Из Распятья последний гвоздь.

* * *

С гор бежавший ко мне Уруп,
Мотыльком порхал возле губ.
И казалось мне, что река
Крылья просит у мотылька.

Хлеб

Я расскажу про степи,
Где спеет солнца мёд,
Где перепёлки лепет
Лишь перепел поймёт.

Я расскажу про степи,
Где колкий колос креп,
Где шепчет каждый стебель
Одно и то же – хлеб!

Я расскажу про степи,
Где, как кубанский герб,
Качаясь, автосцепы
Везут на спинах хлеб.

Круговая порука

Степной чабрец, ромашка полевая,
Не знающая прихоти польнь...
У нас с травой – порука круговая
В оврагах, на холмах, среди долин.
Жжёт суховей, накрапывает дождик,
Иль усомнимся в чём-нибудь

слегка –

С обочины поддержит подорожник,
Даст силы синий веер василька.
Где солнцепёк и где в лесу прохлада,
Где пришлая, где местная молва...
Из-под земли, но вынесет мне
радость

Пора

Просторы чувств, ветра эмоций,
Ассоциаций вновь игра,
Я заявить уполномочен,
Что голь на выдумки хитра.
Пуускай не сделалась богаче
И не займёт нигде ума,
(От всех грехов Россия спрячет,
Всегда есть посох и сума)
Не испытает укоризны,
Не проклянет свою судьбу,
Когда от имени Отчизны
В который раз сожжёт избу;
Топор, пилу опять наточит,
Хлебнёт студёной из ведра,
Зато душа без червоточин,
Как Русь безгрешная светла.
Просторы чувств, ветра эмоций.
Ассоциаций вновь игра.
Я заявить уполномочен:
Пора иначе жить. Пора...

* * *

Тяжело терять в дороге друга,
Застаёт врасплох всегда беда...
Всё идёт по замкнутому кругу,
Словно смерть за жизнью по пятам.
Всё идёт туда, куда и надо,
Для печали нет уже причин,
Значит, путь от рая и до ада –
Только для выносливых мужчин.
Только для выносливых и дерзких,
Тех, что время в памяти спасло,
Верящих так искренне, по-детски
В то, что навсегда исчезло зло.
Тяжело терять в дороге друга,
Только помни, коль пришла беда...
Он тебе оставил силу духа,
Ту, что ты не смог ему отдать.

* * *

Один транзитный пассажир
Поведал мне в Кашире:
– Матриархат себя изжил,
Патриархат изжили.
– Да как же так? – воскликнул я. –
Ведь это хуже пьянства.
Твоя семья, моя семья –
Основа государства.
После работы до семи
Домой опять суюсь я.
Так кто ж теперь глава семьи?
Ужели профсоюзы?

* * *

Этот мир огромен и прекрасен,
Этот мир, возможно, самый рай,
Но в душе я с этим не согласен,
Господи, за то не покарай!

Этот мир ничтожен и опасен,
Никакие блага не спасут.
Но в душе я с этим не согласен.
Господи, за то не обессудь!

От сатиры, юмора и басен
Мы идём на линию огня,
Но в душе я с этим не согласен,
Если то касается меня.

Все мы побывали в первом классе,
Первый свой запомнили урок,
Но в душе я с этим не согласен,
Не согласен вдоль и поперёк.

К празднику отметили в приказе,
Премию вручил мне бригадир.
Но в душе я с этим не согласен –
Знать, начальству где-то угодил.

Вот когда лечу к заветной кассе
И в кармане, знаю, ни гроша,
Я тогда в душе на всё согласен,
Господи, а где она – душа?!

Как бы медицина ни хотела
Под сомненья взять мои слова,
Утверждаю: есть душа и тело,
Если есть при этом голова.

Денежная реформа

Чтобы не было раздора
Между русскими людьми,
Откажись, о Русь, от доллара,
На свои шикуй рубли.

На свои родные, кровные,
Что надёжней, чем гужи,
На свои! Не уголовные,
Как с базара барыши.

Не за ельцинские ваучеры
Благоденствует народ...
Рубль, ты обставь играючи
Доллар, что безбожно врёт!

Откажись, о Русь, от доллара.
На свои шикуй рубли.
Знаешь, будешь жить так здорово,
Будешь впредь себя кормить.

* * *

Не говори, не говори ни слова,
Расстанемся, как старые друзья.
Я знаю всё, что ты сказать готова,
И даже то, чего сказать нельзя.
Не говори, не говори ни слова,
Не нарушай полночной тишины.
Вот появился месяц наш медовый,
И небеса до звёзд обнажены.
Не говори, не говори ни слова,
Прислушайся к безмолвию минут.
Так хочется, чтоб встретились
мы снова.
Но как? С дороги жизни
не свернуть...

* * *

Судьба России! В чьих она руках?
И чьи умы волнует и тревожит?
Москва стоит. Светло течёт Ока,
И этот день народом будет прожит.
Чтоб правду знать о жизни на века,
Я вылезу из собственной из кожи.
Судьба России! В чьих она руках?
И чьи умы волнует и тревожит?
Плывут на север тихо облака,
Их путь кому-то надо подытожить.
Судьба России! В чьих она руках?
И чьи умы волнует и тревожит?
Пусть время мчит на русских
рысаках,
И ветер пусть натягивает вожжи.
Судьба России! В чьих она руках?
И чьи умы волнует и тревожит?
Как истина святая высока!
К ней праведный добратся только
может.
Судьба России! В чьих она руках?
И чьи умы волнует и тревожит?

Фенька

Фенька мне (Кубышкина) не пара –
У неё иной по жизни путь.
Может, лучше жить мне как попало,
Чем с красивой Фенькой
как-нибудь?
Я её люблю за злую чёлку,
За жестокость глаз и крепость губ.
Вы добрей не встретите девчонку,
В этом я поклясться всем могу.
Родом Фенька та из Краснодара,
Потому – усмешка на лице.
И когда поёт её гитара,
Чувствую, что жизнь моя пропала –
Так цыганский действует акцент.
От неё вернусь, как после бала,
А точнее: сбросив тыщу пут...
Хватит, Фенька, жить нам
как попало,
Лучше будем вместе – как-нибудь...

Свидание с отцом

Отец! Твой сын перед тобой,
Но как глаза твои незрячи...
Чабрец, полынь и зверобой
Твой взгляд в земных глубинах
прячут.

Отец! Твой сын перед тобой,
Неужто наша песня спета?
Там, где Кубань слилась с Лабой,
Опять подсолнечное лето.

И жатва вновь и сенокос,
Пыль на просёлках или слякоть.
Отец, помянем наш колхоз
И выпьем водки, чтоб не плакать.

* * *

– Встречай отца! Отец приехал... –
Кричал в конце войны мой друг.
...И сколько лет во мне как эхо:
– Прие-ехал... – напрягаю слух.
И слышу:
Ехал... Е-ехал... Е-е-ехал...
Всё тише. Дальше. Далеко.
Мой друг кричал не ради смеха,
Он знал, что будет мне легко.
Ну, хоть чуть-чуть, хоть
на мгновенье.
(Крича, завидовал он мне),
О, вековечное терпенье
В какой ещё найдёшь стране?..

* * *

– Ну, покажи, на что способен, –
Мне говорил отец не раз,
И что-то пряталось особенное
В зените вечно добрых глаз.
И что-то хрупкое до страха
Кололось вдруг в моей груди,
А мой отец сидел на плахе
И самокруточку крутил.

А он следил за каждым жестом,
За каждым взмахом топора.
Работа двигалась торжественно,
Хотя и с горем пополам...
– Ну, молодец! Хвалю. Способен. –
Мне говорил отец не раз,
И что-то пряталось особенное
В зените вечно добрых глаз...

* * *

Риск – благородное дело
для смелых,
Трус этот яростный жест очернит.
Люди простые не чувствуют меры,
Если идея их жизнь осенит.

* * *

Романтик я. Молюсь на паруса.
Моря мои бурливы и безбрежны.
Но смотрит жизнь реальная в глаза
И говорит, что это ад крошечный.
Не верю ей. Фрегат мой на ходу
И о любви поёт вперёд смотрящий,
Известно точно: где в каком году
Фрегат уткнётся в берег настоящий.
Заранее могу сказать братве,
Что в кабачках матросских
пиво цедит:
«Не проживёте, парни, жизни две,
А вот одну любой норд-ост оценит».
Романтик я, пройдёт девятый вал,
И паруса опять воспрянут духом.
Они расскажут всем, где я бывал,
Кто стал врагом, а кто остался
другом.

* * *

Юный царь был вовсе не дурак.
Не гневись, великая царица.
Дело плохо: кончился табак,
Срочно надо ехать за границу.
И уехал. Долго там курил.

Скороговорка

Мне понятен язык поездов,
Вот что надо – скороговорка.
Вознесёт на заветный престол,
Спустит махом с любого пригорка.
Я не раз её слушал сквозь свист
Всех ветров, что летели попутно
Там, где коршун над степью повис,
Где курганы лежат беспробудно.
Мне по нраву железный галоп,
По душе страстный голос металла,
Тепловоза пылающий лоб
Согревает холодные дали.
Поезд мчится, не зная тоски,
Он не может без яростных песен,
Только жаль, что дороги узки
И что мир удивительно тесен.

* * *

Равнина, Русская равнина...
Не изменяй ей, не бросай.
И благодарна будет нива,
Скользнёт лучом в траве коса.
Равнина, Русская равнина...
Не дай остаться ей одной,
И будет жизнь твоя счастливой,
И сам ты станешь ей родной.
Равнина, Русская равнина,
Не зря крепка её изба,
Но в час великого разлива
От одиночества избавь.
Равнина, Русская равнина,
Пойдёт на всё, коль виден прок,
Но не походочкой ленивой
Искать, с кого бы взять оброк...

Госпиталь

В наш уцелевший чудом госпиталь
С передовой ползли грузовики,
И женщины, молясь: «Спаси их,
Господи!» –
Развязывали с хлебом узелки.

О, как остры вражды и гнева грани,
Как страшен мщенья яростный
огонь!
Я добивал в сердцах фашистов
раненых –
Солдат сказал: «Не смей, малец.
Не тронь...».

* * *

Терзает жалость. Мучает обида.
Беспомощность нас режет без ножа.
И это чувств ещё не полный свиток
Из нашего земного багажа.

О, Господи! А сколько там, на небе,
Идёт похожих траурных торжеств?
Кто из живых услышит тот молебен,
Оплакивать кто будет новых жертв?

Мы вновь спешим (конечно же!)
по делу,
Мы вновь чеканим (там, где нужно!)
шаг...
И вновь своя рубашка ближе к телу,
Нужнее и дороже, чем душа!

Кладка

Когда начинается кладка,
Раствор и кирпич под рукой,
Нечистая сила украдкой
То словом толкнёт, то клюкой.

Когда начинается кладка
Над Волгой, Кубанью, Окой,
Для высшего в деле порядка
Молюсь я – обычай такой.

И молится Русь пред иконой,
И молятся, взявшись за плуг,
Чтоб русский, чтоб вечный,
исконный
Воскрес и воспрянул в нас дух.

И молятся, взявшись за вожжи,
И молятся, взявшись за гуж,
И молятся: «Праведный Боже,
К семёрке чтоб дама и туз...».

Раствора в кирпич оплеуху –
На память... ведь жизнь коротка!
И жму, словно лучшему другу,
Стальную ладонь мастерка.

Надобность

Грешным делам не бывает конца,
Сколько б душа ни молила...
А надо проведать мать и отца:
Как там у них на могилах?

Надо пойти посмотреть на Оку:
Не одолела ль трясина?
Надо о жизни хоть раз на веку
Поразмышлять вместе с сыном.

Надо своей поклониться судьбе
И пожелать ей здоровья.
Многое надо, да вряд ли успеть
Если в плену многословья.

Не сегодня, так уж точно завтра

Не сегодня, так уж точно завтра
Соберусь и я в далёкий путь.
Сердце вздрогнет, словно от азарта,
Затрепещет, как от риска грудь.

Мысли станут гнуться, словно стебли,
На которых вызрели плоды.
Я-то думал: жизнь – такие дебри,
А легко как выбрался, поди.

Романтика

А ну-ка, давай, мой дюралевый сокол.
Покажем работы урок.
Смотри, как с тобой мы забрались
высоко,
Под самый почти потолок.

Раствор наш пропах голубыми
ветрами,
Пронизан песками пустынь,
Бьёт солнце в сосновые крепкие рамы,
Без солнца все окна пусты.

Не всё в нашей жизни красиво
и гладко,
Не все ещё люди честны...
Для нас основное – кирпичная кладка
И руки чтоб были чисты.

Порой нам мешают незримые тени,
Но мы им покажем урок,
Смотри, поднимаются белые стены,
Смеётся весь день мастерок.

И я расправляю усталые плечи,
И вижу, что это не сон:
Сквозь стены мне путь открывается
млечный,
Далекий зовёт горизонт.

Круг жизни

Всё падает, всё валится из рук,
И в голове царит неразбериха.
Неужто разомкнулся жизни круг,
Неужто он начертан только лихо?

Да, нет! Не изменился глазомер,
Проблемы те же, те же интересы,
Но вижу, почему-то, например,
Сливаются в одну прямую рельсы

И где-то там теряются вдали,
Чтоб разойтись на брошенном
разъезде,
Потом опять слиянье повторить –
И рядом быть! Но никогда –
не вместе.

Житейские парадоксы

Всю жизнь говорю об одном,
Одно у меня на уме:
Как мрачно душе моей днём
И как лучезарно во тьме.

Как слиты житейской игрой
И взгляд мой, и голос, и жест.
Как празднично грустной порой,
Как грустно в мгновенья торжеств.

Не даст мне до смерти успеть
Познать свою душу, скорбя,
Стремление, словно к себе –
Как будто уход от себя...

Память

Настолько память коротка –
Нельзя представить даже меньше.
Но вижу, вижу в облаках
Одну из брошенных мной женщин.

Куда спешит теперь она?
За сигаретами, за хлебом?
А, может, взять себе вина?
Об этом знает только небо.

И с кем она всю ночь была,
Забыв о прежних клятвах всеу,
С кем разделила пополам
Бесчисленные поцелуи?

Настолько память коротка,
Что нет уже короче меры,
Как нет любви, надежды, веры.
Но вечны... вечны облака...

Роль

Меня не вызывал никто на бис.
Я вышел сам – житейская затея...
Я вышел сам на свет из-за кулис,
Призванием актёрским не владея.
О, жизни роль! Ликуя и скорбя,
Играю – не могу остановиться.
Мой долг – сыграть лишь самого себя
И вовремя со сцены удалиться.

Погода

С утра была погода мерзкой,
И словно съёжилась изба,
И почему-то стала мелкой
Моя глубокая судьба.

И почему-то показалось,
А, может, это так и есть,
Что жизнь меня и не касалась,
На мне поставив сразу крест.

И я мотался, где попало,
С людьми, не знавшими родства,
По бездорожью и по шпалам,
И под старшинское: раз!.. два!..

И вдруг пробился хрупкий лучик
Сквозь холод и крошечный мрак.
Я о себе стал думать лучше,
Решив: не я один дурак...

Не я один дурак на свете,
Не я один дурак таков!
И в двери вылетел под ветер,
А ведь боялся сквозняков...

Дороги

К чему переполох?
Ну, что заголосили?
Нет на Земле дорог,
Тем паче нет в России.

Бессилен здесь сам Бог,
И сатана бессилен...
Нет на Земле дорог –
Весь мир исколесили!

Прошли за пядью пядь,
Мечтой терзая души,
Бредём вперёд опять,
Дорог не обнаружив.

К чему переполох?
Ну, что заголосили?
Вот и родной порог...
Хлеба заколосились.

Русские дела

Есть такие дела в России,
Есть такие ещё дела,
Словно дьяволы закусили
Раскалённые удила.

Есть такие дела в России,
Есть такие дела ещё,
Обезумишь и обессилишь,
Словно не был в Оке крещён.

Есть такие дела в России,
Есть такие ещё дела...
Из небесной, Господней сини
К ней являются мастера.

Осколки

И Славки нет... И Витьки нет...
И Кольки...
И Федьки нет... Простыл горячий
след.

Виной тому немецкие осколки.
В тылу прямого попадания нет.

И Лёшки нет... И Жорки нет...
И Ваньки...
И Юрки нет... Простыл горячий след...

От Мишки мы нашли в сугробе
валенки,
От Петьки – без колёс велосипед.

И многих нет. Но все ещё живые!
И всё ещё мне школьные друзья.
В тылу мальчишки гибли рядовые.
Награды есть. Вручить уже нельзя.

Виной тому – немецкие осколки.
В тылу прямого попадания нет.
Но как в степях взлетали перепёлки!
Как вспыхивал в окопах бересклет!

Элегия

Забор покосился. Осела изба.
По пояс бурьян за сараем.
И в полночь дворняге теперь
не судьба

Окликнуть знакомого лаем.
Хозяина нет. И хозяйка стара.
Поблёлкли в цветах занавески.
Избавились, словно от вечного зла,
Зятя, сыновья и невестки.
А было и в праздник,
и в будни светло

В избе этой щедрой и крепкой...
Уехало в город степное село
За хлебом, за квасом, за редькой.
И думает долго старушка о том,
Как там и родня, и соседи.
И кто на погосте, на месте святом
Отвесит поклон ей последний?

Очередь

Меж холодным и безмолвным
небом

И землёй, о, Господи, прости,
Бесконечна очередь за хлебом,
Как за горькой правдой на Руси.
Храм Введенский отзвонит

к обедне,

Над Окой – антихрист-вертолёт.
Голос слышен чей-то:
    «Кто последний?»
Отвечают: «Проходи вперёд».
И прошёл... и стал в одеждах белых,
Посмотрел внимательно окрест
И изрёк: «Всегда везде для первых
Уготован для распятия крест...».
И изрёк: «Глаголю не о хлебе».
И изрёк: «Глаголю, чей черёд?»
А когда закончился молебен,
Кто-то подтолкнул меня вперёд.

Жестокость

Да, поступил, увы, жестоко,
Но не кричите: «Караул!»
Чтоб время знать, чтоб знать и только,
Я больно маятник толкнул.

К чему теперь опроверженье
И оправдательный вердикт?
Я мёртвое привёл в движенье.
Смотрите, время как летит...

Взгляд из космоса

За полночь в природе телесной
На всё есть особенный взгляд.
Мне так наблюдать интересно,
Как звёзды за нами следят.

Уйдя от учений всех книжных,
Я чувствую: видится им,
Что мы не совсем неподвижны,
Мы, как метеоры, летим.

* * *

Лом... лопата... кувалда –
Написал – не сотрёшь.
Вот она – моя правда,
Всё остальное – ложь.

Мышцам под робой тесно,
Чувствам в душе – простор.
А между ними – честность,
Острая, как топор.
Длинной не будет повесть,
Лишний не нужен грош...
Правда, честность и совесть.
Дальше одно и то ж...

«Шаромыжник»

Это было как в кино,
В настоящей этой жизни
Человек шагал без ног,
Бил протезами булыжник.

На одном, на костыле –
Самодельная авоська.
Четвертинка в ней и хлеб,
То – солдатское довольствие.

На пилотке – след звезды,
На лице – Победы шрамы.
Он держал другой костыль,
Словно грамоту охранную.

Он шагал ещё живой,
Огневой шагал мишенью,
Словно на передовой,
Где почёт и уваженье.

Как у Бога за спиной,
В настоящей этой жизни
Возвращался из пивной
Дед по кличке Шаромыжник.

Двор был с выбитым асфальтом

Двор был с выбитым асфальтом
И подъезды без дверей.
Дети капитанов-франтов
Знали только матерей.

Жорка немец... Итальянец...
Яшка Франц... Еврей... Румын –
Не один здесь постоялец
Руки грязные умыл.

Не один отвёл здесь душу
На чужой, слепой беде.
Шла она к нему, как к мужу,
Шла безмолвная в постель...

Страх и голод лихо сватал.
Только б утро поскорей...
Двор был с выбитым асфальтом
И подъезды без дверей...

В избе

В избе у Алексея Иванкова
Всё по-крестьянски: трезво и толково.
Петрушкой и укропом пахнут щи,
И есть стакан гранёный для мужчин.

В избе у Алексея Иванкова
Тишайший уголочек есть альковный,
Там по ночам такие снятся сны,
Что все миры надгробные тесны.

В избе у Алексея Иванкова
Есть веточка (или была) ольховая.
Благослови, Господь, её судьбу,
Хозяина и старую избу!

Благослови цыганскую подкову,
Спасавшую от льстивых,
лживых глаз,
И эту жизнь, такую бестолковую,
Но для живущих на земле как раз...

Руки

За тяжести, страдания и муки,
За беды все, что в жизни перенёс,
Боготворю мозолистые руки –
Хранителей моих земных ремёсел.

И в час тоски и бездыханной скуки,
Переступив заветную межу,
Последний раз слезой омою руки,
Святым крестом на грудь их положу.

* * *

Познав путей Господних тайны,
Ухабы собственных дорог,
Молчу, как будто золотарник,
Безмолвен, как чертополох.

Чтоб рассказать, как было раньше,
Как есть теперь, как будет впредь,
Всю жизнь ходил повсюду
с бланшем –
Небитых я не мог терпеть.

Теперь молчу, как золотарник,
Безмолвен, как чертополох,
Смотрю – проходит мимо странник,
И слышу вслед: «Помилуй, Бог...».

Начало начал

...И то, что вспыхнула свеча
В мгновенье ярости и гнева,
Не есть начало всех начал
И жизни древо.

...И то, что смерть идёт от чар,
И то, что нас Господь сам судит,
Не есть начало всех начал
И суть от сути.

Но взмах чарующий бича,
Когда все за, ты только против,
И есть начало всех начал
И плоть от плоти.

Костёр

Пушкин у костра сидит с цыганкой,
В степь ночную отпустив коня.
«Чайори, дай докурю цыгарку,
Пусть табак отравит и меня.

От вина, гусар и светских женщин
Только скука, и печаль, и грусть...
Я кочую твоего не меньше –
Всю Россию знаю наизусть.

Святы мужики её и бабы,
Остальные – челядь и ханжи...
Будь со мной, не возвращайся
в табор,
Нам теперь одна судьба и жизнь...».

Вспыхнула звезда на чёрном небе
И погасла. Догорел костёр.
И над степью, раздувая пепел,
Белый ангел крылья распростёр.

Страсти

Оставлю страсти трепетной душе –
Мгновенья скорби, гнева и восторга.
Не избежать, не изменить уже
Предсказанного разумом итога.

Но знаю, что не раз покой
безмолвных уст
Нарушат и волненья, и тревоги.
И разум ужаснётся силе чувств,
Которые живут во мне, как волки.

Камень преткновенья

I.
Что человечеству прошедшие грехи!
Вненастные, угрюмые мгновенья
Весь род людской встаёт
не с той ноги,
Идёт и ищет камень преткновенья.

Идёт и ищет, падая, скользя,
Идёт и ищет, набирая скорость,
Ведь всё равно извечная стезя
Ведёт, в конце концов, в святую
волость.

Что человечеству прошедшие грехи?
За поколеньем гибнет поколенья.
Но род людской встаёт не с той
ноги,
Идёт и ищет камень преткновенья.

II.
Жизнь на людей взирает свысока,
Зловещие соблазна ставя сети,
И перст её витаёт у виска –
Увы! Никто насмешки не заметит.

И совести, и чувству вопреки
Рассудок не позволит откровенья,
Не вскрикнет жизнь: «Куда вы,
мужики?
Для вас и есть я камень
преткновенья...».

Жизнь на людей взирает свысока,
И чужд ей дух гармоний
и симметрий,
А то, что крутит пальцем у виска –
Итог всех человеческих комедий.

Солнце

Но солнце ведь не всходит, мужики,
Тем паче никуда и не садится.
Вы лучше проглотите языки
И на себя не вздумайте сердиться.

Я сам смотрю, проснувшись,
на восток –
Когда ж взойдёт вселенское
светило?
И чая лишний делаю глоток,
Чтоб после праздной ночи
не мутило.

Ну, наконец-то! Вот оно взошло!
Теперь пойдёт дела вершить
по кругу.
Даст океану крепкое весло,
С землёй поделит скудную краюху.

Позолотит кресты на куполах,
Разбудит вещим голосом мечети,
И снизойдёт к молящимся Аллах,
Христос в песках бессмертный путь
очертит.

Ну, наконец-то! Вот оно взшло!
Теперь пойдёт дела вершить
по кругу.
Вот это да! Вот это ремесло,
Под стать лишь человеческому
духу!

Но солнце ведь не всходит, господа,
Тем более: куда ему садиться?
О, сколько накопилось в мире льда,
Пока писал – замёрзли ягодицы...

***

Душа бесформенна, пока
Её ничем не оскорбили,
Не наломали ей бока,
А то и просто не убили.

Не стоит причинять ей боль,
Она такую даст всем фору,
С обидчиками вступит в бой,
И обретёт и смысл, и форму.

И уж тогда, мой друг, держись,
Вокруг такие вспыхнут страсти,
Что даже дел заплечных мастер,
Ей Богу, скажет: «Это жизнь!»

Пародии

***

*Мне поведал проезжий во мгле:
«Перестройка идёт на земле!»
Юрий Кузнецов,
«Откровение обывателя»*

Мне поведал проезжий во мгле:
«Видишь, еду в Москву
без штиблет!»

Удивил! Я с подобным знаком,
Ездил сам в Тихорецк босиком,
Потому что не кончились сроки
Гвоздь загнуть в каблуке
перестройки.

***

*Где Симферополь, где Кашира?
Владимир Солоухин*

Меня покоя мысль лишила,
Мысль несусветная притом,
Что Симферополь и Кашира
Стоят на берегу одном.
Про этот берег знаю толком,
Вот о воде сказать боюсь,
Её ведь различают только
На запах, крепость и на вкус...

***

*Я никого на свете не убил...
Владимир Солоухин*

Я никого на свете не убил,
И не обидел даже падшей мухи,
Но, как на грех, купил автомобиль!
Ужель умрут от зависти старухи?

***

Едва на небосклоне
Затеплится звезда,
Туда уходят кони
И тянется верста.

Ни суеты, ни шума
В душе моей теперь,
Ни говорить, ни думать
Не буду о тебе.

Уткнусь лицом в ладони,
Услышав зов судьбы,
Но не взметнутся кони,
Как прежде, на дыбы.

Я к виску сам приставлю наган,
И, конечно, не будет осечки,
Потому что не трону курка...
Хватит мне и Емели на печке,
И как гири под нос – кулака...

* * *

Благословляю те уста,
Что выбиваются из хора:
«...И время просто наверстать –
Достаточно превысить скорость...».
Свобода? Вся она в душе
(Ворота пред тобой иль двери),
Когда стоишь на рубеже
И сам себе до гроба веришь.
Благословляю голоса,
Что выбиваются из хора.
Там, где творятся чудеса –
Всегда присутствует крамола.
Всегда присутствует успех,
Всегда заложена победа,
Когда рискуешь ради всех
И хором песенка не спета.
Благословляю те уста,
Что выбиваются из хора,
Час исполнения настал,
Неужто миг пришёл позора?

* * *

...И тогда вспыхнут души святые
в огне,
Как безбожники в истинной вере,
Загорится в зените безжалостный
гнев,
И сожжёт всё вокруг, и развеет.
...И тогда воссияет на небе звезда
И замрёт тишина гробовая.
Молвит голос над миром:
– Я людям воздал...
Но дорога цела столбовая...
...И тогда замерцает лампадка в окне,
Смоет светом и копать, и сажу...

Белый всадник застынет
на белом коне
И послушает, что о нём скажут...
...И тогда он услышит неистовый
крик,
И проклятья, и вопли, и стоны.
И пройдёт по дороге согбенный
старик,
Низвергавший престолы и троны.

* * *

Хоть наезженный большак,
Хоть заросшая тропа,
Твёрдый или зыбкий шаг –
Всё равно ведёт судьба.
Вожжи выпустил из рук,
Обмотал вокруг столба,
И подков не слышен стук –
Всё равно ведёт судьба.
Божий мир царит в тебе
Или вечная борьба,
Терпишь иль перетерпел –
Всё равно ведёт судьба.

* * *

Конечно, сон – всего лишь сон,
Но иногда реален он...
С незримых крыш вода струится.
Зависли в небе провода.
Весёлым мог бы я родиться,
Родиться грустным – никогда.
Пустым застольем удручённый,
Пытаюсь встать из-за стола.
Как в жизни, входит кот учёный,
(Весь от ушей де пяток чёрный!)
И молвит: «Эй, домой пора...».
Конечно, сон – всего лишь сон,
Но иногда реален он...
Я покупаю сигареты –
(Душе угоден никотин)
Звенят зловещие монеты –
Бумажных нет... не господин...
Я выхожу один на берег

И с позволения высоты
Смотрю, как падают капли
Той, зимней, прошлой красоты.
И там, внизу, где мрак и сыро,
Рождением дня освящены,
Они взлетают с новой силой,
Всеми, что есть, удивлены.
Царство небесное
Нет откровенья, есть коварство.
Ни веры, ни безверья нет.
Одно – Небесное есть Царство
Средь райских где-то там планет.
Отрава есть, но нет лекарства.
Сочувствий и пощады нет.
Есть суета. Нет постоянства.
И в белом цвете чёрный цвет.
Нет ни безбрежного пространства,
Ни той, опорной, точки нет,
Что, обезумев от упрямства,
Искал напрасно Архимед.
Нет ни страны, ни государства,
Где каждый жил последним днём,
Одно – Небесное есть Царство.
Да ведь для нас оно вверх дном.

19.01.1994

* * *

Вот когда найду мешок с деньгами,
Рассчитаюсь с вечными долгами
И за общежитие заплачу
Полмешка – ей Богу, не шучу!

Вот когда найду мешок с деньгами,
Помирюсь с заклятыми врагами,
Если закадычные друзья
Выберут в парламент, как в князя.

Вот когда найду мешок с деньгами,
Сам установлю себе регламент.
На Руси теперь любой мужик
Слаб на кулаки и на язык.

Мне ловэшки, башли и щёбёнка,
Словно погремущки для ребёнка.
Блинчик буду, а хотите – блин!
И тюрьма, и воля – за рубли.

Вот когда найду мешок с деньгами,
С участковым объяснюсь стихами.
Пусть прикинет старший лейтенант,
У кого из нас какой талант.

Но сегодня ни гроша в кармане.
Вслед за Вознесенским:

«Мани, мани»...

Словно жизнь висит на волоске,
Будто сам в завязанном мешке.

* * *

От молвы ушли свинцовой,
Разрубили узел склок.
Здравствуй, Люська Кузнецова,
Четверть века разве срок!

Говоришь, что очень много?
Это сколько лет и зим?
Знаешь, Люська, есть дорога,
Где нет смысла тормозить.

Срок, конечно, не резина,
Но похоже как-никак...
Покажи, родная, сына.
Посмотрю издалека!

Я воспитан образцово.
Не такой уж стрёмный век.
Вовка будет Кузнецовым?
Все же близкий человек.

Ты скажи ему, допустим,
Чтоб былое не склонять,
Что нашла его в капусте,
Возвращаясь от меня...

Русское подворье

Ока. Заводик мукомольный.
Престижный хлебокомбинат.
Кашира – русское подворье,
Санкт-Петербург – его сенат.

Во сне осталось Лукоморье,
А Медный всадник – наяву.
Кашира – русское подворье,
Развей нерусскую молву.
Как ни считай, нас вечно двое,
И третий лишний к нам не вхож.
Кашира – русское подворье,
СССР сегодня Бомж.
В неволе было и на воле –
Не изменилася душа.
Кашира – русское подворье,
Один на всех беды ушат.
В печной трубе так жутко воет,
Как будто страху нет конца...
Кашира – русское подворье,
Церквушка вроде леденца.
О, обойди лихое горе,
Не оставайся на ночлег.
Кашира – русское подворье,
Как саван белый, белый снег.
Ока. Заводик мукомольный.
Престижный хлебокомбинат.
Я рядом с ним такой крамольный,
Что свету белому не рад...

30.04.1994

Одесса

Проснулся. Умылся. Оделся.
Прикинул карманный бюджет.
Привет тебе, город-повеса,
Узнал ты меня в неглиже?

Заехал к тебе я случайно,
(Дорожный мешок за спиной).
Согласен позавтракать в чайной,
Но было бы лучше – в пивной.

Там много друзей и знакомых,
Красивых, портовых девчат.
Быть может, еврейки накормят
И песни твои зазвучат.

А вечером выйду я к морю
И буду смотреть, как вдали
Оставят закат за кормою
Твои и мои корабли.

Вернутся они на рассвете,
Гудками разбудят весь порт,
И только один ты, как ветер,
На каждый поднимешься борт.

Тирасполь

Фруктовых деревьев терраса,
Чуть ниже, к Днестру – виноград...
Таким я увидел Тирасполь
Среди разномастных оград.

Спокойный на вид городишко,
Полуденным солнцем согрет.
Солдаты потеют на вышках,
В траве оперенья ракет.

По-русски не слышно ни слова,
И я сам себе прошептал:
«Смотри ты, живёт Приднестровье,
Судьбой боевого щита...».

* * *

Хотя бы на одно мгновенье
Глазам открылась жизни суть!
Из поколенья в поколенья
В умах – хаос, в сердцах – абсурд...

Но так, как было, так и будет
В земных пределах бытия,
Где исповедуются люди,
Когда им нечего терять,

Когда им всё осточертело,
Когда всему подбит итог,
Когда уже не дышит тело,
Душе отдав последний вздох.

Из поколенья в поколенья
В умах – хаос, в сердцах – абсурд...
И потому бытует мненье,
Что так творится Божий суд...

* * *

Из-за небольшой телесной ранки,
Из-за взгляда хмурого в лицо
Взламываем собственные рамки,
Разрывая недругов кольцо.

И, конечно, вновь назад не вхожи
(Дважды не творятся чудеса),
Рамки, если вылезти из кожи,
Нужно будет новые тесать.

Из-за небольшой телесной ранки,
Из-за взгляда хмурого в лицо,
Из-за полюбившейся гражданки,
Что в сопровождении тальянки,
Как хозяйка, входит на крыльцо.

* * *

Ах, этот отдых на турбазе,
Где каждый шаг непредсказуем...
Я сам на берегу Лопасни
Чуть-чуть от ревности не умер.

Ах, этот отдых на турбазе –
Душа отзывчива, как эхо!
И в жизни столько дней в запасе,
На сколько ты сюда приехал.

Ах, этот отдых на турбазе,
Где каждый шаг непредсказуем...
Как будто кто-то отдубасил
За то, что был благоразумен.

* * *

Пока скрипит земная ось
И с ближним я делюсь горбушкой,
Дай Бог, чтоб раем стал погост
За возродившейся церквушкой.

Пока скрипит земная ось,
Монастыря стоит ограда,
Дай Бог, чтоб думал я всерьёз,
Как лом, кувалда и лопата.

Пока скрипит земная ось,
Делам сопутствует погода,
Дай Бог, чтоб нам явился вождь,
Достойный русского народа.
Пока скрипит земная ось
И правда ложью не распята,
Дай Бог, чтоб каждому жилось
И в этой грешной жизни свято.

Родство

Завистливая. Мстительная. Злая.
Такая ты пришла ко мне.
И вдруг – улыбка золотая,
И всё прощается вполне.

Ревнивая. Дотошная. Скупая.
Но где-то в глубине души,
Сама себе не уступая,
Со мной ты делишь барыши.

Доверчивая. Нежная. Родная.
Не женщина, а божество!
Следишь за мной, ещё не зная,
Что видишь наших душ родство.

Терпенье

Чтоб покладистей был,
был овальной,
Не пугался воды и огня,
Между молотом и наковальной
Сколько раз содержали меня.

Сколько раз был то чёрным,
то белым,
То был холоден, то был горяч,
То за всё отвечал самым первым,
То последним: хоть смейся,
хоть плачь...

Нет, не вышел ни злей, ни коварней
И пугаюсь воды и огня...
Между молотом и наковальней
И сегодня содержат меня.

О, терпенье! Небесная кара.
Не закрыть бы от страха глаза.
Только жду я такого удара,
Чтоб развернулись вмиг небеса.

Убили сына

Чеченка плачет у плетня –
Убили сына...
«О, Господи, убей меня,
Спаси Россию.

Спаси её и сохрани.
Прости, помилуй.
И белый положи гранит
На ту могилу...».

Рыдает русская в Твери
В военкомате.
Россия, сыновей верни,
Ты – Божья Матерь.

В Рязань, Воронеж и Тамбов –
Хоть на леченье...
Верни надежду и любовь
За все мученья.

Земля уходит из-под ног,
С овчинку небо,
Вернись, сынок... Вернись, сынок...
Каким бы ни был...

* * *

Беда людей всех рас и наций,
Я объясню без лишних слов,
Не в недостатке ассигнаций –
В переизбытке шулеров.

Стоит Кашира

Меня, и мота, и транжира,
Заворожила в том году
Белоцерковная Кашира
У всей России на виду.

Но жизнь меня разворошила,
Очнулся, словно был в бреду.
Смотрю – и впрямь стоит Кашира
У всей России на виду.

С тех пор беспечным пассажиром
То в горе въеду, то в беду...
Не околпачь, молю, Кашира,
У всей России на виду.

Земли могильной три аршина
Отмерь – я сам с неё сойду,
Чтоб поднимать тебя, Кашира,
Бессмертный твой, всеильный дух.

О, человеческие страсти

О, человеческие страсти,
Хоть их убей, хоть сам умри,
Они, не скрою, чёрной масти,
Стерильно белые внутри.

О, человечески страсти,
От змия или от змеи?
Кивнёт сударыня мне:
– Здравсьте!
Я поклонюсь ей до земли.

Всевышней не видать нам власти.
Ещё бы! Так о чём же речь?
Но если разгорелись страсти,
Игра любая стоит свеч.

Я сам расплачиваться мастер
Всей государственной казной
Пока во мне пылают страсти.
Сгорят – и кончен бал земной.

Тоска

Когда тебя никто не ждёт,
Когда ты никому не нужен,
О, как тоска смертельно жжёт!
Пред тем огнём я безоружен.

Ещё вчера кричал: «Ура!»
И жизнь моя была победа.
Сегодня не поднять кулак,
Куда ни ткнусь, а песня спета.

О, как тоска смертельно жжёт!
Пред тем огнём я безоружен.
Взял градусник... Да нет, не лжёт.
Тепла – и то не обнаружил.

У меня, небесного холопа

Поэма

*У меня к тебе дела такого рода,
что уйдёт на разговоры вечер весь, –
затвори свои тесовые ворота
и плотней холстиной окна занавесь.*

Борис Корнилов

У меня, небесного холопа
И земного вечного раба,
Иногда в крови играет злоба,
Словно в бой зовущая труба.

Не пойму: кто слева и кто справа.
Гений кто, а кто уже кретин.
Знаю, что пойдёт казачья лава,
Всё и всех сметая на пути.

У меня, небесного холопа
И земного вечного раба,
В детстве тоже кони шли галопом,
Где Кубань-река... Уруп... Лаба...

Не забыл я и другие реки.
Был на Сейме, Волге, на Оке...
От варяг отделался. А греки –
Те живут теперь в Геленджике.

Пьют вино. Играют на гитарах.
А поют, танцуют – только так!..
Жители Москвы и Краснодара
Им везут последний свой пятак.

У меня, небесного холопа
И земного вечного раба
В родословной связи с
чертополохом,
Словно в брёвна вбитая скоба.

Эта связь уже осточертела.
(Ничего себе нашлась родня!)
На земле я должен делать дело,
А какое дело у меня?

Дела нет! Кругом одна работа –
Бесполезный и бесцельный труд:
Как ни запираешь днём ворота,
Чуть стемнеет – сразу отпрут.

У меня, небесного холопа
И земного вечного раба,
Жизнь идёт по фронтовым окопам,
Где слышна и день, и ночь стрельба.

Бьют в лицо из вражьей амбразуры,
Бьют в затылок намертво свои.
Деньги пострашнее диктатуры
Той, что до сих пор у нас в крови.

Мне бы впрок земли кубанской
горстку,
Всю в слезах и всю ещё в огне,
Чтобы отменили продразверстку
И по всей России, и во мне.

У меня, небесного холопа
И земного вечного раба,
Жизнь, как парусиновая роба,
Если вам по фене – то лафа!

Свыше рассчитали всё, как надо,
Снизу безвозмездно всё дано.
И порой за пазухой порядок,
Словно за Кремлёвской за стеной.

Но, бывает, вдруг вкрадётся лажа
И гудят в трактирах звонари,
В кулуарах продаётся стража,
В ложах покупаются цари.

У меня, небесного холопа
И земного вечного раба,
В баночке огурчики с укропом,
Самodelка, кажется, слаба.

Всё-таки я выпью за здоровье
Тех, кто был, и тех, кто будет там...
За Каширу и за Подмосковьё,
За Москву я поднесу к губам.

И... что будет – залпом или махом,
(Пропади всё пропадом вокруг!)
Раньше или позже буду прахом,
И аминь... Но как воспрянет дух!..

20.12.1994

Встреча с матерью

Мне дверь открыла женщина чужая.
– Входи, сынок, входи, родной,
входи... –

Уж сколько лет слова те больно
жалят
И сердце обрывается в груди.

Уж сколько лет я думаю над этим –
Над самой страшной правдой
бытия!

Ну, почему страдают вечно дети,
Когда судьбой разрушена семья?

Мне дверь открыла женщина чужая.
– Входи, сынок, входи, родной,
входи... –

И уверяла, словно чуть живая:
– Ты у меня... ты у меня один...

Сладость муки

Сгорят уста мои,
Отсохнут руки.
О, таинство молитв,
В нём сладость муки.

Глаза не отведешь,
Откроешь уши,
И по воде пойдёшь,
Аки по суше.

Блаженный берег там,
В дали лазурной,
За умным по пятам
Идёт безумный.

Как в непробудном сне
Я слышу голос:
«Тот берег весь в огне,
То – Божья воля».

Обратно нет пути –
Известно людям,
Но ты иди... иди...
И будь, что будет...».

26.01.1995

Судьба

Невеста – ягодка с куста
За тем высоким частоколом.
Мы все не на своих местах
И в том признаемся не скоро.
И в дни великого поста,
И в час вселенского раскола
Мы все не на своих местах,
И в том признаемся не скоро.
Распяли всё-таки Христа.
Но вера, как в груди осколок.
Мы все не на своих местах,
И в том признаемся не скоро.
Пусть чья-то грудь уже в крестах,
Пусть чей-то прах клеймят позором.

Мы все не на своих местах,
И в том признаемся не скоро.
О, как торжественны уста,
Словес сказать готовы ворох,
Но зала белая пуста.
Антракт. Финал ещё не скоро.
Речь гениальная проста,
И это чувствуем мы сразу.
Но пламя вечного костра
Вонзает боль и страх в наш разум.

* * *

Хоть в долг давай, хоть сам бери,
С годами так и не иначе,
Зайдёшь невольно в лабиринт,
На камень сядешь и заплачешь.
Очнёшься. Скажешь: «Без обид,
Отколь страдания и муки?
Творили этот лабиринт
Твои мозолистые руки.
Твоя болела голова,
Во всём ища приоритета...».
Всё это так. Но то слова,
Которыми глаголил предок.

Кашира – моя исповедь

Однажды выйду утром
На берег тот крутой,
Где оживёт как будто
Руси пейзаж простой.
Сугробы между избами,
Над избами дымки.
Кашира – моя исповедь
На берегу Оки.
Не густо и не пусто
Здесь на земле святой.
И подлинны чувства
Хранят пейзаж простой.
Так уж ведётся исстари,
Всем бедам вопреки.
Кашира – моя исповедь
На берегу Оки.

То верба, то орешник,
Берёзка, дуб седой...
И вновь в душе воскреснет
Руси пейзаж простой.
Прислушаюсь я исподволь,
Всмотрюсь из-под руки.
Кашира – моя исповедь
На берегу Оки.

Вол

Кто знает, куда бы завёл
Худой (только кожа да кости)
Безмолвный трудящийся вол,
Лежащий на скотском погосте.

Подворье кормил он и двор
Без вредных и прочих привычек,
Но не перенёс произвол
Вельможных изысканных бричек.

К чему наугад разговор,
О мёртвых не думают плохо...
Кто знает, куда бы завёл
Безмолвный трудящийся вол,
Но путь его – наша дорога.

* * *

Когда в душе огня и стужи ссора
И разум с чувствами бывают
не в ладу,
Я ухожу бродить по косогорам,
Откуда вся окрестность на виду.

Мне транспорт городской
не по карману,
Пешком иду к берёзам за село.
И там опять, как в детстве,
вижу маму,
Несущую мне с хлебом узелок.

И там опять я, словно в детстве,
зорок,
И снова вижу жёлтое жнивье,
И чувствую, как хочет
беспризорник
На миг остаться с матерью вдвоём.

Но вот и всё... Живу почти полвека.
Огонь и стужа ссорятся в душе,
А я надеюсь встретить человека,
Которого не встретить мне уже...

Русь неделимая

Политические дебилы
При народе средь бела дня
Золотой запас разделили
И без дыма, и без огня.

Политические дебилы –
Узурпаторам всем родня!
Мою Родину разделили
И собрались делить меня.

Осмотрели глаза и уши,
Подтвердили: не стрёмный вид...
Разделили меня... А души
Предков тоже начнут делить?

Разделили жену... А сына?
А избу? А сад? Огород?
Был бы кол под рукой осиновый!
А берёзовый подойдёт?

О, Россия, ценою крови
По живому не дай рубить,
Где ещё с такой нелюбовью
Могут Родину не любить?

Власть любая неумолима.
Но заветы отца храня,
Умоляю, Русь неделимая,
Никому не отдай меня.

Волчья просьба

Передайте, зайцы, дедушке Мазаю,
Что беда обрушилась даже
на волков,
Что-то шкуры наши к спинам
примерзают
И зовут на тризну сорок сороков.

Передайте, зайцы, дедушке Мазаю:
Обложили стаю, жмут со всех
боков –
Если псы цепные вас не растерзают,
Если прошмыгнёте мимо дураков.

Передайте, зайцы, серые, косые,
Что клыки ломаются от стальных
подков,
Бешеные кони мчатся по России,
Жаль, что не запомним лица
седоков.

Жаль, что кровь остынет
от огня картечи.
Жаль, что боль смертельная
боль в душе уймёт.
Передайте, зайцы, наш привет
сердечный
Дедушке Мазаю, когда растает лёд.

* * *

В квартире этой мне всё знакомо,
До самых малых мелочей.
Когда-то блин там вышел комом,
Он был, по-моему, ничей.

С тех пор тоскую и говею
(Мы все терпенья лишены),
И впредь не стану хлопать дверью
И лично буду печь блины.

Что в неподкупных чувствах толку,
Хотя и нет в душе иных...
Я отменяю голодовку,
И в путь, хоть на своих двоих...

У Введенского храма

У Введенского храма стоит инвалид,
Шапку снял и в усердии молится.
– Помолись... – слышу, кто-то
с небес говорит, –
И тебе двери храма откроются.

Помолись... Переступишь и грех,
и порок,
Помолись, уповая на Троицу,
Помолись... Помолись на земле
этой впрок,
Остальное – само обустроится.

У Введенского храма стоит инвалид,
Шапку снял и в усердии крестится.
В полумраке над ним колоколья
горит –
Как душа его скорбная светится.

Романс

Зову друзей всё реже и всё реже.
Святых молитв земных
не вспомнить слов.
Но душу и согреют, и утешат
Мои надежда, вера и любовь.

Когда в глазах померкнет свет
небесный
И там, за горизонтом, вспыхнет
вновь,
Сольются вместе три бессмертных
песни –
Мои надежда, вера и любовь.

Былое счастье еле-еле тлеет,
Не взбудоражить стынущую кровь,
Но, как душа, вовеки не стареют
Мои надежда, вера и любовь.

* * *

Неохота рук марать,
Их марать осточертело,
Чёрная моя тетрадь
Ссорится с тетрадьёю Белой.

Вновь сошлись, как рать на рать,
Как по всей Руси крещёной,
Белая моя тетрадь
Ссорится с тетрадьёю Чёрной.

Час нагрянет умирать,
Попрошу всех: Бога ради,
Нет, не вздумайте карать
Эти вздорные тетради.

И не отводите взор,
И не затыкайте уши,
На Руси, что двор, то – вздор,
А могло ещё быть хуже.

Мысль

Пусть меня зарежут без ножа,
Только мысль не дам переиначить:
«Женщины обязаны рожать,
А мужчины – пеленать и нянчить».

* * *

Пошёл – иди! Не возвращайся,
Печально не смотри назад,
Там нет и не было ни шанса
Кому-нибудь взглянуть в глаза.

Там все мертвы... Пусты глазницы,
Водича в жилах, а не кровь,
Не лики там... Мелькают лица,
Ища одежды, пищу, кров.

Пусть мельгешат, пусть суетятся,
Тебе-то что теперь до них?..
Ты там хотел один остаться,
Вот и настал желанный миг!

Иди... И в ведро, и в ненастье,
Иди один... вперёд, вперёд...
Душа была б раскрыта настежь,
Безмолвьем заколочен рот.

От Господа

От Господа и тишь, и гладь,
И всё спокойствие земное.
От сатаны, как рать на рать
Сошлись в душе, и сердце ноет.

И нам уже не до себя,
Не до святой, небесной жизни,
Которой, искренне скорбя,
Приносим в жертву самых
ближних.

* * *

Двери скрипят. Половицы
Жалобно тоже скрипят.
То медсестра из больницы
Спровоживает ребят.

Вновь тишина гробовая.
Кто-то стучится в окно.
Матушка входит живая,
Крестится, как перед сном.

Вот и отец где-то рядом
Стонет, как ветер в степи,
Просит безжизненным взглядом:
«Слышишь, сынок, потерпи...».

Двери скрипят. Половицы
Жалобно тоже скрипят.
Это пришли из милиции
Дяди в шинелях до пят.

«Жизнь будет сладкая скоро,
Ты подожди только, брат...».
Белым листом протокола
Вспыхнул хирурга халат...

* * *

Кровь застыла у меня,
Онемели ноги –
Люди резали коня
Прямо на дороге.

Я не знаю: молод, стар
Этот конь был белый,
В грудь ножом один удар –
Друг бьёт только первым.

Красным пламенем зажглись
И глаза, и степи...
Ну, прощай, под небом жизнь,
Под землёй – потерпим.

Конь стоял, как будто ждал
От людей спасенья,
Среди них он выросал
На овсе и сене.

Он не верил, что умрёт,
Умирая стоя,
Но упал, упал вперёд –
В солнце золотое.

На чём свет стоит кляня
Путь судьбы убогий,
Люди резали коня
Прямо на дороге.

Родина

Вспыхнет звезда над моим
изголовьем,
Степь встрепенётся могильной
травой...
Родина... Родина...
Праведной кровью
Путь твой омыт роковой.

Ненависть не обернётся любовью,
Слово Господне не станет молвой...
Родина... Родина... Праведной кровью
Путь твой омыт роковой.

Всё, что посеяла, всё и скосила
И ни с кого не взыщи!
Родина... Родина... Крестная сила
Держит и меч твой, и щит...

Песня херувима

Так искренне пел над землёй
херувим,
Что я эту песню запомнил:
«Не верьте словам ни чужим,
ни своим,
Не верьте ни в полночь,
ни в полдень!»

«О, ангел светлейший, – подумалось
мне, –
А как же общаться друг с другом?»
И тут же услышал ответ в вышине:
«Общенье не будет недугом!..»

И снова запел над землей херувим –
Певец для души безупречный:
«Поверьте делам и чужим,
и своим, –
Смысл жизни откроется вечный!»

Этикет

Никакой не может быть и речи
Ни в низах, ни где-нибудь в верхах –
Этикет, бесспорно, безупречен,
Идеальным будет он в веках.

Потому что там, до новой эры,
Смастерив на речке прочный плот,
За одним столом единой веры
Бог сидел и рядом с ним народ.

И один черпак ходил по кругу,
И один с похлёбкой был котел.
И делили поровну краюху
Предки наши, окружив костёр.

Потому что там, до новой эры,
(Кто в парче, кто в злате,
кто в трико)
Все мы вышли из одной пещеры
Где-то под Каширой, над Окой...

Без скорости нет успеха

Передёрнусь, как от укола:
«Да, воистину, мысль быстра»...
Только скорость, со свистом
скорость
Обгоняет испуг и страх.

Сколько гонщиков расколосось,
Тех, кто был на полном ходу!
Я и сам ненавидел скорость,
Как хронический тугодум.

Но без скорости нет успеха –
Промедление всем вредит.
Тот, кто в бездну летит с разбега,
Пропасть жизни перелетит.

* * *

Нас с предками предчувствия
роднят,
И эта связь даёт нам право думать,
Что сумма вод, всей тверди и огня –
Воистину космическая сумма.

Что сумма эта держит в кулаке
И тайны, и секреты жизни тленной,
Но явно есть в каком-то уголке
Сознания начало всей Вселенной.

Нас с предками предчувствия
роднят,
И эта связь даёт нам право думать,
Что от врагов куда полезней яд,
Чем от друзей, к примеру,
фунт изюма.

Пронзит в мгновенье болью острой,
И станет остывать в груди...
Так всё естественно, всё просто,
Всё остальное – впереди...

* * *

Задержишь взгляд на той, далёкой,
Красивой, гордой, молодой,
И столько вдруг в душе упреков,
Как будто номер твой пустой.

И валят с ног порывы ветра –
Не до забав, не до утех,
Ведь адреса на всех конвертах –
То поликлиник, то аптек...

Но вот, проделав путь окольный,
Оттуда, вновь издалека,
«Любви все возрасты покорны...» –
Всплывёт бессмертная строка.

* * *

Прости меня за эту ночь,
Был виноват не я, а случай.
И, если хочешь, пропесочь.
Тебе и мне так будет лучше.

Не заслужил? Тогда ударь!
Я вкус забыл твоих пощёчин,
Но только не зажги «фонарь» –
Вон как твои пылают очи.

Не заслужил? Ну, что ж – травы!
Травы и нежностью, и лаской,
Чтоб яд воскреснувшей любви
Не стал нам прежней мукой адской.

* * *

– Пиши, но только о любви
И ни о чём на свете больше, –
Сам Бог меня благословил.
И чёрт велел: «Валяй, не бойся!».

Валяю, но растёт упрёк,
Что написал я очень мало...
Не надо много горьких строк,
Их без моей любви хватало...

* * *

Когда ты станешь первой леди,
Не забывай, кем ты была
И как с тобой сухарь последний
Делил я с горем пополам.

Как в электричке без билетов
Мы добирались до Москвы...
Я так грущу теперь об этом
И сожалею, но, увы...

Когда ты станешь первой леди
И сядешь за банкетный стол,
На платье нацепи передник
И вспомни: я стою в передней
И жду тебя с твоим пальто...

* * *

Душа моя заиндевели,
Как будто под наркозом боль.
Коль на земле исчезла вера,
Под землю ухожу... в забой.

Там ад, но царствуют шахтёры
И дел святых невпроворот.
Там – ад! И чёрные просторы
Скрывает чёрный землесвод.

* * *

И на земле, и на небе –
Всюду царит пустота.
Пусто в душе, словно в склепе,
Негде поставить креста.

Мысли исчезли благие,
Чувства, увы, западня.
Пусто в душе, как в могиле,
Пусто: ни тьмы, ни огня.

Что, если слово Господне
В ту пустоту уроню,
Выберусь из преисподней
Или останусь в раю?

Легенда о русичах

Стояли русичи, смотрели
И думали, что на поклон
Летел из адских подземелий
К ним огнедышащий дракон.

Стояли русичи, смотрели,
Как ощетинившись, дракон
Рычал разбойничьи им трели,
Змеиным цокал языком.

Стояли русичи, смотрели,
Как распалившийся дракон
Пускал в них огненные стрелы,
Метал прожорливый огонь.

Стояли русичи, смотрели
И думали: как быть с бедой?
Оглоблей чудище огрели
И окатили труп водой.

То было всё во время оно,
И без копья и без меча,
Но с соблюдением закона –
Под наблюдением врача...

Февраль

Отзвонил своё время февраль
С колоколен и щедрых, и скудных.
Отзвонил, словно белый звонарь,
Отзвонил до последней секунды.

Отзвонил своё время февраль
С колоколен, ветрами продутых.
Отзвонил, объявляя аврал,
До мятежной, смертельной минуты.

Отзвонил своё время февраль
С колоколен до звёздного часа...
Но и там продолжалась спираль
Бытия... То есть горя и счастья.

Мечты на пустынных берегах

Ни ветерка, ни тени –
Пустынны берега,
Купить бы новый тельник,
И в гавань, на фрегат.

Под пушечные залпы,
Под боцманский свисток.
С молитвами на Запад,
С поклоном на Восток.

И так накуролесить,
Таких наделать дел,
Чтоб даже и повесить
Уже никто не смел.

Потом солёный тельник
Стянуть с привычных плеч
И без копейки денег
На дно морское лечь.

И там лежать так долго,
Пока не надоест.
Морским явиться волком
В дом, где волчица есть.

* * *

Когда я остаюсь один,
В горячем сердце стынут чувства,
Я признаюсь, что был судим
Судом мятежного искусства.

Я признаюсь, что обречён
Влачить безмолвия оковы,
Что без нужды был приобщён
Ко мне язык мой бестолковый.

Когда я остаюсь один,
В меня вселяется отшельник,
Срабатывает никотин
То как петля, то как ошейник.

Толпой тщеславной нелюбим,
Молвой отверженный от Бога,
Когда я остаюсь один,
Я признаюсь: не так уж плохо...

Кашира

Поэтическое эссе

...Шесть веков с половиной
Знает князь и холоп,
Что над каждым овином
Солнце вяжет свой сноп.
Шесть веков с половиной
Для Каширы не срок!
По оврагам, равнинам,
С винокурен – дымок.
Запах вроде невинный
В горле стал поперёк...
Шесть веков с половиной
То оклад, то оброк.

Пред Москвой, как с повинной
(А в сердцах, может, шиш!),
Шесть веков с половиной
Ты, Кашира, стоишь.
Ты стоишь, как хозяйка
В древнерусской избе.
Стужа – злая мерзавка –
Завывает в трубе.
За иконой – полтина,
За душой – ни гроша.
Шесть веков с половиной
Режет жизнь без ножа...

Шесть веков с половиной
Ты, Кашира, стоишь,
И по-прежнему ныне
Всем поёшь про камыш...

Шесть веков с половиной
У Москвы на виду
То торгуешь малиной,
То рыбачишь в пруду.
Шесть веков с половиной
Для Каширы не счёт!
На Оке соловьиной
Время вспять не течёт...

Шесть веков с половиной
Комом был первый блин,
Как на дачах солидных,
Что купил господин...
Как в родном государстве,
Где с церковью – благовест.
Бог с ним, с облачным царством.
Был бы каждому крест...
Ты, Кашира, когда-то
У резного крыльца
Обняла бородатого
Со Стрелецкой стрельца.

Вспомни детство и юность,
(Не горюй о былом!).
И к тебе мы вернулись,
Словно к матери в дом...
Не всегда нафталином
Отдает старина.
Шесть веков с половиной –
Крепостная стена
С пушкой, что на Пушкарской,
С лазом, что на Ямской,
С музыкой первомайской,
Речью очень мужской.

И каширским угодьям
Нет в России числа,
Как и в жизни Господней
Нет ни мести, ни зла.
Вот, Кашира, и думай,
И смотри: над тобой
Вместе сокол и турман
И зенит голубой...

Високосный год

Пока травился чёрным чайным
ядом,
Пока за стенкой вечный шёл кутёж,
Я ждал тебя с твоим невинным
взглядом,
Но убедился – больше не придёшь.
И перешёл на кофе с шоколадом,
От сервелата отодвинув нож.

Пока скорлупкой грецкого ореха
Трещала и кололась голова,
Вновь грузовик на промысел
приехал
Дорогой жизни, что уже мертва.
Над ней луна светилась, как прореха,
Ясней телеканала «Дважды два».

К утру собрал в мешок я стеклотару,
Чтоб от греха очистился проход.
И выглянул в окно. По тротуару
Шёл человек – разносчик благ
и льгот.
(Вокруг него летел глубокий траур).
В нём опознал я високосный год.

По всем приметам летом будет лето,
Весной наступит, как всегда, весна.
И сообщаю под большим секретом,
Не оскудеет наших чувств казна.
Недаром догорела сигарета,
Не зря пришло внезапно время сна.

Вечный вопрос

Что делать?
От рук отбивается челядь.
И иже с ней прочий народ –
Союзов и партий оплот.

Что делать?
В Госдуме кого-то метелят.
Сорвали очки и парик.
Ведь думали, что большевик.

Что делать?
Неужто казна оскудела,
Святые остыли мечи
И негде поставить свечи?

Что делать?
Однако не шкуру ли делят,
Которую носит медведь?
Не слышал! Кто знает – ответь!

Что делать?
Душа не вмещается в тело,
И мучает вечный вопрос:
«Куда б ещё сунуть свой нос?..»

* * *

Я в жизни знал настолько близко,
Насколько близко я их знал –
Людей повышенного риска,
Что сам таким, бесспорно, стал.

О, этот риск высокой пробы,
Когда рискуешь головой,
Когда вокруг лъстецы и снобы,
А ты пред ними – сам не свой.

О, этот риск, как капля крови,
Впитавшая и яд, и мёд...
Рискуй! Но никаких условий.
Рискуй! Пока ещё не мёртв.

Лобное место

Моё терпение не лопнуло.
Терплю! Но есть всему конец...
Там, над Каширой, место лобное:
Хоть под топор... Хоть под венец...

Я выбирать, увы, не думаю.
И смерть не вечна, и любовь...
Коль встрепелются в небе турманы,
Знать, встрепенулось сердце вновь.

О, небо! Чистое, высокое,
Воскреснешь ли в моей судьбе?
Опять я выпускаю сокола,
А следом – стаю голубей...

* * *

Вот-вот должно быть наступленье
Великое – добра на зло.
Нас огорошит изумленье:
Война – святое ремесло!

Кто вдохновит на это битву,
Когда пойдёт на брата брат,
Творя в душе одну молитву,
Поклявшись жизнью в плен не брать.

В смятенье скопище народа,
Судьбы своей запутав след,
Откроют настежь все ворота.
Но кто? Кто въедет на осле?

Никто не вымолвит ни слова
И не поднимет ввысь глаза.
И поплетётся племя снова
К исходным рубежам... Назад...

Поездка в прошлое

Сыну Серёже

Поездка в прошлое – мираж,
Но каждый раз с какой тревогой
Рождается ажиотаж
В душе пред будущей дорогой.

Ещё запутан и маршрут,
Ещё в тумане день отъезда,
А чувство страха тут как тут,
Как будто: «Руки вверх! Ни с места!»

Поездка в прошлое – коллаж,
Где жизнь казалась слаще рая,
Где над речушкою шалаш,
В котором сердце замирает.

Поездка в прошлое – мираж,
Но позарез нужна телега,
И лошадёнка, и фураж,
И только так возможно ехать.

Поездка в прошлое – муляж,
Но никакая не подделка,
И оттого хронометраж
Идёт по старым добрым меркам.

И потому слеза из глаз,
И копошатся мысли роем,
И потому как это в нас –
Из настоящего в былое.

Первая заповедь

Только жить, во что бы то ни стало,
Только жить смертям любым назло!
Заповеди этой самой старой
Первой средь других не повезло.

Обошли. Объехали. Забыли.
Больше ни молитвы, ни мольбы...
Просто жизнь не просто
разлюбили –
Бросили на произвол судьбы.

Но когда той жизни нас лишают,
Обещая вместо жизни рай,
Тянешься лишь к ней. Но как мешают
Блага, что хватили через край.

Надо жить во что бы то ни стало,
Жить тогда, когда уже нельзя...
Мне вовек такое не пристало,
Мне такая выпала стезя.

Чаша терпения

Накоплена чаша терпения.
О, Боже, вовеки не тронь!
В ней даже от сердцебиения
Взметнётся смертельный огонь.

* * *

Молился я на небо – отзовись!
И крест тушил, и хвороста вязанку...
Незримая заоблачная высь
Молчала в глубине воздушных
замков.

По лестнице я шёл всё вверх и вверх,
Сказали мне: «Входи в любые двери,
Но ни словам, но ни слезам не верь!».
И я спросил: «Чему, о, Боже,
верить?»

«Делам своим! – услышал я ответ. –
Делам своим... Земным делам...», –
был голос.
И до сих пор встаю теперь чуть свет,
Тушу свой крест и принесённый
хворост.

Оставил я небесные дела –
Походка изменилась, с ней – осанка...
Земле нужны земные мастера,
А не строители воздушных замков.

* * *

Надгробный мрамор холоден,
как лёд,
И, как могила чёрная, бездушен...
Но кто-то и над ней слезу прольёт,
Как над безвременно усопшим
мужем.

Надгробный мрамор холоден,
как лёд,
И лик его бескровный чист и светел.
Слова на нём никто не разберёт –
Покойник всем и всё давно ответил.

Надгробный мрамор холоден,
как лёд,
И потому он согревает души.
И каждый здесь в конце концов
поймёт:
На этом свете не бывает стужи...

* * *

Краплёная трепещет карта,
Мёртв мрамор бледного чела...
Как знать, что будет с нами завтра
И что произошло вчера?

Не потушить в душе азарта,
Когда она ещё цела.
Как знать, что будет с нами завтра
И что произошло вчера?

Пути таинственны Господни,
Нам их предвидеть не судьба...
Но если воля их слаба,
Одежды сбрось с себя раба,
Владыкой стань хоть на сегодня.

* * *

Ещё, конечно, время терпит,
Но собираться мне пора
Туда, в заоблачные степи,
Где колыбель моя была.

Где даль светла и безгранична,
Где жизнь идёт без суеты,
Где натурально всё, обычно,
За речкой – райские сады.

Ещё, конечно, терпит время,
Не тороплю и я судьбу...
Луны не заржавело стремя,
В ночи пасётся звёзд табун.

А днём так много-много солнца,
Такой подъём его крутой,
Что падает на дно колодца
Одной лишь каплей золотой.

* * *

Не видел я людей железных,
Всесильных тоже не встречал...
Он на ногах шагал протезных
К седому морю на причал.

Садился там на красный камень,
И, долго слушая прибой,
Ловил могучими руками
Кусочек неба голубой.

Так он ловил его когда-то,
Когда отчаянный десант
Наткнулся на огонь из ада,
И ни вперёд, и ни назад...

Когда ни страха, и ни риска,
А только Родины приказ.
Когда лишь крик: «Держись,
братишка!»
И в брызги... Вдребезги баркас...

Когда на свой, на мёртвый берег
Он без сознания упал,
То твёрдо знал и крепко верил,
Что в жизни есть девятый вал.

* * *

Послевоенные игрушки...
Послевоенная игра...
Мы взяли в плен своих же –
русских,
Мальчишек с нашего двора.

Мы взяли их лишь в рукопашной
По одному, насеив гурьбой.
И было мне до смерти страшно
Без синяка идти домой...

* * *

То болотная топь, то лощина,
то взгорье,
То стрела автострады, летящая
вдаль,
То глазам вдруг предстанет страна
Лукоморье,
И невольно нажмёшь тормозную
педадь.

То церквушка мелькнёт, то скирда,
то амбары,
То шлагбаум закроет впотьмах
переезд,

То на бричке колхозной
какой-нибудь барин
Мчит и мчит, испугавшись
невиданных мест.

И опять тишина. Белый зной
да курганы,
Высоту скоростную, как крылья,
знобит.
И хитрющий мужик, но на вид
не поганый,
За обочиной, словно в избе своей,
спит.

Тишина и покой. Разве было
ненастье?
Разве не было сроду заросшей
межи?
О, Россия! Россия, открытая
настежь,
О, Россия... Россия...
и русская жизнь...

С Богом

Сыну Сергею

Бог тебе, сын мой, навстречу.
С Богом иди по Руси.
Вынесут редьку и гречку –
Хлеба нигде не проси!

Вынесут яблоко, грушу,
Малую горсточку слив.
Ты усмири свою душу –
Хлеба нигде не проси!

Вынесут доброе слово,
Тихо «спасибо» скажи.
Шишку получишь еловую –
Тоже сгодится на жизнь!

Рубище будет в заплатках,
Ноги всё время босы,
Сердце взволнует досада –
Хлеба нигде не прося!

Выйдешь в безмолвное поле
Или в безлюдную степь,
Зёрна посеешь – и вскоре
С Богом поделишь свой хлеб.

Благовест

Я сегодня, словно дёрн, спокоен,
Беззаботен, как чертополох.
Благовест каширских колоколен
Слышен только с праведных дорог.

Еду по старинке до глубинки,
Вижу и во сне, как наяву:
Возле изб берёзки и рябинки
Так, как жили, так же и живут.

А зачем им бешеные деньги,
А к чему им сумасшедший быт,
Если есть в России деревеньки,
Где народ правительством забыт?

Еду по привычке, как на бричке,
Вижу и во сне, как наяву:
Из Москвы – пустые электрички,
С овощами, с фруктами – в Москву.

Господи, да что ж это такое,
Как в душе исчез переполох?!
Благовест каширских колоколен
Слышен только с праведных дорог...

* * *

Как наши чувства все больны,
Как будто травленные травы...
Просить руки имею право,
И отказать Вы мне вольны.

Мне это больно говорить.
Ещё больней себе представить,
Но я обязан повторить,
Что завтра должен Вас оставить.

Санкт-Петербург закован в лёд.
Кашира втиснута в сугробы.
Когда любовь своё берёт,
Мы перед ней всегда холопы.

Разлуки ритуал зачах.
Но честь не тронута мундира.
Санкт-Петербург померк... В очах –
Первопрестольная Кашира.

Скажите мне хотя б в письме,
Что Вы чуть-чуть меня любили.
Оковы, каторга и смерть
Не в тягость будут мне в Сибири...

Воображения игра!
Но всё – как было там когда-то.
Адмиралтейская игла,
Как над Каширой луч заката.

Тот день вовеки не забыть.
Его черты опять ожили.
Санкт-Петербург моей судьбы –
В той, крепостной ещё Кашире.

* * *

В лугах цветущих и в степях,
И в рощах золотых
Не выходите из себя
Во имя всех святых.

Не выходите из себя
Вдоль речек и дорог,
Не радуясь и не скорбя,
Что был переполох...

Пусть половицы заскрипят
И пёс лизнёт в лицо,
Не выходите из себя,
Пришёл друг на крыльцо.

Вот журавли уже трубят
В закате над жнивьём.
Не выходите из себя –
Не для того живём.

Не забыл

Память всё гаснет и гаснет,
Но одного не забыл:
Не было женщин прекрасней
Тех, что когда-то любил!

Не было выше и чище
Кляत्व, что давал не дыша...
В чём же забвения ищет
Вечно живая душа?

* * *

Когда мы целим белке в глаз,
(Как страсть убить сильна!)
Есть человеческое в нас,
Но грош ему цена.

Кто шкуру собственную спас,
Тот в жизни и герой?
Есть человеческое в нас,
Но где оно порой?..

Есть человеческое в нас –
Презрение к судьбе.
И, разорвав боязни пасть,
Мы бой даём себе...

Людмиле

Чужие мы – представить даже жутко!
Морозит сердце. Душу леденит.
И холод тот касается рассудка,
Который мог бы что-то объяснить.

Чужие мы – не меньше и не больше.
Но если вдруг связать былого нить,
Сказал бы вновь не раньше

и не позже –

Морозит сердце. Душу леденит.

Последний экзамен

Время сводит концы с концами,
Словно цепи электровоз.
Наконец-то сдаю экзамен,
По которому в жизни «хвост».

Наконец-то без лжи и лести
День прошёл... А за ним – второй.
Провалиться на этом месте:
Честь и правда – не за горой.

Время сводит концы с концами,
Словно цепи электровоз.
Я последний сдаю экзамен,
Наконец-то не на авось.

Сиротство

Раньше в каждой волости
Верили догматики,
Что без стыда, без совести,
Как без отца, без матери.

Нынче время скорости,
Высшей математики,
Но без стыда, без совести,
Как без отца, без матери.

Нет, это не новости
Для судейской мантии,
Что без стыда, без совести,
Как без отца, без матери.

Только шаг до пропасти –
Будьте все внимательны!
Ведь без стыда, без совести,
Как без отца, без матери.

Бог нас хлебом потчевал
И в Лидах, и в Грабченках¹.
Нам хотя бы отчима...
Нам хотя бы мачеху...

¹ *Лиды и Грабченки – деревни в городском округе Кашира.*

Точка

Беспорно, точка может быть
опорой,
И в этом прав лукавый Архимед,
Но с точки этой (поздно или скоро)
Есть вариант надёжный – загреметь.

Конечно, точка может быть началом,
Что доказал, не мудрствуя Эвклид,
Но лучше, чтоб она дела венчала
И возвышала мысли монолит.

Конечно, точка не предел отсчёта,
Который я веду день ото дня...
Я всё равно наткнусь на имя чьё-то,
Кто многоточие придумал до меня.

* * *

Этот час наступит...
(Пусть, нескоро)

Буднично. Спокойно. И легко.
И останусь я за косогором
Или под берёзой за Окой.

Буду там лежать и в зной, и в стужу,
Вдоволь времени и тишины.
И не станут будоражить душу
Ранее несбывшиеся сны.

Ну, а если враг покоя нарушит
И Россия скажет: «Помоги!..»
Я и под землёй найду оружие,
Подниму и мёртвых из могил...

Исповедь

Н. П. Суляеву

*Когда начинается кладка,
Раствор и кирпич под рукой,
Нечистая сила украдкой
То словом толкнёт, то клюкой.
Автор. Из стихотворения «Кладка»*

Обнажи свою душу до дна,
Неужель не увидишь там пяди
Той земли, что с рожденья дана,
Где с рассвета всю жизнь дотемна
Ты не ждал бы хулы и объятий!
Там замшелая в поле скирда,
И забытый, заброшенный хутор,
И тугая, как жгут, борозда,
Нет, не спросят: «Ты кто и куда?»
Усмехнувшись, не спросят:
«Откуда?».

Там берёз белоствольных чета
Оступилась над самым обрывом.
Или случаем самым счастливым
Отодвинута бездны черта.
Обнажи свою душу до дна,
На высоком венце, как на плахе!
Нагишом ли родился, в рубахе ль,
С дерзкой смелостью жил или
в страхе,
Только Родина знает одна.

Колокол

То несла на себе, то волоком
И посматривала в зенит.
Поднимала Кашира колокол –
На Россию на всю звонить!

Суетилась вокруг да около –
Суета была из сует!
Поднимала Кашира колокол,
Чтоб на весь, чтоб на белый свет.

Шла с молитвами, словно
с песнями,
Шли и бабы, и мужики,
Колокольня казалась тесною,
Как внизу – берега Оки.

То не только дела церковные –
Государственные, поди...
Ну, вынай, Русь, свои целковые,
На алтарь, как в казну, клади!

Чтоб не пахло вином и порохом,
Жил спокойно крещеный люд...
Поднимала Кашира колокол,
Тот, в который, как в душу, бьют.

* * *

Человек, родившись, умирает,
Но пока мечтой высокой жив,
Хлеб с водой и солью уминает,
Золотую душу обнажив.

Дни идут, надежды крепок посох.
Путь как путь. Обочины не в счёт.
Всё-таки находим в жизни способ
Убедиться: как же жизнь течёт?

А она течёт давно, как в сказке,
Из земли, из неба, из воды...
Формы изменяются и краски,
Суть её святая из святых!

Гегелевское постоянство

Безумный мир противоречий,
Он в тягость нам, как всякий плен.
Все монологи, спичи, речи –
Попытка избежать проблем.

Безумный мир противоречий:
Ушёл – не так! Пришёл – не так...
А Гегель – мантию на плечи
И всем на свете: «Guten Tag!»¹

Он жил, как мы живём до гроба,
Порой – бунтарь, порою – тих...
Но ей... Единственной... Особой...
Всегда одно: «Ich liebe dich...»².

1. «Guten Tag!» – «Добрый день!» (нем.)

2. «Ich liebe dich...» – «Я люблю тебя...» (нем.)

Мичман Даль

Болезнь морская – ерунда,
Коль отчий близок брег...
Безделье – русская беда,
Безделье – русский грех.

Морское свято ремесло.
Язык морей богат.
А мичман Даль себе на зло
Нарочно глуховат.

Вину, как с плеч мешок, свалить
Нельзя, брат, – тяжкий груз.
Слова, конечно, – в словари,
Но слово – знай на вкус.

Средь канцелярий и бумаг,
Среди нерусских слов,
Язык российский, словно взмах,
Потом – удар веслом...

О, мичман Даль, смотри, держись,
Попал в слововорот,
И, коль словам отдать всю жизнь,
Придёт одно – народ...

Три яблока

Три яблока зрели веками в саду
На ветках могучего древа.
Одно воплощало собой красоту –
Соблазном прославилась Ева.

Другое сроднило и зло, и добро
(Быть может, и не было б риска!),
Но стало раздором, был Трои
разгром,
И смерть отыскала Париса.

Последнее взял удивлённый Ньютон,
Всемирным пленён тяготеньем.
«Свершилось! – изрёк он. –
И, к счастью, притом
Не нужно ни славы, ни денег...».

Иваны

*Памяти моего отца
Прядкина Ивана Ефимовича*

То холмы, то курганы,
То полынь, то ковыль.
Эх, Иваны, Иваны,
Не поднять головы.

Эх, Иваны... Иваны...
Коль была не была,
Я пойду вместе с вами
На любые дела.

Да не будет вам худа,
Не видать вам беды!
В вас и ловкость, и удаль
От седой лебеды.

Будут кони буланые,
Будет мощь булавы...
Эх, Иваны, Иваны,
Не поднять головы.

Тяжелы наковальни
И удары с плеча...
Эх, Иваны... Иваны...
Слишком кровь горяча!

В сыновьях не остыла
И у внуков течёт.
Вас Россия крестила,
Не потерян вам счёт...

И хитры, и коварны
Вашей жизни враги...
Эх, Иваны, Иваны,
Боже, вам помощи.

* * *

Встречай меня, земля моя
кормилица!
Не сгоряча – с плеча к себе возьми.
Мы намертво должны навеки
сблизиться
Без слёз, без суеты и без возни.

Пусть надо мной возникнет
холмик маленький
И зарастёт под дождик спорышом.
И пропищит судьба моя комариком
Так жалобно, но всё же хорошо.

Полвека шёл к тебе, дороги путая,
Полвека сам себя везде бранил,
Чтоб под моим степным забытым
хутором
Висели звёзды в виде бороны.

Чтоб волки не бродили
за амбарами,
Чтоб не кричал петух мой:
«Караул!..»
Чтоб перестройки обошли
глобальные,
А жизнь текла, как в сумерках:
«А-а-у-у...».

Конечно, ты, земля, не одинакова,
Конечно, где-то ад, а где-то рай...
Но разреши стать зёрнышком мне
злаковым,
А за былое больно не карай.

Воздам тебе хвалу тогда
стократную,
Спокойно руки на груди скрестив.
Не обещаю дорогу мне обратную,
Но обещаю степных ветров мотив.

Как мне нужна была твоя окраина,
Проститься я с заветным не успел...
Но пусть мне будет грамотой
охранною
Любовь моя, ведущая к тебе.

* * *

Подплывёт немая рыба к пирсу,
На людей посмотрит – уплывёт.
Может, в море парусник разбился
И она на помощь всех зовёт?

Может, друг попал случайно
в сети –
Выручить несчастного должна.
Люди рыбам всё-таки соседи,
Вот и просит помощи она.

Подплывёт немая рыба к пирсу,
На людей посмотрит свысока.
Что-то впрямь у нас на лбах
написано.
Как прочесть, не зная языка?..

* * *

Бездонное небо. Безбрежное море.
Безлюдье. Безмолвье. Покой.
И женщина где-то знакомо до боли
Мне машет и машет рукой.

На воды, на пристань, на берег
янтарный,
На парус, мелькнувший вдаль,
Смотрю и смотрю я, судьбе
благодарный
За всё, что нельзя повторить...

Души

Как наивны наши души
И коварны, как цыганки.
Вешай им лапшу на уши,
Но на плечи – полусшалки.

Как наивны наши души,
До преступного беспечны,
В эпицентре и снаружи
Грех несут, как груз заплечный.

Как наивны наши души,
Но себе и нам в угоду
С тем, кто начал бить баклуши,
Рвут любые связи с ходу.

Затянув ремень потуже,
На орбите занебесной,
Над людьми витают души.
С кем витают? Неизвестно!

Сердце

Животворящие лучи
Его ещё полны игрою.
Но сколько лет оно стучит,
Своей захлёбываясь кровью.

Стучит в холодные мозги,
Стучит в груди с одной молитвой,
И жизнь по венам, где ни зги,
Светло скользит опасной бритвой.

Русь... Россия...

Русь, Россия... Мужики да бабы,
Да просёлок с бричкой, да село,
Да коса горячая, да грабли,
Да журавль колодцу бьёт челом.

Русь, Россия... Мужики да бабы
Да родни несметное число.
Сам Господь велел держаться
слабым,
Чтобы сильным духом повезло.

Русь, Россия... Мужики да бабы,
Да незваных сколько на меже...
Все твои колдобины, ухабы,
Чтоб воскресла жизнь в моей душе.

Но не эта наша жизнь, не эта,
Где, что шаг, то грех или порок.
Русь, Россия... Песня, что, не спета?
Или запевать не вышел срок?

Биоритмы

Душа взволнуется, как море –
Конца стихии не видать!
Душа взволнуется... А вскоре
Нисходит с неба благодать...

Опять спокойно всё и гладко,
И снова жизни слышим песнь...
Для абсолютного порядка
В душе и Бог, и дьявол есть...

* * *

Ничто не вечно под луной.
Под солнцем тоже всё не вечно.
Бессмертен лишь пример дурной,
В нём соблазнительное нечто.
Как будто короля турой
Шахуешь дерзко бесконечно.

Ничто не вечно под луной,
Под солнцем тоже всё не вечно...
Снопья лошадка на гумно
Свезла по простоте сердечной,
И золотое ведь руно –
Всего лишь только шерсть овечья.

От суеты уйдя дневной,
Под свет звезды огнеконечной
Твержу без усталости одно:
«Оно всё так... Оно, конечно,
Ничто не вечно под луной».
И это, может быть, умно,
А, может, и бесчеловечно...

* * *

Однажды божий человек
Свёл, наконец, концы с концами,
Как сводит наш беспечный век
Вдруг самогонку с огурцами.

Да так связал добро и зло,
Что не дойти умом до сути.
И этим заняты узлом
Все, что ни есть на свете, люди.

* * *

Где зарыта или зашита
Запись тайная, что гласит:
«Если будет Россия сытой,
Обессилит всяк на Руси...»?

Словно этим словам в угоду,
Засекреченным навсегда,
Подавались всему народу
Корка чёрная, соль, вода...

О, скрывающий имя автор
Никому не известных строк,
Снедь – воистину русский фактор,
Да всему истекает срок.

На дороге на той, окольной,
Кто-то вывел свои азы:
«Если будет Россия вольной,
То любого врага сразит».

Белопесоцкий монастырь

Так белы монастырские стены,
Золотым отливают кресты,
Облаков бездыханные тени,
Как монашки, спешат в монастырь.

Видно, скоро начнётся молебен,
Восковая зажжётся свеча,
И за всё, что творится на небе,
На земле нам одним отвечать.

Но тихи монастырские стены
И спокойны над ними кресты,
Словно это вселенной антенны
Кто-то взял и сюда опустил.

Вот пойдёт передача прямая
Из глубинной космической тьмы,
Представления наши ломая,
Для чего существуем все мы.

Вот так пляска!

Чёрным словом, белой лаской
Переполнилась душа...
Позолоченная пражка
И ремень, как для ножа.

Будь живым ты или мёртвым –
Брось судьбу свою в огонь.
У цыганки губы с мёдом,
Под седлом несётся конь...

Никаких дорог не надо –
Страсть теряется в пути.
Завладеешь сердцем взглядом,
Только честно заплати.

Чу... Остановились тени
И сливаются в одну...
Никаких не жалко денег,
Только бы связать струну.

Чёрным гневом, белой лаской
Переполнилась душа...
Осмотрелся... Вот так пляска!
Ни шатра, ни шалаша,
И в кармане ни гроша...

* * *

Вагоны мои на колёсах,
Колёса на рельсах стальных –
Всё время лечу, как с откоса,
Как будто свалился с луны.

Как всё непривычно, как ново,
Вот только смущает: «Держись!...»
И нет никаких остановок
С наивным названием «Жизнь».

Разочарование

То дожди осенние всё лето,
То в предзимье ахнет вдруг гроза...
Я разочарован жизнью этой,
Вот и всё, что вынужден сказать...

Я разочарован. Между прочим,
Распрекрасно отдаю отчёт,
Что и сам ей голову морочил,
Чтоб узнать: куда она течёт,

И куда теперь та жизнь впадает:
То ли в море, то ли в океан...
Дум курган могильный зарастает,
И вокруг, куда ни глянь, – бурьян...

* * *

Россия – это жизнь в кредит.
Россия – это предоплата.
Теперь никто не запретит
Писать и говорить крылато.

Россия – это жизнь в кредит.
Россия – это предоплата
Тому, кто сквозь века глядит
На своего родного брата.

Не чернокнижник. Не лукав.
Открыт, как кочегар в котельной.
Его всеильная рука
Хранит на каждом крест нательный.

Россия – это жизнь в кредит.
Россия – это предоплата
Тому, кто словом победит
Всю демагогию булата.

* * *

В сумерках, когда костёр теплее,
Всё живое тянется к огню,
Во стократ становится острее
У зверей и зрение, и нюх.

Чёрный страх ползёт по скользким
тропам.

Каждый шаг трагедию сулит.
Чуткая опасность смотрит в оба
Бездыханно, как из-за кулис.

Мне предназначено судьбой
(И не уйти от этой доли)
Вести с собой смертельный бой
За жизнь свою. И всё! Не боле.

Вести невздадам вопреки,
Вести без ропота, без стона
До самой гробовой доски,
По-человечески достойно.

* * *

Тот, кто вырос в степи на Кубани
И седлал самых быстрых коней,
Никогда лошадей не обманет
На своей и чужой стороне.

Я за честность казачью ручаюсь
Перед всеми своей головой.
Посмотрите в глаза иван-чаю
На дороге его гужевой.

Подойдите вплотную к полыни,
Разве ложь горьковата на вкус?
На траве на такой и донине
Вся дорожная держится Русь.

Казачий круг

Казачий круг – не просто сходка,
Не съезд тачанок и подвод...
Казачий круг не шит, но соткан,
Когда и как – спроси народ!

Спроси народ, не атамана,
Чтоб перехватывало дух,
Услышишь: «Любо!» –
всё нормально,
То отвечал казачий круг.

* * *

В рубцах горячих стынет тело,
Душа безмолвна от тоски...
Я в жизни жил, как мне хотелось,
Нравоученьям вопреки.

О, исполнение желаний,
Но радость вовсе не в венце –
В универсальности тех знаний,
Что вдохновляют сам процесс...

Не ночью тёмной – ясным днём,
Когда исчезнет тень испуга,
Мы, помирившись, вновь умрём,
Умрём в объятьях друг для друга.

Игра

Игра со смертью – так себе игра!
Лишь память воскресит бывшего
тени.

И свечи жечь не стоит до утра:
Ни женщин, ни шампанского,
ни денег.

Игра со смертью – так себе игра!
Ни ставок, ни азарта, ни прогресса,
И всё-таки играешь на ура!
Да, на ура... с великим интересом.

В такой игре немыслима ничья,
Ещё никто не выиграл бессмертья,
Тем более в присутствии врача...
Но в проигрыш... но в проигрыш
не верьте.

Речь

Как много надо разных слов,
Воспламеняющихся сразу!
Но почему-то стынет кровь,
Безумным делается разум.

Как много надо разных слов,
Чтоб только высечь в сердце искру!
Но это Божье ремесло
Идёт по дьявольскому списку.

О, человеческая речь,
В глухонемой погибнешь тайне,
Когда я свой язык отсечь
Велю за это бормотанье...

Астральные степи

Все звёздные знаки скосили,
Все нивы, где вечно живём.
Астральные степи России
Горят, словно в поле жнивье.

Пылают высокие степи
И Божьего пахаря кров.
На головы падает пепел
И угли карающих слов.

Сошлись две вселенские силы,
И ратная будет страда.
Астральные степи России –
Кочевья... отары... стада.

Не тройка! Летит колесница
Над бездной безмолвной небес,
И крестятся грешные лица:
Господь снизойдёт? Или бес?

Сколько в глазах твоих...

Сколько в глазах твоих яда,
Зависти, лести, лжи...
Значит совсем уже рядом,
Вот она – райская жизнь!

Значит, немыслимо близко
Та роковая черта,
После которой без риска
Сделать нельзя ни черта.
Сколько в глазах твоих света,
Неба, земли и воды!
Истины хочешь отвесть?
Адские пробуй плоды.

Станут незрячими очи.
Станут немymi уста...
Знаешь, тебе, между прочим,
Выпала доля Христа.

Слышишь, уют уже гвозди,
Пламя раздуто костра.
И тишина на погосте,
Словно бессмертия страж.

Россия

Страна роковых разногласий,
И крайностей странных страна.
Не ведал подобных okazji
Господь! И не знал сатана.

Желанье добраться до сути –
В чём жизни земной благодать? –
Никто из людей не осудит.
Сумеет ли кто оправдать?

Мелочи жизни

Может, всё это мелочи жизни.
Может, несучепуху...
Дед мой, казак, по фамилии
Нижник,
Прозвище маял: кугут!..
Видел и я приазовские плавни,
Жёг и камыш, и кугу,
А до меня там рубились
две правды –

Обе ещё на слуху.
Может, всё это мелочи жизни,
Может, несучепуху...
Дед мой, казак, по фамилии
Нижник,
Где ты? На чьём берегу?

Встреча была после тяжкой разлуки

Встреча была после тяжкой
разлуки –
Боль обжигала родные уста.
Ноги не шли и не слушались руки,
Час всепрощенья настал.

Долго смотрели они друг на друга –
Сын на отца... И на сына отец...
«Всё суета и томление духа», –
Кто-то над ними изрёк, наконец.

Старт

Сыну Сергею

Недолго, сын мой, быть нам вместе,
Недолго быть вдвоём...
Я нахожусь среди тех в реестре,
Кому пора за окоём...

Такая даль перед глазами,
Так труден первый шаг,
Что замер я, и мир весь замер,
И замерла моя душа.

О, старт! Тебя не отодвинешь –
Незыблема черта.
А финиш! Где он будет – финиш?
Но честь чиста...

Белая Кашира

Белые берёзы.
Белые морозы.
В чистом поле белый-белый снег.
Белый сон из сказки.
Белые ромашки.
Белый-белый над Окою смех.

Ты заморозила,
Ты заморозила,
Глядя мне доверчиво в глаза.
Белая Кашира.
Белая Кашира,
Что тебе, любимая, сказать?
Белые рассветы,
Белые конверты,
В белом небе стаи голубей.
Белые свиданья,
Белые гаданья
В белой неразгаданной судьбе.

Белый сон приходит,
Белый пароходик
Оставляет белую волну.
Белый берег рядом
С белым-белым взглядом,
И с тропинки белой не свернуть.

О цветах

Во имя грешных и святых –
Да пусть простит слепая мода –
Не рвите, граждане, цветы,
Что вырастают без присмотра.

Что вырастают там и тут,
Вдоль ограждений, вдоль кюветов...
Зато, о, как они цветут,
О, как цветут последним летом.

Им вред несёт тепло теплиц.
Как мрак им свет оранжерейный.
Они цветут не для петлиц,
Не для торжественной шеренги.

Во имя грешных и святых,
Какая б ни была погода,
Не рвите, граждане, цветы
В угодах своего народа.

Россия! Русь! Безумные ветра...

Россия! Русь! Безумные ветра,
И стужа лютая, сугробы,
И дождь, как будто из ведра...
Следит за жертвой ястреб в оба.

Россия! Русь! От взмаха топора,
От борозды в безбрежном поле
Иль от гусиного пера... –
Откуда это чувство боли?

Россия! Русь! Безмолвье и покой,
Как будто нет в душе тревоги.
И здесь, в долинах за Окой,
И на утёсах там, вдоль Волги.

Я писал для русского народа

На опушке, где стоит колода,
Рядом с ней – известный всем пенёк,
Я писал для русского народа:
– Всё пройдёт и вдоль и поперёк.
Будет туго – отворю ворота,
Запрягу опять коней лихих...
Я писал для русского народа:
– Бороздой в степи ложится стих.
Изгородь поправлю в огороде,
Чтоб незваной избежать беды.
Я писал для русского народа:
– Да, в огне никто не ищет брода,
Но сухими выйдем из воды...

Чтоб вызвать слово из души

Чтоб вызвать слово из души,
Забудьте про отвагу,
Сломайте все карандаши,
Сожгите всю бумагу.

Чтоб вызвать слово из души, –
Единственное слово,
О, сколько надо пережить,
Принять чтоб муки снова.

Белоцерковная Кашира

Путей господних пассажира
На счастье или на беду
Обворожила ты, Кашира,
Когда он в райском спал саду
У всей России на виду.

Жизнь сладкий сон разворошила,
Проснулся, словно был в бреду.
Смотрю – и впрямь стоит Кашира,
Сама с собою не в ладу
У всей России на виду.

И столько праздного народа,
И столько тщетной суеты,
Как будто душу дьявол продал...
И замер я от всех поодаль,

Карманы вывернул – пусты!
Прости земного старожила,
Помилуй, словно на суду,
Белоцерковная Кашира,
Земли могильной три аршина
Отмерь мне там, где упаду.

23.03.1995

От имени...

От имени земли и небосвода,
От имени прошедших всех времён,
От имени безгрешного народа
И грешных, до мозга костей, имён.
От имени святейшего синода,
Который свыше властью наделен,
Я говорю: «Вот и пришла свобода,
Как будто с похоронкой

почтальон...».

От имени избы и огорода,
От имени дворяжки на цепи,
От имени рябины черноплодной,
От имени телеги, что скрипит,
От имени соседа-сумасброда,
Который в диктатуру был влюблён,
Я говорю: «Вот и пришла свобода,
Как будто с похоронкой

почтальон...».

23.03.1995

Скорбь

Смотрю на тяжёлые, стылые пашни,
На лес за безмолвной Окой,
Вдали монастырь – богомольник
вчерашний

Таит тишину и покой.

Смотрю, словно в бездну,
на мёртвое небо,

Молчат облаков купола.
В душе моей пусто. И глухо. И немо.
Но горе, как небо, нельзя пополам.

23.03.1995

Войны не видел я воочию

Войны не видел я воочию.
Не знал смертельного огня.
Война прошла голодной очередью
За хлебом горьким сквозь меня.
У довоенных магазинчиков,
Где по ночам метель мела,
К утру, промёрзнув до мизинчика,
Зубрил пустые номера.
Не буду врать, не очень вежливо
Там обходились со мной,
Но продавщицы не обвешивали –
Весы казались всей страной.

23.05.1995

Штрафник

*Только в 1941 году на фронт
было отправлено более миллиона
заклоченных.
Из газет*

Дерзкий. Шустрый. И упрямый.
В детстве слывший босяком,
Высоко стоял над ямой,
Вырытой чужим штыком.

Невысокий. Конопатый.
Балагур. И весельчак.
По амнистии – в солдаты,
Но в штрафную только часть...
Сам себе долбил могилу –
Выдолбил почти по грудь...
Штурмбанфюрер ел малину,
Ухмылялся: «Рус капут!»

Сердце сжалось от обиды,
Затуманились глаза:
«Буду жить я и убитый...», –
Вечным голосом сказал.

Падал долго... Долго... Долго...
Словно был ещё крылат.
В тех просторах перед Волгой
За спиной был Сталинград...

Женщина

Живёшь ты такая женщина.
За окнами дождь. Темно.
Как много было обещано,
Как мало тебе дано.

Давно ни во что не верится,
И негасима свеча.
Как страшно первой осмелиться,
Как жутко сказать: «Встречай».

На кухне лежат тарелки,
Храня тепло твоих рук,
В прихожей старое зеркало –
Свидетель житейских мук.

И вдруг без плаща, без зонтика
Вбегаешь в его подъезд...
О! Чувств городских экзотика
Деревенских невест.

Сгоревшая любовь

Она смотрела на меня,
Как на степной костёр,
В котором был поток огня,
И ветер, и простор.

Она смотрела на меня
Как будто первый раз.
Смотрела, полная огня,
Огнём горящих глаз.

А я смотрел из темноты,
Где не было тепла,
И воскрешал её черты,
Сгоревшие дотла.

Смотрел из бездны темноты,
Где пепел и зола,
И думал, что без доброты
Не знали в жизни зла.

Друг друга согревали мы
Едва, едва, едва...
А где дают огонь займы,
Когда любовь мертва?

Магия

Лист самой чистой бумаги –
Чёрная-чёрная магия,
Реки, леса и овраги –
Белая магия.

Все наши охи и ахи –
Чёрная-чёрная магия.
Лапти, портки и рубахи –
Белая магия.

Даже эмблемы и флаги –
Чёрная-чёрная магия.
На посошок по рюкзаке –
Белая магия.

Всё, что надыбала мафия, –
Чёрная-чёрная магия.
Скрещены намертво шпаги –
Белая магия.

Все мы по жизни салаги,
Смотрим с надеждой вокруг,
Слушаем, что скажет магия...
Жаль, неразборчив наш слух.

Казачья песня

Аллюр – все три креста
И сабелька с припевом,
А за верстой – верста
То в красном вся, то в белом.

Припев: Терпи, казак, терпи
И станешь атаманом
В порубленной степи
Под насыпным курганом.

Эх, если б да кабы
Уйти нам от погони,
Но встали на дыбы
Вдруг загнанные кони.

Привет.

Прощай, Кубань-река,
Что там, на небосклоне?
И клонит казака,
К земле ковыльной клонит.

Привет.

В гостях у чёрта

По русской по привычке
Меня послали к чёрту.
Да, к чёрту на кулички
Да по большому счёту.
Поставил чёрту свечку
И поклонился низко.
– Ты сделай тёще печку, –
Чёрт говорит мне с визгом.
И за рубашку дёрнул,
В которой я родился.
Был он мужик ядрёный –
Вдруг перевоплотился.
Давно сгорела свечка
И кончились дрова,
И развалилась печка,
А тёща, чёрт, жива.

Прощание с бетономешалкой акционерного общества «Астра»

В обществе этом растворы мешал
И Бога в душе на Земле замещал.
Вертелась, кружилась железная
«груша»,
От тяжести ныла, стонала от груза.
Земной так, быть может,
вращается шар.

Он помнит, кто первый на кнопку
нажал.

Прощай, говорю я, бетономешалка,
Прости, что в России кормилиц
не жалко.

Прости, что вода и цемент, и песок
Бьют в сердце твоё и под дых,
и в висок.

Прости, что ночами я бредил
раствором,

А днями пустым отвлекал
разговором.

Я знал: в каждом обществе кто-то
«стучит»

И гибнет, как дятел, от стука,
Но тот, кто украл от цемента ключи,
Был хуже, чем дятел, был сукой...

Прощай, говорю я, бетономешалка.
Подруги твои в дорогих полушалках,
В цветных кимоно и персидских
халатах,

Тебе – только лом да кувалда
с лопатой.

Жизнь непорочная

Жизнь – непорочная штука,
Кто перед ней не робел?
Воеет на привязи сука,
Ей подвывает кобель.
Стиснула зубы волчица –
Волк показал ей клыки.
Грех нам веками учиться,
Чтобы попасть в дураки.
В заводи хищная щука
Стала б подругой моей.
Жизнь – непорочная штука,
Что ей до гор и морей,
Что ей просёлки и степи,
Что ей холмы да леса?
Каждый до смерти потерпит –
Камень ли то иль коса.
Знаю, что око за око.
И не моя в том вина.
Жизнь в самом малом грешна –
Существовать одиноко.

Человеческое желание

Чтоб смог обустроить жилище,
Чтоб духом и телом окреп,
Бог дал человеку две пищи:
Утешное слово и хлеб.
– Всевышний, мне этого мало, –
Сказал человек напрямик, –
Нужна мне небесная манна
И горем истерзанный лик.
– Зачем тебе муки и беды,
Такого не просят вовек...
– Хочу над собой я победы, –
С земли произнёс человек.

13.01.1996

Астры

Когда-то я из Краснодара
В Москву привёз большой букет.
Цветов столице было мало.
– Вези ещё, – сказала, – шкет!

И до сих пор в душе так горько,
Так тяжело от всяких склок,
Как будто ниткой за иглой
Тащусь... но держит узелок...

Когда входил я в цех пошива,
Точнее, кройки и шитья,
Себя я чувствовал паршиво,
Ну, словно нет уже житья.

Когда входил я в цех пошива,
Точнее, в женский коллектив,
Казалось мне, что жил я лживо,
Мужской всей правде супротив.

Когда входил я в цех пошива,
Где вечный конкурс красоты,
Невольно ахал: «Вот, Кашира,
Твои любимые цветы!»

О, эти астры, астры, астры...
Улыбки, губы и глаза...
«Я им, и только им подвластен!» –
Так сам себе в уме сказал.

И было это не фальшиво
И уж, ей Богу, не шутя,
Во имя всех цехов пошива,
Домашней кройки и шитья.

21.03.1996

Божий суд

Поэтическая эссе

*И не уйдёшь ты от суда мирского,
Как не уйдёшь от Божьего суда.*

А. С. Пушкин

Мы почувствуем это мгновенье.
Нас молитвы уже не спасут.
Бог всех вызовет на откровенье.
Успокойтесь, любое волненье
Обнаружит бестрепетный суд.

Будет тесной скамья подсудимых,
Будет мал над землёй небосклон,
И с общественных дел, и с интимных
(В этой жизни дела все едины)
Равно взыщет всевышний закон.

Прокурор возмутится и стража,
Удивятся тому палачи:
Жизнь, бесспорно, бела, словно сажа,
Не по силам на каждом поклажа,
Поминальной не видно свечи!

Только гневно к чему возмущаться,
На межзвёздных орбитах скользя?
Обесценили райские яства,
Обескровили кровное братство –
Закадычные всюду друзья!

Мы почувствуем это мгновенье.
Чувства – душ неприкаянных суть.
Бог всех вызовет на откровенье.
(Не вскрывайте заранее вены,
У Слепой отберите косу...).

Мы почувствуем это мгновенье –
Все предстанем пред Божиим судом!
Тот – в общипанном оперенье,
Тот – купивший народа доверье,
Тот – как прежде, с пустым
животом,

Тот – лишившись своей десятины,
Тот – пропивший ярмо и гужи,
Тот – нашедший у церкви
полтинник...

В этой жизни дела все едины.
Всех подряд, Божий суд, накажи.

О, последняя капля терпенья –
Сколько били в бока и под дых!
Приговор привели в исполнение,
И под траурное песнопенье
Подсудимых исчезли следы.

Тот над пропастью был, тот –
над бездной,
Тот – на даче, тот – в «пятом углу»,
Тот в центральной газете, тот –
в местной,

Чтобы жизнь не казалась
им пресной,
Чтоб не сдались на радость врагу...
Мы почувствуем это мгновенье
Сквозь щемящую в сердце печаль.
И отступится грехопаденье,
И с небес озарит вдохновенье,
И увидим начало начал.

И безропотно примем веленье,
Без ликующих праздно фанфар,
Мы поймём, что души откровенье –
Божий суд на одно лишь мгновенье,
А до гроба... на жизнь – Божий дар!
31.08.1996

А. И.

Обречённый всю жизнь на скитанья,
На дороги судьбы не ропща,
Я боюсь говорить:
– До свиданья...
Лучше вымолвлю тихо:
– Прощай...

И уйду вдоль оврагов, вдоль пашен,
Вдоль полей многолетней травы.
Я настолько ещё бесшабашен,
Что не вижу, что сердце в крови.

И не чувствую гибельной боли.
Одиноко шагая тропой,
Продолжая неистово спорить
И мириться опять сам с собой...

19.10.1996

Ева

*О, женщина, твой вид и взгляд
Ничуть меня в тупик не ставят.*

Борис Пастернак

Ну, соблазняй! Ещё... Ещё...
Мне эта нравится игра.
Судом Господним я прощён,
Судом людским не покарать.

Ну, обольщай! Ещё... ещё...
Не отводи горящих глаз.
Пусть выдаёт румянец щёк
Былую горечь сладких фраз.

Ну, обещай! Ещё... Ещё...
Любую роль себе бери.
Тупик любви перемещён
В непроходимый лабиринт.

И хоть заранее травы,
Хоть после четвертуй мечом.
О, женщина, один твой вид –
И всё на свете нипочём.

Ноябрь 1996 г.

Цыгане

Они живут, судьбе покорны,
И с небом, и с землёй в ладу.
Кто обогреет, кто накормит,
А где и сами украдут.

Они живут, судьбе покорны,
Под стук копыт, под скрип колёс,
И злые таборные кони
Не с каждых рук берут овёс.

Они живут, судьбе покорны,
Между свободой и тюрьмой,
И путь неведом им окольный
И неизвестен по прямой.

Но ради сказочного чуда
(Всё остальное – ерунда!)
И возникают ниоткуда,
И исчезают в никуда...

А-уу!

Не на небе блуждаю: а-у-у!
Межпланетные карты листаю,
Деревенька ли, хутор, аул –
Отыскаться надежду питаю.
Не в лесу заблудился: а-у-у!
Проводив свою вольную стаю,
В чистом поле попал в кабалу
И в оковах условий блуждаю.

Средь людей заблудился: а-у-у!
(Небывалая, в общем-то, штука),
И тревожно приходит на ум:
Разве есть круговая порука?

Арифметика

Научились нить и ноем,
Словно начали с нуля,
А ковчег-то ведь не Ноев,
И под ним – своя земля.

Вот когда земли не станет
На крещённой на Руси,
Озвереют волчьи стаи,
Можно и поголосить.

Вот когда всё подсчитаем,
Выйдем снова на нули
(Арифметика простая!),
Можно будет поскулить.

Вот когда с орлом бумагу
Нам доставят из Москвы,
Можно проявить отвагу
И чуть-чутьочку повить...

Научились нить и ноем.
Уж прости нас, мать-земля,
Если поведут всех строем
Под всеобщее «у-р-я-я».

Русь

Русь моя, что случилось с сердцем?
Приложи к нему молча ладонь!
Ах, закуска была ... и с горчицей,
и с перцем,
И, как скатерть, горел самогон.
Русь моя, как безумно похмелье
И душа так некстати болит,
Словно сжёг нашу мельницу
мельник
И огонь продолжает шалить.

Ах, закуска была и с горчицей,
и с перцем
И с каширских лугов – дикий хрен...
Александр Иванович Герцен,
Извините ... всё без перемен...

Русь моя, твой ли призрак угрюмый
Начинает реветь, как медведь,
Расшатав и былое, и думы,
И твою нерушимую твердь?

26.04.1997

Прогулка Туполева

Памяти легендарного авиаконструктора

Леса и Ока меж Каширой
и Ступино.
А между деревьев, вдоль берега –
Туполев.
Земля, как и небо. Уйдёт ли от рока?
Приехал и ходит в раздумьях
по тропкам.

Там, где-то полёты намечены летние.
Здесь стаи уходят на север
последние.
Горит прошлогоднее пламя рябины,
Как стылый огонь с омертвевшей
турбины.

О, скорость сравнений, ты –
смерть для конструктора,
Любая идея, как ложе прокрустово.
В работе секретной –
сплошные пробелы.
Но двигатель вечный –
под ветром пропеллер...
Сомненья терзают, как тайна

горючего,
Как в прошлом – безмолвье забора
колючего.
Шофёр и охрана остались на трассе.
Как будто приказ был: стоять
на атасе!

А здесь голубое в глазах одиночество,
А здесь есть фамилия,
имя и отчество.

Век прожит не зря: отыскались
погрешности.
Добраться б ещё до того вон
орешника...
12.07.1997

Заповедь

Не расслабляйся ни на миг,
Держи себя всё время в форме,
Когда один ты на платформе,
Пересекутся две прямых.
Не расслабляйся ни на миг,
Держи себя всё время в форме,
Сам Бог на этом свете кормит,
Хоть шоколад жуёшь, хоть жмых.

Не расслабляйся ни на миг,
Держи себя всё время в форме.
В чужих словах – чужие корни.
Что пользы языку от них?

Среди подушечек для игл
И на святой горе в Афоне
Держи себя всё время в форме,
Не расслабляйся ни на миг!

Но если выйдет дивный стих
Не в облаках – на самом деле,
Сосредоточься до предела,
И выдохни: «Их либе дих...»¹

12.07.1997

Звезда немеркнущая

«Свеча горела на столе...».
Борис Пастернак

«Вон там звезда одна горит...».
Аполлон Григорьев

Нет, не свеча горит – звезда,
Не на столе – на небосклоне,
И молвят тайное уста,
Душа от этой тайны стонет.

1. Я люблю тебя (нем.)

Душа, о чём она скорбит,
О чём тоскует, недотрога,
Под звон гитар, под стук копыт,
Когда в былом уже дорога!

Вон и последняя верста,
Гони коней, о, жизнь, быстрее!
Звезда горит, моя звезда,
Она утешит и согреет.

Она уймёт любую боль
И озарит в небесной бездне,
Но не любовь... мою любовь,
Что стала лебединой песней.

16.09.1997

Связь времён

Памяти рвутся нити,
И не связать порой.
Степь и над ней в зените
Солнца пчелиный рой.

Трактор в дали колёсный.
Общая борозда.
Сталин в Кремле серьёзный,
Словно снятый с креста...

Памяти рвутся нити.
Гул проливного дождя...
Болтик, шурупик, винтик –
Всё началось с гвоздя.

Всё началось с крупницы,
С зёрнышка на руке,
С Усть-Лабинской станицы,
Что на Кубань-реке.

Всё началось, как надо,
Кончилось бы добром!
Нити или канаты
Связываю узлом.

Февраль 1996 г.

От Новоселок до Тарасково

От Новоселок до Тарасково,
И далее – по всей Руси,
Снопы сугробов перетаскивая,
Декабрь выбился из сил.

Но от Рунова до Аладьина
Январь поднялся в полный рост.
И снова радио заладило
Про снег, про ветер, про мороз.

Февраль хлестнул кнутом по крупу,
Прикинул, как цыган в уме:
«Пропить в Кашире что ли шубу
Иль там, за тридевять земель!..»

От Новоселок до Тарасково,
И далее – по всей Руси
Снегурочки такие ласковые...
Жаль, что знакомился я наскоро
И долго саночки возил.

Таборный чай

Как пахло сеном и навозом,
Овчиной мокрой, молоком.
От чайника с чумазым носом
Кизячьим веяло дымком.

Земные запахи венчая,
Витал, захватывая дух,
Сухой и терпкий запах чая –
Бесед душевных вечный друг.
Был этот чай настолько крепкий,
Настолько чёрный и густой,
Как будто я глотал таблетки,
Не запивая их водой.

Во имя женщины

*Женщинам муниципального
предприятия «Жилкомсервис»*

Во имя женщины одной
И ради всех других
Смысл жизни виден потайной,
Как на воде круги.

Во имя женщины одной
И черт её лица –
Ничто не вечно под луной,
Но нет тому конца.

Во имя женщины одной
С младенцем на руках
Стоят, как стражи за спиной,
Бессмертные века.

Другого в жизни не дано,
Свидетель только Бог!..
Во имя женщины одной
Он сотворить всё смог.

Во имя женщины одной
Идёт счисленье дней,
Во имя женщины родной,
Которой нет родней.

07.03.1998

Цветы стояли как живые

Скрывая раны ножевые,
В хрустальной вазе
Цветы стояли как живые,
Ещё в экстазе.

Стучали капли дождевые
В окно снаружи,
Цветы стояли как живые,
Возвысив души.

Текли мгновенья роковые
И жизнь другая.
Цветы стояли как живые,
Благоухая.

Кому в житейской круговерти
Такое снилось –
Цветы воскресли после смерти,
Как Божья милость.

07.03.1998

На могиле отца

На могиле отца я стою сам не свой,
И земля под ногами не твёрдая.
Эх, отец... эх, батько?..
ты, ей Богу, живой,
Это жизнь твоя прошлая мёртвая.

На могиле отца ни звезды,
ни креста,
К изголовью тропинка протоптана,
Словно кто-то приходит
к нему неспроста,
Как и раньше таился под окнами.

На могиле отца вырос грецкий орех,
А под ним гладиолусы белые.
На могиле отца выпить водки
не грех,
Только надо налить ему первому.

Наливаю стакан... знаю, выпьет
до дна,
За меня, за судьбу обоюдную.
Эх, отец... эх, батько?..
жаль,
бутылка одна.

Да и место такое безлюдное.

Перекрёсток

Не надо, не мучай ты совесть,
Не выйдет любовный роман,
Пока я согласен на повесть,
Где искренность чувств и обман.

Какие ещё наши годы,
К чему торопить ритуал!
Мы, в принципе, все пешеходы,
Но как опустел тротуар!

Не думай: легко всё и просто...
Собравшись идти под венец,
Нам надо пройти перекресток
Осколков разбитых сердец.

Сеанс медитации

Повторяйте за мной, как во сне,
наяву,
Повторяйте за мной, словно эхо:
«Это счастье, что я как-никак,
а живу,
Хоть ни в чём не добился успеха».

Не теряйтесь. Спокойно идите
за мной.
В жизни есть только эта дорога.
Вся под солнцем она пролегла
и луной
И ведёт от родного порога.

Повторяйте за мной, натянув тетиву,
Повторяйте за мной неустанно:
«Это счастье, что я как-никак, а живу.
Остальное, то «вира», то «майна»...

Не волнуйтесь, когда расплзётся
по шву
Планица, что нитками шита.
Повторяйте за мной: «Боже мой,
я живу,
Сквозь меня всё твоё, как сквозь
сито...».

По поводу юбилея «Каширских известий»

Когда газете восемьдесят лет
И ей в Кашире все открыты двери,
То выходить газете в белый свет
Давно уже пора пять раз в неделю.

Когда газете восемьдесят лет
И так чисты, так молоды страницы,
Что ей нельзя не подарить букет,
Но прежде надо низко поклониться.

Когда газете восемьдесят лет,
Одной из самых первых
в Подмосковье,
Желаю ей, какой уж здесь секрет,
Правдивых строк и крепкого здоровья.
24.04.1998

Бездорожье

Бездорожье. Бездорожье. Бездорожье.
Небо немо. И безмолвствует земля.
Где благословенье людям Божье,
Где от жизни хлебных горсть семян?

Бездорожье. Бездорожье.
Бездорожье.
Небо немо. И безмолвствует земля.
Даже Сечь давно исчезла
Запорожская –
Заросла туда полынью колея.

Бездорожье. Бездорожье.
Бездорожье.
Степи пеплом зарастают и песком.
Отскрипели все колёса и полозья,
Видно, сам Господь прошёл пешком.

Осторожно! Осторожно! Осторожно!
Небо немо. И безмолвствует земля.
Ведь когда-то вот на этом бездорожье
Князя русского ужалила змея.
12.09.1998

О, Русь! О, мати!

О, Русь! О, мати! Не взыщи!
Во мне ни ярости, ни гнева.
Что ж, что хлебаю лаптем щи,
Но, слава Богу, ежедневно.

Гонщик я! Душа моя в зените.
Там, вверху, везде зелёный свет.
Вы, посты ГАИ, не тормозите,
Глубже нет могилы, чем кювет.

Гонщик я! На гаревой дорожке
Или на бетоне автострад
Одиночество безумное дороже,
Чем толпы безликий маскарад.

Гонщик я! Не меньше и не больше.
Где, скажите, финиш, а где старт?
Это для меня одно и то же,
Главное – безудержный азарт.

«Жилкомсервис»

Г. И. Кочаковой

Есть, «Жилкомсервис», тьма причин,
Что ты объём услуг уменьшишь.
Растут расходы у мужчин.
Доходы падают у женщин.

Из-за какой-то красоты,
Из-за каких-то обещаний...
Я слышал их... с ума сойти!
Недаром чувства обнищали.

Порой разнёс бы в прах и в пух
Себя. Да есть ещё контора,
И там, за столиком – главбух,
Моя надежда и опора.

Ещё расчётный есть отдел –
Отдел поэзии и прозы...
Как я ему купить хотел
Живую веточку мимозы...

Ах, «Жилкомсервис», нет причин,
Чтоб ты объём услуг уменьшил.
Пока есть деньги у мужчин,
Они находятся у женщин...

Родина! От края и до края

Ничего загадывать не буду.
Время – самый лучший фантазёр.
Не хочу на счастье бить посуду,
Не рассыплю ради ссоры соль.

Стану над Окой, раскину руки.
Землю обниму и небеса...
Родина! И сыновья, и внуки
От тебя не отведут глаза.

Но не для того, чтоб возвеличить
И чужую умалить красу.
С птицами, чтоб говорить по-
птичьи,
Знать, что где-то волки есть в лесу.

Родина! От края и до края.
Дум твоих пронёс я тяжкий груз.
Это что, судьба моя такая?
Значит, я и завтра пригложусь!

Просьба Суворова

Мне надоели все войны.
Шпага. Палатка. Седло.
Дайте мне волю и вольных,
С речкой и лесом село.

Мне надоели походы.
Альпы. Ветра и снега.
Мог ускакать бы на отдых,
Но уважаю врага.

Сколько сражений, баталий,
Сколько блестящих побед...
Мне бы хватило медали?,
Русским одна не во вред.

Словно в ознобе дубравы.
Степи дрожат от копыт.
Жизнь на земле не для славы –
Славу нельзя испкупить...

Как опостытели войны,
Словно упрёки жены...
Дайте мне волю и вольных –
Мы для побед рождены.

Оккупация

Как пугают пустые рамы,
Страшен дом, если нет дверей.
Голос мамы больше раны:
«Убегай... убегай... скорей!..»

До сих пор во дворе облава –
Немцы ловят, смеясь, детей...
Убегаю... бурьян... канава...
И, как птица, через плетень.

Убегаю быстрее, чем ветер –
Ноги сами меня несут!
Может, люди на этом свете
Где-нибудь как-нибудь спасут?

Оккупация, страх и мука.
Оккупация, словно плен.
Круговая спасла порука.
До сих пор только дом без стен.

Тождество

Среди ухабин и колдобин,
Под скрип разошедших колёс,
Я Ваньке-встаньке был подобен –
Качался, да... Но в полный рост.

Среди чертей и прочей твари,
К которой ненароком вхож,
На человека был едва ли
И вряд ли буду я похож.

О, сходства мнимое господство!
Причём здесь суть и внешний вид?
Кто знает, где проснётся скотство,
Где будешь лаврами увит...

Песня

Открою дверь свою пошире,
Потом окно: чтоб ветер нёс
По всей Оке, по всей Кашире
Нёс с Волги песню про утёс.

Про удалого атамана,
Про долю вольную его...
В душе моей не всё нормально,
Но горе – точно отлегло.

Ах, песня, песня! В слове – слово,
Как в тайне – тайна. Пой народ!
Про атамана удалого
В челне на стрежне волжских вод.

Каширскому голубятнику Михаилу Клюкину

Я и сам бы в погоду такую
Клялся в верности верной жене.
Ах, как голубь голубке воркует,
Видно, долго молчал в вышине.

Как воркует на кромке карниза
Незабвенной, небесной, земной
И немножко для счастья капризной,
Чтоб остаться любимой женой.

Как воркует! И сильный, и гордый,
Как воркует! Любовь или смерть...
Жаль, такой не видать мне погоды.
Голубей никогда не иметь.

02.09.1999

Волки

Владимиру Солоухину

Только ветру я открою двери,
Только солнцу распахну окно.
Жизнь прожил и никому не верил,
Что вокруг так душно и темно.

Разве мы давно белили стены,
Разве низким был наш потолок?
Пред глазами призрачные тени
Тех, кто преждевременно умолк.

...Но беру я эти книги с полки,
Раскрываю и читаю вслух...
Господи! Мы, в сущности, все волки,
Но собачий страх в нас и испуг.

Вот когда живём мы одиноко,
Ничего и никого в душе,
Здесь умеем мы за око – око!
Кто слепых не видел сторожей?

Кто не видел по оврагам шкуры,
Чёрные копыта и рога?
Это демократии посулы,
Как из ям помойных потроха...

Только ветру я открою двери,
Только солнцу распахну окно.
Господи! Конечно, волки – звери,
Да ведь люди с ними заодно.

VII. «Я – продукт XXI века...»

Пенсионный досуг

Из Ступино в Каширу и обратно
Через Оку я езжу каждый день.
Я езжу на автобусах бесплатно,
Потуже затянув с утра ремень.

Нет, не волнуют розничные цены,
Не интересен рыночный базар,
Интимный диалог его дочерний
И монолог сыновний: «Я сказал!»

И, проезжая мимо, мимо, мимо
Всего, что было, и всего, что есть,
Я не похож со стороны на мима,
Расслышать не стараюсь благовест.

Из Ступино в Каширу и обратно
Через Оку я езжу каждый день...
Меня тревожит путь России ратной,
С Господней помощью поднявшейся
с колен.

Что ни село, то церквушка

Что ни село, то церквушка,
Что ни посёлок, то храм,
Что ни трактир, то пирушка
С горькой слезой пополам.

Что ни изба, то могила,
Что ни мужик, то чудака...
Что ни просёлок, то милый.
Вот он – Владимирский тракт!

Что ни погост, то старушка,
Что ни уезд, то собор,
Что ни болото, лягушка,
И у неё на макушке –
Русской царевны убор.

Что ни святой, то на небе,
Что ни злодей – на земле...
Да не о том ли молебен
В каждой обычной семье?

13.07.2001

Характер

Как горе горькое волнует,
А как беда печёт и жалит!
Зато характер возмужает,
Когда дни страшные минуют.

Он станет, как герой, железным,
Он станет, словно мрамор, твёрдым,
Былой бедой и горем гордый –
Протезом в жизни бесполезным.

Но для безжизненных галактик
Такой и надобен характер.

А вот для дома, для семьи
Совсем иной характер нужен...
Чтоб свой любить клочок земли,
А на земле быть первым тружеником.

Былое тревожит мой слух

Былое тревожит мой слух,
Тревожит, как шелест змеи,
И сердцу твержу я: «Замри!
Твоих мне не нужно уslug».

Упали в могилу, как пух,
Холодные комья земли.
В преддверии вечной зимы
Шепчу: «Не замёрзни, мой друг».

Я знаю, как смерть холодна,
И выпью стакан свой до дна.
Былое тревожит меня,
Как ветер закатное пламя
Остывшего за день огня,
Оставившего только память.

Рай земной

Сонет

Нам всем дана одна и та же участь –
Так думал я, бродя среда могил,
Но почему-то Господа молил,
Чтоб взял к себе. С ним жил бы я,
не мучась.

Народ стоял вдали, уныло скучась,
Вещал священник голосом благим,
Считая чётко дантовы круги –
То был для счёта подходящий
случай.

Казалось мне, что я среди святых,
И, как на клумбах, здесь для них
цветы,

Быть может, это только
для приличия,
Для красоты, что вечна под луной?
И видел, как спускалась Беатриче,
Покинув рай небесный,
в рай земной

Дожди

Дожди идут. И мне не спится.
В степи безмолвной, словно сон,
Я вижу, как моя станица
Идёт за чёрный горизонт.

Плащи тугие нахлобучив,
Выходит вновь на косогор,
Где лупит молния по тучам,
Как по пожарищу багор.

И вспенились овраги, балки,
А солнца нет, и нет дорог.
Ну и погода, ёлки-палки,
От грома белый свет оглох.

Дожди идут. А скоро жатва,
Не повторился б вновь потоп...
Передаёт прогноз на завтра
С динамиком упавший столб.

Дожди идут. Стучатся в окна,
Размыта к дому колея.
И кажется: насквозь промокла
Сухая, как сухарь, земля.

Жалость

Пожалел... И о том пожалел...
О, какая плаксивая жалость!
Род людской от неё ошалел,
Жалость – сердца добрейшего
шалость.

Эта шутка жестока порой,
И об этом давно всем известно.
Человек, если только не злой,
По сочувствиям вечный инвестор.

Но в беде никому не помочь,
Лишь одна в мире помощь осталась.
Беспросветная видится ночь
И, как старость, плаксивая жалость.

Ведьмы

Добротный дом. Все окна нараспашку.
За домом пруд. И ряд тенистых верб.
Там я услышал и запомнил сказку
О доброте скупых и алчных ведьм.

Нечёсаные. Чёрные, как угли.
С горящими глазами до утра,
Скулят они, голодные, на кухне
У старого, разбитого котла.

Коленями зажав покрепче ступы,
Толкут они, стараясь растолочь
Всех, кто уже пред ними не искупит
Грехов своих... И так проходит ночь...

Допустим, я пишу, всего не зная,
Но это факт! Такая сказка есть.
И добрых ведьм хранит молва лесная,
Людская стороной обходит месть.

Куда я денусь?

В России нет проблем родиться,
Но вот прожить и умереть –
Они имеются сторицей
И будут до скончания лет.

И что б цари ни обещали
(Обещанное вечно ждут),
Ждут и кинжалы, и пищали,
И ждёт, конечно, Божий суд.

На обещанья не надеюсь –
Сам позабочусь о себе.
О, господа, куда я денусь,
Всё, что моё – я взять успел.

В храме на Советской

Я пришёл из степи половецкой
И от имени братьев лихих
В храме книг, первом храме
советском,
Сочинил о России стихи.

Про татаро-монгольское иго,
Про рабоче-крестьянскую власть,
И собрались стихи квазикнигой,
Наругался с ней с глазу на глаз.

Я пришёл из степи половецкой
И в Кашире, над вечной Окой,
В храме книг, что стоит на Советской,
И смиренье обрёл, и покой...

Не для того ли?

Эти холмы и овраги дремучие,
Пруд, занесённый песком,
Не для того ли, чтоб совесть нас
мучила,
Чтоб по земле ходили пешком?

Эти стога за рекой одинокие,
Злые, сухие ветра
Не для того ли, чтоб думы глубокие
Души сжигали дотла?

Эти уголья в степи травопольные,
Злаки, люцерна, пары
Не для того ли, чтоб вечно мы
помнили:
Всё хорошо до поры...

Все хорошо до поры и до времени,
До роковой той межи,
После которой не видеть нам семени
С праведным именем – жизнь.

09.08.2003

Я для любви ещё не стар

Сонет

Я для любви ещё не стар.
Ещё не стар для вечно юной
Моей подруги семиструнной,
Что покоряла Краснодар.

Теперь каширский краснотал
Меня пленил сонатой лунной.
От этой музыки безумной
Чуть молодым опять не стал!

Я для любви ещё не стар.
Ещё не стар дарить букеты:
Кто не успел, тот опоздал,
А я воспользовался этим.

Уж так устроен этот мир:
Любовь – всему ориентир.

08.02.2005

Через века

Кашира старше Краснодара,
Зато моложе Кёнигсберга...
К Иммануилу Канту даром
Она б вовеки не прибегла.

Да вот пришла, как вся Россия,
Пришла с поэзией и с Богом.
«Иммануил! Я согласилась
С твоим учением во многом...».

В густой тени Калининграда,
В тени, что оставляют войны,
Собора вечная громада,
Плита могильная безмолвна.

Как будто скулы – скалы берега,
Как будто ропот – рокот моря...
Нет ничего от Кенигсберга,
Чему в Калининграде вторят.

С глаз не спадает пелена

С глаз не спадает пелена
При траурном аккорде...
Жизнь оборвётся, как струна,
Как отзовется вроде.
И всё на одной ноте.

Антураж

Вроде бы вокруг одно и то ж,
Тот же сад и тот же огород,
Тот же моросящий вечно дождь
И щенок, скулящий у ворот.

Вроде бы и дни одни и те ж,
Но в душе откуда-то слова
Без любви, без веры, без надежд,
От которых кругом голова.

Вроде бы и в шутку, и всерьёз,
А на самом деле не поймёшь:
То ли крест на место свой принёс,
То ль, согнувшись, всё ещё несёшь.

Вроде б декорация все та ж
И сюжеты неизменны пьес...
Не имеет смысла антураж,
Если ты один... Один, как перст...

«Торговые ряды»

В Кашире, на Стрелецкой, у колодца,
В котором нет ни капельки воды,
Я осторожно прохожу, как лоцман, –
Фарватер не свободен от беды,
А тут ещё «Торговые ряды»!

Шатенки, и брюнетки, и блондинки,
Общественный, увы, ломают строй,
Для них базары, как большие ринги,
Не победишь – и кошелёк пустой...
Закон тайги воистину святой!

Но нерушимы продавцов шеренги,
Непобедим кавказцев бойкий ряд,
Якуты, чукчи, русские, эвенки...
Такой вокруг весёлый маскарад,
Что ничему на свете я не рад.

22.03.2005

Кризис

Кризис – заумных хозяев вина.
Кризис – товара излишки.
Кризис – общественных мнений
война
Без передышки.

Зима

Поэма

Зима – такое время года,
Когда метель метёт в Лидах,
Нет на Мутёнке больше брода,
И я в таких уже летах,
Что сам с собой, увы, в ладах.

Но, Господи, видать не скоро
Во мне утихнет давний спор,
Возникший там, за частоколом,
Не отменённый до сих пор:
Святой честнее или вор?

Зима – такое время года,
Что всем пророкам вопреки
Всегда разумная погода
Гоняет на порожняки
И не плетёт себе венки.

Зима – такое время года,
Когда любая Иордань
Рекламой служит Кавминводам,
Тому доверия есть вотум,
Но лучше от воды отстань.

Зима – такое время года,
Когда в Кашире на Оке –
Охота или неохота –
А нос быть должен в табаке
И четвертиночка в руке...

О, эти вредные привычки,
Но как они волнуют кровь!
Я из тайги на электричке
В Каширу добирался вновь...
Проснулся – чёрт возьми, Тамбов!

Зима – такое время года,
Что невозможно передать.
Ни катеров, ни пароходов
Возле причалов не видать –
Не это ль Божья благодать?

Зима – такое время года,
Когда и звёзды, и луна
Ждут семилукского аккорда
Под едкий «Беломорканал»,
Который струны доконал.

Зима – такое время года,
Когда с ухмылкой на лице
Теряюсь я среди народа,
Базарных испугавших цен.
На рынок ходит президент?

Зима – такое время года,
Что у Каширы на виду,
Я мимо сада-огорода
В ту степь ямщицкую иду,
Хотя и там меня не ждут.

Зима – такое время года,
Такое время, что держись...
То пень, то плаха, то колода –
Опять языческая мода,
Но милосердна всё же жизнь.

Зима – такое время года,
Прилечь бы только на печи,
Недалеко от дымохода,
Как зайцев дед Мазай учил,
Да место заняли бичи...

Зима – такое время года,
Когда в затоне на Оке
Стоят и в рай, и в ад ворота
И пацанам играть в хоккей.
Короче, всё идёт о'кей!

Зима – такое время года,
Когда в Кремле на Рождество
Игрушкам местного прихода
На ёлочках живётся – во!
Клянусь, пока ещё живой.

(В Лидах ещё метёт метель,
Но не срывает дверь с петель).

«Зима! Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь».
Вот только этим и живу я,
В душе избавившись от пут,
И в том зимы Господней суть.

17.01.2006

Прогулка по Кашире

Поэма

Бродить? Глазеть? Чего же проще,
Коль любопытство не порок!
В Кашире Пушкин есть, а площадь...
Ну да, альковный уголок.

Как будто Пушкину в угоду
(Любителю любовных сцен!),
Кашира делает погоду
С улыбкой тайной на лице.

Бродить? Глазеть? Какая скука,
Когда всё знаешь наперёд!
Но смысл прогулки – сверхнаука,
Когда никто вокруг не врёт.

Брожу и думаю: «О, Боже,
Зачем слова в душе таю?
Пиши всю правду и не бойся!».
Да нервы всё-таки сдают.

Да, нет святых гусиных перьев.
Гуся купить? А птичий грипп?
Я не последний и не первый
В проблему стихотворцев влип.

Стоять бы нынешней Кашире
Чуть-чуть подальше от Москвы,
Ока была б намного шире
И полноводней, да увы!

Стоять бы, хвастаясь обновой,
Перед царицей и царём,
Берёзовой, белоцерковной,
С судом, тюрьмой, монастырём,

С хмельными избами, с базаром,
Где не видать городских,
С четвёркой лошадей пожарных,
С трактиром, с баней, да увы!

Стоять бы на холмах Кашире,
Чтоб к ней являлись волхвы,
А не шпана – казну транжирить,
Да все овраги, да увы!

Нет, жизнь в Кашире не опасна,
Она, как бакен на Оке.
Который день спешу на «Астру»,
В долг отоварившись в ларьке.

С бугра спускаюсь, словно в кратер:
Стройцев, огромный склад, родник...
В Коломну шпарит шустрый катер,
А в Серпухов – его двойник.

Пройдёт, пройдёт и эта смена.
Пройдёт, как будто карантин...
В мозгах сработают отменно
Цыганский чай и никотин.

Бревно на крест – дороже жизни.
А без крестов мы все мертвы.
Вот жизни (правда!) негу лишней,
И негде взять её, увы!

О, тяжела людская вера.
Но не от веры в наши дни,
Чтоб гроб – картон или фанера
И гвозди ржавые видны.

Кашира, нет, не исключенье,
Прости свою, о, Боже, дочь,
Дела прости её плачевные,
Прости, что некому помочь...

Не в «Золотом кольце России»
Кашире быть, в конце концов!
Она среди небесной сини,
В бессмертных чаяниях стрелцов.

Не в «Золотом кольце России»
Кашире быть, в конце концов!
Она при лампе керосиновой
С войны читает письмецо.

Не в «Золотом кольце России»
Кашире быть, в конце концов!
Беду и горе пересилив,
Она взметнётся на крыльцо

Встречать погибшего солдата,
Слезу не пряча от людей,
И это будет ей награда –
Удел солдатских матерей...

По улицам и переулкам,
Петляю долго вниз и вверх.
Короткая (на час!) прогулка
Идёт уже не первый век.

21.03.2006

Зимняя Олимпиада

Поэтическое эссе

Исчезли в Италии снежные вихри,
Пропали куда-то ледовые бури –
В Турине прошли Олимпийские
игры,
Четвёртыми стали... Негусто?
Недурно?

Россия в снегах, как невеста вся
в белом,
Осталась царицей на царственном
троне.
Ещё бы, Суворов пришёл самым
первым,
Суворов пришёл! Кто Италию
тронет!

Пока все сексоты в гостиницах
дряхли,
Конвой вологодский меня
караулил,
Метели и выюги, добравшись
до Михнева,
В имение графа Орлова свернули.

В имении графском рельеф,
словно в Альпах,
Такие крутые подъёмы и спуски,
Что запах подснежников этот, о,
запах,
Порой заменяет любые закуски.
Подснежники что!
Вот лесные фиалки!

Аландыши! Ландыши – просто отрада.
Такие Лаура послала Петrarке,
Дышавшему в келье альковной
на ладан.

Что мог бы подумать премьер
Берлускони,
Проснувшись в цветах,
как в объятьях Лауры,
Услышав, как скачут чеченские кони,
Свои покидая навечно аулы?

О, зимняя, белая Олимпиада!
Как немцам хотелось взобраться
на Эльбрус!
И фюрер их ждал в одеяньях
Пилата,
Гомеровский эпос и греческий эпос.

О, зимняя, белая Олимпиада!
Зашкалил мороз в Подмосковьё
за тридцать.
Бойцы под Каширой, лихие ребята,
Ловили в прицелы растерянных
фрицев.

А после Каширы – снега Сталинграда,
Морозы огнём прожигали шинели,
О, зимняя, белая Олимпиада!
За Волгу и Днепр мы награды имели.

Конечно, не все нам отдали медали,
Резервы иметь в нашем деле полезно,
Особенно если не из драгметалла,
А отчеканенные из железа.

Конечно, мы помним «восторги»
Парижа,
Когда из Москвы по Смоленской
дороге
Французы катились на лыковых
лыжах,
По-русски молясь, чтобы дал им Бог
ноги.

Конечно, мы были и сами с усами,
И в зимнюю белую Олимпиаду
Поляков к лыжне приучал сам
Сусанин,
И после катались они до упаду...

Конечно, не все оказались в Турине.
Теперь бы собрать всех желающих
в Сочи,
Чтоб Деда Морозы слетали
с трамплинов,
Летя со Снегурочками...
между прочим.

Слетали! И дальше летели, не тая,
Огонь сохраняя в сердцах
олимпийский...
Погрейся и ты, олимпийка седая,
Попавшая некогда в чёрные списки.

Погрейся! На месте, на ровном
не шишка.
Не ради Олимпа, не ради Парнаса,
Но чтоб озорной твой, лукавый
сыншиска
Не кланчил у сильных победы
авансом.

О, слава и почести Олимпиады!
Не помню, в какой уж,
но мартовский вечер
В Москву из Турина вернулась
команда –
В Кремле Президентом назначена
встреча.

И сам Президент удивился: «Даёте!
Держитесь и дальше семейной
артелью...».
Призёрам подарены были «Тойоты»,
А тренерам тут же отсчитаны
деньги.
28.04.2006

Медитация перед сном

Никаких волнений! Будь спокойна,
Родина безбрежная моя.
Всё идёт нормально, всё законно,
Как в любых подоблачных краях.

Никаких волнений и эмоций.
Чувства выжгла солнечная явь,
Как в концертном зале скрипка
Моцарта,
Как в овраге трели соловья.

Никаких сюрпризов!
Будь спокойна,
Родина незримая моя.
Словно в детстве, словно
Засыпаю, о тебе молясь.

под иконой,
06.06.2006

Перстень

Ты себя не узнала б, Кашира,
Словно в зеркало, глянув в Оку.
Сколько бархата и крепдешина
И спортивных костюмов вокруг!

Сколько светлых улыбок и песен.
Сколько праздничной, глянь, суеты!
Заглядевшись, с руки своей

перстень
Уронила нечаянно ты.

И тому, кто найдёт, быть с тобою,
Быть под стать ненаглядной тебе
И ходить за капустой на пойму,
Перед редькой в гостях не робеть.

Ты себя не узнала б, Кашира,
Размечтавшись на свой юбилей.
Но не пей самогонки паршивой,
Наскрести на казёнку сумей.

Юбилей отмечай очень скромно,
А на праздничный стол не скупись.
Может, Ступино вместе с Коломной
Да Зарайск приготовят сюрприз...

Шесть веков с половиной проплыло
По Оке неизвестно куда,
И не купишь сапожного шила,
С солью тоже случалась беда.

Шесть веков с половиной... О, Боже,
Всем потерям земным вопреки
Не уронишь, Кашира, ты больше
Перстень свой, что нашли мужики.

Пусть он станет твоим талисманом,
Чтоб на следующий юбилей
Нам морскую капусту с кальмарами
Привезли. И крутых кренделей.

А сегодня взметни голубей!

06.06.2006

Цыганская венгерка

Тронул трепетные струны,
О, «Цыганская венгерка»...
Снова дерзкий я и юный,
И в кармане ни копейки.

И разбитая гитара
Рядом с таборной девчонкой...
На асфальте Краснодара
Все подмётки стёр чечёткой.

Тронул трепетные струны,
О, «Цыганская венгерка»...
Свет в окно струится лунный.
Жизнь прошла, и всё померкло.

Но в душе, в душе, как раньше,
Звуки звёздным фейерверком,
И всё дальше, дальше, дальше
Ты, «Цыганская венгерка»...

Нет, Пушкин мой не погребён

Нет, Пушкин мой не погребён,
Земная смерть над ним бессильна.
За горизонтами времён
Я вижу: Пушкин и Россия.

Всё остальное – мрак и тлен
И тень безликая забвенья,
И никому не встать с колен,
Когда приходит вдохновенье.

«Но...»

Хвала или хула –
Предвидеть не дано.
Во всех земных делах
Небесное есть «но...».

Как путы на крылах,
Как истины зерно,
В божественных делах
Есть дьявольское «но...».

В день рождения

Мне Орфей в день рождения оперы
пел,
А Дионис вином угощал самым
лучшим,
Посейдон в океане качал колыбель,
Что приносят волхвы неумущим.

Я таким чудесам не поверил бы сам,
Да в архивах нашлись тому
подтвержденья.
Очевидцами были всему небеса,
В том числе – моего дня рожденья.

Прометей в мою честь у богов спёр
огонь,
И принёс в темноте к моему
изголовью,
И сказал: «Анатолий ты или Антон,
Всё равно поздравляю с всемирной
любовью».

«Прометей, ты побольше огня дай
земле,
Чтобы в нём мои мышцы и мысли
мужали!» –
Я ответил ему и увидел в золе,
Как дымили людские скрижали...

Древнерусская потеха

Провинившихся ставили голых
на льду
И с водой поднимали над ними
бадью,
И народ был потехе придуманной
рад:
«Смой грехи свои, пьяница
и конокрад!»

И бедняга визжал и прощенья
просил:
«Всё! Теперь своего не возьму
на Руси».

Вот откуда пошли, как идут
под венец,
Безобидных два слова «мерзавец»,
«подлец».
Нет, не ставят сегодня виновных
на лёд,
Стал гуманным, стал честным,
стал трезвым народ.

Песенка

Мать и отца, увы, уже не встречу,
Как в детстве, просыпаясь,
их встречал,
И брал всегда отец меня на плечи,
И нёс к шаланде нашей на причал.
И поднимали там мы с ним на пару,
Ликующим курортникам назло,
Не белый, как поётся в песне, парус,
А от загара чёрное весло.

О, радуйтесь люди!

Мы прожили лето,
Пляшите и пойте! Мы лето
прожили,
С бессрочным, с бесценным
Господним декретом,
В бессмертной своей, православной
Кашире.
31.08.2007

Тоска

Тоска заедает и скука,
Причина? Печальнее нет!
Всё лето не виделся с внуком,
Такой невезучий я дед.
Всё лето не виделся! Боже,
Как будто прошёл целый век...
Но так человека и должен
Проверить на связь человек.
31.08.2007

Сел в автобус «Ступино – Кременье»

Сел в автобус «Ступино – Кременье»
И, считай, за несколько минут
Всю Россию, все её селенья,
Я объехал, как один маршрут.

Видел и Акри, и Городище,
И Белопесочкий (вот вам крест!),
Видел всё, что увидал Радищев,
Возвращаясь из известных мест.

«Кто с кого украденное взыщет?» –
Рассуждал российский правдолюб
Александр Николаевич Радищев.
Эту мысль я до сих пор таю...

Сел в автобус «Ступино – Кременье»
И помчался вдаль на всех порах,
Словно подхватило вдохновенье,
Чтоб не разлетелся в пух и прах.

Послевоенный замес

Для нового детского дома,
Здрав по колени штаны,
Месили мы глину с соломой –
Военной поры пацаны.

Месили, как грязь бездорожья,
Месили, жалея коней,
И пахнул замес этот рожью
И омутом для окуней.

Для нового детского дома,
Штаны засучив до колен,
Под дерзкие выстрелы грома
Сдавались кухарке мы в плен.

Теперь и не помнят в России
Про тот всенародный замес,
А мы его так замесили,
Что падали с ног, обессилив,
Но вновь поднимал благовест.

Законы

То в избах святые иконы,
То церкви видны вдоль Оки,
Но жизни нетленные корни
В нас живы делам вопреки.

То спутник промчится по небу,
То молнии вспыхнет зигзаг,
Живём мы себе на потребу,
Не думая, что в небесах.

Но там существуют законы,
Законам земным не чета!
Нарушим порядок исконный –
Нас ждёт роковая черта.

Мы с ней понаслышке знакомы,
Её нам нельзя перейти.
Законы, законы, законы...
Смертельные раны в груди.

Вселенских владений загоны
Покрепче земных (из жердей),
Чтоб там сохранялись законы,
Таинственные для людей.

Погибнут бессмертные души,
Нарушив запретный рубеж.
Сгорят! И никто не потушит,
С великим желаньем и без...

Но всё же, невинные жертвы,
Вам жизнь не вменяет вины,
Не ставит запретные жерди
От Бога и от сатаны.

Вы сами нашли себе бремя
И вынесли ношу сполна!
В награду – пространство и время,
И гаснущих звёзд тишина.

Рассудок

Зачем по пьянке люди бьют посуду,
Зачем желают самым близким зла?
Доверимся пытливому рассудку,
Он мыслит, как по дереву пила.

Зачем пускают СМИ по миру «утку»,
Зачем ворует краденое вор?
Доверимся пытливому рассудку,
Он бьёт порой удачно, как топор.

Держать на поводке нет смысла суку,
Не для неё квартирный наш закон!
Доверимся пытливому рассудку,
Он пробуждает страсти в нас огонь.

Дорога

Дорога. Дорога. Дорога.
Пошла – доведёт до конца.
Волы упираются рогом,
Пока ещё бьются сердца.

Вот мчится безумная тройка,
Ведёт арестантов конвой,
Емеля с похмелья за стойкой
В трактире поник головой.

Дорога. Дорога. Дорога.
Пошла – доведёт до конца!
Минуя иконного бога,
Минуя и мать, и отца.

Молчком доведёт до могилы,
Попутчику скажет: «Прости,
Вот здесь ты останешься, милый,
Ведь дальше нам не по пути...».

Вербальная прогулка

Вот и опять куда-то еду,
Опять, как прежде, не спешу.
Пою хвалу велосипеду
За неизведанный маршрут.

Мне подпеваает тихо ветер,
Ворона каркает мне вслед.
Простите! Я и не заметил,
Что еду семь десятков лет.

И, может быть, давно проехал
Тот перекресток гужевой,
Где колее бы стал помехой
И зарастал полынь-травой.

Но снова еду! Еду.. Еду..
Куда глядят мои глаза.
А кто прервёт прогулку эту,
И можно ль повернуть назад?

Плоды бытия

Уменье жить на белом свете мудро
Приходит к нам с годами тяжело.
И думаем мы, как с похмелья утром:
«Ах! Почему счастливо не жилось!»

Сияет свет нам вечного ученья
Из непроглядной, жуткой темноты,
Не придавая ничему значенья...
То бытия вселенского плоды.

Русский холокост¹

Наконец-то сто рублей не деньги.
Пей-гуляй, Россия, в полный рост!
И гуляют пацаны и девки,
Празднуют по-русски холокост.

И гуляют... вдоволь самогонки.
И гуляют... пьют за упокой.
И по коже расплзлись наколки,
Сделанные дьявольской рукой.

Вот и поп сидит в трапезной ризе,
Рядом причащается купец...
Может быть, спасёт Россию кризис,
Может, образумит, наконец?

Наконец-то сто рублей не деньги,
Пей-гуляй, Россия, в полный рост!
Прожигай в трактирах кольца-серьги
И свечу, что озарит погост...

Не боюсь!

Нет-нет, уже я не боюсь,
Что на окраине станицы
Слезами скорби обольюсь,
Найдя в пыли зерно пшеницы.

Теперь глаза мои сухи,
Надменной слишком стала поза...
Вот так закончились стихи,
И поплелась понуро проза.

¹ Холокост – всеسوожжение (древ.-греческое)
в современном толковании – систематическое
истребление народа.

Вот так к душе пристроил плюс,
Чтоб было чем уму гордиться.
Тот плюс, как крест! Нет, не боюсь,
Крест на Голгофе пригодится...

Не жалко денег

Не жалко денег! Деньги, как навоз.
Сегодня нет, а завтра целый воз.
Мне жаль людей, погибнувших
в деньгах,
Предсмертное не вскрикнув даже
«Ах»!

Не жалко денег! Деньги – это зло,
А зло одно имеет ремесло,
К которому прикована душа, –
Людей запретным чувством искушать.

Не жалко денег! Лет прошедших жаль,
Когда я сам себя лишь уважал,
Когда ценил упорство я в себе
И доверялся собственной судьбе.

Не жалко денег! Ничего не жаль.
Здоровья нет. Его не продают.
О том была особая скрижаль,
И от больных её я утаю...

Плеяда

Поэма

Как быстро стынет пылкое чело,
Когда, бумаги чистый лист марая,
Иван Варавва, Виктор Гончаров,
Схаплок, Неберекутин, Ермолаев,
Уйдя от догматических оков,
Свободный стих читают мне
с рассветом,
Шрамко, Бакалдин, Горский,
Беляков,
А Юрий Кузнецов бубнит сонетом,
Как быстро стынет пылкое чело,
Усталая душа как будто в дрёме,

Кубанская плеяда свой курень,
И неплохой, имеет в Краснодаре,
Кто в нём не преклонял своих колен,
Кто не снимал внутри него сандалий?

В библиотеке на Советской

В библиотеке на Советской,
Окинув взглядом стеллажи,
О жизни вспомнил половецкой
И этой жизни куражи.

Ах, эти книги! Книги... книги...
Страданья сердца и ума.
То всем – свобода, то – вериги,
То свет везде, то всюду тьма.

Не жду от авторов прощенья
За высренность моих интриг,
Но только ради просвещенья
Ценил я содержанья книг.

Духовной жизнью, или светской,
Или ещё какой-нибудь
В библиотеке на Советской,
Как на вокзале Павелецком,
Я выбрал свой последний путь...

Язык

Сонет

*«Мне нужно быстро молвить
обо всём,
И часто речь моя несовершенна».*
Данте

Я тороплюсь. Спешу. Быстрей.
Быстрей!
Мне стоит рассказать о том,
что было,
И ты не отставай, лети, ветрило,
Вдвоём в дороге будет веселей.

Мы вспомним зной тропических
морей,
Где лихорадка, словно шторм,
знобила,
Как рёбра динозавров, что стропила,
Ломал и засыпал песком Борей.

Теперь на берегах тех мёртвый
штиль,
Невзрачный, будто бы льняной
текстиль.

Но и кричащий есть китайский
шёлк!
Тот дикий крик, тревожащий века,
На берегах пустынных бросит в шок
Глухонемого даже старика...

Чувство

Сонет

Бывает, скверным чувством я
сражен,
Бывает и во сне, и наяву,
Но я живу! Но я ещё живу
И нагло лезу жизни на рожон.

И лезу не один уже сезон
На выгоне станичном и в хлеву,
Везде, где чтут душистую траву,
Где палисадник есть, а не газон...

Хотел бы знать, порой, куда я мчусь,
Куда лечу без вдохновенных
чувств?

Когда-нибудь я это сам пойму,
Услышав над собою на погосте
Жующее траву простое «му-у»,
Зашедшее ко мне случайно в гости.

Тебе цивилизация чужда,
Тебе хватило б одного бикини,
Но ты не можешь терпеливо ждать,
И здесь тебя проводят на мякине.
Душа моя! Тебе предела нет,
Нет на земле ни одного закона,
Я вижу твой на небе силуэт,
Как тень свою, – всем прихотям
покорной.

Осень в Кашире

Осень в Кашире отменна
Для состраданий и мук.
Ходит в рубашке нательной,
С крестиком тёплым от рук.

Греет его на ладони.
Греет его на груди.
Господи, будь благосклонен,
Чувств моих не охлади!

Осень в Кашире, как осень.
Хмурые тучи. Знобит.
Вся обмолочена озимь,
Связано солнце в снопы.

16.11.2007

Конечно, встретимся ещё

Конечно, встретимся ещё,
Там, где цветут на небе кущи...
Не вспыхнет лишь румянец щёк,
Взор будет слеп в очах потухших.

Ну да, мы встретимся опять.
(Как будем рады этой встрече!)
Жизнь потечёт как будто вспять,
Венчальные зажгутся свечи.

Бесспорно, встретимся мы вновь,
Чтоб никогда не расставаться,
Не повторять ненужных слов,
В проблемы жизни не вдаваться.

Последняя тайна

Любовь земная не приносит счастья.
Я в том могу поклясться на крови.
И сам когда-то принимал участие
В программе под названием
«Соловьи».

Как нежно пели мы и щебетали,
Чирикали, обнявшись до зари...
Свидетелями этой вечной тайны
Не только, видно, были соловьи.

Я, в общем-то, любовь земную
славлю,
И если бы не злые языки,
Она б не становилась грешной
явью,
Святой... последней тайне вопреки.

Тибетский кот

Был у Брежнева кот¹,
Кот по имени Лама.
Чёрный кот, словно чёрт,
И пушистый, как дама.

Это всё ерунда.
Чёрный кот был провидец!
Приближалась беда –
Становился, как витязь.

Но однажды генсек
Не послушал кота,
И в Ташкенте при всех
Разыгралась беда...

---

¹ В 13:23 Лама, перекусив металлический поводок и искусаев пытавшихся его удержать телохранителей, выбежал на улицу и бросился под колеса первой проезжающей машины. В это же время Леонид Ильич лежал на спине... под рухнувшей на него тяжелой площадкой на Ташкентском авиационном заводе. В ноябре того же года Л.И. Брежнев скончался.

О, дамы Каширы

О, дамы Каширы, целую вам ручки,
Что чистят картошку, стирают бельё,
Что ждут не дождутся прибавки
к получке,
Дождавшись, вздыхают, смеясь:
«Ё-моё!»

О, дамы Каширы, целую вам ручки,
Не ради приличия – ради любви!
Вы очень талантливые самоучки,
Вы знаете, кто вам душою кривит.

О, дамы Каширы, целую вам ручки,
Храните на счастье свои бигуди.
Быть может, когда-нибудь жить
станет лучше
И петь вам не будут:
«Вся жизнь впереди!»

Три холопа

Слышно в синагоге многословье,
В храме Божьем теплится свеча.
И Аллах в мечети – но с любовью –
Отлучает грешных от меча.

А еврей и русский, и татарин
Не хотят мириться: жизнь – вражда!..
Вдруг встает из гроба хмурый
Сталин:
«Вы, друзья, забыли о вождах!»

Боги там, на небе... Ваше дело,
Доверять ли чаянья свои,
А вождам людское нужно тело,
Как его в быту ни назови...».

Хлопнула, как пушка, крышка гроба,
Оборвался голос мертвеца,
И расцеловались три холопа,
Словно перед смертью три бойца...

Повсеместное

Царство тебе небесное,
Бабушка Евдокия,
Самое интересное –
Я не дошёл до Киева.

Шёл и в дожди, и в засуху,
С посохом и с котомкой,
Оберегая за пазухой
Крестик на нитке тонкой.

Что теперь образ Божий?
Русский язык красивый?
Всем в своём Запорожье
Я показывал ксивы.

Всем в своём Запорожье
Кланялся: «Здоровэньки...».
И меня до таможни
Провожали за деньги.

Царство тебе небесное,
Бабушка Евдокия,
Самое повсеместное –
Люди везде такие.

Оноре де Бальзак

Мертво перо, мертва бумага,
Безмолвье – клятвой на устах...
Стоит работа, словно плаха:
Печаль и радость... Гнев и страх...

Мертво перо, мертва бумага,
Иссякли мысли, пуст карман.
Но есть в душе ещё отвага...
Отвага есть? Готов роман!

Теперь набор и корректура,
Сто тысяч франков гонорар!
О, неуёмная натура,
Одна из самых жутких кар.

Она рукой и чувством правит,
Ей гениальность нипочём.
Прочёл! Но если так оставить,
То на бесславье обречён!

Поставить точку – ниже фарса.
Поставить две – куда ни шло.
И вот стотысячная фраза,
В который раз идёт на слом.

Летит перо, шуршит бумага,
Душа прозрела, не глаза...
Как тень от собственного праха
Молчит Оноре де Бальзак...

Огольцы

Древних изб догнивают венцы,
Исчезают последние срубы.
По России бредут огольцы –
Галилеи, бруно и колумбы.

Будут шрамы и будут рубцы,
Будут мёрзнуть на вышках тулупы.
Но вернутся домой огольцы –
Галилеи, бруно и колумбы.

Не судите их строго, отцы,
Жизнь есть риск! Этот риск слиш-
ком крупный.
В моей памяти не подлецы –
Галилеи, бруно и колумбы.

Нет, не в воду, не в землю концы,
Для концов есть бездонное небо,
Где Господь раздаёт леденцы,
Угощает то манкой, то репой...

Отзвенели, смеясь, бубенцы,
Отрубили походные трубы:
«Огольцы, огольцы, огольцы –
Галилеи, бруно и колумбы».

Соловки

Не скрипят на воротах замки,
Не слышны в подземельях слова.
Соловки... Соловки... Соловки...
Словно умершие острова.

Берега и немые, и глухие,
Но кострам никогда не остыть,
Отмолвив все земные грехи,
Как усопший монах монастырь.

Леденящие тени берёз
Словно выжгли тавром на снегу,
Невозможно поверить всерьёз,
Что былое они стерегут.

Спрятать звёзды туман норовит,
Ощутимее, зримее мрак,
Заливаясь, поют соловьи,
Перед входом в обычный барак.

Не скрипят на воротах замки,
Не слышны в подземельях слова.
Соловки... Соловки... Соловки...
Кто вас только не целовал!

Правда

Я посмотрел в её глаза,
И ожил мой язык:
– Мне правду хочется сказать.
– Так говори, мужик.

– А не обманешь ты меня? –
Спросил, набравшись сил,
И тут же, свой вопрос кляня,
Язык и прикусил.

Я посмотрел в её глаза,
Но не заметил слёз
И снова громко ей сказал:
– Ты слышала вопрос?

– Вопрос я слышала! Он прост.
Я не боюсь меча.
Сейчас я стану во весь рост,
Чтоб стоя отвечать.

Я посмотрел в её глаза,
В них был сплошной восторг.
То правду чистую вассал
Вассалу вдруг исторг.

Экзамен

Мне говорят: «Одет ты, парень,
тонко,
Тебе бы манекеном шло стоять!»
А я в уме прикидываю только:
Разыгрывают грузчики опять.

И вновь беру пятипудовый ящик –
Трещит бамбук тугого позвонка,
И кажется, что солнце восходящее
На плечи опирается слегка.

И солнце я держу, как свой экзамен:
Не выдержишь, завалишься –
и всё...

И спрашивают грузчики глазами:
Ну как, мол, парень, сможешь,
донесёшь?

Обед! Я достаю батоны.
Они душистые, как майские бутоны!
Обед! Я лью по кружке всем
нарзана,
А надо бы другого за экзамен.

Мне говорят: «Одет ты, парень,
тонко,
Но лёгкие не ищешь виражи...».
А я в уме прикидываю только:
Вот так-то, Толька, только
и держи!

Горы

Эльбрус я видел и Казбек –
Великолепные вершины!
С таких отсчитывают бег
По склонам лет своих мужчины.

Что ж, что сбиваются порой,
Не досчитав до половины?
Неужто этому виной
Кавказа гордые вершины?

Нашёлся всё-таки лихач,
Тот самый мот и хват, который...
Он с этих гор пустился вскачь,
И стали выше эти горы...

Эльбрус я видел и Казбек
Не на известной всем коробке,
И между ними – человек
Вверх поднимался, как по тропке.

Цхинвал

Сонет

Грузин научили атаке,
Чтоб взять осетинский Цхинвал.
Вот будет, мечтали, навар,
Кавказских кровей забияки.

Но русские! Русские танки
Пошли, словно лесоповал,
И каждый, ну, впрямь – самовар,
Как раз для грузинской заварки.

Прости, если пламя в лицо,
О, друг мой грузинский, кацо...

Вновь кровь пролилась, словно чача,
То мести холодный кинжал.
Терпением наполнилась чаша –
Господь её крепко держал.

Теперь я знаю

Теперь я знаю, что любовь слепа,
Что жизнь идёт, от нас улыбку пряча,
Что, в общем-то, давно моя судьба –
Не тройка с бубенцами, просто кляча.

Теперь я знаю, что мечта – мечта
И для неё реальность не помеха,
Что на земле такие есть места,
Откуда не уйти и не уехать.

Там тишина и царственный покой,
Там так цветы в оградках откровенны,
Что схватишься за сердце вдруг
рукой,
Предотвращая взрыв его мгновенный.

И, открывая медленно глаза,
Как будто бы с того вернувшись
света,

Прислушаешься: что же там сказал,
Когда о возвращении не ведал?..

Драма

О, драматург без кошелька
в кармане,
Без пышного букета белых роз,
В каком любовном ты прочел
романе
О пользе на земле небесных грёз?

В каком театре ты увидел звёзды,
Чтоб согрели юные сердца,
Вселенной неизведанные вёрсты,
Зовущие в дорогу без конца?

О, драматург, в своей последней
пьесе
Ты будешь славить радость от вина,
Весёлость танцев и бесценность
песен,
Коль бытия идёт уже финал.

О, время, время!

Поэтическое эссе

Двадцатый век. Года шестидесятые.
Хрущёв, как оказалось, не лопух!
Он стихотворцев сравнивал
с десанниками,
Которые несут победный дух.

Да, это он зимой придумал
«оттепель»,
«Весна» – галдели все, кому не лень,
Лишь диссиденты признавались:
«Вот теперь
И наступил поэтам юрьев день».

Литинститут. Года шестидесятые.
Пересчитал я пушкинских «ужей»
И был в литературные десятники
Произведён, но выгнали взащей.

Ты, век двадцатый, мудрствовал
по-старчески,
Примеры подавая молодым.
Ты восхищал космическими
стартами,
И космос для России стал родным.

Не оттого ль мужала сила ратная,
Не оттого ли креп славянский дух,
Что музыка во мне была парадная,
Другую не воспринимал мой слух.

Оставив двухэтажный домик
Герцена,
Я обходился без привычных СМИ,
Без Горбачева, без Бориса Ельцина,
Без писем от друзей и без семьи...

Печь Гофмана – кирпичная окалина!
Она кормила Белые Столбы:
Избу мою от «Фильмофонда»
крайнюю,
И пруд, и лес, и белые грибы.

Пренебрегая этикетом классовым,
Ко мне приехал, словно на пикник,
Праправнук знаменитого
Некрасова –
Заядлый говорун! К тому ж

грибник.

Признаться, он любил людские
глупости
И с головой в те глупости вникал.
Я подарил ему на память рукопись
И попросил прочесть через века...

О, время, время! Нет тебе преграды.
Пульсируй день и ночь в моей
крови,
Лети вперёд, как мчатся конокрады,
Которых только ветер мог ловить.

О, время, время! Я держу экзамен,
Мне ясен твой единственный
вопрос,
И говорю: «Гомеровский гекзаметр
Всем стихотворцам, как венок
из роз...».

О, время, время! Бренной жизни
бремя.
Мы связаны с тобой сейчас и здесь,
Чтоб вечно человеческое племя
Тебе об этом приносило весть.

Времени хватит всему

Времени хватит всему,
Даже порою с избытком,
Если оно, как хомут,
Или смертельная пытка.

Времени хватит всему,
Даже отпущено много,
Коль не спешишь ни к кому
И не петляет дорога.

Времени хватит всему,
Даже когда его мало,
Лишь бы я жил по уму
И не желал идеала.

Время! О, время моё,
Сущность твоя без порока!
Жаль только, что бытие –
Только рассудку морока...

Дом Герцена

Ещё он жив, дом Герцена в Москве,
Уютный, двухэтажный особняк,
Где палисадник превратился в сквер,
А дом под старость как бы весь обмяк.

Он на Тверской бульвар стоит
лицом,
Поэтов русских слыша голоса,
И понимает, что, в конце концов,
Он притчей во языцех станет сам...

О, как я в этом доме тосковал,
Как мучила меня порою грусть,
Когда бульвар деревьями кивал
На тонущий в кустах сирени бюст.

Люблю, когда солнце в зените

Люблю, когда солнце в зените
Встречает улыбкой меня,
А хмурый мой век и сердитый
Боится её, как огня.

Люблю, когда солнце в зените
Встречает улыбкой меня,
Дождя серебристые нити
В небесном пространстве звенят.

Смеются все листья растений,
От капель дождя и лучей...
От века – ни тени, ни денег,
Он словно банкрот казначей.

Таким он и был самый первый,
И будет последний таким...
За то, что мне портили нервы,
Пусть солнце сыграет им гимн.

Орёл

«Орёл парит на небосклоне...».
«Фауст». Гёте

Степной орёл парит на небосклоне,
И солнечные яркие лучи
В российской отражаются короне,
Как будто в них булатные мечи.

Степной орёл парит на небосклоне,
Под ним слышны кузнечики в траве,
И скифские бредут куда-то кони,
Забыв об атаманской булаве.

Степной орёл парит на небосклоне,
Под ним заросший ковылём курган,
На нём открыт я, словно на ладони,
Для всех телесных и душевных ран.

Поскольку...

Поскольку снилась мне сова,
Другая дичь лесная,
Я не пошёл голосовать
За тех, кого не знаю.

Я не ходил голосовать
За сказочное завтра.
Все обещанья на словах
Не придают азарта.

Прислушайтесь, как тихий лес
Наполнен голосами,
Но проявляем интерес
К тому, что каркнем сами...

Авось...

В Одессе был я очень юн,
Но мамы облик идеальный
Познал через её кавун,
Что в пузе рос таким скандальным,
Как будто был антиморальным.

В Одессе был я очень юн,
Но мамы облик помню крепко,
Когда на пристани тютюн
Курил, доставшийся от предков,
И соблазнял кефаль креветкой.

Но и теперь держу я форс
И надеваю бескозырку,
Когда являюсь на Привоз,
Чтоб загрузить свою корзинку
И встретить Соньку или Зинку.

Привоз для всей Одессы гвоздь,
Привоз как будто заграница,
Здесь каждый покупатель гость,
И нет надежды породниться,
Поскольку наша жизнь – авось...

Лесное эхо

Хомо сапиенс и эго
В совокупности – кликуха.
Это альфа и омега
Человеческого духа.

Люди – это те же звери,
Та же дерзость, та же нежность.
Если разным слухам верить,
Отличает их лишь внешность.

Только звери знают лучше
И судьбу свою, и долю
И надеются на случай,
На счастливый, и не более.

Хомо сапиенс и эго
В сочетании – рок-группа.
В городах лесное эхо
Слушать было бы неглупо...

Луна

О, белоликая Луна,
Одна на целом свете,
И не твоя, клянусь, вина,
Что ты грехов свидетель.

О, белобрысая Луна,
Как там, одной на небе?
Вот на Земле теперь у нас
Чудней всё и нелепей.

Не верю я чужим очам,
Хвалю твоё безмолвье,
Ты не печалься по ночам,
Целуй землян с любовью.

Виртуозы

Ростропович играл,
А Вишневская пела,
И, казалось, хорал
Исполняет капелла.

Дух во мне умирал –
Столько в нём накопело!
Ростропович играл,
А Вишневская пела.

Объявили аврал,
Люди кинулись в пекло.
В пекле чёрт покарал,
Чтоб сознание окрепло.

Но огонь догорал
Без золы и без пепла...
Ростропович играл,
А Вишневская пела.

Буквы

Слова ничто, но буквы все опасны,
И каждая имеет кровный звук.
Есть гласный звук, есть звук

ещё согласный,

И оба звука созданы для рук.

Слова ничто, но буквы – слава Богу,
Достаточно сказать, что из трёх букв
Находим безошибочно дорогу
На волю или под чужой каблук...

Одиночество

Не бросайте меня одного,
О, скупые, о, жадные люди.
Как и вы, я сегодня нагой,
Но любви к вам, клянусь, не убудет.

Не бросайте меня одного,
О, свободные, честные люди.
Как и вы, я сегодня изгой.
Кто Господною участь осудит?

Не бросайте меня одного,
О, бессильные, старые люди.
Как и вы, я сегодня благой,
Возле храма играю на лютне.

Не бросайте меня одного,
О, капризные, наглые люди.
Никогда не желал вам врагов,
Ни волнений сердечных, ни смуты.

Не бросайте меня одного,
Шебутные, беспечные люди.
Одиночество – сущность всего,
Что прошло, что проходит, что будет...

Помню!

Помню жизни начало
Средь обугленных хат,
От арийских овчарок
До немецкого «Хальт!¹»

Помню, что означало
В тот, прошедший мой век,
От винта, от причала
До немецкого «Вэк!²».

¹ Стой! (нем.)

² Прочь! (нем.)

Помню русские пайки,
Знаю русский язык,
От рожденья не паинька,
До могилы мужик.

Нет, не очень я старенький,
Не везде, словно гость...
Помню! Помню я сталинский
За народ русский тост.

Драка

От самогоночки опухли
Или от бабьих вечных слёз...
Дерутся дамочки на кухне,
Дерутся дамочки всерьёз!

Дерутся из-за сигаретки,
Дерутся из-за мужика,
Дерутся, словно звери в клетке,
Чтоб победить наверняка.

Дерутся, в ход пуская буквы,
Что на конце у языка,
Дерутся... о, прощайте букли!
Дерутся... не унять никак.

Дерутся дамочки на кухне,
Дерутся дамочки всерьёз...
В глазах огонь азарта тухнет
От старческих, бесплодных грёз.

О, жизнь, я так к тебе привык

Через оконное стекло,
Что нас уже соединяло,
Вошла в палату ты светло,
Как будто солнце засияло.

Но я глаза закрыть успел,
Чтоб не обжечься ярким светом.
Был белый свет настолько бел,
Как чистый лист перед поэтом.

О, жизнь, я так к тебе привык,
Что, не снимая чёрной робы,
Твой самый чёрный черновик
Перебелить всё время пробую...

Ретро

Колёсный трактор «ХТЗ»,
Как фронтовик после победы,
Шёл по степной, сухой стезе,
Забыв минувшие все беды.

И мысли тайные свои
Он доверял железной музе.
И в радиаторе варил,
Для тракториста кукурузу.

Мы с ним бывали тет-а-тет
И не одно бывали лето...
Тот трактор – мне авторитет,
Хотя сегодня это ретро.

О жизни

О жизни той, о настоящей
Не знают наши племена.
На острие стрелы летящей
Она летит сквозь времена.

Порою под аплодисменты,
Под свист ликующей толпы
Мы ловим лишь её моменты,
Набив себе на память лбы.

И, чтобы не было нам хуже,
Чтоб сохранилось реноме,
Ремни затягиваем туже,
До новой дырочки в ремне.

О жизни той, о настоящей
Нам знать вовеки не дано,
Пока мы смотрим в телящик,
В театры ходим и в кино...

Ледоход

Сонет

На Оке идёт, ломаясь, лёд,
А на льдинах зайцы и лисицы...
За спасенье душ пора молиться,
Лёд идёт, как будто крестный ход.

Ледохода ждал я целый год,
Сам хотел на льдине прокатиться,
Да пропела шустрая синица:
«Подожди в Коломну пароход!»

Ледоход, когда издалека
Реки раздвигают берега,
Строятся бетонные мосты,
Рушатся хрустальные заторы
И Белопесоцкий монастырь
Ожидает праздника престольного.

На даче в Переделкино

Вы пили чёрный кофе
Не с птичьим молоком,
И пахла ваша кофта
Армянским коньяком.

И в корке апельсиновой
Давно потух бычок.
И в лампе керосиновой
Не виден язычок.

Но помните, как шёпотом
Читал стихи поэт,
А вы чулочек штопали,
Укутываясь в плед.

Но помните, как молодо
Смотрелись он и вы...
Всё кофе перемолото
И выпито, увы!

За дачей реже кущи,
Ушла в ручье вода.
И на кофейной гуще
Вам больше не гадать.

Коррида

Сонет

Сперва разозлили быка,
Чтоб яростью вспыхнуло зло,
И зло добродушно спасло
Быка от удара клинка.

Азарт разгорался, пока
Волнение боя росло,
Быка били общим числом,
Подбадривая седока.

К уловкам людским не привык
На воле воспитанный бык.

Коррида, увы, не концерт,
Коррида не праздник тем паче,
И слёзы на бычьем лице
Не значат, что бык уже плачет.

Запах хлеба

В шалаше на кургане в степи
Я проснулся от запаха хлеба,
Словно кто-то сказал мне: «Не спи!
Запах этот всему на потребу».

На востоке зарделась звезда,
Тьма ползла от звезды той на запад.
Запах хлеба несла борозда,
Несказанный... всем запахам запах.

В шалаше на кургане в степи
Я проснулся от запаха хлеба...
Как хотелось в себя этот запах

вместить

Без амброзии и курослепа.

Кумир

Невзрачен этот древний мир,
Ничтожны все его дороги.
Но не скорбит земной кумир,
Узнав небесные чертоги.

Посмотрит вниз, посмотрит вверх,
Благодарит законы жизни.
Он юн! Но быта круговерть
Прослыть давно желает тризной.

Тебе, наследник высоты,
Костров степных во мраке ночи,
Боль истребив бы, к нам сойти!
Хотя зачем тревожить очи?

Скорость

Скорость самой быстрой
электрички
Уступает скорости коней,
Тех, что запрягали по привычке
В брички – белый хлеб возить
с полей.

Скорость самолёта в поднебесье,
Как побег в предчувствии беды.
Скорость эта в заунывной песне,
Что пришла от «огненной воды».

Скорость неказистой черепахи
Вам не по карману, господа!
Скорость эта, как полыни запах,
По моим всю жизнь идёт пятам.

Скорость! Слышал крупный спор
намедни.
Скорость! Будет вновь переполох.
Скорость! Значит, торопись, брат,
медленно.
Скорость! Остальное знает Бог.

Увлеченья

Всё вечное мертво,
Всё временное живо,
Правдивый голос твой
Звучит во мне фальшиво.

Но это естество
Давно уже не диво!
Всё вечное мертво,
Всё временное живо.

И вечная любовь,
Увы, не исключенье...
Пусть мне волнуют кровь
Живые увлеченья.

Слова

В пустой суматохе вокзала
Расслышал я чьи-то слова:
«Зачем ты ему рассказала,
Что я тебя расцеловал?»

«Зачем?» – резануло по горлу,
«Зачем?» – и померк белый свет.
Так многоголосому хору
Был дан бессловесный ответ.

В пустой суматохе вокзала
Расслышал я чьи-то слова:
«Зачем ты ему рассказала?...» –
«Хотела, чтоб приревновал...».

Крестная сила

Бессилье так сильно бесило,
Что больше – ни звука о нём...
Нашлась всё же крестная сила,
Пришла и с мечом, и с огнём.

И нервы нашли своё место,
И мускулы стали крепки.
Кому помолились – известно,
Но тем и спаслись мужики.

Бессилье безумно бесило,
Но лучше не будем о том...
Стоит, как и прежде, Россия,
И умно – на месте святом.

Ты уже, о, Русь, стара настолько...

Ты, Россия, Русь, ты, как мать, стара,
Ты уже, о, Русь, стара настолько,
Что тебе сидеть во главе стола,
На котором стаканы с горькой.

На стаканах тех чёрный хлеб лежит,
И конца не видать у скатерти,
Над столом звезда, как слеза, дрожит,
Как слеза на щеке у матери.

Месть

Не только в сердце зреет мечь,
Когда ждёт недруга могила,
У человека уйма мест
Таких, как пятка у Ахилла...

Но не смывают кровью кровь,
Иное есть отмщенья средство.
То к жизни вечная любовь,
Что делит с жалостью соседство.

К русским олигархам

Бояре и купечество,
Не ставьте мне в вину,
Что за ваше отечество
Пальцем не шевельну.

И никому не жалуйтесь,
Я теперь господин!
Поединок? Пожалуйста,
Да, один на один.

Вельможи и опричники,
Верните через банк
Коровники и птичники,
Казачий конный парк.

Верните Богу богово,
Чтоб после не жалеть.
Вам ваше волчье логово

Не пригодится впредь.
Во имя человечества,
Во имя русских муз
Я за своё Отечество
И мёртвым поднимусь.

Дурдом

Сонет

В этом доме не знают измены
И любви сексуальной красоты.
Вместо окон – сплошные решётки
И обитые войлоком стены.

Но не стоит вскрывать свои вены,
Из-за (в белом халате) сексотки,
Всё равно не вернут тебе шмотки, –
Психиатрам твой разум до фени.

Правда, есть мужики-санитары,
Посильнее, чем были кентавры.

Всем здоровье даётся трудом
И уму своему вопреки,
Слишком мудрых привозят
в дурдом,
Там научат, как жить, дураки.

Самодисциплина

Нет в человеке самодисциплины.
Об этом знает русская душа
И потому гуляет без гроша,
Гуляет без гроша с времён
былинных.

Не все, увы, пороки исцелимы,
Со многими живём, как на ножах,
На берегах Оки и Иртыша –
Везде, где лечат нас пенициллином.

Ты, самодисциплина, как режим,
Когда нельзя бежать, а мы бежим.

Семёновское

Ты помнишь месяц после свадьбы,
Медовый, хвойный, без дорог,
Под горкой графскую усадьбу
И царскосельский юный слог?

Под мост текла река Лопасня,
Где был под вербой клёвый клёв.
За избами чернела пашня,
И пел (я слышал) Гурилёв.

О, песня, светлая отрада
Мечтой истерзанной души!
Уж лучше был бы конокрадом,
Чем от тоски страдать в глуши...

О, ветер, призрачный и вольный,
Повея, желанный, и утешь...
Нет, не носить мне фрак
придворный,
Как в сердце тысячи надежд.

Но что придумашь здесь лучше,
Откуда взять мотив другой?
Лишь колокольчик однозвучный,
Поёт и плачет под дугой...

Выход из кризиса

Враждовали не люди, а страны
Под пятою бездарных владык,
Исцеляли смертельные раны,
Человеческий вспомнив язык.

Но какие помогут лекарства,
Но какие помогут слова,
Если гибнут в боях государства
И теряют на жизнь все права.

И, в безумной борьбе обессилев
За прошедшие все времена,
Сдались страны на милость России
И обнялись: «Вот это страна!».

Пророчество

Сонет

Всё! Насмотрелся я в зенит,
Теперь смотрю себе под ноги,
И ковыляю вдоль дороги,
Другой маршрут не осенит.

Крепка дороги вечной нить,
Где шли языческие боги,
Где подавали хлеба крохи
Тому, кого вели казнить.

Я не смотрю сегодня вверх,
И потому зенит померк.

Я молча вглядываюсь в даль,
Где не видать ни зги,
Но Данте... Данте угадал,
Там адовы круги...

Древний гимн

«Живи в согласии с природой
И жить давай другим!»
Теперь такое стало модой...
О, этот древний гимн.

О, мудрость, зревшая веками,
Уже, как ширпотреб.
И мы обеими руками
Ломаем всё, как хлеб.

Гадание

Когда-то мне цыганка нагадала
За несколько серебряных монет,
Что попаду в Москву из Краснодара,
А из Москвы объеду белый свет.

Я белый свет, конечно, не объехал,
Но в заповедных побывал местах,
Где до сих пор в лесах гуляет эхо,
Рождённое проклятьем на устах.

О, мудрая цыганская гадалка,
Я так ценил пророчество твоё,
Что сэкономил на почтовых марках,
Чтоб выпить после нам в шатре
вдвоём.

Запас

Улыбаюсь солнцу и ветру
И слезу вытираю с глаз.
Улыбаюсь шальному свету,
Улыбаюсь в последний раз.

Завтра будет темно и сыро,
Цербер встретит на берегу.
Для единственного кассира
Я копейку приберегу.

Как копейка та будет кстати,
Расплачусь за всё наперёд
За обещанный райский садик,
За небесное бытие.

Улыбаюсь солнцу и ветру,
Улыбаюсь в последний раз
И народу иметь советую
Евро с долларом про запас.

Чёрный чемодан

Постучу в окошечко кассиру,
Вывернув пред ней пустой карман:
«Дайте в долг один билет в Каширу,
Я в залог оставлю чемодан...

В нём стихи дорожные, рассказы,
А точнее – вся моя судьба!
Сколько раз срывался с места казни,
А сегодня, чувствую, труба».

«Убирайся, хулиган паршивый!» –
В микрофон ответила мадам,
Взглядом алчным, жаждущим
наживы,
Оценив мой чёрный чемодан.

О, моя бездорожная Русь

Сонет

Русь моя! На земле и на небе
Для тебя никаких нет преград.
Собирать колосками был рад
Я колосья твои, что на гербе.

Тяжело поднимать Божий жребий –
Не один это знал русский град,
И бессмертна была твоя рать
С бесконечной мечтою о хлебе.

Долго в сердце носила ты грусть,
О, моя бездорожная Русь.

Пусть пути твои будут Господни,
Я об этом всё время молил,
Чтобы тот, кто смеётся сегодня,
Завтра сам бы кого рассмешил.

Редьярд Киплинг

Табака и хлопка кипы,
Риса крепкие мешки...
– Сэр, вы Киплинг?
Редьярд Киплинг?
– Да, вы к истине близки!
К этому ещё прикиньте,
Что в душе я вечно пьян,
Что меняю фрак на китель,
Материк на океан...
Я живу порой, как хиппи,
Как пропившийся моряк.
Да, я Киплинг! Редьярд Киплинг!
Но не в этом суть моя.
Вот когда вернусь на Запад,
Оглянувшись на Восток,
И услышу денег запах,
Сделаю последний вздох.
Да, я Киплинг! Редьярд Киплинг!
В жизни нет, не новичок,
Но попался ей на спиннинг,
Да, попался и ...молчок.

Русская система

На Руси настолько всё запутано,
С ног на голову поставлено не раз,
Что познать систему пресловутую
Никогда не возникал соблазн.

Не было охоты и терпения
Выбирать, где меньшим будет риск,
Рассуждать о камне преткновения...
Сели на коней – и понеслись!

На Руси настолько всё закручено,
Словно Богом данная судьба,
Чтоб сомненье никого не мучило,
Мол, система русская слаба.

Пилот

Сонет

В центральной гостинице Курска,
В буфете, стоял генерал.
Серьёзно друзьям повторял:
«Пилот не сбивается с курса!»

Пред ним на салфетке закуска
Лежала. Маячил бокал.
Сказал он: «Ну, други, пока,
Давайте простимся по-русски...».

Простились. В зигзагах судьбы
О встрече я этой забыл.

Шла жизнь без продуманных
планов,
Спонтанно шла как-то. И вот
Возник Михаил Водопьянов –
Не сбившийся с курса пилот¹.

¹ Герой Советского Союза, летчик – полярник Михаил Васильевич Водопьянов в 1937 г. спас Камерный театр от закрытия, в котором шла его пьеса «Мечта». Водопьянов обратился с просьбой сохранить театр к К. Е. Ворошилову, отвечавшему за культуру.

Победная игра

Перед футбольным матчем Россия-Голландия я находился в удивительном, не поддающемся никаким объяснениям состоянии. Мой ум, обладающий аналитическим складом, не верил в триумфальную победу, а душа категорически не принимала поражения.

За несколько часов до начала игры радио «Маяк» передало «прогноз» президента Д. А. Медведева: «Россия должна победить!»

В двадцать два часа по Москве, «выключив» рассудок и чувства, включив приемник, я растворился в мировом эфире, который был забит междометиями предматчевой суеты.

Сонет первый

Кашира всё-таки не Базель,
Не Цюрих, Вена и Женева,
Зато в футболе – королева:
Обман, обводка в каждой фразе.

И финт шикарный не опасен!
Я, ни о чём не сожалея,
Кручусь направо и налево.
Мне гол, как «кол» в начальном
классе.

И вот – удар! Ещё удар!
А мяч смеётся, как вандал...

«Не промахнись, – шепчу, –
Аршавин,
Срази голландцев бытиё,
Но если Базель мы оставим,
В Кашире будет ё-мое»...

Слава Богу, русским футболистам и «нашему» тренеру Гусу Хиддинку! Первый тайм – ничья... Второму тайму посвящаю следующий сонет.

Сонет второй

Ну, наконец-то, первый мяч
Влетел в голландские ворота!
Влетел от русского народа,
Как от царя Петра калач.

Не каждый футболист горяч.
Кому кипеть в игре охота?
Но на Руси теперь погода –
Для стадионов и для дач.

Игра любая есть игра –
Вкусней, чем чёрная икра.

К ней пристрастился Павлюченко,
И это вовсе не прикол,
В штрафной, разбив живую стенку,
Он нам ещё подарит гол!

*Основное время игры закончилось со
счетом 1:1, а значит, предстояло ещё два
тайма по 15 минут. Мир замер. В Кашире
было так тихо, я не слышал даже кома-
ров...*

Сонет третий

Футбольный матч на первенство
Европы.
Четвертьфинал. Голландия и Русь.
Я думаю, не дуя даже в ус,
Как Нидерландам гол забить
для пробы?

Давно в цветах швейцарские окопы.
За двадцать лет, сказать не побоюсь,
Нет, не отцвёл Советский мой
Союз,
Не накопил на выигравших злобы.

С Голландией играть с голландским
тренером –
Как фонари включать в Кашире
веером!

Но многим будет нам не до игры
Среди блатного офисного чванства.
И всё-таки застолья и пиры
Российское разбудят государство!..

*Счет 3:1 в пользу сборной России вполне
удовлетворил моё самолюбие, моё непод-
дельное тщеславие. А как кичились нидер-
ландцы до своего неожиданного проигры-
ша! А как радовались каширские болель-
щики, словами не передать.*

Бравада

От Каширы на юго-восток
Преградила мне путь автострада.
Ах, какой испытал я восторг
Неподдельный! Ну, просто отрада.

И с обочины пышный цветок,
Словно в вазу, в петлицу – на
счастье,
Чтоб движенья безбрежный поток
Не разнёс меня вдруг на запчасти.

От Каширы на юго-восток
Преградила мне путь автострада,
И под Пятницей встретился стог,
А в стогу я нашел лепесток
С прошлогодним степным ароматом.

Ах, какой неподдельный восторг
Испытал я! Ну просто отрада!
Но ни звука при всех не исторг,
Так как всё это в целом... бравада.

Суд

Господа! Начинается суд.
В деле иск неоплатный Нептуна.
В Чёрном море Борей влез в мазут
И подол замарала Фортуна.

Русский хоккей

Зимой в Кашире, прямо на Оке,
Когда морозы были – слава Богу,
Учились мужики играть в хоккей
И побеждать умели понемногу.

О, как взойти хотелось на Олимп
И засиять в лучах вселенской славы,
Примерить на себе победы нимб
В провинции знакомой им Оттавы.

И вот канадцы против россиян
Пошли вперёд, как белые медведи,
Но встретил их спокойно русский
стан,
Клюкой, как клюшкой, замахала
ведьма.

И заплясала шайба, словно чёрт,
И на глазах заморского народа
Открыла в пользу русских русский
счёт,
Влетев юлой в канадские ворота.

Азарт огня не затушил борьбы,
И «со слезами на глазах» пришла
победа
По тайным предсказаниям судьбы!
О том была и эта песня спета.

Зимой в Кашире, прямо на Оке
Когда морозы будут – слава Богу,
Мне мужики ответят: «Все о'кей,
Нам на Олимп судьбой дана дорога».

Вот такие дела

«Доживёшь до восьмого десятка, –
Говорили и в глаз мне, и в бровь, –
Вспоминать по ночам будешь сладко
Про свою (как отравя!) любовь».

Я не верю в интимные слухи,
И не верил в любовь никогда,
И за то получал оплеухи...
Вот такие дела, господа!

Река времён

Река времён – обычная река
С причалами, затонами, мостами,
По берегам утёсы есть с крестами,
На Божий мир взирают свысока.

Вот и курной шалаш для рыбака,
Где осетра скребёт княжна перстами,
Скребёт уже с остывшими устами,
Но соблазнил её вина бокал...

Река времён настолько глубока,
Что по колено ей теперь века,
Тысячелетия приходятся по пояс,
И не нужны там больше якоря,
И скифы гордые, ничуть не
беспокоясь,
Плывут гостить в варяжские моря.

Командоры

*Краснодарскому путешественнику
Леониду Пасенюку*

Ах, Командоры! Это где?
И Леонид мне отвечал,
Что эти острова в беде,
А в горе – берег и причал.

Мол, краснодарский Карасун
Мог быть бы к месту там,
Как капля пота на носу,
Как брызги по губам.

Ах, Командоры! Это где?
И Леонид мне отвечал,
Что эти острова везде,
Где есть начала всех начал.

Где есть тюлени и моржи,
Где хмурит брови океан...
– Но ты об этом не пиши! –
Сказал и пригубил стакан.

Ах, Командоры! Это где?
Где алеутам был гоп-стоп?
Где острова, как мир в воде,
Где, как цунами, был потоп?..

Надежды

Сыну Сергею

«Надежд на счастье больше нет!» –
Вопил отчаянно бродяга.
«Ты врешь!» – сказал ему поэт, –
Надежды – не земные блага.

Надежды вот они, в душе,
А души наши там, у Бога.
Туда в небесном кураже
Ведёт тернистая дорога».

«Надежд на счастье больше нет!» –
Вопил, безумствуя, бродяга.
«А ты проверь!» – сказал поэт, –
Коль есть в тебе ещё отвага».

Ступинские бараки

Исчезли в Ступино бараки –
Жилплощадь первых пятилеток,
Где зимовали в норах раки
Под смех и слёзы малолеток.

Исчезли в Ступино бараки
И появились небоскрёбы,
Где заключают пышно браки –
Союзы самой высшей пробы.

Исчезли в Ступино бараки,
Исчезли ступинцам на диво.
Остались арки, как баранки,
И в бане – баночное пиво.

...Стояли в Ступино бараки,
Народ в них жил по-русски честный.
Не уронил своей он марки,
Когда бараки те исчезли.

Берега разные помнят

Людская память коротка,
Но берега резные помнят,
Куда и как текла Ока
И где её кончалась пойма.

Где исчезали родники,
Где не гнездятся больше птицы,
Где облака, как роз венки,
Плывут... им негде зацепиться.

Людская память коротка,
Но берега ведь не забыли,
Как на Руси во все века
Из рек святую воду пили.

Мнения

Сонет

«Человек человеку – волк!» –
Утверждал в Древнем Риме Плавт,
И поэт этот был бы прав,
Посетив Париж и Нью-Йорк.

«Человек человеку – друг,
Человек человеку – брат!» –
От Христа услышал Пилат,
И его охватил испуг.

Это мнение всех веков –
От рабов до большевиков.
Ну, а что говорит народ,
Что придумывает братва,
В чей летят ещё огород
Нецензурные все слова?

Лекарство от воровства

Сонет

С блатной улыбкой на лице
Объехав наше государство,
Я изобрёл для всех лекарство
От воровства, как фармацевт.

Так Он оказался к друзьям своим
ближе,
Похожий на мирную птицу...
О, как Он жалел, что родное
жилище
Своё не берёг, словно ока зеницу.

Однажды, ввязавшись с нечистыми
в драку,
Ввязавшись, где стылые звёзды,
Услышал, как молвил вселенский
оракул:
«Забудь свой характер
и снова помёрзни...».

Прозрение

Как я, опытный, подумал,
Глядя в солнечный зенит,
Что, влюбившись в небо, турман
Мог голубке изменить.

Изменить ей мог и бросить,
Как на произвол судьбы,
Вослепительную просинь,
Где прозренья для слепых.

Как я, битый, так прикинул,
Стоя в полдень на земле?..
Видно, сам всю жизнь мякину
Прожевал... забыв про хлеб.

Меж двух огней

От пирамид, рабов и мумий
До лучезарных наших дней
Я нахожусь в часы раздумий,
Как будто между двух огней.

О чём мечтали в древнем мире,
О чём мечтают в наши дни?
Нет, не о собственной могиле,
Где ни знакомых, ни родни.

Где нет ни выхода, ни входа,
В глазах ни тьмы, ни света нет,
Лишь обнаженной год от года
Лежит меж двух огней скелет.

Музыка

Валерию Гергиеву

В Цхинвале музыка слышна –
Печальней нет её на свете.
То на заре зовёт зурна,
Как мать детей...
Но кто ответит?

В Цхинвале музыка слышна –
Печальней нет её на свете.
То обрывается струна,
И гитарист лежит в кювете.

В Цхинвале музыка слышна,
То симфонический оркестр
Оповещает всех:
Война!
И дирижёр рыдает местный.

Я поднимаю меч и щит
И говорю на всякий случай:
«В Цхинвале музыка звучит
Остановись, народ, послушай»...
22.08.2008

Друзья

Все знают об этом везде –
Сомнений в народе ни капли!
Друзья познаются в беде,
Как в лоб справедливые грабли.

Известное не парадокс,
Не просто застольная шутка.
Друзья – поучительный бокс,
Такая, как видите, шутка.

Только трону струну серебристую

В этот сумрак безмолвный
и мгlistый

Далеко от дорог в стороне
Только трону струну серебристую –
Оживает былое во мне.

Только трону струну серебристую –
Оживает былое во мне.
Бьётся сердце, как прежде, неистово,
Лишь мелькнёт силуэт твой в окне.

Вижу, смотришь ты долго
и пристально
В череду нам отпущенных дней,
И иду я к тебе, как на исповедь,
Разнуздав на прощанье коней.

Только трону струну серебристую,
Оживает былое во мне,
И хожу по бараку, насвистывая,
Под идущий за окнами снег.

Трава

Я живу, считай, всю жизнь счастливо,
И от адских мук меня спасёт
На том свете жгучая крапива,
Да колючий, как огонь, осот.

Говорю ли, думаю ли вздорно,
Иль совсем пустая голова,
Никогда не соглашусь, что сорной
Может быть обычная трава.

Да, растёт на грядках огорода,
Да, цветёт в заброшенном саду,
Потому земля и плодородна,
Не дает в обиду красоту.

Кто б ни убеждал меня в обратном,
Кто бы ни качал свои права,
Но на русском поле,
Поле ратном,
Горькая полынь ещё жива.

И когда я вглядываюсь в лица,
Тех, кто шёл тернистой тропой,
Вижу подорожник и душицу,
Иван-чай, пустырник, звербой...

Общежитие

Поэма

Опостытели горькие мысли.
Мысли сладкие сильно прокисли.
Свежих нет. И не будет уже.
Ни резцы не помогут, ни кисти.
Небоскрёб моих дум в шалаше.
Я ушёл от всесущего стресса.
И живу в общежитии треста...
Храм Введенский мне виден в окно
И в застенках обжитое место,
Что тюрьмой называют давно.
За дорогой стоит проходная.
Вновь машина сигналил шальная
С кратким словом на кузове «Хлеб».
Сторож ходит, батон уминая,
Сторож глух... Сторож нем...
Сторож слеп...

В моей комнате стол и два стула,
Как в прокуренной камере МУРа –
Меблировка на тысячи лет...
Остальное – сплошная халтура:
Среди нас идеального нет!
Запылились, пожухли обои,
Как бурьян придорожный на пойме,
И плафон – как фингал с потолка.
Под ногами бутылки обойма,
Дверь входную пустил с молотка.
Я жалею об этом не сильно –
Всем по горло нужна древесина,
А тем паче – надёжный замок.
Дело пахнет, увы, керосином,
Что не так, как хотелось, помог...

Просыпаюсь от визга и крика;
Где же Таллинн?.. Где Вильнюс!?!
Где Рига?..

(Государствам любым грош цена
По законам неписаным рынка).
Это ж надо: Россия цела!
Коммуналки... бараки... казармы...
Скифы... гунны... сарматы... хазары –
Раздувают один самовар!
Говорю, чтобы зря не базарить:
Общежитие всем – Божий дар!
Общежитие: Ваня и Рута.
Общежитие: табор и хутор.
Общежитие: феня и речь.
Общежитие: бедно ли, худо,
Но и щит под рукою, и меч!
...Мне что пир на весь мир,

что пирушка,

Если рядом Царевна-лягушка
И красна пирогами изба,
Даже если изба та – избушка,
Всё равно это наша судьба.
Всё равно будут вечно вахтёры,
И паясничать будут актёры,
И порядок блости – комендант,
Даже если он зритель матёрый.
Общежитие – это талант!
Вот когда зажигаются свечи
И в Москве собирается вече,
На котором отсутствует царь,
Понимаю, что пир быстротечен,
Догрызая последний сухарь.
Понимаю, что завтра не праздник,
Что лабаз свой откроет лабазник,
Предлагая заморский товар,
И опять будут сказки и басни,
Что Левша, мол, блоху продавал.
Понимаю, что тяжко без воли,
Что в квартире бесчинствуют воры,
Словно полным составом совмин...
Всё обшарят: и реки, и горы,
И пустые карманы... Аминь!
Вот и кончилась разом трапéза,
(А ведь как начиналась помпезно!)
Наступает другая пора
В общежитии Бога и беса.

В общежитии зла и добра
Опустытели горькие мысли.
Мысли сладкие сильно прокисли.
Свежих нет. И не будет уже.
Ни резцы не помогут, ни кисти.
Общежитие – всё, что в душе...

Скиф

Шутя, её одел.
Смеясь, оделся сам,
И от одетых тел
Зарделись небеса.

Песнь слышалась нимф,
Внимала им земля...
Вот так родился, скиф,
То бишь родился я.

И семь десятков лет
Смеялся и шутил,
Пока в глазах был след
Негаснувших светил.

И семь десятков зим
Я плакал и скорбел,
И был неуязвим,
Поскольку не робел.

Вот и настал тот день,
Когда родился я.
Родители, как тень,
При свете бытия.

Смерть от поцелуя

Вот оно, красное лето,
Лето шестого июля!
От заграничных таблеток
Перехожу на пилюли.

Перехожу на массажи,
На водные процедуры,
Перебираюсь на пляжи,
К обнаженной натуре.

Подальше от поликлиник,
Аптек и амбулаторий,
Где, как огонь в камине,
Теплится крематорий.

Вот оно, красное лето,
Лето шестого июля!
По неизвестным приметам
Умру я от поцелуя.

Круговорот

Всё ночь длинней, а день короче,
Всё меньше света и тепла.
Никто подобного не хочет,
Но так, увы, идут дела.

Всё меньше страсти, чувств, эмоций,
Всё больше наглости и лжи.
Рубли не в счёт, кругом червонцы,
Но так, увы, желает жизнь.

Всё больше зла и сквернословья,
Всё меньше счастья и добра,
И нет, увы, ни в чём основы
Без плахи и без топора.

Но замечаю, между прочим,
Что где-то оттепель была.
Стал день длинней, а ночь – короче,
И больше света и тепла.

Турман

Всю ночь не спал, лежал и думал:
Как там, на родине моей,
Летает мой печальный турман
Среди весёлых голубей?

Неужто он, поднявшись в небо,
Всё ищет неизвестный путь,
Чтоб принести воды и хлеба,
В глаза мятежные взглянуть.

Но, встретив взор судьбе покорный,
Взлетит в безоблачный зенит,
Где звон раздастся колокольный,
И оборвётся жизни нить.

Всю ночь не спал, лежал и думал
Под беспристрастный стук колёс:
Туда меня увозит пульман,
Где жизни нить – буксирный трос.

Риск

Сонет

Под полдневный лёгкий бриз
Поддаваться авантюре
Не в моей уже натуре,
Лучше я пойду на риск.

Как волнует женский визг,
Если тамада халтурит...
К женской я прижмусь фигуре –
Избежать шампанских брызг.

И услышу запах соли
На обветренных губах.
Женщину на антресоли
Расцелую в пух и в прах.

А ведь не было ни шанса
Без разлитого шампанского.

Правда, как дворовая собака

Правда, как дворовая собака,
Закусает! Лучше не тревожь.
Только если по душам балакать,
Все страшилки про собаку – ложь.

Ну, какая может быть расплата?
Вот они со мной на поводке:
И собака, и святая правда,
И земная ложь – и всё о'кей!

Говори, что хочешь и не бойся,
Главное, чтоб было не во вред,
Чтоб от слов была (от русских!)
И собака улыбалась вслед...

польза

Благодать

Чтоб не видеть ни зги,
Чтоб лишкá не сказать,
Затуманил мозги,
Закрываю глаза.

И иду по степи,
И иду наугад.
Кроме слова «терпи»
Ничего не слышать.

Ничего не видать,
Даже солнечным днём,
Но в душе благодать,
Та, что Божьей зовём.

Благодать без дорог
За степной окоём,
Благодать, где мы впрок
Без неё не живём.

Апокалипсис

Вскипит навзрыд в душе девятый
И волны чувств своей достигнут

вал,

цели.

Для памяти такой крутой навар,
Как откровенье прихожан
для церкви.

Я помню всё, что в жизни не забыл,
Что и сейчас волнует и тревожит.
Не волки жеребят гоняют от кобыл,
А грязные, безжалостные вожжи.
Вот ветер рвётся в хату из степей,
Ползут к порогу стылые сугробы.

Стерильных нет снегов уже теперь,
То вирусы повсюду, то микробы...
Бактериологической войной
Чумазные грозят с обочин кучи.
Не у свиней лютует грипп свиной,
И падают в пивных не от падучей...

В который раз, о, Русь, идёшь
на риск,
Как каторжная голь, что на галерах,
В надежде, что воздвигнешь
obelisk –
Знак дерзкого, знак вечного
примера.

Кому он нужен – памятник судьбы,
Последователь жалкий Вавилона?
Мы все рабы! Мы Господа рабы,
И нас венчает рабская корона.
Мы знаем: Божий суд
не майский мёд,
Но мы несём его, как в улей пчёлы,
И я несу в себе, пока не мёртв,
Несу в себе, на гибель обречённый...

Взошла над хатой ранняя звезда,
Торжественно дымит труба печная.
Сумеет по делам ли Бог воздать,
Не молвит никогда нам мать
честная.

Сумею ли себя я оценить,
Когда пойду ва-банк за око – око?
Нет, не порвётся крепкой мысли
нить,
Как на земле нет блага без порока.
И печку можно не топить с утра,
И утренней звездой не любоваться,
Ведь всё равно нет худа без добра,
Как власти нет без гимнов и оваций.
Для откровений сердцу нет причин,
И не дано доступных технологий,
Но я рискнул! И делаю почин,
Надеясь, что Господь –
судья не строгий...

Амур

В морозном небе звёзды стали ярче.
Какая чушь! Что в голову взбрело!
И вот наивный с крылышками
мальчик
Ко мне крадётся с луком и стрелой.

Ах ты, любимчик матери-природы,
Не знающий позора и стыда,
Перед тобой людские никнут орды,
Приходят в бешенство рогатые
стада.

Ах, карапуз, какой же ты породы,
Кто подарил тебе земной престол?
В своём ли ты уме? В твои ли годы
Иметь уже такой ревнивый взор?

Вот я тебя как стегану лозиной!..
«Не смей! Сухарь..., – мне спутница
грозит, –
Сердца пусть наши стрелами
несильно
И вежливо мальчонка тот
пронзит...».

Коммунистический манифест

Душу я при всех открою настежь
И спою, чтоб слышали окрест:
«Босяки всех стран,
соединяйтесь!» –
Это наш всемирный манифест.

Буду петь, пока позволит глотка,
И под семиструнную плясать
Для всего земного околотка,
Над которым наши небеса.

А когда я окажусь на Пресне,
Получив за эту песню срок,
Жизнь пойдёт намного интересней –
Скучным не был никогда острог.

Не было ещё людских династий,
Чтобы обошёл их благовест:
«Босяки всех стран,
соединяйтесь!» –
Это наш последний манифест.

Цыганские кони

Цыганские кони бредут без дороги;
Польнь, лебеда и осот,
Да месяц стоит за курганом
двурогий,
Светлеет вдали горизонт.

Цыганские кони... безмолвные кони,
Бредут неизвестно куда,
На них хорошо ухаживать от погони –
Без шпор, шенкелей и кнута.

Цыганские кони бредут неизвестно,
Бредут неизвестно куда,
А раньше неслись с женихом
и невестой,
Неслись! Не держала узда.

Цыганские кони – счастливые кони,
Как росы степные чисты!
За ними идут по просёлкам иконы,
Кадила, хоругви, кресты...

Автопортрет

Сонет
Связав судьбу с Вселенским
ритмом,
Жалеть об этом не берусь,
Но жить в родной стране боюсь
Кочующим космополитом.

Когда ж осмелюсь я с корытом
Разбитым выйти против муз
И, предрассудков сбросив груз,
Базарить с мировой элитой?

«Когда, когда?» – твержу лучась.
И отвечаю: «Хоть сейчас!»

Да выходи сию минуту
Под балалайку и гармонь,
В своей душе посеяв смуту,
Международный гегемон...

Песенка геодезиста

С теодолитом за спиной
И с рейкой дальномерной
Я обошёл бы шар земной
За столиком в пельменной,

С худым и грязным рюкзакom,
И в Ялте, и в Тайшете
Запечатлел одним мазком
Маршрут свой на планшете.

И, покидая небеса,
В «Аэрофотосъемке»
Стихами абрис исписал
При рекогносцировке.

И не случись беда со мной –
Любовная измена!
Я обошёл бы шар земной
С попутчицей отменной...

Совет

Говорю я, увы, не первый,
Говорю я не позже срока:
«Мужики! Берегите нервы,
Всё равно как зеницу ока.
Хладнокровие вам поможет
И на улице, и на рынке
И держать в руках свои вожжи,
Что у жён ещё по старинке».

Поэт

Тот не поэт, который на помойке
Отбросы ищет с общего стола,
Который не готовится к помолвке
С поэзией, что так уже стара.

Тот не поэт, который бросил музу
Среди толпы на произвол судьбы,
Общественному покорился вкусу
И вместе с ним поднялся на дыбы,

Поэт лишь тот, кому чужда эпоха,
Кому не светит вечный свет светил,
Кто дьявола не знал, не видел Бога
И сам себе ни в чём не угодил.

Наше северное лето

Сонет

Прошла весна, и наступило лето.
Что может быть естественней
вкруг?
Веснушками цветов украшен луг,
Петух хромает за молодкой следом.

И женщина с мужским велосипедом
Намаялась! И переводит дух.
Как холодно ещё в Кашире – ух!
И песня соловьиная не спета.

Но как шутил наш знаменитый
предок,
Когда была погода на мази:
«О, наше северное лето –
Карикатура южных зим».

И до сих пор в природе всё запущено
С тех вдохновений Александра
Пушкина.

Желудок

О, господа, мне не до шуток,
Мне не до смеха, господа,
С рожденья собственный желудок
Желает мною обладать.

Нет, он не ставит ультиматум,
Не угрожает, не ловчит,
Пренебрегая русским матом,
Сосредоточившись, молчит.

Молчит, как чёрная могила,
И ждёт, когда опустят труп.
А я шепчу: «Не брезгуй, милый,
Жуй всё подряд! Еда – не труд».

О, господа, мне не до шуток,
Мне не до смеха, господа...
Неприхотливый мой желудок
Не позволяет голодать.

Мечты

Мне и впрямь однажды захотелось
Бросить всё... (но был и аргумент),
Для души найти такое дело,
Что б поспеть могло в один момент.

Только где такая есть работа,
Сыщется ль такой на свете труд?
Жернова мертвы без оборотов,
Мало зерна не перетрут.

В миг не соберёшь простой кадушки,
Лука и тем паче не скосить.
А уж про царевну про лягушку
Сколько сочиняют на Руси.

И тогда, устроившись удобно –
На земле такие есть места,
Я об этом написал подробно,
Опубликовал в своих мечтах.

Искусство

Когда на улице безлюдно и темно,
Когда в душе, как в преисподней,
пусто,
Мне заменяет в полной мере рай
земной

Любое, но небесное искусство.

Когда до неба не видать порой
ни зги,

То за кулисы туч ушли актёры.
Бездумные мои, бездумные мозги
Пронзают космос, словно метеоры...

Когда на улице безлюдно и темно,
Когда в душе, как в преисподней
пусто,

На звёзды я смотрю всю ночь
через окно,

И ёжатся они от глаз моих
до хруста.

Порт-кобзарь

Порт Шевченко – порт-кобзарь,
Ветер сколько баллов?
От шпигрутенев попало –
Белый свет исчез в глазах!

Ветер свищет, как лоза,
Что по коже бьёт галантно,
Чтобы снилась чаще хата,
Чтоб туманились глаза...

Чтобы помнил о родне
На заброшенной чужбине,
Где в рубцах и шрамах спины,
Не забудет это Днепр...

Порт Шевченко – порт-кобзарь,
Ветер сколько баллов?
Вдохновение пропало,
Раньше было, как коса.

Но в душе бунтует стих,
Словно там, в пучине моря...
Порт Шевченко, порт крамольный,
Порт, где вечен мёртвый штиль.

Удел

Нет! Нового я в жизни не скажу,
Не в этом смысл творений
и дерзаний,
Зато посею всё и всё скошу,
Не разглашая тайну мироздания.

Срублю избу в России за Окой,
Чтоб в ней на праздник было много
браги,
Чтоб мог врага с плеча...
своей рукой...
А виноват, так голову – на плаху.

Вот так и буду жить среди людей
И хлеб беречь, землёй навечно
данный,
Судьбе своей и жизни благодарный,
И это мой единственный удел...

Баскунчак

Чтоб от пресной воды не зачах,
Чтоб связали нас крепкие узы,
Я тебя подсоллил, Баскунчак,
Подсоллил, словно пиво по вкусу.

Я на зной твой белёсый не зол,
Не подумай, что это – бравада!
Белый хлеб ноздреват твой,
как соль,
Соль твоя, словно хлеб, ноздревата.

Я тебя подсоллил, Баскунчак,
Чтоб судьба не была твоя пресной.
Я и сам не умею скучать,
Но забыл все весёлые песни.

Может, что-то не так я сказал,
Посмотри: на ладонях мозоли...
И теряюсь в степях, как казах,
И как русский живу беспризорник...

Сила духа

Труден путь, который мне назначен,
Безрассудно ноша тяжела,
Всё равно несую свой крест, иначе
В сердце б сила духа не жила.

Есть во всём святая искра риска,
И везде горит огнём азарт.
Вот когда от цели буду близко,
Поверну безропотно назад...

Поверну, чтоб всё начать с начала,
И опять обратно поверну...
Вот оно и лыко, и мочало,
Вот и сила духа! Ну и ну...

Воображение

Налюбовавшись чудесами,
Которых и в помине нет,
Мы дорисовываем сами
Воображаемый портрет.

Но как беспомощны все краски,
И как бездарна наша кисть,
Когда уже родные глазки
Отрежут твердо: «Отрекись!»

О, те мгновенья откровенья,
Где чувства, словно напоказ!
И ты кричишь воображёнью:
«Исчезни, призрачное, с глаз!»

Человечество

Какое может быть несчастье,
Когда пурпурная заря
Берётся мир наш в одночасье
От тусклых красок исцелять!

И мы не будем сомневаться
В предназначении своём,
Коль больше некуда деваться,
Пока все вместе мы живём.

Пока твердим одно и то же,
Пока одну имеем цель
И никому никто не должен,
Поскольку все в одном лице...

Суть человеческая

Что ж, что черти устроят
с пристрастием суд,
Вылезать нас заставят
из собственной кожи –
Человек бы и рад объяснить свою
суть
Свинорылым чертям, да, ей Богу,
не может!

Вот и крейсер «Аврора», как Ноев
ковчег,
Вот стоит мавзолей, как в песках
пирамида...
Человек, по признанью Державина,
червь,

А по Дарвину – царь. Но для вида.

А по жизни любой человек –
индивид,

Хомо сапиенс, как говорят
по латыни,

Перед сутью своей он душою
кривит,

Пока душу его Святой Дух
не отнимет.

Вечность

Боже мой! Боже мой, нет больше сил
Ношу нести заблуждений.
Тот же Иуда, Твой верный кассир,
Предал тебя из-за денег.

Боже мой! Боже мой, нет больше
сил

Перед иконой молиться...
Если б по свету Ты не колесил,
Не угодил бы в темницу.

Все эти «если б», «увы» и «кабы» –
К истине путь после смерти.
Ты же остался живым для судьбы
В вечной... земной круговерти.

Живи, и всё!

Живи, и всё! Пока не надоест,
Пока земля витает в атмосфере,
Пока несёшь судьбою данный крест.
Приговорён ты жизнью к высшей
мере.

Живи, и всё! Не думай ни о чём.
Что быть должно, то будет
непременно,

Но никогда дамочловым мечом
Не образумишь вновь толпы
тюремной.

И не смотри завистливо вокруг,
И не смотри уныло, без надежды,
Круг бытия – арены вечный круг,
Где у людей меняются одежды.

Живи, и всё! Забудь про срам и стыд,
Забудь души никчёмные капризы.
Забудь, и всё! И Бог тебя простит,
И в царство попадёшь Его без визы...

Ленинский тезис

Накупили машин. Понастроили дач.
Приобулись слегка. Приделались.
Ну а дальше? А дальше хоть плачь –
Исчерпал себя ленинский тезис!

Накопили денегжат.
Осмотрелись вокруг.
Оказалось, что люди всё те же...
Мимоходом, случайно заметили

вдруг:

Исчерпал себя ленинский тезис!

Как же дальше нам жить?
Что нам делать теперь?
Кто наметит полезней задачу?
Не волнуясь, смотрю я на мнимый
пробел,

Я смотрю и, ей Богу, не плачу.
Слёзы что? Разве это людская беда?
Их платочком утрёт и старуха!
Я боюсь, что за этим идёт по пятам
Ноу-хау, а там – лженаука.

Счастье

Какое счастье жить в глуши,
Вдали от чопорных людей!
Не рвутся вечные гужи,
Не вьётся тонкая кудель.

Проснёшься утром – красота!
Стоит парное молоко...
Нет смысла ни о чём страдать,
На всё, что есть, махнёшь рукой.

Какое благо жить вдали,
Вдали от населённых мест!
Там нас Всевышний сотворил
Под птичий хор или оркестр.

Теперь здесь змеи и ужи,
Живёт другая Божья тварь,
И, компанейский я мужик,
Для всех готовлю самовар.

Божий дар

Грибов в лесу – косою коси,
Короче говоря, навалом!
Да размахнуться места мало
Среди берёз, дубов, осин.

Не развернёшься на Руси
В душе своей без идеала,
Но если ты мужик бывалый,
У Бога помощи спроси.

И я просил, пока охрип,
Зато дал Бог мне белый гриб,
Такой огромный, белый-белый,
Чтоб знали все, что я грибник,
Чтоб в лес являлся самым первым,
С красоткой местной на пикник.

Дачный сонет

Хвала вам вечная и честь,
О, наши собственные дачи!
Нас там никто не околпачит,
Хотя желающих не счесть.

Я сам часов когда-то в шесть
Вставал и начинал батрачить,
И всю энергию затраченную
Я отдавал, чтоб пить и есть.

«Чтоб пить и есть! Вот в чём
причина», –
Так мог сказать любой мужчина.

Однажды, лёжа в гамаке,
С любовью глядя на лопату,
Я ощутил её в руке –
Усталой, старой и горбатой.

Зов

Разве рвутся, как струны, нервы,
Разве страх озаряет лик?
Ну, пошёл, мужики, я первый
На зовущий на помощь крик.

Бедный всадник

Поэма

В станице Пашковской, где я когда-то жил, стоит памятник казаку-кавалеристу. Местные жители дали этому памятнику прозвище «Бедный всадник».

I.
Как в детстве, я забрёл в станичный садик.

Чтоб остудить очередной фингал...
По-прежнему стоял там
«Бедный всадник».
Который день и ночь в степи пахал.

Пахал и сеял хлеб для всей России.
О, как ценилось хлебное зерно!
Но было время – господа бесились
И кровью обливалось оно.

В тот день сирень цвела небесным цветом,
Поднял коня казак мой на дыбы:
«Ты вновь, пацан, явился за ответом,
Так я скажу тебе: мы не рабы.

Мы не рабы, не царские холопы,
Мы вольные степные казаки...
Но жизнь летит, как лошади галопом,
И прикусить велит нам языки.

Гутарили, что ты в Москву учиться
Уехал ненароком от меня.
В тот год в станице вымерзла пшеница,
Баштан сгорел от летнего огня.

Москва о том не ведала, покуда
Хрущеву я в ЦК не написал,
И кукурузы выдали по пуду,
Но мамалыгой нас снабжал базар.

Не ельцинский спекулятивный рынок,

Где воровство, халтура и обман,
А наш базар, где бьют за правду
в рыло
Потомки запорожцев, где Кубань

При царской власти числилась
границей.
Народами прославивши Кавказ!
Прощайся, коль пришёл, с родной станицей,
Она исчезнет скоро с наших глаз».

II.
Не может быть, чтоб родина
пропала,
Исчезла, как казачка в поздний час.
Я с родиной в «столыпинских»
по шпалам
Катался, верой в Бога заручась.

Ах, Краснодар, собачкина столица,
Как Маяковский в шутку говорил,
С рождения свободной, гордой
птицей
Над Северным Кавказом ты парил.

А я в степи, где пировали ханы,
Где скифы заросли полынь-травой,
Считал по пальцам скорбные курганы,
Был с горизонтом, словно с тетивой.

О, «Бедный всадник», разве всё
запомнишь!
Но русские я помню имена
Тех казаков, что ты привёл
на помощь,
Когда к станице подошла война.

Среди кавалеристов я был сзади,
В обозе был! Короче, был в тылу.
И вот теперь, когда цветёт мой садик,

В колчан кладу возмездия стрелу.

И слёзы женщин и мужчин,
(Держись, плотина!)
Прёт светом электролучин,
Прочь с глаз, рутина.

Прёт всем расчетам вопреки,
Ломая планы,
И вдоль реки, как поплавки,
Плывут баланы...

О, время! Где же твой прогресс?
Неужто крепок?
И даже времени в обрез
Уйти на небо.

Саяно-Шушенская ГЭС
На Енисее
Теперь как будто Божий крест
Для всей Рассеи,

Для всех, отживших век свой ТЭЦ,
Для всех АЭС,
Для всех, ещё живых сердец,
Хранящих честь.

23.10.2009

Первобытный беспорядок

Среди газонов, клумб и грядок,
Среди изнеженных цветов
Заметил беглым вдруг я взглядом
Питомца солнечных ветров.

Нет, он не прятал от прохожих
Свои исконные черты,
Хотя и был так непохожим
На все тепличные цветы.

Я б не запомнил этот случай,
Забуть бы мог, в конце концов,
Когда б осота взгляд колючий
Не уколол меня в лицо.

Среди газонов, клумб и грядок
И модных городских цветов –
О, первобытный беспорядок,
Я поддержать тебя готов!

20.11.2009

Ванкувер-2010

Я так болел, что чуть не умер,
Но жив остался, между прочим.
Прощай, трагический Ванкувер,
Лечу лечиться срочно в Сочи.

А Сочи – это не Канада,
Не древнерусская Аляска.
В горах была там канонада,
Потом случилась свистопляска.

Теперь улыбки дарит море,
Смеются радостно дельфины,
Похожим будет Сочи вскоре
На новорусские Афины.

Мне жаль, что мой курортный город
Был выбран Западу для спорта
И словно надвое расколот,
Хотя, бесспорно, это с понтом.

Какая может быть здесь трещина,
Когда решили, мол, так надо...
Ну, провожай, Ванкувер, женщину,
По имени Олимпиада!

03.04.2010

Чудеса

Нет, не всё от нас природа скрыла.
Не пройдёт и нескольких минут,
Птицы расцветут, расправив крылья,
И цветы на клумбах запоют.

И ручьи преобразятся в реки,
По-людски заговорят леса,
Чтоб в грядущем знали имяреки,
Что творились в мире чудеса.

Но не радует нас, что таится,
Мудрость отрицаем мы змеи,
Нам быстрее б расчленить единство
Человека, неба и земли.

Уголок Каширы

Тюрьма. Магазин. Аптека.
За котельной – труба.
Старая библиотека.
Рядом с охраной банк.

Поодаль, через дорогу
Виден Введенский храм,
И в скверике, слава Богу,
Царит ещё птичий гам.

Такой уголок в России,
И радость в нём, и тоска,
Над ним только небо синее.
Притих, видать, неспроста.

Лицемерие

Нежностью наполненные строки
В тяжкий час нас в жизни не спасут.
Человек обязан быть жестоким,
Это бытия земного суть.

И, когда пройдут волненья сроки,
Ясно станет всем, в конце концов:
Человек обязан быть жестоким
Перед милосердьем подлецов.

Лицемерья бурные истоки
Не сольются в русла щедрых рек.
Человек обязан быть жестоким,
Если он живёт как человек...

Исход из оккупации

Пылят разбитые дороги,
Дымят станицы, хутора,
И вид степей такой убогий,
Как лист бумаги без пера.

Идут волы без принужденья,
Идут, покорные судьбе,
Идут они из окруженья,
Кричит мальчишка: «Цоб-цобэ!»

А этот голос – голос детский,
Глас вопиющего в степи,
Как он звучал! Как по-советски:
«Терпи, голодный шкет, терпи...».

Пылят разбитые дороги,
Дымят станицы, хутора.
Вперёд, волы! Вперёд, двурогие,
Вперёд – домой, где ни двора,

Где ясли раньше пахли сеном,
Где было так тепло в хлеву,
Что и в году послевоенном
Воспоминания живут...

Послевоенный футбол

Труссы по колению. Разбитые бутсы.
И мяч зашнурован шнурком.
А лёгкие, словно горящие буксы, –
Я с этим футболом знаком!

Игру не делили в то время на таймы,
И поле не знало границ.
Команды хранили военные тайны –
Удар то в окно, то в карниз...

В безмерных воротах стоял только
Хомич,
Центральным всегда был Бобров.
Чужих пацанов мы не звали
не помощь,
Когда не хватало нам слов.

Атаки без драки, а гол, как конфета.
Я с этим футболом знаком.
Закончилось послевоенное лето
Ликующим, школьным звонком.

День Победы

В день, когда в Берлине зло
Было сбито с пьедестала,
В память врезалось число,
Что победной датой стало.

День Победы – день добра,
Мира вечного и счастья!
Вот и иволги с утра
Принимают в нём участие.

Пахнет росами сирень,
Ордена цветут... медали...
Ветераны в этот день
Будто бы моложе стали.

И беретки набекрень,
И солдатские пилотки...
Ах, как жалко! Этот день,
Этот день такой короткий.

08.05.2010

Фронтовик

К нему старухи липли, словно мухи,
И мужики цеплялись, как клещи:
«Глотни на счастье чарку бормотухи,
Глотни, какая есть, и не взыщи».

Он уходил от всех в свою каморку,
Стихи писал, чтоб время скоротать.
В каморке было тихо, словно в морге,
Как раз сподручно в облаках витать.

Так он и жил, как рак в норе,
отшельник,
И думал без начала и конца:
Кто на него надел войны ошейник,
Веселые черты смахнул с лица?

Так он и жил, от жизни отвыкая,
Пока совсем однажды не отвык...
«Прощай, старик...», – друг молвил
заикаясь,

Другой добавил: «Друг наш,
фронтовик».
05.06.2010

На поле Куликовом

Стою на поле Куликовом
И вдаль смотрю из-под руки.
Каким сплотила Божьим словом
Россия здесь свои полки?

Какой себя смертельной клятвой
Здесь на победу обрекла?
Ту клятву слышала Непрядва –
Теперь бессмертная река.

Стою на поле Куликовом
И думаю былому вслед:
«Так называла б Русь толково
Поля всех воинских побед!»
19.06.2010

Мудрость философии

Какая мудрость в философии
живёт?
Который век нет на вопрос ответа.
А мой прожорливый, как алчный
вепрь, живот,
Давным-давно той мудрости
отведал.

Имела ли она людей достойный
вкус?
О том молчит, насытившись, утроба,
Пристроившись во мне, не дую
даже в ус.
Вот так и будет бодрствовать
до гроба.

Какая мудрость в философии? А вот
Спросите на досуге имярека,
И он покажет на ремень и на живот,
Там мудрость философии от греков.
04.09.2010

О, свободная, гордая мысль

Сонет

О, свободная, гордая мысль,
Признаюсь, что тебя я не стою!
Моё стадо ушло к водопою,
И назвать не могу тебя – мисс.

Всё равно ты, родная, уймись,
Предназначенной свыше тропую
С глаз людских мы исчезнем
с тобою,
Чтоб попить из бидона кумыс.

Я не знаю, какая ты есть,
Только б совесть имела и честь...

Вот рогатое стадо идёт,
Бьют копыта дары полевые,
А пастух, ещё тот обормот,
Видит мысли-цветы, как впервые...

Прямой угол

К какой бы жизни мы ни
привыкали,
Какой бы ни сулили нам уют,
Нас тянут звёзд высоких вертикали,
Горизонтالي тайно вдаль влекут.

И что с того, что нам всё время
туго?
Петля на шее, бьют в бока багром,
Зато в пространстве существует
угол,
Никем ещё не названный углом...

Исповедь алкаша

Люблю спозаранку обычную
пьянку –
Мужицкое дело с утра!
Люблю, как собака, хозяйскую
палку,
Проспавшая горы добра.

Сперва понемножку, чуть-чуть,
по рюмашке,
К обеду – по чарке с лихвой,
А после обеда уже без рубашки
С поникшей сидишь головой.

И думаешь-думаешь,
где похмелиться –
Хоть бражки вонючей глоток!
Потом попадаешь случайно
в милицию –
То пьянки привычный итог.

И всё же, люблю до безумия пьянку,
Когда куролесят мозги!
Проснёшься и молишь себя
спозаранку:
«Алкаш, сам себе помоги...».

Прожиточный минимум

Не нужны мне хоромы!
Что в них буду скрывать?
Дайте ворох соломы,
Он заменит кровать.

Мне макуха и репа –
Божий дар за труды!
Дайте корочку хлеба,
Только не для еды...

Дайте правду и волю,
Дайте молот и серп,
По рукам дайте вору,
Словно в СССР!

Свой прожиточный минимум
Оставляю казне,
Чтоб пожарским и мининым
За меня не краснеть...

Но кто меня за правду упрекнёт?

Конечно, правда, всё-таки, – не мёд,
И, к сожаленью, не всегда проста,
Но кто меня за правду упрекнёт,
Когда врачует ложные уста?

Когда она, как неподкупный страж,
Стоит у райских, у святых ворот,
Её не обольщает антураж,
Ей без того известно, кто ей врёт!

И я ей вру, как будто сам себе,
Вру беспощадно, словно Хлестаков...
Здесь основное – пожурить успеть:
«Каков подлец ты... о, подлец каков!»

Огонь любви

Родились мы во тьме, во мраке
и умрём!

Такая доля свыше нам дана,
И в этом виновата не луна,
А то, что мы под ней старались быть
вдвоём.

Нам так хотелось заглянуть за окоём,
Где вечная любовь телам верна,
И, может быть, прекрасная она
Согрела б нас немеркнувшим
своим огнём.

Так и случалось, как мечталось нам,
Огонь любви сжигал нас, как напалм...
А годы шли! И тот огонь погас,
Куда-то улетучились мечты,
Могилы чёрные в тени ждут нас...
Кто первый в них войдёт, я или ты?

Участь

Всех нас ждёт одна и та же участь:
Гроб. Могила. Над могилой крест.
Над крестом слезу уронит туча,
Ветер принесёт благою весть.

Застрекочет весело кузнечик,
Бабочка присядет на цветок,
Из гнезда на солнце глянет птенчик,
Значит, вечность сделала виток!

И таких витков ещё – дай Боже,
Хватит до скончания времён...
В жизни никому никто не должен,
И в расчёте те, кто погрёбён.

Тени

Как непорочны все земные тени,
Без солнца не родиться им никак!
В них судьбы ботанических
растении
И участь полевого стебелька.

И в сумерках закрытых заведений,
Куда нет входа солнечным лучам,
Как безмятежны призрачные тени,
И исчезают вовсе по ночам.

«Живые люди – тени наших предков,
И мы за ними следуем века...», –
Сказал мыслитель, говоривший редко,
В ответ кивнула тень ему слегка...

Бульжник – оружие пролетариата

Сонет

Президенты – для народа,
А народ – для президентов!
Фразы, как для комплиментов,
Но зубрить их неохота.

И виной тому погода
На любом из континентов,
Где растят интеллигентов,
Не для фабрик и заводов.

Не познав рабочей жизни,
Кто из них возьмёт булыжник,
Чтоб отстаивать права
Пролетариев всех стран!
Если боли нет в словах,
Значит, нет телесных ран.

Я тугодум

Я тугодум и не могу так сразу
Ответить на поставленный вопрос.
Мой опытный, мой битый, старый
разум
Стесняется родить другой курьёз.

Но мысль пошла, как побирушка
в баню,
Отпариться, одуматься в парной,
Как будто собралась она вновь
к парню,
Что крылышки имеет за спиной.

Я тугодум! А жизнь меня торопит:
«Давай, давай раскручивай мозги,
Иначе вечно будешь в чёрной робе,
Как чёрт в аду, где не видать ни зги».

Не торопи, родная чародейка,
И так в душе царит переполох!
Пусть быстро разрешит свои идеи
И все свои вопросы только Бог...

Русская женщина

Русская женщина, ты стала кроткой,
Удаль твоя не видна!
Где гимнастёрка твоя и пилотка,
Где на груди ордена?

Где твой задор и железная хватка,
Что остановит коня?
Сколько солдат ты спасла в
санпалатках,
И малолетку меня?

Русская женщина, где твоя удаль,
Как и во все времена,
Замордовала на кухнях посуда?
Это мужская вина!

Русская женщина не проклинает
Данную Богом судьбу.
Не МЧС, а гражданка иная
Тушит с успехом избу.

Русская женщина мужем гордится,
Он для неё лучше всех...
Смотрит с улыбкою на за границу,
Только на Родине – словно царица,
Лик её белый, как снег.

Точка опоры

«Дайте мне точку опоры, –
Как-то сказал Архимед, –
Я удивлю ваши взоры
Передвиженьем планет!»

«Дайте мне точку опоры,
Вот он, всеильный рычаг!
Я прекращу ваши споры,
Будет согласие в речах».

«Дайте мне точку опоры!» –
Долго просил Архимед,
Но на его априори
Звёзды ответили: «Нет!»

«Дайте мне точку опоры,
Это для ваших же благ...».
Во избежание ссоры
Взял он обычный чурбак!

Волкодав

Степей безбрежных старожил
Лежит возле костра.
Овец когда-то сторожил,
И пасть была остра.

По совместительству козлов
Он так же охранял.
Предательское ремесло
Козлов он распознал.

Теперь смешит он чабанов,
Давно ошейник снят,
И видит вместо вещей снов
Беспомощных ягнят.

Он загрызал степных волков,
Теперь он пёс святой...
Пустые дёсны без зубов,
Как патронташ пустой.

Но прежним чувствам волю дав,
Волков услышав вой,
В степь убегает волкодав,
Рискуя головой...

С усмешкой скажут чабаны:
«Собака хороша!
Ушла к волчице на блины,
Наивная душа...».

Москва стоит на семи холмах

Сонет

Я на холм московский заберусь,
И увижу, как сверкнёт кольчуга,
Вольный ветер донесёт до слуха:
«Господи, окрест святая Русь!»

Осмотрюсь и низко поклонюсь
Тем, кто приходил сюда на стругах,
Чьи мечи остались нам порукой,
Чтобы жили мы, не дую в ус...

Боже мой, такие вот холмы
Поднимали Русь на свет из тьмы!

Поднимали, словно на плечах,
Чтобы солнца видели восход
В голубых, как небосклон, очах
И лучей сверкающий эскорт.

Детство

Под старость детство вспомнить
хочется,

Далёкое издалека,
Где приносила мне молочница
Кувшин парного молока.

Где рисовал я красных всадников
С большими звёздами на лбах,
И сахарин таким был сладеньким,
Что таял прямо на губах.

Под старость детство вспомнить
хочется,

Далёкое издалека,
Где я от хинной водки корчился,
Не мог прийти в себя никак!

Где автоматы я немецкие
В степных окопах находил,
Учил частушки молодецкие,
Педали «ХайВэЗэ»¹ крутил.

Где по утрам под крики кочета
Звала к себе Кубань-река...

Под старость детство вспомнить
хочется,

Далёкое издалека.

¹ «ХайВэЗэ» – так казацата называли велосипеды Харьковського велозавода.

Возвращение

Обойду всех друзей и знакомых,
(Лишний раз повстречаться
не грех!)

Может, кто-то случайно накормит,
Может, кто-то предложит ночлег?

Обойду... а потом на погосте,
Я признаюсь уже сам себе,
Что приехал к родителям в гости,
Сообщить только им не успел...

Былых времён немеркнущая память

Былых времён немеркнущая память
Мне по ночам покоя не даёт!
То сердце обжигает, словно пламя,
А то душа становится, как лёд.

Такие перепады впечатлений
Меня бросают в жар, потом в озноб,
Как будто в Горках оживает Ленин,
И в мавзолее исчезает гроб...

О, времена! Обычай и нравы,
Кто б в этом мире смог
вас изменить?
Не ради наслаждений, ради славы
Рвут люди их связующую нить!

Но свято место не бывает пусто,
Вон сколько новых развелось вождей,
И не владеет ни один искусством –
Собрать, как Ленин, нищих
и бомжей...

Рыцари духа

Ни пера нет, ни пуха,
Ничего на них нет!
Но присутствие ДУХА
Окрыляет скелет.

Ни пера нет, ни пуха,
Ничего на них нет!
Но приносят, по слухам,
В темноте людям свет.

Ни пера нет, ни пуха,
Ничего на них нет,
Лишь на зависть хапугам, –
Гольый авторитет.

Он без всякой одежды,
Он в чём мать родила!
Открываются вежды
На такие тела...
Это рыцари ДУХА,
ДУХ сильней, чем слова!
Не нужна им кольчуга,
Не нужна булава.

Солнечные часы

Только солнечные часы
Этой жизни считают время.
Остальные всё – для красоты,
Слишком стрёмное наше племя.

Вот и дряхлый, слепой Гомер,
Осторожно потрогав темя,
Вновь заводит секундомер,
Чтоб узнать своей жизни время.

И считает в уме до трех.
Нет, не умер! – Знать, сердце в норме,
Знать, ещё не совсем я плох,
Знать, работает мой хронометр...

Только солнечные часы
Этой жизни считают время.
Стрелок призрачные усы
Бытия ощущают бремя.

Догадавшись, изрек Гомер:
«Племя... темя и бремя... – время!»
Но сломался секундомер,
И пошли во Вселенной прения.

Злаки

Пшеница, рожь, овёс,
Все остальные злаки –
Подарки дальних звёзд,
Как поцелуи сладки!

Готов я каждый день
Им подставлять уста...
И сорго иль ячмень –
Все с одного куста.

Все с одного зерна,
Все из одной семьи...
Любая им цена
Не в тягость для земли!

Ложь

Дети, матери, отцы,
Президенты и премьеры...
В этом мире все – лжецы!
Но лжецы ведь не глушцы,
В жизни множество примеров.

Врать красиво – не порок,
Умно врать – людское благо!
Ложь полезна, если впрок,
Если в ней есть слово – Бог,
И отсутствует бумага.

Правда больно режет слух,
Правда может быть смертельной,
Правда вышибает дух,
Признаёт одно из двух
После выпивки артельной...

Дети, матери, отцы
Лгут себе, друзьям, соседям,
Ложь летит во все концы,
И смеются бубенцы:
«К незабвенной правде едем!»

Любовь есть любовь

Я ужасно был удивлён,
Когда мне сообщил мой друг,
Что в жену мою он влюблён,
Как законный её супруг!

А жена объяснила вдруг:
«Платоническая любовь –
Это то, что несёт испуг,
Чтоб воспрянул симпатий дух».

Из её сладострастных слов
Уловить я сумел одно,
Что любовь есть всегда любовь,
А для публики есть кино...

Желаемое братание

Лично с Президентом не знаком,
От знакомства мог бы я зазнаться,
Но своим считаю земляком,
И никак, клянусь, не ленинградцем,
Признаюсь при всех по сути
вкратце.

Кореновск, увы, не знаменит,
(Бывшая кубанская станица)
А степной орёл над ним парит,
Выше и свободней, чем в столице, –
Так теперь в народе говорится!

Лично с Президентом не знаком,
От знакомства мог бы я зазнаться...
В Кореновске есть ещё райком,
Только власть в руках
администрации,
Без которой нет приватизации.

Лично с Президентом не знаком,
От знакомства мог бы отказаться,
Но владея русским языком,
Говорю: «С кубанским казаком
Было бы не глупо побрататься!»

Иго

Шло татаро-монгольское иго
На Россию с огнём и мечом...
Вспоминают о том теперь в книгах,
Увлекаясь ржаным калачом.

Забывая, что дикое племя
Обескровило русский народ!
Кровь омыла батыйское стремя,
Напоила собою весь сброд...

Шло татаро-монгольское иго
На Россию с огнём и мечом...
Где прошло, становилось тихо –
Безголосое правило лихо!
Улан-Батор, Казань ни при чём.

Нотація себе

Всё тебе не то, всё тебе не так,
А хотя бы знал, что весь мир бардак,
Что весь мир – хаос, что весь мир –
погост,
Что среди могил ты живёшь,
как гость.

Всё тебе не то, всё тебе не так,
Всё переиначивать ты мастак!
А хотя бы знал, что в великий пост
С голоду проглотить себя,
прохвост.

Всё тебе не то, всё тебе не так,
То давай подвал гнилой, то – чердак,
А хотя бы знал, что желал –
сбылось!
Потому как зависть была и злость.

Потому как был сам себе ты вождь,
И в мозгах о том в эпицентре гвоздь!
Правда, ржавый он, словно весь
в крови
От людской ненависти и любви...

Ожидание реванша

Перепробовали люди
Всё, что раньше в мире было,
А что завтра с ними будет,
То – на ключ! И опломбировали.

У дверей тесовых стража
Неподкупная застыла!
Знать, грядущий день не страшен,
Даже если он – могила.
Даже если – ад кромешный,
Где котлы черны, как черти,
Ожидает люд весь грешный,
Бог расправы не начертит...

Перепробовали люди
Всё, что было в мире раньше,
Потеряв надежду к чуду,
С нетерпеньем ждут реванша.

Самочувствие

Самочувствие – дрянь!
Хуже не было в жизни.
Онемел мой баян, песен нет
для отчизны.
Песен нет для души, нет мелодий
восторга,
И сухие гужи не смягчаю касторкой.

Самочувствие – дрянь!
Хуже не было в жизни,
Как ты там, Обоянь, городок
мой капризный?
Я в твою глухомань заезжал
на попутной,
В предрасветную рань по земле
черногрудной.

Вспоминалась Кубань и такие же
пашни...
Самочувствие – дрянь!
Остальное всё – шашни.

Ах, Россия, Россия

Ах, Россия, Россия,
Ты моя лепота!
Грязь в лаптях замесила,
И как с гуся вода.

Ах, Россия, Россия,
Непорочная Русь,
Ты, как Дева Мария,
В чреве твоей Иисус.

Ах, Россия, Россия,
Всё тебе трын-трава,
И ещё, как мессия,
Слава Богу, жива.

Сон и явь

Хутора и станицы степные
Будоражат меня при луне,
Знать, черёд наступил мой отныне
Гнать в ночное казацких коней.

Я в степи их не стану треножить,
И уздечки сниму до утра!
Вожжи тоже бы мог уничтожить,
Да не спят по ночам кучера.

Хутора и станицы степные
Будоражат меня при луне...
А проснись, всюду кони иные,
Чёрный дым и огонь по стерне,
Как в кино о прошедшей воине.

Очередь за хлебом

Под благодатным этим небом,
На этой щедрой вот земле,
Лишь вижу очередь за хлебом –
Ни крошки... ни в одной семье!

Мертва толпа глухонемая,
Калеки... вдовы... старики...
Но накануне Первомаия
В сусеках наскребут муки.

Пока скребут, смотрю на двери,
О, допотопный магазин,
Ты потерял моё доверие,
А на земле я – неба сын!

По-детски думаю нелепо,
И взор туманит мне слеза:
«Коль сыну неба нету хлеба,
Что про иных тогда сказать?..»

Степь

В степь уйду...
В степи, как в сказке ночью,
Вольный ветер, небо в васильках!
Как букетик мне собрать захочется,
Но не тронет тех цветов рука.

В степь уйду...
В степи душе спокойней,
Отдыхает от забот мирских,
И пасутся вороные кони,
Что пригнал в ночное мудрый скиф.

В степь уйду...
В степи мне всё знакомо,
От скирды до чёрной борозды,
Всё, что нас, нахлебников,
прокормит
До последней, роковой версты...

В степь уйду...
В родную степь до гроба!
А к утру, быть может, и вернусь,
Вспоминая беды хлебороба,
Голода отведав вечный вкус...

Камень преткновения

Забудь всё, что было когда-то,
Забудь, словно выкини вон...
Сердце не слышна канонада,
И душ не сжигает огонь.

Забудь всё, что было, родная,
Кому это нужно теперь?
Нас жизнь окружила иная –
Из невозвратимых потерь.

Забудь всё, что было меж нами,
Так легче, спокойнее жить,
Уже преткновения камень
У нас на пути не лежит.

О, бурно прожитые годы

О, бурно прожитые годы,
Я помню ваш азарт и пыл,
А вот к чему они – забыл!
Неужто шик стал старомодным?

Но всё равно в душе аккорды
Звучат несбывшейся судьбы,
Ещё встающей на дыбы,
Чтоб доказать характер гордый.

А невозвратные года,
Как в степь ушедшая орда,
Где нет покоя ни минуты
От привередливых кобыл
И где когда-то возле юрты
Кумыс я из бидона пил.

Летопись

Износилось земное тело,
Слёзы выплакала душа,
Но закончил всей жизни дело,
На бумаге пером шурша.

Пусть потомки читают строчки
Этой рукописи святой.
Места не было в ней для точки,
А тем паче для запятой...

Зазвучит она, как молитва,
Словно утренний благовест!
Эта рукопись монолитна,
Как и мир наш греховный весь.

Фатализм

Время не остановилось,
Не уменьшилось пространство,
Не исчезла Божья милость,
И причины есть для пьянства.

Вместе эти аксиомы,
Как сосульки на карнизах,
Недоверчивым знакомы,
Словно женщины, капризны.

Но блажен, кто знал их ласки,
Кто впитал в себя их нежность,
Кто умел срывать с них маски,
Ощущая чувств безбрежность,
Рока злого неизбежность.

Мысли мышь вильнёт хвостом

Мысли мышь вильнёт хвостом,
И бегом из норки в норку,
И лови её потом,
Словно под полом иголку.

Всё перевернув вверх дном,
С сыром ставишь мышеловку.
Мысли мышь в углу родном
Объявляет голодовку,
Подарив коту головку...

Голос Родины

Всем зарубежным сплетням вопреки,
Как в прошлые века, так и сегодня,
В который раз смотрю из-под руки,
Оглядывая русские уголья.

Вот «Сникерс», «Марс»,
вот рядом «Фрито-Лей»,
А вот изба моя на ладан дышит,
И голос Родины доносится с полей,
Доносится всё тише, тише, тише...

Последний раз сниму седло с коня,
И отпущу в луга к Оке в ночное,
Где благовест колокола звонят,
Колокола звонят и сердце ноет.

Необходимость и случайность

Необходимость и случайность,
Уже не могут друг без друга,
И эта жизненная крайность
Нема, как барабан без стука,

Но вот пришла необходимость,
И барабанный бой вприпрыжку
Перечеркнув свою терпимость,
Заставил прыгать и мальчишку.

Труба победная запела,
О, сколько силы в ней и мощи,
Как будто целая капелла
Спешит на праздничную площадь.

Необходимость и случайность,
Уже не могут друг без друга!
За общим возникает частность,
За частным – общее по кругу...

Уход

Ухожу, как видишь, и не плачу,
Ухожу с улыбкой на лице,
Ухожу, быть может, наудачу,
Поцелуй оставив на крыльце.

Ухожу без боли, без обиды,
Без надежды в трепетной душе.
Ухожу! Теперь мы будем квиты,
Как чужие будем мы уже.

Ухожу! И сам себе не верю,
Что уходом искуплю вину...
Потерпи, пожалуйста, за дверью,
Я через минуточку вернусь.

Школьная пора

Ах, пора моя школьная,
Где ты, слышишь, теперь?
Сколько я с тобой, шкодная,
Приключений терпел!

Под оркестрик Утёсова
(Двоек полный портфель!),
Как гребёнкой начёсывал,
Напевал, как Орфей.

На уроки опаздывал,
С другом грыз сухари...
В те года не у каждого
Был талант шухарить!

Ах, пора моя школьная,
Где ты, слышишь, теперь?
Не дорогой окольной
Я пришёл бы к тебе!

Но в душе моей ранка,
Как иголки укол!
Где набраться подарков
Для родных моих школ?

Ах, пора моя школьная,
Бедность нет, не порок...
И судьба твоя скорбная,
Как всей жизни урок!

Отпуск

Не развязать уже ажурных кружев,
Заиндевело в Божий мир окно.
Я в отпуске... И околел от стужи,
Не греют больше шуба и вино.

Весь день лежу! Не скрипнут даже
доски,
Кровать моя, клянусь, не хуже нар.
Закуска между рам висит в авоське,
Немного, правда, но здоровью в дар.

Весь день лежу. Читаю «Диалоги»,
«Каширские известия» прочёл.
Я не ахти какой читатель строгий,
Но кое с кем поспорить дёрнул чёрт.

Весь день лежу. Устал ходить
под стражей.
Нет сил на шмонах (руки вверх!)
стоять.
И как знобит... И как бросает
в кашель...
И веры нет, что был Господь распят.

Опять вставать? Кому готовить
ужин?
Табак и чай – теперь моя еда...
Я в отпуске... И никому не нужен...
И мне – никто... И всем нам нет
суда!

Рассредоточенность

Очнусь с тревогой среди ночи,
Ну, слава Богу, не исчез...
Но как я вновь рассредоточен –
Числа мне в этой жизни несть!

Несть мне божественного счёта,
Как ни считай, всегда – один!
Но сам с собой граничу чётко:
Там жалкий раб, там – господин.

Там – пустоты душевной бездна,
Там – сплошь телесные сады,
Там – гений я, там – всюду бездарь,
Там – ни сюды и ни туды...

Очнусь с тревогой среди ночи,
Ну, слава Богу, не исчез...
Но как я вновь рассредоточен!
А совесть что? А что же честь?

Как суд вершится бестолково

Как суд вершится бестолково,
Как вышний глуп ещё закон...
Вот Прометей к скале прикован
За то, что людям дал огонь.

Христос – в плечах косая сажень,
Незаурядного ума,
Над тем огнём распят был заживо...
Всем прочим: посох и сума...

Земли не чувствуя вращения
И прерывая связь времён,
Не нам, не нам просить отмщенья,
Не помнящим своих имён.

Давай заночуем

Давай заночуем, как прежде,
на сене –

Дорога была нелегка...
Проснёмся – и будет опять
воскресенье,
И бронзовый лес, и Ока...

Проснёмся, и будем опять незнакомы,
И будет всё та же стезя...
Быть может, в дороге нас кто-то
накормит,
И встретятся наши друзья.

Мы – путники только.
Вчера и сегодня,
И завтра, и тысячи лет...
Но знай, что над нами молитва
Господня,
И Ангела огненный след...

Татуировка

Столько дел у нас, прямо – гибель.
Столько – просто невпроворот...
И поэтому жизнь, как ниппель –
В одну сторону только ход.

Столько дел у нас, ужас сколько,
Столько дел – не видать конца!..
И на лбах, не согрёшь, наколка:
«Кто работает, тот – овца!»

Столько дел у нас, страшно сколько,
Столько дел – непочатый край...
Потому что боимся волка
И пугает собачий лай...

Лучик

Как ни были б законы громогласны,
Я лишь тогда услышу этот зов,
Когда меня покинут все соблазны,
И щёлкнет за стеной моей засов.

Как ни были б законы беспощадны,
Каких бы ни сулили в жизни кар,
Я не взойду на эшафот дощатый
Без приговора судьбоносных карт.

Но ничего смертельно так не мучит,
Так душу не терзает, не казнит,
Как тот, былой мечты незримый лучик
По имени и отчеству зенит...

Пустые хлопоты кругом

Пустые хлопоты кругом, –
Совсем пустые... Бог свидетель!
И мёртвым связаны узлом
Начала и концы столетий.

Круговорот крутой времён
Несёт одни и те же вести.
И душу мёртвым жжёт огнём
Нательный крестик.

Пустые хлопоты везде, –
Совсем пустые... Видит Боже!
Род человеческий в узде,
И кто-то крепко держит вожжи.

Мысль о жизни

Мысль о жизни вертикальна
До исхода наших дней.
Как она терзала Каина,
Авель и не знал о ней.

Мысль о жизни – бремя жертвы,
Рабству вечному сродни.
Кровью вымазаны жерди,
В поле плевелы одни.

Мысль о жизни чёрной тайной,
Как в могиле гроб лежит...
Братьев прах горизонтально
Неподвижен, словно щит...

Эх, песня, песня!

Открою дверь в избе пошире,
Потом окно, чтоб ветер нёс
По всей Оке, по всей Кашире
Мне с Волги песню про утёс.

Про удалого атамана,
Про долю вольную его...
Пока в России всё нормально –
От сердца горе отлегло.

Эх, песня, песня! В слове – слово,
Как тайна в тайне – пой, народ,
Про атамана удалого
В челне на стрежне волжских вод.

Нам надоест

Нам надоест творить одно и то же.
И Богу надоест! А сатане
Бесстыжих и капризных бить по роже
Так надоест, пожалуй что, вдвойне.

Нам надоест творить одно и то же,
Творить одно и то же без конца...
Другое ремесло найдём! И, всё же,
Всё старое опять вместим в сердца.

О, бытия бездонная трясина,
И ты, как прежде, тянешь только
вглубь...
Неужто ты настолько же бессильна?
Неужто я и впрямь настолько глуп?

Мысль и музыка

Прекрасно! Превосходно!
Просто чудо!
От удивленья кругом голова.
Неужто род людской настолько чуток,
Что ловит мысль и музыку в словах?

У-а-а... У-а-а... – безмерна
лаконичность,
И музыка, и мысль – предел мечты.
Какую гениальнейшую личность
Обязан я присутствием почитать?

А-у-у... А-у-у... – Не слышать вопля
лучше!
И ум, и глупость – вечные враги.
Нет! Не откликнусь я овце
заблудшей.
Чу! Кто идёт? Её... её шаги!..

Бомж

Никогда не поздно, нет, не поздно
Выкроить хоть несколько минут.
И на смех знакомым так серьёзно
Жизнь свою вверх дном перевернуть.

Ах, какое это будет днище!
Без винта, руля и якорей...
До сих пор меня напрасно ищет
Участковый с улицы моей.

Честно говоря, не прячусь больше,
И не числюсь в розыске уже.
Всё равно меня считают бомжем,
Да и я считаю так в душе...

Никогда не поздно, нет, не поздно,
Выкроить хоть несколько минут,
И на зависть всем, и так серьёзно
Жизнь свою опять перевернуть.

Ах, каким высоким будет небо!
А под ним на рейде паруса...
Помню: прихватил краюху хлеба
И ушёл... Всю жизнь иду назад...

Ноктюрн вообразенья

Для очень впечатлительных натур
Лишение свободы – злые муки...
Вообразенья властвует ноктюрн,
И слон в душе рождается из муки.

Пугает хрупких рёбер дикий треск,
Страшит с огнём идущий сердца рокот,
И поднимаешь сам себя на крест,
Готов распять..., но держит жизнь
за локоть.

Для очень впечатлительных натур,
Лишение свободы – злые муки...
Вообразенья властвует ноктюрн, –
И вот тебе развязывают руки,

Распутывают ноги – и вперёд!
Вперёд туда, где ветер, солнце, небо,
Вперёд туда, где вольный твой полёт
Вдруг снова оборвётся так нелепо...

Диалог

– Эй, кровопийцы, будь здоров!
Чью это кровь сосёте снова?
– Мы цедим сок земных даров, –
Деяний наших всех основа.

– Всеядность, братья, – не порок,
Но кровь людскую пить негоже!
– А ты не дьявол? Тон и слог
На речь загробную похожи!

И если дьявол – не злословь.
Сок – для церковного «Кагора»...
– Так, всё же, не людская кровь?!..
– Людская кровь – для алкоголя!..

Болезни тела

Души смертельные увечья –
Гордыню, страсти и азарт
Болезни тела только лечат,
Они – целительный бальзам.

Болезни тела! Сколько муки,
О, сколько слёз, какая боль...
Пройдя телесные науки,
Опять шутить с душой изволь.

Дерутся

И птицы дерутся, и звери,
Дерутся вожди и бомжи,
И, если преданиям верить,
Дерётся с судьбою и жизнь.

Судьба книг

Какие там тысячелетья?!
Для книг остался только миг!
Наступит завтра лихолетье
Необратимое для них.

Нет, не от козней инквизиций,
Не от небрежного меня...
Сгорят нетленные страницы
От электронного огня!

Сгорят! И ни зола, ни пепел
Рассудок мой не помрачат.
Я на экране, словно в небе,
Земную рассматриваю печать...

Инопланетяне

Эти люди там земные
Род ведут свой от Творца,
И не зря шлют позывные,
Как и мы им без конца.

Эти люди озорные,
Словно с улицы пацан
Шлёт в Россию позывные,
Как в хохляндию кацап...

Может, встретимся когда-то,
Позабыв разлуки стыд?
Обольщённый это датой
Бог всем многое простит!

Эти люди с нами схожи,
Эти люди нам родня...
И скафандры, как из кожи,
Словно в шрамах у меня.

А пока что в телескопы
Наблюдаем сообщца,
Где огурчики с укропом,
Миска полная борща?..

Уроки истории

Отстегнув золотые запонки,
Закатав рукава по локти,
Господа наблюдают западные
За восточной страной в бинокли.

Рассуждают потом в эфире,
Что не видно там демократии
И, мол, русские простофили
Все системы перелопатили...

Тише там, господа, ни звука,
Прекратите свои базары!
Если Сталина мало с Жуковым,
Есть и Минины, и Пожарские.

Хорошо, что нельзя историю
Заменить фуфлыжными книгами.
Вы б, ей Богу, не удостоили
Похвалы за разведку Киплинга.

Он-то знал, что везут с Востока,
Он-то знал, что везут на Запад,
Он-то знал, что за око – око,
Есть ушу, ещё есть и самбо...

Белые ночи

Ночи белые, как спящие невесты,
В белых снах, как будто в облаках.
Ночи белые, опять я с вами вместе
Остаюсь невольню в дураках.

Ночи белые – ушедшие девчонки
От меня и от других парней...
Банты белые, задиристые чёлки...
Вспоминать вас с каждым днём
больней.

Ночи белые. Дни красок и ни звука,
Мне такая скудность ни к чему!
О, как долго тянется разлука,
Словно первый в жизни поцелуй...

Шагают кони

Вечерняя звезда зажглась
на небосклоне
Заманчивым, таинственным огнём,
И в сумерках степных к огню
шагают кони,
Идут устало, заморившись днём.

Дороги не видать! Тяжёлые копыта
Ступают, как и тыщи лет назад,
Когда от мук людских,
От мук людских
И пыток
Мечта о воле стала угасать.

Вечерняя звезда горит
на небосклоне
Заманчивым, таинственным огнём,
И в сумерках степных к огню
шагают кони.
Но что они опять увидят в нём?

Казалось мне...

Казалось мне, что в жизни счастье
вечно,
Что только предназначено двоим
И мы идём дорогой бесконечной,
Когда тебя любил и был тобой
любим.

Казалось мне, что нет другой
дороги,
Что нас сопровождает херувим
И мир вокруг не нищий, не убогий,
Когда тебя любил и был тобой
любим.

Казалось мне, что ты на зов явилась,
Что связаны мы намертво судьбой
И нам дана святая Божья милость,
Когда любил тебя и был любим тобой.

Сочинительство

Я стихи пишу для себя,
Для своей, для родной души.
Я в поэзии, как в степях,
Что не знают нигде межи.

За курганом стоит курган,
Заросла травой борозда.
Сразу видно – шёл Чингисхан,
Торопился, но опоздал...

За Днепром не кончалась степь,
На холмах росли ковыли.
Мне в степях только нужен хлеб!
Корка хлеба да пядь земли.

Я стихи пишу для себя,
Для своей, для родной души.
А в степях оратаи спят,
И над ними орёл кружит.

И стихи мои там, увы,
Получаются не стихи.
Слишком много степной травы,
И не видно уже сохи.

Трактора идут, трактора,
И гребут пятернёй плуги...
Мне стихи забывать пора –
Сочинительство для других.

Былое нам будет грядущим!

Услышь, если чуткие уши,
Узри, если остры глаза.
«Былое нам будет грядущим!»
Ты понял, о чём я сказал?

«Былое нам будет грядущим!» –
Пойми, человеческий род.
Так наши нетленные души
Придумали круговорот.

Русский путь

Поэма

*«В России нет дорог – есть только
направления».
Наполеон Бонапарт*

I.
О, Русь... Россия... В эти дни
Куда ведёт тебя дорога?
Вот Пушкин на перекладных,
Вот, как на птице-тройке, Гоголь.
Вот Лев Толстой – крестьянский
граф –
В лаптях идёт по первопутку,
Вот Горький, всем трактирам враг,
На Капри ночью курит трубку.

Вот мир преступный изучить
На Сахалин уехал Чехов,
Вот по булыжникам стучит
На место лобное телега...

II.
Телега жизни! В эти дни,
В дни воровского беспредела,
О, Русь, спаси и сохрани,
Всё, что утратить не успела.
Сама подумай! Без конца
Прогрессу требуется пища.
Последних русских «Два бойца»
Пришли к «родному пепелищу».
Война – земное ремесло,
И победителям – все блага,
Но побеждают не числом –
Уменьем с тыла бить и с флангов...
Россия знает с давних пор,
Чтоб результат был безупречным,
Нужны и плаха, и топор,
И трезвый мастер дел заплечных.

III.
О, Русь... Россия... В эти дни
Куда ведёт тебя дорога?
На посошок со мной глотни
И закуси в мгновенье ока.
Там над тобой орёл кружит,
И солнце, словно мёд, в зените,
И над цветком пчела жужжит,
И речка льна купает нити.
Тревожно перепел вспорхнёт,
Услышав, как лиса крадётся,
И тяжело бадья вздохнёт,
Разбив луну на дне колодца.
Куда ни глянешь – степь да степь,
Полыни запах, молочая,
И для незваных всех гостей
Простор степной курган венчает.

IV.
О, Русь... Россия... Мы одни,
Мы как изгои на планете!
Живём всю жизнь без выходных,
И ни копыа за труд не светит.

Но труд сизифов – мудрый труд.
Он отвлекает от идеи
Иметь цыганский, вольный путь,
Путь без квартир, машин и денег.
Путь, за который не платить,
Путь с регистрацией скитальца...
Из кризиса, как западни,
Уйдём, не шевельнув и пальцем.

V.

О, Русь... Россия... Ну, скажи,
Пусть, наконец, поймёт Европа,
Что сыромятные гужи
Нужней всего для хлебороба.
Ты запрягала не спеша,
На рысаках прикинув сбрую,
И выезжала на большак,
А дальше шла напрапалую.
На вавилонском большаке
Тебе завидовали люди,
Кто, семена на ишаке,
Кто – по барханам на верблюде.
Ты шла, о Русь, на лошадях,
По миру шла ты по привычке,
И развевался алый стяг
На пулемётной шустрой бричке.
О, Русь... Россия... Где твой путь,
Где та дорога столбовая,
Вовек с которой не свернуть...
Неужто впрямь она кривая?
«В России нет прямых дорог! –
Мне слышен голос издалёка, –
Нет ничего... Есть только Бог,
И солнце есть в степи высокой...».

Беда людей

Беда людей всех рас и наций,
Я объясню без лишних слов,
Не в недостатке ассигнаций –
В переизбытке шулеров.

Дорожный мотив

Осторожно, мой сын, осторожно!
Сапоги и ботинки скользят.
И, когда на пути бездорожье,
Предают не враги, а друзья.

Осторожно, мой сын, осторожно!
Потерять нам дорогу нельзя.
В этой жизни, блатной и безбожной,
Предают не враги, а друзья.

Осторожно, мой сын, осторожно!
Нам досталась крутая стезя.
Но в морозном бараке острожном
Предают не враги, а друзья.

Мы все зависим друг от друга

Мы все зависим друг от друга.
Все! От начала до конца.
Зависим от Святого Духа,
От Бога Сына и Отца.

Зависим от живых и мёртвых
И от друзей своих друзей,
Зависим от растяп и вёртких,
И от холопов и князей.

Зависим часто не от умных,
Зависим мы от дураков,
И от гитар от семиструнных,
И от любви, что без оков.

Мы все зависим друг от друга,
Зависим сами от себя.
Смотрю с боязнью и испугом –
До независимости пядь...
И там земля нам станет пухом.

Степная песня

По забытой вотчине,
По степной меже
С думами мне волчьими
Не ходить уже.

Горькими отварами
Душу не травить.
У меня от варваров
Кровь в моей крови.

Запрокину голову,
Посмотрю в зенит.
Пролетая, горлинка
Взор мой осенит.

Все посевы скошены,
Нет ни колоска!
На кургане коршуна
Ветер приласкал.

На забытой вотчине,
Словно по стерне,
В небе тучи ключьями
И закат в огне.

Чибиc

С Дону выдачи нет,
А с Кубани – подавно!
И подался мой дед
В приазовские плавни.
Покормил комаров
И вернулся обратно.
Казаки! Будь здоров,
Всё воюем бесплатно?
За какие корма,
За какие награды
Воевать задарма,
Без земли и без хаты!?
Посмотрел на курган –
Не добраться до Бога!
Не гнепись, атаман,
Не успеет подмога...

С Дону выдачи нет,
А с Кубани – тем паче!
Чёрным стал белый свет,
В камышах чибис плачет,
Как в неволе казачьей.

Вечная память

Награды есть, да некому вручать.
Казалось бы, что случай этот редкий.
На похоронках чёрная печаль –
Солдаты не вернулись из разведки.

А как хотелось приласкать внучат
И похвалить за школьные отметки...
Награды есть, да некому вручать –
Солдаты не вернулись из разведки.

Окопы и траншеи заросли,
Исчезло смерть несущее всем пламя,
Себя солдаты только не спасли,
Оставив жизнь святую нам
на память.

Грачи

Ты слышишь, как кричат грачи,
Кричат так громогласно!
Но мы с тобой здесь помолчим, –
Нам и без слов всё ясно.

Здесь, между небом и землёй,
Среди зелёных веток,
Грачи хотели всей семьёй
Прожить с любовью лето.

Но вот опять – который день! –
От каменной громады
Ползёт кладбищенская тень,
Ей нет уже преграды.

Ты слышишь, как кричат грачи,
Кричат так громогласно...
Делить жильё, делить харчи
В наш век с людьми опасно...

Магия поэзии

Поэзия, коль в сумме,
Любой снимает стресс!
Прочел стихи – и умер,
Прочел стихи – воскрес.

Поэзия, как зуммер,
Даёт сигнал душе,
Что ты ещё не мумия,
Но не живой уже.

Поэзия – зазноба,
Когда любви конец,
Когда уйдёт за гробом
Одно из двух сердец.

Вспомнишь

Вспомнишь, что жизнь коротка,
Вспомнишь, что жизнь быстротечна,
И загремит с молотка
Всё, что берёт безупречно.

Вспомнишь, что всё ни к чему,
Что неизбежны потери,
Да оправданья критерий
Глупому дан лишь уму.

И по велению судьбы,
Вспомнив былые дела,
Вскинешься вдруг на дыбы,
Перекусив удила.

Зимняя Кашира

Воробьи не летят из-под стрех,
Воронье не кричит на заборе,
Вот поэтому дети не в школе –
На коньках покататься не грех!

На дорогах не видно телег,
Кони – дело сугубо мужское,
И ему всё раздолье ямское,
Сам бы взялся за вожжи, да э-э-х.

О, Кашира, ты знаешь сама,
Как пришла в сорок первом зима.
Грели валенки и полушубки,
Но теплей для застуженных душ
Были русские крепкие шутки
И огонь сверхсекретных «катюш».

Успокойся, парень!

Успокойся, парень! Стисни скулы
И сожми до боли кулаки.
Если есть на этом свете дуры,
Значит, существуют дураки.

Успокойся, парень! Это было.
Лучше выпей и ещё налей.
Ревность и меня когда-то била,
Била так, что чуть не окошел.

Успокойся, парень! Ночь в разгаре,
Вон луна кайфует в облаках,
У костра цыганская гитара
Ноет от любви в чужих руках...

Признание

Скажу без лишних слов,
Стал чёрным белый свет.
Я потерял любовь,
И мне прощенья нет.

Ищу свою любовь
Во сне и наяву.
Ищу и вновь, и вновь –
Лишь этим и живу.

С кубанских берегов
К Оке петляет след,
Но где она, любовь?
Ухмылочка в ответ.

Зачем теперь мне кров,
Вечерний благовест?
Нет женихов-рабов,
Нет и рабынь-невест.

Вербная неделя

Я дал ей веточку ракиты –
Смеётся девочка-рахитик
И смотрит мне в глаза доверчиво,
Как на свидании с парнем вечером.

Тот взгляд её ещё случаен,
Тот взгляд беды ещё не чаёт,
Как ты, неделя эта вербная,
Что в день пасхальный свято верила.

Смеётся девочка-рахитик,
Как будто муж её похитил
В стране, где все дела смертельны,
Я крестик ей надел нательный.

Ниагара

Ниагара, ты мне пара,
Вот тебе моя рука!
Не в святой воде купала
С Прикубанья казака.

Драишь ты свои пороги,
Как когда-то драил Днепр,
И пироги, и пороки
У тебя лежат на дне.

Над тобой, как по канату,
У России на виду
Из Америки в Канаду
Я когда-нибудь пройду.

И, напившись до упаду,
Глядя в полночь на луну,
Подойду я к водопаду,
И, перекрестясь, нырну...

Я, как собака

Нищего странника, нет, не облаю,
Не провожу на дорогу в пургу.
Я, как собака, людей понимаю,
Жаль, что помочь им ничем не могу.

Знаю: короче дорога прямая,
Знаю: нигде не останусь в долгу...
Я, как собака, людей понимаю,
Только сказать ничего не могу.

Дров в заповедном лесу наломаю,
Божий огонь на снегу разожгу.
Я, как собака людей понимаю,
Только об этом, прошу, ни гу-гу...

Старый, сутулюсь уже и хромаю,
Но не валю на безвинных вину.
Я, как собака людей понимаю,
Стоит на них краем глаза взглянуть.

Сон

Сонет

Усну и снова вижу давний сон,
Как будто ночью я в степном дозоре
И на меня врагов нещадных сонм
Идёт, чтоб оболгать и опозорить.

А мне в пути ещё менять рессоры,
Монтировать придётся колесо,
Но я держу задиристый фасон
И пробую себя с собой поспорить.

И, как на грех, заправки нет вблизи,
И, как на счастье, кончился бензин.

О, давний сон! Зачем ты снишься
мне,
Зачем ты наяву тревожишь нервы?
Нам не скакать на «розовом коне»,
Который был Пегасом самым
первым...

Сыну

Жизнь – обычная отвёртка
Под строительный шуруп.
Жизнь, как танк «тридцатьчетвёрка»,
Но и деревенский сруб.

В необычное поверь ты,
Мозг не съедет набекрень.
День рожденья и день смерти –
В принципе единый день...

Так устроена природа,
Ей земной неведом прах.
Есть везучая колода
Карт. Она в твоих руках.

Былое

Лежу в саду с закрытыми глазами,
Увиденное раньше узнаю.
Казённые кирпичные казармы,
И на плацу бойцы под марш поют.

В обветренные всматриваюсь лица,
Найдя в заборе узенькую щель.
И завтра марш и песня повторится,
И не исчезнет вражеская цель...

Война прошла. Окопы стали мельче,
Могилы глубже – тех, кто на плацу.
Как я хотел, чтоб там я был замечен,
Чтоб показали издали отцу.

Хотел, чтоб он меня не перепутал
С другими, что глядят через забор.
Хотел, чтоб он заехал на попутной,
А утром от меня – в последний бой...

Под стать...

Крутись, мужик, как можешь,
Вокруг своей оси!
Такое бездорожье
Не только на Руси.

Крутись, мужик, как можешь,
Волчком или юлой!
Могила подытожит,
Ты добрый или злой?

Вращайся до упаду,
Чтоб никогда не встать,
Чтоб ось твою по благу
Была под твою стать...

Крутись, мужик, как можешь,
Как знаешь только сам!
Стоять – себе дороже,
И сопли по усам...

Поминки

Бессмертны не все имена
Меж грешной Землёю и Небом.
Не надо меня поминать,
Не надо ни водкой, ни хлебом.

Даётся не всё для судьбы,
Даётся не всё и не сразу...
Я часто вставал на дыбы,
Теряя рассудочный разум.

И падал то навзничь, то ниц,
Как падают мёртвые люди,
Когда из высоких бойниц
Стреляет в них уйма орудий.

Бессмертны не все имена
Меж грешной Землёю и Небом.
Не надо мне напоминать,
Что жил я и умер нелепо...

Птичий комфорт

Ещё вчера, жуя мякину,
О пайке хлеба я мечтал.
Сегодня, свой бюджет прикинув,
Имею русский капитал.

О, капитал! Чувал, где шило
И деревянные рубли...
Москва чирикает с Каширой, –
Довольны даже воробьи.

Даю и я Нью-Йорку фору,
Пусть знают наших господа!
Привыкну к птичьему комфорту,
И горе будет не беда.

Союз звёзд

Часами я смотрю на небо,
И видно мне сквозь толщу вёрст,
Как ночью спутники нелепо
Стараются создать хаос.

Но там божественный порядок
И звёзд такая красота,
Что может спорить с днями святок,
Вплоть до третейского суда.

Часами я смотрю на небо,
И видно мне сквозь толщу вёрст,
Как непорочен и как крепок
Союз благословенных звёзд.

Спор

В небесах и на земном просторе,
В океане, где не видно дна,
Человеку только дай поспорить,
А ведь в жизни истина одна!

Дай ему поспорить, посудачить,
И до гроба будет он счастлив,
Только в этой жизни нет удачи
И удаче нет альтернатив.

Золотая есть в степи солома,
Во дворе – душистый сеновал!
Вот она, простая аксиома
Для того, кто лошадь подковал.

В солнечном, сверкающем просторе
Иль во тьме, когда не видно зги,
Хорошо с собою мирно спорить,
Чтоб не ела ржавчина мозги.

Поцелуй

Мы на дне небесной бездны.
Снег, да снег, да снег... ни зги!
Поцелуй меня, любезный,
И в огне любви сожги.

Что ты смотришь, словно глупый,
Онемел или оглох?
У меня замерзли губы,
До кровинки ты продрог.

В этой жизни неутешной,
Но единственной зато
Я хочу быть бабой грешной.
Ты ведь тоже не святой.

Поющие цветы

Цветы поют и днём, и ночью,
Поют всё время о любви.
Я убедился в том воочию
И их любовь благословил.

Как их, бывало, обнимали,
Как целовали их врасос...
Иван к своей прижался Марье,
Да так навечно и прирос.

Теперь поют они дуэтом,
Им рукоплещет ветром степь.
Вот так Ромео и Джульетта
Могли б, да не сумели спеть.

Соответствие

Переступил через порог,
Не ведая зачем.
Но если Бог ты, будь как Бог,
А если червь – как червь.

Витай – лучи не ослепят,
Ползи – и будешь цел.
Не обнадеживай себя –
Вот всем один рецепт.

Слово

Вначале знал я слово,
Потом ещё... ещё...
И было так толково –
Сиял румянец щёк!

И говорили чувства
Восторженно в душе,
И не было искусства
Полезнее уже.

И, наконец-то, слово
Без всяких закавык
Сказало мне сурово,
Чтоб прикусил язык...

Однообразие

Разнообразие природы
Нас удивляет тут и там,
Но люди все одной породы,
Одной! Как Ева и Адам.

Вот потому тоска и скука,
Вот потому обман и ложь,
Вот и в любви царит наука:
«Как хороша!.. Ах, как хороша!..»

Разнообразие природы
Нас удивляют там и тут,
Но люди все одной породы,
Однообразно льстят и врут...

Капли

Лик белоснежной Луны,
Лик лучезарного Солнца
В полночь и в полдень видны,
Словно две капли в колодце.

Скучно быть капле одной
Там, в полумраке колодца,
И согласилась женой
Стать недоступного Солнца.

Слились две капли в одну,
Сутками стали земными,
И ни одной не уснуть,
Быть им в объятьях иными.

Предчувствия

Тяжёлой будет, видно, осень,
Суровой будет и зима.
Меня предчувствие заносит
В уже пустые закрома.

Меня предчувствие тревожит
(А чувства выше, чем закон!),
Как будто в Трое держит вожжи
Святой провидец Лаокоон...

О, право вето и эмбарго!
Заходит в Трою квазиконь
И закрома жжёт и амбары –
Свиреп предательский огонь.

Мои предчувствия – лишь повод,
Чтоб знать античности года...
Когда коня ужалит овод,
Держитесь крепче, господа!

Фата

Фата невестам не обуза,
Фата невестам, как престиж.
Престиж полезен и для мужа,
Чтоб карапуза окрестить.

Фата невестам не обуза.
Фата безоблачно чиста.
Она – божественная муза
И как сама любовь Христа...

Фата!.. Вода с небес струится,
И свадьба с песнями идёт,
Чтоб в поколениях повториться,
Чтоб в гром успел перекреститься
С рожденья свадебный народ...

Уж сколько лет

Уж сколько лет ловлю себя
на мысли:
«Ну почему мы, русские, раскисли,
Живём то где-нибудь, то кое-как,
Хотя и ум есть крепкий, и кулак?»

Уж сколько лет ловлю себя
на мысли:
«Каких ещё мы в жизни ищем
истин?
Неужто ту, которая в вине,
В стакане общепитовском на дне?»

Уж сколько лет ловлю себя
на мысли:
«Причём здесь самогонка
или рислинг,
Причём здесь крепкий ум
или кулак,
Когда я сам себе смертельный
враг?»

Уж сколько лет врагам своим
в угоду
Свою родную, кровную свободу,
Предав забвенью прочие дела,
Держу то взаперти, то в кандалах.

Разлука с сыном

Давай, Серёжка, по-морскому
«краба»,
И разойдёмся молча кто куда...
Я многих знал, кто брал беду
нахрапом,
Крушил её... но всё равно рыдал.

Меня уже не ждёт такая участь,
И потому во сне и наяву,
Из-за любви к тебе отцовской
мучась,
Изменницей любовь не назову.

Но не сегодня думать мне об этом,
Беда бедой, а мне иной удел,
Ведь я не провалюсь куда-то, где-то,
Я должен буду жить среди людей...

Урок общежития

Калитка открыта и двери
В забытую всеми избу.
Когда-то в ней люди говели,
Имея семь пядей во лбу,

Усердно молились на небо
И кланялись низко земле.
Обычай того строго требовал,
Обычай на тысячи лет.

Калитка открыта и двери
В забытую всеми избу,
И если преданию верить,
В ней выбрали люди судьбу.

Всем тварям другим в назиданье:
Учитесь, мол, как вместе жить!
И Бог, облетев мирозданье,
Спокойно продолжил кружить...

В стиле ретро

Исчезли все мелочи жизни,
Остались одни монолиты.
И я, человек некапризный,
Пристроился к этой элите.

Все мелочи жизни исчезли,
Которыми был озабочен,
И думаю только о чести,
О совести только рабочей.

Не смейтесь! Те думы не ретро,
Не мысли о сказочном благе,
Клянусь своей честью: не вредно
В стихах доверять их бумаге.

Исчезли все мелочи жизни,
Остались одни монолиты...
Для блага огромной Отчизны
Достаточно малой молитвы.

Надежда

Сыну Сергею

«Увы, надежды больше нет!» –
Вопил отчаянно бродяга.
«Ты врешь!» – сказал ему поэт, –
Надежда – не земные блага.
Надежда – вот она, в душе,
А души наши там, у Бога.
К Нему в небесном кураже
Ведёт тернистая дорога».
«Увы, надежды больше нет!» –
Вопил, безумствуя, бродяга.
«Проверь сперва!» – сказал поэт, –
Но если есть в тебе отвага».

Ступинская любовь

Поэма

I.
Нет, Ступино бы не был, как Россия,
Когда б не ТЭЦ, не хлебзавод, не ПАХ
И вне мирских дорог «Аэросила»
С воздушным поцелуем на губах.
Нет, Ступино бы, как Россия, не был,
Когда бы не поднялся высоко
Однажды быстрокрылый сокол
в небо
Над Волгой, над Кубанью, над Окой.
О, эта боевая птица сокол,
Пока сидишь в чехле ты на руке,
Я буду помнить, что за око – око! –
Как говорят на русском языке.

II.
Я в Ступино попал из Краснодара,
Попал случайно, словно кур в ощиц,
Но после оказалось, что не даром ...
Прочней с годами стала сеть морщин.

Где в Ступине я только ни работал!
В хлораторной, на стройке, в ПМК,
На старом рынке сам «по фене ботал»
И слушал передачу «Облака».

Мне часто снилось, как в «шарашке»

Туполев

В воображении рисует самолёт,
Рисует, словно на заводе в Ступине,
А на Оке идёт последний лёд.

III.

Опять сижу в компании надёжной.
Грибочки, как из бочки, на столе.
Сижу в гостях уже на Молодёжной,
Где не был много долгих зим и лет.
Сижу и слышу, как молотит молот,
Как щёлкают задорно соловьи,
И чувствую, что там, внутри,

расколот

Безумными ударами любви.
А надо обязательно подняться,
Стать на ноги, собрать себя в кулак...
И поднимаюсь: «Ну, прощайте,

братцы,

Я расторгаю с вами брачный брак!»

IV.

Я выхожу один в безлюдный город,
Смотрю ему доверчиво в глаза.
Проспект Победы! Как ещё он молод.
«Пацан послевоенный...», – я б сказал.
Сегодня он капризничает важно,
Возможно, потому, что мэром дан
Ему не ворох разных дел бумажных,
А, словно роза белая, фонтан.
Мне старожилы на слово поверят,
Что, райскую оставив красоту,
На улицах фруктовые деревья
Растут, как в Ботаническом саду.

V.

Запретный плод до восхищенья
сладок,

Вот и пишу любовные стихи.
И столько исписал уже тетрадок –
Святого места нет! Одни грехи.

Одни грехи! Но грех бывает разный
(Ту тайну тайн один лишь знает Бог).
Бывает грех, ну до того прекрасный,
Что спишь с ним еженощно бок о бок...
О, Ступино! Люби и будь любимым,
Сильней любви бывает только жизнь,
Но и над ней горит звезда рубиновая,
Звезда любви, и ты её держись.

VI.

Держись за всё, что есть на белом
свете,
Без этого в России жить нельзя.
В конце концов, за всё судьба
ответит –
С камнями преткновения стезя.
Вот и рассвет. Дождались окна
срока,
Чтоб улыбнуться дворнику
с метлой,
Чтоб городской взлетел на волю
сокол
И соколицу встретил над ветлой,
Чтоб пожелать несчастному поэту
Такую отыскать строку в душе,
В которой бы вместилось всё про эту,
Про эту жизнь, что прожил он уже...

VII.

Язык не смеет нарушать регламент,
Но исключенья в мире есть всему.
Я рассказать хотел о «Панораме»,
О ступинской по-свойски, по уму.
Хотел поведать, как куют подковы,
Как в небо поднимется «Буран»,
Как новый век пришёл к нам –
бестолковый,
А будет уходить, как ветеран...
И мы ещё о том прочтём в газете,
Прочтём! Где будет каждая строка,
Как повесть о Ромео и Джульетте,
О ступинской любви, что в облаках.

Мораль

Бесправие всегда законно,
Качать права, увы, слабо.
И раб у мудрого Платона
Остался до сих пор рабом.

И волк у дедушки Крылова
Ягнёнка на опушке ест...
Всесильно праведное слово,
Когда и стыд, и совесть есть.

Атаман

Атаман, атаман, видишь,
всюду туман?
Не узнать, где враги, где свои.
Атаман, атаман, поднимай свой
шалман
И душой перед ним не криви.
Атаман, атаман, видишь, степь
и курган,
Там лежат в ковылях казаки,
Там прошёл по станицам лихой
ураган –
Зорким взором ту местность окинь!

Атаман, атаман, в предрассветную
рань
По упавшей холодной росе
Мы вернёмся с тобой на родную
Кубань,
Но вернёмся, ты слышишь, не все...

Атаман, атаман ... Самогонки
вот жбан,
Зачерпнём из него по ковцу!
Атаман, атаман, про святую Кубань
На том свете тебе расскажу...

Атаман, атаман, да ведь ты и не пьян,
Да ведь ты и не пьян, атаман!
Так поднимемся вместе в степи
на курган,
Чтоб погибнуть там рядом от ран.

Атаман, атаман ... Пусть играет баян,
Пусть вздохнут полной грудью меха,
И, хоть ты из панов, никакой ты
не пан,
Коль душа не имеет греха.

Атаман! То ли Библия, то ли Коран
Нашу веру признали судьбой!
Мы разделим её, словно ковш,
пополам:
Или смерть на двоих, или бой.

Бытие и сознание

Нет, бытие людское не первично,
Оно обозначает просто быть!
Сознание не мыслит хаотично,
Как Гамлет мыслил: «Быть или
не быть!»

Сознание – всегда всему основа,
Прерогатива светлого ума,
Иначе б не явилось к людям Слово,
Вселенская б не отступила тьма.

На Оке

Невзрачные, стылые тучи
Недвижно висят над Окой...
Погода терпению учит,
Покорности род весь людской.

Вот ветер вздохнул виновато,
Вот вздрогнули ветви рябин,
И дождь, мой любимый соавтор,
Стал тучи, как камни, дробить.

Кувалдой работает, клином
И будет работать, пока
Окрест не улучшится климат,
Господь нас не спросит: «Ну, как?»

Эгоист

Пусть вырвут мне язык,
Пусть выколуют глаза,
Но я, простой мужик,
Всё, что хотел, сказал.

Пусть знают небеса,
Что под чужой оркестр
Не пел и не плясал,
Не продавал свой крест.

Сам собирал дрова,
Сам разжигал костёр
И под свои слова
Себя же распростёр...

Мы!

Не надо нас любить,
Любви мы знаем цену...
Вам только б застолбить
На прибыль пять процентов!

Не надо нас жалеть,
Своя не в тягость ноша.
Сумеет одолеть
Свой путь крутой, хороший.

Нас можно хоронить,
Но мы опять воскреснем!
Нам вечной жизни нить
Чем тоньше, тем чудесней.

Не надо нас любить,
Любви мы знаем цену...
Мы можем сук срубить,
Но корень будет целым.

Не надо нас жалеть,
Уже крепки побеги,
И уясните впредь,
Что мы не печенег.

Практики

Мы, конечно, все диалектики
И останемся до тех пор,
Пока практики с теоретиками
Не закончат свой вечный спор.

Но лидируют, видно, практики,
Им известно, где свет, где тьма...
Им бы только достичь галактики
Человеческого ума!

Надежда, вера, любовь

Когда болезнь расставит сети
И для молитв не будет слов,
Меня спасут от верной смерти
Надежда, вера и любовь.

Я знаю, счастье мне не светит
И будет стынуть в жилах кровь,
Но отвлекут меня от смерти
Надежда, вера и любовь.

Нет ничего на белом свете,
Чтоб возвращалось к жизни вновь,
Да только неподвластны смерти
Надежда, вера и любовь.

Не верить я не мог

О, Боже, наконец,
Хоть ты один скажи,
Терновый твой венец
Кому принадлежит?

«Принадлежит всем вам!» –
С креста ответил Бог...
Божественным словам
Не верить я не мог.

Археологические находки

Я проник в Кремлёвский кабинет
И прочёл безумными глазами:
«У людей проблем при жизни нет,
Кроме тех, что сочиняют сами».

Через много-много долгих лет
Не под потолком – под небесами
Я заметил письменности след:
«Не во вред народу был экзамен...».
И факсимиле – Иосиф Сталин...

Финансы и романсы

«Умным деньги не нужны,
Дуракам их вечно мало!..» –
Голосок пропел жены
Под пуховым одеялом.

«Умным деньги не нужны,
Дуракам их надо много,
Чтоб бюджет семьи, страны
Независим был от Бога!»

Ох, жена, ты, знать, умна,
Нет сомненья в том ни тени,
Персональная казна
У тебя всегда без денег...

Очная ставка

Мать и меня на ставку очную
К отцу впустили поздно ночью.
Там тень по узким коридорам
Ползла решётчатым забором.

И мы ползли всё тише, тише,
Солдат пугаясь в чёрных нишах.
И вот вползли мы, наконец,
В тот кабинет, где был отец...

Там над столом висел портрет,
Точней, живой авторитет
Для всех народов и времён,
А сам портрет был удувлён,
Со мною встретившись глазами,
И шевельнул, как кот, усами.

Отец стоял седой у стенки,
И говорил любимой Ксеньке:
«Я оклеветан... оклеветан...
Письмом, что даже без конверта»...

Тогда отцу сказала мама:
«В станице хлеба нет ни грамма».
И со стены упал портрет,
Забыв про свой авторитет.

Упал с последнего гвоздя
Портрет всемирного вождя.

С тех пор прошло немало лет,
Но я встречаю тот портрет
На улицах и площадях,
В подвалах сумрачных госхрана,
Где и себя он не щадя
Живёт, с людьми порой шутя,
И знает: поздно или рано,
Жизнь будет чествовать тиранов.

И я сквозь скважину замочную,
Сквозь беспредельные года
Смотрю на эту ставку очную
И верю, что прошла беда...

Рыбацкая байка

В этот день на Оке поднялась суета.
Набежала свидетелей масса!
Рыбаки из Каширы поймали кита,
Чтоб отведать китового мяса.

Заварили уху в лозняке за мостом,
Приготовили ложки и водку...
Рассердился вдруг кит и махнул
всем хвостом,

И ушёл невредимым под воду.

О, пора любви, мечтаний

«О, юность, лёгкая моя!»
А. С. Пушкин

Парусиновые туфли.
Восьмиклинка до бровей.
Кулаки от драк распухли
Из-за дамочки червей.

Вот таким себя я вижу,
Вижу, как поцеловал
Королеву красно-рыжую,
Заманив на сеновал...

О, пора любви, мечтаний
И несбывшихся надежд,
Ты таишь людские тайны
От людей одни и те ж...

Дорога к Богу

В кабаке возле чертога
Геркулес и лилипут,
Два бродячих скомороха,
Выбирали к Богу путь.

На челе разгладив думы,
Крепче посох сжав в руке,
Молвил всем старик угрюмый:
«К Богу ходят налегке...».

И добавил у порога:
«Я скажу вам как-нибудь,
К Богу есть одна дорога –
К той, загробной жизни путь...».

Ты одна, Русь

Лучше с умным дрова рубить
В том лесу густом, поднадзорном,
Чем в избе с дураками пить, –
Похмеляться потом позорно.

Лучше жить всю жизнь в тесноте,
Но в своём, но в родном бараке,
Чем в Нью-Йорке иметь отель
И судьбу в нём свою оплакивать.

Да, конечно, на цвет и вкус
Собутыльников даже нету...
Ты одна в этом мире, Русь,
За душой не звенишь монетой.

Ни к чему тебе пустозвон,
Он противен душе и слуху,
Ты одна доверяла трон
Не царям, а Святому Духу.

Происхождение человека

Когда маргышка потеряла хвост
И с дерева спустилась, чтоб искать,
Вместо неё поднялся в полный рост
Какой-то проходимец ей под стать.

Поднялся и пошёл на двух ногах,
Другие ноги сделав парой рук.
Но сохранил в себе звериный страх,
И суету, и жар любовных мук.

Маргышка не вернулась назад –
Вместо неё явился человек.
Он вырубил мотыгой райский сад,
И белый свет под солнцем враз
померк.

Мой род

Мой род по всей Руси крестили,
И он крестами в землю врос
Среди дубов, осин, берёз.
Ему ль лишаться крестной силы?

Ему ль не думать о России,
Во времена метаморфоз,
Когда летел наш паровоз,
А в избах бабы голосили?

Ему ль не слышать благовеста,
Когда в России Бог инвестор!

Мой род не требует реформ,
Мой род в Госдуме не судачит,
Но, чтобы был в душе комфорт,
Врагам даёт достойно сдачи...

05.02.2011

В шесть утра, шестого дня, седьмого месяца

В шесть утра, шестого дня,
седьмого месяца
Встретит рать звериную орду,
И Россия трижды перекрестится,
И на землю ангелы сойдут.

Даст Господь бессмертные им силы,
Даст к сынам своим любовь,
что в Нём.

Кротость и терпение России
Обернутся праведным огнём.

Забурлит народ горячей лавой,
Захлебнутся лаем злые псы.
Будет битва долгой и кровавой,
Как не раз бывало на Руси.

И когда развевет ветер пепел
И воскреснет жизни ремесло,
Ангелы сочтут число на небе –
Зверя озверевшего число.

Три поэта

Данте. Петрарка. Шекспир.
Вот три бессмертных поэта,
Всё рассказавших про мир,
Даже про тот и про этот;

Всё доверявших перу,
Всё доверявших бумаге,
Живших, как Вакх на пиру,
После задиристой браги.

Данте. Петрарка. Шекспир.
Вот три обычных поэта,
И был один сувенир
В память оставлен при этом –
Тьма позабытых сонетов...

Адронный коллайдер

Неймётся! Неймётся учёным,
И опыт поставлен опять.
Неужто в той дырочке чёрной,
Как Бог, будет разум распят?
В подземной, искусственной пуще,
Хоть смейся над этим, хоть плач,
Адронный коллайдер запущен,
Похожий на сдобный калач.
О, жизнь, берегись априори,
Чтоб вспомнить в последний
момент,
Когда мы окажемся в горе,
Опасен был эксперимент.

Все вместе

Развалины древнего Рима,
Рекламы гламурных Афин...
«О, как эта жизнь неделима!» –
Сказал в синагоге раввин.

О, как эта жизнь непонятна!
С рожденья живут наяву,
И волки живут, и ягнята,
Все вместе врагами живут...

Истина

Истина всегда, везде конкретна,
Отвлечённых истин в мире нет.
Истина по-дружески корректна,
Не даёт уклончивый ответ.

Но когда она на дне стакана
Или в бочке, где не видно дна,
Можно проглотить и таракана –
В общепите истина одна.

В ЖКХ – уже другое дело,
Там три шкуры за неё сдерут...
Остаётся обнаженным тело,
Рядом с голой истиною – плут.

Не ищите истин отвлечённых,
И абстрактных истин не найти.
О! Всмотритесь, сколько
обречённых,
Все они на истинном пути.

Июльская засуха

Вогнав деревья в дрожь,
Пролился в полночь дождь,
И тут же моментально всё просохло,
А в полдень краснощёкий появился
вождь
И разукрасил небо жёлтой охрой.

О, золото моё сусальное небес,
Зачем твоя нужна мне позолота?
Я выдержу легко стихийный этот
стресс
И катушу с торфяником болото.

Но пусть прольётся дождь,
И краснощёкий вождь
Пусть станет хоть немного
бледнолицым!
Как ангел будет он в сельхозугодья
вхож,
И я смогу святой водой умыться.

Давным-давно забыл о лидерах,
вождях
И обо всём забыл, что есть на свете,
Лишь помню о степных,
о проливных дождях,
Что приносил во снах когда-то
ветер.

Белогривые кони

Песня

Где-то в дальней дали
След потерян тропы,
Что идёт возле самого сердца.
Там трубят журавли
И встают на дыбы
Белогривые кони из детства.

От зари до зари
Тише топот копыт,
У степного костра не согреться,
Но трубят журавли
И встают на дыбы
Белогривые кони из детства.

Пядь отцовской земли,
Свет родимой избы,
Вижу в памяти – только взглядеться!
Там трубят журавли
И встают на дыбы
Белогривые кони из детства.

Счастья не уловить,
Не уйти от судьбы,
Никуда от бывшего не деться,
И трубят журавли,
И встают на дыбы
Белогривые кони из детства.

Прямая речь

«Не мир принёс я вам, но меч!» –
Слова бессмертные Христа.
Вот так звучит прямая речь,
Когда она из уст в уста.

Когда чернеют небеса,
Для глаз закрыта солнца суть,
Прямую речь не написать,
Запомнить надо наизусть.

Каширские мужики

Вроде бы родились без рубашки
И росли как будто без портков,
Но откуда барские замашки
У каширских бедных мужиков?

Иномарки, магазины, дачи,
Связи в приснопамятном Кремле...
Но в Кашире не прожить иначе
На заросшей на её земле!

Вот и промышляют кто где может
(Разве в мире мало дураков?),
Ссорятся с усмешкой на таможнях,
Мирятся, отведав кулаков.

И родились вроде без наследства,
И росли всем бедам вопреки...
Предскажи, о, Господи, последствия!
Пусть об этом знают мужики.

Преступный мир

Как описать преступный мир
Смогли, чтоб было всем в угоду,
Петрарка, Данте и Шекспир,
Не зная сути подноготной?

О! Часто гении могли
В злодеев перевоплотиться,
Привыкнув к острию иглы
Воображаемого шприца.

Изведав ревность, и любовь,
И радость мнимую свободы,
Преступную играли роль.
Не только гении... народы!

Мнимые враги

Вирусы. Бактерии. Микробы.
Вся микроскопическая мразь
Сколько на людей имеет злобы,
Претендуя на любую власть.

Тараканы. Комары и мухи,
И клопы тревожат по ночам.
Нам они приносят только муки
Как бы между прочим, невзначай.

Ко всему, что есть, придраться можно,
Сделать человечеству врагом.
В этой жизни лагерно-острожной
Я с подобным был уже знаком.

Прямок

Вникая в жизнь стремительно
и прямо,
Великий ощутив её простор,
С сантехниками я попал в прямок,
Где над водою властвовал мотор.

Прямок – это вовсе не арена,
Сантехники, увы, не циркачи.
И мы в воде стояли по колено
Сухими заработать на харчи.

Управились! Работа есть работа.
И не её, а наша в том вина,
Что редко вспоминаем, неохотно,
Как нас пугает грязь и глубина.

Пусть глубина не пропасть и не бездна
И не рискуешь жизнью, как герой,
Но побывать в ней каждому полезно
И обрасти брезентом, как корой.

Запах осени

Запах вечной целины,
Перегноя и навоза.
Ароматам нет цены,
Всё для общего наркоза.

Запах скошенной травы,
Запах зрелой кукурузы
И картофельной ботвы.
Эти запахи для пуза.

Запах красных помидор,
Если пробовать по-русски,
Так и просится на стол
Для изысканной закуски.

Осень – запах овощей,
Что росли на грядках летом
Для засолки и борщей,
Для салатов, винегретов.

Запах осени – букет
Всевозможных наслаждений,
Даже через Интернет,
Если нет наличных денег.

Казачий курень

Сонет

Курень казачий превратился в прах,
Как будто бы и не был он на свете.
А в нём росли, смеясь и плача, дети,
Жил русский Бог и вместе с ним
Аллах.

Кто знал, что всем наступит скоро
крах,
Что пепел разнесёт по миру ветер,
Но жизни лик, как прежде, будет
светел,
Источником послужит всяких благ.

Из пепла возродится птица
Феникс –
Ей революции людские все до
фени!

Курень казачий выстроится вновь,
И будет он крепче славной Трои,
Царить в нём станет вечная любовь.
Любовь и в нашей жизни что-то
стоит...

...Но агнец победит!

*Резюме из «Апокалипсиса»
Иоанна Богослова*

Ликует сатана –
Дожили до беды.
Смерть нам несёт она,
Но Агнец победит.

Гранит дробит волна,
Мир, как вулкан, дымит.
Чья б ни была вина,
Но Агнец победит.

Сусеки без зерна,
На урожай лимит,
И бездна зла без дна.
Но Агнец победит.

Судьба нам не дана,
Что будет впереди?
Война? Пускай война...
Но Агнец победит.

Экстренная новость

Вот вам экстренная новость
Из телепрограммы «Взгляд».
Потеряли люди совесть,
Потеряли все подряд.

Не назвал ведущий местность,
Чтобы людям рассказать,
Где посеяли мы честность,
Что не видели в глаза.

Где заткнули правде глотку,
В оборот пустили ложь,
Души отдали на откуп,
Чтоб им праведно жилось.

Мешок с деньгами

Жестикулируя руками и ногами,
При всех болтая что попало языком,
Паясничал перед людьми мешок
с деньгами,
Хоть был с народом он нисколько
не знаком.

Как уважения хотел, почёта, славы,
Но не достиг за жизнь в итоге ничего.
Теперь валяется на свалке он
дырявый,
И гробовая тишина вокруг него.

Эпоха

Эпоха наша не слаба,
Вот жизнь становится всё хуже.
И я убил в себе раба,
Который с ней единодушен.

Тот раб сильнее был, чем Спартак,
И справедливей, чем Фемида,
А по характеру – простак,
Хотя в уме была коррида.

Да! Я убил в себе раба,
Но осознал, что глупость сделал...
И вот стоит пустой арба
И с ней – безжизненное тело...

Камерный оркестрик

В узкой, тёртой келье каменной
Мне знакомую мелодию
Исполнял оркестрик камерный,
Как симфонию о Родине:

«У России нет союзников,
Кроме русского народа...»
И ещё: «От этой музыки
Жить, ей Богу, неохота!»

Интеллект

Не в пещерах живем, слава Богу,
Не на мамонтов ходим с дубьём,
Не в лаптях пробиваем дорогу
К интеллекту! И скоро пробьём...

Но зачем он нам нужен, убогим,
Падшим низко, святой интеллект?
Он во все времена и эпохи
Приносил человечеству вред.

Караваны прошли и обозы,
Миллион проскрипело телег...
Только не был в дороге опознан
С пользой дела людской интеллект.

Слава Богу! Он нам и не нужен,
Без него нам хватает ума,
Чтоб мы жили всё хуже и хуже,
Дальше некуда... дальше – тюрьма.

Техногенный человек

Рессоры плеч пружинили
под грузом,

А я в уме машину рисовал,
Чтоб в ней спина, похожая на кузов,
Работала, как минский самосвал.

Чтоб ноги, как «колёсики
со скрипом»,

У кладовщиц ходили на виду...
И вдруг слетел я с трапа вместе
с кипой
Хлопка... Слетел на общую беду.

И кладовщицы вскрикнули:
«О, гений!

Ты оплошал в наш двадцать первый
век.

Твой разум мёртв...
Твой разум техногенный...
Твой разум для физических
калек...».

Любовь земная

Любовь земная не имеет лика,
Вообразить его не смог никто.
...Шарлотта, Анна, Фридерика...
То в ярком сарафане, то в монто.

Ещё Шарлотта! Вот и Христиана,
Вот Марианна... Ульрика к тому ж...
Любовь земная, как марихуана,
Какой пред ней гордиться сможет
муж?

Какой жених не упадёт ей в ноги,
Не поднесёт к губам её подол,
Чтоб только засвидетельствовали
боги,
Что он с небесной договор расторг...

Люди

Люди – лишь «колёсики
и винтики»

Одного, живого механизма.
Если б были честными политики,
Жили б мы давно при коммунизме.

Жили б, как у Господа за пазухой,
А не как у чёрта на куличках,
Где у пенсий нет основы базовой,
Вот и экономим всё на спичках.

Но привыкли и живём не бякая,
Как и раньше жили Божьи твари,
Без Никиты... Леонида... Якова...
Нам тамбовский волк теперь
товарищ.

Семейство

Дятлы в этом лесу не стучат,
И во мраке не ухаёт филин.
У волчицы украли волчат,
А волчицу в засаде убили.

И ушли вдоль оврага в село
Трое дюжих мужчин с рюкзаками.
«Повезло!», «Повезло!», «Повезло!» –
За столом восклицали стаканы.

Волк смотрел на хмельную избу,
На дорогу, на лес, на сугробы,
Он испытывал волчью судьбу
Под укусы горячие дробы.

Шесть стволов громыхало с крыльца.
Шесть стволов!
Волк не сдвинулся с места!
Шесть стволов и огня, и свинца
Добивали лесное семейство.

Снова дятлы в лесу том стучат.
Старый волк в своё логово мчится.
Ожидает рожденья волчат
Молодая, с оскалом, волчица...

02.07.2011

Когда-нибудь...

Поэма

Когда-нибудь в безбрежной шири,
В небесном царстве голубом,
Быть может, вспомню о Кашире,
Где Божьим жил, как все, рабом.

Где жил, судьбу не проклиная,
Порою дрался сам с собой,
И Усть-Лаба моя степная
Благословляла этот бой...

Но душам, сверху вниз глядящим,
Забавно будет с высоты
Узнать в Кашире настоящей
Её исконные черты.

Узнать свой дом, где жил с друзьями,
Узнать Оку, вокзал и ГРЭС,
С «Гофроном» рядом – просто яму
С водой... а дальше редкий лес.

Узнать из дали необъятной
Церквей изящных купола,
Кинотеатра вход парадный
С торговым рядом пополам.

Узнать былую «макаронку»,
Тюрьму, полицию, горсуд,
Где осторожно, как коронку,
Снимают ложь, чтоб видеть суть...

Когда-нибудь в безбрежной шири,
В небесном царстве голубом,
Быть может, вспомню о Кашире,
Где пробивал я стенки лбом.

Пробью одну, а там вторая,
За ней ещё бессчётный ряд...
Вот так я добивался рая,
А попадал всё время в ад.

Сообразил ещё при жизни,
Что мой отчаянный народ
Не сможет жить при коммунизме,
Не засадив свой огород.

Я долго думал об Отчизне
В таёжной, рубленой избе,
И становился всё капризней
По отношению к себе.

Стыдился жить в аду крошечном,
Боялся дьяволу служить,
Но, если честно, в мире грешном
Мне интересно было жить.

Мой интерес стал не в угоду
Для разношёрстного жулья,
Который делает погоду
При регистрации жилья...

Когда-нибудь в безбрежной шири,
В небесном царстве голубом
Я расскажу, как потрошили
В России мужиков кругом.

Я расскажу ещё про степи,
Где, наливаясь солнцем, креп
(Он и теперь невзгоды терпит!)
Пшеничный, русский, белый хлеб.

А мы жевали кукурузу,
Да и теперь всю жую,
Но удержу в уздечке Музу,
Чтоб не сболтнуть, как мы живём...

Когда-нибудь в безбрежной шири,
В небесном царстве голубом
Я с днём рождения Каширу
Поздравлю, вспомнив о былом.

Ведь от поэзии до прозы
Я вместе с ней жил, как холлоп,
Поэтому шипы – не розы
Украсят мой воздушный гроб...

Пророчество

Поэма

I.
Всё, что было когда-то,
Повторится и впредь,
Но без рая, без ада,
Где то пряник, то плеть.

Всё, что было когда-то,
Повторится опять.
Нам ли вечный порядок
Поворачивать вспять?

Всё, что было когда-то,
Повторится всё вновь...
И Иуда – предатель,
И Господня любовь.

II.
Я приму всё охотно,
Как небес благодать.
Без иглы подноготной
Невозможно пытаться.

С виселицы саженой
Без пеньковой петли
Невозможно блаженно
Бить челом до земли.

Я приму всё охотно,
Всё возьму на себя
Без России свободной
Наши души скорбят.

III.
Опасаясь покуда
Суть вещать наперёд,
Но пророчество – чудо,
Только если не врёт.

Повторится всё снова,
Даже так, как хотим...
Жить без умысла злого –
У нас выход один.

Не найдём этот выход –
Мир погибнет в огне.
Не поминайте лихом
Откровение мне.

IV.
Я без имени-отчества,
Неприметен мой лик,
Разглашаю пророчества,
Как кудесник-старик.

Мне судьба предсказала
Быть с Россией вдвоём
На военных вокзалах
Под смертельным огнём.

Без отца быть, без мамы,
В оккупации быть,
Но без этой программы
Не имел бы судьбы...

04.10.2011

Да! Бесспорно, земные хлопоты
Нас измучили, как гужи,
Но ведь люди ещё не роботы,
По уму не умеют жить.

Наконец-то открылась тайна
И раскрыт бытия секрет...
Своей глупостью орбитальной
Мы приносим погоде вред.

Резюме

Нет! Повода, чтоб встарь
Вернулось всё, не дали.
И был расстрелян царь
Со всей семьей в подвале.

Власть захватил народ,
Но выяснилось вскоре:
Народ – базарный сброд,
Орёт себе на горе.

Пришли большевики,
За ними – коммунисты.
Защёлкали курки
На пустырях неистово.

Прошли ещё года,
И наступили годы...
Власть взяли господа –
Вновь не видать свободы.

«Свобода там, в тюрьме,
Свобода там, где сила...».
Такое резюме
В стране провозгласили.

Гений

Гений не нуждается ни в чём,
Кроме Богом данного таланта.
Он от светских нравов отлучён,
Как от флота ветхая шаланда.

Гений сам себе во всём судья,
Неподкупен для любой он власти.
Пусть зовут круизные суда,
Открывая люкс-каюты настезь.

Гений не нуждается ни в чём,
Кроме Богом данного таланта.
Для него удобен будет чёлн –
Объяснять смысл жизни дилетантам.

Объяснять – привычка не нова,
Не попасть бы в сети словоблудья!
Гений объясняет в двух словах
Заблужденья, что достались людям.

Гений не нуждается ни в чём,
И за эту мнимую услугу
Он платить талантом обречён
До последних дней Святому Духу.

Франсуа Вийон

(1431 – после 1463 г.)

Я – Франсуа Вийон!
Я с самых ранних лет
Был в эту жизнь влюблен,
Другой, ей Богу, нет.

Я так её любил,
Я так её берёг,
Что сам себя сгубил,
Попав в её острог.

О, влюбчивость моя,
Тебе предела нет!
Ты – плаха, ты – петля,
Ты – свадебный букет.

Но от всего спасла,
На пользу ли, во вред?
Среди добра и зла,
Твой затерялся след...

Пройдите, граждане!..

Я в детстве часто ездил «зайцем».
Трамвай. На окнах гололёд.
Кондуктор дышит ртом на пальцы:
«Пройдите, граждане, вперёд!»

Я вверх смотрю, как из колодца,
Нет, не опасна глубина.
Со мною рядом краснофлотцы,
И якоря, и ордена.

Среди матросов я салага,
И на лице судьба видна.
Я знаю песню про «Варяга»,
Спою – услышит вся страна.

Мне без билета долго ехать,
И ты прости меня, народ,
В душе звучит тревожным эхом:
«Пройдите, граждане, вперёд!»

Я прохожу под звон трамвая,
Я понимаю: мой черёд.
Как будто там – передовая...
«Пройдите, граждане, вперёд!»

Послевоенные трамваи,
Кто ваш теперь оценит труд?
В меня вошли вы, словно сваи,
Почувствовав надёжный грунт.

И до сих пор я вижу, братцы,
Трамвай. На окнах гололёд.
Кондуктор дышит ртом на пальцы:
«Пройдите, граждане, вперёд!»

Лесные думы

Лес моих кончился дум.
Выйдя спокойно из чащи,
Стал на опушке угрюм,
Словно лесник настоящий.

Лес не какой-то горпарк,
Где обойдёшь пень-колоду.
Лес, когда каждый чурбак
Целит попасть тебе в морду.

Лес – первозданный покой,
Лес – это мощь бурелома,
Лес – когда крепкой рукой
В лоб постучал: не все дома...

В бессонные ночи

В бессонные ночи, когда за окном
Лишь звёзды мерцают во тьме,
Я часто мечтаю в тиши об одном:
Чтоб вовремя встретил я смерть.

Курю и хожу от дверей до окна,
Смотрю на дверные ключи...
Неужто опять опоздает она
Иль в дверь не мою постучит!

На улицу гляну. Безлюдно. Темно.
Теперь доживу до утра...
И вдруг за своею сутулой спиной
Как будто услышу: «Пора!..»

Жизнь

Жизнь есть цепная реакция смерти,
Смерти, несущей в себе термояд...
Кто огласить тот феномен замедлил,
Тот узколобый для всех ретроград.
Жизнь есть цепная реакция смерти,
Лучше не скажешь нигде и никак!
Кто сей феномен случайно заметил,
Тот ради жизни сжимает кулак,
Чтоб отмахнуться от дерзких

реакций,

От бесконечных, губительных дел,
От всяких фракции и чопорных

акций

И от всего, где царит беспредел.

Пусть будет так, как есть,
Уже не станет лучше,
И берегу я честь
Свою, на всякий случай.

Пусть будет так, как есть –
Мечты осточертели,
Не слышен благовест,
Замолкли птичьи трели.

Букеты белых роз
В поэзии и прозе –
Души апофеоз!
Всё прочее – в навозе...

Дункан в России

Как на горячей сковородке,
Дункан танцует босиком,
А мужики в косоворотках
Дымят тамбовским табаком.

Невозмутима Айседора!
Она танцует... что скрывать?
Танцует вместо разговора,
На мужиков ей наплевать.

Она танцует всё на свете,
Она танцует всё подряд...
Тунику рвёт мятежный ветер –
Единственный её наряд.

России нынче не до танцев,
В России даже хлеба нет.
Спасал залётных иностранцев
Есенин – признанный поэт.

Любовь с Есениным, конечно,
Случилась! Как же ей не быть?
Но оказалась быстротечной,
Как всё, что в мире без судьбы...

Талант в любые дни бесценен,
Талант опасней, чем капкан.
Погиб поэт Сергей Есенин,
В Париже смерть нашла Дункан.

О, Волга!

О, Волга, колыбель всяя Руси,
Своей водой омойся от упрёков!
Россию взрослую помилуй и спаси,
Не помнящую всех родных истоков.

О, Волга, Волга! Будь, как мать, добра,
Скажи, что ты плоты сплавляла
в греки,

И что до греков ты была мудра,
То подтвердят любые имяреки.

Но если бы не Кама, не Ока,
И не другие, чуть поменьше, реки,
Ты, Волга, древнерусская река,
Великою не сделалась вовеки...

В России любят посудачить

В России любят посудачить –
В верхах ли, около избы –
Как государство околпачить
И о превратностях судьбы.
Как увильнуть от всех налогов,
Как избежать стандартных цен,
Какая в Кремль ведёт дорога,
Какой в Москве бомжей процент?

В России любят посудачить,
Потолковать о том, о сём,
Какие на Рублёвке дачи,
Что за границу мы везём
И что оттуда получаем?
Я был участником бесед,
И в них своей души не чаял,
Как от неписанных газет.

О, человечество!

На миг, о, человечество, замри
И посмотри внимательно на небо!
Не ангелы летят вокруг Земли –
Конструкции, что выглядят нелепо.

Куда они, железные, летят,
Безликие, безмозглые дубины,
Неужто Богу где-то угодят
Огнём смертельным адские
турбины?

На миг, о, человечество, замри
И вспомни, как Всевышнего молило,
Чтоб твой Икар не покидал земли,
Пока над ним небес паникадило.

Пока вокруг ещё цветут сады
И зреет на опушках земляника...
Безумный ум, не трогай красоты,
С восторгом лучше на неё
взгляни-ка!

Оригинал

Трагедия? Смахну слезу привычно.
Комедия? Смеяться не порок.
Всё, что я в жизни делаю, –
вторично,
И в том успеха моего залог.

Трагедия? Смахну слезу привычно.
Комедия? Смеяться не порок.
Но мне оригинал приятен лично –
Как искренности чувств в душе урок,
Хоть есть ошибки в лабиринте
строк.

«Рыбалка»

«Ну, как твой праздничный улов?» –
Спросил я у соседа,
И улыбнулся Бобылёв:
«Ловил без всяких сеток!»

Ловил без лески, без крючков,
Бамбуковых удилиц.
Улов я выиграл в очко,
Смотри, сейчас увидишь...».

И выбросил на грязный стол
Измятые купюры.
Купюр валялось тысяч сто...
«Ну, как мои акулы?»

«Да, Бобылёв, улов хорош! –
Сказал я мимоходом, –
Вот только сам ты, словно ёрш,
Колючий с каждым годом.

Когда тебе изменит масть
И будет денег жалко,
Поймёшь, что есть на свете власть,
Как у супруги палка...

Смех

Смеялся он долго и громко,
Смеялся задорно пока,
Шёл с посохом верным, с котомкой
Туда, где живут облака.

Смеялся над всем и над всеми,
Казалось, что это смешно,
Но истины вечное семя
Сказало: «Смеяться грешно!»

Грешно и смеяться, и плакать,
Тем паче простым мужикам,
Тем паче в таёжных бараках,
Где чувствам поставлен капкан...

Не слышно в лесах больше смеха,
Не видно отчаянных слёз.
Сугробы безмолвные снега
Сковал безмятежный мороз.

На Старом Арбате

Как ты здесь оказался, комбат,
Не Афган ведь, а Старый Арбат?
Взрывом что ли сюда занесло
Боевое твоё ремесло?

Успокойся, я дам закурить.
БТР над ушельем уже не горит,
Он лежит на подбитом боку
Где-то там, далеко от Баку.

Он лежит много зим, много лет,
Как войны той безумной скелет,
А тебе, как Божественный дар,
Выпал этот, в Москве, тротуар.

Видишь, люди проходят толпой,
Знать, в Афгане закончился бой,
И твой труп волочёт санитар,
Вот на этот, в Москве, тротуар.

Не волнуйся, товарищ майор,
Так в России даётся жильё,
И даётся в богатой стране...
Но удобное, словно шинель.

Мольба

Как страстно ангелы молили,
И Бог услышал, наконец!
Отец и мать в одной могиле
Лежат без свадебных колец.

Лежат! Земля им стала пухом,
Одной-единственной стезёй,
Земля, ухоженная плугом,
Омыта кровью и слезой.

Как долго ангелы молили,
И Бог услышал их мольбу.
Всё, что имели, поделили
Родители... но не судьбу.

Я смотрю на Каширу своими глазами

Я смотрю на Каширу своими глазами.
Хоть на это с рожденья имею права!
Сколько бедную «дочь Мономаха»
терзали,
Сколько жгли на угле, на солярке,
дровах...

Сколько сплетен о ней распускали
по миру,
Сколько слухов враждебных
прошло сквозь неё,
Я своими глазами смотрю
на Каширу.
О, языческих нравов моё мумиё!

Ты сгодились бы мне для душевных
бальзамов
И для стимула жизни над вечной
Окой...
Я смотрю на Каширу своими
глазами,
Как на холст Левитана, где тишь
и покой...

Райские кущи

Там, где мрак оборвётся и тьма,
Где покой разольётся по телу,
Перекрестит судьба нас сама
И приставит к безгрешному делу.
Будет время беззвучно идти,
Как идут по пескам караваны,
И на том бесконечном пути
Нам не встретится кто-то коварный.
Будут души кристально чисты,
И воспрянет высокая вера.
Но вокруг ни мерцанья звезды,
Ни дыханья вселенского ветра.
Онемеют, остынут уста,
И оглохнут, как мёртвые, уши,
И войдём мы во имя Христа
В наши вечные райские кущи.

День библиотек

Когда вхожу в библиотеку
И вижу массу разных книг,
Я понимаю: человеку
Уже не обойтись без них.

Какие б ни были интриги,
В наш просвещённый этот век
Мне не прожить без умной книги,
Тем паче без библиотек.

О, эти книги, книги, книги!
Вы посох мой в мирском пути.
Я ваши вечные вериги
Не сдам, как многое, в утиль.

Не затушу паникадило
В читальном зале. Не из тех...
Не буду ни за что унылым –
Всемирный День библиотек.

Четыре жрицы имяреку
Кивнут с улыбкой на окно,
И я увижу в нём аптеку,
Нарсуд, где не был я давно...

Возьму стихов различных книжку,
И в дверь на улицу упрюсь...
Библиотека! Ты мальчишку
Спасла... По-взрослому клянусь.

Жертва

Никогда мне не хотелось верить,
Но теперь скажу, в конце концов:
Люди хуже, чем бывают звери,
Жертву взяв в смертельное кольцо.

Звери жертву разорвут на части
И съедят, чтоб голод утолить...
Люди будут мучить жертву часто,
Их ничем нельзя остановить.

Люди растерзают жертве душу,
Вздёрнут на железные крючки,
Как свиную на базаре тушу,
И рубят после на куски.

Будут жертву продавать, как мясо,
Предлагать по рыночной цене...
Хорошо, что жертв подобных масса,
Алчные нажрут, слава снедь.

Никогда мне не хотелось верить,
Но теперь скажу, в конце концов:
Люди хуже, чем бывают звери,
Жертву взяв в смертельное кольцо.

Польза переадресовок

Сорок тонн кавказских груш
Ан-10 взял в Норильск.
Деликатный этот груз
Испытал смертельный риск.

Груш Норильск не принимал,
Груз ушёл на Магадан,
С Магадана – в Нарьян-Мар,
Там был груз на базу сдан.

Груши были просто смак!
И о том составлен акт –
Отправитель не дурак...
Деньги делают вот так.

Ржаной калач

Жизнь устроена идеально,
Словно к рюмке ржаной калач.
И изучена досконально:
Каждый в ней сам себе палач.

Можешь голову моментально
Потерять с непутевых плеч,
Можешь речью своей опальной
В мёртвом сердце огонь разжечь.

Очень многое в жизни можешь
Хладнокровно и сгоряча,
Но когда дела подытожишь,
Смотришь – дырка от калача...

Свет в тоннеле

Что за свет в конце тоннеля
Взят глазами на прицел,
Словно луч в тени аллеи,
Как в руке врача пинцет?

Может, свет тот просто спичка
Ради яркого костра,
Может, дикой страсти вспышка,
Победившей в душах страх...

Что за свет в конце тоннеля,
Как слезинка на лице?
То в сверкающих шинелях
Радиации процент...

Пламя атомного взрыва
Не прошло само собой.
Всё закончилось счастливо –
Человеческой судьбой...

Привычка

Из опилок сделаю подушку,
Из соломы – царскую перину.
Жить начну теперь на всю катушку,
Хватит тратить деньги на мякину!

Раньше экономил я на спичках,
Пробую теперь на зажигалках...
Бедность – это русская привычка,
Кровное бросать, ей Богу, жалко.

Барачная драка

Я расскажу не об уличной драке,
Где матерщина и пьяный угар...
Воры вора убивали в бараке
Только за то, что он пайку украл.

Я рассказал бы об этом подробно,
Да ведь барачная драка не цель...
Били ногами под дых и по рёбрам,
Чтобы следов не нашлось на лице.

Били безмолвно, бескровно,
без риска,
Били, как в кузнице молот-металл!
Били за то (если смерть будет
близко),
Чтобы укравший, хоть мёртвым,
но встал.

Били его не за мелкое дело,
Били, чтоб понял преступный подтекст.
Выбили душу, и вздрогнуло тело:
«Братцы! Простите,
украл не у тех...».

Песня цыганки

Эти серьги, эти кольца
И янтарные мониста –
От луны мне, и от солнца,
И от ветра, что неистов.

Эта кофта, эти юбки,
Эти стоптанные туфли –
Для такой, как я, голубки,
У которой глазки – угли.

Эти серьги, эти кольца
И янтарные мониста –
Чтоб душа не беспокоилась,
Чтобы сердце было чистым.

Эй, чавэло!

Эй, чавэло! Брат лихой,
Что ж молчит твоя гитара?
Лошадь по траве сухой
От шатра идёт устало.

Вот и бричка без колёс,
И костёр какой-то тусклый,
Не цыганский и не русский.
Глянeshь – по спине мороз...

Чёрные костюмы

О, эти черные костюмы,
О, эти смокинги и фраки!
От вас идут в России тюрьмы
И политические драки...
Кто станет вашу смерть оплакивать?

О, эти чёрные костюмы,
О, эти смокинги и фраки!
Все ваши личные триумфы,
Как лагерей в тайге бараки...
Кто станет вашу смерть оплакивать?

О, эти чёрные костюмы,
О, эти смокинги и фраки!
Былые вам напомнить думы,
Забыли, где зимуют раки?
Кто станет вашу смерть оплакивать?

О, эти чёрные костюмы,
О, эти смокинги и фраки!
Наш век, увы, не самый умный,
В петлицах отцветают маки.
Кто станет те цветы оплакивать?

Лень

Лень поселилась во мне,
Как плесень, как грибок.
Нет, не пришла она извне,
Я сам ей в том помог.

Лень разрасталась не спеша,
Пускала корни вглубь,
И обленилась душа,
Ум, как дурак, стал глуп.

О, лень людская! Ты как тлен,
Как мой грядущий прах,
Тебя встречаю каждый день
С проклятьем на губах.

Мне нет спасенья от тебя
И избавленья то ж...
И, праздность бытия любя,
Я стал к труду негож.

Лень поселилась во мне,
Как плесень, как грибок.
Нет, не пришла она извне,
Не пропустил бы Бог...

Вера

Великим я верю не очень,
Порою не верю совсем,
Но Гегель создал, между прочим,
Одну из бессмертных систем.

Взял тезис, к нему антитезис,
И в синтезе вышел итог.
Помог ему в этом ликбезе,
Как после признался он, Бог...

И в этом я Гегелю верю.
И с верою этой помру.
Согласен на высшую меру
За то, что безбожники врут.

Чем дальше от Москвы

Чем дальше от Москвы,
Тем тише и спокойней,
Среди степной травы
Пасутся мирно кони.

И жаворонка трель
Слыша на всю округу!
Мне кажется отсель
Обязаны мы слуху.

Чем дальше от Москвы,
Тем люди благородней.
Чай, фрукты и бисквит
В саду и в огороде.

А крынка молока
Коровьего, парного
Напомнит облака
Для бытия земного.

Чем дальше от Москвы,
Дешевле все продукты,
Но цены им, увы,
Диктуют репродукторы.

Чем дальше от Москвы,
Тем языки короче,
Но русский алфавит
Никем не опорочен.

Чем дальше от Москвы,
Тем ближе я к России,
К деревьям вековым,
К полям, к небесной сини...

Предчувствие

Капризной, видно, будет осень,
Ещё капризнее зима.
Меня предчувствие заносит
Туда, где будут закрома.

Меня предчувствие тревожит,
Как за Окой собачий лай!
Где вспоминают часто вожжи
И сталинский колхозный край.

Меня предчувствие терзает,
И не во сне, а наяву:
«Спасут ли старые Мазаи
Зайчат, что к нам уже плывут?»

Кто на бревне, а кто на сене,
Вдали от отчих берегов.
Но я предчувствую спасенье
И от собак, и от волков...

Общага

Уважаю я общагу –
Непосредственный народ!
Там закон – назад ни шагу,
Но ни шагу и вперёд.

Там закон – закон коммуны,
Человеческий закон:
Самых смелых, самых умных –
В крепкий, лагерный загон.

Я когда-нибудь покину
Этот выстраданный рай.
За общагскую «малину»,
Господи, не покарай.

О, бессмертная общага,
Смертных в жизни выручай,
Завари покрепче чай,
Коль не помогает чага.

О, душа!

Чем ночь длинней, тем день короче
И меньше света и тепла.
Никто подобного не хочет,
Но так, увы, идут дела.

Чем меньше страсти, чувств, эмоций,
Тем больше наглости и лжи.
Рубли не в счёт – хрустят червонцы,
Но так, увы, желает жизнь.

Чем больше зла и сквернословья,
Тем меньше счастья и добра,
И нет, увы, ни в чём основы
Без плахи и без топора.

Ломка

О, что подумают на небе,
Когда услышат страшный треск?
Ломать сознание, как мебель, –

Не изгонять из сердца стресс.
Ломать сознание, как сучья, –
Не избегать тернистых троп.
Ломать сознание при случае
Способен раб или холоп...

Ломать сознание не значит
Творить всему наперекор.
Но если тянет жить иначе,
Башку – на плаху, под топор...

Эй, послушай!

Эй, послушай, имеющий уши,
Что такое обычная жизнь.
Жизнь – момент, постоянно текущий
В Царство Божие, как в коммунизм.

Эй, послушай, имеющий уши
И влюблённые в небо глаза.
Мне давались не райские кущи,
А в болотах с клещами леса.

Обходить те леса было глупо,
И шагал через них напролом,
Видел шуструю ведьму со ступой,
Водяного с дубовым пестом.

Эй, послушай! Я жизни обычной
Приготовил такой комплимент,
Да сказать его честно, публично
Не пришёл подходящий момент.

Вот, блин!

Вот, блин, новоявленные господа!
Беда неотступна, а горе,
А горе всё время идёт по пятам,
Идёт, как татаро-монголы.

И нет избавленья – уйти на тот свет,
Уйти, всё оставив на этом,
Уйти, всё оставив на этом, так ведь
Креста не найдёшь за кюветом.

Гордость великоросса

Я горжусь, что в России родился,
Я горжусь, что родился я русским,
И как русский мужик матерился,
Водку пил натошак без закуски.

Я горжусь, что родился в России,
Я горжусь, что родился я русским,
И что Бог не лишил меня силы,
Чтоб я вынес судьбы перегрузки.

О, великие братья славяне,
Я горжусь, что в России сегодня
Есть монеты ещё деревянные
И кресты на соборах Господних.

Но пускай принесёт эта гордость
Поднебесную вовремя кротость.

Родная речь

Кашира. Ступино. Жилёво.
Какие русские слова!
И так в строку ложатся клёво,
Как в печь дубовые дрова.

Жилёво. Михнево. Платформа...
Забыл, какая там верста.
Но я улёгся так комфортно,
Лишь на Речном вокзале встал.

Встал, повторяя слово в слово
Чтоб не забыть родную речь,
И, кстати, вспомнил Матюково,
Где даже нечем пренебречь.

Храм на Советской

Я пришёл из степи половецкой
И от имени братьев лихих
В храме книг, первом храме
советском,
Сочинил о России стихи.

Про татаро-монгольское иго,
Про рабоче-крестьянскую власть...
Получились стихи антикнигой,
Наругался с ней с глазу на глаз.

Я пришёл из степи половецкой
И в Кашире, над вечной Окой,
В храме книг, что стоит
на Советской,
И смиренье обрёл и покой.

Текущий момент

Сонет

Как в цементе, в текущем моменте
Всё: что было, что будет, что есть.
И на храме Спасителя крест,
И восставший «Потемкин»
на рейде.

От Иисуса Христа до Альенде –
Как с греховной земли до небес,
И везде указующий перст,
Как играть музыканту на флейте.

Как в цементе, в моменте текущем
Обезвожены райские кущи
И запретные гибнут плоды,
Не раскрыв своей благостной сути,
Но моменты настолько тверды,
Что их твёрдость никто не осудит.

Зов сердца

Всё чаще себе говорю я: «Айда
Туда, где прошло твоё детство,
Где память оставила шумный
майдан,
Кубанских казачек кокетство».

«Айда! – говорю я всё чаще себе, –
Айда! А не то будет поздно,
И ты не узнаешь колхозных степей,
Уставших от жизни обозной.

Айда! Твою улицу смёл Краснодар,
Зарос камышом Карасун.
Айда! Миг прощанья ещё не настал,
Скупись на мужскую слезу...».

Всё чаще себе говорю я: «Айда
Туда, где прошло твоё детство...».
Явлюсь в Краснодар. «Ну, привет,
господа...».
О, как на Кавказе приветствуют!

Волчий вой

Цивилизация. Прогресс.
И грёз небесный шёлк.
Лес без зверей и птиц умолк,
А как шумел окрест!

Цивилизация. Прогресс.
И грёз небесный шёлк.
«Потерян к жизни интерес!» –
Взвыл на опушке волк.

И, чтоб услышать этот вой,
Взглянуть мельком на лес,
Своей рискуя головой,
Волк в оцепенье влез...

Волк видел красные флажки
И слышал голос свой:
«Что рты раскрыли, мужики,
Стреляйте! Я живой...».

Жизнь цыганская

Сонет

Попостимся до утра.
Кто голодных нас осудит?
Даст Бог день и пища будет!
Жизнь цыганская мудра.

Эй, чавэло, у костра,
Разве к чаю нет посуды?
Все шатры, палатки, юрты

Так абсурдны без ведра.
Да и брички без колёс –
Не единственный курьёз.

Потерявшим счастье где-то
Не поможет и карета...
Жизнь бродячая воспета,
Так как вечно под запретом.

Помню, стояли в обнимку

Помню, стояли в обнимку,
В кепках цветов набекрень...
Словно стояли для снимка
Розы, жасмин и сирень.

Радость цветам не в новинку,
Радостно было самим...
Помню, стояли в обнимку...
Розы, сирень и жасмин...

Не испугались угрозы
В сквере цветущем цветы.
Срезаны белые розы –
Слишком уж святы, чисты,

Белыми-белыми были,
Белыми, как первый снег.
Розы об этом забыли,
Снова цветут для утех.

Помню, стояли в обнимку...
Розы, жасмин и сирень...
В сквер этот я на поминки
Буду ходить каждый день.

Замкнутый круг

Я на себя был вечно зол –
Не соответствовал мечтам.
Но с чувством радости прошёл
По всем по «ленинским местам».

Мне говорили: «Слышишь, друг,
Чужой не радуйся беде,
Когда замкнётся жизни круг,
Поймёшь, что был и ты в петле».

Земля

Поменьше щебёнки, асфальта, бетона,
Побольше небесной воды и навоза,
И будет за это земля благосклонна,
Как тело, ожившее после наркоза.

Как тело, ожившее в мёртвом окопе,
Где кровью омытый шёл бой
рукопашный,
Где пахнут сегодня петрушкой
с укропом

Большие и малые русские пашни.
Поменьше мазута, угарного дыма,
С космических станций отбросов
опасных.

Как жаль, если станет земля
нелюдима
В низовьях Оки и в верховьях
Лопасни.

Запах

Сонет

«Нигде не пахнут так фиалки,
Как у любимой под окном», –
Шептал учёный агроном
Всю ночь безграмотной свинарке.

Горячий запах шёл солярки
И заполнял собою дом,
Как будто дымом и огнём,
И умолял цветы: «Помалкивайте!...»

То запах был земли и неба,
Он своего простора требовал.

А вы, под окнами цветы
И в дорогих хрустальных вазах,
Ваш запах – тайна дел святых,
Давно оплаченных авансом.

Стихи о божественной любви

Меня умоляла женщина,
Витая в небесах,
Чтоб я о любви божественной
Стихи ей написал.

Ах, о любви? Пожалуйста!
Напишу вам одной:
«Любовь – постельные шалости
Меж мужем и женой».

Третье исключено

Буднично иль торжественно
(Третье исключено!)
Умирать рядом с женщиной
Буду я под луной.

Под песни и под танцы,
Под тост за упокой,
Под нежное: «Останься,
Любимый, над Окой.

Среди берёз и елей
На этом берегу,
Где мы всем надоели,
Где мы у всех в долгу...».

Дьявольски иль божественно
(Третьего не дано!)
Мимикой, словом, жестами
Я умру всё равно.

Только нельзя опаздывать,
Надо успеть как раз,
Чтоб жизнь свою отпраздновать
В лоне любовных ласк.

Совсем разнуздалась погода!

Совсем разнуздалась погода!
Ну что ей людской календарь?
Людской календарь для народа,
Народа, чтоб жил он, как встарь.

А ей, межпланетной стихии,
Наскучил порядок земной.
Нашла во Вселенском архиве,
Что лето бывает зимой.

Совсем разнуздалась погода!
Ну что ей людской календарь?
Приходит небесная мода
Без снега, мороза и льда...

Утешение

Что корешок бессмертия женьшеня,
Что на устах шекспировский сонет –
Нет утешенья! Утешенья нет,
Ни в чём нет никакого утешенья.

И бытие есть суть уничтоженья.
А глупость озаряет белый свет.
Вот стержень тот, где кроется секрет
Гуманного, но человекощенья.

Нет утешенья! Утешенья нет,
Ни в чём нет никакого утешенья.
Ни от своих придуманных побед,
Ни от чужих проигранных сражений.

Житейские картинки

Когда Адам пахал, а Ева пряла,
И ротозеев не было окрест,
Как жизнь была близка от идеала,
Как честно каждый нёс тогда свой
крест.

Когда Иван пахал, а Марья пряла,
Москва уже роптала неспроста:
«Беда идёт! И хлеба будет мало,
И мало домотканого холста...».

Меня не раздражали эти слухи, –
Своей судьбой доволен был вполне!
Я хлеб носил в избу своей старухе,
Она портки за это шила мне...

Дружок

Я подошёл к нему: «Привет!
Ну, как живёшь, Дружок?
Щенком любил ты белый свет,
Стёр зубы в порошок!..».

Он долго смотрит мне в глаза,
Как бы слепой – во тьму.
Он хочет главное сказать
И знает: не пойму...

Тогда он лает мне в лицо,
И мне понятен лай:
«Среди лжецов и подлецов,
Хвостом, брат, не виляй».

«Нет, не виляю, друг Дружок, –
Я говорю в ответ, –
Всё было б в жизни хорошо,
Друзей надёжных нет!»

А я в селе живу, как барин

Мне пишет друг: пропал ты, парень,
Напрасно, мол, в село залез...
А я в селе живу, как барин,
Грибов и ягод полон лес.

Конечно, нет концертных залов
И не работает метро,
Но самогончка под сало
И сухари – ликуй, нутро!

По воскресеньям топят баню,
Переступи её порог –
И ты уже не то, что барин,
Ты, в самом полном смысле, бог...

Но я сегодня не об этом,
Я извиняюсь зело,
Не затерялось, друг мой, где-то
Моё кондовое село.

На косогоре, подбоченясь,
Стоит у мира на виду.
Пойдёт, коль нужно в ополчение,
Любую выдюжит беду.

Таких вокруг селений тыщи,
И я, мой друг, тебе клянусь,
Что дураков там не отыщешь,
Жива исконная там Русь.

Соучастие

Когда я слышу голос меди
Или в душе тяжёлый сдвиг,
Нет, я не думаю о смерти,
Я беспокоюсь о живых.

О тех, кто внял чужому горю,
Кто разделил с тобой беду,
О них сегодня я глаголю
И не пустую речь веду.

Я говорю: «Истоки счастья
На той, где сердце, глубине,
Где боль и муки соучастья
Тебя касаются вдвойне».

КПД человека

Поэтическое эссе

Я – продукт XXI века
И в бессмертных науках ослаб.
Подсчитать КПД человека
Может только египетский раб.

Он воздвигнул в песках пирамиды,
Изваял Афродиту. Но как?
Тот секрет объясняют мне гиды,
Объясняют на всех языках.
Не поймут современные люди,
Что секрет тот – всего лишь масштаб.
И верблюды едят без посуды,
Из ладоней по капле пьёт раб...

Я – продукт XXI века,
Марширую со всеми вперёд.
Казино. Ресторан. Дискотека.
Мой маршрут по трясине и вброд.
Надоели вожжи-мизантропы,
Опостылел тюремный режим.
Я последний, кто истину пробовал...
Как цветы её были свежи!
Как степные чисты её росы,
Как парят в поднебесье орлы!
И как жалят железные осы
Добела раскаленной пилы.
Я – продукт XXI века.
Специальность моя – ширпотреб.
От румяных отвык чебуреков,
Привыкаю сущёный есть хлеб.
О, забыл я поведать о пользе
Человеческих, в общем-то, дел.
Но об этом когда-нибудь после,
Чтоб амбиций крутых не задел.
Из закрытых, небесных докладов
Я забавную мысль уловил:
Хвастовство, воровство и бравада
В человеческой бродят крови.

Я – продукт XXI века –
Что ж, что вышла такая судьба, –
И от имени всех имяреков
Умоляю: цените раба!
И в Египте, и в Древней Элладе,
И в других отдаленных местах,
И в России легко с ним поладить
Ради пользы и ради Христа.

КПД человека ничтожен,
Потому мало действий благих,
А корыстных хватает – дай боже!
Вот такие пока пироги...
Не пора ли забыть нам о пользе,
Развращающей наши тела?
Мы стоим и в граните, и в бронзе,
И в цветах постоять мастера!
Чтоб воспели в стихах нас и в прозе,
Чтоб дивились потомки нам вслед,
Как, мол, мы на таёжных полозьях
Гнули спины свои не во вред.
КПД человека – карьера,
В лучшем случае равен нулю.
Если так, человеку есть мера,
Вот об этом я и говорю.

Если вылезу дальше из кожи,
Как из гусеницы мотылёк,
Все равно КПД мой ничтожен,
Словно павшей звезды уголёк.
Если даже Вселенной предела
Я достигну сквозь бездну веков,
Всё равно там мне нечего делать
Без заокских, степных васильков.
КПД человека без веры,
Без надежды, без вечной любви
Жил бы в нас, словно образ

Химеры,

Но мой век его благословил...

Эта жизнь XXI века,
Нам не давшая славных имён,
Создана не по божеским меркам,
Но никто уже не удивлен.
Мы не помним библейских заветов,
Мы не чтим даже Имя Христа,
Мы живём между мраком и светом,
Мы свои оскверняем уста.
Я в наряде былом скомороха,
Гримируюсь порой допоздна.
Хорошо это всё или плохо,
Мне, увы, не позволено знать.

14.01.2012

Водоворот

Поэма

I.

Не достигнуть мне идеала
Ни за что, никогда, нигде.
Я и буквы пишу с овалом,
Словно вилами по воде.

А воды в мире нет стоячей,
Кроме формулы H_2O ,
В жизни был потоп настоящий.
Мне, счастливому, повезло!

Повезёт, может быть, и завтра,
Если будет потоп опять...
Я потомок ихтиозавров,
И волны не пугает прядь.

Нет воды на Земле стоячей,
Кроме формулы H_2O !
Мне, как Ною, пришлось маячить
В океане – сломал весло.

Но кораллов спасла преграда,
И на берег наверняка
Я в окрестностях Аларата
Бросил якорь без коньяка.

Дни идут, как в распутье клячи,
Я стою, словно страж слепой.
Нет в природе воды стоячей,
Есть общественный водопой.

II.

О, вода! Это ливни, льдины,
Это утренняя роса,
Это тот поцелуй единый,
Души ждущий на небесах...

Чтоб мы рано не умирали,
Чтобы крепость была в кости,
Нам источники минеральные
Радость жизни несут в горсти.

Мы, бесспорно, приспособленцы
И воды набираем в рот,
Чтоб махровые полотенца
Не попали в водоворот.

И не мыкались между нами,
Не терялись в конце концов.
Если к нам подойдёт цунами,
Мы подставим ветрам лицо.

Я подставляю лицо и руки,
Чтоб стихию ту сокрушить!
Жаль, что нету такой науки –
После смерти под небом жить.

Но вода будет жить и суша,
Жить под солнцем и под луной.
Ось земную, вдвоём нарушив,
Восстановят любой ценой.

Восстановят! Даю вам слово
У Галактики на виду,
Чтоб Земля не попала снова
В неожиданную беду.

III.

Нет воды вокруг нас стоячей,
Всё меняется, все течёт.
Только Бог, к нам любовь таящий,
Исключение. Он не в счёт.

Только Он освящает воду
И советует нам всегда:
Если нет для спасенья броду,
Находите в себе свободу
Без помощников, господа!

О, вода! Колыбель народа,
Ты качаешь весь мир земной
От заката и до восхода
И под солнцем, и под луной...

Я не верю базарным слухам,
Я не верю ни в рай, ни в ад,
И когда во рту жжёт и сухо,
Вижу мысленно Аларат.

Вижу Ноев ковчег разбитый
И поломанное весло,
Вижу, как говорят пииты,
Каплей падает Н₂O!

07.04.2012

Автострада

Поэма

Где, мужи, вы, как крижи,
Где лихое бездорожье,
Где, о, Русь моя, скажи,
Кто твои удержит вожжи?

Кто подбросит дров в костёр,
Где колодец с звёздным небом,
Где божественный простор,
Ветром пахнувший и хлебом.

Где сосновая изба,
Где тропа к ручью в крапиве,
Где ты, русская судьба,
Без опричнины и гривен?

Где вы, брички и гужи?
Вон, как женская помада,
Кочевую красит жизнь
Окружная автострада!..

Я проехал много вёрст,
И пешком прошёл не меньше.
Автострада, ты меж звёзд,
Как Венера среди женщин!

Что людские все грехи,
Под берёзой и осиной?..
Как французские духи –
Запах русского бензина...

Время чувствуют не все.
Наше время, как шарада!
Современное шоссе,
Словно стрелки циферблата.

Современное шоссе
Всем водителям на благо!
На проезжей полосе
Не бывает без аншлага.

Современное шоссе
Для рекламы сервелата,
Шоколада, монпасье,
Лишь в конце пути – расплата!..

Мне Господь дал всё, что мог,
Безвозмездно дал, на счастье,
Даль безбрежную дорог,
На обочинах – запчастей.

Дал ещё посты ГАИ
Автотранспорту в нагрузку..
Да огнём она гори,
Если езжу я по-русски!

По душе любой маршрут,
Где просёлки и тропинки.
«Я водитель! Я не плут...», –
Улыбаюсь из кабинки.

Я забыл про страх и риск,
Я лечу быстрее, чем птица!
Ну, прощай, мой Усть-Лабинск,
Здравствуй, матушка-столица!

Мне Господь дал всё, что мог,
Безвозмездно дал, на счастье,
Принимай, мол, скоморох,
Богатей! Теперь ты частник...

И свои пути тебе,
Отдаю! Владей открыто.
Средь лесов и средь степей,
Автострада – жизни свиток...

Я добрался до Москвы,
И расчёты улетели!
Улетели! И, увы,
Богачи осточертели.

Вот и думаю с тех пор,
Что любовь, как автострада.
Перегреется мотор,
Не мотор уже бравада!

Автострада! Ты судьба,
Ты моя отныне доля,
Без тебя бы я пропал.
В дни дорожного застоя,

В дни твоих душевных мук,
В дни телесного ремонта,
Каждый овощ, каждый фрукт
Помогал тебе без понта.

Помогал тебе и я,
Где киркой, а где лопатой.
Продвигалась колея
Не кривой и не горбатой.

И от этой колеи
Шла, ликуя, автострада,
По рельефу шла Земли,
Шла туда, куда ей надо...

Автострада, я твой путь
Знаю, как свои пять пальцев.
Встретимся когда-нибудь
На досуге после танцев

И поведаем о том,
(Как влюблённые друг другу!)
Что принадлежим кругом,
В основном, Святому Духу...

Но и грешный есть у нас,
Как преамбула для ада,
Бьёт всегда не в бровь, а в глаз,
Словно вилы – конокрада...

Автострада, по прямой
Нам и море по колено!
Будь, красавица, со мной,
Чтоб одна не околела...

11.05.2012

Весенний эскиз

Не было дратвы и шила,
Не было модных портных,
Не было швейных машинок
И технологий крутых.

Всё же поспела обнова
К Божьему сроку, к весне!
И на земле моей снова
Стаял безудержно снег.

Снова весна, как невеста,
В русское поле пришла,
Чтоб женихов поприветствовать...
А женихам нет числа!

Тот скоморохом на сцене,
Тот на трибуне, как перст,
Тот как собака на сене...
Всё для гламурных невест.

Всё для забавы, потехи.
Но для крестьянки беда!
Стаяли белые снеги,
Что после них, господа?

Что после них в русском поле,
Может, подскажет эскиз?
Мне бы хотелось без боли
Взяться весною за кисть.

05.05.2012

Гитара

Где же песня та витала
В грусти и тоске?
Слушай, друг, поёт гитара
На морском песке.

Чей же слух она ласкала
У прибрежных скал,
И кого волна искала,
Показав оскал?

Слушай, друг, поёт гитара
На исходе дня.
Ей цыганка нагадала
Пожалеть меня.

Будет день, и будет пища –
Так заведено.
При луне за голенищем
Уж не вспыхнет нож...

Пой, играй, моя гитара,
Под морской прибой,
Жизнь на день короче стала,
Наша жизнь с тобой...

04.08.2012

Ничто не вечно?..

«Ничто не вечно под луной,
Ничто не вечно!» –
Сказал я женщине одной
Чистосердечно.

«Да, жизнь, – ответила она, –
Нам скудно светит,
Но в том виновен сатана,
Он лишь в ответе!»

«Нет-нет! – я даме возразил, –
Виновны оба.
Нам не дано сознаться сил,
Что это проба.

Что это наш эксперимент,
Что это шутка...».
Жизнь изменить в один момент?
Как это жутко!

А ведь меняем иногда,
Меняем круто!
И остается навсегда,
Навечно – углость.

10.11.2012

Вот дела так дела!

Вот дела так дела!
Вновь мой дух вместе с телом.
Жизнь как сажа бела,
Крепко к ним прикипела.

Этот кровный союз,
Как сургуч на конверте.
Распечатать боюсь,
Но смогу после смерти.

Эх, была не была!
Дух ликует и тело,
И поют, как пила,
Чувства все оголтело.

И стучит, как топор,
Сердце, кровью объято,
Разум мыслит забор,
Дом, калитку во двор,
Чтоб вернутся обратно...

04.08.2012

Парадоксы жизни

О, человечества изъяны...
Но парадоксы хороши!
Враги становятся друзьями,
В грядущем видя барыши.

Друзья становятся врагами,
Попав в земной круговорот,
И всё на свете вверх ногами
Идёт... Безмолвствует народ!

И только жизнь освоив эту,
Познав, что горе не беда,
Глядишь – и кануло всё в Лету,
От парадоксов нет следа.

01.09.2012

Души желание

Ах, как душа желала
Соты наполнить мёдом!
(Только б не было жала) –
Сладость была не модой.

Горечь теперь в законе,
Пчёлы уже в загоне,
И холода порою –
Смерть пчелиному рою.

Ах, душа-королева,
Нет в саду твоём древа,
Чтобы со всем народом
Пчёлы остались с мёдом.

Храни

Забудь о том, что впереди,
Не думай о былом
И настоящее в груди
Храни, как отчий дом.

Храни, как колыбель свою,
Храни, как вечный зов
Которой ты сказал: «Люблю!»,
Не зная любви основ.

Косноязычие

Сонет

Чего хотите от меня,
Скажите честно, ясно, чётко,
Как будто вычистите щёткой
Следы духовного огня.

Нет-нет! Былого не кляня,
Не тарактите, как трещотки,
Не полируйте пол чечёткой –
Престиж не стоит свой ронять.

Косноязычие прекрасно,
Косноязычие – секрет,
Когда как будто нет согласных
И гласных звуков в речи нет!
Зато во рту такой эффект,
Как будто полон рот конфет...

Каверзный вопрос

Как этот каверзный вопрос
Мозолит мне глаза!
Ну, где он ха́ос, где хао́с,
Кому и как сказать?

Пока крепка земная ось
И держат тормоза,
Вопрос: где ха́ос, где хао́с –
Горючая слеза.

Но не кляни свою судьбу
Ни в шутку, ни всерьёз.
Кто знает, в лоб или по лбу
Ударит сей вопрос?

08.12.2012

Желания

Бесспорно, хочется пожить
Красиво и безбедно...
Начну и я педаль крутить
Тропой велосипедной.

– Куда так радостно летишь? –
Сердито спросит ветер.
– Красиво жить не запретишь! –
Отвечу из кювета...

Хромая, выйду на тропу –
Не откажусь от цели!
Красиво лечь хочу в гробу
На отпеванье в церкви.

Безбедно лечь и при свечах,
Не зная недостатка.
Желаний пыл в душе зачах,
А смерть целует сладко...

Есенинская «Цыганочка»

Во время путешествия по Европе с Айседорой Дункан Сергей Есенин в периоды меланхолии и ностальгии пел «Цыганочку».

«Вечер, поезд, огоньки,
Дальняя дорога.
Сердце ноет от тоски,
А в душе тревога...».

Пел Есенин для себя –
Слушала Европа.
Словно мчался по степям
На коне галопом.

Для себя Есенин пел,
Знал: в России горе...
Сочинил бессмертный перл
Аполлон Григорьев.

Данность

Чьё право и покой нарушу,
Когда, преодолев ненастье,
Открою собственную душу
Для счастья будущего настеть?

Чью власть всеильную нарушу,
Пройдя тропую вечных терний,
Глаза имеющий и уши,
Чтоб благовест звонил вечерний?

Чью силу воли обезличу,
Когда, в лесной глуши блуждая,
От скуки запою по-птичьи,
Всем певчим птицам угождая...

Права, и власть, и сила духа,
Тишь безмятежного покоя
Даны для чуткого нам слуха,
Чтоб мы готовы были к бою...

Я жил в России и живу

Я жил в России так, как мог,
Жил в счастье и в беде.
Об этом знает только Бог,
Он обо мне радел.

Я жил в России и горжусь,
Что я в России жил.
Что нёс её тяжелый груз,
Тянул её гужи.

Я жил в России и живу
Наперекор врагам,
В бою могу упасть в траву,
Как матери к ногам...

Стихия

Всю жизнь меня куда-нибудь заносит.
То на чердак, то в тамбур,
то в подвал,
И любопытно, что никто не просит,
Чтоб в тех местах я гостем побывал.

Всю жизнь меня куда-нибудь
заносит.
Как будто бы несёт девятый вал
На тихоокеанские откосы,
Чтоб там стихию я расцеловал.

О, годы жизни! Вы прошли, лихие,
Но я ещё сказал друзьям не всё...
Быть может, беспокойная стихия
Куда-нибудь, как прежде, занесёт.

Желудок мой

Желудок мой! Тебя ругаю гневно
За жадность, неразборчивость твою,
За то, что пищу портишь ежедневно,
А я всегда голодным остаюсь.

Подводные лодки всплывают
ночами
На несколько кратких минут,
И честь отдают им тогда
мурманчане
Под траурный звёздный салют.

Мы – русские

О счастье народном все песни
пропеты,
Все арии опер, все злые частушки.
Нет! Нам над собой не добиться
победы,
Пока не изменим характер свой
русский.
Вот если б мы сели на велосипеды,
Вот если б на спины тюки
перегрузок...
Нет! Мы не добьёмся моральной
победы
Над бочками вин и котлами закусок!

Какие давали мы клятвы, обеты,
О том всей истории русской
страницы.
Нет! Нравственной нам не добиться
победы,
Мы гордые люди великих амбиций...

* * *

*«Познай самого себя».
Сократ*

Не старайся познать себя!
Бесполезное это дело.
А познаешь – поймёшь, скорбя,
Что поспорил с душою тело.

Не к добру приведёт разлад,
И закончится злая ссора
Тем, что будут и рай, и ад
Укрываться твоим камзолом.

Хандра

День прошёл, и солнце село.
Ветер наконец-то стих.
И в окне за вечерело,
Как на небесах пустых.

Стало как-то неудобно
И рассудку, и душе,
Словно в этой жизни скудной
Я когда-то был уже.

Ждал, когда наступит утро,
Вспыхнет солнце надо мной,
А пока что перламутровой,
Обходился я луной.

Засияли звёзды вскоре
И сверкали до утра!
И петух на частоколе
Мне кричал: «Ну, где хандра?»

Новогодний сонет

Ну, прощай, мой старый год,
Навсегда прощай, навечно!
Видно, в жизни безупречной
Надоел тебе комфорт.

Прихвати и бутерброд,
Чтобы путь был интересней.
В канцелярии небесной
Любознательный народ...

Спросят, выбившись из сил:
«Есть ли ёлки на Руси?».

Отвечай, что есть и палки,
Сучья есть и даже пни.
Расскажи, что есть и пайки,
Есть и праздничные дни...

04.01.2013

Время мчится

Сонет

Время мчится, набирая скорость,
Может, отказали тормоза?
Я боюсь о том при всех сказать:
Всё-таки не пушкинская волясть.

Что ж, что упрекнёт с годами
совесть,
Истина откроет мне глаза.
Скорость – разухабистый азарт,
Но сегодня разве это новость?

Мир тревожит призрачная тема:
Время мчится, не сбавляя темпа!

Время мчит в пространстве
без дорог,
Время мчит повсюду без преграды,
Время мчит, а вот поди ж не впрок,
Этому безумно люди рады.
22.03.2013

Близко роковая встреча

Подтверждаю письменно и устно,
Словно очевидец – с первых рук,
Что в душе моей темно и пусто,
И темно, и пусто от разлук.

Скорби нет! Но где душа живая,
Почему не слышен сердца стук?
Значит, близко, близко роковая
Встреча, что трагичней всех разлук.
22.03.2013

Границы

Куда бы всё вокруг ни шло
И что бы нам ни говорило,
Таит в себе добро и зло,
Таит надёжней, чем могила.

И цель людского ремесла,
Что в поколениях хранится, –
Определять добра и зла
Нерукотворные границы.
30.09.2014

О, если б

О, если б жил я так, как все
Живут на белом свете,
Я б сумасшедшим стал совсем –
Никто б и не заметил!

Я б стал безумен, как дурак, –
Дурак не наказуем,
Дурак – совсем не страшный враг,
Но он непредсказуем...

Союз

О, как прекрасен был союз,
Земной союз добра и зла!
И я в который раз клянусь,
Что дружба эта нас спасла.

Спасла от мелких ссор и дразг,
От кровной мести и от войн
И не дала упасть нам в грязь
Лицом на чистой мостовой.

Теперь владычит только зло,
Теперь царит одна вражда,
Лишь задним, как всегда, числом
Союз мне снится иногда.

Союз всего, что в мире есть,
Союз народа и вождя,
Союз, где будет сделан крест
Мне без единого гвоздя...

Энтузиазм

Как быстро время пролетело,
Быстрее, чем тройка вороных,
И вот уже душа и тело
Плетутся на перекладных.

Тащатся медленно, устало,
Как будто свой забыли путь,
Как будто впрямь настала старость
И вышло время отдохнуть...

Эй, дорогие пассажиры,
Куда исчезла ваша прыть?
Или совместно вы решили
Реку забвенья переплыть?

А я останусь на пароме
Один... и воя, и скуля.
Ведь одного не похоронят,
Без тела не возьмёт земля.

А без души я стану эхом
И для земли ни то ни сё...
Давай, братва! Садись, поехали,
Смотри, как нас уже несёт!

И быстро время пролетело,
Быстрее, чем тройка вороных.
Друзья мои, ни к чёрту дело
Бросать в пути людей родных –
Энтузиазма нет у них.

Не стоит жечь того, что не горит

Не стоит жечь того, что не горит,
А что горит – само воспламенится,
Так истина простая говорит,
И мы должны за то ей поклониться.

Не стоит пламя адское тушить,
Огонь исчезнет в темноте кромешной,
Когда коснётся праведной души,
Пройдя терзання и мученья грешной.

Дымят кряжи. Стираются гужи.
Нас не волнует эта аксиома,
Но, по-земному начиная жить,
Тревожит истин прелея солома.

Красота

Фигуры плавные изгибы,
Лица изящные черты!
О, красота... и жизнь, и гибель,
И все цветущие цветы!

В тебе всех граций совершенство,
Но встретить лишь такую рад,
Где обоюдное блаженство
С душой почувствует мой взгляд.

О, красота... Не будь уродства,
Не будь начала всех начал,
Не будь на свете благородства,
Тебя б нигде я не встречал.

Власть

На небесах крутая власть –
Власть молнии и грома.
Но может и она пропасть,
Забыв законы Ома.

Забыв, что все мы на весу,
Как звёзды и как грозы,
Что власть любая – лишь абсурд
И прочие курьёзы.

На небесах крутая власть,
Власть сатаны и Бога,
Чья подфартит в итоге масть –
Туда нам и дорога.

Среди кладбищенских оград

Среди оград, надгробий и крестов,
В той тишине, что людям
и не снилась,
Витает запах умерших цветов,
То от земли усопшим Божья
милость.
Но есть ещё не взятое в расчёт
Небесное, таинственное благо...

Река забвенья в никуда течёт,
Пловцы плывут – воскресшие
из праха.
Они плывут во тьме – кто в рай,
кто в ад,
Не чувствуя привычного испуга,
Они плывут все вместе...
Все подряд...
Схватившись как живые,
друг за друга...

Из сборников

«Зодиак» (2006 г.)

Внуку Денису

Ну что, Денис Сергеевич,
как жизнь,
Познал с ремнём и пряником науку?
Я, дед твой, говорю тебе: «Держись!
Держись, малыш...», –
я говорю как внуку.
Впивайся в жизнь зубами,
как в арбуз,
Рви, как пустые фантики, на части...
Ты, вижу, настоящий карапуз
И дел великих славный соучастник.
Ну что, Денис Сергеевич,
как жизнь,
Какие нам нужны ещё игрушки?

Я рассказать забыл тебе, кажись,
Как немцы били нас, мальчишек
русских!
Об этом словно рыба я молчу,
Такое вспоминать при взрослых
стыдно.
Но часто снится речка Зеленчук,
Которую с Казбека только видно.
Ну что, Денис Сергеевич,
как жизнь,
Далась легко, как сон счастливый
в руку?
Вот видишь, как весёлые стрижи,
Стараются развлечь земную скуку!

Казацкое терпение

В саманных хатах образа
От Усть-Лабинска до Тамани.
В одной из них отец сказал:
«Терпи и станешь атаманом».

Я как чужой теперь в степи,
Мой тихий взгляд тоска туманит,
И говорю себе: «Терпи,
Что ж, что не будем атаманить».

Но обожжет щеку слеза,
И вновь услышу над курганом:
«Терпи, казак, терпи, казак,
Терпи! И станешь атаманом».

Тост

Нам ли, русским, мучиться
с похмелья
И всю жизнь подсчитывать гроши?
Ну-ка, растяни гармонь, Емеля,
Ну-ка, Ванька-Встанька, встань,
спляши!

Затяни «Дубинушку», Гаврила,
Песня эта больно хороша.
Подождёт бездонная могила,
Русская ещё жива душа.

Нам негоже умирать без боя,
Так не умирают на Руси!
После невёселого запоя
Рукавом, но надо закусить.

Выспаться, кваском опохмелиться,
Засучить по локти рукава.
Это говорю не я – традиция!
Остальное в жизни трын-трава.

Эх, какую красу угробили

Эх, какую красу угробили
На рассвете, в начале дня!
Мужики, кто загнал в оглобли
Необузданного коня?

Неужели потащит бричку
Этот конь, словно вы – суму?
По холопской своей привычке
В гриву вцепится зло хомут.

Неужели, как змеи, вожжи
И плетёный цыганский кнут
Входят важно в архидорожный
Для движения атрибут?

Неужели вы все оглохли
И молчите, судьбу кляня?
Мужики, кто загнал в оглобли
Необузданного коня?

Пряники

Эх, и пряники! Чудо пряники!
Горе горькое – не беда!
То Конек-Горбунок упряменький,
То красавица молода.

Ну, и пряники! Сила пряники!
Для холопов и для бояр.
Эти пряники, словно ратники,
Презируют любой базар.

То Жар-Птица, той Змей Горыныч,
То ликующий Колобок.
Наконец-то, Русь, цены рыночные,
Покупай все товары впрок!

Только, чу! Господа, без паники,
Что за глупый ажиотаж?
Соль и сахар – ещё не пряники,
Хлеб насыщенный ещё не ваш!

В эти пряники – нет, не пряности
Не разбойники-соловьи
(Солоухины или Прядкины!)
Думы вкладывали свои.

«От первого лица» (2006 г.)

Во имя Каширы

Моя Кашира

Поэтическое эссе

То щебет берёз белоствольных,
То шёпот осенних аллей,
То звон над Окой колокольный,
То в небе букет голубей –
Из всех городов подмосковных
Кашира моя красивей!

То взгляд из-под чёлки
влюблённый,
То взлёт острокрылых бровей,
То к жизни в претензиях скромных
Поёт, как нигде, соловей –
Из всех городов подмосковных,
Кашира моя красивей!

То снег и лошадка, и дровни,
То кран, как журавль средь полей,
То русский характер исконный
Показывает суховеи –
Из всех городов подмосковных,
Кашира моя красивей!

То вижу я лик её скорбный
Среди деревенских церквей,
То – в обществе девушек скромных,
Похожих на сказочных фей –
Их всех городов подмосковных,
Кашира моя красивей!

Не волнуйся, Кашира

Ничего! Перебьёмся, Кашира,
Перетерпим сплошные посты,
Без хурмы, ананасов, инжира,
Шашлыка, что не смеет остыть.

Перебьёмся, ей Богу, Кашира!
Беспредел пережили, разброд –
Нищета – идеальная ширма,
За которой рождается фирма,
Где умнеет беспечный народ.

Не волнуйся напрасно, Кашира,
Видишь, птицы слетелись к тебе,
И горбушку весна раскрошила,
Значит, птицам под окнами петь.

Над Окой

Стану над Окой, раскину руки,
Вот она, Кашира, вся как есть!
Кислый запах бурцевской сивухи,
С колоколен сладкий благовест.
И течёт Ока неторопливо,
А куда, зачем реке спешить?
Можно и в России жить счастливо,
В горле суховея не запершит!
Можно и в России делать деньги,
И какие деньги, господа!
В скважинах Топканово и Зендиково
Ключевая, русская вода.
Стану над Окой, раскину руки,
Постою наедине с молвой,
И нырну, как после оплеухи,
(Чтоб остыть!) с горячей головой.

Маленькая Русь

От слов своих вовек не отрекусь,
И на правах простого старожила,
Я повторю, чтоб знали, что Кашира,
Кашира – маленькая Русь.

Ну что ж, что в ней печаль, тоска
и грусть,
И не копьё в руках её, а – шило!
Оно! Оно судьбу её вершило.
И хвороста стоял хрустальный
хруст...

Теперь на берегах Оки есть ГРЭС,
Есть потребители энергии окрест.

Их много развелось по всей России,
Не только русский в ней народ
живёт,
И пришлым местных хочется
осилить,
Да только говорят в Кашире:
«Вот!..».

Пушка на Пушкарской

Отстрелялась пушка
на Пушкарской,
Да не покидает свой редут.
Из Коломны, Ступино, Зарайска
Пушкари к ней едут и идут.

Постоят. Посмотрят. Повздыхают.
Вспомнят все смертельные бои.
И команда оживёт лихая:
«Забивай снаряд! Фитиль пали!»

Отстрелялась пушка
на Пушкарской,
Но не покидает свой редут.
Это не легенда и не сказка,
И не то, что языком плетут.

Это суть истории Каширы,
Всей России православной суть...
Гаубицы есть и есть мортиры,
Есть и Божий... неподкупный суд...

XIV век

Четырнадцатый век.
Москва из брёвен.
Неглинка размывает берега.
Весёлый Водолей и грустный Овен
Подались на каширские луга.

Четырнадцатый век. Москва
Москвою,
Но есть свои, родные рубежи.
И только волки за холмами взвоют,
Мужик туда с рогатиной спешит.

Храм Николы Ратного

В храме Николы Ратного
Держат крест кирпичи
И молву благодатную:
Здесь крестили мечи!
Нет пути нам обратного,
Подходи, кто плечист,
В храме Николы Ратного
Прежде – совесть очисти!
Снежная, а не ватная,
Будет снова зима...
Дай, Бог, Николе Ратному
Дров в лесу задарма.
Нет ничего бесплатного,
Платим за всё – увы.
Отдадим, если надобно,
Жизнь мы ради Москвы.
Плата – вещь благодатная.
Как её оценить?
В храме Николы Ратного
Виден души зенит...

Провинция

Сонет
Отцвела медоносная, старая липа,
Утонула в колодце ночная звезда.
Возле будки, где вечно росла лебеда,
Так по-детски щенок на ошейнике
всхлипывал.

То власть, что знает наперёд,
Её стихия – высшей пробы!..
Санкт-Петербург закован в лёд,
Кашира втиснута в сугробы.

Нева безмолвна и Ока,
И берегов не дрогнут веки...
И продолжают облака
Плыть из варяг, как струги, в греки...

О, Русь моя

О, Русь моя

О, Русь моя, безбрежная страна,
Для всех ветров открытая обитель!
Однако есть Кремлёвская стена,
Которую я б лучше и не видел.

Но за стеной всем бедам вопреки
Царь-колокол гудит,
Гремит Царь-пушка,
И так затылки чешут мужики,
Что шапки словно пляшут
на макушках.

О, Русь моя, не знаешь ты границ,
Ни в радости, ни в горе нет предела,
И сколько б ни было в руках твоих
синуц,
Ты в небе журавля иметь хотела...

Россия, Россия...

Берёзы, осины,
Гармонь у крыльца...
Россия, Россия,
Тому нет конца.

Изба покосилась,
В оконце – луна...
Россия, Россия,
Судьба не дана.

Старушка без сына,
Сынок без отца...
Россия, Россия,
Война без конца.

То вор, то насильник,
То крест, то сума...
Россия, Россия,
Сплошная тюрьма.

Зачем ты приснилась
Ромашкой в полях...
Россия, Россия,
Невеста моя.

Русь моя

Русь моя! Страна лаптей и кваса,
Родина рогатин и ракет,
Где в Английском клубе сам
Некрасов
Соблюдал лишь русский этикет.

Русь моя! Страна сплошных овец,
Родина бесформенных реформ,
Бесконечных лжеприватизаций,
От которых в душах дискомфорт.

Русь моя! Взойдёт твоё ярило
Над землёй короной золотой,
Будешь в жизни ты всему мериллом,
Как в литературе Лев Толстой.

Русская идея

О, прозрачная, русская идея,
Сводившая всю жизнь меня с ума.
Я, как на Бога, на тебя надеясь,
Взял посох твой, и вот твоя сума.

О, жертвенная, русская идея,
Сводившая всю жизнь меня с ума,
Любовь моя к тебе не оскудела,
С тобой делю земные закрома.

И о Москве, как третьем Риме,
Нет смысла, господа, мечтать.
Не тот... не тот в России климат,
Чтоб райским кушам был под стать.

А то, что были авантюры,
Что возвышал умы обман,
Так ведь не зря снимали шкуры
С тех, кто, увы, попал в капкан.

Заздравный тост

Встань, Россия, в полный рост!
Сколько можно быть покорной?
Встань, вздохни всей грудью полной
И скажи заздравный тост.

Пусть твой инородный гость
За столом сидит спокойно,
Хоть дорогой шёл окольной,
Поломал и стек, и трость.

Встань, Россия, в полный рост!
Встань под знамя Первой конной,
Там Чапаев и Будённый,

И Пархоменко, и Щорс,
Кочубей... но есть ещё
Змий, твоим копьём пронзённый.

Числа

*А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот...
Гумилев*

Что же в том постыдного, Отчизна,
Что церковный крест не целовал,
Что для низкой жизни были числа,
Для высокой – вещие слова.
С дырками от бубликов в кармане,
С пустотой вселенской в голове,
На высоком, на степном кургане,
На снопах колхозных я говел.

Возвращаясь на волах в станицу
(Нет прогресса в мире ни черта!),
Для небесной манны я пшеницу,
Переveyал и пересчитал...
О, Отчизна, ты зело капризна,
Словно в приснопамятные дни.
То ли свадьба будет, то ли – тризна,
Числа и слова кругом одни.

Терпи, Россия...

Терпи, Россия, и молись
В одеждах белых, как невеста.
Среди икон, свечей и риз
Душа твоя ждёт благовеста.

Молись, Россия, и терпи,
Идёт по кругу жизни чаша.
Нам всё равно всем вместе пить,
Хоть самогон налит, хоть чача...

Терпи, Россия и молись,
Немало дел ещё и прочих.
Вот волки рядом... столько лис,
Что выпускать пора бы гончих...

Терпи, Россия, и молись
В одеждах белых, как невеста...
Юнгфрау станешь или мисс –
В избе храни на печке место...

Земля

Земля... она, конечно, вертится
Вокруг такой своей оси,
Что сразу даже не поверится,
Как в обещастья на Руси.

Земля... она, бесспорно, кружится
Ничуть не хуже, чем юла,
Но как и где набраться мужества,
Вскричать на радостях – ура!

Земля... она ещё вращается,
Да-да! Вальсирует на ять.
Ей всё, единственной, прощается,
И, к счастью, нечего терять...

Духов день

Сонет

Поднимайся, Русь, с колен!
Не хватает разве духа?
Или ты уже старуха,
Ведь сегодня Духов день.

Обуяла, может, лень
Или кончилась краюха?
Ну, вставай же, бляха-муха,
Видишь, я беру ремень!

Дух высок твой, как зенит,
Встань! Крестом пусть осенит.

Встань! И будешь крестной силой,
Будешь праведным мечом,
Будешь той в миру Россией,
Что манит всех калачом.

Заверни-ка, любезный

Заверни-ка, любезный, к трактиру,
Пусть колёса чуть-чуть отдохнут.
Мы успеем, сам знаешь, в могилу,
Об колено сломав жизни кнут.

Вон хозяин ни трезвый, ни пьяный,
Сам стоит у раскрытых ворот,
И Россия, как двор постоялый,
Где народ – то назад, то вперёд.

Батраку, и попу, и банкиру
На Руси дал Бог долю одну...
Заверни-ка, любезный, к трактиру,
Я трактирщику долг свой верну.

Беспредел

Не в натуре русской мелочиться,
Нет закона, значит – произвол!
Вот и совесть – светская волчица.
Вот и стыд – тамбовский волк.

Вот и честь теряет силу духа,
Крутится, где может, как юла,
Но пера ей больше из-за уха
Не достать! Гусиного пера...

Астральный календарь

Боже мой! Какие дни настали,
А прошли уже какие дни?
Неподкупен календарь астральный –
Чувствам человеческим сродни.

Вон какое над Россией небо,
Только здесь с него сойдёт Господь.
Будет слышен над Окой молебен,
И окрепнет Духом наша плоть.

Эх, Россия! Разве это дело,
Разве нас Господь учил тому,
Чтобы чувства враждовали с телом,
Чтобы разум погружался в тьму?..

Календарь не для того астральный,
Чтоб смотреть какое там число?
Боже мой! Уж если дни настали,
Значит и с ночами повезло.

Вернувшись к Богу

Уже не наступит время,
Россия, седлать коней!
И смерти железный лемех
Не тронет живых корней.

Уже не узнаем срока,
Когда на святой Руси
Кусали себя за локоть,
Да грешным не укусить.

Уже не вернуть эпоху,
Сулившую благодать,
Но можно, вернувшись к Богу,
Награбленное отдать...

Моей любви

Цветы

Сонет

Прощай, осот и лебеда,
Прощай, крапива-недотрога,
Прощай, грунтовая дорога
Из ниоткуда в никуда.

Разлука вовсе не беда,
Когда она по воле Бога,
Когда становится итогом
Удара дерзкого кнута.

Прощай, спорыш и молочай,
Прощай, пырей, лопух, ромашка,
Прощай, и пушкинский анчар,
Прощай и ты, пастушка Машка...

Мне не забыть твои цветы.
В них вижу я любви черты.

Снова дерзким взором дразнишь?

Снова дерзким взором дразнишь?
Это ж надо так уметь!
Не скажу, что это – праздник,
Только, думаю, – не смерть...
Даже если зло и ярость
Так пронзительны в тебе.
У меня ещё осталось
Время, чтоб раздор терпеть.
И любить... Любить до гроба
(Хоть царица, хоть – раба!),
Знаешь, мы родились оба
Не для счастья – без рубак...

Счёт

Люби, люби его до гроба,
До гробовой любви доски,
Да, я тебя, увы, прохлопал,
Когда мы были так близки.
Люби... люби его безмерно.
В делах таких я не истец,
Но на товарах парфюмерных
Немало сэкономим средств...
Конечно, всё это – бравада
И, может, кое-что ещё,
Но так играть тебе и надо,
Пока не станет ровным счёт...

Тихо поезд подойдёт к платформе

Тихо поезд подойдёт к платформе.
Музыка. Улыбки и цветы.
И на этом вечно светлом фоне
Память воскресит твои черты.

Обойдём такси. И на трамвае
Без вещей отправимся к тебе...
С кем чего на свете не бывает,
Роковой – и то не знать судьбе!

Всё это придумал я под утро,
Сочинил, конечно, неспроста,
Словно отклонился от маршрута,
Возвращаясь в отчие места.

Всё равно: платформа... поезд...
люди...

Всё равно: улыбки и цветы...
Музыки торжественной не будет,
Траурной – не переносишь ты...

Но быстрее ветра будет скорый,
Загудят знакомые столбы,
И последний раз за частоколом
Жеребёнок встанет на дыбы...

Змеиная верность

Нет, между нами не было лобзаний,
Взаимного признания в любви.
Мы встретились змеиными глазами,
Друг друга по-змеиному обвив.

Нет, между нами не было лобзаний,
И страсти той, что горячей огня.
То мысль была, которую дизайнер
Отождествлял с понятием – западня...

Небесный образ

Мечты мужчин уносят к звёздам,
Не отрывая от земли,
Чтоб образ женщины был создан
Владычицей своей семьи.

О, образ выше идеала,
Воображения предел!
Но то не много и не мало,
А столько, сколько Бог хотел.

Когда неистовый Петрарка
Желал одну из всех Лаур,
Он внешне выглядел подранком,
Душа вопила: «Караул!»

Мечты мужчин уносят к звёздам,
Не отрывая от земли,
Вот и небесный образ создан
Не ядовитой, но змеи.

Целуй... целуй...

Целуй... целуй... глаза мои закрыты.
Сплошная тьма, и не видать ни зги.
О, чёлн любви! Разбитое корыто,
Куда несёшься на волнах морских?

Целуй... целуй... пусть пламенеют
губы,
Пьянит вино душевного тепла!
Целуй... целуй... желаний страсть
не губит,
Что для неё безумные дела?

Целуй... целуй... пока в объятьях
нежных,
Пока нам ложе брачное дано,
И встречи этой случай неизбежный
Ещё не проклят мной!..

Целуй... целуй... когда глаза открою,
Когда пойму, что видел вещий сон,
Я гляну всё равно на изголовье,
И посмотрю туда, где горизонт...

В тамбуре

Не доезжая до Каширы
На электричке из Москвы,
Мелькнул во тьме плафон плешивый,
И вспомнил я твоё «увы»...

Увы... и ты ко мне прильнула.
Увы... а раньше не могла.
Увы... и прошлое кольнуло,
Как финский нож из-за угла.

Увы... ползёт на ощупь поезд,
А раньше мчался, как стрела!
Увы... но я не беспокоюсь,
Судьба до гроба нас свела.

Свела! Но как тревожен голос
Её... как страшен стук колёс...
О, эта мысленная скорость,
Вот-вот... чуть-чуть... и под откос...

Знакомство

– Всё такая же?
– Нет, другая!
Той, что знал ты когда-то – нет...
Захлестнула петля тугая,
И померк в глазах белый свет.

Но ожил! И набрался духа.
В суть знакомства поглубже вник:
– Если стала уже старухой,
Значит, нужен тебе старик...

Держись, браток, не умирай,
Ты не считался в жизни слабым!
Ты шёл на смерть, крича «ура»,
И вот в её попался лапы.

Не умирай, держись, браток,
(Но смерть от всех недугов лечит!)
Ещё чуть-чуть... ещё глоток,
Теперь вздохни и станет легче...

«Самовар»

«Война меня хотела в морг,
А я на смерть плевал...», –
Шутил без рук... шутил без ног...
Смеялся «Самовар».

В глазах – отчаянный огонь,
И в голосе – металл.
«Эх, дайте в руки мне гармонь,
Коль мертвецом не стал!

Враги хотели – наповал.
А я пошёл на риск...
Когда во мне девятый вал,
Я б сам себя загрыз...».

На белый свет он выползал
Откуда-то из тьмы,
И целый день: базар... вокзал...
Обязан был кормить...

Оберегать от всяких мук,
Как будто нет калек!
А он без ног... а он без рук...
Весёлый человек!

Он не просил... он не молил...
Не запятнал он честь...
Сквозь слёзы он взглянул на мир,
И навсегда исчез...

Фильм «Два бойца»

Ещё б чуть-чуть и всё пошло
насмарку,
И я бы не попал на «Два бойца»,
Но кто-то взрослый сунул
контрамарку
И хлопнул по плечу: «Иди, пацан!»

И я иду! Темно, как в преисподней.
Польнный залах душу теребит.
Мне кажется, что фильм смотрю
сегодня
Не в зале сидя, а в ночной степи.

И я иду! Звучат тревожно струны,
И ветер завывает в проводах,
И я ещё не стреляный, и юный,
И в то же время битый, и в годах.

И где-то на холме или в низине,
В разведке иль в атаке лобовой,
Наткнусь на смерть такой
бессильный,
Как одуванчик полевой...

Обручальное кольцо

Всю жизнь ношу в себе я траур –
В глазах и в сердце, и в крови...
Мне рассказали там, в Абрау-
Дюрсо историю любви.

Они наткнулись на засаду –
Радистка наша и связной...
Сплошной огонь подобен яду!
А там и был огонь сплошной.

Нет, не сожгли... не расстреляли...
В петлю лицом к лицу двоих...
И на дощечках написали:
«ich liebe dich!»... «ich liebe dich!»¹...

1. «ich liebe dich!» – «Я тебя люблю» (нем.)

В одной петле двоим не тесно –
Его лицо... её лицо...
Жених, и рядом с ним невеста,
И обручальное кольцо...

Игра с огнём

О, населённый этот пункт,
Через который шёл окоп,
Он знал смирение и скорбь,
Душа была, как мёрзлый грунт.

Но вспыхнул крови гневный бунт!
Как прав был звёздный гороскоп,
Когда везли за гробом гроб,
И всем хватало лиха фунт.

За этим пунктом был и ров,
Куда свозили в людях кровь.

Свозили тайно, по ночам.
Потом везли и явно днём...
Феномен был знаком врачам,
Да разве сущность только в нём?

Живой труп

Медосмотр проходил ветеран
В городской экстра-класс
поликлинике.

И просил он целителей клан:
«Вы не в тело... вы в душу мне
вникните!»

Так врачей умолял инвалид
И, забывшись, сигарку завёртывал:
«У меня ничего не болит,
Не болит ничего, как у мёртвого».

Медосмотр проходил ветеран,
И сказали врачи в поликлинике:
«Нет лекарств от контузий и ран.
Поживите ещё, и привыкнете!»

Течение жизни

Себе в назидание

Не спеши преждевременно
праздновать
Миг, когда помирился с душой.
Не спеши и не будешь опаздывать
И жалеть, что твой поезд ушёл.

Не спеши так торжественно
чувствовать,
Восхвалять допотопный свой ум,
Не спеши, пусть и разум
по-честному
Бытия оправдает триумф.

Не спеши доверять мирозданию
Человечества тайную цель.
Пусть спокойно Господне сознание
На твоём отразится лице.

Не спеши омрачать себя новостью,
Что когда-то наступит пора,
И тебя, как метлой, с чистой
совестью,
Словно мусор, сметут со двора.

Финиш

Когда настолько я устал,
Что ничего не волновало,
Я вышел всё-таки на старт,
Но не поднял своё забрало.

Нет, не побед желал иметь,
Мне нужен был всего лишь финиш,
Чтоб смог спокойно умереть,
Не поднимая вздорный кипеж.

Чтоб возле своего креста
Упал, подумав ненароком,
Как важно в жизни знать места,
Где в бок не бьёт украдкой локоть...

О, сколько лет не брал гитару в руки

О, сколько лет не брал гитару
в руки,
Медовых струн не слышал перебор,
Но страстные, но трепетные звуки
Не умолкают в сердце до сих пор.

Что годы им, что злая боль разлуки,
Они верны мелодии любви,
Той, что таит страдания и муки,
Той, что горит живым огнём в крови.

О, сколько лет безмолвствует гитара,
И я, увы, теперь уже не юн...
Пришла пора, как раз пора настала,
Гитару взять, но не тревожить струн...

Не всё необходимо мне

Мой дух ещё в избе курной,
Где в кадке квасится булыжник...
Не всё, что связано со мной
Необходимо мне для жизни.

И в стороне моей степной,
На грядке, пахнувшей укропом.
Не всё, что связано со мной,
Необходимо мне до гроба.

О! Знал бы кто, какой ценой
Давалась щедрость мне Господня...
Не всё, что связано со мной,
Необходимо мне сегодня,

Не всё необходимо мне.
От лишних чувств и мыслей – мука,
Но не идёт она извне,
А изнутри. Вот бляха-муха...

Русский идеал

Сонет

Кто сказал, что счастья в жизни нет?
Счастье есть! Но нам оно не нужно.
Беды мы встречаем равнодушно,
Радостям спокойно смотрим вслед.

Не горюй, сходя в могилу, дед.
Забросают и засыпят дружно
Внутренней землёю и наружной,
Соблюдая смерти этикет.

А чтоб шло и дальше чин по чину,
В землю ткнут горящую лучину.

Только у кладбищенских оград,
Завершая скорбный ритуал,
Вспомнит кто-то, что бессмертен
блат –
Настоящий русский идеал.

Приговор

Сонет

Ты меня наказал своей смертью, отец,
Я такого ещё не имел приговора!..
За щеку мне никто не положит обода,
Чтобы свидеться нам хоть в аду,
наконец.

В твой скворечник ещё прилетает
скворец
И на сливе поёт, что растёт у забора,
Весь чумазый, как будто шахтёр
из забоя,
Но слушаешь, скажешь в душе:
«Молодец!»

Не сойдутся уже наши чёрные тени,
Не тая за щекой древнегреческих
денег.

Нет и русских, старинной чеканки,
монет,
Золотых и смеющихся людям, как
солнце,
И загробного банка богатый клиент
Удавился, узнав, что он душ
мёртвых спонсор.

Полноводье

Из берегов выходят реки,
Вздохнув, выходят из-под льда,
Выходят, кажется, навеки,
Но в русла вновь течёт вода.

Из берегов выходят реки,
Вздохнув, выходят из-под льда,
И мы выходим, имяреки,
Не возвращаясь никуда.

Но так нам думается, вроде,
На самом деле всё не так...
На самом деле полноводье –
Всего лишь с истиной контакт.

Основа искусств

Сонет

О, жизнь – бездонная могила
Воображаемых химер!
Так проповедовал Гомер,
О том трагедии Эсхила.

Как! Разве вымысел – не сила?
О, жизнь, тебе ль искать пример?
Чтоб человек тогда имел,
Не знай такого эликсира!

Смотри, как пред могилой гений
Упал безмолвно на колени,
Лишившись непонятных чувств...
Но встанет с ясной головой,
Когда основа всех искусств
Ему покажется живой.

Нет, не молю

По щучьему ль безмолвному велению,
Иль журавлиным осенён крылом,
Нет, не молю: остановись мгновенье.
То в будущем живу я, то – в былом.
Грядущее и прошлое взаимны,
Как неразрывна связь святая душ.
Не настоящему пою сегодня гимны,
Бравурную нет, не играю тушь,
И не играю траурный я тушь.
И не пройдёт тревожное волнение,
Пока средь бела дня не грянет гром.
Нет, не молю: остановись мгновенье.
То в будущем живу я, то – в былом.

Не гоните коней

Песня

Не гоните коней в беспросветные
дали,
Где длинней и длинней за верстою
верста.
Не гоните коней! Кони бегать устали,
Кони бегать устали – аллюр три креста.

Не гоните коней по степям,
конокрады,
Не гоните, жокеи, коней в городах.
Не гоните!.. зачем им людские
бравлады,
Если кони бегут, значит где-то беда...

Не гоните коней в беспросветные
дали,
Где железная ждёт их до смерти
узда.
Не гоните коней! Кони бегать
устали,
Не гоните коней, ну хоть ради
Христа...

Недоумение

Солнце обжигало и крапива,
И гремел над головою гром...
Как-то получалось всё красиво,
Празднично, торжественно кругом.

А теперь берёт недоуменье –
Как это, травы нет в двух шагах?
К нам ещё придёт, придёт прозреньё
Через боль сердечную и страх.

Упадёт в саду заросшем слива,
Прохрипит последний раз петух...
Нет, мы не умеем жить красиво,
Так, чтобы захватывало дух!

Мнёмся все, плечами пожимая,
Ковыряя каблуком асфальта наст,
Там, под ним земля! Земля живая,
Ожидает помощи от нас.

Не то... не так... рву рукописи в ключья...

Не то... не так... рву рукописи
в ключья...

И не собрать, не склеить их уже...
Какой бессильной стала хватка
волчья,
Щетиной – агнца шёлковая шерсть.

Не то... не так... рву рукописи
в ключья...

И не собрать, не склеить их уже...
Как недовольны эти черви строчек,
Открывшись взору света в неглиже.

Не то... не так... рву рукописи
в ключья...

И не собрать, не склеить их уже...
Но оставляю после многоточий
Всё, что вместилось некогда в душе.

Неразбериха

Лишь пройдёт в душе неразбериха,
Тут как тут начнётся чехарда...
То иголкой ужалил облепиха,
То взойдёт на грядках лебеда.

То дворняжка Бони оценится,
То в колодец рухнет старый сруб,
То на липе умная синица
Прощебечет, что хозяин глуп.

Всё это волнует и тревожит
(В жизни же не стоит ни гроша!),
И невольно лезешь сам из кожи,
Коль не может вылезти душа.

А в душе опять неразбериха,
И такой... такой переполох,
Словно соловья и соловыху
Слушаешь! А сам давно оглох...

Монолог

Послушай, а где эти люди,
Знакомые наши, друзья,
Которых мы ценим и любим,
Которых забыть нам нельзя?

Не знаешь! Давай без прелюдий
Признаемся: наша вина,
Что с нами их больше не будет,
Всему ведь приходит финал.

И следствия нет без причины,
Причины без следствия нет...
Когда загорались лучины,
Кто знал, что сгорит белый свет?

Леса

Ни малины нет, ни клюквы,
Тишины – и той в обрез.
Да пошёл он на три буквы
Этот подмосковный лес.

Видел я леса другие.
Вот леса! Вот это да-а...
Негде выкопать могилы,
Всё вода, вода, вода.

А потом пойдут болота,
А по ним – сплошной огонь...
Посмотреть леса охота?
Дуй в «столыпинский» вагон.

Меня сто раз в России хоронили

Меня сто раз в России хоронили
Без музыки и с музыкой... И всё ж
Я выбрался,
Я вылез
Из могилы
И на живого, вроде бы, похож.

Опять в душе весёлые напевы,
И снова жизнь так празднично течёт,
Что согласился б даже на сто
первый...
Да на Руси смертям потерян счёт.

Лопухи

Мы – лопухи! Простые лопухи.
Мы – сорняки! Не больше
и не меньше,
И равнодушны к обольщеньям
женщин,
Вздыхающих весь день в тени ольхи.

Мы к мнению цветущих трав глухи,
Не слышим ни пощёчин, ни затрещин,
Лишь смотрим с сожаленьем на
старейшин,
Мы – лопухи! Из тлена и трухи.
Воскреснем, если так дела плохи.

Мы – лопухи, и терпим оплеухи,
Мы не стремимся изменяться впредь,
Чтоб не снимать ни перед кем треухи,
Не кланяться и не молиться вслед...

Идеал

Седьмой десяток разменял.
Вновь править юные стихи,
Искать, как прежде, идеал,
Освобождаясь от трухи?

О, сколько лет его берег,
А вот, увы, не сохранил!
Он треснул вдоль и поперек,
Но пятна памятли чернил.

Седьмой десяток разменял,
Вновь править юные стихи?
Нет-нет! Пускай оригинал
Хранит прощённые грехи.

Знак

О, где ты, Божий знак святой,
Яви хотя бы очертанья,
Иль под железною пятой
Тебя скрывает жизни тайна?

О, где ты, Божий знак святой,
Яви хотя бы след свой взору –
Звездой над трепетной фатой,
Мечом к достойному камзолу.

О, где ты, Божий знак святой,
Явись, как глас в глухой пустыне
Перед языческой ордой,
Не отдающей дань гордыне.

О, где ты, Божий знак святой,
Явись из странствий и скитаний!
Над бездной или высотой
Открой мне жизни смысл тайный.

Заратустра

Как до дрожи страшит высота,
Глубина – как внезапный испуг.
Да и небо не в райских садах,
И земля не лебяжий-то пух.

Вот бы в табор попасть до утра
И сплясать под цыганский аккорд,
Ведь змея не особо мудра,
И орёл оказался не горд.

Сердце гложет людская мораль,
Разъедает его, словно гля,
Бытие – вдохновенья спираль,
А по сути – простая петля.

Исчезает в зените орёл,
С глаз долой уползает змея.
«Я себя... сам себя приобрёл!» –
Заратустра воскликнул, смеясь...

Миниатюра

То мысли тайная стезя
В уста вложила эти строки,
Что нашу жизнь познать нельзя
Без базиса и без надстройки.

Но жизнь – не базис бытия,
Не словоблудие надстройки,
Жизнь – человеческое «Я»
В нечеловеческие сроки...

Звёздный час

Теперь не важно: правда или нет –
Основой послужила мироздания,
Кто брошь луны забыл среди планет,
Забыл на месте тайного свиданья?

Кто первым был? Юпитер или Марс,
Когда на небосвод вошла Венера?
О, если б не вселенский звёздный час,
Нам не видать любви, надежды, веры!

Дядя Петя

Много говорить о нём не стану,
А писать – высокий нужен слог,
Но открою уличную тайну –
Для мальчишек был он царь и Бог.
С песней шёл он, возвращаясь

с рынка,
Словно из Европы шёл домой...
На лице смеялся шрам от финки,
А протез скрипел всю хромой.
Шёл он в бескозырке и в тельняшке,
Шёл, возможно, даже под хмельком,
Удалую песню пел варяжскую,
И грозил на запад кулаком.
Улица его встречала трезво,
Улица ему смотрела вслед...
Шёл, скрипя зубами и протезом,
Дядя Петя – мой авторитет!

«Шоколадный» дом

В кирпичном доме сталинских
времен,
Где у дверей душистые парашаи,
Как был я там приятно удивлён
Домашним ароматом свежей каши.

Какую сдобу пёк мне хлеборез,
Какие щи варили баландёры,
Чтоб я, пацан, до гроба нёс свой крест,
Уже отпетый, но ещё матёрый.

О, «шоколадный», мой заветный дом!
Всё было в нём... всё было так,
как надо...

И до сих пор я говорю о том,
Что сухари вкуснее шоколада.

Возвращение к истокам

*«Теперь – я человек, я –
Данте Алигьери».
Из надписи Виктора Гюго на томе
«Божественной комедии» Данте*

Прошёл мой жуткий век,
Моей не тронув веры.
«Теперь я – человек,
Я – Данте Алигьери».

Теперь я чёрный чёрт,
А, может, полосатый...
Что было, то не в счёт –
Характер был азартный!

То вниз летел, то – вверх,
Но всюду взятки гладки...
Теперь я человек,
Я – Анатолий Прядкин.

Теперь живу, как все,
Порой рифмую строки,
На корточки присев,
Как раньше, без мороки...

Истокам нет конца,
Как нет начала жизни,
Сиди и созерцай,
Характер свой капризный.

Над Окой срублю избу – что надо!

Над Окой срублю избу – что надо!
Две берёзки посажу у входа.
Будет озарять избу лампада
Для всего, для русского народа.

Из опилок сделаю подушку,
Из соломы – царскую перину.
Буду жить теперь на всю катушку –
Уплетать наскучило мякину!

И, смеясь от счастья и рыдая,
Удочку в пучину вод закину,
Может, клонет рыбка золотая,
Как и я когда-то на мякину.

Гуляют волки по степи

*«Мы – волки, и нас по сравнению с
собаками мало».
Владимир Солоухин*

Когда собаки на цепи
И крепко заперты ворота,
Гуляют волки по степи
Среди полыни и осота.

Гуляют! Воют на луну,
Тревожа страхом всю округу,
Рискуя жизнью, жизнь клянут,
И жизнью хвастая друг другу.

Гуляют волки по степи,
Напав на старый след отары,
Где волчий дух неистребим,
Он жив... среди погибшей стаи.

Любовь – всему ориентир

О! Как от жизни я устал,
Но нет, не стар для вечно юной
Моей подруги семиструнной,
Что покоряла Краснодар.

Теперь каширский краснотал
Меня пленил сонатой лунной,
От этой музыки безумной
Чуть молодым опять не стал!

Ещё не стар я для любви,
Ещё могу дарить букеты
И разжигать огонь в крови...
Кто не воспользовался этим?

Уж так устроен Божий мир:
Любовь – всему ориентир.

Это преступленье

Это преступленье – бросить сына!
Бросил и ушёл. Закройте дверь...
Никого я не просил насильно,
Верить мне, и не прошу теперь.

Что слова! Я докажу на деле.
Жизнью, если надо, расплачусь...
У правдивых мужиков на теле
Шрамы от отцовских чувств...

Эмансипация

Чистить сковородки и кастрюли,
Мыть тарелки, ложки и ножи...
Мужики, нас женщины надули!
Разве нам дана такая жизнь?

Разве рождены мы для уборки
Будничной супружеских квартир?
Этот социальный быт убогий
Хуже, чем общественный сортир!
И стоим на лестничных площадках,
С ведрами, авоськами и ждём...
Дверь жена откроет беспощадная,
Впустит... Как к царице на приём...

Мужики! Когда ж воспрянем духом,
Жить начнём, как жили на Руси...
И опять в лаптях пойдём за плугом
Боронить, и сеять, и косить.

Страшит бессмертие

Когда нарушена симметрия,
Когда испорчены весы,
Не смерть грозит!
Грозит бессмертие,
Всеми бессмертие грозит.

И это вовсе не комедия –
Скорее двери на крючок!
Уходит жизнь моя в бессмертие,
Мне не угнаться – старичок...

Смерть не страшна!

Страшит бессмертие –
В плоду запретном червячок,
Его душа давно заметила
И прикусила язычок...

Когда нарушена симметрия,
Когда испорчены весы,
Стоят вселенские часы,
Прислушиваясь к междометиям...

Бетономешалка

Лопатой и ломом я шаркал,
Долбя затвердевший раствор.
А рядом бетономешалка
Вертелась как домохозяйка.
О, душ роковое родство!
То холодно было, то жарко,
Как всем нам теперь на Руси.
Крутилась бетономешалка.
Светланка? Маринка? Оксанка?
О, Господи, нет больше сил!
Мещаночка – не парижанка,
Бетон – не французский батон.
По жизни бетономешалка –
Изба моя, печь и лежанка.
И всё за «спасибо», притом.
Воды родниковой не жалко,
Песок и цемент – хоть куда.
(Подруги её в полушалках)
По жизни бетономешалка –
И радость моя, и беда.

«Я жил в России» (2011 г.)

Я жил в России

Я жил в России и живу,
О, Боже, как живу!
Зову во сне и наяву,
Зову людей: «А-у -у...».

Мой зов, как эха мёртвый звук,
С деревьев на траву,
Пройдя круги душевных мук,
Звучит, как караул.

Горсть земли

Как похоже моё государство,
Государство по имени Русь,
На святое, небесное царство,
Где собрал прихожан Иисус.

Где равны и князья, и холопы,
Где царят тишина и покой,
Облаков проплывают сугробы
Над Лопасней, Каширкой, Окой.

Как похоже моё государство
На заброшенный всеми погост,
Где земли остаётся пространство
На одну, на последнюю горсть.

Вавилон

«Что будет, то будет!» – сказал я
себе,
И с посохом вышел в дорогу,
Доверив себя неподкупной судьбе,
А также – вселенскому Богу.

Я шёл по земле неизвестно куда,
Конечной не ведая цели,
Встречались шедевры людского труда,
Которые стали бесценны.

И вот отдохнуть наступила пора,
Где солнца сияла корона.
Где глыб рукотворных виднелась
гора

И дети играли задорно.

«Неужто когда-то здесь был
Вавилон?» –
Меня осенила догадка.

«Да, был! – отвечали развалины
в тон, –
Виновна кирпичная кладка».

«А кто архитектором главным
здесь был?» –
Спросил я вселенского Бога.
И тот же вопрос повторил
для судьбы,
И тут же услышал: «Эпоха!»

«Что будет, то будет!» – я вспомнил
девиз,
И с посохом двинулся дальше,
А дети на глыбах смеялись:
«Вернись!
Здесь прибыль была от продажи...».

О, образ Родины былинный

Холмы. Овраги. И долины.
Река. Вдоль берега – леса...
О, образ Родины былинный,
Ты жив ещё в моих глазах.

Просёлок к мельнице-ветрянке,
Телега полная мешков,
Поверх мешков сидит крестьянка,
Уставшая ходить пешком.

А за селом, на косогоре
Танцует и поёт народ,
Урядник в головном уборе
Скривил от возмущенья рот.

Повсюду веет запах винный,
Спит пограничник на меже...
О, образ Родины былинный,
Тебя не вижу я уже!

Последний взгляд невольно бросил
На бестелесный силуэт...
О, образ! Кто же облапошил
Тебя за несколько монет?

Новая Россия

От Питера до Аляски,
От Москвы до Чукотки
Русь без вина и водки,
Как без отцовской ласки.

В моде старые сказки,
Будто смех от щекотки.
Если щекочут волки,
Стоит ли строить глазки?

Ангела слышу слово:
«Русь молодеет снова!»

Новой моей России,
Чтоб себя убережешь,
Старой набраться б силы,
Взять в руки щит и меч!

Народные стихи

Поэзии элитной нет оценки,
А вот когда народные стихи,
Нам интересны кухонные сценки
Из ревности любовников лихих.

Нас любопытство мучит
до лишения
Рассудка своего и бурных чувств,
Так мучит, что готовы стать
мишенью
И жертвой доморощенных искусств.

Занятность нас волнует диалога,
Воюющих отчаянно двоих,
И мы готовы все слова до слога
Вместить в привычный,
нецензурный стих.

Поэзии элитной нет оценки,
А вот в стихах до боли дорогих
Всех авторов чекисты ставят
к стенке...
На кухнях не находится других.

На счастье

Я глянул в глаза твои полные слёз,
Догадка меня обожгла:
«Неужто в меня ты влюбилась
всерьёз?»

О, как ты, зазноба, могла!

Неужто я дорог тебе чем-то стал?
Дороже чем мать и отец?
Признаюсь, что совесть, конечно,
чиста,

Но поздно идти под венец»...

Нет-нет! Не посмею нарушить закон,
Людской охраняющий род,
На счастье я свой возрастной Рубикон
Прошлёпал с девчонками вброд.

На ступинском базаре

На ступинском базаре,
Где торгашам простор,
Пил пиво я в пивбаре,
Похожем на шатёр.

Пил пиво без таранки,
Без волжской воблы пил,
Когда вошли цыганки,
Я вдруг про всё забыл.

Цыганки были смуглы
От солнца и ветров,
В глазах сверкали угли
Негаснущих костров.

Они не объясняли,
Что к ним пришла беда,
И юбок не снимали
За деньги господам.

То было в воскресенье,
Когда гуляла голь...
Они ушли с презреньем,
Отвергнув алкоголь.

На ступинском базаре,
Где торгашам простор,
Я пиво пил, ...казалось,
Весь табор сел за стол.

На лимане

Чуть забрезжит рассвет,
плоскодонка

Осторожно раздвинет кугу.
Чибис свистнет отрывисто, тонко
Своей преданной на берегу.

И по глади зеркальной лимана
Пробежит, словно дрожь, ветерок,
Раздувая остатки тумана,
Чтобы солнце открылось в срок.

Над лиманом и дальше, за Ейском
Будет слышаться голос турбин.
И на память останется леска
Из небесных высоких глубин.

Мы

Не по звёздному гороскопу,
Не по лунным календарям
Мы ходили не раз в Европу
И по суше, и по морям.

Нет, не ввязывались мы в драку
Среди лета или зимы!
Наш Перун, русский наш оракул,
Знал лишь он, кто такие – МЫ...

Не по звёздному гороскопу,
Не по лунным календарям
Мы ходили не раз в Европу,
Крестной силе благодаря.

Мужчинам

Жалейте жён своих! Цените.
Они прообраз бытия.
От них идут к мужчинам нити,
Которых не дано терять.

Любите жён своих! Чужие
Вам жёны даже не друзья.
Любите жён своих, мужчины,
Любви дана одна стезя.

Хвалите жён своих, мужчины,
Не доводите до греха...
Для них обычные овчины
Теплей, чем царские меха...

Мнимая победа

Сонет

Я вёл с собой смертельный бой,
Характер неподкупный тискал.
Душе небесная прописка
Была нужна любой ценой.

Под купол цирка голубой
Ушла душа-эквилибристка,
И стало ясно – финиш близко,
Триумф победы над собой.

И вот теперь на Брайтон-Бич
Цежу своей артистке спич!

Цежу притворщице сквозь зубы,
Цежу, вложив по пальцу в уши,
Цежу, как в самом деле глупый,
Цежу!.. а занавес опущен...

Вот и я кручусь

В жизни кочевой или оседлой
Нам не открутиться от судьбы,
От судьбы настолько милосердной,
Что щедрей уже не может быть.

Вот и я кручусь со всей планетой,
Весело, как белка в колесе,
Упаду подброшенной монетой
К счастью на нейтральной полосе.

Упаду! И больше не поднимут –
Всё-таки ничейная межа!
Мёртвые на ней стыда не имут,
Мёртвым безразлично, где лежать.

А пока кручусь, как центрифуга,
Как простая русская юла,
Следом, уцепившись друг за друга,
Сходит человечество с ума...

Конь

Всем парадам был парад,
Как торжествовала площадь!
Вместо праздничных наград
Бог явил земную лошадь.

Конь был правнуком коня,
На котором маршал Жуков
Оккупантов загонял,
Как на псарне, в мёртвый угол.

Этот конь был для меня,
Словно конь-оруженосец.
В ореоле из огня
На коне Победоносец.

Всем парадам был парад,
И на нём, как на иконе,
Конь, не знающий преград,
И ещё лихие кони,
Вот и всё, что я запомнил.

Как жил я...

Как жил я в нищете,
Так и живу поныне,
Как будто на щите,
Как будто на чужбине.

Как будто я в плену,
Замученный кувалдой,
Не признаю вину,
Что связан был я с правдой.

Что с совестью дружил,
Ей отдавал все силы,
Тянул свои гужи
И помогал России...

Как жил я в нищете,
Так и живу поныне.
Но даже на щите
Не присягну чужбине.

Интерес

Поминать не стоит всеу
Русских царственных владык.
Посмотрите, кто красуется
С олигархами впритык?

Поминать не стоит всеу
То, что, чёрт возьми, прошло,
Но меня интересует,
Как народ мой голосует:
За добро или за зло?

И это пройдёт*

И это пройдёт, и это,
И много ещё чего...
Опять дымлю сигаретой,
Как в топке чёрт кочергой.

И это пройдёт, и это,
И много ещё чего,
Останется жизни кредо
Туманить моё чело.

---

* На кольце у царя Соломона было выгравировано: «И это пройдёт!» Царь часто поглядывал на эту гравировку, словно на ручные часы.

Я выпил совсем немного,
И вот обнажилась мысль,
Словно пришла от Бога:
«Уймись, человек, уймись!»

И это пройдёт, и это.
Как счастье и как беда.
Кого спросить напоследок:
«Куда всё идёт... куда?».

Тост Наполеона

Нет, этот тост не для застолья,
Не для жеманных глаз и губ...
Я пью за русские раздолья,
За лошадей и за тулуп.

Я пью за этот холод лютой,
Он гениальнейший стратег!
Я пью, чтоб находили люди
И в скорби время для потех.

Печальней не было картины –
Грусть до последнего мазка,
Когда я бил бокал «Мартини»
За твой святой огонь, Москва!

Последний бил бокал на свете,
Во имя этой вот избы...
Откройте дверь!
Пусть чёрный ветер
Вильнёт хвостом моей судьбы.

«Широка страна моя родная...»

«Широка страна моя родная!» –
Пел Поль Робсон, будучи у нас.
Слёзы у меня текли из глаз,
Потому что слушал я, рыдая.

Женщина сказала мне седая,
Мол, у Поля превосходный бас,
Если он до слёз волнует вас...
Я ответил: «Песенка крутая!».

Всё в ней правда, кроме одного –
Широка страна, но не его!»

Широка страна моя родная,
В небе перепёлки и стрижи.
Но, друг друга на земле пиная,
Не сообразим, как дальше жить?

Равенство

Все мы равны перед Родиной,
Как на погосте любом.
Если что было в нас подлинным,
Так и осталось – любовь!

Так и осталось – бессмертная –
К избам, просёлкам, полям...
Первая и последняя,
С горькой слезой пополам.

Усть-Лабинск

Усть-Лабинск, увы, не знаменит
(Бывшая линейная станица),
Но степной орёл над ней парит
Выше и свободней, чем в столице.

В Усть-Лабинске есть река Лаба,
И Кубань века течёт под боком.
Там и родилась моя судьба,
И судьбу ту не окинуть оком.

В Усть-Лабинске есть ещё райком.
Усть-Лабинск теперь, как заграница!
Я, владея русским языком,
Говорю: «С кубанским казаком
Русь моя сумела породниться...».

Русский народ

Сонет

Живи и здравствуй, мой народ,
В твоих руках твоя Россия!
А чтоб язык не откусили,
Крести, когда зеваешь, рот.

Не бейся рыбою об лёд,
Как бы соседи ни бесили...
Тебе дал Бог такие силы,
Что хватит на века вперёд!

Но зря те силы не транжирь –
Они для будущих кашир,
Где Авель будет жить и Каин,
Где стадо агнцев и козлиц...
Всё начиналося с окраин!
Тебя ли этим удивишь?

Держись!

Всё, что узнал я за долгую жизнь,
Всё, что запомнил до самого гроба.
Мог бы сказать только словом
«держись!»),

Что на устах моих слышно особо.

С ним я встаю, начиная свой день,
С ним я, всесильным, весь день
неразлучен,

С ним, разгибая суставы колен,
Буду за землю держаться – научен...

Случайная встреча

Старый бомж в солдатской
гимнастёрке,
С синяком величиной в кулак,
Клялся на платформе,
что в каптёрке
У него висел концертный фрак.

Дачники кривили кисло рожи,
А один с ухмылкой произнёс:
«Бомж на нас, затравленных,
похожий,
Только у него нет горьких слёз!»

Подошла к платформе электричка,
Подсадили в тамбур старика,
Вдруг сказал старушке он:
«Сестричка,
Это я, живой!
Я... сын полка...».

Девятый вал

Капитан наш покинул мостик,
Бросив верный ему штурвал,
И на борт напросился в гости
Океанский девятый вал.

Он взломал первым делом трюмы,
Где кубинский хранился ром,
Чтоб балетные ножки рюмок
Били в головы, как багром.

В ход пошли сухари и крупы,
Прочий русский деликатес...
Поплавком деревянный рубль
Показал, что идёт прогресс...

Вал девятый крутым был, цепким
(Он ценил своё ремесло!),
Наш фрегат разнесло на щепки,
Нам досталось одно весло.

К берегам родным выгребая,
Мы уверены, как всегда,
Что морская волна любая,
Зорковидающая, слепая, –
Это дней земных череда.

Русская душа

Россия тем и хороша,
Как будто впрямь огонь в крови,
Что разыграется душа,
Нет сил остановить!

Всё нипочём тогда вокруг,
И жизнь бессмертная ни в грош,
А если скажет слово вслух –
Умрёт любая ложь!

Россия тем и хороша,
Как будто впрямь огонь в крови,
Вспылит мятежная душа –
Знать, Бог благословил!

Стихи о распрекрасной Даме

Я с вдохновением, как Прекрасной
Даме,

Стихи писал о Дуньке
с трудоднями,

О ферме, что в деревне за бугром,
И о скирде, пронизанной багром.
И о корове, вовсе не болтливой,
Но чересчур настырной и бодливой.
Всё написал о дойке, о кормах...
(О, горе вдохновенью без ума!)
И потерял. И вот уже с годами
Я вспомнил о своей Прекрасной
Даме

(Надеюсь я, что памяти мне
хватит!).

И вот мелькнул в глазах сутулый
ватник –

Одежда скотоводческих богинь –
Да старые мужские сапоги.
Тогда я начал рыться в чемодане,
Стихи искать о Дуньке с трудоднями,
О той девчонке с косами до пят,
Которую лишь ветер мог обнять.
О той уже несбыточной и давней
Моей любви... о Распрекрасной
Даме...

Белопесоцк

На берегу Оки застыл,
Как в половодье льдина,
Белопесоцкий монастырь –
Седобородый инок.

Застыл, как будто мыслит он,
Что будет через время,
Найдёт ли веры бастион
Здесь молодое племя?..

Белопесоцкий монастырь –
Седобородый инок,
Как маяки, твои кресты
Под журавлиным клином.

Стоят под утренней звездой
И под звездой вечерней.
К тебе идёт народ простой,
Ты для него, как пчельник.

А был когда-то здесь пустырь,
Вела к Оке дорога...
Белопесоцкий монастырь
Стоит как перед Богом.

Предсмертный вздох

Вздохнул последний раз, с
кажу Отчизне:

«Живи спокойно, долго и светло,
И выпусти из клеток всех щеглов,
Нет ничего дороже вольной жизни,
Нет ничего!» .

Этого нам достаточно,
Чтобы за далью вёрст
Не казалось загадочным
Предназначенье звёзд.

Обнажи свою душу до дна

Вот и я, Христос, стою над бездной,
Как во сне стою перед Тобой,
Ожидая встречи неизбежной,
Встречи, предназначенной судьбой.

Я стою и набираюсь духа
Перейти последний Рубикон!
Нет, не наказаньем я напуган,
Страшен мне прощения закон...

Я стою и сочиняю песню,
Не на этот час, а на века,
Чтобы мог проститься с поднебесной
Родиной, где меж холмов Ока...

Деликатная просьба

Поцелуй, чтоб воцарился мир,
Поцелуй, чтоб видел только Боже,
Поцелуй... и мы закатим пир,
Чай заварим, сухари разложим.

Не беда, что я сегодня скуп,
Это мимолетное явление.
Есть ещё в пакете вкусный суп,
В баночке – болгарское варенье.

Будь хозяйкой, кружки ставь на стол.
Посидим. Покурим. Потолкуем.
Чувствую – пришла опять назло,
Но как раз люблю тебя такую...

Значит, не желаешь целовать...
Посмотрела на меня с укором,
«Ну, прощай! Но это на словах,
А на деле – до свидания...

до скорого...».

Нравы

Мне шепчут из прошлого тени,
Стряхнув, как наряд, с себя саван:
«Мы знаем, как хочется денег,
Как хочется власти и славы.

И всё это было когда-то,
И всё это вволю имели!
Остались нам гибели даты,
И те позабыть не успели».

О, призраки, тени земные,
За новость я вам благодарен,
Но люди не стали иными,
Что видно из старых преданий.

Бытие

Умирать неохота,
Но и жить надоело.
Русь, она, как пехота,
Забывает про тело.

Умирать неохота,
Но и жить надоело.
Мучит горло икота.
Кожа вся пропотела.

И душа стала круче
(Ей бы жить без оглядки!),
Благочестию учит
В Рождество и на святки,

В день Крещенья Господня,
В день Его Воскресения,
В день такой, как сегодня,
В день людского спасения.

«Сикстинская мадонна» Рафаэля

Незрима дрожь отчаянья в руках,
Не видно боли трепетного сердца,
То Богоматерь молча в облаках
Несёт, как жертву, своего Младенца.

Незримо сострадание в очах,
Душа не разрывается на части...
Не знать отца, не ведать свой очаг,
Жить на земле среди людей –
несчастье!

Но ведь о том не знает Божий Сын,
Он Матерью доволен, как ребёнок.
Судьба его – заоблачная синь,
Без молока грудного, без пелёнок...

За домисел простит мне Рафаэль,
Тем паче, что когда-то это было.
За тридевять, как говорят, земель,
Где звёзд сияло нам паникадило.

Сикстинскую Мадонну до сих пор
В обители небесной славит Боже,
Но даже Рафаэль её укор
Всему земному замечать не должен.

Счастливый мир

«Мне с каждым днём становится
всё лучше, –
Так утверждал француз

Куэ Эмиль, –
Когда-нибудь придёт счастливый
случай,
И я уйду ни с чем в загробный мир».

О, как он прав был, этот психиатр,
Движения не может быть «назад»!
И он ушёл «вперёд», где был
реактор,
Где был реактор жизни – райский
сад.

«Мне с каждым днём становится
всё лучше, –
Твердил пришелец, –
вот где – красота!»
И ангелы смеялись из-за тучи:
«Поэтому стремятся все сюда...».

Мой полдень

Моей души не исковеркали
Ни месть, ни зависть и ни ложь!
Мой полдень был, как солнце
в зеркале,
Смотрел в то зеркало – похож.

И если скажут: «Врёшь ты, парень,
Куда же ты потом исчез?»
Пренебрежительно, как барин
Отвечу: «На прогулку... в лес...».

А точка там, ещё в душе

Пока не слышен свист камней,
Нацеленных в окно,
Поставить точку надо мне
В делах. И пить вино.

Давно я выбился уже
Из всех последних сил,
А точка там, ещё в душе,
Нет для неё чернил.

Я – Кашира

Я – Кашира! Леса да овраги,
Да холмы, да равнины, да реки.
Вкруг меня суетятся варяги:
То монголы, то турки, то греки.

Я – Кашира!
Стонать мне негоже,
А тем паче лить горькие слёзы.
Лучше вылезу молча из кожи,
Как из шубы крещенской в морозы.

Лучше выйду на лёд там,
где прорубь,
Где в ушатах до времени сухо,
Закружит надо мной белый голубь,
И воскреснет во мне сила духа.

Я – Кашира! Остроги да струги
Да льняные холсты, да канаты...
Перетёрлись гужи и подпруги,
И коней увели конокрады.

Разбрелись боевые дружины
На восток, и на юг, и на запад.
Я сжимаюсь, как будто пружина,
Не дай Бог мне разжаться внезапно!

Я – Кашира! Легенды и мифы,
Небылицы, загадки и тайны.
Не ветрами развеяны скифы –
Отмахалась мечами от дани.

Я – Кашира!
Я – древняя волость.
Надо мной начинается небо.
Я – последний, единственный колос,
Уцелевший на родине хлеба.

Я – Кашира!
Мне жизнь, словно плаха.
Я – источник и гнева, и страсти,
Я – любимая дочь Мономаха,
Отлучённая знатью от власти.

Помогите в беде и в обиде,
Полюбите, молю я, друг друга.
Я – Кашира! Я – ваша обитель,
Я – родитель и тела, и духа.

Летучий голландец

Якоря у него, как запонки
На манжетах белых бортов.
Паруса поднимал на западе,
Поднимал для любых ветров.

Сбил носки. Обломились задники.
Босиком ушёл на восток.
Где цвели ещё палисадники,
Как в России. Листок в листок.

О, таящий мечту, голландец,
Ты бродяжишь, закрыв глаза,
И мечтаешь, как голодранец,
Вновь поднять свои паруса.

Глухонемая

Как трудно ей, глухонемой,
Одной пройти к себе домой,
Пройти сквозь тысячи мужчин,
Пройти сквозь тысячи причин,
Заговорить...
А на витринах словари,
А на сугробах снегири,
А дома двери, как печать,
Где не вскричать и не встречать.
Там нужно быть самой собой,
Одной, наедине с судьбой...
Постель по телу, как наждак,
Но надо ждать,... но надо ждать!
Пускай никто не говорит,
Пускай никто не укорит,
Что не ждала, что не звала,
Но ни на миг и ни на час...
А если нет – всю жизнь молчать.

Женская погода

Сонет

Двенадцать месяцев в году,
И все, увы, мужского рода,
Но только женская погода
Спасёт земную красоту.

Быть может, я с ума сойду
В тени естественного грота,
В мгновения её прихода
И перед нею упаду...

Она без зонтика, без грима,
Войдёт и спросит:
«Как здесь климат?»

Что ей ответить я смогу,
Ей, покровителю природы?
Наверно то, что я в долгу
На все оставшиеся годы...

Эх, Кубань...

В предрассветную ли рань,
Или поздним вечером
Ты признайся мне, Кубань,
С кем была обвенчана?

Или горы, или степь
Станут твоим суженым?
Приходили те и те
Свататься с оружием!
Эх, Кубань, моя Кубань,
Гордая, как горлица.
В хатах красная герань,
За хатами-то конница.

Эх, Кубань, моя Кубань,
Золотое солнышко!
Прикоснусь к твоим губам, –
Станешь моей Золушкой.

Я молчу о красоте
Свадебного кружева,
Но кого ты тет-а-тет
В спальне обнаружила?

Эх, Кубань... Кубань-река,
Нрава осторожного,
Полобила степняка
Родом запорожского.

Видение

Я смотрел, как в пустые глазницы,
На былые казачьи станицы,
На безмолвную, чёрную степь,
Где когда-то был месяца серп.
Я смотрел, словно был без ума,
Как сгущалась крошечная тьма.

«Где же солнце мое золотое, –
Думал я, – звёзд семейство святое?»
Я смотрел... было пусто вокруг!
Вдруг заметил единственный плуг,
А за плугом была борона,
А за ней сеял зло сатана...
Где же белые-белые кони,
Где же Агнец, а рядом драконы,
Где же грозный хозяин земли,
Где родитель последней семьи?
Но молчал человеческий дух,
Словно взяли его на испуг...
Я смотрел на казачьи станицы,
Где стояли с цветами гробницы,
Чародеи, факиры, жрецы,
Пресвятые с крестами отцы,
И ненужный уже никому
Под ногами валялся хомут.
Наконец-то все ангелы в сборе,
По ранжиру уселись в соборе.
Я остался стоять в стороне,
Чтоб не знали они обо мне,
Потому что увижу опять,
Как история движется вспять...

Жизнь коротка

Жизнь коротка! И это не секрет,
Не тайна та, которую скрывают,
Но, потеряв её победный след,
Иные люди часто унывают.

А ты, мой сын, иди своей тропой,
В конце концов, почувствуешь
победу!

Нелепую победу над собой,
Упав с небес на землю,
словно беркут.

Метаморфоз

Кончились пути мои окольные,
Жизнь пошла теперь совсем иначе...
Школьные стихи на подоконнике,
Конденсат над ними часто плачет.

Слёзы те, увы, ненастоящие
(Горевать по-бабьи нет причины!),
На калитке сгнил почтовый ящик –
Долго в доме не было мужчины.

Обитает в нём людское чучело,
Да земное имя – Анатолий,
Близким повторять его наскучило,
Так как без судьбы оно и доли.

Да ведь сам искал дороги дальние,
Клянчил сам себе краюху хлеба...
А стихи, бесспорно, гениальные!
Большого от них никто не требовал.

Рок немецкого языка

Чернели белые акации,
Чернели стены белых хат...
Я детство встретил в оккупации,
Скупым, как выстрел, словом:
«Хальт!»¹

Мне было с хвостиком три годика,
Но как давалась легко
Та, иностранная методика,
Где – «курка», «яйко», «молеко»...

Сегодня это не опасно,
И потому зубрит народ:
«Горбушка хлеба, но без масла,
По-русски будет – бутерброд!»

Я встретил вас...

С «фонарём» под глазом
и с похмелья
Притащусь к тебе за трояком...
Чудное воскреснет вновь мгновенье,
Что в душе хранил от всех тайком.

Оживёт и время золотое,
(Ведь не зря же выучил романс!)
И, нарушив чёрное застолье,
Подмигну тебе: «Я встретил вас...».
«Встретил, да? Опять?»

А дальше, дальше? –
Спросишь ты, – Что ждёт нас
впереди?»

Пробуксую: «Ждёт нас много
фальши
И с кастетом за углом кретин!»

Ты опять потянешься к стакану,
Я бутылке буду бить челом.
К вечеру тебе открою тайну,
Что не я с тобою за столом...

Нет, не я! Ты слышишь, дорогая.
Нет, не я! Отдам трояк в аванс.
Я – не я! И ты совсем другая,
Слушай, как поют: «Я встретил вас...».

Моральный кодекс

Нет чужих среди людей –
Каждый каждому товарищ.
Каждый каждому злодей,
Если мало каши сварить.

Нет чужих среди людей –
Все друг другу мы родные!
Но явился чародей,
И враждуем мы отныне.

Нет среди людей чужих –
Все мы Авель или Каин.
Вдоль родительской межи
Друг на друга ищем камень...

Это наш людской удел,
Это наш моральный кодекс.
Напечатал, что хотел –
Получай обратный оттиск.

¹ «Хальт!» – Стой! (нем.)

Враг

Чтобы жили все счастливо,
Раскулачили дотла
Члены сельского актива
Деда моего – хохла...

От своей, холопской власти
Деду не было житья,
И раскрыл он душу настежь
В полночь, сняв обрез с гвоздя...

Пронеслись года галопом,
Развевая красный флаг...
Буду я твердить до гроба,
Дед, неужто ты – мой враг?

Астральное созерцание

В две тысячи двенадцатом году
Я буду ждать, как в зале ожиданий,
Шикарную комету на ходу,
Что к нам спешит из тайных
мирозданий.

Летит она, сверкая, неспроста,
Всю нечисть соблазняя там, на небе,
А я боюсь, что может опоздать,
И не услышит на Земле молебн...

О, чаяния грешных и святых,
Неужто рухнут вечные надежды?
...Держу в руках прощальные цветы
И закрываю, как от страха, вежды.

Желание

С любимой часто я хочу
Побыть наедине,
Чтобы излить излишки чувств
Хотя бы при луне.

Хочу вступить в такой союз,
Где не было б вражды,
Но как отделаться от Муз?
У них любви бразды!..

Картина

Ей нравилась эта картина.
Берёзки. Речушка и луг.
Но годы прошли. Паутина,
Попутчица модных старух,

Затмила изящность природы
На белой, как саван, стене,
И вот, без особой охоты,
Картина попала ко мне...

Я бархоткой пыль с неё вытер,
Всмотрелся в знакомый пейзаж,
И столько бывшего увидел,
Как будто открыл вернисаж.

Как всегда

На Руси как всегда
Чередой в одночасье
За беду – беда,
За несчастьем – несчастье.

На Руси как всегда
И во всём – соучастье!
Вот упала звезда –
Чьё-то сердце на части...

Вот летит самолёт,
А за ним – пассажиры
Продолжают полёт –
Не мертвы и не живы!

Уж такая страна,
Друг без друга не можем!
Если есть сатана,
Значит должен быть Боже.

Тринадцатого июля

День начинался светло и спокойно,
Прятало солнце в деревьях лучи.
Я на коленях стоял пред иконой,
Слушал, как сердце тревожно стучит.

Солнце всходило всё выше и выше,
И на земле оставляло следы...
Вдруг ощутил я скорей, чем услышал,
И осознал неизбежность беды.

Комнатный сумрак несбывшейся
ночи,
То исчезал, то являлся, как дух,
Я увидел материнские очи,
Очи, в которых живой был испуг...

Страшно смотреть на смертельное
ложе,
Больно безмолвие воспринимать,
Всё я вместил в себя, всё,
что был должен.
Поцеловав на прощание мать.

Мне нравятся

Мне нравятся стройные ноги у вас,
Мне нравятся ваши змеиные губы,
Но я очарован игрой чёрных глаз,
Игрой, что влюблённых
безжалостно губит.

Мне нравятся белые руки у вас,
И рад целовать белоснежные груди,
Но я очарован игрой чёрных глаз,
Игрой, что нас вместе однажды
погубит.

Мне нравится локон –
живой мотылёк,
Всё время летящий куда-то на месте,
О, как бы хотел я, чтоб путь был далёк,
Наш путь обоюдный без грустных
известий.

Кони

Сонет

По-лебяжьи гордо выгнув выи,
Отточив копыта на камнях,
В сырмятных, но, дай Бог, ремнях,
Шли по шляху кони боевые.

Сколько их, бесстрашных,
по курганам,
Где горит по осени стерня,
Где такая память у меня,
Словно фараоновский пергамент.

Задирая пустоту извилин,
В Краснодарский мчат аэропорт,
Но не кони! Мчат автомобили,
Не смахнуть с железа грязь, как пот.
И стоит в моей станице лошадь¹,
Украшая скромный скверик...
площадь...

Незнакомка

Подкрадётся за полночь ко мне
незнакомка,
И холодную руку положит на лоб:
«Собирайся, мужик, но уже
без котомки,
Там, за дверью тебя дожидается
гроб!»

Неужели стоит? Неужели
дубовый?
Неужели гвоздями железными шит?
Так поздравь меня, барышня,
с этой обновой,
Мне хотелось давно беззаботно
пожить!

¹В станице Пашковской, в двух кварталах от хаты, в которой прошла моя юность, в честь казаков-кубанцев, принимавших участие в разгроме немецких войск, стоит памятник.

Нам вече нужнее, чем спич
или брифинг...
Крылатые кони грызут удила,
Полынные ветры быют в колокола.

Мы – скифы!
В безмолвных курганах легенды
и мифы,
И корни живые бессмертной травы,
Но поднимемся мы супротив злой
молвы.

Щенок

Кто-то вскрикнул даже: «Мама!»
Только после: «Берегись!»
Рухнул кедр на волок прямо,
Но ничью не тронул жизнь.

Встали живы. Невредимы.
А когда прошёл испуг,
Сняли шапки побратимы –
Под хлыстом лежал их друг...

Он лежал судьбой раздавлен,
Он лежал, как спал у ног,
Необтёсанный, скандальный,
Приблудившийся щенок.

Безгрешные идеи

Сонет

Да! Есть безгрешные идеи,
Они живут среди людей,
И их единственный удел –
Нас обеспечить всем без денег!

Меня их призрачные тени
Чтоб я совсем не оскудел
В такую вяжут канитель –
Не размотать без сновидений.

Но я богат тем, что живу!
Богат, а значит путы рву.

Рву так, чтоб старых не связали,
Рву так, чтоб новых не сплели,
Чтоб избежали наказаний
За то, что жили, как могли.

Афродита

Обида ещё не забыта
В Измайловском парке Москвы,
Когда ты сказала сердито:
«Да, я Афродита, вывы...».

О, имя бессмертной богини,
К несчастью иль к счастью дано?
Из мрамора, гипса и глины
Твой образ забыл я давно.

Забыл и уже не жалею,
Но в памяти вновь оживёшь,
Когда по заветной аллее
Ты с Паном под ручку пройдёшь.

«Белая Кашира» (2012 г.)

От автора

*Философия, говорил автор книги
«Жизнь Иисуса» Эрнест Ренан, – это при-
права, без которой все блюда кажутся без-
вкусными...».*

*К словам Ренана я бы добавил ещё и
то, что без философии, без мышления и
поэзия стала бы мякиной.*

*Этим-то и тяжела работа стихот-
ворца, что она заставляет людей мыслить
и чаще всего «небесными» образами.*

*Так случилось, когда я размышлял о
Кашире. Она мне виделась «дочерью Мо-
номаха», «Богородицей с младенцем на ру-
ках», «Крестьянской невестой»... Вот по-
этому и сборник стихотворений назван
«Белая Кашира».*

*Ну, кто может представить себе не-
весту в чёрном? Это уже не невеста, а*

«ведьма», какая-то «всезнайка», колдунья, шаманка...

Ночь чёрная, так как она всё пережила, испытала, вынесла и сохранила для грядущего дня, который новобранцем явится в войско Христово.

Земля чёрная, так как она есть всему прах. Но Кашира белая, так как Кашира для меня юная роженица. Потом, с веками, она помудреет, доберётся до смысла своего бытия, и многое может изменить...

Это миниатюрное эссе для доказательства белизны, стерильной чистоты и благих помыслов каширян, которые есть суть бессмертной Каширы, а Кашира есть маленькая Россия.

Белая Кашира, ты наворожила

Белые восходы. Белые закаты.
И на белом свете – белый день.
И в руках судьбы моей белые карты,
Как в оврагах белая сирень.

Белый одуванчик. Белая ромашка.
И на сеновале белый сон.
Значит, я родился в беленькой
рубашке
Под церковей весёлый перезвон.

Жаль, что жизнь уходит,
Жизнь моя уходит,
Словно пароходик на Оке!
Белый пароходик, белый пароходик,
Белой чайкой тает вдалеке...

Белая Кашира, белая Кашира,
Ты во мне под солнцем и луной.
Белая Кашира, ты наворожила
Пядь земли, что будет подо мной...

Бабушка Евдокия

Царство тебе небесное,
Бабушка Евдокия,
Самое интересное –
Я ведь дошёл до Киева!
Вёл не язык, как странника,
Шёл не в беде и в горе.
Знаешь, самое странное –
Даже не объегорили!
Царство тебе небесное,
Бабушка Евдокия...
Самое расчудесное –
Люди везде такие!
В доме,
В саду,
На пасеке,
В поле,
На огороде...
Как у Бога за пазухой –
Справедливость в народе!

Чернозём бытия

Как мало мы живём на белом свете,
Как много чёрных дум в себе несём.
Из века в век,
Стараясь не заметить,
Что бытия смертелен чернозём.
Но созревают
Вновь степные злаки,
Но в борозде опять сияет плуг,
И вспыхивают мысли, словно маки,
Которых нет давно уже вокруг.
И входят в нас, струясь, земные
соки,

И жаворонка песня – так светла,
Что пробуждает в душах
Дух высокий,
Сжигающий всё грешное дотла.

Мои предтечи

Были! Были и до Сократа
Башковитые мужики,
Понимали, что их зарплата –
Просто сушие пустяки!

Были! Были и до Сократа
Настоящие мужики,
Понимали, что жизнь когда-то
Будет тяжкая, как лопата,
И наглее, чем сорняки!

Были! Были и до Сократа
Непотребные мужики,
Но глаголили так крылато,
Как базарные языки.

Были! Были и до Сократа
Затрапезные мужики,
И осталось от винограда
Амфор колотых черепки...

О, предтечи! Мои предтечи,
Как сегодня вы далеки,
Чем, родные, вас обеспечить,
Расстоянию вопреки?

Письмо турецкому султану

Нет, я смеяться не устану
Над тем, как пишут казаки
Письмо турецкому султану,
Раскуривая чубуки.

Не стоит долго в строчках рыться,
Бери любую, с маком ешь!
Ну вот: «Якый ты славный рыцарь,
Коль голой... ёжика нэ вбъешь?»

Упал казак! Упал от смеха,
Другой схватился за живот.
Скорлупкой грецкого ореха
У старика беззубый рот.

Старик старается под старость
Помягче как-нибудь сказать,
Да не сказать! Одно осталось:
Руками только показать.

И писарь смотрит виновато,
Пером тот жест не описать!
Не всё выходит в жизни свято,
Но грех прощают небеса.

Простит и этот выпад небо,
Хотя рассердится султан...
Как раз вот тут казак и влепит,
Вон расстегнул вовсю кафтан!

Немец с Эльбы

Партизанская быль

Ах, как немец играл на гармошке
губной
На колхозном току над Кубанью,
Этот немец, видать, был мужик
пробивной
И, пробившись в Россию, был ранен.

Ах, как немец играл на гармошке
губной,
На колхозном току над Кубанью,
Я, трёхлетний пацан,
у него за спиной
Помогал ему скупю губами.

Он под солнцем лежал в сапогах
и трусах
С автоматом на шее и в каске,
И в его одурманенных счастьем
глазах
Оккупантская зрела закваска...

Немец с Эльбы играл на гармошке
губной,
На провеянной ветром пшенице,
И подсел к нему парень с рожденья
хромой
Вместе с вздорной и пьяной
девицей.

Сын Сергей и мой внук Денис,
Оставляю на всякий случай
Мне служивший весь век девиз:
«Всё, что делает Бог, всё к лучшему!»

Венецианский прикол

Венеция – не на Дону Ростов,
Не Краснодар на берегах Кубани,
Венеция – 400 мостов!
И на гондолах покатают парни.

Тот способ заработать деньги прост.
Влюблённых (по воде аки по суше)
Везут тайком (конечно же!) под мост,
Чтоб поцелуем их скреплялись души.

Поцеловаться можно только раз,
Но разве этим ублажить
влюблённых?
Им океанский подавай баркас,
Слезой любви на счастье
просмолённый.

Венеция! Признаюсь по-мужски,
Послушай под гитару аллилуйю
От казаков кубанских и донских,
Но только после сладких поцелуев.

С тех пор

С тех пор, как оказался я в кювете,
Оставив сиротой отцовский дом,
Мне страшно жить на этом белом
свете,
Ещё страшнее будет жить на том...

Но я войду в его чертоги смело,
Чертям и ведьмам в пояс
поклонюсь:
«Я не боюсь, – скажу, – что солнце
село,
И вас, строптивых, больше не боюсь!»

С тех пор, как оказался – я в кювете,
Оставил сиротою отчий дом,
Мне страшно жить среди людей
на свете,
Друг друга восхваляющих кругом...

Дела земные

Господи, хоть раз благослови
На дела воистину земные!
Слышишь, как сцепились соловьи?
Соловьи, как люди, заводные.

Вот и я срублю себе избу,
Обнесу картошку частоколом...
Интересно, в горле иль в зобу
Прячут птицы то, что в людях
КОМОМ?

Клубней наберу мешков полста,
И прикусят языки соседи.
Ой, как тихо стало вдруг в кустах,
Значит, появились в гнёздах дети.

Господи, хоть раз благослови
На дела воистину простые!
Видно, мой язык не для любви,
Если даже чувства холостые.

Скоморохи

Скоморохи. Скоморохи.
Скоморохи.
От потехи разрывается душа.
Всё дороги, всё дороги, всё дороги,
И в карманах сколько дней уж
ни гроша.

Только скука и тоска на белом свете,
Да мороз в степи, как серый волк,
Да свистит, как соловей-разбойник,
свирип,
ветер,
Подпевают ветру гусли и свирель.

Казалось бы уже
Мне нечего бояться.
Над всем, что есть в душе,
Успел я посмеяться.

Над всем, что в сердце есть,
Пропел я аллилуйю,
И свой могильный крест
Последний раз целую.

Не знаю – почему
Я нёс его до гроба...
Последний поцелуй,
В нём и любовь, и злоба.

Кашира

*«Над широкой рекой,
Пояском-мостом перетянутой,
Городок стоит небольшой,
Летописцем не раз помянутый».*
«Городок». Николай Гумилёв

От Москвы подать рукой
Для того, кто горем тёртый,
Над мелеющей Окой
Три моста... даёшь четвертый!

Этот русский городок
Для Москвы всегда под боком,
Для России с ноготок,
Но с ясаком и оброком.

Летописец Гумилев
Для потомков Мономаха
Описал без лишних слов
Городок. В нём есть отвага,

Есть хурма и виноград,
Место есть и для инжира...
Выбираю наугад
Имя женское – Кашира!

Темнота в степи

Звёзд горящих стылый солончак.
Запах шерсти. Зноя и полыни.
Темнота в степи, как саранча,
На огонь стремится и поныне.

Волкодавы за день одурев
От жары, от мух, от злого бега,
Сонную усталость одолев,
Лижут брызгу, как кусочки снега.

От костра глаза у них черны,
Не спугнут отары ночью волки.
Я уснул... и снились мне челны
Белыми «Ракетами» на Волге...

Добро и зло

Чтобы жизнь была комфортна
И, естественно, мудра,
Зло, по Гегелю, есть форма
Утверждения добра.

Потому что через годы
Зло уже не будет злом.
Не появится охоты
Задним рассуждать умом.

Зло по Гегелю есть форма
Утверждения добра
Без трагического фона,
Без оскала топора.

Без крутого атрибута,
Без сопутствующих слов:
«То ли зло – добро, как будто,
То ль добро, как будто зло».

Приказ № 227

Был Гитлер резок: «Фас!» –
Вопил в рейхстаге всем.
Но будет дан приказ,
Тот – 227!

Дунай легко взял Ганс,
И Днестр, и Днепр, и Сейм.
Но будет дан приказ,
Тот – 227!

В нём Сталин говорил,
Пощипывая ус:
«Нэт! Я нэ конвоир...
Сдаваться хватит, Русь!»

Был лучшей из систем,
Что бьют не в бровь, а в глаз,
Тот сталинский приказ,
Тот – 227!

Он охладил азарт,
Сдаваться немцам в плен.
А сделал шаг назад –
Заградотряд с колен...

Прощание с детством

Сонет

Прощай, спорыш, крапива, лебеда,
Прощай, в степи размытая дорога,
Прощай изба, что к старости
оглохла –
Поэты уезжают в города.

Прощай в колодце чистая вода,
Прощай и ты, колхозная эпоха,
Мы отреклись от Маркса и от Бога,
И трудовни забыли навсегда.

Забвение царит в степной глуши,
Мы коллективно разучились жить.

И я иду последний раз тропой,
Где по бокам упали ниц озимые,
И не веду коней на водопой,
Не называю больше их по имени...

Бондарь

Когда на земле ещё не было понта
И чача не была в мужские мозги,
А я уже был по призванию – бондарь!
И бочки клепал для прогулок
морских.

Как этих посудин боялась Европа,
Боялась, как тысяча тысяч чертей.
Присвоил одну Диоген из Синопа,
А в ней, словно сельди, набито идей.
Я – бондарь! Вы слышите, люди:
«Я – бондарь!»

Обед мой – солёная вобла и хлеб.
Сегодня в цене вновь ручная работа,
Копейки не стоит сплошной
ширпотреб.

Под этим навесом из тёса и драни,
Мечтаю в тени с табаком об одном –
Напиться из бочки какой-нибудь
дряни
И в Азию выбить под утро окно!

Когда на земле ещё не было понта
И чача ещё не стучала в виски,
Я всё обыскал до границ горизонта,
Чтоб бочку найти из дубовой доски.

Жизнь не меняла прежний стиль

Сонет

О, как в душе я ликовал,
Когда, ветрам оставив степи,
Через вокзал, что на Зацепе,
Добрался на Цветной бульвар...

Там, на ладони поплевав,
С себя бывшего сбросил цепи,
Подумаешь, примерно, центнер,
И жизни стал крутить штурвал.

Как говорить на разных языках,
В итоге ничего не понимая?
Непонимание всему приносит крах,
Так думает земля глухонемая.

Так думают учёные умы,
Так думают газеты и журналы...
И всё это как раз в конце зимы,
Когда весна готова смыть анналы.

Её язык – язык оживших вод
И солнца, что красуется в зените.
Её язык услышит огород,
Готовый для восторженных соитий.

Но я об этом больше ни гу-гу,
Об этом нам ещё расскажут пчёлы.
Для них в садах фруктовое рагу
Готовит шмель, любовью
удручённый.

Язык любви – единственный язык,
Главенствуют где мимика и жесты,
Но не настолько он ещё велик,
Чтоб гладить всё живое против
шерсти...

О, русская, языческая речь,
Не ты ль носила смокинги и фраки?
Престиж твой не сумели уберечь
Мещанские привычки и филфаки.

Теперь по-русски редко говорят,
Всё больше шпарят
на «американском»...
Я этому отчасти даже рад,
В «американском» нет
политиканства.

Иносказанья зная наизусть
(Они изрядно всем осточертели!),
Я понимаю, что скабрезность чувств
Гнетёт рассудок, унижает тело...

О, русская, классическая речь,
Чтоб о тебе молва ни говорила,
Ты обнажи язык свой, словно меч,
Классический язык – всему мерило!

О, русская, родная наша речь,
Язык твой для меня не слаще хрена!
Но все равно себя увековечь,
Всё остальное в этой жизни бrenно,
Одной тебе не избежать рефрена.

Каширянкам

Каширянки... каширянки,
О, как скучно нынче жить
Без есенинской тальянки,
От которой пол дрожит!

Без которой в горле сухо,
И не грех бы промочить...
Я и сам мотался «мухой»
За бутылкой в Баскачи.

Каширянки... каширянки,
Век вам выдался крутой.
Светит месяц без огранки
И, увы, не золотой.

Но и это, слава Богу,
В этой жизни чудеса!
Месяц светит и дорогу
Освещает в небеса...

Каширянки... каширянки,
Крепко вас я полюбил,
Сразу после первой чарки
Бог на то благословил!

Но всё же...

Сонет

Но всё же в мире кто-то есть,
Чтоб нас, безумных, образумил,
Взыскал долги по полной сумме,
Вернул и совесть нам и честь!

О том слышна повсюду весть,
Знак подаёт небесный зуммер,
Чтоб грешный род людской не умер,
А продолжал нести свой крест

До приснопамятной могилы,
Где Афродиты и Ахиллы
Нашли небесный свой приют,
И отдыхают от земного,
И нам такой пример дают,
Поскольку нет нигде иного.

1812

Москва горит... французам жарко,
Мундиры сбросив, пьют вино...
Им из Москвы на катафалках
В Париж вернуться не дано.

Москва горит... французам жарко,
Мундиры сбросив, пьют вино...
Им встретить девок в полушалках
Увы, в Москве не суждено.

Москва горит... французам жарко,
Но не России в том вина.
Вина московского не жалко
За день и ночь Бородина!

Москва горит... чадят огарки.
Наполеон трёт красный нос...
О, самогонка русской марки,
В жару целебна и в мороз!

Москва, спалённая пожаром,
Французам нет, не отдана!
И мчат ужалены, как жалом,
И те, и эти времена...

Цыганки

В цветастых юбках, кофточках
прозрачных
Они пришли гурьбою на базар
И привели детей своих внебрачных,
Потомков диких скифов и хазар.

Изголодавшись, как всегда в дороге,
Не отводили от еды глаза,
И вот мужик какой-то босоногий
С усмешкой им, но честно подсказал:

«Хватайте всё, что можете
с прилавков,
И объясняйте чётко торгашам,
Что к юбкам или кофтам, мол,
булавкой
Товар продажный пристегнулся сам!..»
Цыганки эти были так красивы,
Так в них кипел, так буйствовал азарт,
Что полицаи не спросили «ксивы»,
Предчувствуя расклад цыганских
карт...

Эмигрантам

Всё верните русскому народу,
Всё, что отобрали у него...
И не суйтесь впредь, не зная броду,
И родных не видя берегов.

Всё верните русскому народу,
Прежние и новые долги,
Чтоб не жил он через пень-колоду,
Не молил: «О, Боже, помоги!»

Всё верните русскому народу,
На чужом горбу не въехать в рай.
Презирает зарубежный край
Тех, кто потерял свою породу...

Всё верните русскому народу,
Всё, что было раньше у него,
Даже карт тюремную колоду
Всю верните. Только и всего...

Всё верните русскому народу,
Всё, что за границу увезли,
Ведь сейчас плюют за это в морду,
Разглашая западную моду
И тая базарный эксклюзив.

Дуализм времен

Есть две оценки: «хорошо» и «плохо».
Есть два ответа вечных: «нет» и «да».
Всё остальное в мире не от Бога,
Так думаю я в жизни иногда.

Но, в общем, не мудрец я, не философ,
Хотя, бывает, на исходе дня
Вновь возникают тысячи вопросов,
Безжалостно терзающих меня...

О, горе рассуждать при лунном свете,
Когда любовь целует этот свет.
Нет сил взаимно той любви ответить,
В душе не сформулировав ответ...

Есть две оценки: «хорошо» и «плохо».
Есть два ответа вечных: «да» и «нет».
Всё остальное в мире не от Бога,
Всё остальное – суета сует!

Лаокоон

У обманам и лжи –
Вездесущий закон.
И пред ним наша жизнь,
Как с детьми Лаокоон!

Все исчадья земли
Не несли столько бед,
Как две эти змеи,
Что ломают хребет!

О, правдивый отец,
Кто поможет тебе
Взять победы венец
В этой вечной борьбе?

Кто бороться бы стал
В просвещённый наш век,
Где стоит пьедестал,
Но исчез человек...

I. Художественная проза

Короткие рассказы

А я знаю...

Анку любит вся бригада. Без Анки – никуда. С Анкой хорошо. Она весёлая. Спроси у неё что-нибудь, она ответит: «А я знаю...». Придут ремонтники – спрашивают: «Где станок фальшивит?» – Анка смеётся: «А я знаю...». И точно, знает.

Работает подвозчиком в Анкиной смене парень. Общается с нею мало, только поглядывает. Но девчонок не проведёшь. Однажды подошли они к Анке:

– Ты всё знаешь?

– Всё!

– А знаешь, что влюбился в тебя вон тот парень?

Анка чуть не выпалила: «А я знаю...». Но тут же спохватилась. Оробела. Потом, когда ушли подруги, подошла к нормировщице:

– Тётя Паша, а как вон того парня зовут?

Та удивилась:

– А разве ты не знаешь?

Анка отрицательно покачала головой.

Заявление

Она работает в транспортном. У неё отличный погрузчик.

Недавно кто-то сообщил:

– Возможно, поставят её бригадиром.

Зашумели:

– А что, и поставят, тогда смотри...

– А что, смотри? – послышался голос. – Не захотим, и всё.

Сегодня ребята молчат, в глазах – грустинки. На самом видном месте стоит её погрузчик.

– Ну вот, – тянет Вовка, – не за-хо-тим... – Его тяжёлый взгляд ложится на высокого парня. Тот отворачивается.

– Что такое, Вовка? – спрашивает механик.

– Как что! Уходит она от нас, на-сов-сем. Слышал, будто в другой цех заявление написала.

*А. Прядкин, грузчик хлопчатобумажного комбината, Краснодар
30.04.1965 г.*

В степи

Рассказ

Тимофей сидит на широкой скамейке в углу комнаты. Иногда он поднимает голову и, опуская руки на колени, глядит в окно, наблюдает за белыми хлопьями.

Они падают медленно, осторожно, как бы раздумывая о своей дальнейшей судьбе. Падают и падают...

В комнате холодно. Даже матросский бушлат, который не раз выручал Тимофея, сейчас не в силах ему помочь согреться. Холодно. Печь давно не топились.

Снова, в который уже сегодня раз, перед его взором проплывает степь...

Лето было жаркое. Без воды ни шагу. Степь не город, где на каждом углу газировка есть. У Тимофея по этому случаю на комбайне бочонок был. Он ему от материнского хозяйства остался. Мать в деревне жила, а когда её не стало, Тимофей из деревни подался. Взял чемодан свой да бочонок, и в степь. Больше в деревне его не видели. Забыли почти о нём, только когда появился он там, спрашивали:

– Ты что, всю жизнь в степи пропадать будешь?

– Может, и всю жизнь, – отвечал он.

Жил он в избе, недалеко от фермы. Дорога к ней мимо его окон шла. Зимой на тракторе, летом на комбайне – профессия такая у него. От отца унаследовал тягу к машинам.

А комбайн у него послушный был. Словно живой. Вот только говорить не мог. Попробуй, что не так сделай, заворчит сразу, зафыркает – обижен, значит. Тимофей не любил обижать машину. Обижать нельзя.

На скулах у Тимофея появляются желваки. Потом они исчезают. Это от тепла ладоней. За

окном по-прежнему снег. Тимофей облизывает сухие губы. Вот так они сохли летом. Но тогда у него на комбайне был бочонок, прикрытый ржаной соломой. Солнце не так его грело. Опалились губы – к бочонку их. Вода студеная, вкусная. Другие воду в ведрах держали. Она у них так нагревалась, что яйца варить можно было.

Шурка всегда первый заезд к нему делала. Подъедет к комбайну и кричит:

– Эй ты, белоголовый, воды хочешь, тогда машину глуши. Видишь, лошади боятся.

Лошади действительно косились на комбайн и близко, как ни старалась Шурка, к нему не подходили. Тимофей удивлялся: и как это она только управляет с ними, ведь силы-то у неё никакой нет. Пока наполнял он свой бочонок, она сидела на бричке и на него смотрела. Глаза у неё на речку похожи были. Может, от того, что в речку смотрела долго.

Отъезжала она медленно. А отъедет подальше, хворостиной взмахнёт, и лошади несутся.

Спал Тимофей прямо под комбайном. Настелет соломы, бушлат сверху. Хорошо так. Ладони под голову подложит. И лежит, на небо смотрит. Думы разные думает. А больше про степь. Рядом никого, только кузнечики. Птица изредка ночная где-то закричит. Степь тогда тревожной становится. Затихает всё вокруг сразу, словно прислушивается степь: о чём это птица кричит... От степи ничего не скроешь. Она всё знает. Наверное, знает она, что Шурка о нём думает.

– Спросить бы, – думает Тимофей. – Только к чему это...

Просыпался он на заре, ругал заправщиков, что поздно приезжают. Узнавал у них, сколько другие вчера скосили. И выходило так, что не хуже других работал, хотя знал, что загоны у него короче всех. Потом опять приезжала Шурка и опять кричала:

– Эй ты, белоголовый...

Словно один день, прошло время косовицы. Теперь на косогорах виднелись золотые проталины скошенной ржи. Комбайны покидали степь. Тимофею оставалось работы немного. Как всегда, утром приехала Шурка. На этот раз она не кричала. Остановилась, и лицо её казалось каким-то грустным.

Тимофей взял бочонок и подошёл к бричке. Наливал воду как-то нехотя, зная, что всё равно она не потребуется. Затем почему-то поставил бочонок на землю и посмотрел вверх.

– Дождь будет, – сказал он задумчиво.

Шурка молчала. Тимофей взял бочонок и пошёл к комбайну. Шурка замахнулась на лошадей, тронула вожжами, и лошади пошли.

Остаток дня работа не клеилась. К вечеру пошел дождь. Тимофей взял бушлат и направился к дороге. Шёл быстро, совершенно ни о чем не думая. За балкой вышел на дорогу и оглянулся. Степь была мокрой и тяжелой. Она молчала. Только монотонно над ней шумел дождь. Первый осенний дождь.

Дорога начала раскисать, но ещё под коркой пыли хранилось тепло и виднелась сухая земля. Она виднелась там, куда опускались тяжелые сапоги. Потом на дороге Тимофей заметил две светлые линии. Они уходили туда, куда вела дорога.

«Да это же бричка прошла», – подумал Тимофей и прибавил шагу, в надежде догнать её. Идти и смотреть на эти две линии было интересно. Они были всё время перед глазами. Иногда ему казалось, что они вот-вот сольются в одну широкую линию. Но они вдруг расходились, потом снова сходились. И так всё время.

Какое-то странное чувство заставило оторвать взгляд от дороги. Тимофей поднял голову. Прямо перед ним стояла бричка, а на ней, согнувшись, спиной к нему сидела Шурка.

Она не повернулась, когда он её окликнул. Она молчала, когда он уже сидел рядом и спрашивал, почему она оказалась так поздно в степи. Платье её было насквозь промокшее. Тимофей снял бушлат и накинул ей на плечи.

– Простыть так можешь... Шурка отрицательно покачала головой, отчего её завитушки смешно качнулись на лбу. И здесь-то Тимофей заметил, что он давно смотрит в её глаза. Нужно было обязательно что-то сказать. Но что? Что можно сказать, когда смотришь в такие глаза, в те глаза, которые тебе снились ночами, которых ты так боялся. А теперь они перед тобой.

...Тимофей опускает ноги на пол, обувает валенки. Встает. За окном по-прежнему падают хлопья. Ему кажется, что в эту минуту и Шурка стоит у окна. И в её комнате так же тихо, как в его, и думает она о том же.

05.02.1966

Голубые города

Рассказ

Димка остановился. Вернее, его остановил доносившийся из репродуктора бой курантов. «Опять будут дома нотации», – подумал он. Как оправдаться перед отцом, ведь спросят обязательно, где так поздно был. Сказать, что задержался у Игоря, значит окончательно использовать все свои резервы, хотя только они могут положительно подействовать на отца. И Димка решился...

Отец, обложившись газетами и журналами, сидел на диване. По субботам он всегда прочитывал то, что не успевал за неделю. Димка сделал вид, который означал: «интересное что-нибудь, да?»

К его удивлению отец действительно показал на газету:

– Читал? Будут строиться «Голубые города». Предприятия полностью автоматизированы. Сам город удивительно красив. Каждая улица, каждый квартал – это новые, оригинальные по замыслу и красоте исполнения архитектурные сооружения. К услугам жителей города – тротуары-эскалаторы. Не придётся ездить за солнцем на Черноморское побережье – искусственный климат позволит горожанам иметь свои замечательные курорты... Ну, что ты теперь скажешь?

– Да, великолепно, – протянул Димка. – Я об этом читал.

– Мы первыми в мире запустили искусственные спутники вокруг Земли и Луны, – сказал отец, – и мы первыми построим такие города...

В это время из спальни вышла мать.

– Что это вы здесь обсуждаете? – спросила она.

Димка этим вопросом был спасен. Ему предоставлялась возможность увести родителей от неприятных для него расспросов о том, где он так поздно был. Не мог же он рассказать матери, что Ленка Мостикова весь вечер водила его по окраинным улицам, а потом вдруг ей вздумалось посмотреть на ночную Оку. Сейчас, наверное, она уже спит, а вот ему нужно искать выход из положения. Правда, отец сегодня почему-то не спрашивает его ни о чём... Видно, он находится ещё под впечатлением прочитанного. Димка уловил это и, как ни в чём не бывало, стал продолжать разговор.

Однако вмешалась мать. У неё не было особого желания в такой поздний час рассуждать о городах будущего.

– Димка, тебя ждёт на кухне ужин, – сказала она. – Поешь и ложись спать.

Спорить с матерью бесполезно, это Димка усвоил ещё в детстве. И он безропотно стал выполнять то, что ему приказано.

Проснулся он в половине девятого. В квартире было тихо. Значит, отец и мать на работе. Первое, что пришло ему в голову это позвонить Игорю, рассказать о встрече с Ленкой Мостиковой. Но потом он решил, что сделает большую глупость, открыв Игорю тайну.

Ленка, конечно, хитрая, но вчера она была на его стороне. Ей нравилось, когда он говорил о великих открытиях. У него всё получалось как-то просто. Игорь же рассуждал совсем не так. С благоговением говоря о первооткрывателях, он не забывал и того, что они достигают цели огромным трудом. И поэтому надо много знать. И математику, и физику, и химию... Ленка Мостикова не думала посвящать себя науке, она останется после школы дома, работать в родном городе, а Игорь мечтает уехать куда-нибудь на Север, который давно уже его манит.

Димка садится на диван и ищет газету, в которой напечатана статья учёного о «Голубом городе». Снова перечитывает. Интерес его растёт. Но здесь он неожиданно хлопает ладонью по колену: адреса этого города нет...

– Как же так, – думает он, – всё сообщили, а где будет строиться, не указывается. – Теперь уже ему обязательно нужно звонить Игорю. Тот наверняка знает про этот город.

Голос Игоря в трубке не такой, как в школе. Там он вибрирует и даже иногда попискивает, а здесь, в трубке, голос спокойный и ровный. Димке кажется, что Игорь говорит откуда-то издалека, что между ними лежит тысяча километров, хотя он знает: Игорь совсем рядом, его дом – на другом конце улицы.

– Слушай, Игорь, так ты приходи ко мне сейчас, вместе отыщем его. У меня сегодня новостей, хоть руками разгребай. Приходи, я тебя жду...

Игорь пришёл минут через двадцать и принёс с собой старый атлас. Через некоторое время они склонились над ним, показывали пальцем то в одно, то в другое место.

– По всей вероятности, его должны строить в Заполярье, – сказал Игорь. – Только интересно, зачем нужен такой город там, где вечная мерзлота?

– Как это зачем нужен? – переспросил Димка. – Наша страна огромна, различны климатические условия. Но это не должно помешать людям всюду жить хорошо. Конечно, сделать это очень трудно. Ты же сам говорил, что новые открытия требуют огромных усилий.

Игорь молчал. Ему уже было безразлично, о чём говорил рядом Димка. Он видел себя в «Голубом городе». Да, только голубым может быть тот город, который он выстроит. После школы он поедет туда во что бы то ни стало. Он будет зодчим, будет строить. Строителям коммунизма нужны такие города. Игорь смотрит на Димку: не догадался ли тот, о чём он думал. А Димка хлопает его по плечу.

– Что, хочется поехать туда? Я, признаться, сам сейчас думаю об этом. Вот представь себе, идём мы с тобой с рюкзаками по земле, которой ещё не каса-

лась нога человека. Идём и идём, а за плечами у нас остаются вот такие города. Потом где-то далеко нас догоняет письмо от Ленки Мостиковой, в котором она пишет, что хотела бы строить вместе с нами.

Теперь уже Игорь хлопал Димку по плечу:

– Подожди, подожди... Почему это ты Ленку Мостикову вспомнил, видно, она и с тобой на Оку ходила? И с ней ты о «Голубом городе» говорил?

Димка покраснел. Сознаться другу не хотелось. А Игорь продолжил:

– Так вот откуда у тебя столько новостей, что хоть руками разгребай. – Последние слова он

произнёс с иронией. Это задело Димку за живое. Он чуть-чуть было не вспыллил, но вовремя вспомнил, как глупо они повздорили в прошлый раз и совсем спокойно ответил:

– Давай вместе оставим в покое Ленку. Пусть она будет сама по себе, а мы...

Телефонный звонок не дал ему договорить. Это звонила Ленка Мостикова.

– Мальчишки, вы опять вместе, – голос у неё был, как всегда, звонкий и возбуждённый. – А я так и знала. Позвонила Игорю, мама его сказала, что он пошёл к тебе. Значит, сегодня мы отлично проведём вечер.

Игорь и Димка переглянулись. Они совали друг другу телефонную трубку, не зная, как выйти из положения. Эта Ленка Мостикова всегда диктует свои условия.

– Я буду ждать вас на площади, – проговорила телефонная трубка. Пока мальчишки решали, что ей ответить, послышались гудки.

– Надо это учесть, – сказал Игорь, показывая на телефон, – она думает, что важнее её желания нет ничего на свете.

Димка разделял мнение товарища.

...Они шли долго по высокой дамбе. Синий вечер после первого весеннего дождя наступил незаметно. Справа от них плавно плыла Ока, неся на своей тугой спине молчаливые баржи.

– Куда они плывут? – опросила Ленка.

– В города, – ответил Димка.

– Голубые, – добавил Игорь.

– Мальчишки, давайте никогда не расставаться, ведь это здорово быть всегда вместе и быть всегда друзьями. Вы только подумайте: вот скоро окончим школу, станем совсем взрослыми, а наша дружба, как и прежде, будет юной. Я не против таких голубых городов, о которых вы мне рассказали, но ещё на земле должны быть и такие маленькие городки, как наш. Городки, в которых прошло наше детство, где остались наши мечты, и вот такие вечера, как этот, весенний, предмайский...

Ленка замолчала. Где-то далеко послышался шум электрички, которая потом жар-птицей пронеслась над рекой, оставив на берегу запах распустившихся почек и дождя.

Мальчишки ждали, что Ленка Мостикова заговорит опять, ведь они впервые были согласны с её желанием.

30.04.1966

Звезда над ёлкой

Новелла

Это была последняя электричка, которая уходила из Москвы в этом году. Остальные отправлялись уже после двенадцати. И, когда они уселись друг против друга на тёплые скамейки, Людмила сказала:

– Хорошо, что мы нигде не задержались.

– Могли бы уехать только через год, – пошутил Виктор. – Представляешь, целый год мог бы пройти...

И они рассмеялись, вспомнив, как бежали из метро и Виктор упал.

– Тебе не больно? – вдруг спросила Людмила.

– Нет, пустяки совсем не больно. Я больше всего беспокоился об игрушках.

Виктор кивнул на спортивную сумку:

– Нужно проверить, всё ли там в целости. – Он вытащил несколько маленьких коробочек и потряс ими в воздухе:

– Здесь порядок...

– А здесь? – спросила Людмила. Она показала на картонную коробку чуть больше первых.

Виктор дотронулся до коробки и уже хотел её поднять, чтоб потрясти, но неожиданно раздался мелодичный перезвон тонкого стекла. С минуту они молчали и вопросительно смотрели друг на друга.

Первым нарушил молчание Виктор:

– Разбилась...

Он открыл коробку. Вместо звезды поблескивала горстка битого стекла. А ему всё казалось, что игрушка цела, что он держит её в руках и представляет, как будет прилаживать дома на самую макушку ёлки, которую принёс из леса его дедушка.

Виктор давно обещал познакомить его с Людмилой, о которой так много рассказывал своим родным. Теперь, наверно, дедушка ходит по комнате и всё время прислушивается: не пришла ли из Москвы электричка? А в комнате пахнет пирогами и мочёными яблоками. Бабушка последние два дня рукам передохнуть не давала. Ещё бы, внук ведь почти что с невесткой приезжает...

– Как же это она... – прошептала Людмила, – разбилась?

– Разбилась? – переспросил Виктор.

Что-то скользнуло по его лицу. Он закрыл коробку и положил её обратно в сумку.

– Закрой глаза, – попросил он Людмилу. Она выполнила его желание.

– А теперь представь, что на твоей ёлке уже есть звезда.

Людмила, не открывая глаз, ответила:

– Не представляю.

– Ну, представь же, представь, – настаивал он.

Она открыла глаза:

– У меня ладошки озябли, – и она протянула ему свои руки.

Виктор поднёс их к губам и начал дышать.

– Так теплее?

– Да.
Людмила склонилась к окну и закрыла глаза:
– Ты только меня ни о чём не спрашивай сейчас, ладно?
За окнами рыжими пятнами мелькали фонари. Убегали одинокие полустанки. Временами ветер бросал в стекло горстки снега.
– О чём ты думаешь? – не вытерпел Виктор.
Людмила открыла глаза и улыбнулась:
– О чём... Догадайся... – Виктор пожал плечами. – Я думаю о ёлке, на которой уже есть моя звезда, понимаешь?
Голос из репродуктора объявил следующую остановку.
– Наша, – оживился Виктор. – Через пять минут... мы дома.
– А тебе не влетит, что меня привёз?
– Нет, у меня давно уже разговор был дома, что Новый год мы встретим у нас. И ты будешь самым желанным гостем.
– Ну, смотри, – Людмила шутя погрозила ему пальцем.
От платформы к домам вела узкая тропка. Виктор шёл впереди и через каждые два шага оглядывался спрашивая:
– Не устала?
Потом рядом с тропинкой выросли незаметно ёлки. Они стояли в снегу, тихие и безмятежные. Кругом пахло хвоей.
Виктор остановился снова. Протянул руку Людмиле.
– Смотри...
Небо было близким и синим. А над каждой ёлкой, на самой макушке горела настоящая звезда. Эти звёзды светили Виктору и Людмиле, напоминая о счастье.

31.12.1966

Горько!

Рассказ

Виктор метался по общежитию, громко кричал:
– Выручайте!
А после минутного удивления тех, к кому это относилось, сидел на стул и объяснял:
– Друг женится... Невеста есть... Галстука – нет...
И ребята начинали рыться в чемоданах, тумбочках, гардеробах, предлагая свои галстуки, но Виктор лишь печально качал головой:
– Не то...
Потом срывался с места и бежал дальше. Впопыхах он влетел в свою комнату и чуть было и здесь не закричал «выручайте». Николай взял его за руку.
– Брось мучиться... Время ехать...
В фойе общежития их окружили девушки и вручили огромный букет цветов.
– От всего цеха, – краснея, сказала Лида Зимина и почему-то с грустинкой посмотрела на Николая.

...В колхозе, куда рабочие приехали на уборку картофеля, их расселили по избам. Николай Зарубин и Виктор поселились у Кузнецовых. Те жили на краю села, недалеко от фермы. Семья небольшая – мать и дочь. Обе работали доярками. Поднимались чуть свет, наскоро перекусив, спешили на утреннюю дойку. Через час – полтора возвращались. Занимались хозяйством. Готовили обед квартирантам. Надежда Ивановна не скупилась. Виктор каждый раз, поднимаясь из-за стола, шутил:

– Теперь точно мешка не поднимешь. Вот бы мне такую тещу. Не жизнь, а сплошная радость была бы.

Надежда Ивановна принимала вызов:

– Да и зять такой неплох бы, – и поглядывала на дочь.

Вера после десятилетки уезжала в Москву, работала там на стройке, но быстро вернулась домой и пошла на ферму. Мать не перечила. «Пусть сама выбирает, где ей работать, – думала она. – Жаль только, парней в селе мало. А без мужчины, что за дом. Сама с сорок третьего без мужа. Знаю, что это значит».

Однажды, когда они остались вдвоём, Надежда Ивановна как бы невзначай сказала:

– Виктор-то неплохой парень, работу любит, да и головой трезвый.

Вера посмотрела на мать:

– Ну и хитрая ты.

И обе рассмеялись.

Как-то раз Виктор пришёл поздно вечером один. Сказал:

– Николай в город уехал. Вернётся утром.

Надежда Ивановна подозрительно переспросила:

– Уехал? Один? А я думала, с Верой. Она что-то тоже собиралась. И чего ей делать там?

Виктор хлопнул себя по лбу:

– Точно. Уехали вместе. А я и не догадался, зачем он на ферму заезжал!

Утром Николай на работу не вышел. Он появился на поле к обеду и о чём-то долго разговаривал с мастером. А после как ни в чём не бывало принялся таскать корзины с картошкой.

Ужинали молча. Надежда Ивановна посматривала на дочь, как бы спрашивая: почему она сегодня так серьёзна?

...В автобусе Виктор спросил:

– Что ж ты мне тогда ни слова не сказал, ведь в загс ездили. Что я тебе, не друг разве?

– А зачем? – ответил Николай. – Такие вещи сообща не решают. Это, брат, дело серьёзное.

Дорога врезалась в лес, и сразу стало светлее. Берёзы вплотную подходили к обочине и от удивления застывали на месте.

– Где вы жить будете? – спросил Виктор.

– Как это где? У неё.

– А на завод ездить? Два часа туда, два – обратно.

– Зачем ездить-то? В колхозе найдётся работа. Я уже разговаривал с механиком. Им в мастерские такие, как я, позарез нужны. Честно говоря, сам я

крестьянин, в город попал случайно. И земля мне не мачеха какая. Люблю её.

С минуту оба молчали. Затем Виктор произнёс:

– Да-а. Вот ты какой... В городе – случайно, влюбился случайно.

Николай улыбнулся.

– Нет, не случайно. Судьба. Нельзя было такую девушку не полюбить. Ты уж признайся, сам чуть не опередил меня. А в таких делах надо, как в песне, «действовать смело». Понял?

– Ясно. В другой раз учту. Слушай, – вдруг сказал Виктор, – а ты обычаи знаешь?

– Какие ещё обычаи?

– Ну, как, например, должен вести себя жених на свадьбе?

– Знаю. Много не пить, больше молчать. И улыбаться невесте.

– Мало. Запомни, когда я буду кричать «горько», ты должен целовать невесту.

...Гостей было много. Шутили, смеялись. Потом поднялся весёлый старик со стаканом. И толкотня прекратилась. Вера наклонилась к Николаю, шепнула:

– Дед Матвей на всех свадьбах первый человек. Вот посмотришь, как он плясать будет.

А старик тем временем, хитро прищурившись, поднёс стакан к губам, разгладил усы и, как будто сбрасывая с плеч тяжесть лет, повёл ими:

– За молодых наших!

Где-то во дворе подала голос гармошка, и удалая песня ворвалась в избу. Потом снова зазвучала на улице. И пошла по всему селу.

Надежда Ивановна, впервые за много лет выпив вина, стояла в дверях и смотрела то на Веру, то на Николая, то сразу на обоих. И душа её наполнялась радостным чувством.

В это время поднялся Виктор и, сложив ладони лодочкой, закричал:

– Го-о-рь-ко!

21.11.1970

Седые дубы

Рассказ

Спустя почти полвека вернулся Грачёв ранней весной на свою маленькую родину в приволжское село Лемешкино. Сероглазым пареньком с впалыми щеками ушёл он из родных мест за куском хлеба, да так и затерялся в необъятной жизни вдали от родных и близких.

– Иди, Ваня, – говорил ему напоследок отец. – Людей не сторонись. Думай не о себе, а о других, о людях думай. Тогда и они о тебе думать будут.

Всю жизнь свято помнил Иван слова отца. И были они для него главным ученьем, которое он усвоил на все свои долгие годы. И вот стоит Грачёв на пологом волжском берегу и смотрит на своё такое далёкое и близкое Лемешкино. Смотрит и не видит его. Что-то неподвижное, тёмное застилает ему глаза. «Из-за ветра это», – думает он.

Ветер действительно сильный и волглый. Он то притягивает Грачёва к себе, то снова легко и мягко отталкивает, словно старается пристальнее всмотреться в знакомые черты лица.

Пароход, на котором приехал Грачёв, наверное, первый в этом году на реке, давно растаял за серым плёсом. Небольшая, старенькая пристань опустела. Лишь несколько мальчишек шумно возились внизу возле лодок, стараясь запустить мотор. Грачёв тяжело поднял свой потрёпанный чемодан и вышел на знакомую с детства дорогу. На главной улице, там, где раньше стоял кирпичный дом купца Колесникова, остановился. Вот оно теперь какое, его село! «От старого одно название осталось», – подумал он. На месте прежних хибарок сияет светлыми окнами трёхэтажное здание школы, возвышается Дом культуры, за ним – несколько невысоких, но крепких кирпичных зданий. Слегка припадая на контуженную в Отечественную войну ногу, Грачёв подошёл к одному из них.

Здание оказалось столовой. После недолгих раздумий он вошёл в неё, осмотрелся. За столиками былолюдно, шумно. Пахло сытой домашней едой, табаком, пивом.

Грачёв всегда уважал эти провинциальные закусовые и столовые, где без лишнего церемоний можно было недорого, вкусно пообедать. Он взял в буфете кружку пива, заливную треску, бутерброд с сыром и, отыскав свободное место, направился к нему, как вдруг за спиной услышал громкий, раскатистый голос:

– Здравствуйте, люди добрые, здравствуйте!..

Грачёв отступил в сторону. Высокий старик в брезентовом плаще прошёл мимо, отвечая на приветствия. Когда он исчез за дверью, кто-то из сидящих за соседним столиком сказал:

– Вот человек... Всё ему нипочём... А ведь, считай, целый век прожил.

Грачёв сел, прислушался к говорящему.

– И гражданскую, и отечественную прошёл, – продолжал тот, – трёх сыновей воспитал, настоящими людьми стали.

– Да-а, – протянул другой голос. – Степан молодец.

Грачёв посмотрел на дверь. Раздвигая, словно веслами, большими руками встречных, по проходу двигался Степан Заречный.

– Стёпа... – окликнул его Грачёв. Тот не спеша повернулся.

– Не узнаёшь, значит... Грачёв я... Ванька Грачёв...

Через минуту они уже тискали друг друга в бока, смеялись и басили на всю столовую.

– Вот ты какой... Живот, что бочка с «жигулёвским», – шутил Степан. – А ведь хилым тогда был, всё позади ватаги бегал.

– А ты впереди... Да и сейчас кулаком быка свалишь...

– Нет, уже не свалю... ослаб я здорово.

Они неожиданно смолкли, глубоко дыша, опустили на стулья, но глазами всё спрашивали друг у друга: как тебе жилось?.. Первым снова заговорил Степан.

– Ну, теперь рассказывай, какими судьбами ты очутился здесь.

– Да как тебе объяснить? Вроде бы и дела никакого нет, а по-другому сказать, так выходит, что и есть.

– Это как же так?

– Не знаю. Просто захотелось с детством встретиться. Ну, отчитаться перед ним как бы...

Заречный задумался, затем тихо произнёс:

– Правильно. Я, хотя, наверное, по земле поменьше твоего ездил, но скажу тебе честно: большую жизнь видел. Ох, и бо-льшу-ую! Понимаю тебя. Верно ты придумал – приехать в Лемешкино.

Они шли по центральной улице мимо новых построек. Шли не торопясь. Молча. Изредка Степан Заречный поглядывал по сторонам спокойным, хозяйским взором. Говорил:

– Посветлела жизнь, Ваня, посветлела. Люди мягче стали, душевней. Нам бы сейчас годков по полсотни сбросить по праву полагается.

– Зачем же? – ответил Грачёв. – Мы своё сделали. Сколько для Родины поработали! В боях её защищали. Так что, жалеть нам не о чем.

– Да разве я о жалости, Ваня! Просто жить нравится. Хорошая она стала, скажу тебе ещё раз, жизнь-то. Хоть иной раз и ноют косточки старые, люблю я её.

За околицей они свернули к старой дороге, пошли полем. Земля была покрыта рыхлой корочкой подтаявшего снега, и поэтому идти было легко. За полем виднелся просёлок, по которому отцы их и деды ездили в город.

– Смотри, – Степан показал на кряжистые, припорошенные последним снегом деревья. – Узнаёшь?

Грачёв остановился. Чуть дрогнувшим голосом ответил:

– Узнаю, Степан. Вот, оказывается, что мне всё время не хватало – дубов наших. Только тогда они были красивее.

– Зато сейчас – мудрее.

– Верно, мудрость в красоте не очень-то нуждается.

Они подошли ближе. Дубы стояли, готовые сбросить последние седины зимы, распусть свои горячие листья, крепкие и сильные, подставив их тугому ветру.

– Шишек-то и синяков сколько нам от них доставалось, – опять кивнул в сторону дубов Степан Заречный. – По самым верхушкам дьявол носил. Даже вспомнить страшновато... Теперь сюда посмотри.

Они повернулись.

Рядом с просёлком лежала прямая, залитая тёплыми лучами всходившего солнца автострада. По её бокам стояли молодые деревья, не испытывшие ещё ни ливневых гроз, ни злых ветров, ломающих ветви.

04.03.1971

Красный арбуз

Командир дивизии полковник Денисов ещё раз посмотрел на Рябова и спросил:

– Вы понимаете, о чём идёт речь?

– Конечно, – ответил Рябов.

– Так вот, – продолжал полковник, – постарайтесь со своими людьми сде-

лать всё возможное... Здесь дело чести, дело престижа... Они уже представляют, что дышат медовым запахом русских полей. Между прочим, вам приходилось бывать на бахче? Нет? Жаль. Мне приходилось. При случае расскажу, что это такое. Вам, сибиряку, будет интересно...

Вызвав в свой блиндаж разведчиков, Рябов несколько минут ходил вокруг небольшого стола, на котором лежала крупномасштабная карта, и незаметно вглядывался в лица солдат. Разведчики переминались с ноги на ногу, поправляли ножи, автоматы, приглушённо покашливали, так же незаметно следили за своим командиром. В его походке угадывался опытный охотник, каким и был на самом деле до войны этот не по возрасту седой человек. Остановившись возле Овражного, Рябов как-то по-домашнему сказал:

– Слушай, Степан, ты арбузы любишь?

Разведчик широко улыбнулся.

– Кто же их не любит?.. Однажды я целый месяц одними арбузами питался.

– Ну и люди... И зачем врать так бессовестно? – покачал головой Оник Геворкян. – Ну, сказал бы шашлыком, чебуреками, а то – арбузами...

– Точно он говорит, – вмешался Евдокимов, – у меня тётка в станице Усть-Лабинской живёт. Арбузы там... – Евдокимов развёл руки, – вот... и красные-красные, как солнце. Ешь и краснеешь...

– Это потому, что ты ещё не всю совесть потерял. Странная привычка у тебя: брать, чтоб никто не видел...

– Да на тех баштанах сторожей больше, чем арбузов.

– Выходит, ты ещё на баштанах учился ходить в разведку? – полушутя-полусерьёзно спросил Рябов.

– Выходит, что так.

– А случайно не заметил, где самые вкусные арбузы растут?

– На середине, – выпалил Евдокимов, но, взглянув на посуровевшее лицо Рябова, подумал, что крепко промахнулся, и виновато опустил глаза.

Рябов отошёл к столу.

Когда он видел перед собой этих молодых, сильных парней, ему не верилось, что идёт война, что однажды кто-то из них может не вернуться, чтобы доложить о выполненном приказе...

– Я вызвал вас, чтобы вместе обсудить одну операцию, – начал Рябов. – Но прежде хочу задать вопрос... Вы можете себе представить, что наша земля продаётся, как петрушка?

Разведчики, не ожидавшие такого оборота, переглянулись.

– А я представляю, – ответил за всех капитан. – Сегодня в одной из немецких газет появилось объявление, что продаётся русский чернозём. Его сравнивают с коровьим маслом, с эликсиром жизни, с чудом из чудес.

– Тётка мне тоже говорила: сунь в нашу землю дышло – телега вырастет, – улыбнулся Евдокимов.

– Верно твоя тётка говорила, – согласился Рябов, – земля наша щедрая, поэтому немцы и рекламируют её... А теперь подойдите к карте и смотрите...

Когда возвращались в свою землянку, Евдокимов, обняв за плечи Геворкяна и Овражного, предложил:

– Знаете что, ребята, давайте все вместе после Победы махнём к моей тётке. Мне так захотелось арбуза...

– Хитрый ты человек, – засмеялся Оник. – Разве ты не знаешь, что, когда хотят, чтобы быстро разошлись гости, подают твой любимый арбуз? Лучше поедем ко мне. Барашка резать будем, вино пить...

– Вино у вас так себе... Вот у нас в Саратове делают – дух захватывает, – рассудил Овражный.

– Из арбузов тоже делают, – не унимался Евдокимов. – Поедем к моей тётке, ребята... Ведь у меня больше нет никого из родни... Баштаны покажу. Ух, какие баштаны... Ползу, значит, один раз по суданке...

– Кинжал в зубах, – вставил Оник.

– Нет... арбуз... А тут осы как налетят и пошли кромсать. Вот это бомбёжка была.

– Здесь ты не заливаешь, – Геворкян шутя толкнул Евдокимова, – давай дальше.

– А как-то всё-таки изловили с поличным. Усадили в шалаше и говорят: «Ну, взял бы один... два-то зачем?» – «Как это зачем? Есть буду!» – «Вот и ешь два арбуза при нас. Посмотрим, какой ты герой. Когда съешь, тогда и отпустим...».

– Не лопнул? – спросил Овражный.

– До вечера мучился. У меня в тот день аппетита почему-то не было.

Самый пожилой разведчик, которого в роте называли просто дядей Веней, выслушал Овражного и отрезал: «Пойду с вами... Такое дело пропустить грешно. Разное в моей жизни было, но чтобы нашу землю продавали чужестранцы...».

...В одном из фешенебельных ресторанов Гамбурга за массивным столом обедали двое мужчин. Один из них был приехавший с фронта после лёгкой контузии лейтенант Герк, другой – сугубо штатский, известный в журналистских кругах репортёр Жушман.

– Так вы думаете, что это больно ударит по самолюбию русских? – продолжил прерванный официантом разговор Герк.

– Не сомневаюсь, – репортёр сделал глоток пива. – Наши идеологи допустили страшный просчёт, забыв, что русская нация – это самая гордая нация... Её возможно сокрушить лишь тогда, когда будут уничтожены её воля и вера. А как мы уже убедились, сделать подобное просто невозможно.

– К чему же тогда вся эта возня с землёй? Вы что, будете продавать её, как в Италии продают слёзы Иисуса Христа, а во Франции – духи?

Репортёр ответил не сразу:

– Видите ли, здесь изюминка кроется в самом факте. Вдумайтесь в эту фразу: «В Германии продаётся оптом и в розницу русская земля».

– Вдумался, – лицо Герка сделалось каменным. – Вы забываете о цене, Жушман. Кто оплатит её, не подскажите? – Репортёр пожал плечами. – Мне иногда кажется, что все козни против человечества затеваются такими людьми, как вы.

Жушман удивлённо вскинул брови:

– Где это вы научились такой смелости, если не секрет?

– Это не тайна. Я не скрываю, что лично меня научили смелости русские солдаты...

...Возле землянки окружённый прибывшим пополнением сидел на чурбаке дядя Веня и курил трофейную сигарету. Окурок нещадно чадил и жёг пальцы. Разведчик бросил его на землю и придавил каблуком...

– Махорочки бы своей, моршанской, – задумчиво сказал он.

– Есть такая, – новичок, чем-то неуловимым похожий на Евдокимова, протянул самодельный кисет.

– А дальше? – послышался чей-то голос.

– Дальше... Нет больше тех ребят. А земля... – разведчик достал из левого кармана гимнастёрки платочек и развязал его. – Вот она.

Он встал, вытянул руку так, чтобы горсть земли слилась с той необъятной землёй, которая уходит за горизонт... Остальные разведчики тоже поднялись и молча сняли каски...

Над безбрежным простором и над всем, что происходило в это время в мире, созревало красным арбузом солнце. Солнце, на которое были обращены взоры миллиардов простых людей и которое поэтому было светлым.

21.02.1978

Лаборемус

– Повторите, как вы сказали? – попросил я своего попутчика, немолодого мужчину с крепкими сучками желваков на широких скулах.

Он снисходительно улыбнулся:

– Ничего особенного, просто я сказал «лаборемус», – спокойно ответил он.

– Этим словом начинался рабочий день тех, кто возводил фараонам египетские пирамиды – одно из семи чудес света. Между прочим, они знали, что и фараоны живут недолго, а то, что они строят, – вечно!

Я неубедительно пожал плечами и хотел уже, на всякий случай, согласиться с моим новым знакомым, с которым третьи сутки находился в поезде, но мужчина сказал:

– И запомните небольшую деталь: рабам, работавшим на стройке, вместо воды давали сухое вино.

– Знаменательная деталь, ничего не попишешь, – развёл я руками. – Но насколько известно, Египет никогда не был винодельческой страной.

– Верно, не был, – кивнул собеседник, – зато рядом, во всяком случае близко, даже по тем, первобытным понятиям о расстояниях, был Алжир. И египетские верблюды с курдюками на спинах находили туда дорогу с закрытыми глазами.

Тамбурная дверь тяжело, словно была на засове, открылась, и заспанная проводница лениво спросила: «Чай будете?» Я вопросительно глянул на собеседника и, не дожидаясь ответа, отрицательно покачал головой. С лёгкостью стрекозы дверь порхнула на своё место. Почувствовав в душе неловкость за свою опрометчивость, я осторожно затронул тему, начатую раньше:

– Да, страсти накалились до предела. Так и огонь вспыхнуть может.

– Бенгальский, – вставил пассажир. – Бенгальский огонь сегодня – одно из украшений ораторов. Но во многих речах немало и ёлочных игрушек. Настанет время, и многие поймут, что этот праздник – иллюзия. Игрушки снимут. Осыпавшуюся, иссохшую ёлку выбросят.

– Одну минуту, но ведь праздник-то состоялся. Что же нам теперь всю жизнь и сердиться, и хмуриться? Да и потом, стоит ли преждевременно разбивать эти иллюзии?

Мужчина неожиданно, как мне показалось, с обидой пронзил меня глазами, хотя я и не заметил в них ни зла, ни презрения.

– И вы туда же. А вот глашатаи фараона произносили одно-единственное: «Ла-бо-ре-мус!» Произносили так, что тысячи изнурённых, измученных, обречённых, презрев свои муки и беды, снова поднимались со своих камышовых циновок и принимались за непосильный труд. Кстати, вы должны помнить шестидесятые годы нашего столетия.

– Разумеется, это были бурные годы, под стать текущим.

– Так вот, я вспоминаю о них лишь потому, что хочу в нашем разговоре поставить символическую бочку...

– Простите, но я, по-моему, снова ослышался.

– Не прощаю, так как вы не ослышались. Речь действительно идёт о бочке с вином, но тысячелетней давности, – мужчина потёр ладонью подбородок и заговорщицки сузил серые глаза.

– В шестидесятые годы вся Россия пила то же самое алжирское вино, что и строители египетских пирамид. Только несколько тысячелетий назад в Египте пили вино натуральное, из винограда золотистого, как солнечные лучи. Потому что тех надзирателей, кто, нагляя, разбавлял вино водой, били публично бамбуковыми палками по пяткам... И запомните небольшую деталь. Так наказывали лишь для начала...

Тамбурная дверь снова тяжело приоткрылась, но, к моему изумлению, в дверном проёме показалось девичье лицо с откровенной рыжей чёлкой над озорными глазами.

– Лаборемус! – обратилась сменщица заспанной проводницы к пассажиру, – пора прощаться. Скоро Свердловск.

Когда дверь закрылась, мой попутчик виновато сказал:

– Это я ей прошедшей ночью рассказал, что такое «лаборемус», как и вам сейчас, вот она и запомнила, курносыя! А говорил я ей так: «лаборемус», если перевести на русский язык, означает «за дело», «давайте работать», только произносится это слово с долгожданной радостью, с детским восторгом, с надеждой на необычное.

В Свердловске мы простились, как старые, закадычные знакомые. Он как-то по-дружески махнул мне шапкой и растаял в вокзальной суете.

Проводница с рыжей чёлкой привела в купе молодую чету, и мне пришлось выйти, чтобы не мешать молодожёнам устраиваться перед дальней дорогой.

Я стоял в коридоре возле заиндевшего окна и вспоминал древнейшую легенду о врачах, услышанную из уст транзитного пассажира. Рассказывала эта легенда о том, что в одной империи началась смертельная эпидемия и,

ради спасения своего народа, император перестал платить жалование врачам. И все врачи получили заработок лишь тогда, когда в империи не осталось ни одного больного.

«Жестокий владыка был», – думал я, а другая мысль твердила: «Но справедливый!»

«У нас ведь как, – продолжал думать я, – чем больше больных, тем государство милосерднее, щедрее! Больничные комплексы, городки строим – и всё мало! Научные центры, академии, институты возводим, а недостает! Новоявленные маги и волшебники заполнили дома культуры и актовые залы, где своими заклинаниями зарабатывают себе на чёрную икру и шикарные автомобили. Миллионы новых пациентов ждут исцеления от центрального телевидения... Господи, неужели люди до сих пор думают...»

«Стоп», – мне стало не по себе.

«Лаборемус!» – вырвалось у меня. Но, видно, вырвалось не очень тихо, потому что проходившая мимо проводница с рыжей чёлкой остановилась и, как бы угадав мои мысли, успокоила:

– Да бросьте вы это слово! Оно и меня до утра беспокоило, пока я шуровкой уголь в топке ворошила. Подумаешь, клич! Идите отдыхать лучше.

Уже почти засыпая, я наконец-то понял, почему это необычное для современного слуха слово так глубоко засело в моей голове. Просто потому, что произнесено оно было не с высокой кафедры, а в тамбуре промозглого вагона; не человеком в чёрной мантии, а пропахшим дешёвым табаком мужиком в потёртом пальто. Кому сейчас нужно вносить в будничный труд междометия и восклицания? Разве вечному двигателю необходимо вдохновение? Потому он и вечный, что сделан намертво с заурядной архаичной целью: работать не покладая рук, до гробовой доски, до могилы. Но только поэтому этого вечного двигателя и не существует.

Было, есть и будет вечное, как восход солнца в удивлённых глазах, лаборемус!

И ничего другого.

Триада счастья

Эссе

– У тебя дома хоть занюхать чем-нибудь найдётся? – дёрнул меня за рукав Рябов, когда мы выходили из электрички.

– В моём доме найдётся всё, что пожелаешь, и в любое время суток! – бросил я небрежно через плечо старому другу, которого умыкнул из Москвы в ступинскую деревню Матюково, обещая посвятить его в таинственную формулу счастья, которая подходит к вечно страдающему роду человеческому, как малосольный огурчик к рюмке чистейшего, словно Божья роса, первача.

Ещё на Павелецком вокзале я сказал Рябову, что дорога у нас дальняя, поэтому следует запастись снедью в пределах столицы, и он через четверть часа стоял передо мной с двумя бутылками кубинского коньяка.

– Этот коньяк пил только Эрнест Хемингуэй, – подмигнул опытный литературовед, – ну и мы попробуем... Называется этот напиток «Одна синичка, два хвоста».

Рябов виновато улыбнулся и как-то неуклюже посторонился, а перед моими глазами, как Афродита из морской волны, возникла очаровательная молодая женщина, протягивающая для знакомства руку.

– Людмила... – произнесла тихим голосом женщина. – Олег часто рассказывал мне о ваших предсказаниях, и вот наконец-то мы встретились.

Я покосился на Олега, но тот, продолжая улыбаться, лишь пожал плечами, мол, виновата во всём формула счастья...

Людмила оказалась, как она себя отрекомендовала, человеком, очень близким к литературным кругам.

Рябов слушал её, поглядывая в окно вагона. Вдруг он оживился:

– Людмила Николаевна, а ведь вот они Белые столбы... Помните? Это сюда, к вам в гости, приезжал потомок Некрасова...

Людмила еле заметно повернулась вправо.

– Да-да... как же можно забыть? Но праправнук великого поэта приезжал к моему мужу. Этот родственник поэта был заядлый грибником.

– Мне показалось, что Белые Столбы оставили в вашей душе чёрные меты, – сказал я, не придавая словам значения.

– Ну, вы пророк... – улыбнулась Людмила. – Только не меты, а раны! И они долго кровоточили. Болят и сейчас. Поэтому я и заинтересовалась вашей формулой счастья. – Она снова улыбнулась мне, а после такой улыбки захотелось взять у Олега бутылку «синички» и выпить содержимое из горлышка, не сходя с места.

Людмила, видно, угадала моё желание, и по её глазам я понял, что она не прочь была его разделить. Но спросила вполне серьёзно и даже сердито.

– На чём основывается ваша формула счастья?

– Сказать правду, то на догадках.

Мне стало ясно, что до Матюково утаить формулу я уже не смогу, да и какой смысл таить то, что хочешь сделать явью, и не только для несчастных, но и для всего человечества.

– Вы «Феноменологию духа» Гегеля читали? – спросил я Людмилу, успев предупредительно взглянуть на Рябова, так как Олег всегда хватался за сердце, услышав эту немецкую фамилию.

– Если не читали, ничего страшного. Но суть её в триаде: тезис-антитезис-синтез. Вот вам гегелевские четыре действия человеческой сути. Но арифметику он заменил алгеброй; алгебру – высшей математикой; высшую математику – философией; философию – поэзией...

Я сделал вид, что обдумываю верность изложенного, а сам внимательно изучал, какое впечатление мои слова произвели на Олега и Людмилу. Убедившись, что они заинтригованы и даже убаюканы сумасшедшей скоростью электрички, несущейся к моей деревне Матюково, где за дождливую, безморозную зиму не было ни одной живой души, я, чтоб не терять оборванную нить, повторил:

– Философию – в поэзию.

– Как? – клюнула Людмила. – Ну, вы меня простите, но философия...

Я перебил её:

– Именно философию – в поэзию! Поэзия старше философии, вспомните, что говорил Иммануил Кант.

– Господи, как же я могу вспомнить, – пропела Людмила, – если я не знаю, кто такой этот Иммануил?

– Это русскоязычный немец, – улыбнулся Олег.

– Нет! – сказал я. – Это тот человек, который сказал, что есть две вещи, над которыми чем больше задумываешься, тем больше приходишь в изумление: вид звёздного неба и созерцание нравственного закона в душе человека.

Мне показалось, что электричка остановилась, а все пассажиры прислушиваются к тому, что я сказал. И тогда я решил, что пора обнародовать формулу счастья, но обратился только к одной Людмиле.

– Запомни, – сказал я ей еле слышно, – Гегель не был атеистом и взял для своей триады библейскую, то есть он взял надежду, веру, любовь, но заменил эти понятия своими: тезис-антитезис-синтез. Синтез, как ты уже сама догадалась, конечно, любовь...

Не переводя дыхания, я прошептал Людмиле на ушко: «Человек будет счастлив всегда, если, созерцая нравственный закон в своей душе, он обнаружит там всю христианскую триаду...».

Дёрнулась электричка, застучали колёса, завывли электромоторы, люди зашевелились. Только я засомневался, что они услышали триаду счастья, так как и Людмила переспросила, прильнув так близко ко мне, что я пожалел, что её мужем стал не я, а Олег:

– Значит, триада должна быть единой?

– Мамзель, – рассмеялся я от души, глядя на недоумевающего литературоведа Рябова, – безусловно! Вот попробуйте произвести исследование такого явления, как любовь, не имея под рукой ни надежды, ни веры. Да и само счастье не собирают по частям, кусочкам, крохам. Или оно есть, или его нет... как хотите...

Полынный запах

Рассказ

Он лежал на скрипучей бричке и смотрел в бездонное синее небо. Смотрел и думал: «Неужели и там, за высокими облаками, душе моей будет тесно? Разве и там ей, безутешной, не хватит простора? Здесь, на земле, она так и не нашла своего места, успокоения и смирения».

Рядом с бричкой, держа лёгкие вожжи, шагал его младший сын Михаил, стройный, с вьющимися волосами до плеч юноша. Лошади, словно предчувствуя беду, тревожно озирались по сторонам и ласковым ржаньем подзывали к себе жеребят. Те догоняли своих матерей и, ткнувшись раз-другой к ёлкам, опять убегали в степь

– Отец, может, остановимся? – глядя под ноги, спросил юноша. – До кургана ещё далеко. Отдохнём немного?

– Мы можем не успеть, сынок... Слышу по твоему голосу, что с тобой что-то неладно. Подойди ко мне, Расскажи, о чём печалишься. Знаешь, когда я был таким, как ты, а мой отец таким, как я, он мне сказал однажды, ты тоже это запомни: «Пока человек жив, он не имеет права роптать, так как всё делается по воле неба...».

– И не всегда к худшему? – произнёс Михаил окрепшим голосом.

– Э-э, брат, после твоих слов вижу я, что ты уже взрослый цыган и тебе пора искать невесту.

– У меня ещё нет своих коней, отец.

– Зачем тебе кони? Сейчас не то время, брат! На конях далеко не уедешь. Кругом города и бетонные дороги, забитые машинами.

– Я родился в этой бричке, и она мне стала родной. Как же я её брошу? Слышишь, скажи, как? Почему её не бросили твой отец, и ты, и мои братья? За нами идёт весь табор! Разве кто-нибудь свернул с дороги, ушёл в сторону?

– Посмотри, кто там скачет, – попросил старик. – Не случилось ли что? Лошадей вон как гонят!

Вербовые с галопа перешли на рысь, а возле брички пошли шагом. Два старших брата Михаила, как две кровинки, похожие друг на друга, волнуясь, показывали на большак:

– Там едет друг твой, – сказал один из них, – он узнал, что тебе плохо...

– У меня друзей не меньше, чем врагов. Как его зовут? – спросил отец.

Братья переглянулись.

– И вы не видели в его руках гитары?

– Была...

– Тогда остановите коней, я подожду его... Это же Петро Янышев.

Прежде чем он услышал своего друга, взлетел над ним незримый жаворонок. Взлетел как над бездной, зная, что через миг вместе с ним оборвётся и его радостная песня. И песня оборвалась так же неожиданно, как и взлетела. Потом пронёсся табун, дробно стуча ещё не знающими подков копытами, и затих, смолк, как внезапный порыв ветра. И полилась с надрывами, словно смех сквозь слёзы, бессмертная таборная мелодия, под которую рождались, жили и умирали поколения кочевых цыган. Яркими цветными крыльями, как подбитые райские птицы, взмахнули широкими платками женщины и застыли перед мужчинами с мольбой в глазах.

– Ну ты, черноглазая, – топнул ногой, засучивая рукава, бородатый цыган с крестиком на бронзовой груди, а засучив, стеганул свою избранницу горячим кнутом по ногам. Вспыхнула и сгорела степная трава, опаленная жгучим задором. Переломилась нецелованная, запрокинув голову, обнажив девичьи груди. Качнулись, задрожали открытые плечи, гибкие смуглые руки с надеждой запросили пощады.

Ха-а-си-ям!..¹ – словно разорвалось сердце у одной из женщин, и десятки простуженных до хрипоты голосов, разъеденных дымом ночных костров, подняли и понесли к бричке со стариком тяжёлую и скорбную, как жизнь, песню.

– Петро! – позвал старик.

И когда Янышев подошёл к его изголовью, почти шёпотом сказал:

– Спасибо тебе, дорогой. Теперь я и на том свете буду рассказывать о твоей

игре. А помнишь, сколько раз тебя не хотели брать в ансамбли? Дикий, мол, степной, да ещё горбун. Это я виноват, что посадил тебя тогда на лошадь. Но ты так плакал, так просил. И я пожалел... Когда она тебя сбросила и прибежала в табор, мой отец ударил её ножом в горло. Он любил тебя, как родного сына, ведь ты рос сиротой.

– Хочешь, я нарву молодой полыни? – спросил Петро, посмотрев почему-то сияющими глазами на старого друга.

Впалые щёки старика зарумянились, губ коснулась улыбка.

– Не забыл, значит?

– Разве такое забывается? Знаешь, сколько раз мне попадало от твоей Степаниды за такой букет? Скажи Михаилу, пусть позовет её.

– Однажды я ей всё-таки привёз с базара настоящие цветы. Сапоги хотел себе купить, да не сторговался. С досады и выбрал самый дорогой букет... Целую неделю подходили цыгане к Степаниде: «Несчастливая ты, – говорили, – а он, видимо, не нашей крови, раз на цветы тратится. Когда это было, чтобы настоящий ром² у русских цветы покупал?! Пропадёшь ты с ним, ненаглядная, погибнешь!».

– Я быстро, я скоро вернусь, – сказал Петро.

Он положил гитару на бричку, снял пиджак и, прихрамывая, направился в степь. Сухой, терпкий запах ядовитой полыни входил в его голову, отравляя возбужденное сознание необъяснимым дурманом, который в то же время возрождал вечные и никем ещё не понятые, не принятые на всей земле истины. За небольшой балкой, распаханной плугами, едва виднелся когда-то высокий, заросший ковылём курган. А над ним, как и над бричкой с умирающим цыганом, разливалось животворными лучами ослепительное до тьмы в глазах солнце.

Подкова

Рассказ

Не обременённый земными заботами первоклассник Славка, возвращаясь домой из школы, нашёл на станичной улице конскую подкову и, не долго думая, что с ней делать, сунул её в портфель.

Во дворе он подошёл к верстаку, запорошенному золотой стружкой, где отец отбивал косу, выждал подходящий момент и загадочно произнёс:

– Отгадай, что у меня в портфеле?

– Двойка! – молниеносно ответил отец.

Славка светло улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Пятёрка! – уже не так быстро, но весело сказал отец.

Славка опять заулыбался и снова покачал головой:

¹ *Пропадая, погибая (цыганское).*

² *Цыган.*

– Эх ты, а ещё лучший колхозный конюх! Подкову я нашёл! Вот она, держи. Может, ещё потребуется...

Взял Иван железными руками подкову, стиснул скулы и тут же за спиной голос жены услышал:

– Не, Иван. Лучше молоток возьми и приколоть эту железяку вот сюда (Елена показала на дверь в хату), чтобы я её каждый день видела и ты поглядывал. Давай-давай, живо, а то мне и впрямь некогда. Я на неё первой должна посмотреть.

А когда подкова была прибита, прижалась чернобровая правнучка запорожцев к своему мужу цыгану и расцеловала в пахнущие табаком губы.

На глаза Ивана навернулась слеза. Взгляд его стал тяжёлым и далёким.

...Тучи песка и пыли, поднятые суховеями Сальских и Астраханских степей, застилая ещё холодное солнце, неслись по Кубани. А по высокой степи из станицы в станицу, растирая до слёз глаза и кашляя так, что, казалось, вот-вот начнут разрываться лёгкие и бронхи, ехала в старой кибитке цыганская семья, навсегда покинувшая табор.

– В недобрый час мы разъехались, Ваня, – говорила Настя своему мужу, – чует моё сердце, что не будет у нас дорог с тобой. Зря небо не прогневаётся. Видишь, знаменье какое?

– Даст Бог день, а пища будет, – успокаивал свою молодую спутницу жизни Иван, накручивая потуже на руку вожжи.

В станице, где они остановились, правление колхоза выделило для строительства дома земельный участок, а для разведения частной собственности – безвозмездно – четырёх куриц и петуха.

К осени рядом с палаткой, в которой жила всё лето цыганская семья, стоял саманный дом, крытый речным камышом. За день до новоселья младший сыннишка принёс с выгона ржавую подкову. Настя, как девочка, обрадовалась находке сына и ласково сказала мужу:

– Это на счастье, не теряйте её!

– На счастье, так на счастье... пусть все видят, – согласился Иван и прибил подкову над входом в дом...

– Работящий мужик, – гутарили казаки, – от зари до зари в колхозе.

– И баба у него – хозяйка. За ребятишками вон как следит, ухоженные всегда.

Однажды февральской ночью, когда Иван дежурил в конюшне, стараясь не разбудить спящих детей, зажгла Настя керосиновую лампу и разбросала перед собой на подушке потёртые карты. Три раза разбрасывала, и все три раза показывали карты одно и то же: верного мужа, любящих детей, дорогу в казённый дом. А за домом этим – не пустые хлопоты или неизвестность, а пустоту, где ничего не было видно.

– Карты не могут врать, – подумала Настя, – если меня нигде не видно, значит, и на земле нет.

Поздно утром вернулся с работы Иван, радостно сообщил:

– Сегодня на трудодни хлеб получать будем. Я уже и очередь на мельнице занял. Все вместе поедем.

В полдень к амбару, где Иван насыпал в мешки пшеницу, прибежал старший сын.

– Мать кашляет сильно... кровью... тебя зовёт...

И вместо зерна на мельницу, повёз Иван на подводе в районную больницу измученную ознобом Настю.

– Держись, Иван, – предупредил его на прощанье фельдшер, – крепись. Это такая штука! – фельдшер протёр кусочком бинта очки. – Я вот вроде бы и привык к ней, но до сих пор боюсь смотреть в её глаза... С Настей разговаривай дорогой побольше... Вспоминай разное. Девчонкой вспомни, невестой...

Отцветала сирень. Догорали степные маки. Белая акация осыпалась увядшим цветом. После первых весенних дождей прошли грозовые ливни. В конце весны на станичном кладбище, в сторонке от других могил вырос холмик земли, обложенный дёрном, а под ним, в вечном мраке, лежала Настя, оставившая на белом свете двух осиротевших детей и мужа.

– Кого волнует чужое горе? – размышлял ночами Иван. – Разве болит чужая боль?

Но не знал он, что волнует, не ведал, что болит. Невдомёк ему было, что оставшаяся после войны вдовой бригадная кухарка Елена тоже не смыкает до утра глаз.

В один из дней перед началом жатвы поехал Иван с сыновьями на колхозной полуторке в соседнюю станицу на ярмарку, чтобы купить детям обувь к школе. К полудню вернулся. Шёл по своей улице, ведя за руки ребятишек, у которых через плечи висели на шнурках лаковые полуботинки. Он не сразу понял, что это возле его дома бегают люди с вёдрами, баграми и вилами. А когда понял, вообще потерял рассудок. Бросился через разбитые двери в догорающий, готовый рухнуть на него, дом.

– Не трогайте, уйдите, дайте мне сгореть вместе с ним! – кричал Иван нескольким казакам, выволакивающим его во двор. Он падал на землю и грыз её зубами. Вскакивал на ноги и умолял его отпустить:

– Пусть на мою голову упадёт огонь божий! Я же по-русски прошу вас! Люди вы или нет?

Подходили ездившие на ярмарку. Спрашивали осторожно:

– Как же так мог сам загореться, может, поджёг кто?

Станичная спекулянтка содой и сахарином, хмельная Нюрка, подбоченясь, балакала:

– Та шо тут такого? Вин же цыган, а з нами связался! Вот и мстят ему его родичи... Тикать ему надо витсиль, тикать, бо и нас зажарять, сгорим уси.

– Ты лучше сама «тикай витсиль!» – передразнил Нюрку милиционер. – Иди допивай свою бражку, пока я занят.

К вечеру народ стал расходиться. Ушли, крестясь на сгоревший дом, и последние старухи.

У Ивана тоже внутри всё сгорело, выжгло до самой, кожи. Сидел он на каком-то бревне, подставив под скулы кулаки, смотрел беспросветными глазами, как дымились ещё кое-где залитые водой стропила и балки, курился растоптанный камыш.

– Да, от судьбы своей не уйдёшь, – почти вслух подумал он, – что на роду написано, то и будет.

Встал, взял попавшуюся под руку палку, медленно подошёл к тому месту, где ещё утром было крыльцо. Ковырнул палкой золу и поднял обгоревшую подкову.

– Вот оно, счастье, – усмехнулся. – Разгребай родное пепелище, бери, радуйся.

Перед сумерками прямо через разломанную изгородь въехал на двуколке во двор председатель колхоза Луценко.

– Не мажь сапоги, Иван! – сказал, сойдя на землю. Потом, как ни в чем не бывало: – Ох, и картошка на этом месте вырастет! Верно говорю, Елена?

Только теперь Иван заметил возле курятника бригадную кухарку. Спросил удивлённо:

– Ты что там делаешь?

– За тобой слежу, ещё руки на себя наложишь...

Председатель окинул взглядом Ивана, держащего в руке подкову:

– Да ты что, с ума спятил? Из-за копны соломы и кучи камыша в петлю лезть? Ты смотри мне! Верно говорю, Елена? Не ожидая ответа, словно вспомнил: – Утром приходи в правление, обмозгуем, как дальше быть.

– Я уже без твоего правления, председатель, всё обмозговала, – отрезала казачка, – и они, – показала на мальчишек, – и этот «самоубийца» (кивнула на Ивана) со мной будут. Верно говорю, председатель?

Луценко перевёл взгляд на Ивана. Тот оглянулся на детей, которые доверчиво смотрели на тётю Лену. В наступившей тишине послышался короткий, резкий треск. Это в руках у Ивана сломалась подкова...

18.05.1990

Солнечный удар

На деревянной шпале, края которой обгрыз тупой и шербатый топор, валявшийся рядом, примостился изнурённый степным бездыханным зноем дед Алексей. Попыхивая короткой чёрной трубкой, он слушал, что ему говорил, крутясь вокруг пылающего самовара, внук Витька. А тот, отчаянно жестикуюлируя гибкими руками, стоял на своём.

– Люблю я её, баро, слышишь, люблю! Ну, скажи мне, ради бога, ты в жизни своей любил хоть кого-нибудь?.. Скажи, если ты настоящий цыган.

Дед хлебнул самосада, зло прищурился.

– Э-э, брат, не тебе спрашивать у меня об этом, – сказал, а сам подумал: «В отца весь, тот тоже упрямым был».

Огненным потоком растекалось южное солнце по безбрежному небу, и казалось, что не устоит перед ним единственная пядь земли, где стояли саманная хата, разбитая бричка, одинокий журавель над бездонным колодцем. А ещё казалось, что на этой выжженной беспощадными лучами, но ещё не сгоревшей дотла земле, только эти двое, чудом сохранившие свою жизнь, знают, чья очередь погрузить себя в пучину вечного света и, когда это произойдёт с последним, наступит кромешная тьма.

– Кто она? – неожиданно спросил дед Алексей и вдруг заметил, что глаза внука из жарких углей превратились в остывающий пепел.

Витька, словно борясь из последних сил с подступавшей смертью, медленно опустился на сухую серую землю. Старый цыган подождал, надеясь на залётный ветерок, способный, пусть и случайно, высветить в золе хотя бы одну искорку.

– Откуда она? Чья?

– Русская... – произнёс внук. И дед Алексей ощутил на себе чёрный, идущий из земных глубин таинственный взгляд. Только не был бы он старым цыганом, если бы не понял, что это взгляд человека, стоящего над пропастью.

– Если она русская, то лучше женись на участковом милиционере... – рассмеялся старик. – Разве ты где-нибудь слышал, чтобы ром женился на русской? И я не слышал. И другие цыгане не слышали. Ты вместо счастья нашёл, парень, беду. Опомнись, спроси об этом у своей матери, если не веришь мне, она подтвердит, что я прав.

– Я верю тебе, дед, – спокойно сказал Витька, – но откуда ты знаешь, что любовь должна приносить счастье? Откуда, скажи?

Витька поднялся с земли. И когда глаза его наполнились небесным светом, услышал:

– Разве на земле люди стали думать иначе? Тогда расскажи мне, как они стали думать. Давай, рассказывай. Я давно уже не слышал весёлых историй.

Витька присел перед дедом на корточки. Откинул назад и пригладил длинные выющиеся волосы.

– Любовь слепа! Так? То есть не то, чтобы слепа, а не зряча. Она, даже когда смотрит, ничего не видит. Так?

– Ты не «такой» пока. Я после тебе скажу: так или перетак, – улыбнулся дед. – Поторапливайся лучше. Видишь, духота какая? Пора коней купить.

– Далеко не уйдут. Вот они, у колодца стоят. Ты что, специально с мысли меня сбиваешь? Значит, согласен, что любовь ничего не видит и тогда, когда смотрит? А теперь ответь: если любовь ничего не видит, может ли она принести счастье? И не думай! Не может. А если она не может принести счастья, то что вместо него, горе? Так? Вот сидишь ты здесь, на этой ошипанной шпале, и думаешь задом наперёд, только в настоящей жизни всё устроено по-другому.

Дед Алексей, не говоря ни слова, обхватил лысую голову смуглыми морщинистыми руками. И неожиданно громко, как в юности перед началом таборной пляски, закричал:

– Чавэ-эло!

– Успокойся, дед, ничего страшного не произошло. Это на тебя солнечный удар обрушился. Сейчас станет легче. А когда придёт в голову ясность, вспомни, что тебе принесла безумная любовь к своей невесте, а твоему отцу к моей бабушке, а всем нам, цыганам, к далёкой, безвозвратной родине? Но пока ты приходишь в себя от немеркнувшего солнца, я ещё раз повторю, если ты не будешь больше кричать своё ужасное «чавэло»: истинная любовь приносит нам лишь страдания и муки. Запомни: только истинная любовь! Потому что она во веки веков жертвенна...

– И ты хочешь на ней жениться? – серьёзно спросил старик, убирая с головы руки и прикрывая ладонями протёртые на коленях штаны.

Вместо ответа Витька срывающимся голосом продекламировал:

*В степи, где небо и земля
Так слиты воедино,
Живет цыганская семья,
Как песня лебедина.*

– Это она про нас сочинила, – добавил он, виновато поглядывая на деда. – Нравится?

Дед Алексей изумлёнными глазами всматривался в красивое лицо своего внука и, чем пристальнее всматривался, тем больше угадывал в этом лице родные черты сына, которого так и не дождался той сырой, беззвёздной ночью в своём шатре. Он смотрел и чувствовал, что его остывшее уже сердце снова начинает теплиться, воспламеняться и гореть, вырываясь из груди в безграничное пространство. И, чтобы внук не заметил его слёз, не дающих ему больше дышать, старик медленно стал закрывать озарённые светом глаза...

29.01.1991

Безутешное занятие

Рассказ

Провинциальный поэт Илья Петрович Ёлкин решил однажды написать стихотворение, в котором отразилась бы вся его несурзная судьба. Мысль о написании такого автобиографического эссе в поэтической форме проросла в его сознании, как прорастают озимые злаки сразу же после посева, но с наступлением холодов рост прекращают, чтобы весной без долгих раздумий продолжить свой путь к солнцу.

К чести неизвестного стихотворца надо сказать, что ещё в годы безрадостной юности он дал себе клятву сочинять только о том, что прошло через его чувства и относится лишь к обычной повседневной деятельности человека. Все отклонения по вертикальной бытия, как, например, вера в Бога или признание загробной жизни, считал он недостойными упражнениями всевозможных демагогов, выдающих себя за пророков и таким образом старающихся прожить за счёт других. Говоря языком двадцатого столетия, Илья Петрович был до мозга костей материалистом, но, в отличие от классиков вечного учения, он ни коим образом не допускал мысли о возможности построения общественной формации, где бы царила справедливость, так как был глубоко убеждён, что искусственным путём справедливых отношений между людьми достичь невозможно, а загонять цивилизацию в пещеры и звериные шкуры хлопотно, да и вряд ли это уже целесообразно. Интуиция подсказывала поэту, что туда, куда проникла человеческая расчётливость, там и речи не может быть о гуманизме и милосердии.

Первое четверостишие Ёлкин написал легко и свободно, как будто переписал из старого черновика набело:

*Когда бесконечны лишения,
Когда неотступна беда,
Приносит душе облегчение
Тяжелая ноша труда.*

Непринужденность, с которой родилась эта строфа, заставила его усомниться в истинности написанного. Илья Петрович оторвал взгляд от стола, чтобы на мгновение отвлечься и как бы со стороны, чужими глазами перечитать первые строчки и найти некое логическое подтверждение их права быть началом многообещающего стихотворения.

Прочитав строфу, Ёлкин убедился, что две первые строчки были неувязимы. Человеческие лишения, действительно, бесконечны, а беда идёт по пятам. И здесь никаких доказательств, что жизнь подвержена высокой степени риска, искать не стоило. Это была аксиома. Но дальше звучало подозрительно: «приносит душе облегчение тяжёлая ноша труда». Подозрительность заставила стихотворца насторожиться. И, стараясь глубже осмыслить написанное, он задумался.

«Вообще-то, – рассуждал Илья Петрович, – «тяжелая ноша» есть результат умственной или физической слабости человека. Если бы я написал, что эта «ноша» приносит «облегчение» лично мне, куда бы ещё ни шло, потому что мне не раз приходилось лечить нравственные раны непосильной работой тела, доводя до безумия свой рассудок, который сжигал ростки благородных чувств. Здесь всё зависит от личности. Но у меня и «тяжёлая ноша», и «душевное облегчение» абстрактны, а значит, распространяются на всех людей, что в лучшем случае довольно-таки и сомнительно, и спорно. Да, честно говоря, и само я особой силой не обладаю и от других деревенских мужиков внешне ничем не отличаюсь. И воля у меня не такая уж крепкая, как я себе представляю. Была бы у меня железная воля, не торчал бы здесь, в беспросветном захолустье. Вот соседские мужики давно по городам разъехались. Живут теперь – дай Бог всякому так жить. И выставки посещают, и театры, и музеи...».

Во дворе зло залаял пёс Фараон.

– Опять змей с цепи сорвался, – сказал сердито Ёлкин. – Ещё загрызёт какого-нибудь дачника.

Подошёл к окну и стал смотреть, что там во дворе случилось. Но там было всё в порядке. Фараон стоял на задних лапах и лаял на ходившую по земле ворону. Вернувшись к столу, Ёлкин сосредоточился.

«Для меня «ноша труда» тоже нелёгкая, но всё-таки приносит «душе облегчение». Приносит, когда виден конечный результат. А если результат отрицательный? Выходит, что мой труд оказался не только бесполезным, но и вредным? И цели не достиг, и время потерял».

Ёлкин не очень бодро вздохнул и покачал головой, никогда не знавшей, что такое расчёска. Её заменяла надежная пятерня. Была занята одна – на помощь приходила другая.

«Но ведь я хотел сказать совсем другое, – в мрачной душе поэта вспыхнул лучик надежды. – Я хотел сказать, что само действие несёт облегчение, как бы отвлекая, уводя от бесконечных лишений. Отвлекает?! – возмутился Ёлкин.

– Этого в моём творчестве ещё не было. Так околпачить и самого себя можно, и будущего читателя».

Ёлкин резко взял ручку и безжалостно зачеркнул четвёртую строчку. Зачеркнув, тут же, не думая, что будет дальше и зачем он это сделал, написал: «высокая в полночь звезда...».

Не торопясь, почти по слогам вслух произнёс:
Когда бесконечны лишения,
Когда неотступна беда,
Приносит душе облегчение
Высокая в полночь звезда...

А когда закончил читать, то почувствовал, что действительно словно сбросил с плеч реально громоздкую, неподъёмную «ношу труда», и моментально, как будто им было уже написано, продолжил без запинки:

Как свет её яркий небросок,
Как скромненький божественный лик...

Неожиданно тихий голос Ильи Петровича надорвался, потому что рядом с ним возник другой голос, но уже страждущий, тревожный и зовущий. Он поднимался, взмывал, летел стремительно вверх и падал в бездну, отчаявшись достичь цели. Это был голос безответной любви, раздирающий душу смертельной тоской одиночества. Ёлкин сидел и слушал:

Вот там звезда одна горит,
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.
Чего от сердца нужно ей?
И знает без того она,
Что к ней тоскою долгих лет
Вся жизнь моя прикована...

«А-а-а... – выдавил из себя Илья Петрович, – вот оно что! Теперь мне ясно, почему ко мне пришла «высокая в полночь звезда...», теперь мне понятно».

Ему не надо было до дна ворошить прошлое, чтобы догадаться, откуда взялась в нём пронзительная песня. Он знал её наизусть ещё тогда, когда не был влюблён сам. Ему хватило бы и той любви, которую передал в стихах Аполлон Григорьев – неразделённой любви к цыганской девушке. Но судьбе было угодно поступить с ним ещё безжалостней, чем с великим лириком России.

Нескоро вернулся покой к Ёлкину, а когда вернулся, он подумал: «Если я так далеко буду уходить от сюжета задуманного стихотворения, то никогда не смогу его написать». Но тут же с укором произнёс: «А ты что, хотел сочинить стишок о пользе физического труда?». И опять подумал: «Предположим, я сколочу стишок о работе, но не будет ли он похож на городской скворечник, в котором никогда не поселятся птицы? Господи, но при чём здесь птицы, когда я решил написать о себе?».

Творческое настроение Ёлкина сменилось внутренней перебранкой. Пришлось ему взять себя в руки. Закон дисциплины сработал безотказно. И разум продиктовал следующее:

*– Неправда, – с упрёком мне скажут
Любители сказочных грёз. –
Кто выдержит эту поклажу,
Коль спросится жизнью всерьёз?*

– Да никто не выдержит... – по инерции произнёс Ёлкин. И вдруг остановился. – Что это со мной? Так я могу и это стихотворение угробить! А впрочем, что здесь страшного? Наоборот, прекрасно выходит. Назревает конфликтная ситуация, а в споре рождается истина.

Пробежав глазами две строфы вместе, он вынужден был сказать, что никакой конфликтной ситуации он не обнаружил, так как его признание, что «приносит душе облегчение тяжёлая ноша труда» так же для него правдиво, как и правдив вопрос «любителей сказочных грёз» «Кто выдержит эту поклажу, коль спросится жизнью всерьёз?».

Упёршись небритым подбородком в мозолистую ладонь поставленной на локоть левой руки, Ёлкин, словно окаменевший, просидел так до того момента, пока в голове не застучало: «Тупик! Тупик! Тупик!»

– Ну вот, наконец-то и приехали, – очнулся Илья Петрович. Бросил взгляд на будильник: «без десяти два» – отметились в мозгу.

Окончательно выбравшись из безбрежных диких зарослей поэзии с пустыми руками, Ёлкин недовольно хмыкнул:

– Опять день пропал не за понох табака! А сколько я таких дней добровольно вычеркнул из своей жизни? Вот бы сложить их все вместе, пожалуй, целое десятилетие набралось бы. И не просиди я его за столом перед листком бумаги, ещё неизвестно, каких бы дел наворочал. Мог бы сад развести, избу новую выстроить, в передовики производства выбиться, ведь все знают, что Ёлкин трудолюбив.

Он встал, собираясь идти во двор, но вдруг беспомощно сел на место, накрыв исписанный за день листок широкой грудью. Глаза его медленно закрылись, и по всему телу разлился беспросветный мрак. И оттуда, из бездонной тьмы, как огненный перст, указующий его судьбу, поднялся к сплошь усеянному звёздами небу одинокий страдающий голос.

Вот там звезда одна горит,

Так ярко и мучительно...

Чёрствые, как сухари, обветренные губы Ёлкина дрогнули и замерли, но поэт всё-таки успел услышать голос, хотя не могу уже точно сказать, кому он принадлежал, да и вряд ли это теперь имело для него какое-либо значение. Решающим было то, что эта звезда

Лучами сердце шевелит,

Дразня его язвительно...

А во дворе, стоя на задних лапах, стараясь вырваться из сыромятного ошейника, лаял на опять прилетевшую во двор ворону пёс Фараон. Лаял, захлёбываясь сознанием своей силы и повинуюсь своей же беспомощности.

26.01.1994

Святой грешник

Рассказ

– Ты куда это подался? – окликнула Марфа сына Петьку, заметив, что он открывает калитку.

– К Богу схожу... помолиться надо, – ответил Петька. – Что-то на душе тяжело стало, словно человека убил ни за что...

Марфа покачала головой, перекрестилась и согласно произнесла: «Сходи, милый, сходи». А про себя подумала, что-то слишком часто на душе у сына становится тяжело, а ведь, считай, ещё и не жил.

Спустившись с крыльца и взяв ведро, Марфа пошла в сад обрывать смородину – надеялась, что это отвлечёт её от мрачных мыслей о сыне, но и среди кустов ягоды её раздумья не светлели.

Давнее желание женить сына осталось пустой мечтой, потому что, вернувшись из армии, Петька на смех всем деревенским невестам пошёл пасти коров.

– Жаль, что ваш Петруха свиней не пасёт! – язвительно, с гордо поднятой головой высказалась как-то соседка Лидка, которую Марфа прочила себе в невестки. – А ещё в письмах сообщал, что танкистом служит. Дослужился...

Марфа этот упрёк с обидой передала сыну, но тот только рукой махнул: мол, что с неё возьмёшь, если у неё в голове – две извилины?

К весне в деревню стали съезжаться коренные жители, подрабатывающие в Москве зимой. Объявился и Петькин друг детства Иван Зацепин, бывший пограничник, весёлый, скорый на руку парень. И не просто объявился, а проигналил на главной улице на новеньком «Мерседесе» и остановился около клуба, где мальчишкой украдкой подбирал окурки.

Выйдя из машины, Зацепин одёрнул дорогой костюм, достал из багажника букет цветов и медленно направился к служебному входу. Там его встретила, как почётного гостя, уборщица Михеевна и радостно сообщила, что его любовь в загранпоездке, а клуб на капитальном ремонте. Иван, недолго думая, отдал растерявшейся Михеевне цветы и поехал домой, к ждавшим его уже вторые сутки родителям.

В тот же вечер он зашёл к Лидке и пригласил её в паб.

– Это куда ещё – в «паб»? – недоверчиво переспросила Лидка.

– Так англичане называют свои забегаловки, – ответил с усмешкой Иван.

– А ты разве бывал в Англии?

– Я же пограничник, Лидуся! Неужели ты забыла?

Лидка потупила взгляд, ковырнула небрежно тротуарную плитку. Созналась:

– Да это к тому, что тут один танкистом назвался, а сам коров пасёт!

– Мефистофель что ли?

– Да Петька, друг твой! – хихикнула Лидка. – Какой он Мефистофель?

Говорит, что животные его понимают лучше, чем люди. С ними ему приятней разговаривать... А кто ему такое странное прозвище дал?

– Не помню, кто. Может, даже учительница наша по литературе, а может, бабки возле церкви. Мы с ним в детстве голубей церковных гоняли, вот они

нас и «крестили», как попало. А в общем-то, Мефистофель – слово еврейское и Петьке тех лет вполне соответствовало: «мефиз» – разрушитель и «тофель» – обманщик. И то, и другое было в его характере.

– Но характер невозможно изменить, а сейчас Петька, по словам матери, ниже травы, тише воды.

– Человеческую психику разрушить проще пареной репы, подруга! Кто сказал, что нервные клетки восстанавливаются? Какой «тофель»? А Петькин танк бороздил по минам. Подумай, что от его психики осталось. И не обязательно, чтоб ему на каждое слово огрызаться матом или бросаться с кулаками, может, у него сознание перевернулось. А раз перевернулось, значит, он стал понимать жизнь не так, как нас учили старшие: око за око, зуб за зуб! И знаешь, самое интересное, что сообщает нам Мефистофель, так это мнение Господа о нечистой силе, к которой принадлежит сам «разрушитель и обманщик».

*«Как речь его спокойна и мягка!
Мы ладим, отношений с ним не портя,
Прекрасная черта у старика
Так человечно думать и о чёрте».*
Иоганн Вольфганг Гёте. «Фауст»

– Думать – ещё не делать! – отрезала категорично Лидка.

– Я тебе как подруге по секрету скажу, что, подумав о любимой женщине, мужчина уже совершил грех... дошло?

– Выходит, что и женщина может так согрешить? – дрогнувшим голосом спросила Лидка.

– Между мужчиной и женщиной никакой разницы нет. Один к одному...

Далеко за полночь, прощаясь с Лидкой, Иван после долгожданного поцелуя под липой неожиданно прошептал в горячее ушко: «Человек – святой грешник!»

Человеческое сознание от этого парадокса распадается на две половинки, как грецкий орех, и объяснить правомочия половинок люди бессильны, но Лидке повезло. Она быстренько переставила слова, ссылаясь на Еву, соблазнившую Адама, и парадокс пропал неизвестно куда. Получилось, что человек грешен. А будет ли он зачислен когда-нибудь в святые, это ещё бабушка надвое сказала. Скорее всего, не будет.

С этим «не будет» Лидка и отправилась на пойму, где Петька пас коров. «Сейчас я тебе покажу, сколько у меня извилин, – распалила она себя дорогой. – Сейчас ты узнаешь, что такое деревенская девка».

Воинственное настроение у неё исчезло на берегу Оки, когда она почему-то вспомнила про поцелуй с Иваном. «Мелочь! От поцелуев дети не рождаются, – успокоила себя. – Вон, городские соплячки на виду у всех облизывают друг друга, а я с Иваном культурненько, с чувством».

Петька лежал на дамбе в густой луговой траве в пляжных очках и плавках, размышляя, о чём могли целую ночь проболтать Лидка с Иваном.

– Эй, пастырь, – услышал он голос Лидки, – смотри коровы куда пошли!

– Куда, куда! – передразнил Петька. – В кукурузу! Для них кукуруза слаще мёда.

Он быстро оделся, взял хлыст и побежал к стаду. Удары хлыста и матерщина делали своё карательное дело, но стадо подчинялось нехотя, не понимая, почему его лишают такого вкусного корма.

– А ты говорил, что с животными легче общаться, чем с людьми, – упрекнула Лидка, глядя на вспотевшего пастуха.

– С чем пожаловала? – спросил Петька.

Лидка промолчала и стала, торопясь, снимать с себя платье. Петька хотел отвернуться, но она повелительным голосом скомандовала:

– Смотри! Обнажённая женщина для грешников – дар божий.

Он покачал головой:

– Я не грешник.

Бросив на цветущие ромашки платье, она плавно, с приоткрытым ртом приблизилась к безжизненному телу, чтобы вселить в него жизнь...

– Ну, вселила? – допытывалась позже у Лидки подруга Элеонора. – За границей с мужиками не церемонятся. Ты просто шокировала меня.

– Это благодаря твоему Ивану. Он меня за один поцелуй просветил, – отвечала Лидка, смущаясь.

– Представляешь, если б он дважды поцеловал?

– Если б дважды, был бы уже перебор.

В это время к ним подкатил блестящий чёрный автомобиль, и две подруги, не ожидая приглашения, уселись на заднее сиденье.

Фауст спросил:

«Куда махнём?»

Мефистофель ответил:

«Куда глаза глядят».

Психическая атака

Рассказ

Снизу от Оки, со стороны реликтовой Каширы, сверкающей под весенним солнцем золотыми куполами церквей, гуськом поднималась вверх, к району новостроек, толпа местных мужиков.

Впереди на двух костылях, шкандыбал участник афганских событий Иван Проньра по прозвищу Шкуро. Не отставая от него, с изящной палкой хромал бывший уголовник, известный как Полковник. Следом покачивались братья Андрей и Вячеслав Безродные. Замыкал шествие отрок из коммерческой семьи Слюнявчик – здоровяк с опухшими после драки на дискотеке губами, слышший среди шпаны ответым бабником.

Пенсионерка Авдотья, стоявшая возле палатки агропрома, обнесённой бродвейскими рекламными щитами, и держащая между резиновых сапог корзину с пучками редиски, зелёного лука, петрушки и укропа, заметив костыли Шкуро, со вздохом сказала соседке, продававшей трёхлитровую банку солёных огурцов:

– Ну, держись, Маруська, психическая атака идёт!
– Какая? – не поняла Маруська.
– Психическая, – засмеялась Авдотья. – Ты разве кино про Чапая не видела? Помнишь, как белогвардейские офицеры на красных шли? Без единого выстрела! А чапаевцы терпения набрались, тоже не стреляли, патроны берегли...

Между тем Иван Проныра свернул с дороги на тротуар и приблизился к Авдотье.

Маруська успела сказать: «Значит у белогвардейцев стрелять было нечем».

Проныра догадался, что речь была про его компанию, но сделал вид, что не среагировал.

– Почём редисочка? – он указал костылём на корзинку с овощами.
– Тебе, Ванюша, могу и бесплатно! – Авдотья протянула ему пучок редиски.
– Сегодня беру за деньги! – торжественно произнёс Иван. – С утра мне принесли плату за раздробленные ноги.

Проныра покрутил пучок в руке, понюхал, качнул головой.

– Редисочка-то доморощенная, прямо с грядочки... не то что с плантации или парниковая, – расхваливала Авдотья.

– До афгана я сам такую выращивал, – виновато ухмыльнулся Иван. – Так что знаю, что такое с собственного огорода.

Он глянул в сторону дороги, и тот час же рядом оказались братья Безродные.

– Берите закуску и шуруйте в гараж, – скомандовал Иван, – да мухой назад. Корзину они вернут, а ты – держи.

– Бог с тобой! – ахнула старуха, увидев тысячную бумажку. – У меня и сдачи нет.

– Сдачи и не нужно! Впереди ещё лето, так что рассчитаемся. Я подыхать не собираюсь!

Прихрамавший к торговкам Полковник, заметив в руках у Маруски банку с огурцами, мечтательно произнёс:

– Вот они, мерзавчики, родные! С них моё турне по «ленинским местам» и началось. С пацанами на пойму колхозную ходил, жрать хотелось – ужас! Там нас сторожа и изловили. У кого родители были, тех отпустили, а я с такой вот бабкой жил... – Полковник показал кивком на Маруську, – меня и отправили на малолетку. С тех пор так и числюсь в расхитителях государственной собственности.

Маруська с окаменевшим лицом пристально смотрела на уголовника, потом, словно её кто-то подтолкнул, протянула дрожащими руками банку Полковнику.

– Возьми, сынок! Это твои, выстраданные...

– Не могу, мать! Я их на пойме наелся на всю оставшуюся жизнь. – Полковник ребром ладони резанул себя по горлу. – Вот так наелся! – Помолчал, словно вспомнил: – Огурчик во рту хрустеть должен, как в кармане новая долларова ассигнация, а у меня зубов не осталось.

– А ты их на тёрочку... – подсказала Маруська.

– Ещё лучше через мясорубку... – вмешался Шкуро.

– Теперь я без закуску пью, – сказал Полковник, – научили.

– Это ж кто тебя такой беде научил? – зло сузив глаза, спросила Авдотья.

– Можно сказать, что жизнь, но если точнее, власть! – философски отве-

тил Полковник.

Неожиданно в кустах за тротуаром защёлкал соловей. Полковник и Шкуро переглянулись. Это был сигнал Слюнявчика: менты. «Соловей» ещё продолжал насвистывать, когда возле торговых завизжал тормозами милицейский УАЗик. Молодой лейтенантик выскочил из машины, подбежал к Авдотье.

– Бабуся, не бойся! Минут через десять корзинку твою вернём. Сейчас в отдел смотаемся с этими гавриками, оформим документы и вернём. Ты только посмотри, сколько они успели твоей редиски сжевать, пройди к машине.

– Так они ж купили её! Пусть и жуют, – ответила Авдотья.

Лейтенант растеряно улыбнулся.

– Выходит, правда купили? А где взяли деньги?

– Купил всю корзину я, – пояснил Шкуро, – а деньги из моей пенсии.

– Странно! – пожал плечами милиционер. – А кто подтвердит, свидетели есть?

– Ты что ж, народу не веришь? – вмешался Полковник. – Президент верит, а ты сомневаешься! Какие тебе свидетели ещё нужны?

– Если нет никаких претензий, тогда ладно.

Лейтенант подошёл к машине, открыл зарешёченную дверь.

– Давай, выпрыгивайте вместе с петрушкой...

Только машина отъехала, из кустов вылез Слюнявчик. Продолжая насвистывать, подошёл к друзьям и выгреб из куртки горсть мелочи.

– Здесь на целую бутылку «Жигулёвского». Пока в кустах сидел, бывшую подружку встретил на тропинке.

– Ну и чё? – в один голос любопытствовали братья Безродные, – Поцеловались, что ли...

– Ещё лучше! Видели, сколько серебра отсыпала?

Шкуро поднял костыль.

– Хватит порожняки гонять! Валим на хату к Полковнику.

Безмолвно, глядя каждый себе под ноги, вся компания двинулась назад, к Оке, в сторону реликтовой Каширы, где находилась изба Полковника, родители которого неизвестно как пропали во время Великой Отечественной. Авдотья и Маруська долго смотрели уходящим вслед, словно вспоминая далёкое прошлое, когда они молодые, верящие в счастливое будущее, провожали в армию своих парней...

– Всё! – тяжело вздохнула Авдотья. – Атака захлебнулась.

Счастливая Марфа

– Ну, мама, ты и даёшь! – удивилась Элеонора, увидев перед собой родительницу. – Проходи, проходи, что ж ты стоишь?

– Да у меня там, – Марфа ткнула корявым пальцем в площадку, – внизу вещи остались... гостинчик внучку.

Элеонора запахла яркий японский халат и зычным голосом позвала из глубины квартиры Адольфа:

– Спустись вниз и забери у вахтёра мамины вещи! Валяй, а то того и гляди уполовинят. Народ сейчас пошёл, сам знаешь какой...

Адольф почесал козлиную бородку, видно, соображая, какой «пошёл народ», и скрылся в кабине лифта.

– А мы через недельку будем уже в Америке, – играя прищуренными глазами, радостно произнесла Элеонора и повела мать на кухню, а по пути показала на лоджию. – Адольф, как чувствовал, место тебе приготовил.

– Да я б и на полу в прихожей переночевала, – виновато сказала Марфа. – Ты мне не лоджию, ты мне внука показывай: какой он из себя.

– Внук у тебя, мать, что надо, только вот за компьютер не усадишь.

– Это хорошо, что не усадишь. Умные люди говорят, что эти самые компьютеры для военных целей сделаны. – Марфа посмотрела в тот угол, где должна быть икона Распятого, и, не найдя Его образ, всё равно наспех перекрестилась. – Не забыла, как в Нью-Йорке торговый центр рухнул? Подобно Вавилону! Так что, компьютер – вещь Богу негодная. – Марфа оглянулась, словно за спиной стоял кандидат наук, её зять Адольф, но, опять наткнувшись на пустое место, не стесняясь, спросила: – этот дурак тебя уговорил ехать?

Элеонора вспыхнула.

– Какой же он дурак, если кандидат наук?

– Милая моя, – Марфа снисходительно улыбнулась, – да, он учёный, может быть, но не умный! Ум даётся Богом...

Хлопнула входная дверь, и Марфа только ойкнуть успела. Павлушка, обняв любимую бабушку, умудрился крепко пристроиться у неё на спине: «Угадай, бабуля, кто это такой?» И долго бы ещё продолжал Павлушка эту игру, если б не услышал, как Марфа озабоченно, даже с ноткой испуга спросила у мамы, куда делась трёхлитровая банка мёда. Мальчик в тот же миг оказался на полу и победоносно закричал, показывая на отца:

– Бабуля! Банка у него... банка у него...

Вечером за чаем Павлушка, облизывая красивую деревянную ложку, спросил у бабушки:

– А почему люди не умеют собирать мёд?

– Потому что это самая тяжёлая работа. Самая тяжёлая и самая полезная, – уточнила Марфа и бросила любопытный взгляд на своего учёного зятя, который облизывал блюдце.

– Выходит, что ты у нас пчёлка, да, бабуля?

– Выходит, Павлушка, выходит...

Марфа произнесла эти слова в какой-то печальной задумчивости и быстро поднялась из-за стола, словно действительно слетевшая с цветка медоносная пчела.

– Ты что, мама? – встала Элеонора.

– Полечу домой, дочка.

– Я с тобой лечу, бабуля! – весело пропел Павлушка. – Слышите, я уже полетел: ж-ж-жж...

– Куда же ты на ночь глядя? Утром бы и поехала.

– Нет, мама, мы с бабулей полетим сегодня, – прожужжал Павлушка, бегая вокруг стола. – Пчёлы живут только в своём домике.

Элеонора, недоумённо пожала плечами и подвела Павлушку к окну:

– Смотри!

Павлушка глянул в окно и повернулся к матери:

– Ничего я там не вижу, – разочарованно сказал он, – сплошные окна...

– Наполненные светом, как соты мёдом, – подсказала Элеонора.

– Да-да, – подхватил Павлушка, – как соты мёдом! – он даже облизнулся.

– И наше окно наполнено мёдом, – сказала Элеонора, – значит, пчёлам лететь никуда не следует, они спать будут на лоджии.

– Тогда и ты оставайся дома, – серьёзно сказал Павлушка. – Зачем же собралась ехать в Америку? А бабуля ещё нам мёда привезёт. Правда, бабулечка?

– Да хоть целый молочный бидон! – подтвердила Марфа и ласковым взглядом посмотрела на дочь, которая собралась ехать в какую-то Америку, точнее – за семь вёрст киселя хлебать.

– Мам, а сколько это – бидон? – поинтересовался Павлуша?

Элеонора вопросительно посмотрела на Адольфа:

– А ты что, мёд не любишь?

– Люблю! – под жёстким взглядом жены выпалил кандидат наук.

– А чего ж мне мозги пудришь своими Штатами? Ступай в гараж, заводи своего «Мерседеса» и покатай до Мордвеса...

...Павлушка стоял во дворе возле колодца и наблюдал за красным петухом, который важно ходил по срубам, время от времени останавливаясь, чтоб возвестить на всю деревню, что к Марфе приехала из Москвы дочь со своим семейством. Из избы, зевая и потягиваясь, словно в детстве, вышла Элеонора, улыбнулась Павлушке:

– Ну, что, хозяин, остаёшься здесь навсегда?

Вместо ответа Павлушка показал на петуха:

– Мам, он на твой халат похож! Такой же крикливый.

– Это ты сам заметил? – удивилась Элеонора.

– Конечно, сам! Что здесь такого?

– А где Адольф?

– Бабуля сказала, что он с деревенскими мужиками пошёл знакомиться.

– Так он ушёл ещё до рассвета, – сердито сказала Элеонора.

– Деревня-то большая, чай с Москву будет. Пока всех обойдёт...

Всматриваясь в лицо сына, Элеонора догадалась, что он повторяет слова бабушки, стараясь подражать её интонации. Усмешка пробежала по её губам. Она поняла, что её мать исподволь делает из Павлушки сельского жителя, а Павлушка сам идёт навстречу желанию своей бабулечки с удовольствием.

«Пусть идёт, – подумала она, – сегодня село – единственная надежда выжить в наш техногенный век».

По садовой дорожке шла Марфа с ведром яблок и, подойдя к своим чадам, предложила:

– Не пора бы нам сесть за стол?

– Не просто за стол, а за праздничный, – поправил бабуленьку внук и побежал к бочке умываться.

29.08.2008

Семья Дениса

Рассказ

Денис Берёзкин, спокойный, рассудительный крепыш, в кругу своих дворовых сверстников часто рассказывал, что у него когда-то было «две прабабушки, два прадедушки, одна бабушка, три дедушки, два папы и одна мама...».

– Мама у меня была одна, – говорил он друзьям, – и я её очень любил (здесь у Дениса кривились тоненькие, бледные губки, а голубые глаза становились влажными), пока её не забрали в милицию...

Собравшиеся вокруг Дениса замирали, и через некоторое время кто-нибудь обязательно спрашивал: «И после этого ты её разлюбил?»

Денис опускал тяжелые от слёз глаза и дрогнувшим голосом отвечал:

– Нет... не разлюбил... я стал её любить ещё сильнее...

Ребята облегченно вздыхали и перешёптывались, жались друг к другу плотнее, словно оправдывая Дениса и говоря, что они поступили бы точно так же, как он.

Взрослые люди из подъезда, куда приходил Денис, недовольно морщились и ворчали: мол, вот так образуются шайки и банды, которые мешают порядочным людям проводить свой досуг, прогуливая четвероногих друзей человечества. Но бросить подобный упрёк Денису, имеющему на втором этаже трехкомнатную квартиру с солнечной стороны, эти жильцы боялись, так как квартиру занимал главный технолог большого предприятия, живущий в ней по согласованию с опекунским советом, во власти которого находился Денис до своего совершеннолетия.

Денис, конечно, ничего об этом не знал и приходил к подъезду по памяти тех лет, когда была жива бабушка Нина, а её сын Сергей считался ему отцом.

– Дениска, а где твой отец? – допытывался второклассник Андрей Шувалов. – Меня и в школу, и из школы возят на иномарочке, а ты будешь топтать ножками, когда пойдёшь в первый класс.

– Когда я пойду в школу, – уверенно отвечал Денис, – я свои двойки унесу на себе, а ты свои не увезешь и на машине.

Андрей высокомерно хмыкал и небрежно ронял:

– У моего папы денег – цыплята не клюют!

– Фу... цыплята! – защищался Денис. – У моей бабушки Нины и куры их не клевали. Курочкам я в огороде травку рвал, а они мне за это яички каждый день в сарае оставляли.

Денис часто наблюдал, как Андрей Шувалов выпрыгивал из большого чёрного лимузина и независимой походкой направлялся домой, а следом несла его школьную сумку, переваливаясь от её тяжести с ноги на ногу, разукрашенная мама Андрея.

Однажды из сверкающего лимузина вышел отец Андрея и, заметив Дениса, стоявшего возле старой липы, поманил его к себе. Берёзкин, привыкший доверять во всем взрослым, быстро подошел.

– Садись в машину, – произнес старший Шувалов. – Сейчас мы поедем на городскую площадь, и там ты увидишь всех своих родных. Они будут рады тебе...

Сияющая улыбка озарила лицо Берёзкина, но тут же исчезла, и он, предчувствуя подвох, обиженно взглянул на Шувалова. Шувалов уловил взгляд и выругал себя за опрометчивость, но время, чтобы исправить ошибку, еще было, и он притормозил.

– Видишь ли, Денис, я хотел сделать тебе подарок, тем более как раз для этого подходящий случай... Но пусть этот подарок останется между нами, мужчинами. Согласен?

Берёзкина ещё никто не называл «мужиной», и это ему польстило.

– Довожу до твоего сведения, – теперь Шувалов бросил испытывающий взгляд на Дениса, – что я, как говорят многие, художник, не лишённый дара свыше. И вот я решил нарисовать картину, где бы ты был среди своей семьи вот таким, какой ты есть, то есть жизнерадостным и стойким... Стойкий значит человек, живущий сообразно природе, которого судьба ведёт за собой. Это люди – материалисты, а на материализме, как на фундаменте, стоит наша жизнь. – И неожиданно спросил: – Для тебя это несложно?

– Да что ж здесь сложного? – удивился Берёзкин. – Мне об этом и прадедушки, и дедушки, и папы говорили... Ну, поехали к ним скорей!

Картина, на которой рукой художника была собрана семья Березкина, возвышалась над входом в городской Дворец культуры. Она притягивала своей непосредственностью, словно часть городских жителей, случайно попавших на полотно. В центре картины радостной улыбкой светилось лицо Дениса Берёзкина, как бы говорящее о том, что человеческое счастье пребывает в самом человеке, надо его только желать.

Денис не верил своим глазам и всё время, поворачиваясь к Шувалову, спрашивал: «Разве такое может быть, чтоб всем вместе? Там же и прабабушки, и прадедушки... и я!»

Пожилая чета, заметив Шувалова ещё издали, начала ему кланяться и говорить слова благодарности, и Денис услышал, как старичок сказал: «Александр Пушкин всегда подчёркивал, что в семье должна быть обязательно бабушка».

Шувалов присел на корточки рядом с Денисом и тихо произнёс, показывая на картину:

– Видишь, хвалят меня, с Ильей Глазуновым сравнивают, а никому и в голову не приходит, что видят перед собой плакат-агитку и не более. Жаль, Дениска, что ты ещё читать не умеешь, иначе бы ты и сам мне сказал: «Надо, товарищ Шувалов, писать не «год семьи», а по крайней мере – век!..» А всё из-за этой иномарки, вернее, из-за моей жадности. Вот и потеряна суть, то, ради чего я работал. Упёрлись в один год – и всё! Как будто после этого года наступит конец света. Но ведь он не наступит, верно?

– Ещё как верно! – подтвердил Березкин. – Нам жить и жить...

– Лет до ста расти нам без старости! – произнёс художник и, вставая, подхватил Дениса на руки.

Оказавшись на высоте, Берёзкин почувствовал прилив бодрых сил и, не обращая внимания на стоящих рядом людей, задыхаясь от восторга, пропел выражение Владимира Маяковского: «Лет до ста расти нам без старости!»

Захваченные детским азартом, взрослые неожиданно следом за Денисом на разные голоса дружно подхватили: «Лет до ста расти нам без старости...».

19.12.2008

Наедине с собой

Антон Плотников буксовать не любил и, когда начинал пробуксовывать, злился, ругал себя последними словами и вообще за человека не считал. А пробуксовывать в последние годы ему приходилось всё чаще, потому что ехал не по бетонной автостраде, а по ухабам и колдобинам, да ещё неизвестно куда...

Однажды Антон совсем сломался, то есть потерял ориентировку в жизни. Стоя на автобусной остановке, он ждал экспресс на Москву, чтоб в столице самого богатого в мире государства разжиться у старших товарищей деньгами, но вдруг перед ним остановилась шикарная иномарка.

– Ну, ты что там баклуши бьёшь, – раздался знакомый голос, – канай к нам быстрее!

Антон оглянулся. Рядом с ним сидели на скамейке деревенские старушки с корзинами яблок и бутылками из-под пива. Он сообразил, что зовут его. Через мгновение он уже сидел, как вельможа, на заднем кресле и ладонью глушил работу разволновавшегося сердца. Ему казалось, что сердце стучит громче, чем клапаны двигателя. Разглядев, наконец, за рулем закадычного друга, успокоился.

– Тебе куда? – спросил Михаил Клюкин и улыбнулся в зеркало на ветровом стекле.

– В Москву! – сказал Плотников. И тут же поймал себя на мысли, что Клюкин, скорее всего, держит путь к матери в старый город. – Мне бы добраться до «Кормильца».

– А, может, подбросить до общежития?

– Нет! – отрезал Антон. – Тогда уж лучше прямо в тюрьму.

Сидевший на переднем сиденье мужик оглянулся.

– Есть желание?

– Особого желания пока нет, но может появиться, – серьезно сказал Плотников.

В это время на коленях у него появилась миниатюрная, похожая на большого комара, собачонка. Плотников протянул к ней руку, чтобы погладить, но собачонка показала ему мелкие и острые, словно сапожные гвоздики, зубки.

«О! – подумал Плотников. – Тогда мы с тобой не уживемся».

Тойгерьер, словно угадав его мысли, пробрался между сиденьями и оказался на коленях у хозяина, высунув голову перед рулём...

Стоявший на перекрестке «гаишник» чуть не вскинул жезл вертикально вверх: вероятно, сразу не догадался, что у водителя, то есть каширского голубятника Михаила Клюкина, не может быть... более двух рук, как у бога Шивы...

Через несколько минут Антона высадили возле Введенского храма, и он три раза перекрестился, чтобы очиститься от случайной встречи, пошёл по Советской к «Кормильцу».

В общежитии, где жил Плотников, по коридору бегали кошки с петлями на шеях, слышался собачий лай, стоял потусторонний смог от дыма. «Суцций ад!» – выругался Антон, но тут же вспомнил тойтерьера и от души рассмеялся.

Потом уже, наедине с собой, оставшись в своей комнате перед листом чистой бумаги, он представлял, как бдительный «гаишник», остановив иномарку Клюкина, протягивает руку в салон за правами, а этот доходяга, тойтерьер, цап его за руку! «Гаишник» уже был готов нанести удар тойтерьеру жезлом в отместку за обиду, как вдруг, словно пораженный молнией, замер с застывшим взглядом. На обочине стоял в тройке, в шляпе и во все замечающем пенсне... Чехов и грозил стражу порядка пальцем, мол, можешь превысить самооборону.

Плотников перестал восхищенно удивляться совпадению ситуаций в придуманном эпизоде в поездке на шикарной иномарке по Кашире с эпизодом в рассказе Чехова...

Поставив ведро с водой под стол, привязав к нему, чтоб всегда была под рукой, кружку, он положил перед собой чистый лист бумаги, на котором хотел рассказать миллионам читателей, как крепкого мужика цапнуло за руку ничтожно маленькое, бессильное существо, заметившее, что кто-то чужой без спроса нарушил её территориальную целостность. Но вместо ручки взял из кулька соленую кильку, оторвал ей голову и, пошарив по столу глазами, бросил голову на сверкающий первозданной белизной лист. Пока Плотников жевал кильку с чёрствой чёрной краюхой, перед его глазами вздымались волны безбрежного океана макулатуры...

Напившись воды, Плотников понял, что перед ним маячили «волны литературы», затопившие всё в мире, включая человеческое сознание!

Чем дальше рассуждал он, тем больше выходил из себя и чувствовал, что становится сам не свой...

Крутой нрав не позволил ему находиться в таком дурацком положении. Несостоявшийся писатель, недолго думая, помыл руки, натянул демисезонное пальто и, как говорят в русских сказках, был таков!

«Да ни за какие деньги не соглашусь сидеть за столом в такую погоду и писать о том, что случается с нами в жизни на каждом шагу...», – думал он, направляясь по тропинке к Оке. Тропинка «шла» с закрытыми глазами, словно земная жизнь, петляя на каждом шагу. Иногда, с дуновением ветра, она приносила первозданный запах всего, что было окрест, словно хотела, чтобы человек, идущий по ней, ничего не забыл там, далеко внизу, где течёт река...

14.10.2008

Расплата

Рассказ

В далёкой юности попала на язык Антону Плотникову задорная, бодрая песенка: «Как ни верти, как ни крути, где б в жизни ни скитаться, но всё равно в конце пути придётся рассчитаться».

Долгоиграющая песенка-карамелька, несмотря на свой непередаваемый аромат, который всегда был кстати, иногда ставила Антона в тупик: перед кем

рассчитываться? Уж не перед той ли, что изменила ему? Или перед советским Уголовным кодексом, когда за пощёчину подлецу мог на целую «пяtilетку» уехать в тайгу?..

Плотников не был суеверен, но однажды почувствовал полынный запах степных ветров вместо эссенции. Тревожно шевельнул языком... Пусто!

«Значит, пришла пора расплаты! – мелькнуло в голове. – Ну и сколько, кому я должен?»

Всю ночь он любовался своей картиной, которая ещё стояла на мольберте и ждала имени, но и без имени безмолвно говорила о горькой участи, доставшей ей.

Друзья и знакомые Плотникова называли картину «Русь крещёная», и Антон в душе был согласен, хотя последнее слово оставил он за своей бывшей женой.

Его жена была профессиональной художницей, и в своё время Антон проникся глубоким уважением к её работам, потом и к ней самой.

– Вы стали моей Натали... – набравшись смелости, как-то признался он русоволосой художнице и предложил ей своё сердце...

– Разве вы донор? – с возмущением спросила Наташа.

– Я не донор! Но я хотел бы миг признания в любви сделать достойным... – не поведя бровью, ответил Антон.

– Вам бы стихи писать, а не мазать мазутом трубы... – Губы её завязались бантиком, а глаза наполнились смехом.

– Насчёт поэзии не знаю, а вот рисовать для души – пожалуйста... Если желаете посмотреть, то прошу в гости.

– Мне некогда с вами возиться, – бросила Наташа...

...Антон не отрёкся от «своей Натали» и после того, как узнал, что она захаживала к известному в городке журналисту, который написал книгу о передовиках завода и на полученную от дирекции премию запил по-чёрному, а когда деньги кончились – застрелился.

«Как ни верги, как ни крути, где б в жизни ни скитаться, но всё равно в конце пути придётся рассчитаться». Тогда Антон ощутил в карамельке какой-то необъяснимый привкус, а вскоре узнал, что «его Натали» заинтересовалась библейскими сюжетами и стала художником местной газеты «Русский выбор».

...Однажды они встретились в городском сквере, и она, не поздоровавшись, сказала с усмешкой:

– Слышала, завёл любовницу? Это большой грех! Хотя для таких, как она, ничего святого не существует. И для тебя...

– Идёт раскрепощение душ, – улыбнулся в ответ Антон. – Процесс пошёл.

– Вспомни, что у нас есть сын.

– Которого ты лишила отца, – с упрёком сказал Антон. – Это меня и убивает.

После разговора в сквере они долго не встречались. Антон несколько дней действительно чувствовал себя мертвецом и, чтоб вернуть интерес к жизни, пил водку, но, видно, крепко «зашкаливала» совесть, потому что водка не могла ему вернуться в повседневность.

Он шёл к ней, как на Божий суд, чувствуя, как из-под ног уходит земля, теряются очертания высотных домов, люди становятся одноликими, деревья без листвы теряют свой вид, и ожидал неприятности...

И она случилась! Наташа махала ему рукой, мол, куда ты идёшь? Поворачивай назад! Я не хочу тебя видеть, мерзавец!

А он всё шёл... и только перед балконом, с которого сыпались на него упрёки и проклятья, невольно остановился и спокойно посмотрел вверх, где стояла Наташа, из-под белой косынки которой выбивался русский локон...

– Что за истерика? – спокойно спросил Антон, но в этот момент грохнула балконная дверь, и он остался один на один с завёрнутой в холстину «Русью крещёной»...

Через три дня Антон Плотников узнал, что в понедельник в десять часов двадцать минут в реанимационном отделении городской больницы Наталья скончалась...

«За что же такое наказание? – спрашивал он себя, теряя рассудок. – За что, Господи?»

После очередной поллитры Антон обвёл комнату тускнеющими глазами, ища «Русь крещёную», и даже не удивился тому, что её в комнате не оказалось. Усевшись за стол и подперев кулаками подбородок, он задумался о смысле жизни и наперекор отчаянию мысль и смысл уже не путались в голове, как несколько часов назад, когда он готов был выброситься из окна на смех курам... Именно курам, так как по его убеждению, люди усмотрели бы в его поступке человеческую трагедию.

«А в чём она, эта трагедия? – допытывался Плотников. – В чём?»

После каждого подобного вопроса он уже собирался ответить, но не мог подобрать для ответа подходящих слов, потому что снова терялась грань между словом «мысль» и словом «смысл»...

На какой-то день эта злополучная грань обрела чуть ли не осязаемые очертания и Плотников понял, что Всевышний дал ему возможность вернуться к жизни.

Он шевельнул языком и с изумлением почувствовал знакомый аромат карамельки и вспомнил задорную и бодрую песенку, не дававшую ему унывать в самых печальных ситуациях: «Как ни верти, как ни крути, где б в жизни ни скитаться, но всё равно в конце пути придётся рассчитаться».

И тут же сознание ему подсказало, что к нему приезжал из Москвы знакомый фарцовщик и забрал «Русь крещёную», оставив аванс в тысячу рублей да несколько хвалебных фраз, которые услышал о Плотникове в Союзе художников России.

– У вас прогрессирующий паралич, – чуть ли не по слогам произнёс врач-психиатр, глядя в пустые глазницы Плотникова. – Такой диагноз был и у вашей жены. Скажу вам, как мужчине, он, этот паралич, дёргает, как петля на виселице. Ощущение не из приятных. Кстати, а почему вы не захотели посетить жену перед смертью? Она вас долго, до потери сознания ожидала, всё надеялась вам открыть какой-то секрет...

Была глубокая ночь, Антон лежал на тахте с открытыми глазами и смотрел в окно на едва видимые звёзды, вспоминая то время, когда рядом с ним лежала, прижавшись к нему, «его Натали» и мечтала, что когда-нибудь после смерти будут они и на том свете рядом любоваться вечным мерцанием звёзд.

«Ты даже не можешь себе представить, какая это прелесть...», – шептала она Антону.

Плотников не хотел расслабляться сентиментальными воспоминаниями о своей Натали заранее, так как завтра собирался съездить на Белопесочное кладбище к ней самой, и, закрыв глаза, хотел перевернуться на бок...

И вдруг в гробовой тишине и беспросветной тьме перед его глазами мелькнул зигзагообразный багор молнии, пронзив его вдоль всего тела.

Антон всё-таки успел вспомнить слова психиатра, что паралич неизлечим, и, теряя сознание, с облегчением подумал: «Через день-два наконец-то буду рядом с ней».

Сделав последний вздох, собрав остаток сил в уходящем рассудке, он мысленно произнёс задорные и бодрые слова песенки: «Как ни верти, как ни крути, где б в жизни ни скитаться, но всё равно в конце пути придётся рассчитаться».

II. Очерки, эссе, мысли, воспоминания

Пиит, стихотворец, поэт?

Законов и прочих всякого рода предначертаний в мире скопилось так много, что не нарушить какие-нибудь из них невзначай решительно невозможно. А незнание законов, как известно, не оправдание. Это тоже закон.

Если человечеству ещё удаётся как-то дышать, развиваться, то лишь в обход законов. А улучшишь их до предела – и тогда уж их не обойдёшь. И дыхание жизни остановится.

«Информация из первых рук»

И. Кутко

Истинный поэт (художник) в творчестве непредсказуем.

И человек – система!

Стихотворец зафиксировал эти мысли совершенно случайно, но после, когда их обдумывал, почему-то решил, что случайности никакой не было. И вообще, что такое случай, как ни одна из закономерностей, не совсем обычная для нашего восприятия. Закономерность. Система. Случай. Непредсказуемость. И, как финал – человек – слова синонимы. А чтобы этот синонимический ряд был рядом, цепью, монорельсом, сюда следует добавить мысленно или ассоциативно, то есть автоматически, плазму из философии. Вот при таком условии можно говорить так: мы живём, пользуясь исключениями из законов, истинный поэт запрограммирован «временными» генами, а человек,

разумеется, стихия. Нет, ещё не изобрели для него прокрустово ложе, так же, как и вечный двигатель. Хотя последний изобретён Природой и Вселенной и называется обычным словом – жизнь.

Вот именно со слова «жизнь» стихотворец и хотел начать свою повесть, но пока искал, к нему другое, такое же самое по смыслу, пришло в голову, эти три мысли, и пришлось их записать. Он давно убедился, что человеческий разум служит не для памяти (в смысле, выполняя роль архива, фонда, хранилища), а для изобретения новых ходов мысли, суждений, теорий, прогнозов мечты...

Стихотворец вдруг с ужасом заметил, что много разных людей, которых он знал, давно уже умерли. Да-да, исчезли с лица земли, оставив, каждый из них, в его душе какой-то след, зарубку, шрам, приносящий ему настоящую боль и страдания. Его отец и мать ничего заметного в нём не оставили. Они жили в нём. И будут жить, пока будет жив он. Их сын. Надежда. И будущее. А когда он умрёт, тогда умрут и они. И те, которых он знал и помнил, значит, ещё живы. Вот она, вечная связь поколений, не разрывает цепь человеческого бытия, людская память! И ничего в ней не изменить, перелицевать невозможно. Человек без памяти?

Ну, что человек без мечты? Зверь! Людоед! Мертвец! Но боже упаси связывать с мечтой надежду и веру. И надежда, и вера должны быть обычными, земными, реальными и доступными. Мечты благоверны в юности и в тюремных камерах. И там, и там они ограждают от грязи...

...

Поэзия – не райский сад, плодоносящий сбывшимися грёзами. Поэзия – это вечная мерзлота, где, как спички, ломаются ломы и кувалды; поэзия – это запоздавшее письмо из страницы о том, что твои родители так и не дождались тебя...

Рассказывает поэт

Вагон, в котором ехал поэт, мягко покачивало, а самого поэта сильно штурмило. Можно сказать и так: крепко, без дураков. И в голове творилось Бог знает что. А что в душе – неведомо и Богу. Такое состояние было знакомо поэту, оно появлялось в нём перед каким-нибудь неординарным событием. «Странно, – думал поэт, – все события позади, а меня знобит и лихорадит. Уж не случилось ли чего-нибудь?» И тут же, ругая себя за малодушие и растерянность, успокаивал: «Ты брось это. Брось... Бери себя в руки, будь мужиком, в палатах Сербского пациентов и без тебя хватает».

Было у поэта одно лекарство, исцеляющее и ум, и душу даже в самые адские, невыносимые минуты жизни. Но сработает ли оно сейчас, когда и сам он, и этот вагон, закупоренный, как консервы, и всё вокруг – в реактивном состоянии?

Должно сработать. Иначе он не поэт. Иначе четверть века жизни – чёрная полоса, яма, пропасть, бездна. И поэт слотнул застрявший в горле комок гор-

дыни, обиды, зависти, высокомерия... Это была горькая пилюля, в которой содержались все компоненты человеческого невежества. Это был яд, перед которым цианистый калий выглядел взлётно-посадочной карамелькой. Но этот яд приносил избавление от мук телесных и сердечных. Даже собранные все вместе блага не смогли бы устоять перед тем блаженным чувством человеческого совершенства, которое испытывает каждый, глотая эти несуществующие в материальном мире пилюли. Поэт узнал о них очень давно от своего однокурсника.

Они сидели в небольшом скверике в центре Краснодара. Перед ними в густых сумерках южного вечера стоял сухой фонтан с кустами болотной кучи и осоки.

– Запомни навсегда, на всю жизнь, – чуть ли не упрашивал похожий на Сократа студент истфила, – что истинный художник живёт в мире образов. Для него окружающее – совокупность тех образов, которых он видит. Он! И я могу иметь свой мир образов! И мыслить мы уже будем каждый по-своему. Чем образ ближе к истине, тем выше его художественная ценность. Образ словно тень, он неотделим...

– Интересно, – удивился поэт, – если каждый будет мыслить по-своему, как мы поймём друг друга?

– Каждому это не дано. Бог наделяет этим качеством избранных.

Похожий на Сократа студент был курносый парнем с пшеничными волосами, с глазами, как васильки во ржи. И сравнить себя с Сократом он мог только однажды, когда попал на лекцию по древней истории. Возможно, что кто-то неверно подсказал ему расписание лекций на факультете. Поэт, правда, никогда его Сократом в глаза не называл – не любил льстить, но видел в нём Божьего избранника и с интересом следил за его творчеством.

Юрий Кузнецов, а это он сидел тогда на скамейке перед фонтаном, рядом со студенческим общежитием, вряд ли мог подумать в тот осенний вечер, что своим «открытием мира» забывает в поэта вечную мысль. Забывает, но не на смерть, так как уже тогда он мыслил «своими» образами, а поэт – своими, а значит, и представления они имели разные о той жизни, которая их ожидала.

Поэт сглотнул застрявший в горле комок. Яд заработал! Сперва появилось приятное головокружение, как от хорошего табака, когда никотин разливается по серому веществу. Потом туман исчез, и необозримая ясность высокого простора поглотила поэта, оградив его от всего вторичного...

«Прямо дороженька, насыпи узкие, столбики, рельсы, мосты...».

Николаевская... Октябрьская... Боже мой праведный! Разве можно по ней ездить?..

Так «вы мне позволите при лунном сиянии»...

Может, и на БАМе был свой Некрасов? Нет, пожалуй, не было. Джон Рид был, «Песняры» были и прочие, прочие... Последние выдавали будь здоров! Прямо с платформ: «Приезжай ко мне на БАМ с чемоданом кожаным, а уедешь от меня с носом обмороженным». Слова и музыка народные. Да, могуч и силен народ. БАМ отгрохали, а Некрасова всё-таки нет...

Яд работал на полную мощность. Вагон мягко покачивало. Волнами набегали и убегали мысли. Шёл девятый вал... Так, ничего ударчик! С треском!

Роберт Рождественский ездил. Философы, писатели, художники, композиторы... Космонавты даже в бригадах числились как почётные члены, конечно.

А правнук Некрасова ездил на электричке в Белые Столбы. Грибы собирал. Даже лицом похож на своего великого прадеда.

Закатал штанины до колен, рубашку из-под ремня освободил, лукошко на левую руку, перочинный ножичек – в правую. «Придерживайся дороги на Бронницы, – сказал поэту, – не потеряешься. – Пошёл быстро. – Здесь, видно, уже прошли. Надо перегнать. – Нагнулся, скрутил подберёзовик, рядом ещё один. – Ну, с Богом!»

Над верхушками зелёных крон посвистывали домодедовские турбины. По бетонке на большой скорости прошёл тягач с платформой, на которой стоял танк. «Хотя бы зачехлили», – подумал поэт. Башня у танка сползла набок, одной гусеницы не было. Огонь, видно долго лизал броню, да облизнулся... Мальчик с велосипедом стоял на обочине и, удивившись увиденному, пристально смотрел танку вслед.

Когда поэту было три года, он тоже впервые увидел танк, но сам этого не помнит и, что испытал при этом, не знает. Хотя тот танк, в отличие от нынешнего, нёс ему смерть.

Его и ещё одного мальчика, Витю, схватила на берегу Зеленчука старая казачка Маруся и утащила к себе в хату. В тот день всех эвакуированных немецкие солдаты согнали в амбар. Мать Вити и мать поэта были эвакуированными, да ещё, как оказалось, жёнами командиров. Ночью их увезли на грузовиках. Витька и трёхлетний поэт остались жить в хате у казачки Маруси. Пока на хуторе хозяйничали немцы, Маруся держала своих ребят под замком, подальше от лишних глаз. Но однажды пришла домой с соседкой и объявила с порога: «Тикае нимчура, тикае...» И вдруг заголосила, обняв чёрным рукавом голову. «Ох, горэ якэ... Якэ горэ... Хлопчики вы мои, сиротки несчастные...». Соседи её стали успокаивать: «Какие ж они сироты, что ты, Маруся... Вот батьки вернутся, матери отыщутся...». Витин отец приехал за ним на «полдторке», а поэта старая казачка отвезла в детдом, недалеко от Усть-Лабинска. Поцеловала и перекрестила: «Да сохранит тебя Господь Бог, сиротинушка»...

Из рассказов своей тёти поэт помнит, что его отец был черниговским хохлом, а мать – кубанская казачка. Поэт лицейского образования не имел и не писал стихов на стенах. Он получал образование в спецшколах, но не в тех, с математическим или физическим уклоном на каком-нибудь иностранном языке, он посещал школы, из программ которых иностранные языки исключались вообще, где не было уроков рисования, пения, физкультуры. В этих школах не требовали приводить родителей. В них учителя были рады одному – посещению.

В характере поэта была одна черта – уклоняться от всего нормального, чем занималось большинство людей на земле с тех пор, как они стали называться людьми...

Из воспоминаний

* * *

Я никогда не слышал ничего о родной матери. Но когда умер отец, я в его архивах наткнулся на несколько странных писем, в которых упоминалась какая-то женщина очень близкая отцу. Мать ли это? Я всегда удивлялся тому чувству, которое рождается во мне, когда я слушаю молдавскую или румынскую, не говоря уже о цыганской, музыку. Это чувство напоминает мне что-то родное, близкое, слышанное мной когда-то. И я спрашиваю себя: может, во мне не русская, а цыганская кровь? Но почему мексиканские и бразильские мелодии мне по душе? Неужели истоки родословной там?

* * *

Был вечер. Меня позвали в дом. Я посмотрел на сидящих друг против друга людей, и что-то гипнотизирующее сделало меня дерзким и злым. Я выскочил из комнаты...

Прошло много лет, а я всё находился под впечатлением от того вечера. И в удобное время спросил отца:

– Папа, а кто тогда у нас был? – Отец не стал уточнять – когда. Он с какой-то растерянностью и (как мне теперь кажется) обидой в голосе сказал: «Эта женщина ищет своё зеркало. Она была в эвакуации... И вот вернулась...».

Может, я и был тем «зеркалом», которое затерялось в годы войны?..

В доме у нас действительно стояло большое трюмо. Я у кого-то из взрослых подсмотрел, что если поднести горящую спичку к зеркалу очень близко, то отражаться будет девять спичек, а, может, и семь. Точно не помню...

* * *

В «Огоньке» воскрес Анастас Микоян со своими воспоминаниями. Вот что такое гласность – мёртвые заговорили. А коли так, то живым сам Бог велел кое-что сказать. Рассказывать о Микояне мне нечего, а вот сказать есть что.

Мой отец, уж не помню по какому случаю, однажды спросил меня:

– Ты знаешь, сколько повезли на расстрел Бакинских комиссаров?

– 26, – ответил я.

– 27, – сказал он, не глядя на меня.

– Да, но ведь расстреляли двадцать шесть.

– Двадцать седьмой сбежал, – глаза отца продолжали смотреть на верстак, и руки – сбрасывать стружку.

Много лет прошло с того дня, но голос отца, каким он сказал слово «сбежал», помню и сегодня.

* * *

13 декабря – день смерти отца. Что я могу сказать? Прости, отец...

* * *

Лет до двадцати, пока я был связан с Краснодаром, был там у меня друг, можно сказать, неразлучный, да ещё цыган! Бедный цыган. Это ему, когда он однажды влюбился в русскую девушку, его дед Лёшка сказал: «Не вздумай, брат, жениться на ней, лучше на участковом милиционере». И Витька на Верке не женился...

* * *

*Мой северокавказский темперамент
Не нравился отцу, а пуще – маме,
Которых нет уже давным-давно,
И я тому несчастьем был виной...*

Автор

Это четверостишие я поймал в голове, сидя в коридоре. Сидел я на корточках, прижавшись спиной к стене. Удобная поза для тела, а душу я окуривал дымом моршанской махорки, так что ей было не хуже...

И вот когда за какую-то извилину зацепилась эта строфа, то я обратил внимание, что лучше бы звучала рифма так: «маме-темперамент»...

Если бы не умер в Кашире Жора Кольцов (выпускник Литературного института им А.И. Горького при Союзе писателей СССР) и если бы он услышал, что я рифмую по-прежнему «темперамент-маме», он бы снова возмутился: «Ну, ты посмотри, как Евтушенко рифмует...». А я бы опять сказал: «Причём здесь рифма, главное – мысль...».

Обидно, что так рано умер поэт Георгий Кольцов. Ему не было и сорока лет. Единственный его сборник стихотворений выпустило Восточносибирское книжное издательство в конце семидесятых годов. Второй сборник, редактируемый в издательстве «Современник» Иваном Слепнёвым, как рассказывала мне Раиса Васильевна – жена Георгия, так и остался не изданным и со временем затерялся среди рукописей столичного издательства (но всё-таки был издан в 2017 г. благодаря стараниям его брата – Александра Николаевича Кольцова, а также помощи авторов ЛИТО «Зодиак», – Андрей Тернов).

Бархатный сезон...

*Я всё равно на родину приеду,
Измученный изменчивой судьбой,
А там хоть раз отпраздную победу
Когда-нибудь хоть над самим собой.*

Автор

Так сказал я себе много лет назад. И обещание это стало клятвой.

Нет. Кашира не провожала меня со слезами на глазах, а родная Кубань не встречала хлебом-солью. Как-то всё вышло по-обыденному, словно мне приходится пересекать Россию с севера на юг ежедневно.

И всё-таки я волновался. Можно сказать, нервничал. «Ну, куда ты, к кому, зачем? – спрашивал я себя. – Мать в могиле. Отец в земле. Дед Никита там же. Бабушка Евдокия рядом. И дядя Андрей, и дядя Проша, и дядя Ваня, и ещё дядя, которого я никогда не видел. И ещё тетя Галя. И около неё – тетя Марфа с тётей Нюсей. Ну, куда ты, к кому, зачем?». И зло отвечал: «К ним... на родину»...

*Ты, Кубань, ты наша родина,
Вековой наш богатырь,
Многоводная, раздольная,
Разлилась ты вдоль и вширь...*

Константин Образцов

Некому больше затянуть эту казачью песню. Не те голоса пошли. Другие мотивы. Да и станицы сеченые да линейные вырождаются. Терпи, казак, атаманом будешь! Терпи...

Вот и Москва. Курский вокзал. У главного входа небритый, в замусоленном рубище пророк вещает неосведомлённым гражданам о конце света. Некоторые искренне сомневаются. Удивлённо смотрят по сторонам. Рядом два омовца с засученными рукавами обыскивают лицо кавказской национальности. Тут же «ночные бабочки» фалуют подъехавшего на «Мерседесе» рыхлого, как чеченская брынза, господина. Хмельной парень в лагерной униформе съёт нищенке полсотни: «Бери, мать, сто рублей не деньги... мы все теперь приватизированные... бери, говорю!»

Под землей по кафельным переходам пробиваюсь на пятую платформу. Булящий людской поток, остывая, растекается вдоль поезда «Москва – Краснодар». Без десяти час ночи. «Ну, с Богом...», – подмигиваю симпатичной проводнице. Репродуктор неизвестно кому желает счастливого пути. А может, мне?

Поезд летит с такой скоростью, что, если высунуть голову из окна, сдует вместе с шеей. А мозги проветрить необходимо. Всё-таки смертельно обидно, когда за спиной остаётся Центральная Россия. Но и в такой обиде можно произнести: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ...». Сегодня тоже свистят на Кавказе пули и льётся кровь. Неужели времена Лермонтова не прошли?

Орёл. Курск. Белгород. В Харькове выскакиваю из тамбура, словно из раскаленной духовки. Бутылка пива – тридцать пять. Ведро жерделей – сорок. Пончик, похожий на украинскую галушку, – шесть рублей. Куриное яйцо – четыре пятьдесят. Пол-литра с этикеткой «горилка» – двести... О, ридна маты моя! За русские рубли всё. За купоны радяньской Украины – лишь мороженое.

Сосед по купе – земляк. Служил в Кремлёвской охране двенадцать лет. Едет в Динскую – к матери в гости. У него квартира в Москве и дача в Подмосковье.

– Мы её сейчас под огурчик малосольный попробуем, – загадочно улыбается, открывая бутылку с этикеткой, бывший офицер охраны.

Попробовали. Для здоровья вроде бы совсем не опасно. Даже наоборот.

– Знаешь, какая у нас в станице земля? Чернозём. Посади дышло – вырастет телега!

И попутчик рассказывает мне историю о председателе колхоза, который весь урожай пшеницы роздал колхозникам вместо зарплаты.

– Ну, как, правильно сделал? – спрашивает озабоченно, словно это он сам решился на такой шаг.

Я пожимаю плечами.

– К стенке за такие дела надо, – слышится голос с верхней полки. Оттуда показываются штопаные неумелой рукой мужские носки и за толстыми линзами в чёрной оправе бегающие глаза.

– Вот так, сразу к стенке! – разочарованно произносит офицер.

Когда-то любимый поэт Сталина Владимир Маяковский назвал Краснодар «собачкиной столицей». Уж слишком донимали дворовые шавки великого стихотворца! Но это я между прочим. Краснодар сегодня всё-таки «стольный град Кубани», которому в этом году исполняется 200 лет. Два столетия назад, 25 августа 1792 года, на Тамани высадились с казачьей флотилии запорожцы. Именно с этого дня и ведёт свою летопись столица кубанского казачества.

Краснодарский прозаик Виктор Лихоносков назвал «стольный град Кубани» «маленьким Парижем», а мой друг юности поэт Вадим Неподоба – Краснодаром. Но истинное, исконное имя Краснодара – Екатеринодар. Так его нарекли запорожцы два века назад в честь царицы Екатерины II. Царица не осталась в долгу перед вольными запорожцами и специальным Указом всемилостивейше разрешила беспошлинное самогоноварение. Взамен же просила единственное: зорко охранять южные границы России от разорительных набегов черкесов. Казаки, расселившиеся по всей высокой степи правобережья, а кое-где и по левобережью Кубани, были не только зоркими, но и меткими воинами.

Указ же Екатерины пришёлся не только по душе, но и по карману не только казачьим станицам и хуторам, но и русским деревням и селам, а тем более современным городам. И, слава Богу, что в эти дни «безумной свистопляски» никому не пришлось в голову отменить царскую «милость».

Задолго до появления в журнале «Дон» рукописи «Мой маленький Париж» в Московском издательстве вышла книга первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС Д. С. Полянского «Кубань – жемчужина России». Да, тот, кто знает Кубань, иначе как «жемчужиной России» её не назовёт. Последние «первые», такие, как Матюшкин, Медунов, Полозков книг уже не писали. А жаль! Ведь творчество – это исповедь!

Мне не пришлось побывать на юбилейных торжествах в Тамани, посвящённых 200-летию начала переселения черноморских казаков-запорожцев на Кубань, но, думаю, смыслённые потомки сечевых казаков найдут по такому случаю в своих погребах достойное вино. Есть ещё порох в пороховницах! И есть ещё подвалы Абрау-Дюрсо, принесшие мировую известность кубанским виноделам.

*Я всё равно на родину приеду,
К отцу, и к матери, и к бабушке, и к деду.
Ко всей живущей в памяти родне,
Живущей, как в чужой теперь стране.*

Это из стихотворения, опубликованного в «Каширских известиях» 6 августа с.г. Но почему «Как в чужой теперь стране»? А потому, что 22 августа «Краснодарские известия» сообщили: «Сегодня ночью в Краснодаре группой лиц был снят с пьедестала и увезен в неизвестном направлении памятник В. И. Ленину, находившийся на улице Красной». (Поясню, что памятник стоял перед монументальным дворцом бывшего крайкома КПСС). И далее «Факт его (памятника – А. П.) демонтажа расценен председателем городского Совета народных депутатов С.П. Батурой и главой администрации г. Краснодара В.А. Самойленко как самоуправство и неуважение законов».

Но 19 августа на площади Октябрьской революции, у горсовета, организация «Трудовая Кубань» совместно с политклубом «Истина», объединенным фронтом трудящихся ВКПБ, «Русской Кубанью» провели так называемый митинг протеста против готовящейся «расправы» над узниками «Матросской тишины».

Митинг прошел 19-го. Памятник исчез 22-го. Факт на факт! А дальше? Око за око?!

Однажды «Вольная Кубань» (раньше эта газета называлась «Советской Кубанью») опубликовала слова и ноты песни «Погиб в Дубоссарах казак» (светлой памяти Александра Берлизова и его друзей). Автор – Иван Бойко, которого я знаю немало лет, никогда стихов не сочинял и в композиторах не числился, но здесь другой случай. Помнит: «Нет уз святее товарищества!». И казак (возможно, не один) погибает в Дубоссарах, тоже считая, что погибать на чужбине, отстаивая интересы продажных политиков, негоже. Своих забот по горло.

Говоря откровенно, я не встретил ни одного казака в черкеске и кубанке, даже пешего. И не только на улицах Краснодара, но и в других городах и станицах. В Усть-Лабинске, где я родился, правда, ехали два казака, но верхом на бричке. И если бы они не балакали между собой, то я, глядя, как они одеты, мог бы вполне себе представить, что вижу перед собой парней из Техаса...

Вообще-то за последнее десятилетие на Кубани число городов перевалило за полсотни. Я уже не говорю, как разрослись такие, как Ейск, Новороссийск, Сочи, Туапсе, Геленджик, Армавир, Анапа, ну, и, конечно, сам «стольный град Кубани» Краснодар.

Пожалуй, кому ещё необходима казачья одежда, так это артистам Кубанского хора. А что касается лошадей, то они теперь на Кубани – экзотика. Вспомните, с каким вдохновением пел Николай Сличенко: «Ведь цыган без лошади, как без крыльев птица!» Оказалось, что и цыгане давно уже кочуют в комфортабельных автомобилях, а «изодранны» шатры превратили в дома.

Не знаю, насколько это правдиво, только слышал от седых станичников, будто Иван Кочубей всё время собирался в Москву повидать Ленина. И гутарил: «Вот приеду в Москву и посмотрю на вождя, и если он не казак, воевать

у него не буду...». Сейчас Кубань знает, кто такой Ленин. И помнит Троцкого, который сравнивал казаков с «евангельскими свиньями».

Кубань – действительно жемчужина России. Но каждый раз, оказываясь «в руках» нового «хозяина», теряла свою первозданную ценность. Последний Президент СССР извёл виноградники Тамани. А ведь Тамань мало чем уступала французской Шампани. Собственно говоря, зачем русскому мужику шампанское?

В одно время заставили Кубань «догонять» штат Айову. Американцев «легко» перегнали по мясу. Кинулись догонять по молоку, да выяснилось, что около ста тысяч коров угнали на мясокомбинаты. С тех пор на многих бортовых грузовиках появилось предупреждение: «Не уверен – не обгоняй!»

Ещё до войны пробовали обуздать бурную Кубань чуть ниже Усть-Лабинска, под Ладожской. Стреножили в шестидесятых возле Пашковской. На дне остались десятки аулов. А на берегу Кубанского моря вырос город Адыгейск. Потеряли тысячи гектаров самых урожайных в мире земель. Зато создали «микроклимат». И в перспективе (говорят, что через полвека!) будет возможность сеять рис. Не очень заманчивая перспектива. Разве кто-нибудь осмелится сказать, что будет завтра? А здесь – через полвека!..

По знакомым с детских лет улицам иду на кладбище. Кирова... Марии Демченко... Базарная... Рядом с осевшими хатами – высокие кирпичные дома. Покосившиеся заборы из штакетника чередуются с железными на бетонных столбах. Светлым взглядом смотрю на свою школу. Ах, если б снова хоть на мгновение оказаться в своём классе у доски!

«Терпи, казак, атаманом будешь», – слышу ободряющий голос отца. Чувствую, как до онемения сжимаются зубы. «Терпи, казак, терпи». Я иду без цветов. Иду с пустыми руками. Иду, ни о чём не думая. Иду и вдруг невольно останавливаюсь под ветвистым ореховым деревом. Медленно поднимаю глаза и встречаюсь с безмолвным взглядом пожилой женщины. «Мама...». Я опускаюсь перед ней на колени и обнимаю белоснежные лилии, растущие на её могиле. «Мама...», – беззвучно произносят мои губы, словно боясь нарушить вечный покой.

Мама родилась и умерла в станице Пашковской. Сейчас это пригород краевого центра.

Пашковка (по имени атамана Пашко – А П.), будучи пограничным пунктом, служила местом расквартирования воинских команд. Например, лишь в 1860 году через неё прошло 6 воинских команд численностью 3680 человек, и жители всем им должны были предоставлять квартиры и питание.

Казаку приходилось быть в постоянной боевой готовности (правый, крутой берег Кубани считался в ту пору государственной границей России), и он не расставался с оружием даже во время работы. «Порядок общей пользы» 1794 г. предписывал, «чтоб на войсковой сбор казак являлся на коне, с оружием и одетым по форме...». Нелегка была казачья доля.

Трудности жизни нередко усугублялись произволом со стороны администрации. В приказе наказного Атамана Н. С. Заводовского от 9 ноября 1832 года говорилось о многочисленных злоупотреблениях, к которым прибегали пашковские атаманы Голуб и Радченко, а также судьи Архипенко и Лебедь. В

частности, вскрылось, что в 1831 году малолетний казак Ляшко, определенный Голубом для воинской службы, заявил последнему о своем нездоровье. При этом, поднеся Голубу 4 рубля в качестве подарка и пообещав позже заплатить куренному обществу 100 рублей, он попросил заменить ему строевую службу на гражданскую. Через некоторое время Голуб в доме писаря Слепухи, получив от Ляшко 60 рублей, потребовал дополнительную сумму, и тот дал атаману ещё 48 рублей. Не удовлетворившись полученным, Голуб использовал Ляшко для работы на своем хуторе.

Век спустя подобное происходило с моим дедом Никитой, только «метод» вымогательства был иным.

*Чтобы жили все счастливо,
Раскулачили дотла
Члены сельского актива
Деда моего – хохла...*

Автор

Вымели всё под метёлку. А отрабатывать сослали в Сибирь.

К произволу прибегало и духовенство (да простит меня Бог!) В том же 1831 году пьяный «в доску» священник Писковский, находясь в гостях у пашковского священника Калайтана, «отнял» у пономаря перстень, разбил ему лицо и нос до крови, разорвал в клочья манишку и вырвал с головы волосы с применением тридцати (!) ударов. Сам же Калайтан в 1835 году жестоко избил своего дьячка Пономаренко. Выходит, что и в рукопашных боях преуспевали отцы святые.

В прошлом году в посёлке Пашковском снова открылась Вознесенская церковь.

Сiju в тени под виноградом. У ног, позвякивая цепью, лежит волкодав Тигран. Язык из пасти, как пламя из паяльной лампы. Дикая голуби, озираясь на зверя, из-под носа у канадских уток воруют зерно. Воспитанные утки, стесняясь нахальства и наглости, растерянно моргают глазами. Сiju и думаю: вот она «казачья вольница», и «жемчужина России», и «Белый дом» все вместе!..

Хлопает железная калитка.

– Проснулся?

– Разве в такую жару уснёшь?

– Это ты просто отвык, – говорит тётя Маруся и тяжело вздыхает. – Я за день так набегаюсь, что на ходу засыпаю.

– А ты ходи! Зачем бегать в твои годы?

– С мая не могу отоварить талоны. Вечером сахар привезут, ночью увезут. Утром поорут-поорут бабы, да и по домам с пустыми сумками. А за молоком, знаешь, какая очередь? А картошка почём? Уже сейчас четвертак! На стол подавать нечего. А помидоры тракторами давят. Яблоки в садах гниют под деревьями, а народу собирать не дают. Тары не могут найти. Вон хлеб – уже тридцать пять рублей буханка! Да такое только в войну было...

– Зря паникуешь! Месяца через три самой богатой казачкой будешь, – не моргнув, говорю я.

– Та ты шо! Здурил! Это ж почему?
– Ничего не сдурел, – продолжаю серьёзно, – вот получишь приватизационный чек, тогда и посмотришь. Атаман Куренной свататься прискачет.
Тётя Маруся поправляет косынку, выпрямляется и спрашивает:
– А ты того атамана сам бачив?
– Ни... – отвечаю ей в тон. – А шо?
– А то шо вин ны рыба, ны мясо, в очках ходэ.
– Ну, значит, без атамана обойдёшься, но в жизни твоей наступит бархатный сезон.

24.09.1992

Табор стоял за станицей

«Табор стоял за станицей, на выгоне...».

Эта стихотворная строка преследует меня долгие годы. Что ей, навязчивой, надо? – часто задумываюсь я. Какую жертву обязан принести ей, чтоб она забылась, оставила меня в покое? Разве нет в моей памяти достойней строки, чем эта? Разве рождена была она бесконечными страданиями и мучительной болью в душе? Ну, и что ж, что стоял в невыносимо далёком детстве цыганский табор на окраине станицы Пашковской, которая и сама теперь превратилась в окраину «собачкиной столицы», как (в шутку ли, всерьёз?) называл Краснодар Владимир Маяковский?

Да, стояло на степном лугу несколько телег и бричек, обтянутых трофейными плащ-палатками да кусками выгоревшего под ветром брезента и обтрепанной парусины, а теперь ни телег, ни бричек нет, как и нет зелёного выгона. Ушёл неизвестно куда и зачем табор. Исчез, словно провалился сквозь землю. И многое так в жизни уходит от нас. Пропадает на наших глазах, то незримо, то явно. Навсегда пропадает, безвозвратно. Наступит час, уйду в небытие и я. Может, только об этом и следует думать? Только об этом и ни о чём больше? Но нет, не беспокоюсь, не думаю, лишь повторяю одну-единственную фразу: «Табор стоял за станицей, на выгоне...».

За выгоном начинались казачьи сады. И заканчивались они на правом, обрывистом берегу Кубани, с которого и по сей день видна седая, безмолвная вершина Казбека. Точно такая же, как на известной папиросной коробке, только без чёрного всадника на чёрном, как чёрт, коньке.

С северной стороны омывалась станица светлейшей степной речкой, которую оскорбил, унизил и осквернил широколобый, но узкоглазый незванный гость по имени Чингисхан, обозвавший её девственную чистоту и свежесть «чёрной водой», что по-татарски значит Карасун. Не вынесла речка вороньего, картавого слова и ушла глубоко под землю, оставив после себя заросшие кугой да осокой, разделенные дамбами болота.

С южной стороны вдоль станицы тянулась бесконечная, как время, ведущая в сказочную Индию дорога. Туда, в страну неслыханных богатств и чудес, пропылили однажды весёлые легионы Александра Македонского – бедного

путешественника, нашедшего себе утеху в вечных походах и сражениях. Пропылили – и, как говорят сейчас, с концами!

Но два тысячелетия (всего-навсего!) спустя по этой же дороге (только в обратном направлении) шёл уже со своими полками младший тёзка Македонского – Александр Суворов. Будущий генералиссимус шёл и «кукарекал», вводя в заблуждение вражеских лазутчиков, дабы те не вызнали, когда поют на Кубани первые, вторые и третьи петухи.

На этом же большаке снискал своё бессмертие ещё один Александр – Александр Сергеевич Пушкин (незаживающая рана наша), воскликнув: «Смирись, Кавказ, идёт Ермолов!» Правда, эти слова «великого повесы» не отозвались в горах «стозвонным» эхом.

Аукнулись другие, в другом конце России, но сказанные здесь же, на старом тракте. Откликнулись в колоколах слова Михаила Лермонтова. Оглянувшись назад, на север, и убив в себе холопа, он сквозь слёзы бросил в лицо своей Родине: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ...». Не простилась Россия с ним. Она простила ему дерзкую выходку, потому что это был её сын. Простила и взяла в свои объятия.

Вот такая пыльная дорога отделяла белую хату под красной черепицей (где я жил у тётки Марфуши) от станичного выгона, где проходили смотр новобранцы будущих казачьих эскадронов генерала Белова, остановивших в ноябре 1941-го маршевые части фашистов под Каширой, в ста километрах от Москвы.

Тётя Марфа, как я теперь понимаю, была самая несчастливая из всех моих тёток, доживших до старости. Несчастливой я её считаю потому, что в свой венчальный день, который должен был смениться брачной ночью, она стала вдовой. Как это случилось, никто из родственников (ни близких, ни дальних!) никогда не говорил и не вспоминал, а поэтому смерть дяди Андрея (родного брата моей матери) остаётся до сих пор для меня тайной.

«Табор стоял за станицей, на выгоне...».

Вот беда-то какая! Ну и стоял бы себе на здоровье, так нет же, он звал меня и манил к себе своей загадочностью. Там, в таборе (казалось мне!) всё было не так, как в станице. И собаки там были другие, и кони, и голуби, и, конечно, люди. А значит, и жизнь была там другой (беззаботной и праздной), иначе бы жили цыгане, как и все казаки, в хатах, возвращали картошку, сеяли пшеницу, разводили кур и гусей.

С какой завистью я смотрел через дорогу на вечерние костры, с каким восхищением ловил высокие, как звёзды, голоса, как волновали меня позвякивающие удары молотков.

– Откуда они пришли к нам? – спрашивал я тётю Марфушу, показывая рукой за дорогу.

– А кто их знает, откуда... – пожимала плечами тётя. – Тебе-то зачем это надо? Они, видимо, и сами об этом не ведают. Побудут здесь, потом дальше едут, глядишь, опять сюда приезжают. Не сидится им на одном месте. Вот и всё! Завтра и эти могут уйти...

– Уйти? – удивлялся я.

– Ну, да... – подтверждала тётя, – а что с них возьмёшь?

Просыпаясь, я выходил на крыльцо и, убедившись, что табор на месте, начинал пересчитывать костры. Однажды сердитый голос тётки предупредил меня:

– Смотри, увидят, что ты их считаешь, поколотят! Не любят они, когда их считают. Вообще-то правильно, людей грех считать...

Возле старых казачьих дворов по всей Кубани растёт белая акация, а во дворах – грецкие орехи. Акация – одно из самых выносливых деревьев, известных на земле человеку. Древние франки не зря считали его символом свободы и независимости. Расселяясь по правобережью Кубани, где проходила граница высокой степи, запорожцы первым делом садили акацию, не забывая о пользе грецкого ореха. Под ним, как правило, копался колодец. Ядовитые листья ореха спасали не только от палящего южного зноя и солнца, но и от назойливости мух, слепней и комаров.

– Вот неладная! – всплеснула как-то руками возле колодца тётка Марфа. Я догадался, что (в который раз!) оборвалась потёртая, дряблая верёвка с ведром. Тётка постояла, покачала головой, обтянутой светлой косынкой, потом сбросила передник и твердо сказала:

– Пойдём в табор!

Возле бричек, где стояла наковальня, нас радостно встретил смуглый, широкоплечий мужчина. Тётка объяснила ему, зачем мы пришли. Мужчина усердно наматывал концы узловой проволоки на руки, стараясь разорвать звенья; божился и клялся, что лучшей цепи мы не найдём ни на каком базаре или ярмарке. И, конечно, цепь оказалась у нас. Довольные недорогой покупкой, мы вернулись домой.

Купленная у цыгана цепь при первом же подъёме ведра из колодца оборвалась. Тётка, нисколько не удивившись, с остатком кручёной проволоки пошла в табор, приказав мне оставаться под орехом. Вскоре она вернулась вместе с «продавцом». Тот, недолго думая, снял рубашку и полез за ведром. (Колодец изнутри был выложен кирпичом с нишами для ступенек). И здесь тётка Марфуша, перекрестившись, накрыла сруб дубовой крышкой, которая служила защитой колодцу от жары и ореховых листьев, да ещё и сама на неё уселась. А мне серьёзно сказала:

– Та-ак, одного лиходея поймали! Ну, что будем делать с ним?

Самое лучшее, что я мог ответить в то время, это сказать:

– Кормить будем, у нас ещё есть кукурузные лепёшки.

– Пусть поостынет там чуть-чуть, проголодается как следует, тогда и покормим, – рассудила тётка Марфа. И громко добавила, глядя на дубовую крышку:

– Кровь у него, понимаешь, горячая очень...

«Табор стоял за станицей, на выгоне...».

Хотя тётка Марфа и не запрещала мне ходить туда, но и не хвалила, когда я возвращался оттуда. А однажды даже отругала, потому что я сообщил ей неожиданную новость.

– Знаешь, – сказал я ей, – я пообещал Светке подарить полхаты и часть огорода, если она выучит меня говорить по-цыгански.

– А эта Светка, что, цыганка? – спросила тетя, пропустив мимо ушей мои слова о подарке

– Нет, – замотал я головой, – она русская.
– Русская? Тогда объясни мне, как она оказалась среди цыган?
– Её подобрали на дороге, – спокойно ответил я, – ещё во время войны, когда была маленькой. Светка говорит, что она э-ва-ку-и-ро-ван-на-я, – произнёс я по слогам трудное слово.

– Что ж ты её в гости к нам не пригласил? – с укором спросила тётя, – Эх, ты, мужик! Цыгане её, выходит, удочерили? Вот что, пойдёшь завтра в табор и приведёшь Светку в хату, а не приведёшь – сам оставайся там...

Светка сидела в тени под бричкой и нянчила грудного ребёнка. Я покосился на лежащего рядом рыжего волкодава, но она сказала:

– Не бойся, не укусит.

– Что это за собака, которая кусать не умеет? – усмехнулся я. – У нас, в станице, знаешь, собаки какие злые, чуть что – загрызут до смерти.

– А зачем ему кусать, если он тебя проглотит сразу? – обиделась Светка. – К кому приплёлся в такую рань?

– В гости тебя звать пришёл, – сказал я уныло, представляя, как будет глотать меня волкодав.

– Ну, так зови! – обрадовалась Светка. – Давай, я жду.

– А его куда? – показал я на младенца.

– Никуда! Со мной будет. Видишь, женщины все ушли? Это же брат мой младший, ты что, не замечаешь? Есть и постарше него. Испугался, что нас много? Ну, давай, зови!

– Пошли, – набравшись смелости, сказал я, – и братьев бери с собой, всех приглашаю.

Сквозь полувековую даль времени вижу, как идём мы гурьбой по залитому солнцем выгону, а там, через дорогу, у раскрытой настежь калитки, стоит тётя Марфа и, глядя на босых, оборванных, грязных и худых мальчишек и тоненькую, как ивовая веточка, русоволосую девчонку с младенцем на руках, вытирает кончиком косынки слёзы.

В человеческих ли силах, спрашиваю я себя, воскресить в памяти огонь надежды, который согрел много лет назад? Сколько раз холодела моя душа при мысли, что однажды утром увижу я выгон за дорогой пустым? Сколько раз коченел от сознания, что буду провожать в неизвестный путь табор. Я представлял, как засвистят плетёные кнуты, заскрипят разошедшиеся колёса и застоявшиеся кони выгнут упругие спины. Но не пришлось мне, однако, бродить по станичному лугу, где ещё дышали теплом ночные костры. И не дано мне было увидеть смеющуюся Светку вместе с белозубой ватагой её братьев на удаляющейся повозке. Лишь печальный урок чеховского Ваньки Жукова заставил меня воздержаться от продолжения пушкинской поэмы «Цыганы». Ведь в детстве мы ничуть не сомневаемся в гениальных своих способностях, а наивное воображение толкает на самые отчаянные поступки. И действительно, не мог же я написать на конверте: «Светке в табор»... Незаконченной осталась и первая стихотворная строка: «Табор стоял за станицей, на выгоне...».

03.10.1992

Любовь на память

*Ах, любовь, ты подобна яду,
И свидетель тому – лишь Бог!
Я влюблялся с первого взгляда
И заочно влюбляться мог...*

Автор

Если уж признаваться, то первой моей любовью была та, в которую я влюбился сразу и с первого взгляда и – «заочно»...

Мы жили тогда на окраине Краснодара и ходили в одну школу, а познакомился я с ней, когда мой голубь сел на карниз дома, в котором она жила.

Через годы я увидел её в... кинофильме «Серебряный тренер», где она играла роль известной гимнастки.

Я вспомнил Аллу Евдокимову (это я с ней ходил в школу), чтоб как-то объяснить свою платоническую любовь, то есть любовь, которая зиждилась (ну и слово!) на духовном влечении. Я любил, когда Алла пела.

Знатоки-психоаналитики утверждают, что любовь – это болезненное состояние, напоминающее безумие.

Богословы относят любовь к тайнам неисповедимым, и с ними можно согласиться, если речь идёт о человеческой любви на грешной Земле.

Но любое тайное в конце концов становится явным. Так получилось и с любовью.

*Любовь приходит и уходит,
Но вот откуда и куда,
Мы узнаём лишь через годы
По роковым её следам...*

Автор

Явление и исчезновение любви осталось загадкой и для Гомера, но сам момент явления поэт всё-таки не проворонил. Грех упускать такие моменты: «Влажный бриз Зефира вынес Афродиту на волнах морских в шуме мягкой пены» (Гомер).

Римляне называли Афродиту Венерой. Образ Венеры, но уже в красках, оставил нам на память и совсем недавно (в XIX веке нашей эры) гениальный француз Жан-Леон Жером. В отличие, например, от Венеры Милосской или Венеры Таврической. Венера, вышедшая из-под кисти этого живописца, изящными руками поправляет модную по тем временам прическу, которую развеивает гомеровский «влажный бриз». Венера неумолимо приближается к заветному берегу (как и при Гомере) на волне «в шуме мягкой пены». За Венерой кружат вереницей белокрылые «амурчики-эроты». По выражению их лиц можно догадаться, что они благословляют Венеру на земную любовь, и Венера к этому счастью готова...

В Венере (а также в Афродите) вся женская красота без всяких мещанских предрассудков: любуйся и люби!

Но забудем на мгновение любовь платоническую, чтобы вспомнить, что говорил о любви Платон. А говорил он вовсе без вдохновения: «Любовь – совершенное признание». Смутно как-то...

Вот Иммануил Кант о дружбе (форме любви) говорил яснее, а именно: «Она – любимый конёк поэтически настроенных моралистов, и здесь пытаются они искать нектар и пищу богов. Людьюми движут две силы, одна заключена в них самих и является движущей силой себялюбия, вторая – моральная сила, относится к другим; она есть движущая сила всеобщей любви к человеку. Эти две силы постоянно борются в человеке. Люди не любили бы других и не заботились бы об их счастье, если бы сюда не примешивались мотивы, продиктованные себялюбием...».

А Сократ утверждал: «Мои дорогие друзья, друзей нет!» Это надо понимать так, что никакая любовь не совпадает полностью с идеей любви, с её идеалом. Выходит, Иммануил Кант был согласен с Сократом: такое совпадение действительно невозможно. Но и мы должны признать, что признания наши в любви есть фикция. Вот одно из таких признаний: «Хвастать, милая, не стану – знаю сам, что говорю! С неба звёздочку достану и на память подарю...». И подобные признания будут звучать в ушах влюблённых до скончания дней, звучать так искренно, так заразительно, так убедительно, что будут казаться правдой, которой невольно начнут верить.

Всмотритесь в глаза влюбленных! В этих глазах сплошные облака, и на каждом из них мечта...

Владимир Маяковский признавался в любви, не стыдясь циничной публички: «Если хотите – буду самым нежным, не мужчина, а облако в штанах...». Удивительный поэтический образ! Он мог возникнуть только с вдохновением, а влюблённый – это и есть само вдохновение...

Нет! Нам никогда не представить, на что способен влюблённый поэт... не дай Бог!

Да, когда «Серебряный тренер» появился в кинопрокате, Алла Евдокимова приехала в Краснодар, и мы случайно встретились. Ехали в одном трамвае, но не увидели друг друга. Только когда я вышел на своей остановке, она, заметив меня, замахала мне рукой, что-то сказала, но трамвай ушёл... оставив мне на память воспоминания о любви...

И это прекрасно, что только воспоминания, потому что, как предупреждал незабвенный Иммануил Кант, «своему лучшему другу нужно открываться не в том виде, в каком ты существуешь самым естественным образом и сам известен самому себе, потому что это было бы омерзительно».

Но беспечно смеётся любовь в ответ на все советы мудрецов и шлёт им воздушный поцелуй...

Метаморфозы

По документам я родился в станице Усть-Лабинской Краснодарского края шестого июля тысяча девятьсот тридцать девятого года. Первое впечатление о

станичной жизни осталось у меня от станицы Советской, бывшей Урупской, получившей название от горной, своенравной речушки Уруп.

Речка детства моя Уруп!

Ты порхал мотыльком у губ... (Автор)

и однажды смыл с камней мои трусики и маечку и унёс в мутную Кубань.

Уруп была мелководной, прозрачной, как хрусталь, но во время ливневых дождей в горах становилась неукротимым скакуном, наполняясь бурными потоками кипящей воды, и всё, что попадалось ей «под руку», уносила с собой. Трусики и маечку речка заметила на прибрежных камнях. И не только мои, а всей нашей ватаги, с которой мы пришли купаться. Домой все пацаны возвращались в буквальном смысле «в чём мама родила». Радовались и смеялись, что перед родителями не надо будет раздеваться...

В центре станицы стояли сгоревшая, разрушенная при немцах кирпичная школа. Другая находилась через дорогу, за небольшим сквериком, куда меня и отправили в первый класс. Чтоб попасть в школу, я должен был пройти через площадь с памятником погибшим воинам, оборонявшим подступы к Пятигорску и далее на Баку, к заветной мечте гитлеровцев.

Однажды я посмотрел в окно и увидел, что на площади стоят цыганские брички и дымят костры.

– Как же я пойду через табор в школу? – спросил я маму. – Цыганята и портфель у меня украдут и хлеб выдурят.

– Портфель на верёвочке надень через плечо, а хлеб отдай сам таким, как ты... – посоветовала мама, – тут я тебе свёрточек приготовила...

Которую уже ночь я не смыкаю глаз, вспоминая далёкое детство! То вижу себя под цыганской бричкой, то сидящим на крыше дома и любующимся Эльбрусом и Казбеком, хотя не имею представления и сейчас, где один великан, где другой. А вот этой ночью накатило так, что увидел цыганскую девчонку, зовущую меня к себе.

– Я же русский! Я ракло... что мне делать в таборе? – отвечал я и спрашивал: – Кай сан ду? Где ты?

– Сал мал ды грагу! Я тебя люблю... – шептала она. – Найдёшь.

Далеко за полночь я встал, глотнул холодной заварки, сел за стол и уронил голову на руки. Перед глазами опять появился образ табарной Кармен.

– Не уходи, лобзанья твои жгучи.

Я лаской страстною ещё не опьянён.

В ущельях гор не просыпались тучи,

Звездой жемчужною не гаснул небосклон... – пропел я старинный гусарский романс В. С. Муромцевского на стихи Вл. Г. Жуковского, хотел достать из гардероба гитару, мою верную спутницу, но время!

Ну, почему со мной происходит всё не вовремя? Объясняюсь в любви на краю могилы, писать задумал, когда ни чему уже не удивляюсь. Это ж что такое, неужели так глупо устроен человек, его сознание? И здесь я опять почувствовал прилив свежих сил. Сознание уже храпело «без задних ног», когда включилось подсознание, когда что-то заставило меня излить эмоции на бумагу.

Какое сознание? Какое подсознание? Всё встало с головы на ноги! Это цыганская Кармен стала размахивать перед моим взором своей цветастой,

заманчивой, хранящей тайну человеческого бытия юбкой. Юбкой, наполненной запахом сена и полевого ветра, юбкой бессмертного вдохновения не только для таких поэтов, как Данте и Петрарка, но и для моего безвестного «стихотворца» (Про него я уже написал пару страничек задуманной повести. Но следует помнить, что я и «стихотворец» не одно и то же, что каждый из нас имеет собственное мировоззрение, собственный характер и душу, от чего полностью зависит аура произведения).

*Не нужны мне серьги-кольца,
У меня огонь в крови!
Я – дитя луны и солнца,
И земной, святой любви...*

Автор

Больше я ничего не успел записать. Видение ушло во мрак, слышимость исчезла, словно передо мной погас экран довоенного телевизора...

Обозы и грёзы

*Где вы, цыганские обозы,
Где ваш тревожный свист кнута?
Ужель прошли, как в детстве, грёзы
Из ниоткуда в никуда?*

*Теперь свистят мне электрички
Под барабанный стук колёс,
А я хочу лететь на бричке,
Цыганской бричке в полный рост.*

Автор

Мне не довелось прокатиться на цыганской бричке, зато посчастливилось кормить «дедушку Ивана» за столом, который гостил в станице Советской у своего племянника, работавшего агрономом в одном колхозе.

«Дедушкой Иваном», как после рассказал мне отец, был Иван Поддубный, борец с мировым именем...

Я сидел у него на коленях, помогал чистить ему куриные яйца, а он их ел, утверждая, что очередное – самое вкусное.

Вскоре гостил у нас и первый секретарь Краснодарского крайкома Пётр Селезнёв, но его я уже не угощал закуской.

Через некоторое время после отъезда Селезнёва, отца освободили от занимаемой должности первого секретаря Советского райкома ВКП (б). Среди недовольных работой отца нашлись и злорадствующие. Они рассказали, что первый секретарь райкома, мол, распорядился выдать цыганам за оказанную помощь колхозам во время уборки зерновых больше чем положено, и это не

задаром... Припомнили и ведро куриных яиц, якобы подаренных Ивану Поддубному...

Осенью сорок седьмого года мы, в самую слякоть, выехали из станицы Советской, минуя Армавир. Наш путь лежал в станицу Пашковскую, родную станицу моей матери, урождённую Ксению Никитичну Нижник.

Из этой казацкой семьи я хорошо помню двоюродных сестёр – Таю, двух Людмил, сестру Светлану и брата Виктора, который однажды мне заявил, что я «не их!»

Я был ещё мал, чтобы выяснить, чей же я?

После смерти матери, которая меня выкормила и воспитала, после смерти отца, умершего, пока я отбывал срок в «шаровой» зоне в Кемеровской области, лишившись отчего дома, мне уже не хотелось возвращаться на окраину Краснодара. Меня приютила Кашира...

На память пришли слова отца: «Зазнобу потерял – ничего не потерял. Работу потерял – половину потерял. Но когда потерял силу духа – потерял всё!»

Я нашел в себе силу духа, когда решил из разлетевшихся вдребезги грёз собрать хоть глиняный кувшин юношеской мечты.

Братья цыгане

Эссе

Впервые я увидел табор недалеко от Армавира, в станице Урупской (Советской), посмотрев утром перед школой в окно.

На лужайке перед домом стояли брички и шатры, горели, дымясь, костры, бегали черноволосые дети.

Возле одной брички в кругу взрослых цыган стоял дядя Петя и страстно о чём-то говорил, размахивая руками...

Шёл предпоследний год войны.

После мне отец рассказывал, что председатель райисполкома (предрика) был обычным цыганом, звали его Пётр Карахаенко. Когда милиция отобрала лошадей у цыган, все они бросились к своему брату. Карахаенко дал им слово, что, как только свезут зерно с полей, гужевой транспорт вернут, и слово сдержал.

Каждое утро я подбегал к окну: шатры были на месте. Но однажды они исчезли, и я испугался.

Тогда мне было пять лет. Сейчас шестьдесят пять. Шестьдесят лет в глазах зола и пепел, следы соломы и колёс... действительно, табор ушёл в небо.

Полвека назад я взял в руки семиструнку черниговской фабрики «щипковых инструментов», но за полвека выучил всего-навсего четыре аккорда: соль-минор, ре-минор, ля-мажор, ре-минор...

Этих четырёх аккордов мне хватает на весь цыганский репертуар.

Конечно, есть и русские хорошие песни, но почему-то я их не пою. А вот «Цыганскую венгерку» готов слушать, петь и играть день и ночь.

Вспоминаю, как в пятидесятых годах прошлого столетия мой друг цыган Виктор Гальченко пригласил меня в городской парк на концерт цыганского ансамбля. В те годы цыгане частенько заезжали в Краснодар, зная, что их встречают в кубанской столице «на бис».

И вот, сверкая красками, весь ансамбль на сцене. Выходит ведущий концерта и объявляет без тени смущения: «Песня о партии». И хор поёт: «Встанем как один, тесней в ряды, мы стоим за мир, партия, веди!» Припев был таким: «Партия нам озаряет путь! Вперёд за мир, вперёд за мир...».

Под бурные аплодисменты, переходящие в овацию, крики «бис», «браво» хор бегом скрывается за кулисами, а на эстраде появляется трио гитаристов, и ведущий в концертном смокинге с лукавой улыбкой на цветущем лице, как бы между прочим, говорит: «Цыганская венгерка»... И наступает тревожная тишина, словно вот-вот уйдёт из-под ног земля. И люди встают с мест, выходят на проходы, спешат к самой эстраде, становятся на скамейки... просмотреть такое нельзя, нет-нет, ни в коем случае! Это же «Цыганская венгерка»...

*Что там Клавка, Любка, Верка...
Подождёт моя любовь!
Пусть «Цыганская венгерка»
Вскипятит как надо кровь...*

Автор

И кипятила! Но сколько я ни старался, так и не смог выучиться «болтать ногами и махать руками», хотя подмётков стёр немало. Единственным утешением было то, что и мой друг цыган плясать не научился, да и гитарист из него получился неважный. Вот так, братья цыгане!

Беседа с отцом

Эссе

*«В казачьей хате с белой черепицей,
С осевшей, с обгоревшей трубой
Мой образ на коленях пред Божницей
Стоит и просит святости с мольбой.*

*Его хранит моё воображенье
И держит память бережно в себе
С часов счастливых моего рожденья
Среди польнюю пахнущих степей».*

Автор

Пожалуй, следует уточнить.

*«В казачьей хате с черепичной крышей,
Пристроившись за маминым столом,
Сидит пацан и упоённо пишет,
Как Пушкин! Поэтическим пером...».*

Автор

Пишет раскованно, вольно, жмёт на всю катушку, без тормозов.
Это я сочиняю поэму о цыганах, потому что у меня друг Витя Гальченко – цыган.

Неожиданно в комнатку входит отец и через меня смотрит на мои каракули. Хмыкнув, спрашивает:

– Разве ты не помогаешь матери рвать бурьян в огороде?

От отца исходит запах степного разнотравья, словно он только что спустился с сеновала, а не объезжал с Митрофанычем полевые бригады.

Я смотрю, как отец достаёт из прохладной духовки кастрюлю с борщом, ставит на стол две тарелки. Сейчас услышу приглашение к столу. С видом собравшегося посвятить оставшуюся жизнь беспощадной борьбе с сорняками стараюсь опередить отца.

– Пап, а к скольким годам можно стать писателем?

Вопрос заставляет отца задуматься.

– Пожалуй, к годам семидесяти...

Он испытывающе смотрит на меня: как я это воспринял?

– Считаю, через полвека, – без особого вдохновения уточняю я.

– Через полвека и восемь лет, – поправляет отец. – Ты годы считай лучше, не пропускай...

Он встаёт, поправляет ремень, кладёт ладонь на мою макушку.

– Ну, так что, пойдёшь матери помогать или будешь ждать глубокой старости, как Митрофаныч?

Идёт страда, и у отца нет времени ждать, когда я решу, что для меня лучше: доживать до стариковского возраста, сочиняя поэму о цыганах, или спешить на помощь матери и загорать на картофельных грядках, время от времени бегая под яблоню, где стоит кадушка с водой, чтоб остудить разгорячённую воображением голову.

Наконец, я говорю:

– Всё! Иду бороться с сорняками!

Отец с благодарностью крепко, по-мужски жмёт мне руку и восклицает:

– Всех благ ударнику коммунистического труда!

На мгновенье обветренное его лицо озаряется светлой улыбкой, и он доверительно говорит:

– Между прочим, Иосиф Виссарионович Сталин тоже сочинял стихи: «Убрал вовремя – выиграл! Не убрал – проиграл».

Я, переполненный радостью, провожаю отца до калитки, за которой в тени акаций стоит линейка с парой вороных. На линейке Митрофаныч дымит ядовитым самосадом. Машу всем рукой: «Счастливого пути!»

...Вот и пришёл стариковский возраст, и уже не на окраине Краснодара, а в центре Подмосковной Каширы, я встретил в каком-то столичном глянцево-журнале репродукцию с картины Рафаэля «Преображение Господне», где «с

чувством восхищения и поклонения были запечатлены страдания земные и благодать Царства Небесного». И первое, что вспомнил при встрече с шедевром – бабушку Евдокию и её Божницу, на коленях перед которой я в детстве молился Господу. И стихи, посвященные бабушке, вспомнил: «Царство тебе Небесное, / Бабушка Евдокия, / Самое расчудесное, / Люди везде такие...».

Во времена Хрущёва, когда тот расслабился сам, вроде как в шутку, и позволял другим чуть-чуть «развязать галстуки», я спрашивал своего отца, уже персонального пенсионера:

– Как же так, Иван Ефимович, никто до сих пор не может дать чёткое и ясное определение коммунизму как общественному строю? Вот и Хрущёв добавил к коммунизму химию.

– Добавил потому, что без химии ничего на свете не случается, – спокойно отвечал мне старый большевик. – Без физики и химии никакой бы политики не существовало.

– Но где человеческий фактор, где?

Мне хотелось уязвить гордого, сильного человека, чтоб посмотреть, как он будет, лишившись этих качеств, вести с сыном «бой», ведь не Тарас же Бульба он, а всего лишь плотник с неоконченным двухклассным образованием приходской школы.

– А Господни заповеди разве не программа для твоего фактора? Ну и моральный кодекс строителя коммунизма, хотя взрослым людям и так ясно, что и как делать без подсказок.

– Тогда почему эти взрослые люди совершают глупости?

– Ты, вероятно, хотел сказать, что совершают глупости с точки зрения Господа? Но если глянуть на эти глупости глазами дьявола, то они окажутся не совсем безрассудными. Вообще-то святость и грешность – категории сугубо церковные, к светской жизни они относятся поскольку постольку...

Отец глубоко вздохнул, как бы собираясь сделать отчаянный шаг в пропасть, но, решив, что перед смертью не надышишься, выдохнул и сказал:

– Паразиты, одним словом...

Последнее время он плохо спал и часто ночью вставал, выходил в сад, сидел в беседке, опять возвращался в комнату. Я слышал, как он подходил к моей кровати, как будто хотел мне что-то сообщить, что его беспокоило.

Иногда, чувствуя его волнение, растерянность, желание высказаться, я хотел подойти к нему, и, обняв за плечи, усадить его рядом с собой, и сказать, глядя в выцветшие глаза: «Отец, я догадываюсь, что ты хочешь мне что-то сказать, но вижу, что ты во мне сомневаешься. Отбрось сомнения. Всё, что ты мне скажешь, останется между нами, останется между отцом и сыном...». Но что-то меня останавливало.

Однажды я пришёл к удивившему меня открытию. Оказалось, что диалектика не развивается «по спирали снизу вверх», а лежит свёрнутой кольцами, как пружина из хрома в элетроплите, которую подключают к сети только когда надо сделать глазунью или чашечку кофе.

– Забавное открытие, – покачал головой отец. – Но прежде заруби себе на носу, что диалектика – всеобъемлющее учение о развитии, а у тебя спирали начинают работать лишь подключенными к системе.

Я согласно кивнул:

– Меня учили только материалистической диалектике. И ты учил больше, чем профессор Зарбава, руководивший кафедрой марксизма-ленинизма в нашем институте.

– И очень полезному учил тебя профессор. Только он умышленно забывал о живой душе, «движущей» всякое научное развертывание мысли, как говорил Гегель.

Отец сделал паузу, видно, собираясь чем-нибудь ещё поддержать Гегеля.

– Ты пень видел? – резко спросил он. – Так вот, представь себе, что на пеньке лежит змея. Как ты думаешь, змея может быть «спиралью»?

– Ещё какой! – улыбнулся я.

– Вот тебе и «движущая живая душа», о которой говорил Гегель, да и сам пень имеет спиральные кольца, хотя и стоит на одном месте, как истукан. Всё равно и плаха, и змея на плахе – примеры материалистической диалектики...

– Ну, ты даёшь, отец! И это всего-навсего два класса церковно-приходской школы...

Чтоб как-то замять казус с моим «открытием», я перевёл стрелки на небеса и безразличным голосом сказал:

– Не думаю, что Бог подвержен законам диалектики.

Для меня стало полной неожиданностью отцовское возмущение.

– Зря ты так думаешь, молодой человек. Богу спокойнее рассуждать наедине. Разве ты не знаком с античными авторами? Знаменитые монологи Сократа, Платона, Аристотеля... Надо было слышать, как ораторствовал на Афинском майдане после дешёвой «бормотухи» тот же Сократ!

– Па, – перебил я отца, – сколько раз ты уже спустился в подвал?

Он бросил на меня презрительный, уничтожающий взгляд, и мне стало ясно, что подобные вопросы не заслуживают ответа, тем более сыну, который собрался учить отца.

– Так как же ораторствовал Сократ? – поинтересовался я, но отец, видно, решил изменить тему.

– Ты должен всегда помнить, что любая книга – это, прежде всего, монолог автора. И если она не написана кровью, как «Путешествие из Петербурга в Москву», то пылиться этой книге в чулане и никогда не почувствовать затаённого дыхания читателя.

– Значит, ты уверен, что Богу спокойнее рассуждать о сотворённом Им мире наедине, в укромном местечке?

– Да, я это по себе знаю...

Презумпция невиновности

«Глубокоуважаема Оксана! Делая дарственную надпись на сборнике стихотворений «От первого лица», автор допустил непростительную, даже можно сказать, унижающую Ваше достоинство ошибку...

И Вы, как лицо, униженное и оскорблённое, имеете полное, законное право

требовать от него сатисфакции в форме устного объяснения опрометчивого поступка, взяв на себя роль прокурора, обвиняющего в судебном заседании, к примеру, убийцу или насильника.

Но и человек, допустивший ошибку, то есть проступок, не лишен права на защиту своей чести, так как за его спиной стоит выдуманное словосочетание, называемое в юриспруденции презумпцией невиновности. Только чего стоит это словосочетание, если ошибка автора стихотворений делает Ваше имя, как имя Константина Бальмонта, однозвучным слову Баламут, хотя последнее является фамилией прадеда Константина Дмитриевича, а первое лишь благозвучным псевдонимом.

Александр Пушкин, первый поэт России, любил повторять, что без грамматических ошибок русская речь бедна. Конечно, следовать этому опасно. Бедность – порок! Уменьшает меру ответственности автора перед Вами и то, что ошибка допущена в имени собственном, а собственные имена, как и клички, и прозвища, никаким правилам правописания не подчиняются. Оноре де Бальзак можно писать (и это будет справедливо!) без частицы «де», поскольку частица «де» указывает на светское происхождение, а Бальзак считался самолюбивым, но плебеем...

В «Алых парусах» Александра Грина Ассоль появилась из-за отсутствия на обеденном столе обычной солонки, в связи с чем Грин воскликнул «А соль?!» И таких курьёзных находок вполне достаточно, чтоб жизнь не казалась скучной.

Но вернёмся к началу. Некоторым женщинам имя Оксана иже с ним имя Аксана ни о чём не говорит, хотя этимология этих имён рассказывает о кровном братстве двух народов. Лично для меня имя Аксана роднее, ближе, эмоциональней, так как это имя моей мачехи, на глазах и руках которой я вырос. И только после её смерти я узнал, что её имя Ксения! При жизни её ни Ксений, ни Ксюшей никто не называл.

И последнее. С детских лет в душу мою запала песня, где были такие слова:

*Аксана, я слышу печальный твой голос,
Мне ветер родной с Украины принёс.
Я слышу, как стонет растоптанный колос,
Я вижу глаза твои полные слёз...*

Именно: «Аксана... Аксана... давно ль мы расстались?»

Морская болезнь

Рассказ

Я сидел на вёслах, а дядя Паша – на корме и посвящал меня в тайны мирового океана. На мой вопрос, какая разница между Посейдоном и Нептуном, он, промочив прокуренное горло домашним вином, небрежно сказал.

– Нептун – салага! Ему вместо трезубца швабру держать.

– Это ж почему ты так решил? – удивился я.

– А ты сам посуди. У Посейдона числились в сыновьях Тритон, Пелий, Нелей, Амика, Антей, Керкон, Бусирис, Пегас... и ещё десяток приёмных детей из неблагополучных семей.

Я больше не удивлялся. Я знал, что домашнее вино, изготовленное по рецепту тёти Ани, по крепости не уступает кубинскому рому и способно выудить у человека самые сокровенные секреты.

Глядя, как наплывает на нашу шаланду из-за далёких гор безбрежный поток расплавленного солнца, я вспомнил питерского поэта Александра Прокофьева:

*И поплыл матрос в крепком гамузе!
Два нагана по карманам, третий маузер.
Где б четвёртый раздобыть? И пойдёт до полюса...
Пулемётные бобы от плеча до пояса...*

«Интересно, что ответит дядя Паша, – подумал я, – если спрошу у него, откуда у Посейдона столько набралось детей?» А когда спросил, он скучно ответил, словно сам был замешан в обычной и для наших дней истории.

– А ты сам посуди. По волнам, по морям, нынче здесь, завтра там! И как-никак всё же бог! Тут тебе и медузы, и креветки милости просим... кстати, побрызгай свежей водичкой наших.

Я положил вёсла на воду и достал из-за спины ведро с прикрытыми морскими водорослями креветками, которых мы наловили небольшой сеткой между причалами. Пока я приводил в чувства служанок Посейдона, дядя Паша глотком вина возродил в себе вокальный талант и всё время повторял слова когда-то модного шлягера: «Эй, моряк, ты слишком долго плавал...».

– Может, действительно не будем долго плавать, – предложил я, – а начнём забивать трюм нашего рыболовецкого траулера сёмгой и форелью?

– Может, в Геленджике и водилась когда-то сёмга, но в связи с глобальным потеплением ушла в холодные моря. А ты сам подумай, как будет чувствовать себя в этом лягушатнике прабабушка Посейдона? А ведь она по прямой линии была царицей! Ей ли жить теперь вместе с толстолобиками и сомами, которых во владениях Посейдона называют свиньями?

Слушая этот обличительный монолог местного антиглобалиста, я успел стащить с себя шорты и нахлобучить широкополый бриль, который был надет на ведро с креветками. Дядя Паша заметил приготовления к рыбалке, усмехнулся.

– Теперь ты, как боровичок под лопухом! – И серьёзно добавил: – На крючки насаживай по две-три штучки, наживки хватит...

– А вы?

– А я на боковую... Я только и отдыхаю на рыбалке, а выпиваю – когда ты приезжаешь. Госпожа домохозяйка думает, что и ты пьёшь со мной, поэтому наливает целую бутылку

Он достал из корзинки с харчами бутылку, покрутил её перед глазами.

– О-о! До вечера хватит, а там видно будет.

Сам он закусил маленьким жёлтым помидором, а мне протянул большой и красный с ломтиком батона.

– Это от морской болезни самое лучшее средство. – Ты случайно ею не страдаешь?

– Морской болезнью? – переспросил я и пожал плечами.

– А я страдаю! Закачивает меня...

Он закрыл глаза и показал всем телом, как его раскачивает из стороны в сторону, вверх и вниз какой-то стихийной силой, с которой нет никакой возможности совладать. Затем сказал:

– До первого приступа я и подумать не мог, что такая болезнь существует...

Дядя Паша бросил украдкой молниеносный взгляд на корзинку, но что-то не позволило ему к ней прикоснуться, и он, глубоко вздохнув, продолжал:

– Из Новороссийска в Геленджик я добирался тогда на катере, и вот только вышли из Цемесской бухты, заштормило. Не сильно, правда. С ног не сдувало, но покачивало будь здоров. Смотрю, возле трапа девчушка сидит и так ей плохо, передать не могу. А тут матросик подвернулся и говорит мне: «Отведите её вниз и усадите по центру катера, в таком положении ей будет легче».

Отвёл я эту гражданку, усадил, собрался уходить, а она не отпускает: «Без вас я умру! Без вас я окажусь на дне!» Так и просидели мы в обнимку до Геленджика.

Вывел я её в город и возле памятника Лермонтову нашёл скамейку. «Я даже не придумую, как вас отблагодарить! – цедит она сквозь ладонь. – Но смею заверить, что когда-нибудь я всё равно поклонюсь вам за моё спасение. Если б не вы, я бы погибла...».

Смотрю я на неё и ничем не могу помочь. Морская болезнь не лечится. Она в человеке от рождения до смерти.

Глаза у дяди Паши засветлели, и он всё чаще поглядывал на горизонт, словно хотел там рассмотреть Лермонтовский парус, который «ищет бури, как будто в буре есть покой!»

– Интересно, а откуда ты знаешь, что морская болезнь неизлечима? – спросил я, выбрав момент.

– Это знаю не я, а мой тёзка адмирал Павел Нахимов. Он всю жизнь в своей каюте прятал от посторонних в своём матросском сундучке лимоны... Когда начинало укачивать, спускался с палубы и открывал сундучок. У этой гражданочки, кроме пудры и зеркальца, к её счастью, ничего подобного не нашлось, вдобавок она потеряла за время качки ориентировку в пространстве и не знала, куда ей идти. Вот исходя из этих фактов, теперь и я могу подтвердить, что морская болезнь может иметь хроническую форму...

После этих слов сухая и крепкая, как клешня кальмара, рука дяди Паши отыскала в корзине бутылку, а я, пользуясь случаем, наивным голосом произнёс:

– Эта «морская болезнь» не только имеет «хроническую» форму, но и очень «заразная» штука... Последствия её эпидемии настолько глобальны, что даже глобалисты хватаются за головы.

Дядя Паша уловил мой сарказм, поперхнулся и положил недопитую бутылку в корзинку.

– Значит так, – решительно произнёс он, – я сейчас начну стегать скумбрию, а ты снимай её с крючков. Возвращаться домой с пустыми руками нельзя. И «госпожа домохозяйка» губы надует, и Маргарита глазки опустит.

– А это ещё кто такая?

– Кто? – переспросил дядя Паша. – Это нашей соседки дочь, у которой началась «морская болезнь». Но на самом деле так её научила моя «госпожа домохозяйка», чтоб с городскими отморозками не ходила в море на шаландах.

Дядя Паша долго, пристально посмотрел на меня, а затем перевел взгляд на берег, где в зелени садов и виноградников белел его домик с бассейном для пресной воды, которой он по вечерам поил помидоры – единственное «лекарство» от «морской болезни».

«Госпожа домохозяйка» последние годы чувствовала себя уже лучше, приступы «морской болезни» стали реже и, как проговорился однажды дядя Паша, исчезали, не оставляя после себя тяжёлых душевных осложнений.

От своей матери я знал, что её сестра покинула отчий дом в Краснодаре после оскорбительной ссоры с женихом и нашлась только через несколько лет в приморском городишке Геленджике, что в переводе на русский означает: «неизвестно кому верная женщина», то ли горам, то ли морю...

Народ

Эссе

Дед мой считался «горным» казаком, а поэтому мне нужно было сказать, что его «рассказчили»... Хотя хрен редьки не слаще.

*Купцы? Отричники? Бояре?
Кто нас учил такой беде –
Друг друга бить, чтоб нас боялись...
Враги! Когда? Какие? Где?*

*Пехотный полк. Казачья сотня.
И плётки вволю и свинца!
Мы бьём друг друга и сегодня,
И не видать тому конца.*

*Ну, что ж, что лидеры менялись,
Что ж, что рулили без руля?
Друг друга бьём, чтоб нас боялись,
А не боятся, только зря!*

Автор

Никита Нижник, мой дед по материнской линии, не был эгоистом, он был хлеборобом, но станичники называли его частником, а точнее – единоличником.

По-моему, в те годы Владимир Маяковский патетически восклицал: «...ерунда единица! Надо в партию объединиться!»

А у деда было пятеро сыновей и шестая дочь Ксения... С кем же деду ещё было объединяться? С иногородними? С местными пьянчужками? И руко-

водители деду не требовались. Так что с «объединением» у него никак не получилось, тогда и раскулачили, и расказачили одним махом.

Индивидуальная жизнь человека в миру всегда была связана с трудностями всевозможного характера, с высокой степенью риска, но это не останавливало желания иметь собственный ломоть хлеба. Недаром с незапамятных времен на Руси жива поговорка: «Один с сошкой – семеро с ложкой».

Но и «семеро с ложкой» куда бы ещё ни шло, если б этим дело и заканчивалось, так ведь занимались истреблением друг друга... и занимаются по сей день.

Сочинская трасса

Эссе

*Днём, а может быть, и ночью,
Я вернусь однажды в Сочи,
Ночи там – не видно зги!
Отдыхают пусть мозги...*

*Обойду друзей пешком,
Пляж найду с морским песком.*

*Встречу я Олимпиаду
На одной из горных трасс.
Запишусь в её команду,
Что покажет жизни класс.*

Автор

В 2014 году я действительно встречу «белую» Олимпиаду. Пусть не в Сочи, но на экране телевизора – точно. И, глядя захватывающие репортажи, вспомню другие, значимые для меня времена, связанные с этим городом.

Мне довелось побывать в этом приморском городе в 1947 году, и мои земные маршруты, словно пути Господни, омывались зелёными ливнями и раскатами грома, гневно озарялись яростными вспышками молний. Казалось, что Кавказские горы сдвинулись с места и вот-вот смахнут уцепившийся за край побережья город в бушующее море.

Сочинский театр, стоявший почти на крутом берегу, волновал меня больше всего, ведь именно на его сцене шли трагедии...

Однажды я примчался во двор (многие сочинские семьи большую часть года живут во дворах под тенистыми деревьями) с мороженым в руке. На вопрос матери, где взял, ответил, что «богатые» дяди угостили не только меня, но и всех мальчишек с нашего двора (неогороженный двор напрямую выходил на проспект).

– Да вон они, эти дяди, – я показал на противоположную сторону проспекта.

Мама от неожиданности поднесла к губам ладонь, да так и простояла в растерянности, пока «дяди» не скрылись среди пальм.

– Так кто же тебя угощал мороженым: Сталин или Молотов? – серьёзно спрашивал меня отец.

– Угощал Сталин, а платил за мороженое Молотов, – смеялся я в ответ.

Сегодня я уже почти не вижу ни Сталина, ни Молотова, ни крепкого мужчину в белом халате мороженщика, цепким взглядом всматривающегося в прохожих. За давностью лет могу рассмотреть только семилетнего мальчишку с мороженым в загорелой руке...

Как-то мама надела на меня парадную матроску и бескозырку и предупредила: «Сегодня пойдём к Николаю Островскому...».

Небольшой дощатый домик, открытый морскому дыханию и солнечному свету, встретил нас небесным безмолвием. Мы тихо прошли мимо кровати, на которой когда-то лежал герой гражданской войны, написавший бессмертную книгу «Как закалялась сталь».

Слова, сказанные героем этой книги: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» – наверняка знают все. Мне же они, услышанные в курортном городе, достались как эстафета, как завет, как отцовский наказ.

Удивительно, что в городе, где цветут магнолии и нет ни одного метра ровной поверхности, Николай Островский прошёл самую труднопроходимую трассу своей судьбы...

После встречи Президента России В. В. Путина с молодыми писателями СМИ заговорили о государственном заказе, который якобы могут предложить творческой молодёжи. И я сразу прикинул, сколько может появиться в России «шолоховых», «солженицыных», «островских», уж не говоря о «новорусских» и «русскоязычных» писателях...

Кстати, ещё Г. В. Плеханов, вернувшись в Россию после 1917 года, обратил внимание, что в Москве русских людей заметно поубавилось (он не был в России 37 лет!), а людей «кавказских национальностей» прибавило, но эти «прибывшие», к сожалению, были не «нашего полку».

На ступинских рынках гортанную горскую речь и сегодня можно услышать, но сочинская команда КВН, которая недавно гостила в Ступине, со сцены Дворца культуры радовала безупречной русской речью! Так сочинцы стали предтечами года русского языка в России и года русского снега в окрестностях Сочи, на трассе дружбы...

Учили жить

Методические указания учителям одолели меня в конце. Откуда они только не поступали: из Московского и Ленинградского университетов, из Перми, Кирова, Горького, из Академии педагогических наук РСФСР и СССР... Встречались и такие, в которых, например, какая-нибудь группа авторов не сообщила своего адреса. И вот тогда я подумал о горькой участи наших учителей,

выполняющих все эти руководства, где указывалось, как и с кем вести себя на уроках, что говорить, делать, показывать... И вспомнились мне невольно учителя, у которых я набирался ума-разума.

Разные это были люди. Первая моя учительница – Полина Дмитриевна. Учитель физики в техникуме Андрей Николаевич с вечным леденцом за щекой (он часто курил). Преподаватель Зарбава из Литинститута. И ещё кумир – руководитель семинара Владимир Александрович Архипов, который в МГУ числился профессором и вёл там курс советской литературы на факультете журналистики. Моя жена, когда училась, рассказывала, что её подругу Архипов (не помню почему, но дело было на сессии) сравнил с рязанской бабой (он мог это, так, без обиды и без всякого умысла), студентка схватила со стола зачётку и в дверях выпалила: «От камаринского слышу мужика»... Владимир Александрович вернул её и, рассмеявшись, разрешил «рязанской бабе» рассказать то, что она знает...

Почему я вспомнил этих учителей? Потому что они, я в этом уверен, не пользовались авторитетными указаниями, а учили меня жить. Да, жить. Полина Дмитриевна (а время было послевоенное) учила нас главному – чистоте. В её устах слово «чистота» было синонимом всех лучших человеческих качеств. Но не допускала в нас и внешней расхлябанности, паясничанья, кривляния и особенно укоризненно качала головой, когда кто-нибудь щеголял ботинком с оторванной подметкой или показывал через дырку в кармане (да мало ли ещё где была у него дырка!) фигуру из трёх пальцев...

Да, все учителя, которых я помню, учили меня, прежде всего, жить (и именно поэтому они и живы в моей памяти). Учили собственным примером.

Когда мы собрались на первую лекцию по научному коммунизму и спросили у Зарбавы, что это такое, он, словно между прочим, спокойно ответил: «Я и сам ещё не знаю толком». А ведь у референта ЦК была возможность ответить нам и так, что мы и по сей день разбирались бы в мудрёности сказанного. Но была возможность и сказать правду. И он её без всякого произнёс...

Солнечный зайчик

Рассказ

Всё чаще перед моими глазами возникают незабываемые картины далёкого детства. Нет, не так, как в Третьяковской галерее с заранее поставленной целью, а в зависимости от настроения, которое может меняться произвольно, хотя назвать это беспределом сознания нельзя, но и объяснить порой невозможно.

Сегодня, в день солнечного затмения, я увидел себя с закопчённым осколком стекла во дворе своей школы на окраине Краснодара. И не только себя, но и многих своих товарищей, с замиранием сердца смотревших на небо, где тёмный маникюр луны старался закрыть от людей солнце.

Возбуждённые от увиденного, мы всё-таки вернулись в свой класс. Иван Емельянович, учитель географии, стоял возле окна и смотрел, как солнечный

свет набирал силы, изгоняя из класса мрак. Потом в оконные стёкла ударили первые лучи.

Безусловно, картина получилась тусклой и глухонемой. Как я сегодня думаю, этому есть несколько объективных причин. Во-первых, затмение происходило вскоре после войны и, кроме нас, детей, как мне казалось тогда, никого больше не интересовало. Во-вторых, хотя и прошёл День Победы, чувство потерянного счастья осталось кровоточащей раной у каждого русского человека. И явление небесное уступало по эмоциям тем, что случились на грешной земле.

Коля Безродный, сосед по парте, толкнул меня локтем в бок:

– Смотри! У «Емели» на голове зайчик!

Через некоторое время класс сиял от улыбок, а наш учитель, ничего не подозревая (может, ему казалось, что сияние идёт от солнечных лучей), продолжал зачарованно смотреть в окно. И тут с первой парты поднялась Нина Гурбич и, глядя в затылок учителю, картавя, произнесла:

– Иван Емельянович, а они, – Гурбич назвала несколько фамилий, – над вами смеются! Говорят, что вы пускаете по классу солнечных зайчиков.

Иван Емельянович резко повернулся.

– Смеются?

Усаживаясь за стол, он слабо улыбнулся и потер ладонью лысину, словно вспоминая забытое.

– Вот когда вы подрастёте, то узнаете, что люди иногда седеют не только по старости и лысеют вовсе не от бритвы.

– Мне бабушка рассказывала, что вы были в немецком плену, – громко, на весь класс, сказал Безродный, – и там над вами опыты ставили... издевались.

– Не кричи, Коля, – спокойно сказал Иван Емельянович. – Этих людей криком не воспитаешь.

Безродный вышел из-за парты и почти взрослым голосом сказал, доверчиво глядя в строгие глаза учителя:

– Хоть и получили они от нас по зубам, всё равно задираются, на рога лезут, подумаешь, арийцы! А мы скифы...

Николай вытащил из кармана замызганных штанов свёрнутый лист бумаги, развернул его и стал читать:

*И внезапно разверзлась земля!
В чёрной бездне, чтоб не было видно,
Полуженщина-полузмея
Вдруг явилась... Была то – Ехидна.
После долгих скандалов и драк,
После ссор из-за брачного ложа
Взял Ехидну всесильный Геракл,
Между прочим, бандитская рожка.
Сын их младший, по имени Скиф,
Не чурался отцовской приметы
И понятий не ведал людских,
Потому и подался в поэты.*

После последнего слова Коля Безродный словно оборвался с поднебесья, с таким шумом он обрушился на парту, уткнув лицо в руки. Да и весь класс, как сквозь землю провалился. Только Иван Емельянович после смущённого покашливания, спросил:

– А как ты озаглавил это стихотворение? «Скиф»?

– Угу! – буркнул, не поднимая головы самый недисциплинированный ученик пятого «В»...

Очередное солнечное затмение теперь, как прогнозируют ученые, может быть лишь в 2061 году. Это в России. А на Земле солнечные затмения случаются ежегодно.

Если следующее затмение будет в России через 59 лет, значит, предыдущее было в 1949 году, что соответствует увиденной мною картине из далёкого детства. Грубо говоря, цикл солнечных затмений в России составляет полвека... Здесь уже есть над чем задуматься.

Интересно, что идеологи фашизма внушали прежде всего немецкому народу, что их нация принадлежит к высшему расовому типу, что они ведут свою родословную от бога, а такие народы, как русский, продолжают родство от разбойников, от бездомных бродяг, способных лишь на обман и воровство. Бабушка Коли Безродного рассказала всё это своему внуку, родители которого погибли под Новороссийском, на Малой земле. И Коля Безродный поклялся, что докажет обратное: русская нация – самая талантливая нация, и он, Коля Безродный, станет поэтом выше, чем немецкий гений Гёте.

Иван Емельянович на следующем уроке похвалил стихотворение «Скиф» и высказал предположение, что этот «сынок» Ехидны и Геракла, возможно, любовался ночным небом на том самом месте, где сейчас стоит хата Безродного и мост через Кубань в адыгейский аул.

Иногда на картину с деревянным мостом через Кубань наплывает другая с железобетонным шлюзом, поднимающим речной катер до уровня водохранилища. Тогда усилием воли я возвращаюсь в сорок девятый год, в день солнечного затмения, которое я наблюдал через закопчённое стекло.

Иногда мне кажется, что затмение нашло не на солнце, а на моё сознание и не было никакой войны, просто мрак накрыл всё человечество. «А что если и на самом деле род людской во время солнечного затмения лишается здравого смысла? – думаю я. – Лишается, чтоб после осознать, что жить глупцами страшно».

Я смотрю на будильник, который показывает время затмения где-то за облаками, в зените, и вижу, как по тусклым, сморщенным обоям моей кельи мечется солнечный зайчик, точно такой, какой я видел в пятом классе.

Коля Безродный ходил в школу через колхозные сады, умудряясь даже зимой приносить в класс грецкие орехи или яблоки, которыми угощал Нину Гурбич. Мне почему-то такие подарки чистенькой, как слеза, отличнице были не по вкусу. Я смотрел на заспанного товарища, крутил пальцем возле виска и высокомерно спрашивал: «У тебя затмение?» Он, ничуть не смущаясь, отвечал: «Затмение, салага! Да ещё какое...».

Сегодня суббота, второй день августа. Над Каширой ни облачка. Затмение было вчера, следующее – через полвека. Мне оно ничем не грозит. Включил

приемник. Опять осетины воюют с грузинами, как будто в горах больше нечего делать. На память приходят слова Ивана Емельяновича, что в мире нет ничего постоянного, кроме затмений и войн... Да, мысленно соглашаюсь с учителем, в мире нет ничего постоянного, кроме затмений и войн... и солнечных зайчиков.

Характеристика

Притча

Я и сейчас вижу сосредоточенное лицо моего школьного друга Жоры Шепеля, пишущего на меня характеристику. Мне очень хочется прочитать, что он пишет, но Жора предусмотрительно закрывает строчки ладонью с промокашкой.

«Где он её откопал? – думаю я. – Ведь до этого урока ни в одной тетрадке у него промокашки не было. Промокал рукавом, а то и вовсе не промокал, но когда Василиса Петровна сердилась, что у него тетради – грязнее не придумаешь, Жора, особенно на диктантах, сидел и ждал, пока чернила высохнут, а, заметив грозящий перст учительницы, начинал старательно дуть на страницу».

– Не пыхти, как паровоз, Жора, на весь класс. После уроков я тебе продиктую пропущенное, – говорила учительница, – останешься, и я тебе текст продиктую.

Это действовало на Жору, как огонь на пожарного. И он в несколько минут переписывал у меня пропущенные предложения – вместе с моими ошибками, обязательно добавляя к ним свои.

Василиса Петровна не только вела в нашем седьмом «В» русский язык и литературу, она была ещё и классным руководителем, и это обстоятельство придавало её словам непререкаемую силу закона. И, когда она объявила, что на следующей неделе мы будем впервые в жизни писать друг на друга характеристики и что отнестись к этому надо будет серьёзно и вдумчиво, никаких возражений не последовало, но Шепель всё-таки уточнил:

– Прямо в классе будем писать, Василиса Петровна?

– Не в коридоре же на подоконнике, – ответила, чему-то улыбаясь, Василиса Петровна, – конечно, в классе. Вот ты, Жора, будешь писать на него, – она кивнула на меня, – а он пусть напишет на тебя. Чтобы вы представляли содержание характеристики, напомню, что это совокупность основных качеств, которыми обладает данный человек. Вот, например, ты, Георгий Максимович Шепель. Если б мне выпала честь охарактеризовать тебя, я бы написала, что ученик Шепель способный, но не прилежный, часто недисциплинированный. Ясно? Вы знаете друг друга не только по школе, поэтому ваши характеристики будут для меня, я бы сказала, открытием ваших душ...

Жора уже перевернул вторую страницу, а я всё сидел, вспоминал, что сказала о нём Василиса Петровна перед всем классом. Она сказала какое-то слово, которого бы хватило как раз для полной характеристики Жорки, но какое

– вспомнить я никак не мог. Не сказала же она: отважный или смелый? «Дерзкий? – думал я, – хитрый? Опасный! Находчивый! Самостоятельный! Отзывчивый! Покладистый! Серьёзный! Весёлый! Этого ещё не хватало! Засмеют и меня, и Жору вместе со мной... Что это значит – весёлый?!»

Наконец-то я вспомнил, как учительница по словам произнесла слово: недис-цип-ли-ни-ро-ван-ный... Но начинать характеристику на ученика седьмого «В» класса Пашковской семилетней школы с такого слова было, по меньшей мере, несправедливо. Поэтому я продолжал шевелить мозгами, а глазами искал поддержки у сидящей за столом отзывчивой учительницы. Василиса Петровна, видно, догадалась о моих муках, но беспомощно пожала плечами.

– Было бы просто гениально, – сказала она, – если б храбрость товарища вы подтвердили его поступком.

В это время нашлось слово: прилежный. А вот то, первое, основное, главное, так и не появилось. И только когда прозвенел звонок, я вспомнил его и успел написать.

С того урока прошло полвека, но я храню в памяти слово, услышанное от своей учительницы. Теперь я, действительно, понимаю, что каждый человек способен и все мы, люди, бесспорно, способные. Но один человек способен сделать доброе, светлое, справедливое. Другой – подлое, мерзкое, чёрное, низкое... Так и надо писать в характеристике, рекомендации и где там ещё... Способный! Очень способный... А на что способный, он вам покажет сам...

Астральные утки

В конце пятидесятих годов минувшего столетия меня включили в творческую группу Краснодарского крайкома ВЛКСМ. Группа эта представляла собой как бы молодёжную команду основного состава Союза писателей Кубани. Достаточно будет сказать, что в эту команду входили будущие члены Союза писателей России: Валерий Горский, Вадим Неподоба, Юрий Кузнецов...

В то время Никита Сергеевич Хрущёв, вернувшись из загранпоездок, решил, что Кубань способна догнать и перегнать США по производству мяса и молока на душу населения, а провинциальная Тамань обязана стать «советской» Шампанью.

Инициативу «дорогого» Никиты Сергеевича кубанские казаки подхватили всем кошом, не оставив в стороне молодые дарования, уже узнавшие вкус шампанского.

Вскоре я был командирован в «будущую Шампань» для написания «поэмы о пользе сухих вин», так как из-за одного стишка кто же в крайкоме ВЛКСМ дал бы мне командировочные? Нужна была только поэма, и только «трезвая...».

Скажу сразу, что совхозов «Белка» и «Стрелка» я в этот раз не заметил, вероятно, потому, что был в солнцезащитных очках, зато встретил возле Керченского пролива чёрного, как негра, однокурсника Женю Булаха. Ах, как проникновенно пел мне Евгений в своём саду, лёжа в гамаке, песню на слова Ни-

колая Южного о черноморской чайке! «Её белокрылою чайкой назвали, и имя ей то подошло...».

С этой песней на устах я и явился к секретарю крайкома Эмме Бадовской.

После мне инструктор крайкома Юрий Заря выговорил:

– Надо было дома отлежаться сперва!

– Это так действует вино, которым меня угостили археологи, – отвечал я. – Представляешь, как таблетка сухих чернил. Положил под язык такое колёсико – и покатил на Олимп! Три тысячи лет назад греки такую «бормотуху» возили по всему черноморскому побережью. Потом они потеряли рынок, а грузины его нашли и стали торговать чачей. Зря вы на меня обиделись.

К моему счастью, что-то там, на полуострове, почвоведы заартачились и отправили в Москву на анализ грунт, усомнившись в его плодородности.

А тем временем темпы сдачи молока и мяса государству набирали скорость. Появился анекдот, что гаишники повесили на трассе Ростов-Новороссийск, идущей через центр Краснодара, предупредительный знак: «Не уверен – не обгоняй!»

И однажды Вадим Неподоба мне сообщил:

– Был в крайкоме у Бадовской! Посылает нас теперь на мясокомбинат...

– И меня? – спросил я осторожно.

– И тебя, – улыбнулся Вадим. – Говорит, чтоб мы за тобой следили. Ты ведь не любишь закусывать.

– Так нечем закусывать, Вадим. Вот и приходится рукавом.

О том, что СССР обгонит США по мясу на душу населения, на мясокомбинате никто даже не вспоминал. Результатом той коллективной поездки стало стихотворение «Тёлка», которое я нигде не мог опубликовать ещё лет двадцать, настолько трагичным было положение в животноводстве после мирного соревнования неизвестно с кем, так как американцы в спринте не участвовали. А зачем им была нужна эта гонка? Они и тогда уже имели до полусотни сортов колбасных изделий.

Где-то в середине этой мясо-молочной эпопеи с брызгами «Советского» шампанского какому-то мужику пришло в голову, что успех пищевого коммунизма зависит не только от привесов и надоев, но и, как это ни странно, от человеческого фактора. То есть от добросовестности работников сельского хозяйства.

Коммунисты «Жемчужины России» догадались, что выгодно обращаться с животными «по-человечески», а с людьми – «по-божески». И решили устроить для начала краевой слёт молодых животноводов, чтобы восславить неблагодарный, непрестижный труд недавних сельских мальчишек и девчонок. А для славословия необходимы дифирамбы, гимны и оды. И вот тут-то начинающие долгий путь юные кубанские поэты должны были излить из своих небесных душ самое торжественное, самое высокое чувство, которое они питали к своим сверстникам. Излить с главной сцены краевого драмтеатра, откуда честь и совесть революции Владимир Владимирович Маяковский когда-то на весь зал рывкнул про Краснодар: «Собачкина столица».

Всё тот же инструктор крайкома ВЛКСМ Юрий Заря ввёл меня в курс дела, рассказав, что моя будущая героиня уже известна Никите Сергеевичу, так как давала ему слово вырастить миллион (!) уток...

«Миллион! – подумал я. – Довольно круто!» И тут же сложилось четверостишие, которое я должен был прочесть в честь великой птичницы в актовом зале Краснодарского драмтеатра:

*Миллион! Конечно, это круто,
Но идут горячие бои,
Чтобы миллион голодных уток
Вволю накормить и напоить.*

Автор

С этим четверостишием я уезжал из Краснодара к знаменитой птичнице, с ним и вернулся, так как «героиня» за месяц до моего приезда вышла замуж за механизатора из соседнего совхоза, но уже не Краснодарского края, а Ростовской области. Вышла и переехала из хутора в станицу...

Горский, Неподоба, Кузнецов и я сидели в буфете театра, когда я признался, что хотелось бы почитать стихи с того места, с которого читал Владимир Маяковский. Когда ещё появится такая возможность? Неразговорчивый Юрий обратился к Валерию и Вадиму.

– Отдаём Прядкину свои стихи, и пусть читает нашим телятницам и сви-наркам, а мы слушаем. Лично я в чужом исполнении своих стихов ещё не слышал, тем более в театре. Говорят, что здесь акустика лучше, чем в Одесской филармонии.

– Что, просто так, задаром и отдадим? – возмутился Горский.

– Стихи не продают! – отрезал Кузнецов.

Тогда ему ещё не верилось, что в мире не существует вещей, которые бы не продавались или не покупались. Неверие это пошатнул Неподоба.

Пройдёт много лет, и Вадим расскажет мне, что подарил как раз в ту пору Кузнецову сюжет стихотворения о Сталине, где отец наказывает за виденное сына, чтоб он ничего не забывал, как боль наказания...

Я почему-то отчётливо до сих пор помню: когда в зале погасла огромная яркая люстра, то со сцены я заметил на галёрке, возле моих товарищей, светящееся слово «выход»...

Сейчас мне трудно передать на бумаге чувство, посетившее меня в сумрачном притихшем зале в тот вечер. Скорее всего это было чувство непередаваемое и необъяснимое, которое в экстремальных обстоятельствах приходит к человеку с «другой» стороны сознания.

*И сегодня чувствую, как будто
Сердце ноет от щемящей боли.
Одуванчики утят исчезли в поле,
Высоко поднялись стаи уток...*

Автор

«Ну и прекрасно! – воскликнул бы наш общий друг Игорь Михайлович Ждан-Пушкин, ответственный секретарь краевой газеты «Комсомолец Кубани», услышав эти строки. – Начнём отстрел... Всё равно когда никогда, а Америку догонять нам надо».

О Юрии Кузнецове

О Юрии Кузнецове мало кто слышал даже на первом курсе нашего истфила. Ещё меньше были знакомы с ним лично. И уже, конечно, никто не мог подумать, что через десятилетие о нём заговорят столичные поэты, заспорят известные критики и в журналах союзного ранга редакторы отыщут место для стихотворений, написанных им на лекциях по древней истории и старославянскому языку в Краснодарском пединституте. Между прочим, вышеупомянутый историко-филологический факультет благословил на Парнас Виталия Бакалдина и Юрия Абдашева, Ивана Бойко и Виктора Лихоносова, Валерия Горского и Вадима Неподобу... Дал в руки посох и Юрию Кузнецову...

Я не могу назвать здесь ни одного студента из группы филологов, который бы не «грешил стихами». Некоторые увлекались прозой. Но, как правило, о них или вообще молчали, или если говорили, то «серьёзно», не так, как о пишущих стихи.

Среди однокурсников Кузнецова выделялся Владимир Шрамко. Прошлого его оставалось для нас тайной, будущее виделось лёгким и светлым. Ведь его уже публиковали краевая партийная газета и альманах «Кубань». Насколько мне известно, он уже тогда готовил рукопись первого стихотворного сборника для книжного издательства. И вот однажды Таня Смирнова при всей группе громко и чётко заявляет: «Шрамко – бездарь, а Юрочка – гений...».

Мнение Смирновой, конечно, переполюха не сделало, так как одним гением больше или меньше на сотню студентов – дело обычное! А что касается бездарности Шрамко, то, как говорят, бывает... И шума поднимать не стали, тем более за кафедрой кто-то повнимательнее рассмотрел преподавателя.

Если уж несколько слов о Тани Смирновой, то скажу так: лучше бы ей родиться мальчишкой. Но было в ней что-то такое женское, что выгодно отличало её от сокурсниц. И вдобавок к этому она была умница. А что может быть прекраснее в женщине, чем высокий рассудок? Мне кажется, что Юрий Кузнецов в то время нуждался именно в таком человеке. Но поскольку в поисках подобного «человека» был ленив (если уж по-русски!), то этот человек нашёл его сам. Нашёл и не отпускал, во всяком случае, надолго и далеко.

В дальнейшем (до отъезда на Кубу в 1962 г.) они всегда были не то, что рядом, а вместе. Эта «умница с высоким рассудком» (да простит мне такое Таня Смирнова) не только была для Кузнецова «проповедником, адвокатом и целителем», но и внушала ему иногда совсем удивительные вещи.

Единственный, кто в группе не «грешил стихами» (не потому, что не умел, а потому, что не хотел), так это был Юрий Шаповалов. Этого гитариста в тельняшке я чаще встречал на бульваре, чем на лекциях. Такое отношение к учёбе не замедлило дать результат: на втором курсе Шаповалова среди студентов не стало.

Шаповалов вырос у моря, и характер у него был «морской».

В сентябре весь институт выехал на «кукурузу». Наш курс попал в колхоз «Союз 16-ти хуторов». Шаповалову доверили пару вороных (может, и гне-

дых, не помню), и бричку без колёс – возить початки с поля на ток. И он лихачил что надо! Один Бог свидетель, что случилось между ними в тот день. Но до ухода обоих из пединститута в 1962 г. мир между ними восстановлен не был.

Но я пишу о поэте, который с лёгкой руки Виктора Гончарова в «Литературной газете» обратил на себя пристальное внимание всех, кто так или иначе живёт судьбой художественной литературы.

В одной из статей о Кузнецове я вычитал такую мысль. Человек нашего времени стал жёстче, «железнее», беспощаднее не только к окружающим, но и к себе. Даже в отношении к любимым людям: им не прощаются их ошибки, они, оступившись, обречены на вечное непощение... Автор упоминал и Кузнецова. Цитировал его. И всё бы было верно, если бы я не знал Юрия лично, если бы я не знал круг тех людей, с которыми он был связан не только интересами поэзии.

Юрий Кузнецов, как и любой другой, родившийся в начале сороковых годов, не мог быть чёрствым, бездушным, тем более «жестким» к его окружающим, и уж если речь идёт о женщинах (не о любимых), я обязан здесь вспомнить один эпизод из наших московских встреч.

Площадь Пушкина. Кинотеатр «Россия». Весна. Он в сером костюме. Русоволосый. Сероглазый. Высокий. Рядом с ним одна из прекрасных дочерей Азии. Со мной Людмила Кузнецова. Усаживаемся за сверкающий столик одного из буфетов кинотеатра. Нам приносят бутылку шампанского. Он разливает и вдруг, ставя шестую бутылку, говорит:

– Как же так? Шампанское есть, а цветов нет!

Я отвечаю, что это поправимо, и срываюсь с места. Цветы тогда продавались возле клуба ВТО, на углу Тверского бульвара и улицы Горького.

– Подожди... куда ты? – почти кричит он.

Купив цветы (это были розовые гвоздики), я вернулся и заметил, что вся компания смотрит на меня с какой-то грустью...

– Вино пропало, – говорит Юрий мрачно.

Я протягиваю ему два букетика розовых гвоздик.

– Твоя мечта сбылась (я знал, что слово «мечта» действует на него магически).

Видели бы его в то время авторы подобных статей! И если бы видели, то, уж во всяком случае, обошлись бы без Кузнецова в своих публичных выступлениях.

Не скрою: как поэт, Кузнецов, может, и «жесткий», но ведь поэзия всё-таки существует сама по себе, а человек – сам по себе. Где-то, разумеется, они имеют общую точку, в процессе творчества одного и рождения другой, но в дальнейшем отождествлять их опасно.

Однажды, ещё в Краснодаре, он признался, что работает над поэмой, где будут «ужасные» сцены... Птицы, заблудившиеся ночью, летят на маяк в надежде найти спасение, верят в него, выбиваются из последних сил, но, достигнув цели, – сгорают... И ещё помню: тысячи гадюк, змей и всякой другой ползущей твари от холода спасаются на маяке... и опять гибель... То ли смотрителя маяка, то ли этих тварей...

Люди всегда были жестоки. И долго ещё будут. Поэтому кровной задачей всей литературы (поэзии в первую очередь) и есть задача делать человека хотя бы снисходительней...

Принцип «око за око» говорит не о жестокости, а о справедливости, говорит о том, что любое зло должно быть тут же наказано. И не только в стихотворной форме.

Из записной книжки

Как-то весной в гостинице «Краснодар» я встретился с Алексеем Марковым и Игорем Кобзевым. Они ещё не успели умыться после дороги, когда я и Эдуард Медведев (Медведев работал в молодёжной газете «Комсомолец Кубани») появились на пороге номера.

В редакции готовилась литературная страница, и мы решили привлечь москвичей к этому делу. Узнав цель нашего прихода, они деликатно отказались выступить на страницах газеты вместе с местными авторами.

В то время я уже писал стихи, которые иногда печатались. Несколько из них я прочёл Маркову. Тот с нетерпением выслушал меня и молча достал из чемодана маленькую книжечку. Это была поэма «Михайло Ломоносов», опубликованная в серии «Огонька». На первой странице он написал: «Старую книжечку с новым чувством. Толя! Нарращивай всё время кулак и сердце!»

Оказывается, слова эти для меня стали пророческими. Через несколько лет, живя уже в Подмосковье и бывая часто в столичных редакциях, я понял: чтобы иметь возможность публиковать свои произведения, не знаю, как насчёт кулака, но сердце надо иметь здоровое.

В тот же вечер мы встретились снова, но уже на сцене актового зала Кубанского сельхозтехникума. Это было время (после пятидесятых годов), когда подобные вечера стали модными и настолько, что попасть на любой из них было нелегко, так много было желающих.

Мы, как участники вечера, сидели на сцене, а из-за кулис виднелись десятки любопытных. Все двери были открыты, и студенты не очень церемонились друг с другом, чтобы быть поближе к нам.

Не помню (да пожалуй, это и не удивительно), что читали я и мой друг, тоже начинающий поэт Вадим Неподоба, не помню, что читали Марков и Кобзев. Помню лишь манеру чтения Кобзева. Он тогда вернулся из Франции и на сцене выглядел очень модным (внешне, конечно), отчего имел успех у ведущих экономисток.

Не менее свободно чувствовал себя и Марков. Хотя стихи его в целом были пародийны, напоминали весёлую эстраду. Запомнилось, как он с бородой отшельника сказал: «Зачем лисице голова, когда такой имеет хвост...».

Люди любят давать советы. Писатели особенно.

Сидя как-то в ресторане «Кавказ», Виктор Гончаров говорил, а потом, опустив химический карандаш в фужер с вином, написал: «Толя, не бравируй никогда своей силой, грубостью, будь нежным со всеми».

Это было осенью в Краснодаре. В Москве тема нашла своё продолжение.

В тот день я решил вместо лекций посетить кинотеатр «Россия», где шла премьера фильма «Война и мир».

Выйдя на улицу Горького, встретил Гончарова. Он был в рубашке навыпуск, с длинными, как смоль, волосами. Вероятно, такую причёску он позаимствовал в Индии, где недавно побывал. В одной руке он держал большой белый свёрток, в другой – красный портфель. В портфеле в последнее время он носил одну из лучших своих работ резьбы по дереву – фигуру страшно потрясённого человека. Работу эту, по-моему, он назвал «Эх, дубинушка, ухнем!»

На сей раз он был сердит и мельком показал на портфель:

– Видишь, в Москве не так-то легко достать два килограмма гвоздей. Но теперь они здесь, – и он снова показал на портфель. – Ты понимаешь, мы часто кричим и говорим о каком-то большом деле, стараемся мыслить масштабными категориями, а вот о мелком забываем. А гвозди – это мелочь, без которой ничего не может случиться, ничего не может быть. Нам нужны гвозди. Гвозди должны быть на видном месте, потому что это очень важная штука в жизни.

Я заметил, что гвозди в сущности своей грубы и никакой нежностью от природы не обладают. Гончаров понял мой намёк и ответил:

– Я говорил тогда о внутренней грубости и внутренней нежности, о такой же внутренней силе.

Я возразил ему:

– Человек, имеющий внутреннюю слабость, не в силах её скрыть. Он не черепаха. Хороший костюм вряд ли спасёт от удара. Значит, человек этой категории обречён. Но последнее не страшно, так как существует монолитность и не только между внешностью и сущностью, то есть созерцанием. Какая внешность, такая и сердцевина.

Он улыбнулся той улыбкой, за которой может скрываться и безразличие, и кротость, и недоверие, и несогласие, и сочувствие, и участие.

Одним из экспансивных моих знакомых в Курске был Егор Полянский. Вернее, были там ещё два поэта, которые больше и чаще полагались на чувства, нежели на разум. Это Иван Полунин и Николай Корнеев. С первым я знался года три, а со вторым встречался всего несколько раз.

Николай Корнеев был старше всех нас, опытнее и к тому времени имел уже несколько изданных книг. Я познакомился с ним в редакции «Молодая гвардия». Эта газета испытывала кадровую лихорадку: литсотрудники в редакции менялись, по-моему, чаще, чем выходила сама газета. Заведующий идеологическим отделом Паша Зуев предложил мне сотрудничать под его началом, за что обещал платить повышенный гонорар. Сам он был журналистом неважным, хотя и окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Беда его заключалась в том, что если, например, он писал о дорожниках, то у него, как говорил ответственный секретарь газеты, была всю дорогу дорога, но без проезжей части. Из конца в конец ни одного человека. Зуев, наверное, не усвоил, что без людей дорог нет... Я же писал только, как он выражался, о «человеках» без среды. Такой дуэт в работе много сулил, но ничего не давал. Паша правил моих «человеков», я – его среду. В результате разгорался спор. В один из них вмешался человек с ястребиным лицом, кото-

рый встал на мою сторону. Это мне льстило. Мы познакомились. Это был Корнеев.

В провинциях бытует мнение, что там должны знать всех и обо всех всё тоже (на деле это действительно так). Но откуда же это «всё» будет известно приедем, если об этом нет объявлений на вокзальной площади?

Иван Полунин появился в Курске так же неожиданно, как и исчез. Правда, спустя два года мы встретились с ним в общежитии на Бутырке. Он был в семинаре у Александра Жарова. Стихи писал в свободное время от вечной праздности, которую считал своим основным занятием.

Когда мы встретились, он был уже в таком состоянии, когда человеку надоели все и всё, и он ищет лишь то, чем можно удивить мир.

Но мир уже всё знает. Помню, как в первый же вечер он ругал Жарова, отрицал его творчество и, удивительно, хотел перейти в другой семинар. Вместо перевода его отчислили из института.

В Курске, живя на квартире у одной предприимчивой хохлушки, которая умудрялась сама жить в сарае, а дом весь сдавала квартирантам, я познакомился с Владимиром Кожухарем.

Хозяйка пустила человек пять артистов из черниговской труппы в одну комнату. Это давало ей право ходить каждый вечер бесплатно в театр и один раз в месяц в его кассы, чтобы получить за постояльцев. Среди артистов был и Кожухарь.

Тогда я написал стихи о Курске и предложил ему сделать из них песню. Он согласился. Дня через три принёс ноты. Мы пошли в театр и прослушали. Песня понравилась. Я предложил её Зуеву в отдел. Тот решил, что будет лучше показать кому-нибудь эту песню из местных композиторов. В училище я нашёл одного. Местный композитор ответил примерно так: «Мало жизни, понимаете, бодрости. Много ненужных модуляций». И предложил написать свою музыку. Я отказался. Это было бы нечестно по отношению к соавтору. Так я тогда думал.

Однажды, в году шестьдесят шестом, я слушал выпуск последних известий Всесоюзного радио, и вдруг диктор сообщил: «На всесоюзном конкурсе молодых музыкантов лауреатом стал талантливый выпускник Киевской консерватории Владимир Кожухарь».

И мне опять пришли в голову слова: «Мало жизни, понимаете, бодрости, много ненужных...». Действительно, много ненужных вещей в жизни. Простим же и ту ошибку тому, кто её сделал.

В Курске Егор Полянский познакомил меня с Вячеславом Марченко. Последний, занимая должность секретаря партийной организации Литинститута, привёз студентов на практику. Он-то мне, узнав, что я пишу «рабочие стихи», как сказал Полянский, и предложил поступить в институт имени Горького.

Я сказал, что уже учусь в пединституте и что терять его как-то не желаю, но впоследствии они меня переубедили.

Позже Марченко ушёл в «Октябрь» заведующим отделом прозы. Там мы и встретились снова. К прозе я никакого отношения до тех пор, да и долго ещё потом, не имел. Просто на краевом семинаре молодых меня, можно сказать, расхвалил критик Стариков. Да ещё поставил в своей рецензии в «Октябре»

мою фамилию рядом с Борисом Ручьёвым. После этой рецензии я всерьёз занялся стихами, в надежде, что вскоре стану известен как поэт.

Это были надежды. И вот я в редакции столичного журнала, где у меня есть два знакомых. Это уже что-то да значит.

Стариков принял меня, как старого знакомого, но уже через минуту сказал:

– Я к шефу, – и ушёл в кабинет редактора, который, как я узнал позже, был в это время где-то на Цейлоне.

Но тогда я сидел и ждал...

Выручил меня Марченко. Он увёл меня к себе и доверительно сообщил:

– Пока ты не напечатаешься несколько раз в Москве, никто всерьёз тебя не примет.

Марченко знал это давно.

В один из дней я вновь зашёл к Марченко. В кабинете, кроме него, сидел Чивилихин. До этого я видел его только один раз. Да и то в ресторане ЦДЛ.

Перед уходом Чивилихин сказал нам:

– Я вижу, вы хорошие ребята. Ведёте себя прилично.

Мы были уже действительно знакомы с тем, что за неприличие можно заслуженно пострадать.

Я запомнил его круглые очки. Вообще-то я считаю, что очки – такая же деталь, как, например, густые брови или родинка на щеке.

Дело было после октябрьских праздников, и Чивилихин всё время подходил к окну, на котором стоял графин. Всё тот же лавсановый костюм, карманы на брюках затёрты.

В целом, этот писатель производил впечатление добродушного человека с первыми признаками самодовольства. Такое приходит к людям от славы или от настоящих жён.

После минут двадцати их разговора я понял, что Чивилихин принёс публицистическую статью, что редактор журнала её уже читал, что сейчас они её должны окончательно отредактировать. Чем они и занялись вскоре.

Потом Чивилихин спохватился. Оказывается, ему надо было звонить в ЦК комсомола С. Павлову. Телефон долго молчал. Мы тоже. Ведь не так часто приходится слушать, когда будет говорить писатель, член ЦК комсомола.

Когда телефон ответил, Чивилихин с досадой положил трубку и пояснил: – Я и забыл, что Павлов на приёме, ведь сейчас провожают делегацию (он назвал страну).

Затем он опять доставал из портфеля то книги, то газеты, то брошюры и в каждой находил две-три цитаты из своей статьи.

Статья была о земле. О той, на которой должен расти хлеб. Но эта земля гибла сама и вдобавок ещё губила тысячи гектаров соседних посевов.

Я когда-то окончил Пашковский техникум и должен был стать землеустроителем. Так хотел мой отец. Он думал, что делает добро... Откуда он знал, что землеустроителей уже нет. Мог ли он подумать, что я проработаю по специальности только несколько месяцев и уйду из проектного института на целый десяток лет, чтобы работать на вокзалах и в карьерах, в экспедициях и на комсомольской работе.

Но я навсегда вдохнул в себя ту волшебную силу земли, которая преодолевает все невзгоды нашей жизни, делает человека упорным и целевым.

Вскоре Чивилихин ушёл, и я остался с Марченко.

– Слушайте, спросил я его, – зачем эта статья нужна ему? Есть же люди, которые непосредственно занимаются судьбой земли. Ведь если они не видят конкретных путей, откуда же знать это писателю?

– Где-то ты прав, – ответил Марченко, – но где-то нет. Чтобы земля была землёй, а не бедствием, её нужно продавать, она должна очень дорого стоить и продаваться с условием...

Я так тогда и не понял: это была позиция то ли Марченко, то ли Чивилихина.

Когда мне было лет шесть или семь и мы жили в станице Советской, недалеко от Армавира, к нам в гости приехал великий борец Иван Максимович Поддубный. Отец работал первым секретарём райкома партии. В его район входил совхоз «Урупский». В совхозе жил и работал племянник борца. По пути к нему и остановился у нас Поддубный. Помню, когда он вошёл первым в комнату, то я чуть ли не перепутал его с отцом. Отец был у меня родом из-под Киева и напоминал одного из репинских казаков, сидящих в кругу и сочиняющих ответ турецкому султану. Помню ещё, как за столом Поддубный очистил себе с десяток яиц и целиком клал их в рот. Мне это нравилось. Ведь я тогда так не мог. «Возможно, в этом и была его сила», – думал я тогда.

В шестидесятом году в Ейске, где я находился в командировке от института «Гипроводхоз» и занимался проектировкой Ейского плодопитомника, я увидел в небольшом скверике памятник Ивану Поддубному. Жаль, что великим людям ставят обыкновенные памятники. Человек, покоривший своей силой весь мир, заслужил не менее величественную память гранита. И стоять бы этому памятнику в центре России, чтоб со всех концов видна была её мощь и сила.

Футбол и «Тополёк мой в красной косынке»

Эссе

Я слушал репортаж футбольного поединка Россия-Испания. Россия проигрывала 0:2.

Над стадионом лил дождь, и комментаторы горько шутили: мол, это не дождь, это слёзы русских болельщиков...

В перерыве между таймами диктор сообщил, что в Германии скончался писатель, классик киргизской и русской литературы. Тут же дали микрофон поэту Андрею Дементьеву, который сказал, что знал умершего настолько близко, что ближе уже невозможно.

Я же «знал» прозаика Чингиза Айтматова всего несколько минут, пока он делал мне дарственную надпись на своей книжке «Тополёк мой в красной косынке», которую я купил в метро, собираясь на встречу с выпускником ВЛК (высших литературных курсов), а ныне Лауреатом Ленинской премии.

Встречу эту организовал проректор Литературного института Мигунов в общежитии на улице Добролюбова и очень этим гордился, так как это был первый лауреат, снизошедший до встречи со студентами.

(Года через два-три в Литературном институте уже работали два лауреата Ленинской премии. Известный всем телевизионщик Сергей Сергеевич Смирнов и поэт Егор Исаев)

Слушая Андрея Дементьева, как он катался с Айтматовым на автомобиле по Европе и запоем читал роман «Плаха», я вспоминал, что ответил Чингиз Айтматов на мой вопрос, заданный на той встрече в общежитии: «Почему его бестселлер назван так «загадочно» для русского слуха, хотя опубликован на русском языке?» Оказывается, книжка была результатом авторского перевода с казахского, и автор, чтоб передать колорит казахского языка, так сложно назвал обычную женщину...

Всё это я вспомнил, когда, выключив приёмник, забыл про футбол, которым была забита моя голова до этого. Вместе с тем, однако, пришло ощущение, которого я никогда до этого не испытывал, – ощущение совмещённого времени. Иными словами, прошлое стало настоящим, а настоящее каким-то чудом ушло в прошлое, не потеряв при этом эмоциональной палитры.

До полуночи мне казалось, что репортаж я слушал из далекой юности, что игра идёт не в Швейцарии, а в Краснодаре, на стадионе «Динамо».

Разобрался я и с «Топольком в красной косынке». Дело в том, что под моим окном находится вход в «торговую точку» и какая-то покупательница маячила перед моими глазами до окончания футбольного матча Россия-Испания...

В «Московском комсомольце» за 11 июня я не нашёл ни строчки о смерти Чингиза Айтматова. Но дождь над стадионом действительно был! И, если верить комментаторам, очень сильный дождь, ну, словно из ведра...

«МК» меня не удивил, меня поразил философский словарь, который часто оказывается под рукой. Я открыл эту мудрую книгу и прочёл: «...чувственный образ внешних характеристик предметов и процессов материального мира, непосредственно воздействующих на органы чувств, есть ВОСПРИЯТИЕ. Субстратом его являются ощущения, образующие непрерывный комплекс в пространстве и во времени...». Единый комплекс!

Ну, и что меня озадачило в моем ВОСПРИЯТИИ в то время, когда я страстно, до умопомрачения переживал за исход футбольного матча между Россией и Испанией? В который раз приходят на ум слова Сократа: «Я знаю только то, что ничего не знаю».

«Я простая девка на баштане»

Эссе

В один прекрасный день – было это в шестидесятые годы прошлого столетия – в скверике дома Герцена, перед окнами, выходящими на Тверской бульвар, тусовалось несколько молодых поэтов, хорошо известных «поэтической»

Москве на предмет, где достать денег на очередную бутылку «Портвейна» в «Армянском магазине».

Неожиданно из дверей ВЛК очень быстро вышла изящная женщина, и Чухнин – один из страждущих, заметив её, торжественно произнёс: «Эта не откажет...».

А Римма Казакова набирала скорость и на все призывы остановиться не обращала внимания.

Чухнин не сдавался и всё-таки остановил её как раз на том месте, где сегодня вход в метро «Пушкинская»...

Типично русское лицо. Тёмный, модный для тех лет костюм, миниатюрная женская сумочка, из которой Чухнин получил без всякий нотаций и условий на бутылку вина.

«Жена Георгия Радова...», – сказал, возвратившись к друзьям, Чухнин.

21 марта 2008 года я раскрыл «МК» и на 15 стр. встретился... с Риммой Казаковой, для которой всегда был, как говорят на Руси, «пустым местом» (это поселилось в моём сознании), но которая была для меня «местом святым», я это чувствовал, хотя объяснению это чувство не поддавалось...

Глядя на газетную заметку с фотографией пожилой поэтессы, мне почему-то стало очень стыдно.

«Боже мой, – чётко прозвучало в голове, – какая жуткая мука встречаться с женщиной через полвека... и всё это время знать, что когда-то она отдала тебе и твоим друзьям последние (вероятнее всего!) деньги, и на что...».

Единственное, что дало мне почувствовать её снисхождение, была строчка Ивана Бунина из уст Риммы Казаковой: «Я простая девка на баштане...».

Московский триумвират, или три Владимира

Об этих трёх Владимирях, как я их называю теперь, можно написать и несколько строчек, и повесть, и трилогию в романах с эпическим размахом. А если написать умело, то получится интересное, поучительное пособие для студентов Литературного института, так как вся «троица» (заметили, что я и не думал прибавлять эпитет «святая») имеет самое прямое отношение к высшему учебному заведению Союза писателей СССР. И не только к нему, но, смею добавить, и ко мне, так как я одно время тоже был студентом Литинститута им. А.М. Горького, а все «три Владимира» были руководителями творческих семинаров в этом институте.

В официальной иерархии Владимир Фёдорович Пименов, как и в моей – «неофициальной», занимал самое высокое положение. Он был ещё и ректором. А вот Владимир Алексеевич Солоухин и Владимир Александрович Архипов стояли на одном уровне, хотя последнего я относил иногда к заместителю ректора института по научной части. Ведь профессор Архипов был ещё и зав. кафедрой советской литературы в МГУ.

Из административной биографии В. Ф. Пименова самым любопытным я считаю то, что при Сталине он заведовал репертуарной частью всех театров

СССР. На лекциях по драматургии, которые Пименов вёл вместе с обаятельной дочерью Вишневого, он иногда вспоминал и рассказывал студентам такое, что они вряд ли когда-нибудь узнали, не посещая его лекций.

Так, В. Пименов однажды не без гордости заявил, что если бы не он, то вряд ли «Оптимистическая трагедия» имела у нас такой успех. Когда первая постановка пьесы в Ленинграде провалилась, то не кто иной, а он, Пименов, дал совет Мейерхольду поставить на роль комиссара женщину. И Мейерхольд осуществил постановку пьесы уже в Москве, на Тверском бульваре, и роль комиссара исполняла красавица актриса. Пьеса ожила. Имела триумфальный успех. Пименов говорил, что Мейерхольд подарил ему за это макет первой декорации.

Запомнился мне и ещё один случай, относящийся к этой теме. Я случайно зашёл в дом Герцена и так же случайно наткнулся там на Пименова. Густые брови моментально взлетели вверх. Жёсткие черты лица (именно черты) обмякли. Появилась та улыбка, от которой бросает в дрожь. Жесты стали безукоризненны. Да, Пименов всегда был, прежде всего, актёр. Играл талантливо. Мы поздоровались. Он взял меня двумя руками под локоть и мягко повёл по ковровой дорожке к своему кабинету.

– Видишь, как чисто? Как в церкви! – сказал он. Такая ремарка из уст ректора Литинститута заставляет меня и сегодня задумываться над целями и задачами этого единственного в стране творческого вуза.

Однажды я попал в такую историю, где были затронуты и честь моей будущей жены, и моё достоинство, да плюс, мягко говоря, нетактичное поведение моего друга на вечере поэзии в Таманской дивизии. Такой «узел» мог развязать только сам Владимир Фёдорович Пименов. И он это сделал в течение академического часа, не выходя из своего кабинета. А я был свидетелем его «стиля и метода» руководства.

Ничего не скажешь! Это был администратор экстра-класса! Вот пример. Во время нашей беседы зашёл Лев Ошанин. Начал усаживаться поближе и поудобнее, объяснил по ходу какую-то проблему. Объяснил темпераментно, убедительно. А в итоге Пименов поднялся из-за стола, развёл руками и произнёс: «Лёвочка...». Один жест. Одно слово. Ошанин оказался возле двери. Надевая свою беретку набекрень, начал было опять что-то объяснять. И опять тот же жест. То же слово. Но что это был за жест и как звучало слово – передать невозможно.

Владимир Алексеевич Солоухин, первый мой руководитель и наставник из числа профессиональных литераторов, неожиданно появился передо мной осенью шестьдесят первого и ещё неожиданней исчез в скверике около памятника Герцену весной шестьдесят пятого...

Это неожиданное появление и исчезновение были для меня всегда ошеломляющими.

– Ну, что ж, Анатолий Прядкин, – сказал Солоухин, – быть тебе старостой семинара, раз ты встретился мне первым.

На первом же занятии после знакомства Владимир Алексеевич предложил нам ответить на составленный им вопросник.

Отвечать надо было честно, как самому себе в часы откровения. Когда я прочёл свои ответы, а было их около пятидесяти, то меня охватил, сказать

прямо, ужас. Стало ясно, что я не знаю названий трав, цветов, кустарников... Не держу в уме поэтических размеров... Не люблю читать... Презираю физический труд... И вообще не могу работать систематически... Неприглядный портрет получился!

На другой день после того, как мы лично в руки отдали вынесенные себе «приговоры» своему учителю, в общезнании мы попробовали приоткрыть друг перед другом тайну ответов. И вышло, что никаких секретов делать не стоит. Все мы обладали примерно одной эрудицией, одним интеллектом. Исключений не было.

Да и стихи писали примерно одинаково. Правда, это касалось лишь нас, русских. Но в семинаре были горячие кавказцы и степные, вкусившие азиатской мудрости, таджики. Судить о них не берусь. Здесь и языковой барьер, и уклад жизни, и многое другое, что нивелировке не поддаётся... В. Солоухину в работе с такими студентами, видимо, помогала дружба с Расулом Гамзатовым, болгарскими писателями, произведения которых он переводил.

Кроме литературы, как мне теперь видится, Солоухин немало времени и труда отдавал собиранию икон, старинных книг, колокольчиков...

Не знаю, зачем, но в его домашнем кабинете на Аэропортовской находилась настоящая морская мина. Когда Толя Шипулин хотел взять её в руки, чтобы рассмотреть поближе, его остановил предостерегающий голос хозяина квартиры: «Она может взорваться!» Причём сказал это Солоухин, как мне показалось, не особенно беспокоясь, услышит ли Шипулин или нет. Это он может взорваться.

Помню, как Лена Солоухина (дочь писателя), листая годовую подшивку дореволюционного журнала, беспечно бросила: «Просто жизни нет от этой старины». Но супруга Владимира Алексеевича Роза охотно разделяла увлечения мужа. Она могла безошибочно определить художественную ценность «краснушки» или «чернушки» – так иногда подразделялись иконы.

Были в коллекции Солоухина и такие «доски», которые представляли не только художественную ценность.

Открыв небольшой кабинетный сейф и достав оттуда иконку величиной с ладонь, Солоухин спросил меня: «Нравится?». Я согласно кивнул. «Интересно, сколько стоит?» – «Это?» – переспросил он, любуясь шедевром, – ей цены нет». Продолжая любоваться, добавил: «На выставке в Ватикане она получила Гран-при. Студентам о её стоимости знать вредно».

Из вне семинарских уроков по мастерству я был удостоен одного, когда на рабочем столе Владимира Солоухина появилась рукопись «Мать-и-мачехи».

– Очень трудно писать, – говорил он, – когда слишком много материала, да и тема избита... О Литературном институте так много писалось уже... Герой «Мать-и-мачехи» приходит к иволге, чтобы оторваться от родной земли, от той жизни, которой жил раньше, он потерял что-то такое в себе, без чего смысл дальнейшего существования – пустота...

Для меня Владимир Алексеевич, прежде всего, – учитель. А учился у него я сам. Он меня не учил, а давал возможность учиться у него...

В. А. Солоухин ушёл из литературы «молча»... Да, он много разъезжал по чужим странам, может, не меньше, чем по владимирщине, но разве это повод?

И когда мне вторично представилась возможность выбрать руководителя семинара (что, я считаю, очень верно, ведь начинающий поэт или прозаик знает, куда идёт, и назначать ему учителя просто противоестественно), то я почему-то был уверен, что лучшего руководителя, чем Владимир Александрович Архипов, в институте нет. И если я теперь о чём-нибудь ещё жалею, то о том только, что так мало пришлось иметь рядом такого человека.

Это был удивительный учитель. «Учитель» не только в академическом понимании, это был учитель жизни, а не «предметчик». Человек предельной культуры! Именно русской. Однажды я ему говорю, что Тарле читается, как детектив. Он багровеет от гнева:

– Как ты смеешь так говорить! У него разве не было имени-отчества?

В журнале «Москва» я прочёл статью В. А. Архипова «Перед кем снимает шляпу Шекспир», и только тогда мне стало ясно, какой Владимир Александрович виртуозный стилист.

В семинаре Архипова учились В. Нечволода, Светлана Мекшен, впоследствии ставшая лицежкой поэтессой и порадовавшая меня строчкой «Зима без снега, как жена без мужа»...

Когда я пишу эти строчки, перед глазами всплывает фотография из «Огонька», где сидящий на приступках из гранита или мрамора Д. С. Лихачёв рассуждает о смысле культуры...

Да, неожиданная ассоциация! Но ведь Лихачёв – врождённый интеллигент, голубая кровь Санкт-Петербурга. Он учился у М. Алпатова, А. Дживилегова, П. Муратова, И. Грабаря, Н. Врангеля, В. Курбатова. Он переписывал из них фразеологические обороты, отдельные слова, выражения, образы и т.д.

Оказывается, и не очень «неожиданная ассоциация».

Просто напросилось сравнение: у кого надо учиться, и у кого учились мы?

Поэт Виктор Парфентьев сидит рядом со мной (случайно) в аудитории. Учитель Татьяна Александровна Архипова говорит нам:

– Каждое слово имеет свою биографию...

Парфентьев вздрагивает: «Всё, следующий сборник так и назову. Биография слова. Прекрасная находка!»

В перерыве я говорю Архиповой: «Татьяна Александровна, а Парфентьев, слушая вас, удивлялся, что слово имеет биографию...».

– Вот видишь, какие у нас поэты?.. – Татьяна Александровна, как всегда, очаровательно улыбнулась.

Что я хочу сказать? Что нас учили чему угодно! (Не путайте с пушкинским «Мы все учились...») Повторяю: учили чему угодно, только не культуре слова, письма, речи. То есть тому, что составляет фундамент литературного работника. Исключением, пожалуй, и то в какой-то мере не полным, был Владимир Архипов.

Вот почему каждая удачная находка радовала нас и радует до сих пор. Вот почему каждая пядь от невежества нашего к культуре с мировым именем так нами ценилась и ценится по сей день.

«Триумvirат Владимиров» раскрыл мне глаза на многое, что оставалось вне поля моего зрения в Краснодаре. Атмосфера столицы, её образ мышления, взгляды «передовых эшелонов» русской интеллигенции из провинциального,

наивного фантазёра, способного лишь удивляться, сделали пытливым человеком не одного меня... Как я сейчас вижу, был разбит барьер косности, свергнут авторитет кумиров и богов. Раскрепощение творческой личности, «пренебрежение» традициями – основное условие, при котором художник становится художником... Но всё это было в той удобной форме, когда на содержание ещё никто не обращает внимания...

Владимир Фёдорович... Владимир Алексеевич... Владимир Александрович... Это удельные русские князья моей докрепостной России, имеющие тенденцию к централизованному государству. Сложно? Конечно.

Пряники и кнут

Эссе

*В Москве, в Центральном доме литератора,
Где шумно от словесной шелухи,
Изобразил на сцене я оратора
И прочитал про пряники стихи.*

*Наслушавшись классической поэзии,
Какой-то литератор, словно плут,
Вслух произнёс, что было бы полезнее,
Когда б я сочинил стихи про кнут.*

*Тогда, мол, два предмета в совокупности
Нам дали б ощутимый результат...
«Он не дожил ещё до этой глупости!» –
Вмешался в разговор литконсультат.*

Автор

«Пряники» действительно были!

*Что за пряники? Чудо пряники!
Горе-горькое не беда.
То Конёк-Горбунок упряменький,
То красавица молода!*

Автор

ВАС (Владимир Алексеевич Солоухин) заметил в этом стихотворении социальный вульгаризм. Предложил исправить, а я «Конёк-Горбунок упряменький» с кубанских степей. Так, с «социальным вульгаризмом», и читал про пряники в ЦДЛ в 1963 году...

Вечер вёл Лев Ошанин, известный всему миру автор «Гимна демократической молодёжи».

Поэт-песенник был, видно, со мной согласен, что «пряники для бояр были, мягко говоря, не очень сладкими», а когда я с пафосом табунщика почти зак-

ричал на весь актовый зал, что «в эти пряники – нет, не пряности, ... Солоухины или Прядкины души вкладывали свои», Ошанин снял очки и внимательно оглядел меня с ног до макушки: не шучу ли? Через несколько лет я уже твёрдо знал, что стихи лучше всего читать (да и слушать!) в тесном кругу «собутыльников»... Но это мнение лично моё.

Как можно произнести «на крике», например: «Ты жива ещё, моя старушка?» Через тюремную «решку» можно! Слышал. Насколько мне известно, «брали на горло» там, где пахло кровью. Брали там, где можно было взять «на испуг».

Евгений Евтушенко до сих пор кричит, хотя мода на крик давным-давно прошла. Только об этом я могу сказать сам себе, потому что другому говорить бесполезно, дело здесь в душевном настрое, в силе духа...

Метод «кнута и пряника» – явно не поэтический приём, хотя большинство стихотворений написано именно на противопоставлении, как у Пушкина: «мороз и солнце», «лёд и пламень». Но секрет творчества в интриге. Без интриги нет творчества, без интриги всё мертво, как на погосте.

Ради интриги у меня и написалось: «Знаю, были не очень сладкими эти пряники для бояр». Тем паче, что не все бояре жили трутнями. Многие вкус хлеба знали не понаслышке.

*Мы не должны иметь учителей,
Иначе будем, как они, глупы!
Псевдопророкам нужен мавзолей,
Чтоб не было муки там и крупы.*

*Учителей иметь мы не должны,
Иначе вечно будем без гроша,
И Русь святая будет без казны,
Как будет без любви пустой душа.*

*Учителей мы не должны иметь,
Иначе будет, как всегда, как встарь!
Рожденье... жизнь... и, наконец-то, смерть,
А двадцать первый век, увы, настал...*

Автор

Это, конечно, как вы уже догадались, самый настоящий МЕСОСТИХ. Только вместо букв в каждой строке в игре заняты по слову в строфе. И как бы мы ни старались переиначивать фразу, полученную из этих слов, смысл её, как гранит! А именно: «Учителей должны иметь».

Вот вам чистой воды, я бы сказал «святой» воды, мистика поэзии, о которой я только интуитивно догадывался. Ведь моей целью было убеждение, что учителя приносят исключительно вред, тормозя наше мышление.

Но как я оказался в дурацком положении?

Вот тут-то я и вспомнил слова литератора о том, что всюду необходим бич Божий, а проще – кнут. «Пряники же, особенно тульские, хороши и без кнута...», – настаивал ВАС, известный на всю Россию литератор.

«Не только неисповедимы пути Господни, – кто-то сказал за моей спиной, когда я решил поставить последнюю точку в этом эссе, – но эти пути ещё и бесконечны».

Вот такие вышли «Пряники».

*В эти пряники – нет, не пряности,
Ты хвали их, народ, хвали!
Солоухины или Прядкины,
Думы вкладывали свои.*

Автор

Уход

*Вечной памяти русского писателя Владимира Солоухина
(14.06.1924 – 04.04.1997)*

Сколько уже оград разломано, а сколько ещё предстоит разломать из тесин, частокола, железобетонных монолитов с «бигудями» колючей проволоки, чтоб оказаться «около чертога Божия»?

Не знаю, сколько метафизики в нижеследующих словах, но говорят, что уход человека связан крепко-накрепко с его предназначением, то есть, для чего он был послан. И если человек исполнил всё предназначенное ему, то он со спокойной, скажем так, совестью покидает земную жизнь.

В лето 1963 года, а было, действительно, Божье лето, я сидел в московском кабинете своего руководителя поэтического семинара писателя В. А. Солоухина и слушал его как бы незатейливый рассказ.

– После выхода книги «Владимирские просёлки», – говорил Владимир Алексеевич, – моя литературная дорога словно оборвалась. Первый секретарь обкома КПСС заявил: «Мне таких писателей не нужно!..» Кое-кто предупредил даже: смотри, мол, эти «просёлки» могут вывести тебя на «владимирский тракт»... Короче говоря, формулировочка секретаря для провинциального писателя-«почвенника» прозвучала смертным приговором. «Ты должен был слышать историю с Валентином Овечкиным...» (с писателем Овечкиным, опубликовавшем «Сельские будни», случилось еще хуже! – А. П.). И вдруг в Москве, в центральной прессе появилась хвалебная рецензия! Одна... другая... о «просёлках» моих стали отзываться похвально, а потом и премию стали пророчить, – продолжал Солоухин, – теперь вот закончил «Мать-мачеху». Если желаешь – почитай, сколько успеешь, рукопись перед тобой, на столе... я отлучусь на кухню. Жена где-то с утра стоит в очереди за сапожками.

Я полистал перепечатанную рукопись, подумал: «Неужели когда-нибудь и я должен буду писать такое огромное количество текста? Нет, это не для меня! Я-то и в школе не мог урока вынести»...

Честно говоря, я и сегодня удивляюсь, как это люди пишут романы? Но поражает другое:

зачем? Ведь любую проблему, конфликт, при желании, можно объяснить буквально в двух словах. И здесь приходит лукавая догадка: пишущие сами «балдеют»... Но на подобный «балдѣж» тратить жизнь? Да её и так отпущено в обрез, как раз, чтоб умыться, перекусить и бега... бега! Волка ноги кормят...

Вот кабинет стоит того, чтоб проявить свое любопытство! Конечно, двухтумбовый стол, похожий по размерам на бильярдный, занимал центральное место. На столе, кроме «Мать-мачехи», я обнаружил ещё лапоты! Такой раскисший, развалившийся, словно потерянный бурлаком, а в лапте дорогая кубинская сигара.

Взял, втянул в себя запах далёкой Гаваны и Карибского моря и вспомнил, что мой учитель не курит. Задумался: а может, и не пьёт? Хотя сомненья тут же исчезли, он же видел, что я пришёл со «старкой», и на кухню, видно, направился не зря... не будем же занюхивать табаком?

Два больших, полных летнего света, окна слева от стола. Потом, через много лет в Переделкине Владимир Солоухин будет возмущаться:

– Был в музее Пастернака, там музейные работники рабочий стол Леонида Борисовича переставили. Я им говорю, что стол писателя нельзя трогать, а они мне отвечают: «Так удобно для посетителей»...

Возле окон в углу – небольшой сейф. Однажды из него будет извлечена и показана мне маленькая икона XVI в., побывавшая в Ватикане, единственная в христианском мире.

Правая стена – вся в иконах! Такого иконостаса в доме я никогда и нигде уже, пожалуй, не увижу. И пока хозяин был на кухне, мне ничего не оставалось, как втянуться в смысл духовной живописи. Позже я попытался зарифмовать то, что видел.

*Рассматриваю русские иконы.
Вот щит. Вот меч. Копьё. Упругий лук.
Вот дерзкие, выносливые кони... –
Весь атрибут царящих бед и мук.*

*Рассматриваю русские иконы.
Вот Богоматерь. Вот Отец. Вот Сын.
Вот Дух Святой, как чистый снег нагорный
среди болот зловонных и трясин.*

*Рассматриваю русские иконы.
Вот рай небесный. Вот запретный плод.
Но человек, рассудку непокорный,
Что Бог велит – творит наоборот!*

*Рассматриваю русские иконы...
Как избежать утопий и химер?...
И жизни смысл раскрепостить исконный?
Тому дела Распятого пример...*

Автор

Рассматривая русские иконы, я вдруг споткнулся... под моими ногами лежала, зловеще мерцающая серым светом, настоящая противолодочная морская мина! Я осторожно отошёл от стены и тихо уселся поближе к выходу. Стал ждать появления хозяина кабинета. Нет, он меня не успокоил. Мина была боевая...

Почти полвека эта мина во мне и слышу голос учителя:

– Да, может взорваться!

Думаю, что к тому времени мысль писателя о «взрыве» была неотвратима. Она горела, как бикфордов шнур. Позже он признается публицисту Олегу Морозу:

– Происходило постепенное «размораживание» тех участков мозга, которые заведуют социальным и национальным самосознанием. В 60-е годы этот процесс у меня, по-видимому, завершился (ещё бы, после обкомовских бомбёжек!). В 1976 году я закончил объемистую книгу («Последняя ступень» – А. П.) об этом процессе, то есть о том, как я из слепого котёнка стал зрячим человеком (но скажет об этом «прозрении» открыто только в 1990 году – А. П.).

Я не видел, как сам Владимир Алексеевич занимался реставрацией икон, этой «чудотворящей живописью», но что он безукоризненно знал технологию «восстановительного» искусства, – точно! Об этой «таинственной» работе у него есть целые увлекательные рассказы и книги. В них читатель найдёт такой «тонкий» совет, что для полировки лака необходим исключительно пепел рисовой соломы. К менее серьёзному, но более шумному увлечению писателя, относилось коллекционирование колоколов... Ну, конечно, не таких, как Царь-колокол в Кремле, но не менее знаменитых и знатных.

– Звоняря бы сюда, – пошутил как-то я, держа в руках колокольчик.

– А кто знает, – заметил Владимир Алексеевич, – может, под звон этого колокольчика неслась тройка в Михайловское...

Уход всегда непредсказуем... о нём разносят весть колокола...

Читая подаренный мне Владимиром Алексеевичем поэтический сборник «Северные берёзы» (последний прижизненный), я обратил внимание, что многие стихи звучали как библейские заповеди. Основная же мысль, она же эпиграф для всего сборника: «Держитесь, копите силы, нам уходить нельзя. Россия ещё не погибла, пока мы живы, друзья» (Владимир Солоухин). Одна из заповедей Господа: «Не убий!» И первое стихотворение поэта в «Северных берёзах», открывающее книгу, и, как бы служащее итогом всей его жизни, так и называется... «Я никого на свете не убил».

Отпевали раба Божьего Владимира в храме Христа Спасителя.

– Царство тебе Небесное, Владимир Алексеевич!

16.07.2001

«Я рос, как степная трава...»

Эссе

Студент Литературного института Алексей Неберекутин сочинял стихотворение о своей нескладной судьбе, шаркая оторванной подмёткой по длинному, тёмному и пустому коридору студенческого общежития.

Стихотворение обещало быть ёмким, без придуманных коллизий и понятным, как голос петуха на рассвете. И всё шло замечательно до третьего стиха, где требовалась рифма к слову «трава», но такой рифмы в голове кубанского поэта не было.

Неберекутин, не раздумывая, открыл дверь, за которой слышались возбуждённые голоса не попавших на лекции студентов, и бесцеремонно вошёл в комнату.

– Мужики, срочно нужна рифма к слову «трава», – произнёс он и тут только заметил, что в комнате находился всего один студент, вальяжно развалившийся на койке и держащий в руках потрепанную рукопись.

– О, – удивился Алексей, – а где же остальные?

– Какие остальные? Просто я перечитываю свою пьесу в лицах, а тебе показалось, что здесь целый семинар. Ну-ка, прочти несколько строчек.

Неберекутин прочёл: «Я рос, как степная трава,/ Под солнцем, ветрами, дождями...».

Драматург приподнялся и, как ни в чём не бывало, словно отвечая на реплику друга, добавил:

– Съедала меня корова!

Мысль Алексею понравилась во всех отношениях, но ударение! Ударение ставило крест на благополучном житие целой строфы.

– Если тебя смущает ударение, то вспомни, что Маяковский говорил вместо «вОры» «ворЬ!»! И сходило.

– Тому покровительствовал сам Сталин! – воскликнул Неберекутин. – Сталин! А мне? Вот смотри, что из «Нового мира» отвечают!

Алексей достал из внутреннего кармана пиджака замызганный конверт.

– Смотри, брат! Тов. Неберуткин! Видишь? Тов. Неберуткин! А я, прости те, Неберекутин! Не-бе-ре-ку-тин!..

– Какая разница, кто ты такой, главное, чтоб были стихи запоминающиеся. – Драматург улыбнулся. – Вот сделал бы ты, например, как в слове «корова», неправильное ударение, литературный консультант тебя бы и запомнил и с уважением написал бы: «Дорогой товарищ Неберекутин!» – и только потом приписал, что надо почаще читать Пушкина, Лермонтова и всех остальных русских и русскоязычных поэтов, а если будет возможность, то и прозаиков. Между прочим, стихи порой звучат, как насмешка! Ну вот: «Любви все возрасты покорны!» Разве это не злая шутка?

Алексей посмотрел на почти оторванную подмётку на ботинке и, вытянув ногу из-под стола, серьёзно сказал:

– Вот она, любовь! А если б я за ней не бегал, то подмётка не оторвалась...

– А ты обратил внимание, что подмётка имеет форму языка? – спросил драматург. – Плохо, когда она болтается, как язык!

Неберекутин озабоченно осмотрел ботинок и беспомощно сказал:

– Судьба.

Драматург встал с койки, подошёл к окну и, любуясь Останкинской телевышкой, мечтательно заметил, что действительно изменить что-нибудь в своей судьбе сложно, но при сильном желании можно, и чаще всего люди этого изменения к лучшему достигают.

Он повернулся к Неберекутину.

– И я рос, как степная трава. Не только ты. Всё наше поколение выросло за школой на задворках. А ведь где-то, а порой и рядом с нами, росли и розы, и хризантемы... Вот, думаешь, и любовь была у этих цветов соответственная, не то, что у мать-и-мачехи или молочая с чабрецом да полынью? Не думай! Николаю ХарИто – запомни, не ХаритО – не было и тридцати двух, когда его застрелили у друга на свадьбе из-за одной «хризантемы»... кстати, в знакомом тебе Тихорецке. А мятлевские «розы»? Да из этих «роз» только надгробные венки делать! Помнишь, как Игорь Северянин писал: «Но дни идут – уже стихают грозы./ Вернуться в дом Россия ищет троп.../ Как хороши, как свежи будут розы, / Моей страной мне брошенные в гроб!»

Алексей посмотрел на драматурга и виновато отвёл глаза. «Какому поэту не хотелось бы этой счастливой участи, – подумал он, – лежать в гробу с белыми розами, брошенными твоей Отчизной?»

«Я рос, как степная трава!» – неожиданно воскликнул драматург и, взяв стул, подсел к Алексею. – Честно говоря, я влюбился в эту строчку, вот только вместо слова «рос», я бы на твоём месте поставил «жил». Ведь жить в естественных условиях – «под солнцем, ветрами, дождями» – это же сегодня неопишуемая роскошь!

– И бесплатная... – вставил Алексей, чувствуя, как подмётка плотнее и крепче прижалась к протёртой подошве.

На какое-то мгновение он услышал пьянящий запах степного ветра, веющего ему в лицо на залитом солнечными лучами просёлке, и ему представилось, что он, Алексей Неберекутин, сын русского солдата, погибшего в селе Ряжено, что между Таганрогом и Матвеевым курганом, защищая Россию, идёт по просёлку, по которому его отец возвращался с поля, неся домой букет васильков и напевая: «Ах, васильки, васильки,/ Сколько вас выросло в поле!/ Помню, у самой реки/ Я собирал их для Оли. / Оля возьмет василёк,/ Низко головку наклонит...».

После войны эту песенку на стихи А. Н. Апухтина пела его мать, держа дорогого сыночка на коленях, но почему-то пела не до конца...

Алексей, став посещать вечернюю школу для рабочей молодёжи, спросил как-то учительницу русского языка и литературы, не слышала ли она песенку про полевые цветы васильки? И учительница ответила, что стихи написал поэт Апухтин, очень близкий друг композитора Петра Чайковского, и добавила, что васильки приносят влюблённым разлуку.

– Ты куда ушёл? – окликнул его драматург.

– Да я тут в цветах разбираюсь. Васильки на ум пришли... У меня первая жена их любила. Разошлись... И вторая без ума от этих «васильков» была. Я не знал, что васильки – сорная трава. Одним словом, сорняк!

– Ну а третья? Что ж ты о самой своей любимой ни слова? – жёстко сказал драматург. – Замолви о ней словечко, замолви. В общем-то, поэтам жёны не положены, не предусмотрены по роду деятельности. Они и без них в любви преуспевали, не так ли?

Неберекутин пожал плечами, молча встал из-за стола и, сухо простившись с драматургом, вышел в безлюдный коридор.

Я много лет не был в Краснодаре, но однажды всё-таки посетил город своей юности и, встретив Сергея Хохлова, бывшего уже в должности Секретаря Союза писателей России, спросил, как, мол, Лёша здесь поживает?

– Понятия не имею, где он. После института я помог ему устроиться в книжное издательство, выпустить книжку. Вместе с этой книжкой он как в воду и канул, оставив мне на память строчку: «Я жил, как сорная трава!»

Это самая искренняя строчка Алексея Неберекутина, которую он сочинил с Божьей помощью, будучи ещё студентом Литературного института.

Однако жизнь поэта не была «сорной». Два года – с 1977 по 1979 гг. – Алексей Фёдорович прожил со второй женой и дочерью в станице Шапсугской Абинского района Краснодарского края, а с 1979 г. и до конца своих дней жил на Камчатке, где активно печатался на страницах газеты «Камчатская правда», журнала «Дальний Восток». А. Ф. Неберекутин автор пяти стихотворных сборников.

Отчисление

Я сидел на подоконнике в одной из комнат студенческого общежития на улице Добролюбова. Из просторного, светлого окна на четвёртом этаже весь дворик был у меня как на ладони, и мне было видно всё происходящее там, на земле.

Вот проскочил в подъезд юркий фотограф и преподаватель физкультуры Чирков. Следом с полными авоськами прошли две дамы, одна из них была очень похожа на Майю Румянцеву, прославившуюся стихотворением, в котором стыдила модных девиц с искусственной сединой. А вот появился в дверях степенный Павел Васильевич Таран-Зайченко с внучкой (или с внуком)...

Неожиданно дверь комнаты распахнулась, и передо мной вырос студент Савельев, который, по моим прикидкам, должен был уже лежать на верхней полке поезда Ленинград-Магадан. По выражению его глаз я догадался, что с ним что-то стряслось.

– В чём дело, старик? – спросил я, стараясь угадать причину его внезапного появления в общежитии.

– Ты знаешь, встретил на вокзале земляка, ну и деньги, которые занимал у тебя на билет, пропали. Представляешь, встретить землю из таёжной деревни в Москве! Представляешь?

– И ты приехал, чтоб занять ещё! – прервал я его. – Но денег у меня больше нет.

Он достал из внутреннего кармана пиджака документы и протянул их мне.

– Вот, отдаю в залог. Как только доберусь домой, сразу же высылаю перевод телеграфом. Учти, здесь мой партийный билет. Ты должен понимать, что такими вещами не бросаются. Встретимся на защите дипломов – вернёшь... Бери!

Савельев подошёл ко мне вплотную, держа документы в левой руке почти у меня под носом.

– Да отстань ты со своими документами! – разозлился я и махнул рукой...

Документов у Савельева как не бывало! Несколько мгновений он смотрел на меня удивлёнными глазами, как смотрят в цирке зрители на проделки фокусника, потом, перегнувшись через подоконник, с нескрываемым любопытством стал спрашивать:

– Где они? Куда они упали?

– На землю! – зло ответил я – Беги, собирай!

Он, не глядя на меня, вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Прошло почти полвека, а я всё слышу этот хлопок, закрывший очередную страницу моей жизни.

Утром, выходя из общежития, я был остановлен комендантом, который сообщил мне, что меня вызывает в партком института Сергей Сергеевич Смирнов.

Смирнов был лауреатом Ленинской премии по литературе за книгу «Герои Брестской крепости», руководителем семинара прозаиков и по совместительству секретарём партийной организации института. Всесоюзную известность в начале 60-х годов принесло ему телевидение. Люди увидели Смирнова в непринужденной домашней обстановке. Ежеминутно причёсывая жёсткую солому уже седой шевелюры, почти не выпуская из рук дымящую «беломорину», он рассказывал о погибших солдатах и офицерах, защищавших первый советский бастион от немецко-фашистских войск.

В доме Герцена я столкнулся со Смирновым в день Пленума ЦК КПСС, созванного Леонидом Брежневым, якобы по поводу положения в сельском хозяйстве страны, а на самом деле для снятия Никиты Хрущёва с должности Первого секретаря ЦК КПСС.

Занятий в институте в тот день не было, и так случилось, что, когда парторг, возвращаясь с Пленума, приблизился к зданию «дома», я стоял на крыльце и, встретившись с ним взглядом, спросил:

– Ну как там себя чувствует наш дорогой Никита Сергеевич?

Смирнов окинул меня тревожным взглядом, освободил правую руку от тяжёлого портфеля, и, показывая свободной рукой в сторону Кремля, злобно произнёс:

– Только вошёл в зал и – в президиум! А ему говорят, что для него там уже места нет! На колени упал, подлец, и стал просить, чтоб ему сохранили жизнь... А мы с утра сидели и ждали, пока он из Сочи прилетит. – Смирнов глянул на часы. – Вот время обеда...

Смирнов мне нравился солдатской прямоотой.

Прежде чем явиться к Смирнову, я узнал от вахтёрши, что документы наши дворники на козырьке выгребной ямы, как раз под тем окном, на котором я сидел на подоконнике. А как они туда попали, можно было объяснить парторгу порывом ветра.

Я постучал в тяжёлые белые двери с табличкой «Парторг» и осторожно, не дожидаясь ответа, приоткрыл их, но этого было достаточно, чтобы сидевший за столом Смирнов меня заметил и поманил ладонью. Я вошёл как ни в чём не бывало, не чувствуя за собой никакой вины, почтительно произнёс:

– Добрый день!

Смирнов поднялся из-за стола, как поднимались командиры, зовущие бойцов в атаку, и закричал охрипшим голосом.

– Это ты выбросил партбилет из окна?

От такого начала беседы у меня перехватило дыхание. А Смирнов орал:

– Отвечай! Ты или не ты?

В это время техничка внесла графин с водой и, поставив его перед Смирновым, бесшумно растворилась за моей спиной.

Пока парторг наливал стакан и пил большими глотками холодную воду, я перевёл дыхание и хотел было сказать, что партбилет выскользнул из руки Савельева сам...

В этот момент Смирнов снова потянулся к графину, а мне показалось, что графин, как противотанковая граната, может полететь в мою сторону, и я оставил свой уязвимый рубеж...

Вернулся я с Тверского бульвара только после бутылки армянского портвейна, когда в окне парткома, смотревшего на старый московский бульвар, уже исчез силуэт знаменитого своей искренностью писателя.

В коридоре меня встретила обаятельная сотрудница из учебной части, подвела к доске объявлений, элегантно указательным пальчиком с розовым листком маникюра показала на серый листок, приштиленный к поцарапанной фанере железной кнопкой.

– Читай!

За время учёбы в Литературном институте Союза писателей СССР я ничего лаконичней и содержательней на доске объявлений не читал, а вот повезло и прочёл: «Студента Прядкина из института отчислить». Ещё на Тверском бульваре, потягивая, как через соломинку, из горлышка литровой бутылки портвейн, я прикидывал варианты экзекуции, но и предположить не мог, что моя преддипломная практика продлится четверть века.

Спустя именно столько лет, уже в восьмидесятых годах, из института пришла бумага, из которой я узнал, что для получения диплома мне предлагалось вернуть в учебную часть зачётную книжку и студенческий билет. Выходило, что мою «практику» «успешно» зачли.

«Нет! – сказал я себе. – Диплом мне не нужен. А в зачётной книжке фамилии моих учителей, и за каждой фамилией стоит в моей памяти живой человек, хотя уже и не существующий на этом свете. Нет! Ни зачётной книжки, ни студенческого билета я до самой смерти никому не отдам. После смерти видно будет, где им быть...».

Правда, моя вторая жена Нина Ивановна, окончившая факультет журналистики Московского университета, всё-таки упростила меня однажды выяснить ситуацию с «дипломом».

– Ну что тебе стоит съездить в Москву? Евгений Евтушенко тоже получил диплом недавно. Лет через двадцать после исключения.

– То Евтушенко, а я Прядкин! Евтушенко знает весь мир. А меня – кто?
– А как же Сергей Залыгин написал рассказ «Чехов в наши дни», где мы с тобой, как главные действующие лица?

– Как? Накатило вдохновение, сел за стол, взял ручку и написал!

Всё-таки я поехал в Москву. Благо, что журнал «Новый мир» находится рядом с памятником Пушкина, а я просто соскучился без зримого образа первого поэта России. Поклонившись Пушкину, зашёл в редакцию «Нового мира». Залыгина ещё не было, и я зашёл в отдел поэзии, где мне дали телефон Юрия Кузнецова, с которым мы бродили по Краснодарским вокзалам, газетам и пивным, вместе поступали в пединститут и вместе через два года его покинули.

К обеду явился Залыгин, и меня пригласили в кабинет главного редактора. Я в двух словах объяснил ему цель своего визита.

– Так как же называется рассказ? – переспрашивал он меня.

– Рассказ называется... – начинал я и неожиданно срывался в чёрную пропасть памяти, где меня встречала мёртвая тишина и пустота. Я безуспешно старался найти хоть какие-нибудь ориентиры, чтоб напасть на след рассказа, но моя безупречная память, которой я привык доверять самые сокровенные мысли, оказалась в «вечной мерзлоте». Сибирские морозы, видно, доконали самое ценное в человеке – память.

«И какая весна мне теперь поможет?» – думал я, возвращаясь на ожерельевской электричке к своей незабвенной Нине Ивановне в Ступино...

Имена с трагическими судьбами

Двадцать восьмого октября шестьдесят восьмого года я сдал зачёт по спецкурсу «Творчество Эрнеста Хемингуэя». Двадцать девятого «спихнул» «Основы искусства». Я повторил рассказ Коржавиной (ей же!) о том, что когда в Гаване показывали фильм «Коммунист», то кубинцы изрешетили из автоматов экран, спасая от банды недобитых буржуев и капиталистов, а порусски – кулаков, преданного делу революции активиста. Тридцатого сдал ещё один спецкурс «Творчество В.В. Маяковского». Вот мой Краснодар Маяковский обидел зря, назвав его «собачкиной столицей». Во всяком случае, я там никогда ни одной шавки не видел, за исключением волкодавов. Но ведь волкодав не собака, а зверь! В тот же день прочёл критику В. Чалмаеву, в силу своих возможностей, обзорную лекцию о судьбе украинской литературы. Он сделал вид, что всё понял, и, не глядя, расписался в моей зачётке, которая, слава Богу, хранится ещё у меня, несмотря на неоднократные требования учебной части вернуть её в институт. Однажды я получил даже такую бумагу: «Уважаемый тов., предлагаем вам сдать в учебную часть Литературного института им. А. М. Горького при Союзе писателей ССР зачётную книжку и студенческий билет, так как вы не получите диплома».

Нет, дорогие мои сотрудники института, ни зачётную книжку, ни студенческий билет я вам не верну, а диплом мне уже не нужен. Ректор Евгений

Сидоров так и сказал мне: «Зачем тебе диплом? Пиши без диплома!» Золотые слова... Ведь диплом хоть к чему-то, но обязывает. А быть обязанным и писать я не могу... врать начинаю.

Почему я полюбил писать стихи? Да потому что стихосложение не отвлекает от физического труда! Но замечу, не от такого, каким ставили свои рекорды стахановцы. Конечно, когда ты весь, как говорится, «в мыле», тут не до рифм и размеров. А вот когда работаешь по-человечески, здесь никаких границ между мышцами и извилинами в мозгу. Здесь человек, как я думаю, един, словно всё мироздание.

Первое стихотворение, которое было опубликовано в «Комсомольце Кубани» (краевая молодёжная газета), я сочинил, сидя на пеньке с топором в руке (за хатой у нас была куча хвороста, который надо было перерубить на отрезки, дабы не помять ветки на колене перед открытой топкой), и называлось «Топор». Лет через тридцать я попробовал развить тему «Топора» в одноимённой поэме, которая увидела свет, благодаря редактору «Каширских известий» Алевтине Гришиной.

Не отходя от кассы, если так выразиться, признаюсь, что из чемодана написанных мной стихотворений «вышли» только те, о написании которых я и не мечтал. И это уже не только моё мнение.

Прозу я не люблю, так как она непредсказуема. Ну, а если у тебя ещё и огромный словарный багаж, тогда вообще полный мрак. Тот, кто «знаком» с русской речью, тот должен представить бездонную могилу.

В обиходе мы, как правило, пользуемся двумя-тремя десятками слов. Например: где взять, куда сбегать, пропить, проесть и т.д., и т.п., но без длинного, уверяю, многоочия. Ну, а если рядом нет начальства или любимых женщин, круг наших слов-символов уменьшается до воробьиного чириканья.

Мне пришлось в пятьдесят шестом году попасть в одно из хирургических отделений многочисленных больниц Краснодара. Раны (ножевые) быстренько «заштопал» хирург Куракинский, и через две недели я уже лежал в общей палате и жил её жизнью. Рядом лежал пожилой, высокий, с крупными чертами лица мужчина по фамилии Метла (я дружил с его сыном Виктором), которого часто, но с уважением называли «веником». Не все, правда, а те, чьи дни на белом свете уже были сочтены...

Лежал в палате и белокурый парень из станицы Динской, этакий вольнолюбивый, независимого вида потомок запорожских казаков. И он тоже позволял себе «путать метлу с веником», что очень не нравилось Метле.

Казачок ежедневно писал письма в станицу, своей коханой, писал мучительно долго и много. И в это время палата замирала. Однажды Метла, как бы между прочим, спросил парня:

– Что ты там опять нацарапал?

Казачок бросил подозрительный взгляд в сторону Метлы.

– Как это «что»? Жив, здоров, скоро приеду...

– Ну, а как у тебя аппетит? Как температура, давление?

– Конечно, сообщил, – уловив сочувствующую интонацию, подтвердил белокурый влюблённый.

И тут произошло необъяснимое. Метла поднялся с койки и зло произнёс:

– Лопух ты! Кто же такое письмо невесте пишет, а ещё казак, запорожец...

– А что, что-то не так? – выбитый из седла, удивился парень.

– Да ты знаешь, что такое письмо? – нарисовал огромный вопросительный знак в воздухе Метла. – Письмо есть наиглавнейший жанр литературного искусства. И имя ему – эпистолярный! Слышал об эпистолярном жанре? Эх, горе-казак! Ну, вспомни, как твои предки писали письмо турецкому султану.

Метла ходил между коек от окна к раскрытой в коридор двери и громко, но без крика, рассказывал, о чём писали запорожцы султану. Рассказывал так, словно сам принимал участие в составлении письма. А тем временем в палату зашли не только свои больные, но и ходячие из других палат. Появились и нянечки с медсёстрами.

– Влюблённый должен говорить стихами, ясно?

– Для поэзии необходимо вдохновение, без него стихов не сочинишь, – заметил приподнявшийся на локтях командир спортроты. Метла чуть не подбежал к нему. И, нагнувшись, спокойно спросил:

– А разве вам, товарищ капитан, неизвестно, что любовь – это и есть вдохновение? Чему же вас учили в высшем учебном заведении, неужели только бросать гири, толкать штанги и бегать от самих себя?

...Умер Метла от белокровия за несколько дней до моего выхода из больницы.

Нина Петровна Утехина...

Раскрываю зачётную книжку студента Литературного института им. А.М. Горького при Союзе писателей СССР. Второй семестр 1963-64 учебного года. В графе «наименование дисциплин» читаю: «Современный русский язык». Чёрным по белому. Буквы почти прямые, крепкие, словно срубленные тесины. Просто и прочно. Почерк русской женщины. Такой почерк, видно, стал в фундаменте графологии – учении о наших попытках красиво и правильно при помощи букв излагать свои мысли на бумаге. Согласно учению, почерк отражает свойства характера и психическое состояние пишущего. Что до Нины Петровны Утехиной, то здесь учение оказалось на высоте. Ко всему прочему, Н. Утехина курила только «Беломорканал». Курильщикам такой штрих расскажет ещё больше, чем учение о почерке.

Итак, современный русский язык. Нет, я даже не рискну сделать попытку на обзорную лекцию о таком «предмете». Да и предмет ли – наш великий, могучий и свободный? Если бы мне сегодня пришлось сдавать Нине Петровне экзамен, я без запиночки ответил бы, что современный русский язык есть Бог. Ибо только Он воистину и велик, и могуч, и свободен.

Это она, Нина Петровна Утехина, ошарашила меня в шестьдесят третьем году сообщением, что ни один диктор Центрального телерадиовещания не говорит по-русски. И я, в своё время сказавший зам. декана факультета журналистики МГУ Элеоноре Анатольевне Лазаревич не «труссы», а «трусым», стал чувствовать себя среди москвичей спокойнее. Шутка ли: в те годы в моём лексиконе «цыганских, украинских, еврейских и т.д.» слов было больше, чем этого требовал даже мой Краснодар. Попробуй с таким «языком» учиться в Литературном институте!

Чтобы рассказать об обещанном эпизоде, необходимо напомнить, что Н. Утехина преподавала ещё и на филологическом факультете МГУ, и в большую перемену ей приходилось «лететь» оттуда к нам, в Дом Герцена на Тверском бульваре. Обычно она «долетала» вовремя, но в тот день появилась в аудитории после звонка. Подошла к окну. Раскрыла его, а когда чуть-чуть отдышалась, извинилась перед нами за опоздание и попросила разрешения закурить. Вместо разрешения Назар Васенёв спросил:

– Нина Петровна, если не секрет, почему вы опоздали? Мы чуть не разошлись, ожидая вашего прихода.

– Да уж какой тут секрет, Васенёв! Возле главпочтамта наскочила случайно на треногу, загораживающую люк. Из люка лицо высунулось, кричит мне: «Ты что, такая-сякая, совсем ослепла, не видишь, что люди здесь работают?» Я попросила прощения: мол, так и так, тороплюсь очень, меня поэт ждёт, рыбак бывший, Назаром зовут, по фамилии Васенёв. А тот, что высунулся, мимо ушей пропустил всё, да как скажет мне парочку слов горячих, аж прохожие как вкопанные остановились. Такая обида взяла! «Ну, получи и ты», – думаю. И вместо двух – два десяточка ему выдала. Исчез мужичок мой под землю, а я вперёд. Дохожу до гастронома «Армения», слышу голос: «Гражданочка, остановитесь, пожалуйста!» Оглядываюсь – знакомый мой. «В чём дело?» – спрашиваю. Я ведь почти не сомневалась, что у него после моих слов в руках монтажка или ломик будет. А он, как банный веничек, распарился. Подошёл поближе и просит: «Повторите, ради Бога, как вы там мне сказали. Я и Крым, и Рим повидал, но такого не слышал!»

– Повторили? – интересуется Назар весело.

– Нет... – качает головой Утехина и закрывает окно.

– Нина Петровна, а мне повторите?

– Вот защищу докторскую, тогда видно будет...

Докторская диссертация Утехиной, как я слышал, была связана с провинциальными говорами и диалектами. Успела она её защитить или нет, я не знаю. 8 марта 1965 г. «Литературная газета» поместила некролог, где было сказано, что Нина Петровна Утехина покончила жизнь самоубийством...

Московский поэт Виктор Парфентьев, кстати, сын того легендарного Ивана Парфентьева, основателя советского МУРа, как-то после одной из лекций сказал мне:

– Знаешь, следующую свою книжку я так и назову: «Биография слова».

Я тут же, стараясь выразить признательность Нине Петровне за её интересные лекции, передал ей слова Парфентьева, на что Утехина реагировала совсем грустно.

– Ты скажи Виктору, – сказала она сердито, – что своё желание он должен был исполнить, когда сам учился. Ведь ни он, ни Евтушенко лекций моих не посещали регулярно. Откуда же им знать, что о каждом русском слове можно написать гораздо больше интересного, чем сборник стихотворений.

...Классическим примером единства творчества и личности могут служить поэты Николай Анциферов и Николай Рубцов. Их судьбы – судьбы воистину достойных русских поэтов.

С Николаем Анциферовым меня успел познакомить в редакции «Комсо-

мольца Кубани» Эдуард Медведев. Успел, потому как встреча была неожиданной и быстротечной. Николаю Анциферову требовались деньги, чтобы доехать до Москвы, и он рискнул обратиться к журналистам краевой «молодёжки». Между прочим, Краснодар был «палочкой-выручалочкой» для многих литераторов, возвращавшихся с Черноморского побережья. И Анциферов не стал исключением. Надо было видеть радость на его лице, когда Э. Медведев и тогдашний редактор «Комсомольца Кубани» Виктор Ведута выручили его. Анциферов ведь был не один, а вместе с женой.

Невысокий. Плотный. С добродушным, курносым лицом. Руки, привыкшие к отбойному молотку и шахтёрской лопате. Слова, как уголь. Некрасовская искренность и правдивость, радищевская боль за всё, что творилось вокруг.

Медведев уже после ещё и ещё раз рассказывал в кабинете своего друга ответсека газеты И. М. Ждан-Пушкина, как он шёл по коридору (довольно-таки тёмному, как и все коридоры казённых домов) и вдруг увидел, что возле редакторских дверей, понуро опустив голову, стоит Коля, тот самый, который написал по-шахтёрски просто и зримо:

...Я работаю, как вельможа,

Я работаю в шахте лёжа...

Вот и весь поэт! Вот и вся поэзия! Не прибавить и не убавить. Какой другой из известных мне поэтов сказал бы так? Пока никто! Дело здесь не в игре слов. Вся соль там глубже, настолько глубоко, что если туда проникнуть, то всем станет понятно, как зарабатывается кусок хлеба. Оказывается, что суть может быть рассмотрена не только сверху, но и снизу. И если сверху видней, то снизу – ясней.

Позже, в Москве, на Малой Бронной, я не однажды слушал эти строчки из уст самого автора. На Малой Бронной мы собирались в буфете какого-то учреждения, служащие которого ничем от студентов Литературного института не отличались. Брали те же салатики, те же разогретые котлетки «из хлеба в сухарях», те же гранёные стаканы с мутным компотом. Только студенты (то есть мы) брали всегда на один стакан компота больше, чем усаживалось нас за столиками (иногда сдвигали два, иногда три). «Лишний» стакан сразу выпивал тот, у кого душа горела сильнее, и уже в пустой разливалась принесённая с собой водка. Есть у Дмитрия Кедрина строчки:

У поэтов есть такой обычай –

В круг сойдясь, оплёвывать друг друга.

Но такого среди «поэтов от Бога» никогда не было и не будет. Другое дело, если вдруг садятся склочники, сплетники, политики, рыночники. Поэтам делить нечего. За них проблему «равенства» решил сам Господь. Раз и навсегда. А уж национальность тут и вовсе, как «пятое колесо в телеге». Поэт, конечно же, интернационалист в идеальном смысле слова, в его «божественном» понятии. Киплинг, Бодлер, Есенин, Пастернак, Гумилёв... Да разве поэзию волнует, что один – англичанин, другой – француз, третий – русский? Поэзию волнует красота и мысль. Иногда больше – красота. Иногда больше – мысль. Но никогда – уродство и безумие.

После того, как Николай Анциферов однажды прочёл свою поэму «Нахаловка», два офицера-подводника налили ему из своих бутылок по полному

стакану и поставили их перед ним. И ещё в качестве «гонорара» каждый протянул ему руку...

Николай Анциферов был ополченцем Истины. Как человек и как поэт он неразделим. Гражданское и поэтическое в нём сливались воедино.

Последний раз я встретился с Николаем Анциферовым на крыльце Дома Герцена. В институте намечалась встреча московских поэтов с поэтами-студентами. Вероятно, встреча состоялась, но ничего сказать о ней не могу, так как, не дожидаясь начала, вышел из скверика на Тверской бульвар и пошёл вниз, к Никитским воротам. Зачем? Одному Богу известно. Просто поддался настроению, которое в тот час не нуждалось в стихах.

Я стоял на крыльце, как раз на том месте, где за моей спиной на чёрном стекле золотились большие буквы, говорящие о том, что здесь находится Литературный институт им. А. М. Горького при Союзе писателей СССР. И вдруг рядом со мной оказался он – Николай Анциферов. Не подошёл, а взял и появился. Появился и прошёл в здание. Я смотрел ему вслед. На лестничной площадке он остановился у раскрытых дверей в актовыв зал, но порог не переступил. Был он без головного убора, в пальто с поднятым воротником. Постоял, словно о чём-то раздумывая, и быстро начал спускаться к выходу. Я отступил к стене и замер. Какое-то чувство внутри меня требовало, чтобы я его догнал. Какое-то другое – умоляло стоять на месте и не окликать уходящего. Я не догнал и не окликнул... А через несколько минут и меня несли ноги неизвестно куда и зачем.

Поэт Николай Анциферов застрелился на квартире у одного из своих друзей. Его и там не остановили и не окликнули...

Перед новым 1992 годом радиостанция «Радио России» пропустила в эфир песню на слова Николая Рубцова «В горнице моей светло...».

Мне посчастливилось слушать эту песню в авторском исполнении в большом студенческом общежитии нашего института, где жили и преподаватели, и даже слушатели Высшей школы милиции (и те, и другие песню, конечно, не слушали, и, на мой взгляд, многое потеряли!).

В одной из многочисленных комнат, где жил Рубцов (он мог менять комнаты как перчатки), под вечер собирались (не собирали!) наиболее «смелые» и «храбрые» поэты, и начинался... сбор денег. У кого сколько есть. Потом посылались гонцы в гастроном за килькой и хлебом. На оставшиеся деньги покупали что-нибудь выпить. При мне брали только «Кубанскую». Александр Говоров, так я думаю, поэтому называл меня Кубанским, хотя пили мы с ним при встречах «Кубанскую» меньше всего. Он предпочитал «Польскую». Тогда возле метро Новослободская «Польская» водка была в каждом магазине.

И вот когда наконец-то «круг первый» был пройден, переходили к пище духовной.

– Так, тихо! – говорил Николай Рубцов. – Стихи читает... – взгляд его падал на Валерия Алатырцева, – Саратов!

Алатырцев умел декламировать. Весь выкладывался. Высокий. Крепкий. С большими боксёрскими руками. Он целиком «входил» в стихотворение. И оттуда, изнутри, из самой что ни на есть сердцевины, не спеша, скрупулёзно и

с какой-то страстью поскорее добраться до сути, выбирался наружу, к слушающим, к каждому из нас.

Примерно так же читал стихи Виктор Дронников из Тулы. Работал, как на «ринге». У него было одно выигрышное во всех случаях стихотворение «Плац-ринг». Сюжет стихотворения такой. На занятой немцами территории устраивается встреча боксёров. С одной стороны профессиональный спортсмен, прибывший из Германии, с другой – пленный красноармеец, бывший шахтёр Лёшка.

«Оккупация. Шпарит фокс. На заборах афиши – Бокс», – начинал с явной обидой в голосе Виктор. В первом же раунде Лёшка получает нокдаун. И тогда зрители, которых под автоматами согнали на это позорное зрелище, встают со своих мест и просят, умоляют Лёшку подняться, подняться и отомстить дородному «тумбе» с надменной улыбкой, хозяйничающему на ринге. А у Лёшки нет сил встать на ноги, и в глазах беспросветный мрак. Но «болеельщики» продолжали молить: «Лёшка, милый, вставай, вставай! Лёшка, милый, давай, давай!» И Лёшка встаёт. Ему нельзя не встать. Страсть и гнев, месть и справедливость «надевают» боксёрские перчатки истощённого, униженного парня. Лёшка входит в клинч... Да, это самоубийство, но это и прежде всего победа над наглостью, вероломством, злой силой.

Я вот сегодня думаю, где были в такие «вечера поэзии» наши кинодокументалисты? Сколько загублено киноплёнки на торжественные бутафорные наряды и торжества, и ни одного кадра, запечатлевшего, скажем, Виктора Дронникова или Петра Шмакова из Кемерово, Али Алиева из Ташкента и, разумеется, Коли Рубцова с гитарой.

Не могу сказать, что Рубцова можно считать гитаристом. Певец из него также был посредственный. Но его поэзия была совестью русского человека, на котором держится наша жизнь.

Гитара была не концертной. И Николай был не во фраке. Те, кто его окружали, знали, что он поёт негромко, и поэтому замолкали. А после первого касания струн становилось ещё тише. Но это сказано не точно. Наступала, я бы подчеркнул, какая-то земная тишина, безмолвие и немота, но не кладбищенская, могильная, а тишина ночных степей, когда говорят лишь звёзды. Один из сборников стихотворений Рубцова так и называется «Звезда полей». А эти его знаменитые строчки:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...*

Ну, что здесь можно добавить? В чём загадка, тайна, секрет стопроцентной воспринимаемости спетого? Да это, прежде всего, простота и ясность. Никаких орнаментов и прилагательных. Но что ни слово – символ. Смотрите: горница, свет звезды, матушка, ведро, вода... С каждым словом связано перво-родное понятие о жизни. О той жизни, от которой мы всё дальше и дальше безвозвратно уходим.

Поэтов вообще сравнивать нельзя. Мол, этот поэт – так себе, а этот – классик. Здесь я поддерживаю Бориса Примерова. В году шестьдесят третьем мы с ним выглядывали из открытого окна общежития, любуясь Останкинской телебашней, которая росла на наших глазах восемьдесят пять сантиметров в сутки. Неожиданно Примеров сказал:

– Была бы моя воля, я бы все подряд публиковал стихи.

– Но ведь есть и плохие стихи. Как их публиковать? – возразил я, не особо вникая в суть слов Примерова.

На это он ответил мне примерно так:

– Плохих стихов нет, есть плохие поэты...

Невысокий, с глубокой залысиной, в свитере ручной вязки, с лицом, знавшим чужие кулаки, и с глазами деревенского жителя, всегда ждущими чуда, с семистрункой без одной, а то и двух струн, он и сегодня идёт в моей памяти по длинному коридору общежития и, остановившись возле своей комнаты, зовёт меня в гости. А ведь только вчера я с ним из-за этой гитары крепко поругался, потому что гитару дал мне хозяин на полчаса, но Николай и через три отдавать её не собирался. И вот приглашает к себе: «Приходи, сегодня я за неё отвечаю... наиграемся вволю...».

Лично я перечитал много разной литературы о поэте Николае Рубцове. И везде одно и то же: бедность и нищета, скитания и безысходность, и всему венец – трагический конец... Он мечтал остаться наедине с Россией. И он остался с ней, как на исповеди...

«Я умру в крещенские морозы», – писал Рубцов. Вот уж дались нам эти «морозы-берёзы», хуже некуда.

В ту зиму, когда не стало Николая Рубцова, в Ступино приехала творческая бригада Литинститута. Я уже работал в многотиражке строительного треста «Мособлстрой-4». Директор Дворца культуры металлургического комбината Игорь Долгополов позвонил мне и предложил выступить вместе со студентами перед рабочими коллектива города. Я с удовольствием согласился. И сразу же поехал в Соколову Пустынь, где на турбазе обосновались литераторы. Из преподавателей помню только профессора Михаила Водолагина и Ивана Чиркова.

Водолагина я знаю потому, что у него была очень красивая дочь, работавшая в институте лаборанткой или ассистенткой, а Чиркова – как фотолетописца институтской жизни. У знакомого студента (теперь он мурманский поэт) спросил, выбрав удобную минутку, что случилось с Рубцовым.

– Я и сам этому не верю, – сказал В., – но «истина дороже»... Ты же знаешь, как он жил? По такой жизни скатиться вниз, как с горки на салазках (мурманчанин когда-то был до поступления в институт таксистом, так что объяснял мне самые острые выражения последних дней Рубцова легко и доходчиво). А как ему было не скатиться? Москва, сам знаешь, какой город, кругом всё увязано, схвачено, забито, везде только связи, блат, круговая порука. Ну, поддержал его в «Октябре» Николай Агеев, а дальше? Да ему гонорара домой не хватало добраться. Душа нараспашку, морская...

– Ты мне расскажи, что случилось, – с нетерпением перебил я.

– Я и сам этому не верю... – виновато произнёс В., – но его задушила...

жена... Понимаешь, у него был скандал, а пьяный, он и есть пьяный, стал бросать горящие спички...

– В неё, что ли? – не выдержал я.

Студент кивнул головой, потом добавил:

– Говорят, что ему поставят памятник...

Благодаря землякам поэта памятник Николаю Рубцову в России есть.

Если уж я осмелился передать рассказ В. о гибели Н. Рубцова, то будет подлостью не сказать следующее, дабы очистить от грязи русского поэта, хотя он в подобном и не нуждается. Рубцов – жертва беспредела шестидесятых годов. Прилив человеческого отчаяния, повлекший за собой крушение личности (а как личность Рубцов уже состоялся), является непредсказуемым делом «случая», который произошёл (так уж вышло) между двумя близкими людьми. Но ведь (если верить В.) и женщина находилась в отчаянии. Её-то, выходит, так же касались проблемы тех лет и тем же, как ещё говорят, концом. Самые прекрасные и самые ужасные деяния человек совершает, находясь в нечеловеческих условиях...

«Народный артист»

В пятницу 20 июля 1990 г. «Вечерняя Москва» в рубрике «Московские родословные» опубликовала воспоминания Т. Языковой «Где-то там далеко за горами...» – типичный рассказ жертвы сталинских репрессий. Рассказывая о своей неудачной судьбе, Т. Языкова пишет: «Поступила на театроведческий факультет ГИТИСа, окончила курс без единой тройки и стала театроведом. Но в управление театров пришёл новый начальник – небезызвестный В. Ф. Пименов, обласканный в период сталинизма и застоя, и немедленно выгнал меня...».

Помнится, как Владимир Фёдорович Пименов, в руках которого находился весь театральный репертуар СССР в сталинские времена и который в хрущёвские довольствовался учёным званием доцента и должностью нашего ректора, почти «всю власть употребив», заставил войти меня в аудиторию с целью моего «воспитания» на живом примере. Аудитория была большая, а народу в ней – мало. Намечалось очередное «промывание мозгов». Да не какому-то там нерадивому студенту, а преподавателю Владимиру Чалмаеву, ведущему на моём курсе специальный семинар по украинской литературе, профессиональному критику.

Немного о В. Ф. Пименове. Только то, что слышал от него лично или видел, как он поступал. Дело в том, что это был прежде актёр! Я его сравнивал с Петром Алейниковым, сыгравшим бессмертного Ваню Курского. Только Пётр Алейников – артист из народа, а Владимир Пименов – народный артист, то есть признанный и призванный играть роли, указанные «свыше».

Говоря откровенно, я никогда не мог уловить, где он лицемерил до издевательства, а где возвышал до убийства.

Мне следует добавить к портрету Пименова следующее: меня он «выгнал» дважды! Но если первый раз за моей спиной были Владимир Солоухин и Владимир Чивилихин, то второй раз я оказался с Пименовым один на один...

Владимир Фёдорович – ректор Литинститута. Я – студент...

Правда, в 1989 г. я сделал последнюю попытку восстановиться на пятом курсе, вернее даже не восстановиться, так как весь курс учёбы был закончен, а защититься, но Евгений Сидоров с сожалением ответил: «И рад бы помочь, да есть инструкция, чтоб перерыв от отчисления до восстановления был не более пяти лет. И зачем тебе диплом? Пиши без диплома!»

Конечно, в моей жизни диплом об окончании Литинститута при СП СССР уже мог быть, как мёртвому припарка, но всё-таки для утешения самолюбия он мне был необходим.

С Пименовым я беседовал «с глазу на глаз» не только дважды, когда решался вопрос об отчислении меня из института, но и в «промежутках», и я не хочу сказать, что эти беседы были скучными.

Сказать, что я ненавидел ректора из-за каких-то репрессивных ко мне мер с его стороны, было бы несправедливо. Но и уважать не мог из-за его... походки.

Это была царственная походка. Не походка царя, а именно – царственная, когда вокруг важно шествующего суетится челядь, прислуга, чиновники и «вся царская рать», во всём стремясь угодить «шефу», а самое противное и ужасное – ему подражать. К счастью, среди преподавателей и руководителей семинаров «подражателей» было не так уж и много. Но что удивительно, их было гораздо больше среди студентов. Но не хочу называть фамилий из-за поговорки, которую и сам повторяю часто: «кто прошлое помянет – тому глаз вон...».

На Большой Никитской

Эссе

На Большой Никитской, радость не тая,
Я стоял с запиской: «Приходи! Твоя...».
О, как я крутился, словно шар земной,
А любовь стояла молча за спиной.

На Большой Никитской, возле ЦДЛ,
Я из группы риска выбрал, что хотел.
Думал – обойдётся, думал, без следа,
Думал, не вернусь я никогда туда.
На Большой Никитской возле фонаря,
Я стою с пропиской в новых прохорях,
А любовь, как прежде, вовсе не со мной –
Слышите, смеётся громко за спиной.

На Большой Никитской в доме полста три
Вдохновенье к счастью больше не продлить.
Вновь я по столице, как король, хожу,
Да вот с этой песней весело дружу...

С песнями у меня получалось неплохо, выручал голос «под Сличенко», а вот со стихами – хуже. Только после двух-трёх попыток я начинал окончательно представлять, о чём хочу написать, но всё равно не всегда выходило, не получалось так, как я хотел. Надо сказать, что «поэзия – это выбор из группы риска»... и меня это всегда угнетало.

Все мои посещения Большой Никитской были посещениями спонтанными, то есть, если объяснять при помощи фени, то в них присутствовал «понт», как бы игровое начало, не имеющее серьёзных последствий. Ну, пришёл... ну, ушёл...

Однажды я даже попал в круг именитых писателей, вместе с которыми выступал в актовом зале ЦДЛ.

Вечер вёл популярный в то время поэт Лев Ошанин, автор текста «Гимн демократической молодёжи». Учёные словесники к тексту отнеслись с глубокой признательностью, так как этот гимн помог правильно, с ударением на ё, произносить слово «молодёжь», а не «момлодежь», как произносят ещё и сегодня.

Я сидел самым последним за длинным столом президиума, и когда Ошанин назвал мою фамилию, я поднялся и, не сходя с места, прочёл два стихотворения, опубликованных в альманахе «Кубань», других стихотворений наизусть я в то время просто не знал...

Последний раз я попал на Большую Никитскую также с «понтом».

Опоздав на первую пару лекций, я спокойно прогуливался в скверике дома Герцена и вдруг заметил идущего с Тверского бульвара Константина Симонова. Симонов жестом подозвал меня:

– Студент?

Я кивнул головой.

– Поехали в ЦДЛ, венки Илье Сельвинскому отвезём.

Вот так я с шиком, на чёрной «Волге» с бегущим оленем на капоте, с траурным венком в багажнике подкатил к «олимпу» советской, самой передовой в мире литературы, где чествовали рождение новых романов и поэм и провожали с душераздирающей музыкой их авторов.

Иногда эти авторы, чтоб остаться незабвенными в памяти читателей, из-за неимения средств купить писчей бумаги писали на стенах свои собственные фамилии и псевдонимы. В начале шестидесятых годов минувшего века всю эту «наскальную» рукопись венчал автограф Евгения Евтушенко, и никого это не удивляло, поскольку поэт живо откликнулся на злобу дня. В ту пору было «последним писком» моды быть впереди планеты всей...

Однажды семинар Сергея Поделкова решил отметить день рождения своему руководителю. Алексей Неберекутин, который был в семинаре Поделкова, пригласил в ЦДЛ и меня.

Сдвинули два стола, заказали закуску, выпивку купили по пути, начинаем произносить пожелания юбиляру, и в этот момент к Поделкову подходит Евгений Долматовский, что-то говорит, обнимает и теряется в «кабацком угаре»...

Сергей Поделков садится и рассказывает нам ходившую в литературных кругах считалочку. «Я Евгений, ты Евгений...». Смеётся и говорит:

– Узнали, кто сочинил эту считалочку?

Меня подмывает прочесть стихотворение Егора Полянского, но Неберекутин осаживает «Ну что, разве тебе не ясно, кто есть кто?»

Парадные двери ЦДЛ сделаны так, что в обычные дни в здание можно попасть только через один «вход и выход». Между ними есть тамбур. В этом тамбуре особенно продвинутая группа московских абстракционистов устраивала показ своих работ литераторам, надеясь снискать понимание и сочувствие у «братьев по несчастью», поскольку и среди литераторов находились модернисты (к примеру, «Треугольная груша» Андрея Вознесенского).

Однажды в тамбуре образовалась пробка. Оказавшись в ней, я старался рассмотреть изображения (отражения далеко не зеркальные) «хрущёвской» жизни...

До сих пор стоит в глазах аллюр красной конницы Красной площади в центре планеты, имеющей, как известно, форму шара. По этой «картине», выполненной на раздавленной коробке из-под маргарина, можно было судить о таланте художника, бескомпромиссного, владеющего карандашом, словно он родился с ним в руке...

И всё бы обошлось, если бы не чересчур острое зрение невзрачного старичка с резким, петушиным голосом: «Да вы обратите внимание на шлемы всадников!»

И любознательные обращали внимание, и останавливались, спрашивая у автора, почему вместо красной звезды на будёновках фашистский знак.

Вскоре подъехал милицейский «УАЗик» и парня забрали давать объяснение в отдел. Пробка рассосалась, и я вышел из суеты сует...

Преданья старины

Эссе

Родившись в кубанских степях, я не мог не полюбить главную их достопримечательность – степных лошадей. Уже в раннем детстве я лихо распевал песню на стихи Михаила Рудермана:

*Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Пулемётная тачанка,
Все четыре колеса-а-а!*

А после Великой отечественной гордо пел на всю заросшую бурьяном улицу песню на стихи Цезаря Солодаря:

*По берлинской мостовой
Кони шли на водопой,
Шли, потряхивая гривой,
Кони-дончаки...*

В юности мне полюбилась песня: «Едут с товарами тройками-парами муromским лесом купцы...» (слова Александра Вельмана). Когда же научился

бренчать на семиструнной, то почему-то влюбился в знаменитую «Пару гнедых» (слова Алексея Апухтина).

Мой земляк, писатель Виктор Лихоносов, прославившийся своим романом «Мой маленький Париж», рассказал, сколько лошадей погибло во время двух последних войн – миллионы! Но гибли лошади и в мирные времена.

Мне однажды пришлось наблюдать, как загоняли вокруг столба колхозного коня, а затем, обессилевшему, нанесли предательский удар ножом в грудь...

Не очень «триумфальным» был мой переезд из Москвы в Ступино, а после – в Семёновское, но я быстро освоился там, узнав, что придворный графа Орлова Александр Гурилёв в 1853-м году сочинил один из лучших русских романсов «Однозвучно гремит колокольчик». Слова написал ямщик «срочной службы» Иван Макаров, который, сопровождая ссыльных в Сибирь, замёрз в дороге. Макарову был тридцать один год. В его ямщицких пожитках были обнаружены рукописи, среди которых и стихотворение «Однозвучно гремит колокольчик».

В конце шестидесятых годов прошлого столетия усадьба графа Орлова представляла из себя полнейшее запустение, несмотря на то, что на правом берегу вечно спокойной Лопасни находилась одна из правительственных дач, куда любили приезжать Сталин, Хрущёв, Брежнев...

Один из сотрудников охраны, будучи уже на пенсии и работавший истопником в сельском здравпункте, рассказывал мне, как ему посчастливилось со своим напарником ловить бреднем рыбёшку для ухи Сталину, за что получили по бутылке «белоголовой» из рук генералиссимуса...

О том, как Никита Хрущёв вместе с премьер-министром Великобритании Макмилланом катались по Семёновской на русской тройке, мне рассказывать было не нужно! Сам видал.

Меня долго мучил вопрос, почему Макаров написал, что колокольчик «гремит», а не «звенит» или «поёт». Но, в конце концов, я согласился с тем, что для Макарова поддужный звон был громом, а не пением. Ясность внёс Владимир Солоухин, у которого была целая «ватага» поддужных колокольчиков. Он уверял, что для ямщика Макарова эти колокольчики действительно гремели: тройка у него была с «мигалкой» и с «сиреной», потому как государственная, то есть казённая, и без этих «спец» появляться на дорогах ей запрещалось.

– Ну-ка, если я у тебя над ухом целый день звенеть буду, – спрашивал писатель, – назовёшь ты это пением?

В часы меланхолии я выходил на дорогу, ведущую в Михнево, и долго шёл по ней в надежде услышать, как «однозвучно загремит» за моей спиной какой-нибудь автомобиль, который подбросит меня до платформы, а там ...Москва!

«Подумаешь, невидаль какая – Москва! – говорю я сам себе сегодня, через полвека после того, как оставил графское имение с искусственными прудами и парками. – Да кому могут приносить радость бесконечные подземные лабиринты с летящими, как огненные стрелы, поездами, подчиняющимися электрическим сигналам и не слышащим человеческого голоса...».

То ли дело село Семёновское! Стоит только войти в лес и окликнуть его, как отзовется сосновый бор и зашелестят густыми кронами столетние липы, под которыми крепостной композитор графа Орлова мечтал получить вольную.

Всё-таки мне удалось однажды воскресить «преданья старины глубокой». Это было в один из моих приездов в имение. Я обошёл графскую усыпальницу с чёрным проёмом входа в подземелье, спустился к барским хоромам с заколоченными окнами и коваными воротами, кинул взгляд на постройку, где стояла пожарная машина, готовая в любую минуту перерезать путь огню, задумавшему уничтожить правительственную дачу, и, поднявшись через парк на дорогу, неожиданно для себя услышал, как «однозвучно гремит колокольчик». На обочине я остановился, посмотрел на дорогу в оба конца – ни души! А колокольчик всё гремел и гремел...

Пара гнедых

Рассказ

*Среди сирени и жасмина
И в прочих пахнущих кустах
Сидели тихо мы и мирно,
С дворянской песней на устах...*

Автор

Это я уже полвека спустя узнал, что в Санкт-петербургских салонах русский дворянин Алексей Апухтин, никогда не считавший себя поэтом, читал светским барышням одно из лучших своих стихотворений «Пара гнедых» и те слушали молодого человека, затаив дыхание, с покрасневшими щёчками...

Но и в конце сороковых годов прошлого столетия, когда ходили в обносках и ели, что Бог подаст, и было всем не до романсов, мы, станичные пацаны, слушали «Пару гнедых», может быть, даже с большим вниманием и душевным волнением, чем холёные девы знатных вельмож. Только исполнителем этого романса в станичном сквере был, увы, не автор, а вернувшийся из мест не столь отдалённых Борис Николаевич Рябоконт, племянник станичного атамана Шкуро, который был простым казаком и никакого отношения к знаменитому генералу не имел.

Сам Борис Николаевич считал себя почему-то человеком «голубых кровей» и убеждал в этом сомневающихся, показывая свое тело, разрисованное и расписанное наколками до самых бровей. Даже на его веках, когда он к полудню засыпал в тени кустов, виднелась предупреждающая татуировка «Они спят!»

Постоянным местом его жительства, как бы сегодня сказали, была крепкая скамейка за газетным киоском, откуда по утрам слышалось бодрое: «Пара гнедых запряжённых с зарёю...». После этих слов Рябоконт начинал настраивать свою «подругу семиструнную», то натягивая, то отпуская связанные струны, пока кто-нибудь из взрослых не умолял его прекратить это бесполезное занятие и прочесть стихотворение без музыкального сопровождения.

– Купи газету и читай! – недовольно морщился Борис Николаевич, – А стихи декламируют речитативом.

Околпаченный «речитативом» станичник смущённо замолкал, а Борис Николаевич пускался объяснять преимущества поэзии перед другими литературными формами, пока кто-нибудь из его постоянных слушателей не повторял только что слышанные слова: «Пара гнедых, запряжённых с зарёю...». «Тоших, голодных и грустных на вид...» – продолжал самодеятельный артист с впалыми, заросшими седой щетиной щеками и тусклыми глазами, мутными от колхозных вин, которыми торговала в дощатом ларьке бывшая партизанка Верка.

Заметив её белую косынку, что означало: ларёк открылся, Борис Николаевич оживал и начинал петь с надеждой в голосе, перебирая сухими пальцами струны.

*Грек из Одессы и жид из Варшавы.
Юный корнет и седой генерал –
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у неё умирал...*

Алексей Апухтин

Меня всегда приводило в восторг слово «корнет», которое произносилось с каким-то отчаянным, как хруст чёрного шоколада, шиком. Этот юный «кор-р-р-нэт» не постарел во мне до сих пор. Я узнал его сразу, как только открыл томик стихов Алексея Николаевича Апухтина. И ещё я узнал, что племянник атамана заменил слово «засыпал» на слово «умирал»... Конечно, на женской груди достойней «умереть», чем уснуть, похрапывая, с надеждой проснуться «с зарёю» бодрым и здоровым. В этой случав Борис Николаевич давал фору поэту...

Между прочим, я обратил внимание, что стихотворение «Пара гнедых» является переводом из Донаурова, а когда поэт переводит поэта, главное передать мысль первоисточника, всё остальное – бутафория. Но Донауров мог быть и вымысленным лицом, чтоб ввести в заблуждение цензуру. Правда, Александр Пушкин объявил всему свету: «Любви все возрасты покорны!» – так что «седой генерал» к месту. И всё четверостишие с греком из Одессы, жидом из Варшавы и, конечно, с «юным кор-р-р-нэтом» выглядит вполне благовидным даже в сегодняшнее время, где вопросы морали и порядочности стоят выше, чем деньги.

*Рожденье... смерть... и где-то между
Сверкнёт улыбкою без слов
Всему несущая надежду
Необъяснимая любовь...*

Автор

Всё-таки главная мысль стихотворения – судьба двух лошадей, которые были когда-то рысаками и кучеров имели лихих, но старость, как ночь! В её тьме исчезает «хозяйка», могильным сном засыпают её поклонники.

В полдень, когда Борис Николаевич ложился вздремнуть под жасминовый куст, я подавался к Митрофановичу в конюшню, где стояли вороные двухлетки, привыкая ходить в упряжи парой.

Митрофанович во время войны был денщиком у кавалерийского полковника, а после войны возил председателя нашего колхоза Войцеховича, пока колхоз не купил «Победу». Произошло это как раз после того, как Войцехович был награждён орденом Ленина. Кстати, и колхоз в станице Пашковской был имени Ленина.

Митрофанович лежал на линейке под навесом, а вороны аккуратно вытаскивали у него из-под головы стебли люцерны и хрустели зеленью прямо перед ним, а старый казак только улыбался. Я уселся в его ногах и спросил, глядя на «кубанку», которую он снимал только перед вечерей.

– Вот Борис Николаевич поёт: «Пара гнедых... пара гнедых», а какая это масть, я не знаю. А ты знаешь?

Он вскочил, как ужаленный, сдвинул «кубанку» на затылок.

– У кого ты спрашиваешь? У человека, который держался за конские гривы крепче, чем за юбки? Ну, казачок, ты совсем опупел!

Он сдвинул «кубанку» на глаза.

– На кобыле гнедой масти, слышал, ездил только Махно, – продолжал я. – А какого она цвета, эта масть?

– Серо-буро-малинового! А точнее красновато-рыжая, с чёрным хвостом и такой же гривой. Устраивает?

От Митрофановича я узнал, что масть лошади обладает магической силой и может повлиять на судьбу всадника. Например, Пётр Первый имел под собой вороного жеребца, а чёрный цвет подвластен безумству. Ленину вообще были лошади противопоказаны. С тех пор, как был исключён из университета, он ездил в бабушкино именице исключительно на телеге. Иван Кочубей любил коней белой масти...

– Миллионы коней погибли, – поправляя на голове «кубанку», сокрушался главный в колхозе конюх. – Две войны вместе с людьми, бедняги, прошли, а ради чего? Ради кого? Теперь мустангов в Америке покупаем, конезаводы строим... Поверь моему слову, наступит день, когда живого коня будут показывать в Москве, как и Ленина, по особым дням! Ты только своему отцу об этом не говори, а то он меня за такую пропаганду плёткой отлупцует...

...Десятки лет минули с тех пор. Живу далеко от родной станицы. Из моего окна виден двор хлебозавода, заставленный «железными лошадьми». Смотрю на него и как будто жду чуда. Кажется, появится белый конь, как на иконе Святого Трифона, и выведет всех «железных лошадей» за ворота, на свалку, подальше от людей...

А в памяти возникает белый конь, выросший на моих глазах, идущий по гужевой дороге неведомо куда. Рядом с ним появляется ещё конь, но уже гнедой масти, а потом слышится, как бы сказал Пётр Чайковский, друг поэта Апухтина, тихое адажио.

*Вот отчего, запрягаясь с зарёю
И голодая по нескольку дней,
Вы подвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей.*

*Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы невозвратно затих,
И только кнут вас порою ласкает,
Пара гнедых!*

Алексей Апухтин

Господи! Да как же я сразу не догадался, ведь это голос племянника станичного атамана. Только он мог так произносить, словно перед самой смертью, – «пара гнедых» ...

Серп

Эссе

Теперь уже мне не вспомнить, как я оказался возле Введенского храма в тот день, когда рабочие райпо, словно выполняя ленинский декрет об охране памятников старины, выносили из него в деревянных ящиках стеклотару и грузили её на машину.

«Воистину, – подумал я, глядя на хмельных грузчиков, – Михаил Бакунин был прав, когда сравнивал церковь с небесным кабаком».

Когда машина уехала и сквернословие прекратилось, а широкие двери остались нараспашку, я, решив зайти в пустой храм, подумал, что и в библейских легендах не находилось места, чтобы восславить торговлю в храмах...

У порога мой взгляд зацепился за сгнившую половицу. Под ней что-то тускло поблёскивало. Оказалось, это обычный крестьянский серп.

Озадаченный такой находкой, я стал размышлять, как мне с ней поступать. Сомнения разрешил встреченный мною на улице Михаил Клюкин. Он сразу оценил житейским умом мою находку и нашёл ей место в домашнем хозяйстве:

– Буду траву косить кроликам.

– Ладно, коси... – согласился я, – но серп, учти, не твой. Как только дадут мне комнату в общежитии, я его у тебя заберу.

И в один прекрасный день, когда Клюкин, задрав голову, любовался стаей голубей, я свистнул ему через забор. Возбужденный, ликующий, он стоял передо мной, всё ещё следя за стаей, а у меня не поворачивался язык, сообщить ему о своей радости и о том, что я явился к нему за серпом...

Вот уже почти пятнадцать лет серп висит передо мной на стене, напоминая о крестьянской судьбе русского народа. Ещё совсем недавно рядом с серпом висела тяжёлая кувалда, и Игорь Александрович Попов, с которым мы строили завод «Центролит», глядя на эти первобытные предметы (я хотел сказать – орудия труда), загадочно говорил:

– А что, в любом человеческом разуме серп и молот всегда будут на почётном месте...

«Нет, Игорь Александрович, – отвечаю я ему сегодня, – не всегда и не на почётном месте. Одно дело – святое место, другое дело – место почётное».

И уже себе добавляю: «Почётное место на земле, его придумали себе богатые, а святое место на небе, оно даётся Богом!»

Видно, Бог и указал мне место, где лежал серп, а я уже пристроил его сам на место почётное, так как в детстве я с серпом ходил в станичные плавни за травой...

*В Введенский храм входил я, словно в склеп,
Где прошлого лежали густо тени,
И я заметил под ногами серп –
Крестьянский серп как символ возрождения.*

Автор

Чудный день

Рассказ

Не могу представить, как происходит пробуждение человечества! Лично моё пробуждение происходит довольно-таки загадочно и странно. И наяву совсем необъяснимо.

Ещё лежу в постели, ещё не открыл глаза, ещё в голове чисто и вообще никаких желаний – и вдруг, откуда ни возьмись, да, это внезапное, застающее врасплох, откуда ни возьмись, окатывает с макушки до пят холодной волной тревоги: над Японией драконом несётся тайфун; в Америке осталось бензина на одну зажигалку; в России кончились спички, а значит, прощай, эра экономики; в Турции похитили ноты Санкт-Петербургского романа «Очи чёрные»... А я лежу в свитере под стеганым одеялом в надежде согреться ещё до отопительного сезона, постановление о начале которого неизвестно в каком «чтении» у кого находится.

Осиновые доски подо мной срабатывают, как катапульта. О, мудрые греки, теперь я знаю, почему вы обошлись без гамбургских петухов и не проспали утреннюю зарю меркнущей цивилизации. Я хотел ещё сказать несколько слов в адрес восхитительной Эллады, но ненароком глянул в окно и обомлел: Господи, что за чудный день! Разве могут быть такие дни на этом свете? Вся Кашира в осеннем золоте. А над ней высокое чистое небо. И я подумал, что только в такое небо могут быть устремлены глаза скорбящих...

Меня всю жизнь преследует запах шашлыков. Запах, конечно, не христианский. Можно сказать, языческий запах. Но всё равно я к нему отношусь с почтением, как никак, а прадед манной каши! Могу ещё добавить, что запах этот воистину интернационален. Вокруг него всегда толпились целые народы, как возле Вавилонской башни. Но если Вавилонская башня, как и Останкинская, явилась местом вражды и раздора, то кусочки небрежно нанизанного на веточки мяса роднили человечество надёжней, чем королевские перины. Этот запах и вывел меня на каширском рынке к человеку, о котором можно промолчать, а можно долго рассказывать. И рассказывать интересно. Никто не соскучится.

В руках у него были не шампур и ломтик хлеба, обмазанный горчицей. В левой он держал увесистую хозяйственную сумку, в правой – сочную малино-

вую лозу. Высокий, крепкий, с холодной сединой мужчина. Крепкий и на слово, и на дело. Мне приходилось слышать о нём: «Его в мэры? Он выкрутит не только руки, он может открутить и голову...». Но говорили без зла, без вражды, без боязни. Говорили, видно, то, что испытали на себе, работая рядом с ним.

Мне он виделся другим. А может, я смотрел на него другими глазами. Да, категоричен, принципиален, горяч. Да ведь это и есть русская натура. Чему удивляться? Аналитический склад ума нам в обузу. Мы как? Сперва сделаем, потом переделаем, затем перестроим, а после думаем – зачем?

И сейчас я думаю: а зачем я подходил к обременённому хозяйственными заботами человеку? Уж не хотел ли я сказать ему: «Что это вы на прилавки всё смотрите? Посмотрите на небо! День-то какой чудный...». И вдруг бы он посмотрел и ничего на небе не увидел. И имел бы основание сказать: «Дурак! На небе пусто, как в твоём кармане». Тогда бы я ответил: «Карман пуст, потому что прохудился. Карман что? Мы зависим от неба, а не от дырявого кармана в протёртых штанах».

– Ну, чем теперь занимаешься? – спросил он.

– На пенсии...

– Хватает?

Я пожал плечами. Покачал головой. И по его глазам понял, что ему всё ясно.

– Вот решил вернуться к мечте (он знал, что я пишу стихи и у меня до сих пор нет своего сборника стихотворений), может...

– Ничего у тебя не выйдет, – перебил он, – время упущено, опоздал. Только в молодости можно сделать что-то достойное. Ну, скажи, какое у тебя образование?

Я почувствовал запах шашлыков. Но почему-то почувствовал в голове. Пещерный дым дразнил мысли. Как просто: огонь и мясо! И никакого образования! Даже кулинарных курсов никто не заканчивал, но готовили – пальчики оближешь.

Наконец-то вспомнил, что в такой же осенний день на Цветном бульваре в Москве встретил Виктора Бокова. И он увёл меня на Центральный рынок. Мы долго ходили по мясным рядам, выбирая подходящее мясо для шашлыка. Цена поэта не волновала. Его интересовало качество. Я знал, что он только что получил в «Литературной России» гонорар и собирался на дачу. И когда он дал мне портфель, я, почувствовав его тяжесть, спросил:

– Зачем столько много?

Он остановился, застегивая китайский плащ, удивлённо взглянул на меня:

– Без мяса стихов не напишешь, – ответил так серьёзно, что мне до сих пор кажется, что пошутил.

Ах, вот почему через четверть века я вновь оказался рядом с шашлыком. Теперь бы я задал автору «Оренбургского пухового платка» вопрос иначе:

– Зачем так дорого?

Иные времена, иные цены всему, но запах шашлыка прежний. Первозданный! Без всяких инфляционных приправ. О, это памятное место!

Вокруг меня по неписаным законам суеты двигались жители Каширы, а я стоял на площади, как глас вопиющего в пустыне. Неужели я так и останусь с пустым карманом один среди безмолвной толпы? Толпы мягкой, тёплой, по-

датливой, как тесто в квашне. Разве мне не дано теперь право иметь мечту? Кому это мешает?

Ну да, не те годы... Мизерная пенсия. Нет высшего образования... Нет пишущей машинки! Так первым её приобрёл только Марк Твен, а Гомер обходился с успехом и без неё. Но оба рассказали нам об одном и том же: о странствиях и приключениях. Значит, дело не в пишущей машинке. О пенсии и говорить мне стыдно прямо! Уж не знаю, перед кем и как извиняться: какая пенсия была у Гомера? Он и слова, неуч, такого не слышал, однако...

Что это я кричу так громко, могут услышать люди. Вот они, совсем близко. И у каждого дойч марки, доллары, евро – зачем нам деревянные рубли? Как это зачем? Для внутреннего рынка!

Э-э, да я теряю самообладание, а это плохо. Разве я забыл заповедь отца? Он же говорил мне, что когда я всё потеряю, то найду силу духа. Не найду, тогда – караул! Разве я кричал: «Караул»?

Я запрокидываю голову и вижу залитое солнцем крыльцо, на котором сидит мой отец. Голова уже проветрилась от шашлычной гари. И я понимаю, что это иллюзия. Нет на свете чудес, но есть чудесные дни прозрения.

– Сущий Бог! – думаю я, глядя на отца. – Сидит на крыльце, как на иконе в золотом окладе. Сидел на крыльце, когда был маленьким, прижавшись к отцу, и я...

Я иду по прямой. Мне наплевать на корзины, сумки, баулы, мешки, на недостроенный тротуар, на исчерченный белилами папуасский лик асфальта. Иду и вижу впереди себя человека с малиновыми лозами в руке. «Не жизнь, а малина будет!» – думаю мимоходом.

День только начинается, а будет день, и будет пища. Да всё будет, стоит только страстно желать, хотеть, мочь, потому что нашим рассудком управляют желания.

04.11.2000

Тайна бытия

Очерк

«Я хотел бы жить и умереть в Париже».
Вл. Маяковский

«До свиданья, друг мой, до свиданья...».
С. А. Есенин

Ста смертям не бывать, а одной не миновать...
Поговорка

Я умышленно предпослал началу три эпитафии. Мог бы и больше. Слишком общечеловечна тема ухода людей из жизни. Русская поговорка выразила национальный взгляд на происходящее. Владимир Маяковский взял социально-бытовую сторону вопроса. Ну, а Сергей Есенин с присущей ему откровенностью посмотрел на смерть, пренебрегая марксистско-ленинским учени-

ем. Не сказал: «Прощай!» А написал: «Предназначенное расставание обещает встречу впереди».

Лично мне более всего близка мысль Л. Н. Толстого, который высказал мнение, что самое благородное, что может сделать человек в жизни, – это... вовремя её покинуть. Жёстко сказал. Быть может, даже жестоко. Хотя, как известно, предчувствуя свою кончину, сам Лев Николаевич сделал всё, чтобы уйти от неминуемого. Но кто посмеет сегодня утверждать подобное?

Хожу меж могильных оград старого кладбища. Нет, я не стараюсь отыскать могилы моих родных и близких, друзей и знакомых. Могилы, конечно, есть. И немало. Но не здесь, над Окой в Кашире, возле бывшего женского монастыря.

Где-то там, за густыми ветками крон многолетних (вековых, не меньше!) тополей и клёнов сияет летнее солнце. Но здесь, внизу, на земле, царят зеленая прохлада и полумрак. Вот если бы ещё не суетный крик грачей и галок, сооружающих гнёзда, я бы действительно мог сказать: «Тишина и покой». Подумалось: «А чем плохо, что над этим вечным покоем, где всё тлен, продолжается неугомная жизнь?»

Но что есть жизнь? Философы-материалисты, не задумываясь, отвечают: «Форма движения материи».

Если мы так легко и быстро представили свою жизнь как форму движения материи, то почему бы не дать определение смерти? Те же философы говорят, что смерть есть необратимое (порой, необходимое – А. П.) прекращение жизнедеятельности организма, неизбежный, естественный (добавим: и искусственный! – А. П.) конец существования живого существа. Видите, о смерти сказано уже витиеватей, чем о жизни, так как материализм, в общем-то смысле, смерти не замечает, а если и замечает, то её смысл его не волнует. А смысл очевиден. И смерть меня волнует. Тем паче – сегодня.

Единственный штрих. Из морга городской больницы родственники в день похорон не могли забрать умершего. Мало с собой взяли денег. Но самое ужасное, что собравшиеся проводить в последний путь покойника молча разошлись. Господи, прости наши души грешные! А простит ли? С ушедшими в мир иной ничего мистического и таинственного (что одно и то же) не происходит. Они как жили, так и будут жить в нашей памяти. Память в виде всевозможных надгробий также есть память.

Небольшой фамильный склеп в самом начале кладбища. С трёх сторон почерневшие железные плиты. Читаю: (писать буду в транскрипции современного русского языка).

«Поручик и кавалер Иван Иванович Бер. Родился в 1854 году. 25 мая. Скончался в 1875 году. 26 мая. Имея от роду 21 год». Жаль молодого поручика. Жизнь у него только начиналась.

«Коллежский советник и кавалер Иван Степанович Бер родился в 1790 году. Мая 7 дня. Скончался в 1880 году. Мая 10 дня. Имел от роду 90 лет и 3 дня». Выходит, что во время нашествия Наполеона Ивану Степановичу было 22 года. Что меня поразило: «и 3 дня!» Вот как надо считать нашу жизнь – по дням. Мы же её тратим почём зря. Годами и десятилетиями.

На третьей плите имя женщины. Год рождения отсутствует. Понятно, возраст не имеет значения. Вечно молодая и красивая: «Евфимия Васильевна

Бер скончалась 1811 года 25 августа». Имя-то, имя какое! Так и повторяю: «Евфимия... Евфимия» – таких имен больше не услышишь.

Вот она, родословная Каширы!

Обхожу кладбищенскую часовню. Вернее, то, что от неё оставило прошедшее столетие. И может, не одно.

«Спи, родная, вечно будем беречь твой покой». Чуть ниже два слова: «Муж и сын».

Ещё надпись: «Господи, прими их с миром». Надгробие на могиле почти ушло вслед за теми, кого опустили в неё, но просьба, мольба живых за усопших доступна всем. Просите и молитесь.

Неожиданно останавливаюсь. Оградка и надгробие, каких много. Только вот фамилия... Родригес! Мигель Родригес¹. 1927 – 1964. Ни креста, ни звезды. Испанец? В Кашире? Сколько же было лет этому мальчишке, когда он оказался волей судьбы в России? В тридцать девятом ему было двенадцать. В том же году в Испании победили фашисты.

Снова оградка. Треухов Владимир Захарович. Рядом Треухов Захар Григорьевич. Бок о бок. Сын и отец. Вот тоже вместе: муж и жена. Василий и Татьяна Толстовы. Над их могилками в безмолвии стоит пожилая женщина. Кто, она, пришедшая навестить чету? Василий и Татьяна. Вместе жили на белом свете. Вместе теперь на том. Боже мой, сколько же их там, любивших друг друга до гроба!

Нет, таких крестов я не встречал ещё. Такой простому смертному не по карману. Кованый. С узором. Стоит себе. Годы не уронили его достоинства «Здесь погребено тело (душа, разумеется, не для земли, она где-то высоко) потомственного дворянина Андрея Ивановича Новикова, скончавшегося 1877 г. 12 октября».

Не хочу вдаваться в подробности процедур, которые проходит покойник в мертвецкой при больнице. Но однажды в морге услышал: «Всё-таки я мертвецов боюсь...». Это говорил крепкий мужчина далеко не интеллигентного вида. А когда гроб был уже в кузове, шофёр спокойно произнёс, обращаясь к пугливому: «Ты мертвецов не бойся, они плохого ничего не сделают. Живых бойся, живых!»

Слова шофёра пришли на ум, когда я увидел работу строителей, сооружающих железобетонный забор вокруг филиала Ногинской чулочно-носочной фабрики (филиал этот занимает территорию и строения бывшего женского монастыря). С размахом работают мужики. И то, что детали забора давят уже в бока предков, строителям наплевать. Они боли, а тем паче угрызения совести, не чувствуют... Они «живые»! А там что?

Старушка, крошившая корочку хлеба на замшелое надгробие, увидев меня, спросила:

– Не трактор ли, сынок, ты сюда загонять собираешься?

---

¹Мигель Родригес был одним из так называемых «испанских детей». Это название группы детей из семей республиканцев, которых в 1937 и 1938 годах вывезли из Испании в СССР с целью спасти от военных действий во время Гражданской войны в Испании. Мигель Родригес был первым мужем жены каширского художника Вячеслава Максимовича Дергачёва.

– Какой трактор? – удивился я, оглядывая могилы.

– А тот, что на дороге стоит, на котором антихристы приехали.

Трубоукладчик, действительно, стоял на дороге.

– Нет, мать, трактор сюда не заедет.

Я так убеждённо ответил, что и сам не усомнился в сказанном. И вполне серьёзно добавил:

– Тронется с места – сам под гусеницы лягу.

– Да ладно тебе, – ожила старушка, – вот выстроят на этом месте дом, квартиру получишь и заживёшь в ней, забыв, что на костях материнских да отцовских дом стоит. – Перекрестилась. И, ещё раз бросив настороженный взгляд на меня, засемила по тропинке.

Известно множество рецептов продлить жизнь. А как сохранить память о тех, кто дал нам жизнь, вырастил и воспитал? Действительно, кладбище это уже давно закрыто. И ходят слухи, что его совсем скоро сравняют с землей. Порвётся связь времён? Так её, эту связь разорвали ещё в 1917 году! Разорвали, а теперь кое-как связываем. Но сумеем ли связать, закрывая и разрушая старые кладбища?

Бытует оптимистическая, на первый взгляд, скороговорка: другие времена – другие нравы. И она якобы оправдывает всё. Да, нравы могут видоизменяться, а нравственность незыблема. И только она может и имеет право говорить о смысле жизни.

Каширский магазин ритуальных принадлежностей, естественно, не торжественный зал бракосочетаний городского ЗАГСа. Но то, что предстало глазам моим, заслуживает искреннего сочувствия и соболезнования. Слева от входа – вросший в землю кузов допотопного автобуса. Справа – что-то похожее на паровоз, но опять же без колёс, как и кузов автобуса. И если бы я не заглянул в «топку» и не увидел там вместо золы и пепла цемент, мог бы подумать, что это та самая печь, в которой черти...

Переступив порог магазина, обнаружил, как любил говорить первый Президент СССР, альтернативу: или по трапу в преисподнюю, то есть в подвал, где изготавливают надгробья, или по крутой лестнице вверх.

Поднялся на второй этаж. Прошёл по коридору. Осмотрел всё, что было мне доступно, и убедился, что не видать нам рая, как собственных ушей, даже если уйдём на тот свет с искусственными цветами в руках. Через такое заходуху, убогость и нищету – прямая дорога в ад.

Меня мучает фраза Маяковского, взятая эпитафией: «Я хотел бы жить и умереть в Париже». Неужели поэт диктатуры догадывался, что если он доживет в России до демократических реформ, то и его будет ждать фанерный гроб, а то и вовсе не хватит гонорара выкупить своё тело в морге? Неужели такой громада боялся, что будет унижаться перед могильщиками, умоляя вырыть ему могилу в полный рост? Выходит, что сокровенная тайна его бытия заключалась в том, чтобы, не уронив достоинства и чести, пройти весь жизненный путь, сохранив в чистоте своё имя в человеческой памяти. Но не будем торопить события, разгадывая тайну бытия. Что касается автора очерка, то он говорит так:

*Буду умирать легко и просто.
Умирать, как будто от любви,
Чтоб запели после над погостом
Для меня, как прежде, соловьи.*

26.06.1993

Правобережье

Очерк

Я стоял на эстакаде, метров на двадцать, может, больше, возвышавшейся над поймой, и смотрел в сторону Серпухова. Потом взгляд зацепился за дальний край поймы, и его, как течением, зелёным потоком прибрежных деревьев и кустарников, помимо моей воли, потянуло вдоль берега, пока он не наткнулся на красный кирпичный дом.

«Что-то очень знакомое!» – мелькнуло в голове. Присмотрелся. За домом, на спичечный коробок правее, виднелось белое здание. Неужели Тарасково? Конечно, оно. А левее, ближе к пойме, узнал разрушенную временем церквушку. Но это в зарослях деревьев и издали, а вблизи всё-таки был храм. И когда-то мне пришлось стоять на его руинах. И догадываться о его былой красоте. За храмом, вернее, недалеко от него «по течению», стояли голубые и белые мотыльные кресты в оградках такого же цвета.

Стоял ясный июльский полдень, наполненный солнечным ветром, и, может, поэтому сельский погост рядом со строящейся автострадой выглядел не так безысходно. Мне рассказывали, что изыскатели надеялись уломать директора совхоза «Каширский» Врама Гайковича Малумяна принести кладбище в жертву проекту автобана, но Малумян остался неумолим. «По-человечески получилось», – подумал я и представил, как проезжающие мимо погоста, увидев его, может, сбавят скорость и перекрестятся, а, может, закрыв глаза, нажмут на газ...

От эстакады к Ивановковскому шоссе плавно, не спеша, почти величественно набирала свою будущую скорость дорога, которая возле деревни Пятница вольётся в Воронежскую магистраль, уже работающую на всех скоростях.

Почти рядом со мной как из-под земли выростали могучие самосвалы, которые несли на своих крепких спинах бетон и валили его, по слову мастера, на полотно. На встречной полосе жёлтые катки укатывали уже не бетон, а «черновой» асфальт. Как я понял, это была предпоследняя технологическая операция, чтобы можно было затем отполировать поверхность проезжей части до зеркального блеска.

Я обратил внимание, что на самосвалах была надпись «Ступино». Поинтересовался. Оказывается, бетон возят с Ситне-Щелкановского БРЗ. Возят не только ступинцы, но и московские подрядчики.

Днём раньше мне пришлось наблюдать работу одного дорожного агрегата, который удивительно ровным слоем стелил бетон сразу на две полосы движения. Я покачал головой: «Здорово!» А через некоторое время чуть за голову не

схватился: агрегат-то был американского производства! От досады мог бы себе и голову открутить, узнав, что машина работает с... 1972 года! Но сейчас, читатель, и ты ахнешь! Спроектировали такого «мужика с лопатой» шестьдесят лет назад. А наш родной бездействует.

Когда мне сказали, что русской техники на дороге нет, я не поверил. И ты, дорогой читатель, не верь. Есть русская техника. Я видел её собственными глазами. И двое рабочих, пиливших «Дружбой» асбестовую трубу, могут поклясться, что это правда.

Строительство моста через Оку и подъездов к нему на каширской земле, безусловно, дело необходимое, как говорят ещё, не терпящее отлагательств. Дело, как сказал бы Владимир Ильич Ленин, архиважное! И здесь к месту будет привести случай, который вспоминала Надежда Константиновна Крупская.

Ехали они из Горок, наткнулись на сломанный мостик. Не знают, пройдёт машина или не пройдёт. Разыскали местного крестьянина и спрашивают:

– Вы из этой деревни?

– Из этой.

– Ваш мостик?

– Наш.

– Можно проехать?

– Кто его знает? Может, проедете, может, не проедете.

Ленин говорит:

– Что же вы его не чините?

– А кому чинить? Власть у нас, извините за выражение, советская. Чинить некому.

Ленину выражение «власть у нас, извините за выражение, советская» безумно понравилось. Он всю дорогу повторял: «Вот язык! Власть у нас, извините за выражение, советская». И хохотал.

Да, чинить мост через Оку, сданный в эксплуатацию 22 апреля 1965 года, выгодно, действительно некому, хотя власть уже и не советская.

Бог с ним: некому, так некому. Строим новый... Большой мост. Крепкий (на века!) мост. И самый, самый красивый. Помните у Достоевского? Нас, грешных, спасёт красота... Но ведь не Кижичи строим, там красота высота под-сказала. А мост строим. Вот пусть проектировщики и думают.

Еще один исторический факт. Кому не известна Николаевская... Октябрьская... не знаю, какая сейчас, дорога между Санкт-Петербургом и Москвой! Её, говорят, проектировал сам государь всея Руси Николай I. Царь, говорят, взял карандаш и линейку, подошёл к карте и прямой линией соединил две столицы. Великий Некрасов подтвердил после: прямо дороженька!..

Да, труд, действительно, был «громиден, не по плечу одному». И хотя в проекте всё же была допущена известная всем «ошибка», но проект этот и завтра, и через века будет безукоризненным. И дело здесь вовсе не в царской прихоти и не в том, что накладно было казне русской, а в том, что такая и только такая дорога была по горло нужна России. Разве такие дороги не нужны нам сегодня? Да ещё больше нужны.

Первый раз в жизни я проехал по мосту в отцовской «эмке» в сорок шестом году. Мост был, насколько я помню, не совсем обычный. Больше похож на паромную переправу. Можно сказать, что это и была паромная переправа через Кубань возле станицы Усть-Лабинской. Мы возвращались в Краснодар то ли из Майкопа, то ли из Армавира. Но откуда бы мы ни ехали, нам надо было, чтоб попасть в Краснодар – только правобережье. Я запомнил этот послевоенный мост через Кубань. Запомнил высокий, крутой, почти отвесный берег – правобережье!

Я люблю мосты и уважаю тех, кто их строит. Поэтому, когда узнал, что мой сосед по коридору в общежитии Сергей Плоцынь устроился на мост, стал смотреть на него совсем другими глазами, а в душе затаил зависть, но не чёрную.

Сергей – латыш. Не только русскоязычный латыш, но и образ жизни у него русский. Возможно, это от жены Любы. Люба-то тамбовская. Я бы сказал, что на такие семьи – у Плоцыней растёт сын Димка – государство может «ставить» без риска. Да, государство! Потому что только рабочая, не ноющая по мелочам, морально крепкая семья – его опора. Если уж для государства, то для моста – и тем паче.

И этот Серёжа как-то подлил масла в огонь, сообщив как бы между прочим, что мой старый друг Виктор Бычихин у него бригадиром. Страсти тушить бесполезно. Их надо только сжигать. И я поехал на мост.

Уже сидя в редакционной машине и имея в кармане бумагу за подписью редактора, я дал себе слово, что мост буду смотреть один, без консультантов, чтобы не испортить личного впечатления, не исказить того представления, которое уже нарисовало моё воображение. Короче говоря, мне нужна была золотая рама, в которую я мог бы произведение строительного искусства вставить на веки вечные.

Выйдя из «жигулёнка», окруженного надменными «КрАЗами» и «КамаЗами», я, как и всегда, попал «с корабля на бал». Неплохо попал – в столовую! С голодом человечество ведёт беспощадную борьбу с момента своего рождения. И я было включился в неё, но тут же без боя сдался на милость победителя. Неотразимая улыбка, чуть ли не в прозрачном белоснежном халатике указала мне на объявление, где говорилось, что неработающим в «Мостоотряде-125» питаться в столовой строго (!) запрещено.

И я двинулся от столовой в сторону Оки. На русловый участок.

Русловый участок сто двадцать пятого мостоотряда – передовая. Помните, у «Василия Теркина»: «Берег левый, берег правый... кому смерть, а кому слава»?

Мне повезло. Видно, в эти часы наступило перемирие. Лишь изредка с левобережья вспыхивали огни электросварок. Именно оттуда и готовилось генеральное наступление. И уже была видна цельнометаллическая громада фермы, готовой лечь на плечи опор...

Правобережье занималось сугубо мирными делами. Экскаватор без отдыха грузил песок в самосвалы, а те, не мешкая, приседая от тяжести, везли его туда, вверх, для отсыпки полотна дороги. Чуть выше по течению намывал новые горы песка земснаряд. Плавучие краны жались к бетонным быкам, на-

поминающим средневековые крепости. Вода в Оке здесь была не пляжная. Какая-то безмолвная, хмурая, тяжелая, словно в бессознательном положении. Контуженная вода. Раненая. Передовая есть передовая...

«Что трудности, когда мы сами/ Себе мешаем и вредим!» – когда-то воскликнул Фауст. Что «мешаем», конечно, а что вредим, то ещё не всегда. Всё-таки стараемся не вредить. Я бы развил эту мысль, но требуется опытный, компетентный в вопросах мостостроения человек. Таким, по моим понятиям, мог бы быть заместитель директора мостоотряда по производству Вячеслав Борисович Бобель. К счастью, я знаком с ним лишь заочно.

Самого моста, в академическом понятии, ещё нет. Но это не значит, что его не будет. Мост уже родился. Родился и растёт по русскому обычаю: не по дням, а по часам. Мне даже пришлось услышать, что к Новому году его сдадут в эксплуатацию, а старый, после реставрации, станет как бы мостом местного значения... Местное значение, что это? Так и тянет сказать словами Ленина: «Вот язык!» Придумают же!

Возвращаясь с руслового участка, встретил Николая Пустовалова. Прикинул: «Если он здесь, значит и его начальник где-то рядом». А начальник у него В. Г. Востриков. Единственный руководитель, удержавший своё управление от разных «реорганизаций», «перестроек», «альтернатив», короче, от полного развала, то есть от гибели...

На мой недоумённый взгляд Николай, немного смущаясь, ответил:

– После отпуска с «УАЗика» перешёл на компрессор.

– Правильно сделал! Компрессорщики на мосту нужнее и важнее, – подмигнул я. Человека в каске, даже очень знакомого, узнать порой невозможно. Так случилось и со мной, когда ко мне подошел Сергей Плоцынь: «Привет!» Я знал, что Сергей сварщик. И если надеялся его встретить, то где-нибудь на мосту. А встретились под мостом. Под каской у Сергея заметил смущенную улыбку. Да и я сконфузился. Заметил под опорами автовышку и падающие с эстакады доски. Догадался в чём дело и, чтобы выйти из неудобного положения, протянул ему руку, хотя утром, в общезитии мы уже виделись.

– Бычихина видел?

– Если это был Бычихин, то видел.

Виктора я знаю ещё по строительству «Центролита», не раз писал в «Каширских известиях» о работе его бригады. Портрет его, сделанный фотографом-самоучкой, долго красовался на районной доске Почёта. С тех пор, по моему, он мало изменился, хотя и седин, и морщин уже предостаточно.

Так вот, по железному трапу рабочие спускались в бытовку, а возле трапа железной лестницы, окольцованной арматурой, стоял человек в брезентовой робе и в каске. Я был на таком расстоянии, что лица его не видел. А засунуть в рот пальцы или крикнуть не догадался, о чём горько пожалел, когда увидел машущую мне белую рукавицу, которая тут же исчезла. Поэтому я и сказал Сергею: «Если это был Бычихин, то видел».

В Москве в Лужниках, на Всемирных юношеских играх, разгоняя назойливые дождевые тучи, вероятно, перестарались. Их разогнали так, что до самой Тулы и Рязани сияло безоблачное небо. А в это время я любовался работой изоляционщиков. И скажу, что никогда ещё не видел работы

чище. Чисто было, как в церкви. Даже не верилось, что можно так чисто работать. Правда, руки у рабочих были в мастике. Зато цементная стяжка от радости просто улыбалась. Листы изоляции, как две капли воды похожие на паранит, ложились, как блины... Не выдержал и спросил: «Вот так весь мост?»

– Нет, не так... лучше... вчера мастер брак нашёл. А за брак плати из своего кармана, – недовольным голосом объяснил мне изоляционщик.

«Серебряная дорога и золотой мост» – думал я. И это было недалеко от буквального понимания. Теперь я стоял на эстакаде лицом по течению Оки. Слева виднелась «тельняшка» трубы Ступинской ТЭЦ, а прямо по курсу – «тельник» Каширской ГРЭС. Присмотревшись, увидел и «маечку» «Астры». Потом наплыл действующий мост и бегущие по нему игрушечные автомобили. «Берег левый, берег правый...».

Этот мост занимает в моей памяти особое место. В день официальной его сдачи в эксплуатацию 22 апреля 1965 года в Каширском роддоме увидел свет Божий старший мой сын Владимир. А двадцать первого апреля мне в Ступине сказали: «Вот вам «скорая». Берите роженицу и в Каширу... срочно!»

Я пожал плечами: «А как через Оку! Там же мост...».

– С роженицей пропустят!

Но не пропустили. Подошёл офицер:

– В чём дело?

Акушерка приказала шофёру:

– Включай сирену!

Офицер покачал головой:

– Ну и дела... – и, словно он был моим тестем, напутствовал, – если родится мальчик, назовите его Володей.

Утром, 22 апреля, в том самом роддоме, где будет потом снят кинофильм «С днём рождения», родился и в самом деле мальчик по имени Володя...

– А если бы мост не успели построить? – эта мысль резанула, как молния. До боли в пальцах я сжал ограждения.

После грома с молнией я уже был готов сам написать заявление Вячеславу Борисовичу Бобелю о приеме меня в семью сто двадцать пятого мостоотряда, чтобы ускорить стройку. В Ступине рожениц ещё ой-ёё! Почти с этим желанием и некоторыми другими не менее важными вопросами постучал в его кабинет. Но из соседней комнаты ответили: «Бобель на мосту». «Если на мосту, значит, дела идут» – успокоился я.

– Вот и коломенцы, – услышал я за спиной. Оглянулся. Из автобуса выходила, как я определил, бригада мостовиков. Обветренные. Загорелые. С руками, привыкшими к тяжелому труду, русские люди. Белорусов я уже видел.

Возле ворот с будкой для охранника меня ждала редакционная машина. Прощаюсь с мостом: «Что ж, что чуть-чуть похож на подкову! Подкова к счастью».

25.07.1998

Цыгане

К 500-летию появления цыган в Кашире

Если уж Москва согласилась отметить круглую, как колесо цыганской брочки, дату появления цыган в России, то отпраздновать это событие в Кашире, как говорит «Цыганское радио», что рядом с Павелецким вокзалом, сам Бог велел! И это так, потому что неотразимые цыганки, следуя за унылыми воинами Александра Македонского из Индии, сперва оказались в Кашире, привели свои наряды в надлежащий вид, сделали брови дугой, подрумянили щёки, подкрасили уста, взяли в руки бубны и гитары и только после этого с песнями и плясками отправились к царю-батюшке на поклон в Первопрестольную. И там показали, «на чём свет стоит!»...

Долго я искал на Рыбацкой (Стрелецкой, Пушкарской, Советской) староро цыгана, чтобы расспросить его о былой жизни, послушать таборную песню «Хасиям», а встретил фотокорреспондента «Каширских известий» Владимира Лебедева. Глянул на него, и меня осенила догадка: «Вот кто выручит! Владимир не позволит торжеству кануть в Лету, тем паче в Оку». Я поделился с ним проблемой. Он тут же вспыхнул, как его «Никон» во время съёмки. Стал импровизировать. Рисовать портрет цыгана.

– С чёрной (обязательно!) окладистой бородой, да? – спрашивал он меня. – Золотые печатки... На груди золотой (именно золотой!) крест... Золотые зубы...

– Зубы можно и платиновые, – поправил я, чувствуя, как пыл мой поубавляется, а Лебедев продолжал фантазировать:

– Тебе бы Будулай найти... на коне чтоб. Лошадка с гривой огненной и Будулай в красной рубахе!

– Ты хоть жеребёнка где-нибудь щёлкни, – умоляюще произнёс я. Лебедев перестал улыбаться, спросил по-деловому, серьёзно:

– Так, а где? Где?

– Посмотри у себя в Ожерелье, может, повезёт... (Не повезло, как выяснилось позже).

Торжественное празднование юбилея начинало омрачаться непредусмотренными обстоятельствами. Цыганку я ещё мог встретить. Из Тулы наезжают – и вокруг русских женщин: купи... купи... купи! Но где встретить знаменитых гитаристов, плясунов, певцов? Где Ляля Чёрная? Где Николай Сличенко... Баглаенко? Где? Стоп!

Лет двадцать назад А. И. Рассказов как-то утром распорядился:

– Бери самосвал, заедешь на Мутёнку, загрузишься песком – и в Тарасково.

Ищу самосвал: ГАЗ-51. Говорю Николаю Шандакову: «Анатолий Иванович (Рассказов был в то время зам. директора АОЗТ «Гофрон» по капитальному строительству – А. П.) велел нам возить песок в Тарасково на овощехранилище». Николай отвечает: «Садись, поехали». А возле школы, возле дома отдыха останавливается: «Смотри!» И я глазам своим не верю...

Среди берёз ещё дымят костры. Стреноженные кони на опушке. А ближе к Ивановскому шоссе цветные шатры! Цыгане почти все в цирковых, концертных костюмах. Что за ансамбль песни и пляски?

Я выпрыгиваю из кабины и к магазину по росистой траве: «В чём дело?»

– Тебе что? – кричит на меня продавщица. – Не видишь, всю тару у меня в подсобке растащили и пожгли за ночь! Теперь отказываются, говорят, что ни одной дощечки не тронули. А куда она делась?

– Сейчас узнаем, – смеюсь одними глазами, говорит молодая цыганка и пробует разложить карты. На молодую цыкает пожилой цыган, а мне сигналит шофёр: «Поехали...».

После я узнал, что цыганский табор ещё вечером хотел по мосту перебраться в Лужники (Ступинские), а милиция думала, что в Лужники (Московские), и на мост не пустила... Вот они и заночевали не по своей вине, где пришлось...

Но не удался б этот праздник без «Цыганской венгерки»! Не зря цыгане рвались и рвутся в Москву, на её родину. Родившись в Москве полтора века назад, она воистину стала бессмертной, ибо нет смерти любви, ибо любовь выше земных законов. Не имеет значения, что приносит любовь: радость или скорбь, ужас или восхищение. А что такое «любовь», нам не знать! «Тайна сия велика есть»...

Автор «Цыганской венгерки» московский поэт Аполлон Григорьев пленил цыган русским стихотворением, а цыгане заворожили его мелодией. Друг поэта, дирижер цыганского хора Иван Васильев сочинил на это стихотворение музыку. Всего-то четыре аккорда: соль минор, ля мажор, ре минор и вновь соль минор – и всё! Теперь берём «подругу семиструнную» и начинаем под аккомпанемент петь:

*Вот там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.*

А. Григорьев

И так весь праздник. Длиною в нашу жизнь.

Божье лето

Эссе

*Смотрю на Каширу сегодня
И чувствую шепчу невпопад:
«Кончается лето Господне,
Как свет от небесных лампад...».*

Автор

Чувства я принёс в свою комнатку с рынка «Торговые ряды». Принёс не в синтетическом пакете, пропитанном запахом ядохимикатов, а в собственной душе, переполненной ароматом приокских садов и огородов.

Ещё на рынке, даже на подходе к нему, я сообразил, что ведь вот он, август! Месяц даров природы и торжества местных производителей сельхозпродуктов. Догадка, видно, пришла в голову после того, как я наткнулся на мужика с мешком картошки... Подумал кстати: «Неплохо бы к этой картошечке да малосольных огурчиков, и не грех бы ко всему этому рюмочку самогонки, потому что от «Посольской»...

Однако опять наткнулся, но уже на мешок с огурцами. Спросил: «Почём?» Десятка в моей руке была видна всему рынку, а хозяин был ещё и при очках. Положил на весы гирьку в полкило... На том и разошлись.

Базар всегда вселял в меня азарт. Вот и на этот раз я гордо прошёл мимо азиатских дынь, астраханских арбузов, болгарского перца, кавказского винограда...

Мне приходилось бывать на привозе в Одессе, на Птичьем рынке в Москве, а в Кашире помню возле тюрьмы, где сейчас, так называемый «Дом быта», маленький уютный базарчик, окруженный ларьками, в которых всегда можно было утолить жажду и перекусить котлетой или бутербродом с хамсой, тюлькой, килькой... Насчет Одессы: «Я вам не скажу про всю Одессу, вся Одесса очень велика...», но «едальни» там точно не рядом с общественными туалетами, как в Кашире на старом «новом» базаре.

И уж совсем не по уму в центре базарчика развалился, как затонувший «Титаник», какой-то ангар. Пройти и то стало трудно... Настолько трудно, что теперь залётные «кушцы» торгуют прямо на клумбе! Я и мысли не допускаю, чтобы каширский мужик с мешком огурцов расположился на газоне в Ереване или Сухуми, но удивляюсь, почему в Кашире дозволено? Не пора ли с сорняками бороться, как в собственном огороде?

Базар всегда вселял в меня азарт. Это очень верно сделано, что «Торговые ряды» взяты в кавычки. Ещё грамотнее было бы взять эти два слова в скобки: мол, простите, сделали ошибку, рядов, как видите, не получилось. Вышло какое-то «зарядье»! Но здесь бы я сказал: «Зарядье-то как раз и к лицу Кашире!» Кашира не режимный Ступино, хотя и там на «хапке» есть частный сектор, и не каждая старушенция с лукошком смородины торопится занять место в «аквариуме», как окрестили ступинцы свой торговый ряд возле банка «Возрождение».

Так вот, ходил я по каширскому «зарядью» и думал: «Если старый Дели – вечный базар, то почему бы и старой Кашире им не быть?» Вот и женщина знакомая торгует пирожками, да, та самая, которая торговала ими на том самом месте, где теперь «Дом быта». Но там у неё был павильон, а здесь, в «зарядье», трехведёрная кастрюля на платформе детской коляски...

Но я не только думал, я ещё и беспечно ухмылялся, вспомнив, как на новом Птичьем рынке встретил огромного индийского попугая, которого хозяин продает уже лет десять и не может продать. Уж очень вредный этот попугай, потому что научился кричать из своей клетки всем подряд: «Чисть картошку!» Мудрая птица не кричит: «Жарь чипсы!»

Базар всегда вселял в меня азарт.

Но пока я шёл в общежитие, азарт исчез, и вместо него разгорелся пожар... Ещё бы не разгорелся! Кубань собрала лишь два миллиона тонн пшеницы... И

вся надежда только на картошку, которая уже стоит 12-15 рублей килограмм. Помните, что кричал индийский попугай?

Потом пожар утих. Всё-таки душа моя не Уссурийская тайга. Дым и копоть развеялись, и она стала напоминать мне каширское небо с горящей свечой колокольни Введенского храма. Я подошёл к окну и вспомнил, что кончается лето и скоро будет листопад...

*О, сколько каширских угодий
Хотело попасть на базар,
Но лето Господне проходит,
И чувств остывает азарт...*

Автор

И не видно в торговых рядах (ни для щей, ни для борщей) ни знаменитых овощей с тарасковской поймы, ни душистых яблок руновских, и... пришлось мне закусывать из целлофановой коробочки салатом по-корейски с каким-то подозрительным вкусом и химическим ароматом, а по-русски сказать, загрызть морковкой, похожей на лапшу, только сырой, которую и на уши не повесишь...

*Господне кончается лето,
Всеми, знать, на свете свой срок!
Но главное – помнить об этом,
Вот рыночной жизни урок...*

Автор

А другая жизнь бывает только на том свете.

Каширская антоновка

Этюд

*Париж... Париж и тускл, и ярок.
Париж и весел, и уныл...
– Месье, купите пару яблок –
Дары и солнца, и луны!
– Вы память мне разворошили...
Пardon, но почему сюда?
Вы из России?
– Из Кашеры!..
Мешок на плечи и айда...*

Автор

Конечно, знаменитый оборотистый русский купец Елисейев, гастрономический магазин которого до сих пор находится на Пушкинской площади в Москве и является престижным, мешками антоновку не таскал из Каширы в Париж, но что продавалась она там французам в его «лавках» поштучно, рассказал нам не менее известный писатель Александр Куприн.

А Евгений Замятин, проезжая из Москвы через Каширу к себе в Лебедянь, вероятно, ахнул от утопающей в цветущих яблоневых садах провинциальной Каширы и, бесспорно, сравнил её с невестой в белоснежной фате...

Каширянки смело могут утверждать, что Ева соблазнила Адама антоновкой из руновских садов, которые ещё в недавнем прошлом, действительно считались райскими садами всего Подмосковья.

Я склонен предположить, что каширская антоновка стала тем «яблоком раздора» на свадьбе, правда, мифологической, с надписью «прекраснейшей». Естественно, среди прекраснейшей половины рода человеческого вспыхнул длящийся по сей день раздор между соперницами, хотя, ручаюсь, ни одна государыня не скажет теперь, какой вкус имело «яблоко раздора»: кислый или сладкий.

Пётр же Великий предпочел чачу анисовую. Зело любил анисовую. Может, поэтому анисовое яблоко долгое время считалось «царским», а народным яблоком по-прежнему было антоновское.

Возле известного универсама в Кашире-1 негде яблоку упасть... антоновскому! Столько старушек и старичков с корзинками, ведрами, мешками. Оно и понятно: вокруг универсама «открытая зона» торговли. Думаю, что если б вокруг тюрьмы, что рядом, через улицу Советскую, не было бы предупреждающих «афиш» об опасности общения с арестованными, то и вокруг «опасной зоны» нашлось бы, чем торговать. Разве ягоды и яблоки плохая закуска? Не хуже малосольных огурчиков.

Прилавки же «приватизированного» старого рынка пустуют. Ну, ладно, пусть базарная охрана следит за «крупными» торговцами, но за ведро яблок, картошки, огурцов или две-три головки белокочанной можно же брать и соответствующую сумму?! А можно и совсем не брать, например, с пенсионеров. Владелец рынка в накладе не останется, ей Богу.

Согласен, закон не имеет стыда и совести, на то он и закон. Но торговать не с прилавка, а с тротуара разве удобно?! Кашира ведь не Шанхай ещё... Но это мимоходом...

*Руново! Русский мой Олимп –
Предтеча вечный общепита!
В какую ты проблему влип,
Создав божественный напиток...*

и т. д., т. п. А строчки эти родились так. Было застолье. И, как всегда и везде, оказалось мало. Чтоб угодить, я сбегал за коньяком. Торжествуя, поставил бутылку на стол, а меня... обругали, объяснив, что лучше вина по одному рублю две копейки за пол-литра в мире нет... Один из гостей взял коньяк, пошёл в «двадцать шестой» (гость был высокого ранга) и вернулся

с дюжиной бутылок руновского вина... После него я писал стихи, как по маслу.

Так вот, осталась Кашира без своего вина, садов, ягодников, огородов... Ну, разве ели когда-нибудь «навозный» гриб на Руси? Меня один приезжий спрашивает: а чем питались? Чем? Отвечаю! В меню каширян испокон веков входили овощи без «химии». Следом: молоко, мёд, яйца куриные и, безусловно, гуси. Гуси, с антоновскими яблоками, запечённые вместе в одной печи, духовке... Я просто не хочу здесь упоминать о колбасных блюдах, шашлыках, телятине...

Пусть разгорается аппетит. Гуси набирают к зиме жирку. Антоновка – вкус и запах... И если правда, что руновское вино исчезло, то под вышеуказанную «запеканку» и армянский коньяк сойдёт... Граница с Арменией открыта.

Слышал, что прохлаждающемуся в саду Исааку Ньютону упало на голову яблоко. Так был открыт закон всемирного тяготения, завершивший гелиоцентрическое представление о Солнечной системе, но я продолжаю надеяться, что этим яблоком, как вы догадались, была антоновка из Каширы. Красивое, и самое вкусное, и самое полезное яблоко на земле.

Корона Каширы

Эссе

*Есть вещи, что умом не постижимы,
То наши представления о них!
Но занавеси рухнут, встыхнут ширмы,
Когда перевернём страницы книг.*

Автор

Вообще-то я поторопился сказать: корона Каширы. Хотел сказать: Кашира – корона России. Но невелика беда: вся история человечества состоит из сплошных ошибок, тем паче – из ошибок трагических. Но не было бы счастья, если б я не сделал ошибку.

По сути, я воскресил исчезнувший из памяти лингвистики метод образования новых слов и их понятий. Этот метод был напрочь забыт ещё в Древнем Риме, когда там царила латынь, язык, на котором пишут в России и сегодня, например, рецепты, а иногда и законы. По этому поводу русский историк И. И. Болтин более двух веков назад бросил интересную реплику: «Не так легко писать законы, как для больных рецепты». Что послужило для меня поводом подумать, что законы пишут на языке, предшествовавшем даже древнеримской латыни.

Рассматривая на одном из семи римских холмов Капитолий, я чуть не скатился в каширский овраг! Настолько был поражён сходством слов, вернее, корневой основой самих понятий, обозначающих эти слова. Ведь стержневой опорой древнелатинского корня «кап» является русское «ка», а ещё надёжнее – буква русской азбуки «ка».

Сам по себе латинский корень «кап», вросший в слово «капут» (голова), стал как бы носителем понятия «головной убор». В современном русском языке это корона, кепка, кемель, картуз на калгане...

Словом «калган» в Кашире-2, когда она носила имя Кагановича, называлась обычная голова даже без головного убора. Если составить синонимический ряд от слова «голова», то ничего любопытнее, пожалуй, во всех известных языках мира, кроме русского, не встретишь. Смотрите сами: голова, кумпол, макитра, башка, тыква, чердак (а ещё выше – крыша), череп, калган... Да мало ли чего у нас на плечах вместо головы? Я уж не говорю о горшках и тех частях тела, которые соприкасаются с ними.

Самокритичность – одна из самобытнейших и исконнейших черт не только каширского народа, но и всего русскоязычного.

Помню, Илья Набатов частенько пел по Всесоюзному радио задорную частушку, в которой были довольно-таки недвусмысленные слова: «Критикуй, как можно шире, это, кажется, четыре! Знай, кого критиковать, это – пять»...

Несмотря на эту двусмысленность, я всё-таки отважусь сказать, что не все слова с латинским корнем Кашира взяла в свой язык. Такое слово, как «Каганович» в Кашире не прижилось, а вот «корона» осталась. И видна она над Окой со всех четырех концов белого света.

*Немного надобно ума,
Чтоб помнить, как и где мы жили!
С капитолийского холма
Корона видится Каширы...*

Автор

Дочь Мономаха

*Я – Кашира! Леса да овраги,
Да холмы, да равнины, да реки...
Вкруг меня суетятся варяги:
То монголы, то турки, то греки...
Я – Кашира! Мне жизнь, словно плаха,
Где сгорают и чувства, и страсти...
Я – любимая дочь Мономаха,
Отлученная знатью от власти...*

Автор

«Хорошо ещё, что не отлучили от церкви. Покаялись вроде бы, угомонились! А ведь, что греха таить, собирались отлучить и от самой жизни», – думаю, спускаясь в овраг, и невольно прислушиваюсь. Раньше здесь по весне ручьи журчали, сирень кипела, соловьи совсем с ума сходили. Теперь – тишина. Быть не может! Остановился, и сразу донеслось: чик-чирик! И ещё, ещё... Ну, ладно, и на том спаси вас Бог! Это сегодня говорят: «Спасибо». Раньше говорили: «Спаси Бог» – чётко.

Когда начал спускаться в овраг, заметил, что слева от меня рябая корова идёт с двумя тёлочками. Одна уже большая, «на выданье», а вторая ещё «ребёнок». Обогнали меня, однако вскоре остановились все трое у калитки. Хозяйку ждут, догадался я. А хозяйка в мокром брезентовом плаще с капюшоном, видно, намаялась, медленно идёт... Но заметил по глазам – довольная.

Около памятника А. С. Пушкину вспомнил, как каширяне два года назад отмечали 200-летний юбилей со дня рождения поэта. (Кстати, деньги, какие ни какие, а свои, кровные на памятник жертвовали). Тогда я оказался рядом с Александром Зайцевым, а у него ещё, по-моему, и внучка на плечах была. День был воистину летний, праздничный. И какая-то женщина с букетом цветов старалась вручить их почему-то Б. Коренюгину, а ей говорили из толпы: «Это же не Александр Сергеевич».

В тот день мне и в голову не пришло повторить вслед за поэтом: «О, наше северное лето, карикатура южных зим». Но поэты очень редко ошибаются. Сегодняшнее лето – тому подтверждение. Хотя перед стихией как устоять?

Уже далеко отошёл от памятника, к Стрелецкой улице приблизился, а в голове всё вертелось: «Ко мне не зарастёт народная тропа...». Как хотелось верить этому пророчеству. Я же согласен на любую «тропу», тропиночку, стёжку, только бы виднелась она, бурьяном не заросла, сорняками придорожными...

Смотрю, Алексей Колесников с напарником: вжик-вжик... вжик-вжик! И такой запах вокруг (а перекрёсток рядом!), такой запах – ни пройти, ни проехать! И стоял я там, и не мог надыхаться. А прохожие смотрели на меня и улыбались, словно говоря: и мы бы с тобой рядом постояли, душу успокоили запахом свежескошенных трав, да некогда, торопимся, потерпим, сенокос только начался, успеем...

Подходя к общезнанию, встретил Владимира Редькина. «Что там с клубничкой, Володя?» – «А-а», – машет рукой. – «Вот ты акаешь, – говорю ему на полном серьёзе, – а в Норвегии уже клубнику жуют». Я думал, он начнёт на погоду ссылаться или мои слова воспримет, как шутку. Ошибся. «Руки не доходят», – отвечает. У него, действительно, руки были заняты запчастями. А во дворе (это я видел) стояли две развалившиеся машины...

И я представил, что если б «дочь Мономаха» имела власть «первопрестольной», то и я б тащил сейчас в общагу какие-нибудь железки, а потом возился с ними и не успел вырастить для «дочери Мономаха» клубнику...

Но насчёт «клубнички» можно и подождать, потому как скоро «дочери Мономаха» ходить по Советской будет негде. Расширять проезжую часть улицы за счет тротуара решились...

Я не хочу напоминать архитектору Каширы, что в некоторых городах Европы, не говоря уже о Штатах, весь транспорт подчинён удобству передвижения пешеходов. То есть совсем закрывают проезд. В Вашингтоне вообще транспорта нет. В Москве в своё время раздвигали целые дома для пешеходов. В Кашире теснят пешеходов! Нет, не «спецавтомобили», а автолюбители из сёл и деревень. И пишу я это не как дилетант, не как транзитный пассажир, а как пешеход! Явно не тот путь избран. Через год-два опять нужно будет расширять проезжую часть улицы Советской.

Да, все догадались, что я предлагаю закрыть проезд по Советской для всех (без исключения) частных автомобилей. Стоянок можно (и нужно) найти сколько угодно, начиная с площадки рядом с Домом быта, и далее вниз, к Оке. Вся процедура для отыскания мест парковки автомобилей займет у ГИБДД и архитектора города буквально час.

Я затратил на это полчаса. Но я ведь ещё любовался, как косил траву Алексей Колесников, стоял в раздумье перед памятником А. С. Пушкину, разговаривал о пользе плодово-ягодных растений с Владимиром Редькиным... и мечтал, что наступит время и будем отмечать день рождения «дочери (любимой!) Мономаха» в 650-й раз. А к тому времени можно будет ходить по улице Советской вдоль и поперек, не опасаясь, что какой-нибудь автомобиль придавит тебя на тротуаре...

Каширский «Бродвей»

Эссе

Я пою только «под настроением» и под семиструнную, а тут душа сама запела. Хорошо, что Советская в этот вечерний час была уже безлюдна.

На мотив какого-то негритянского блюза моя душа завывала, как одинокая волчица:

*О, шумный Бродвей!
Горишь ты ярко так ночами.
Кричат девицы всем: «О'кей!» –
И пожирают нас очами.*

Автор

Слова меня не волновали, меня вдохновлял одинокий, словно глас в пустыне, обездоленный, подлунный вой. Когда, спустился в овраг, поймал себя на мысли, что мог бы и не выть, а петь песенку, никем, никогда не слышанную, песенку о Кашире:

*Белые берёзы, белые морозы,
Белый-белый в белом небе снег.
Почему-то снятся белые мне розы,
И Каширу вижу над Окой во сне...*

Автор

Ночью, во сне, я опять увидел Каширу, вознёсшуюся над Окой златоглавыми куполами своих храмов, и какой-то заоблачный голос сказал: «Живёт в Москве поэт Хайдар Бедретдинов – певец Каширы! А раз он певец Каширы, то обязан написать и песню о Кашире. И тебе не нужно будет выть про «штатских» девиц, «пожирающих прохожих глазками».

Утром я подумал: «Может, каширский «Бродвей», то бишь улица Советская, действительно настолько захолустная и задрипанная, что московскому поэту стыдно о ней замолвить слово?»

Москвичам, честно говоря, я не особо верю, поэтому решил ещё раз пройтись по Советской, чтоб иметь собственное мнение о главной, а по сути центральной улице подмосковного городка с таким простодушным именем – Кашира.

Пока выходил из оврага и любовался красавицей-берёзкой на его склоне, в голову пришло четверостишие:

*Улицы, переулки,
Проезды, тупики...
Нет на свете науки,
Чтоб для удобств людских.*

«На свете, может, и нет, а в Кашире есть!» – убеждала меня интуиция, самое надёжное моё чувство.

И вот первый неопровержимый тому факт. Знаменитый на всю Каширу, как Одесский привоз, «Дом быта», забитый (невозможно подобрать определение) лучшими адвокатскими конторами, дешёвыми изделиями ширпотреба, всевозможной снедью..., короче, уже на первом этаже разбегаются глаза..., но великая цель бытовых услуг достигнута! Через дорогу – тюрьма... Удобно? Бесспорно! Да не волнуйтесь – зачем же, адвокаты рядом...

Я с завистью, с белой завистью подумал о каширянах, когда оказался возле суда. Прямо через дорогу – аптека. Мало ли что может случиться во время судебного процесса. Пока «неотложка» подкатит, и умереть от страха или волнения. А тут и валерьяночка, пожалуйста...

И как всё близко, как рядом, как доступно любому. Это не американский Бродвей, где двери открыты только для имущих.

Дойдя до банка «Возрождение», я никаких изъянов в городской планировке не заметил, так как всё внимание сосредоточил на одной улице, которая вела в Москву...

Особо нужно отметить соседство КДЦ «Родина» с Введенским храмом. Это ж надо так придумать, чтобы небесную идеологию безмолвно поддерживать материалистическим базисом! Ещё недавно непримиримые враги, сегодня стоят чуть ли не в обнимку: храм Божий и кинотеатр.

За кинотеатром – ОВД. Рядом – две скромные скамеечки, на одну из которых я присел и задумался. Мысли меня уносили в дальние дали, в такие дальние, что представить их можно было только умозрительно. И мне показалось, что там, на «штатском» Бродвее, какой-то неунывающий мальчишка, навевая солнечный блеск на «макасы» миллиардера, взмахнув, как дирижёрской палочкой, сапожными щётками, приплясывая, поёт:

*Кашира, ты Кашира,
Советская страна.
Сам Климент Ворошилов
Тебе служил сполна.*

Отдохнул – иду дальше. Передо мной вырастает громада бывшего ЖКХ, как всплывают в океанских просторах айсберги.

«Так вот где таилась погибель моя!» – улыбнулся я, заметив краем глаза приземистый, словно хлев, магазин «Кормилец».

– Уму непостижимо, – произнёс вслух, – как же всё тонко, ненавязчиво продумано: ЖКХ и «Кормилец»! Да тут всё рассчитано до седьмого колена. Нет, не до седьмого, а на веки вечные...

Дальше по каширскому «Бродвею» шагать, как по Москве, я не видел смысла. Там, ближе к Оке, были уже «дела минувших дней». То есть сменивший памятник Владимиру Ильичу Ленину бюст Александра Сергеевича Пушкин, бывшие райисполком и горком, собор...

«Ничего себе «Бродвей» на Советской, – рассуждал я, возвращаясь к себе в общежитие, – на целую оперу тянет! И это только один квартал, и это только с «пятого на десятое».

А в это время в скверике Героя Советского Союза Николая Моргунова «раздавался топор» камнетёса. Азиаты закончили кирпичную кладку строящегося дома, взялись за крышу, и оказалось, что кирпичный фронтон сделан не по проекту. Вот и рубил рабочий топором кирпич! Оказывается, не только щепки летают, но и щебёнка...

– Боязно за мужика с топором, – сказал я знакомому, который оказался со мной рядом. – Вдруг сорвётся... На такой высоте и без страховки!

– Хозяину видней, – спокойно ответил тот. – Это же частная стройка...

«Все мы азиаты!» – повторил я слова русского поэта Александра Блока, но хорошо это или сказано с иронией, поэт никогда не объяснял, хотя сарказма у него хватало.

*Брожу по городу и ною
безвестной песенки напев...
Вот здесь простились мы с тобою,
здесь оглянулись не стерпев.*

Спасибо за это откровение ленинградке Ольге Берггольц...

05.10.2007

Голуби вы мои сизые...

Было солнечное утро. Высокое, безоблачное небо. И голубой, свежий ветер. Казалось, что такое утро, и такое небо, и такой ветер над Каширой впервые со дня сотворения мира. И ещё казалось, что в такую погоду не поднять голубей в небо – великий грех.

Я посмотрел на Михаила Клюкина такими глазами, что он не выдержал, махнул рукой и резко произнёс: «А-а... пошли!..».

Ещё весной голубятня стояла с общежитием рядом, считай, в обнимку, но подобное «панибратство» пришлось не по душе домоуправше. «Голубятню

убери!» – приказала она М. Клюкину, хотя, конечно, сама не знала и не ведала, куда и зачем убирать голубей.

Клюкин поехал в архитектурное управление города. Главный архитектор К. И. Савин был менее категоричен и почти дружеским тоном рекомендовал переселить голубей куда-нибудь... подальше. Ну, не совсем, далеко, а, например, на окраину Каширы. Мол, и великое переселение народов не обошлось без жертв.

Здесь, между прочим, замечу, что все птицы (исключение составляют лишь космополиты воробьи), а тем более домашние голуби, так берегут чувство Родины, что нам, людям, и не снилось. И даже самое заманчивое, благодатное переселение голубей – трагедия... Одним словом, это не миграция определённых лиц из России в Америку.

Каширские голубятники ничем от голубятников, например, французских, немецких, китайских или американских не отличаются. Та же страсть. Тот же огненный темперамент. Тот же фанатизм. И ещё можно добавить: то же безумие в самом наилучшем смысле слова.

Более того, как утверждают социологи, голубятники – самая прогрессивная, самая демократичная и, естественно, самая независимая часть человечества. И сознание этой части человечества определяется, конечно же, только голубями. Их количеством и качеством. Кстати, насчёт качества. Однажды на Птичьем рынке в Москве мне рассказали, что на одном аукционе в Америке за русскую голубку заморские любители голубей давали двести долларов. А за пару северокавказских чернохвостых даже у нас (во времена застоя) можно было получить автомобиль!

И когда мы видим несущихся по сельской улице запрокинувших головы к небу мальчишек, или солидного мужчину во дворе многоэтажных домов, заложившего все четыре пальца в рот и неистово свистящего куда-то ввысь, или идущего по карнизу подростка, то видим, безусловно, голубятников. Только они, голубятники, способны на, казалось бы, необдуманные поступки. Но это лишь с нашей, обывательской, рассчитанной до копейки, земной точки зрения. А голубятники, как и голуби, парят и летают над нами, где-то там... под облаками.

Это вам не блуждающие, вооруженные до зубов охотники, безродные в «болотниках» рыбаки с ведёрными котелками, угрюмые, словно нашедшие клад, грибники – это божьи посланники, к которым, являются ангелы в образе голубей. Слышали, как под (или над) вашими окнами воркуют ангелы-хранители? Прислушайтесь!

Иногда на городской окраине возле какой-нибудь голубятни целая компания (и дети, и взрослые), ещё только что подпрыгивавшая, как мячик, бившая в ладоши, подбрасывавшая шапки и кричащая на весь белый свет, вдруг неожиданно замрёт, как будто набрав в рот воды, и стоит как вкопанная, заморожённо глядя в зенит. И такая вокруг воцаряется тишина, что слышно, как бьются сердца. А то и того не слышно.

Там, куда улетает взор, как будто над всей вселенной, а не над Окой и златоглавыми куполами каширских церквей, парят на ветру голуби: то доступные взгляду, то исчезающие в неизвестность. Они беспомощны и безза-

щитны. И случись что-нибудь (не дай Бог!) в голубой бездне, на землю упадут снежинками перья.

Не поэтому ли такое соучастие принимают в полёте птиц стоящие на земле люди, готовые в любой миг хоть как-нибудь (даже своим присутствием) помочь птицам?

Голубеводством в Кашире занимаются более шести веков. То есть столько, сколько лет самой Кашире. Старожилы рассказывали мне, что ещё совсем недавно в каждом (почти в каждом дворе) стояла голубятня. Голубиные стаи жили и на многочисленных колокольнях. И когда звонари начинали бить в колокола, в небе над Каширой расцветали букеты голубей. Наслаждайся, люд, с Ямской, Пушкарской и Рыбацкой!

Отец Михаила Клюкина, Владимир Иванович, всю свою жизнь посвятил голубям. Да нет, не посвятил – отдал без остатка. Как говорят, безвозмездно и бескорыстно. А ведь Кашира знала и годы войны, и годы голода. Энтузиазм? Увы, любовь!

Остались верными друзьями голубей на всю жизнь и Виктор Самойлов, и Виктор Никифоров, и Александр Новиков. Тот самый Александр Новиков с Малой Ямской, объехавший весь Советский Союз и всегда возвращавшийся с глубоким убеждением, что в Кашире голуби не хуже, чем в Краснодаре, Курске, Самарканде, Красноярске. Не говоря уже о Серпухове, Ступине, Коломне.

Я уже хотел закругляться таким четверостишием:

*Залезу на чердак. А с чердака на крышу:
– Ну, здравствуйте, родные сизари! –
И столько доброго и нежного услышу,
Что буду этих птиц боготворить...*

... но вспомнил, что небо становится ниже и облачность (всё-таки не грозовые тучи) гуще. И не только над Каширой. И многие голубеводы уже остывают к высоколётным породам, к таким, как армавирские, кавказские, краснодарские, и переходят на вольерное содержание. Причины? И воздух загрязнён, и хищников развелось больше, чем нужно. Агрессивность соколов и ястребов возросла до предела. Известны случаи, когда ястребы голубей брали прямо над голубятней. Ну и рынок, естественно, качает права. Я уже говорил выше, что за русских голубей дают американские доллары. И всё же...

«В грозы и в бури, в житейскую стынь...», в любое время года всегда рядом со своими питомцами Анатолий и Виктор Шевандины, Владимир и Евгений Красновы, Михаил и Владимир Афанасьевы, Борис Круг и Михаил Дриханов.

Михаил Клюкин как-то сказал мне с надрывом в голосе:

– Среди вас сложилось превратное представление о голубятниках. Раз голубятник, значит, что-то вроде хулигана.

– «Среди вас» – это среди кого? – переспросил удивлённо я. – Ты что, не знаешь, что я сам вырос среди голубятников?

Я назвал ему породу голубей, выведенных в Краснодаре моим дядей.

– Вот ты говоришь, что в Кашире были такие голубятники, что умирали под воркование голубей. А ведь и дядя мой умер так же.

Нет, не с тоской я смотрю на небо. Смотрю с надеждой. И верю, что ненастье скоро пройдёт и над древней Каширой вспыхнут, трепеща на ветру, нерукотворные букеты голубей.

Постскриптум. Кашира не Москва. И в Кашире Птичьего рынка, как в Москве, нет. Хотя выставки-продажи, например, цветов, картин проходят с большим успехом. А почему бы не организовать выставку голубей, скажем, на Каширском рынке в один из прекрасных ярмарочных дней? Ведь «птичий ряд» существует. И пригласить на эту выставку голубеводов из Озёр, Коломны, Зарайска, Ступина... Да мало ли откуда ещё приехали бы голубятники, чтобы показать своих любимцев. А вопрос купли-продажи голубей решился бы в рабочем порядке, сам собой.

Каширский соловей

Эссе

Клянусь, что у каждого человека было, а если не было, то будет счастье в жизни. Счастье не какое-то абстрактное, но своё, личное, святое, не залапанное грязными руками, не забрызганное ядовитой слюной всевозможных политических лидеров.

Насколько мне известно, соловьи в неволе не поют. Да не видел я их и в клетках даже на старом московском Птичьем рынке. Щеглов и канареек встречал, но безголосых.

Сегодня, однако, мне не до соловьиных трелей. Лихорадит и знобит. Лихорадит от подъезжающих к окну юрких грузовичков с коробками, ящиками, щебёнкой (её выгрузил мощный самосвал, а после наёмные рабочие из стран СНГ соорудили что-то напоминающее укрепрайон... и если теперь под моим окном появятся две гаубицы, стволами на пекарню, ну как на Пушкарской, то горя и счастья, действительно, не миновать), охлаждающими и горячительными напитками...

«Эх, – вспоминаю я былое время, – завезли бы знаменитое руновское! Вот бы кичливым грузинам нос утёрли...».

А знобит при мысли расчёта с каширскими электросетями, чем рассчитываться? К сожалению, я не совхоз и не колхоз. Я лишь субъект государства. Правильно сообразили хозяева магазина, государство беднее не станет и автор этих строк беднее не будет! Как был нищим, так и останется... и целую зиму бригада строителей, нет не ручными кувалдами (кончилось то время), электродрелями долбили кирпичные стены... долбили круглосуточно, ведь не спать приехали, а зарабатывать!

Знобит ещё и от парацетамола (единственное лекарство от всех известных медицине болезней!), который я способен покупать. Но самое качественное лекарство, рассекреченное человечеством, это, безусловно, пицца! Вспомнив цыганскую поговорку «Даст Бог пищу, а день будет!», я двинулся через овраг

к «новому-старому» рынку, хотя точнее было бы сказать – к «старому-новому» рынку.

Вот тут-то и свершилось чудо, из-за которого я сел за стол и взял карандаш. Не пугайтесь! Описывать свалку в центре Каширы накануне её 650-летия не позволю ни себе, ни средствам местной информации. Хватит! Шесть веков с половиной базарили на эту тему, надоело, обрыдло, руки и языки отсохли!

Однако не рассказать о каширском соловье я не могу, не имею никакого ни юридического, ни морального, ни человеческого права. Соловей-то свой, кровный, не ступинский, не московский, тем паче не украинский или молдавский, а повторяю – доморощенный, стрелецкий, но и советский. Из-за такого соловья мне в юности приходилось опаздывать на работу, ведь до утренней зари слушал...

Так вот, находясь в этой «ойкумене», то есть среди свалки, я почувствовал, что мне чего-то не хватает, словно лишили меня в жизни самого дорогого, лишили радости, без которой, конечно, прожить можно, не умрёшь, но жизнь будет бессмысленна, ни гроша не будет стоить.

Я глянул на плывущие «с милого севера в сторону южную» облака, и не найдя среди них незримой части потерянного бытия, в недоумении стал оглядываться по сторонам, стараясь исключать из поля зрения отбросы цивилизации, среди которых бродили голодные и плешивые псы.

Наконец-то я сообразил, что не вижу даже ворон, этих «бомжей» помоек, не вижу белых голубей, домик которых и сегодня стоит на дне оврага, выдерживая натиск железобетонной громады мебельного комбината, не вижу шустрых козочек веселящихся возле улыбающейся на скамеечке старушки.

И здесь память мне подсказала, что в это время (именно в это время!) в овражных кустах и деревьях трещали, бормотали, пересвистывались соловьи!

– Каширский соловей, – рассказывал мне когда-то живущий почти в овраге Михаил Клюкин, – соловей особый! Это соловей-разбойник...

– Ты что, вычитал это в «Каширской старине» Дмитрия Аверкиева? – спрашивал я его.

– Это из каширских былин! – отвечал Клюкин, улыбаясь, с намёком на мою неосведомлённость. – Каширские соловьи-разбойники ставили на уши в древности спекулянтов...

«Нет, не уйду из оврага, – сказал я себе, – пока не услышу соловья. – Пусть пассажиры слушают рокот «иномарок», визг и вой авиалайнеров, летящих в Сочи и на Багамы, а я послушаю (может быть, последний раз в жизни) живой голос любви и свободы!

И я его услышал этот голос. Он шёл из цветущих деревьев, как бы стесняясь окружающей его среды, шёл засвеченный моим восторженным взглядом, оберегаемый моими растревоженными чувствами...

«Воистину божественное пение!» – выдохнул я.

Вернувшись в разрушенное общежитие, я невольно записал на клочке бумаги:

*В невзгоды дней идущих не вникая,
Дожди ли над Каширой, суховей,
В душе моей, уже не умолкая,
Петь до могилы будет соловей...*

Шляпа

Эссе

Бродячий пёс дворянских кровей волей судьбы оказался на дне оврага, где стоял контейнер для отходов. Пёс породы ротвейлер, успевший побывать за свою «цыганскую жизнь» на всех помойках Каширы, был просто очарован увиденным. Переполненный контейнер венчала экстравагантная мужская шляпа, которая, судя по модели, могла принадлежать Чарли Чаплину или, на худой конец, Никите Хрущёву.

Контейнер с «шапкой Мономаха» не смог бы так сильно перевернуть мозги сообразительной собаке, как эта тёмно-синяя велюровая принадлежность мужчины, ценящего свою «золотую голову».

«Конечно, шляпа была утеряна хозяином, а нашедший водрузил её на самое видное место», – радостно взвизгивая, проскулил ротвейлер.

Контейнер для мусора в глазах собаки принял образ человеческой головы...

«Это ты круто взял, – гавкнул пёс на себя, – человеческая голова всё-таки кое-что соображает. Например, люди употребляют в пищу не всё подряд, иначе не было бы столько отходов, что спецмашины не успевают очищать овраг».

Пёс пристальным взглядом окинул овраг, обгоревший до верхушек деревьев, на которых когда-то распевали залётные и местные птицы.

«Вообще-то с глубоким смыслом короновали контейнер, – подумал пёс. – А чему здесь удивляться? Рядом кирпичный домина, чуть поодаль – другой, за ним третий, потом – четвёртый... возле каждого дома пора ставить контейнер!»

Однажды пёс по улице маршала Астахова пробрался на «блошинный рынок» и привёл оттуда стаю собратьев, так как одному осилить задуманное было трудно. А задумка оказалась очень даже благотворительная! Известно, какой у собак нюх...

И вот вся эта свора подзаборных «стражей» начала растаскивать из контейнера ношенные вещи по своим бывшим адресам. Мол, зря торопитесь выбрасывать, граждане! На Западе на таких свалках, как на подиумах, щеголяли модники в подобранной одежде.

«Он вышел из оврага!» – радуюсь я, встретив мужчину в шляпе.

А сам теперь боюсь просмотреть подходящую для себя вещицу, оказавшуюся лишней для других. И вместе с ротвейлером мы скорбим, что нет Чарли Чаплина и нет Никиты Хрущёва и ещё нет вместе с нами многих замечательных людей, предпочитающих шляпы замыганным полублатным кепкам.

Прикол

Возвращаясь из Ступино, я вышел из автобуса на Стрелецкой и наткнулся на пожилого мужика, по глазам которого мне стало ясно, что в душе у него штормит...

– Браток, – обратился мужчина ко мне, развернув перед моими глазами тысячерублевую бумажку, – подскажи, где поменять её на доллары?

– Долларовые бумажки в Кашире можно получить... – я сделал вид, что вспоминаю, где меняют рубли на валюту, а в это время успел прочесть на тысячерублёвке «Банк прикол» и моментально сообразил, что меня крупно дурачат.

К моему удивлению, глаза мужчины были похожи на безбрежное море, сверкающее сочинским солнцем, что меня даже оскорбило. «Смотри ты, хамелеон какой! Только что переживал перед неизвестностью и тут же уверовал в успех!» – подумал я.

Дальше рассудок мне подсказал, что я должен ответить на шутку шуткой. Мужика в это время, пока я раздумывал, мучило нетерпение: когда же он услышит, где можно получить доллары? Видно, ему показалось, что я действительно собираюсь направить его в банк.

– Если с долларами проблема, согласен получить евро! – выпалил он.

– В Кашире с валютой никогда проблем не было, – успокоил я шутника, а по его глазам опять заметил душевное беспокойство. Неужели он надеялся? Неужели мечта о деньгах превратила его в наивного ребёнка?

– Выйдешь на Советскую и пойдешь вниз, к Оке... – начал я серьёзно объяснять мужику, а он внимательно слушал. – Как увидишь охрану на крыльце с автоматом, так и заходи... там любые ассигнации меняют... Только всё время держись правой стороны! – предупредил я обладателя «тысячерублёвки».

Неожиданно глаза его потускнели, лицо осунулось.

– Там же милиция... – кисло промямлил он, но я его ободрил:

– Иди, иди! Явка с повинной смягчает наказание.

Больничная молитва

Л. В. Соколовой

*Во имя Отца и Сына,
Во имя Святого Духа,
Молюсь тебе, медицина,
Божественная наука.*

*Молюсь в больничной палате,
Цивильную сбросив робу,
Молюсь не молитвы ради,
Молю я помочь холопу...*

*Во имя Отца и Сына,
Во имя Святого Духа,
Во имя пенициллина,
Что есть в больнице (по слухам).*

*Молюсь, чтоб врач Соколова
Избавила от уколов...
Целебно святое слово
И действует, кстати, споро.*

Автор

Терапевт Людмила Васильевна Соколова, чтоб я не скучал в палате, предоставила мне койко-место возле окна. Правда, того, что происходило за окном, я не видел – больше смотрел на капельницу, возвращающую меня в многообещающую повседневность.

С инсультом (нарушение мозгового кровообращения) много не поразмышляешь. Вместе с тем, что-то помешало мне безмятежно лежать, и я почему-то всё время думал: не пора ли народных избранников всех уровней уложить под капельницы? Но за окном начинали ворковать голуби, словно отвлекая меня от мрачных мыслей. А в небе над сиротливым, безлюдным лесом летели чёрные стаи галок и грачей. Птицы летели с северо-запада на юго-восток. Иногда ветер перемешивал стаи с мокрым снегом. В такие моменты мне казалось, что всё человечество теряет смысл своего предназначения, жизненный ориентир, и я закрывал глаза...

Тот, кто представляет больничную палату мрачной, как могила, глубоко ошибается. Я бы сравнил её с камерой. Сравнение это взято не из литературы, а проверено на собственной «шкуре». Не останавливаясь на деталях, скажу о духовном. «Святой дух» – единственное средство, способное устоять перед болью и бедой. Единственное, что может «Дух», запомните, устоять под ударами судьбы.

В подтверждение этого следует привести мысль древнеримского философа Сенеки, бросившего укор современным политикам и публицистам: «Нет ничего более бесполезного и обескураживающего, чем выявление перед людьми печальной картины их бедствий без указания средств для того, чтобы избавиться от них».

Доктор Вячеслав Владимирович Сашин, принимавший меня в больницу, и не пытался указывать мне путь моего избавления от хронических недугов. Он лишь спросил: «Пьёшь? Куришь?..»

Этого было достаточно, чтобы предложить мне курс лечения.

Ещё Державин утверждал, говоря о себе: «Я – Бог!..»

«Я тоже есть Бог!» – сказал я сам себе и выкинул пачку сигарет из кармана. Мне стрёмно было сознавать, что я есть червь...

Между тем я продолжал углублять и расширять волнующую меня тему. «Во имя Отца и Сына, – бубнил я себе под нос. – Во имя святого Духа и вкусного апельсина, припрятанного для внука», – я вымаливал у больницы здоровья.

Однажды мне приснилось, что я блуждаю по красивому светлому зданию, и чей-то голос за моей спиной вещает: «Береги своё здоровье! Убережёшь – пан, не убережёшь – пропал».

Утром я вспоминал услышанное во сне и долго журил себя за «бесцельно прожитые годы», «за безвозвратно потерянное здоровье» и ещё за многое другое, о чём и подумать в конце жизни страшно.

Перед глазами вновь замаячила капельница, задача которой – привести в порядок мозговое кровообращение, и это было равносильно изменению вращения нашей планеты во Вселенной...

*Во имя Отца и Сына,
Во имя Святого Духа.
Да здравствует медицина,
Теперь и моя подруга...*

Автор

25.09.2012

Белая Кашира

Эссе

Для меня даже на областной карте Кашира выглядит «белым пятном». Пользуясь авторским правом, я убираю «пятно», так как все границы – условная черта; убираю «выглядит», потому что ничто в мире не выглядит так нелепо, как мнимый образ, и получаю чистую во всех отношениях «белую Каширу». Не право-левобережную Каширу, а Белую.

Белая Кашира, это уже символ. Знак Зодиака, если хотите. Знак жизни.

Я глубоко убежден, что высоко над Каширой, (так высоко, что и над всей Россией!) вовсе не зря живет Водолей. По небесному гороскопу, единственно подходящему для человеческого рода, Водолей есть жизнь! Остальные одиннадцать созвездий также – жизнь. Но Водолей – двенадцатый! Это не чёртова дюжина. Это как раз то, что необходимо. Апостолов столько же.

Звездочёты могут возразить: не с того созвездия начал считать! Говорю им: «С какого хочу, с того и считаю!» Солнце идёт кругом. И проходит все двенадцать созвездий. И откуда бы я ни начал считать, все 12 будут на месте. Кто живёт в Матюково или в Корыстово пусть считают с Козерога, например.

Белая Кашира имеет и другой «чистый» символ: белые храмы! Все, переступившие порог храма, в чём бы они ни были одеты – они в белых одеждах. И только дальтонизм матёрых безбожников беспощадно отличит белое от чёрного.

Белая Кашира не только белая потому, что она в Божьих одеждах над нами в зените, но и потому, что здесь, на земле, где все зрячие, она стоит на белых камнях. Сколько их, белых святых камней? Слава Господу, что их не столько, сколько в хаосе Кавказских гор. Мне приходилось находить на полях и в ов-

рагах белые камни, несущие вечный покой каширской земле. Они как бы лишены соблазна и искушения. Они это уже проходили...

И вот, отдыхая на одном из таких камней, я подумал, что и в основание Царства Небесного заложены такие камни. Я и в мыслях не могу допустить, что там могут быть чёрные...

Поддавшись однажды ажиотажу вокруг пилолесоматериалов, я решил заранее приобретать доски на... гроб. Мало ли что может случиться в этой непредсказуемой жизни! А уже случилось, что надеяться на чью-то помощь я не мог! Остался гол, как сокол. Да ещё к тому же один, как перст. Перспектива была не очень веселой. Но кроме всего прочего существует радость жизни... Подхожу к одному владельцу пилолесоматериалов и говорю ему с улыбкой: «Подайте, Христа ради, какую-нибудь тесинку на гроб». Владелец, конечно, в недоумении раскрывает рот с золотыми фиксами: «Как это, Христа ради?» «Так на гроб же... дело житейское, – вибрирует мой голос, – не дачу же городить прошу»...

Не удивляйтесь, некоторые владельцы со снисходительной благосклонностью подавали. И вполне приличные тесины. А как-то бригадир сжалился: «Давай мы тебе сразу гроб сколотим!», – и назвал сумму. Прикинул – дорого! Для меня, ещё живого человека, – дорого. И подумал: «Сколотите даром, бесплатно... А нет, значит, нет... Без гроба ещё удобнее в могиле лежать». И тут же потусторонняя мысль ударила: «Могилу-то бесплатно не выроют!» Здесь вмешалось сознание: «Смотри-ка, как зацепился, не вырвешься... Кругом давай, давай, давай...». Шёл в общежитие и твердил: «Ничего нет... Ничего нет...». И с тех пор начал молиться, чтоб со мной ничего похожего на смерть не случилось.

Как раз к этому времени железная сетка на койке расползлась. И что вы думаете, из тех тесин, что владельцы иногда подавали, смастерил такие нары... такие нары – я вам передать не могу. Один знакомый даже, по-моему, с завистью произнёс: «Лесом пахнут! А главное – для спины полезно, сутулость исчезает».

Это я ещё не сказал завистнику, что, лёжа на этих тесинах, вижу, как из кондитерского цеха подходит к окну очаровательная блондинка в белом халатике с белой чашечкой... Глаз не отвести!

А много лет назад подходил к своему окну я. Подходил, чтобы полюбоваться белым жеребёнком, который по вечерам бегал в своё удовольствие во дворе хлебокомбината и лакомился булочками. Потом жеребёнок вырос и стал ретивым конём. Гордым. Красивым. Сильным. Его тут же зануздали. И стал этот гордец возить со склада бочки с маслом, маргарином, мешки с мукой и сахарным песком. А вскоре и совсем исчез. Разные слухи ходили, но я склонен верить, что в любом случае виной – одиночество. Он, вероятно, догадался, что на асфальте ждёт его гибель, даже с батоном в зубах... И стоят теперь возле экспедиции «мёртвые газели»... А мне до сих пор кажется, что вместо хлеба жую мякину.

Но остались в моём окне тюрьма и колокольня Введенского храма, а между ними затерявшийся в осенних садах беленький банк. И если банк не очень беленький, а с голубеньким, всё равно засматриваться на это здание никому не советую. Деньги они и есть деньги!..

За всем этим и многим другим вниз, по Советской, – Ока! Вот глядя на Оку, я и говорю, вопреки диалектике: «Нет, не всё изменяется! Извечным остаётся наше отношение ко всему живому. А какое оно, наше отношение, я и говорить боюсь, не то, что писать!..»

Выше сказал, что «белая Кашира» – это не «право-левобережная» территория чьих-то угодий. И не избы с берёзами и палисадниками, не монастырь над и за Окой, хотя и это. Белая Кашира для меня – символ всей России, уменьшенной до слезинки... И все же:

*Ты заморозила, ты заморозила,
Глядя мне доверчиво в глаза,
Белая Кашира, белая Кашира,
Что тебе на память рассказать?*

Автор

Всё лето шли грибные дожди. Дожди шли и в сентябре. А грибов было мало. Хоть и не грибник, интересовался – в чём загвоздка? И вот на рынке возле мясного ряда, на грязном, базарном майдане – Господи! Одуванчики, одуванчики в лукошке. Казалось, повеет ветер и разнесет их по всей Кашире... По всей России. Но плетёные из белой лозы корзинки стояли на месте. Рядом курил хозяин. Стоял и курил. Ждал. Надеялся, что найдется нуждающийся. И мне от хозяина передалось это чувство ожидания. В стороне ожидал. Надеялся, что вот-вот кто-то подойдёт, ждал вместе с хозяином. Думал, услышу не тяжбу унижающую из-за цены, а разговор двух понимающих друг друга людей. Не дождался... Не увидел... Не услышал. И убралась «одуванчики» восвояси.

Обидно мне стало за диалектику, ведь не может течь вспять от жизни ничто на свете. Не может! И мы это скоро поймём сами, не было бы только поздно...

Ах, чуть не забыл! Забвенья нет. А белое пятно – лишь чистый лист нашего сознания. Начнём же этот лист с прописной истины, о которой только говорим. Да не будет нам лихой бедой начало!

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Тернов. <i>Через длинный коридор общественного жития</i>	3
А. Н. Гришина. <i>«Рабству вечному сродни»</i>	7
А. И. Иванков. <i>«Блажен, кто потерял годам тем счёт...» (интервью)</i>	9
<i>Биография</i>	10

ПОЭЗИЯ

I. Юность

У памятника	11
Войны не разжечь новой.....	11
Встреча.....	11
Лекция.....	12
Здравствуй, космос!.....	12
На кухне.....	13
После ужина.....	13
Балалайка.....	13
Поступь поколений.....	13
Бессмертие.....	13
Юность.....	14
У нас в ауле.....	14
«Всегда ты, речка горная...».....	14
Посвящаю А. П. Луговой, моей учительнице (поэма).....	15
Мальчишки.....	17
«Незабудка».....	17
«Встречают вокзалы...».....	17
Море.....	17
Порыв.....	18
Лесорубы.....	18
В карьере.....	19
О хлебе.....	19
Час жизни.....	19
Отцовские ладони.....	20

II. Зрелость

Яблоки.....	21
Миллион событий.....	21
В Шушенском.....	21
На Волге.....	22
Автобусные страдания.....	22
Полдень.....	23
«Любимая, земля ещё нага...».....	23
«Казалось мне, любовь моя легка...».....	23
«Ты теперь не моя...».....	23
«Встречу и затоскую...».....	24
«Опять поля раскрыли души...».....	24

Старик.....	24
Звёздный.....	24
Октябрь мой.....	25
Зимние мотивы.....	25
Солдаты Октября.....	25
Светлый день.....	26
Подарит золотые росы.....	26
«Опять начинается зимняя сказка...».....	26
«Хочу рассказать, как твердеет бетон...».....	26
«Кусты жасмина и сирени...».....	26
«Декабрь молодец...».....	27
«Молчаливы леса до озноба...».....	27
«Вон облака – в дозоре витязи...».....	27
«Хотелось взять и умереть...».....	27
«Неужели цветы отцветут...».....	27
«Спокойствие души...».....	28
«Вот и юность отпела свой гимн...».....	28
«Дни всё короче и короче...».....	28
Конституция! Путь наш ясный.....	28
«Центролит» (отрывки из поэмы).....	29
«Был шар земной почти в масштабе глобуса...».....	30
«Пойми меня: бывает в жизни час...».....	30
«Нет, я, признаться, не особый...».....	30
«Где живёшь ты, скажи?...».....	30

III. «Пора отречения от сладких грёз и суеты...»

«Ухожу от тебя...».....	31
«Умирает женщина от любви...».....	31
«Я люблю, Подмосковье, тебя.....».....	31
«Когда сверх нормы я загружен...».....	32
«Пора приходит отречения...».....	32
«В Москве, на станции Товарной...».....	32
«Даже если в жизни всё просплю...».....	32
Помню о тебе.....	32
«Люди, как мне жалко вас...».....	33
«Прошла моя задорная беспечность...».....	33
Мысли вслух.....	33
«Чтоб не зависеть от судьбы...».....	33
«Пересчитываю я годы...».....	34
«Дождь пройдёт...».....	34
«Не толпитесь у порога...».....	34
«Совість ходит, ездит и летает.....».....	34
Партизанам отряда им. И. А. Кочубея.....	34
«Дождь идёт...».....	35
«У каждого что-то неладно...».....	35

«Было всё, чего душе угодно...».....	35	«Речка. Дубрава. Поле...».....	46
«В жизни всё сложнее и всё проще...».....	35	«Я точкой был высокого зенита...».....	47
«Верни мне август в Кабардинке...».....	36	«В сонных травах, в ливне...».....	47
«Мой друг живёт под небесами...».....	36	«Под ливнем в Хосте...».....	47
«У каждой избы палисадник...».....	36	«Вот подойду и расцелую...».....	47
«Живу, как грузчик...».....	37	«Когда хандра и сердце стынет...».....	48
«Имеют и сердца изъяны...».....	37	«Ужель и впрямь, нет худа без добра?...».....	48
Расцелуемся.....	37	«Какая здесь, в деревне, грусть...».....	48
А. Евдокимовой.....	37	«Посмотрю на ветлу. И на лодку...».....	48
«Вроде бы друг другу не мешаем...».....	37	«Сколько лет между нами...».....	49
«Я знал, что степные просёлки...».....	38	«Помню, как вы учили: не трогай...».....	49
«Глоток воды. Глоток махорки...».....	38	«По глушости провизора...».....	49
«Печальные сосны. Угрюмые кедры...».....	38	«Безмолвье изб и тишина подворья...».....	50
«Я мог бы подтвердить...».....	39	«И когда до могилы останется шаг...».....	50
любви коварство...».....	39	«Сорок лет истязает рана...».....	50
«Когда сжимается петля...».....	39	«Пока сильны мы и свободны...».....	51
«Часы уже не бьют. Стучат секунды...».....	39	«Когда погас последний луч заката...».....	51
«Умоюсь ветром. Вытрусь снегом...».....	39	«В сорок седьмом, послевоенном...».....	51
«Верю ветрам и деревьям...».....	40	«И мне пришлось стоять над бездной...».....	51
«Не одолеть правобережья...».....	40	«Азартная штука – земная работа!...».....	51
«Лежу в саду с закрытыми глазами...».....	40	«Плачь, пацан, пусть будет сердце...».....	51
«И завтра будет день...».....	40	«Целенаправленность бесцельна...».....	52
«Сдаваться? Нет! Ещё ты жив...».....	41	«Мой друг, потолкуем о жизни...».....	52
«Я думал: легко и просто...».....	41	«...И враг был условным, и бой...».....	52
«Ничто не волнует, как прежде...».....	41	«Ягодное – Лесное...».....	52
«Трагедия? Ну что ж, взгрустнём...».....	41	«Я приеду к отцу на могилу...».....	52
«Не ради шуток и не ради смеха...».....	42	«Во мне засела дума, как заноза...».....	53
«Лишь вздохну: пропади...».....	42	«Русь – она не девка и не баба...».....	53
«Наши чувства не станут беднее...».....	42	«В пустой избе возле затона...».....	53
«Всё, что можно разбить...».....	42	«Жизнь коротка и времени в обрез...».....	53
«Полвека много или мало?...».....	42	«Как мы иногда благоговейны...».....	53
«Безлюдный переулочек мне...».....	43	«От асфальта, бетона, железа...».....	54
«Из ромашек сплёл себе венок...».....	43	«Мы не расстанемся с кувалдой...».....	54
«Царства были обещаны...».....	43	Ах, какие кони – загляденье.....	54
«Лет до пяти... А дальше помню...».....	43	«Пролетит ли подбитая птица...».....	54
«Царство небесное – небу...».....	43	«На берегу родной Кубани...».....	54
«Слово ли, берёзка, край озёрный...».....	43	«Нитрокраска пахнет спелой дыней...».....	54
«О, степь! Опять себя ругая...».....	44	Сыну Владимиру.....	55
«Пушкин у костра сидит с цыганкой...».....	44	«Что ни сделаю, всё не в жилу...».....	55
«Как пугают пустые рамы...».....	44	«Переступил черту, порог...».....	55
«На опушке леса или в чаще...».....	44	«Снова чувства, словно осень...».....	55
«Усмехнутся: характер, мол, слабый...».....	44	«Меня, как стог, разворошили...».....	55
«Да здравствует детство!...».....	45	«Норд-ост крылат и быстр зимой...».....	56
«Солдат с сынишкой на руках...».....	45	«Надо ж было придумать тебя!...».....	56
«Когда тебе под пятьдесят...».....	45	Раисе Фокаревой.....	56
«Не одиночества, молу, – уединения...».....	46	«Как скучен культуры регламент...».....	56
В. А. Дегтярёву.....	46	Т.....	57
«Я замечаю в жизни часто...».....	46	Р. М. Ф.....	57
		«Там, где был я рождён...».....	57

«Кто бы толком помог...».....	57	«Судьба меняется так резко...».....	67
«Нам не хватает мелочей...».....	58	«Пасха началась. Задул свечу...».....	67
«Мудрец, подняв вопросом бровь...».....	58	«И ни добра уже, ни зла...».....	67
«Не всё выходит так, как хочешь...».....	58	«Где взять руды железной горсть...».....	68
«Я маюсь чувственной данью...».....	58	«Прошли бы тучи грозовые...».....	68
«Воркует весёлый мой турман...».....	58	«Тяжело бывает, хоть умри...».....	68
«Время нас скоро рассудит...».....	58	Крутобережье.....	68
«Высоким стилем говорить не надо...».....	58	«Когда исчезли дикие стихии...».....	68
«Прости меня, Ильинский лес...».....	59	«Правда – то, что есть на самом деле...».....	69
«Человеческий разум безумен...».....	59	«Слышишь, злится от тоски и боли...».....	69
«Я даже тогда не заметил...».....	59	«Ученичеству нет предела...».....	69
«Идти было некуда дальше...».....	59	«Если души на месте...».....	69
«Мало ль что может случиться...».....	59	«Умирают дожди, и снега, и ветра...».....	70
«Боязно вчера мне стало... Боязно!...».....	60	«Уж если Русь судьбу решила...».....	70
«Как мысль работала моя...».....	60	«Пока вулканы дышат горячо...».....	70
«Привыкаю к жизни трудовой...».....	60	Серёже.....	70
«То холмы, то низины...».....	60	Самобичевание.....	70
«Накормила, обула, одела...».....	60	Нет ничего вечного.....	70
«Воронежская дубрава...».....	61	«Завидуйте, лакеи и пажи...».....	71
«Лесной огонь, как зверя...».....	61	«Хвало отвагу у рабов...».....	71
«Мне снится, как хлещет в полнеба...».....	61	«Любой из нас всегда крылат...».....	71
«Пролетит электричка сквозь лес...».....	61	«Чтоб доказать, что жизнь – теченье...».....	71
«Только ветер, да небо, да звёзды...».....	61	«Вещали прошедшего тени...».....	72
«Брошу вёсла. Сяду на корму...».....	62	«Наконец-то написать не страшно...».....	72
«Я и сам бы в погоду такую...».....	62	«Изнурительная работа...».....	72
«Память моя – пустотелое дерево...».....	62	«Всё чаще искреннее: «Помнишь?...».....	72
«Зелёное вечное иго...».....	62	«Любовь моя когда-нибудь отыщется?...».....	72
«Топорами? Стрелами?...».....	62	«Как наша жизнь беспечна и легка!...».....	73
«Падала, как в бездну, высота...».....	63	«Пылают травы, листья и закаты...».....	73
«Жизнь, несомненно, к парадоксам...».....	63	«Идут за днями дни, накапливаясь в годы...».....	73
«Сдерживаю слёзы, что есть силы...».....	63	«Я был богат в былые годы...».....	73
«Вновь стою у закрытых дверей...».....	63	«Скрежещет сталь. Свистит свинец...».....	73
«Я драться не буду и мстить...».....	63	«Уже не надо вспоминать...».....	74
«Бредёт безмолвно и устало...».....	64	«Классическая вещь должна быть...».....	74
«Может, всё-таки где-то известно...».....	64	«Озноб лихорадил. Высушивал пот...».....	74
«Из кирпича, бетона и раствора...».....	64	«Уймись, – я говорю...».....	74
«Перестанет сердце биться...».....	64	«Вот оно – «Подмосковье...».....	74
«Какая-то ты не такая...».....	64	«Когда способности мелки...».....	75
«Разве нет в мозгу извилин?...».....	65	«Не всем достался Божий дар...».....	75
«Не верьте, матросы, не верьте...».....	65	«Нам бы только взлететь...».....	75
«О, как словам и чувствам тесно...».....	65	«Коль судьба с бедою обвенчала...».....	76
«Я пионы дарил нечасто...».....	65	«...Ищи меня, как ветра в поле...».....	76
«Люди останутся вечно врагами...».....	65	«Вот и август прошёл незаметно...».....	76
«Когда на море и на суше...».....	66	«Повсюду мне и соль, и хлеб...».....	76
«Не уходите от ответа...».....	66	«Я выйду в степь, в хлеба...».....	76
«У меня и слов, и чувств в обрез...».....	66		
«По железобетонным блокам...».....	66		
«У костра мы счастливы не будем...».....	66		
«Дождь со снегом или снег с дождём?...».....	66		
«Безумные уста кольнут крамолрой...».....	67		
«Домик. Колодец. Чинара...».....	67		

«Звезда любви возвышенной и чище...».....	77
«Сколько шхун разбили эти камни...».....	77
«Я не поклонник данной нам судьбы...».....	77
«Как долго не был на Кубани!...».....	77
«...И нет отмщенья, нет пощады...».....	78
«Из всех душевных состояний...».....	78
«Душевные раны – глубокие раны...».....	78
«Степи, степи... Без конца. Без края...».....	78
«Какой же женщиной быть надо...».....	79
«Как живёшь ты, родная липа...».....	79
Самозванцы.....	79
«Ты видишь, как бедны мои уголья...».....	79
«Степь да степь. Да неба взор бездонный...».....	80
«Я под норд-ост Новороссийска...».....	80
«Запрокину голову...».....	80
«Мы нигде и никем не воспеты...».....	80
«Судьба мужская не капризна...».....	81
«Тяжела земля! И не по слухам...».....	81
«На колёсах, полозьях берёзовых...».....	81
«Брошу взгляд в облака, в глубину ли...».....	81
«От вдохновенного Болдино...».....	82
«В степи не спрятаться, не скрыться...».....	82
«В речках что-то много стало тины...».....	82
«Искатель правды из меня не вышел...».....	82
«В голове разлилась, как на пашне прохлада...».....	83
«Когда на жизнь смотрю сквозь пальцы...».....	83
Тёлка.....	83
«Когда тебя коснётся старость...».....	84
«Что ж, что щедры, как люди...».....	84
 <i>IV. «Незванный от земли до звёзд»</i>	
Письмо (поэма).....	84
«Вы вправе рассуждать, милейший...».....	85
«В Московской или Тульской...».....	86
«Вот приеду к отцу на могилу...».....	86
«В мире мрака и огня...».....	86
«Вынырну на миг волшебной щукой...».....	86
Пантеизм.....	86
«Кто знает, на земле или на небе...».....	87
«Верю каждому зверю...».....	87
Отцу.....	87
«Как в детстве, вновь зайду...».....	87
«Любитель острых ощущений...».....	87

«Пока идёт всё так, как надо...».....	88
«Неба Божьего теоретики...».....	88
«Ради Поэзии можно...».....	88
Таборная пляска.....	88
«Не музыка мучит – халтура...».....	88
«Не грози холодами, Кашира...».....	89
«Теории ввергают в муки...».....	89
«Не потому, что стал я вдруг...».....	89
«В лесу родившись или в поле...».....	89
«Я долго ждал, чтоб выпал случай...».....	89
«Чужды предтечам подоплёки...».....	89
«Чего ты ждёшь, о, Русь, ответь...».....	89
«Жизнь абсурдна. Будущего нет...».....	90
«Ленинград, Сталинград и Москва...».....	90
«Меня беспокоят простейшие мысли...».....	90
«Ну, где он, риск канатоходца?...».....	90
«О, Москва, колхозная столица...».....	90
Гомер.....	91
«И как бы это ни звучало...».....	91
«Писатель и поэт Владимир Солоухин...».....	91
«Уймись, душа моя, уймись...».....	91
«Жизнь неслась, как снежная лавина...».....	91
Цыганка.....	91
«Чемодан мой всегда у дверей...».....	91
«В ранний час, когда в степи ни звука...».....	92
«Привет, Егорыч! – говорю я...».....	92
«Прощай, Кашира, уезжаю!...».....	92
Полемическая поэма (фрагменты).....	92
«Ареную у деда угол...».....	93
«Гну стальные ль трубы на два дюйма...».....	94
«Писателю и поэту – учителю моему...».....	94
«И день назад, и год, и век...».....	94
«Люд стрелецкий и ямской...».....	94
«Оставались лишь небо для сердца...».....	94
«Мы входим в лес, как в древесину...».....	95
«Я набрал опять заветный номер...».....	95
«Я покидаю всё же Россошь...».....	95
«Ты ушла.. Ну, иди, я не против...».....	95
«Нервы нужны нам стальные...».....	95
«Ни одного письма за месяц!...».....	95
Я раб отчий.....	96
Исповедь Пугачёва (поэма).....	97
Юрий Долгорукий.....	98
Владимиру Высоцкому.....	98
«Теперь я только развожу руками...».....	98
«Давай, любимая, прощаться...».....	99

«Если сдвину с плеч обиды...».....	99
«Живу в такой я атмосфере...».....	99
Пустяк.....	99
«Когда тебе уже за сорок...».....	99
«На автобусных остановах...».....	99
«Истина – жуткая штука...».....	100
«Сколько бы ни кланялся я Богу...».....	100
«По мне, что русский, что грузин...».....	100
Чернобыль (поэма).....	100
Топор (поэма).....	104
И сам не свой (поэма).....	107
«Мужики, дружнее сдвинем кружки...».....	109
«Если сам себе я нужен...».....	109
«Когда земля меня вскормила...».....	109
«Степи, степи... Без конца и края...».....	109
Легенда о Кашире (поэма).....	110
«Попробуйте хоть несколько минут...».....	111

*V. «Гвоздь загнуть в каблуке
перестройки»*

Плач.....	111
В вагоне.....	112
Молитва.....	112
«Живу, но так, на всякий случай...».....	113
«Завтра я депешу настрочу...».....	113
«Стихи писать удобно ночью...».....	113
«Пусть дорожают с каждым днём...».....	113
Верлибр.....	114
Единение.....	114
Древо Жизни.....	114
«О, жизнь...».....	114
Моё местожительство.....	114
Некролог.....	115
Друзьям по общежитию.....	115
Связь.....	115
Кровь.....	115
Свет.....	116
Небесные кони (поэма).....	116
Эго (полемическая поэма).....	117
Жизнь есть жизнь.....	118
Сталин.....	118
Кто имеет глаза и уши.....	118
Жизнь по уму.....	119
Дядя Петя бьёт в тельяшку.....	119
Бартерный сезон.....	119
Меланхолия.....	120
Биография.....	120
Сказ о Кашире (фрагменты поэмы).....	120
Каша.....	122
Русская зима (поэма).....	122

Стужа.....	123
Геометрия.....	123
«Теперь легко. Теперь спокойно...».....	124
Победы День.....	124
«Увы, надежды больше нет...».....	124
Время.....	124
«С гор бежавший ко мне Уруп...».....	124
Хлеб.....	124
Круговая порука.....	124
Позиция.....	125
Среди людей.....	125
«Я до сих пор ещё проказник...».....	125
«Есть две доски – у Бога и у чёрта...».....	125
«Как быстро время пролетело...».....	125
Пора.....	126
«Тяжело терять в дороге друга...».....	126
«Один транзитный пассажир...».....	126
«Этот мир огромен и прекрасен...».....	126
Денежная реформа.....	127
«Не говори, не говори ни слова...».....	127
«Судьба России! В чьих она руках?...».....	127
Фенька.....	127
«Вселенная – опалубка Земли...».....	128
Кухарка Сонька.....	128
«Сегодня – счастье, завтра – счастье.....».....	128
«Удобней палка, а не трость...».....	128
«В село ль заволжское войду...».....	128
«Тот сподвижник Бахуса, тот – трека...».....	129
«Сделал печь. Дымит. И греет плохо.....».....	129
«И вот стою, дыханье затаив...».....	129
Отцовский ремень.....	129
Свидание с отцом.....	130
«Встречай отца! Отец приехал...».....	130
«Ну, покажи, на что способен...».....	130
«Риск – благородное дело...».....	130
«Романтик я. Молюсь на паруса...».....	130
«Юный царь был вовсе не дурак...».....	130
«Приближается день потерь...».....	131
«Огонь превратился в песок...».....	131
«Аркань мне, табунщик, коня...».....	131
«Россия! Это не представишь...».....	131
Свой календарь.....	131
Скороговорка.....	132
«Равнина, Русская равнина...».....	132
Госпиталь.....	132
«Терзает жалость. Мучает обида...».....	132
Кладка.....	132
Надобность.....	133
Не сегодня, так уж точно завтра.....	133

Романтика.....	133	Тоска.....	146
Круг жизни.....	133	У меня, небесного холопа (поэма).....	146
Житейские парадоксы.....	134	Встреча с матерью.....	147
Память.....	134	Сладость муки.....	147
Роль.....	134	Судьба.....	147
Погода.....	134	«Хоть в долг давай, хоть сам бери...».....	148
Дороги.....	134	Кашира – моя исповедь.....	148
Русские дела.....	135	Вол.....	148
Осколки.....	135	«Когда в душе огня и стужи ссора...».....	148
Элегия.....	135	Русь неделимая.....	149
Очередь.....	135	Волчья просьба.....	149
Жестокость.....	136	«В квартире этой мне всё знакомо...».....	149
Взгляд из космоса.....	136	У Введенского храма.....	150
«Лом... лопата... кувалда...».....	136	Романс.....	150
«Шаромыжник».....	136	«Не охота рук марать...».....	150
Двор был с выбитым асфальтом.....	136	Мысль.....	150
В избе.....	137	«Пошёл – иди! Не возвращайся...».....	150
Руки.....	137	От Господа.....	151
«Познав путей Господних тайны...».....	137	«Двери скрипят. Половицы...».....	151
Начало начал.....	137	«Кровь застыла у меня...».....	151
Костёр.....	137	Родина.....	151
Страсти.....	138	Песня херувима.....	152
Камень преткновенья.....	138	Этикет.....	152
Солнце.....	138	Без скорости нет успеха.....	152
«Душа бесформенна, пока...».....	139	«Нас с предками предчувствия роднят...».....	152
Пародии.....	139	За пределами души.....	153
«Едва на небосклоне...».....	139	Просёлок.....	153
«Границы замкнутого круга...».....	140	«К чему высокие слова...».....	153
Михаилу Водопьянову.....	140	Коммуникации.....	153
«Углы. Перекрёстки. Столбы...».....	140	«Раздумий минешь перекрёсток...».....	153
«До последнего в жизни мгновенья...».....	140	«Задержишь взгляд на той, далёкой...».....	154
«Благословляю те уста...».....	141	«Прости меня за эту ночь...».....	154
«...И тогда вспыхнут души святые...».....	141	«Пиши, но только о любви...».....	154
«Хоть наезженный большак...».....	141	«Когда ты станешь первой леди...».....	154
«Конечно, сон – всего лишь сон...».....	141	«Душа моя заиндевели...».....	154
«Вот когда найду мешок с деньгами...».....	142	«И на земле, и на небе...».....	154
«От молвы ушли свинцовой...».....	142	Легенда о русичах.....	155
Русское подворье.....	142	Февраль.....	155
Одесса.....	143	Мечты на пустынных берегах.....	155
Тирасполь.....	143	«Когда я остаюсь один...».....	155
«Хотя бы на одно мгновенье...».....	143	Кашира (поэтическое эссе).....	156
«Из-за небольшой телесной ранки...».....	144	Високосный год.....	157
«Ах, этот отдых на турбазе...».....	144	Вечный вопрос.....	157
«Пока скрипит земная ось...».....	144	«Я в жизни знал настолько близко...».....	157
Родство.....	144	Лобное место.....	157
Терпенье.....	144	«Вот-вот должно быть наступленье...».....	158
Убили сына.....	145	Поездка в прошлое.....	158
«Беда людей всех рас и наций...».....	145	Первая заповедь.....	158
Стоит Кашира.....	145		
О, человеческие страсти.....	145		

Авось.....	215	Событие, которое вдохновило.....	227
Лесное эхо.....	215	Русский хоккей.....	228
Луна.....	216	Вот такие дела.....	228
Виртуозы.....	216	Река времён.....	228
Буквы.....	216	Командоры.....	228
Одиночество.....	216	Надежды.....	229
Помню!.....	216	Ступинские бараки.....	229
Драка.....	217	Берега разные помнят.....	229
О, жизнь, я так к тебе привык.....	217	Мнения.....	229
Ретро.....	217	Лекарство от воровства.....	229
О жизни.....	217	Христианские таинства.....	230
Ледоход.....	218	Одиннадцатая заповедь.....	230
На даче в Переделкино.....	218	Сыну Сергею.....	230
Коррида.....	218	Святой дух.....	230
Запах хлеба.....	218	Прозрение.....	231
Кумир.....	218	Меж двух огней.....	231
Скорость.....	219	Музыка.....	231
Увлеченья.....	219	Друзья.....	231
Слова.....	219	Только трону струну серебристую.....	232
Крестная сила.....	219	Трава.....	232
Ты уже, о, Русь, стара настолько.....	220	Общежитие (поэма).....	232
Мечь.....	220	Скиф.....	233
К русским олигархам.....	220	Смерть от поцелуя.....	233
Дурдом.....	220	Круговорот.....	234
Самодисциплина.....	220	Турман.....	234
Белопесочский монастырь (сонет).....	221	Риск.....	234
Звёздные часы.....	221	Правда, как дворовая собака.....	234
Плащаница.....	221	Благодать.....	235
Истоки рабства.....	221	Апокалипсис.....	235
Шаг.....	222	Амур.....	236
Простота.....	222	Коммунистический манифест.....	236
«Гори, гори, моя звезда...».....	222	Цыганские кони.....	236
Осы.....	222	Автопортрет.....	236
Семёновское.....	223	Песенка геодезиста.....	237
Выход из кризиса.....	223	Совет.....	237
Пророчество.....	223	Поэт.....	237
Древний гимн.....	223	Наше северное лето.....	237
Гадание.....	223	Панорама.....	238
Запас.....	224	Иордань на Руси.....	238
Чёрный чемодан.....	224	Чёрный квадрат.....	238
О, моя бездорожная Русь.....	224	Застолье.....	238
Редьярд Киплинг.....	224	Желудок.....	239
Русская система.....	225	Мечты.....	239
Пилот.....	225	Искусство.....	239
Победная игра.....	225	Порт-кобзарь.....	239
Сонет первый.....	225	Удел.....	240
Сонет второй.....	226	Баскунчак.....	240
Сонет третий.....	226	Сила духа.....	240
Бравада.....	226	Воображение.....	240
Суд.....	226	Здесь кто-то жил.....	241
Аналитик.....	227	Мнимая паника.....	241
Награды есть.....	227	Панорама Победы.....	241
Победа.....	227	Школа № 6.....	241

Человечество.....	242	Нотация себе.....	258
Суть человеческая.....	242	Ожидание реванша.....	258
Вечность.....	242	Самочувствие.....	258
Живи, и всё!.....	242	Ах, Россия, Россия.....	259
Ленинский тезис.....	243	Сон и явь.....	259
Счастье.....	243	Очередь за хлебом.....	259
Божий дар.....	243	Степь.....	259
Дачный сонет.....	243	Камень преткновения.....	259
Зов.....	243	О, бурно прожитые годы.....	260
Горемыки.....	244	Летопись.....	260
Да будет день!.....	244	Фатализм.....	260
Мечта.....	244	Мыслимышь вильнёт хвостом.....	260
Рождество (поэма).....	244	Голос Родины.....	260
Зимняя рыбалка.....	245	Необходимость и случайность.....	261
Бедный всадник (поэма).....	246	Уход.....	261
Вдохновение (поэма).....	247	Школьная пора.....	261
Катастрофа.....	248	Отпуск.....	261
Первобытный беспорядок.....	249	Рассредоточенность.....	262
Ванкувер-2010.....	249	Как суд вершится бестолково.....	262
Чудеса.....	249	Давай заночуем.....	262
Уголок Каширы.....	250	Тагуировка.....	263
Лицемерие.....	250	Лучик.....	263
Исход из оккупации.....	250	Пустые хлопоты кругом.....	263
Послевоенный футбол.....	250	Мысль о жизни.....	263
День Победы.....	251	Эх, песня, песня!.....	263
Фронтовик.....	251	Нам надоест.....	263
На поле Куликовом.....	251	Мысль и музыка.....	264
Мудрость философии.....	251	Бомж.....	264
О, свободная, гордая мысль.....	252	Ноктюрн воображенья.....	264
Прямой угол.....	252	Диалог.....	264
Исповедь алкаша.....	252	Болезни тела.....	265
Прожиточный минимум.....	252	Дерутся.....	265
Но кто меня за правду упрекнёт?.....	253	Судьба книг.....	265
Огонь любви.....	253	Инопланетяне.....	265
Участь.....	253	Уроки истории.....	265
Тени.....	253	Белые ночи.....	266
Бульжник – оружие пролетариата.....	253	Шагают кони.....	266
Я тугодум.....	254	Казалось мне.....	266
Русская женщина.....	254	Сочинительство.....	266
Точка опоры.....	254	Былое нам будет грядущим!.....	267
Волкодав.....	255	Русский путь (поэма).....	267
Москва стоит на семи холмах.....	255	Беда людей.....	268
Детство.....	255	Дорожный мотив.....	268
Возвращение.....	256	Мы все зависим друг от друга.....	268
Былых времён немеркнущая память.....	256	Степная песня.....	269
Рыцари духа.....	256	Чибиc.....	269
Солнечные часы.....	256	Вечная память.....	269
Злаки.....	257	Грачи.....	269
Ложь.....	257	Магия поэзии.....	270
Любовь есть любовь.....	257	Вспомнишь.....	270
Желаемое братание.....	257	Зимняя Кашира.....	270
Иго.....	258	Успокойся, парень!.....	270
		Признание.....	270

Вербная неделя.....	271	Три поэта.....	283
Ниагара.....	271	Адронный коллайдер.....	284
Я, как собака.....	271	Все вместе.....	284
Сон.....	271	Истина.....	284
Сыну.....	271	Июльская засуха.....	284
Былое.....	272	Белогривые кони.....	285
Под статью.....	272	Прямая речь.....	285
Поминки.....	272	Каширские мужики.....	285
Птичий комфорт.....	272	Преступный мир.....	285
Союз звёзд.....	273	Мнимые враги.....	285
Спор.....	273	Приямок.....	286
Поцелуй.....	273	Запах осени.....	286
Поющие цветы.....	273	Казачий курень.....	286
Соответствие.....	273	...Но агнец победит!.....	287
Слово.....	274	Экстренная новость.....	287
Однообразие.....	274	Мешок с деньгами.....	287
Капли.....	274	Эпоха.....	287
Предчувствия.....	274	Камерный оркестрик.....	287
Фата.....	274	Интеллект.....	288
Уж сколько лет.....	275	Техногенный человек.....	288
Разлука с сыном.....	275	Любовь земная.....	288
Урок общежития.....	275	Люди.....	288
В стиле ретро.....	275	Семейство.....	288
Надежда.....	276	Когда-нибудь (поэма).....	289
Ступинская любовь (поэма).....	276	Пророчество (поэма).....	290
Мораль.....	277	Погост.....	291
Атаман.....	277	Тюльпаны.....	291
Бытие и сознание.....	278	Карусель.....	291
На Оке.....	278	Русский климат.....	291
Эгоист.....	278	Резюме.....	292
Мы!.....	278	Гений.....	292
Картина зимы всем знакома.....	279	Франсуа Вийон.....	292
Дым Отечества.....	279	Пройдите, граждане!.....	293
Позывные.....	279	Лесные думы.....	293
Первый день.....	279	В бессонные ночи.....	293
Цветы любви.....	280	Жизнь.....	293
Зерно истины.....	280	Емельян Пугачёв (поэма).....	294
Секрет власти.....	280	Тезис общества.....	295
Недовольство.....	280	Звезда.....	295
Практики.....	281	Пейзаж.....	295
Надежда, вера, любовь.....	281	Разборка.....	295
Не верить я не мог.....	281	Суеверие.....	295
Археологические находки.....	281	Запретный плод.....	296
Финансы и романсы.....	281	Рулетка.....	296
Очная ставка.....	281	Букеты роз.....	296
Рыбацкая байка.....	282	Дункан в России.....	297
О, пора любви, мечтаний.....	282	О, Волга!.....	297
Дорога к Богу.....	282	В России любят посудачить.....	297
Ты одна, Русь.....	282	О, человечество!.....	297
Происхождение человека.....	283	Оригинал.....	298
Мой род.....	283	«Рыбалка».....	298
В шесть утра, шестого дня, седьмого месяца.....	283	Смех.....	298
		На Старом Арбате.....	298

Не волнуйся, Кашира.....	326
Над Окой.....	326
Маленькая Русь.....	326
Пушка на Пушкинской.....	327
XIV век.....	327
Храм Николы Ратного.....	327
Провинция.....	327
Нюанс вдохновенья.....	328
Исповедь Каширы	328
Образ.....	329
Каширский соловей.....	329
Берега.....	329
Власть зимы.....	329

О, Русь моя

О, Русь моя.....	330
Россия, Россия.....	330
Русь моя.....	330
Русская идея.....	330
Русский смех.....	331
Русские кувалды.....	331
Русский обычай.....	331
Осиновый кол.....	332
Медный всадник.....	332
Знать не знаю.....	332
Капкан.....	332
Заздравный тост.....	333
Числа.....	333
Терпи, Россия.....	333
Земля.....	333
Духов день.....	334
Заверни-ка, любезный.....	334
Беспредел.....	334
Астральный календарь.....	334
Вернувшись к Богу.....	334

Моей любви

Цветы.....	335
Снова дерзким взором дразнишь?.....	335
Счёт.....	335
Тихо поезд подойдёт к платформе.....	335
Змеиная верность.....	336
Небесный образ.....	336
Целуй... целуй.....	336
В тамбуре.....	336
Знакомство.....	336
Моей любви.....	337
Змеиная мудрость.....	337
Всё обошлось.....	337

Празд Победы

О, долгожданная Победа.....	337
Последний фронтовик.....	337
Парад Победы.....	338

Провожая я на фронт отца.....	338
Память эхом входит в зал.....	338
Держись, браток!.....	338
«Самовар».....	339
Фильм «Два бойца».....	339
Обручальное кольцо.....	339
Игра с огнём.....	340
Живой труп.....	340

Течение жизни

Себе в назидание.....	340
Финиш.....	340
Травля.....	341
Предтечи.....	341
Разум и дух.....	341
Эго.....	341
О, сколько лет не брал гитару в руки.....	342
Не всё необходимо мне.....	342
Русский идеал.....	342
Приговор.....	342
Полноводье.....	343
Основа искусств.....	343
Нет, не молю.....	343
Не гоните коней.....	343
Недоумение.....	344
Не то.. не так... рву рукописи в ключья.....	344
Неразбериха.....	344
Монолог.....	344
Леса.....	344
Меня сто раз в России хоронили.....	345
Лопухи.....	345
Идеал.....	345
Знак.....	345
Заратустра.....	346
Миниатюра.....	346
Звёздный час.....	346
Дядя Петя.....	346
«Шоколадный» дом.....	346
Возвращение к истокам.....	347
Над Окой срублю избу – что надо!.....	347
Гуляют волки по степи.....	347
Любовь – всему ориентир.....	347
Это преступление.....	348
Эмансипация.....	348
Страшит бессмертие.....	348
Бетономешалка.....	348

Я жил в России (2011 г.)

Я жил в России	348
Горсть земли.....	349

Каширянкам.....	376
Но всё же.....	377
1812.....	377
Цыганки.....	377
Эмигрантам.....	377
Дуализм времен.....	378
Лаокоон.....	378

ПРОЗА

И. Художественная проза

А я знаю.....	379
Заявление.....	379
В степи.....	380
Голубые города.....	382
Звезда над ёлкой.....	385
Горько!.....	386
Седые дубы.....	388
Красный арбуз.....	390
Лаборемус.....	393
Триада счастья.....	395
Польный запах.....	397
Подкова.....	399
Солнечный удар.....	402
Безутешное занятие.....	404
Святой грешник.....	408
Психическая атака.....	410
Счастливая Марфа.....	412
Семья Дениса.....	415
Наедине с собой.....	417
Расплата.....	418

II. Очерки, эссе, мысли, воспоминания

Пиит, стихотворец, поэт?.....	421
Рассказывает поэт.....	422
Из воспоминаний.....	425
Бархатный сезон.....	426
Табор стоял за станицей.....	432
Любовь на память.....	436
Метаморфозы.....	437
Обозы и грёзы.....	439

Братья цыгане.....	440
Беседа с отцом.....	441
Презумпция невиновности.....	444
Морская болезнь.....	445
Народ.....	448
Сочинская трасса.....	449
Учили жить.....	450
Солнечный зайчик.....	451
Характеристика.....	454
Астральные утки.....	455
О Юрии Кузнецове.....	458
Из записной книжки.....	460
Футбол и «Тополёк мой в красной косынке».....	464
«Я простая девка на баштане».....	465
Московский триумvirат, или три Владимира.....	466
Пряники и кнут.....	470
Уход.....	472
«Я рос, как степная трава...».....	475
Отчисление.....	477
Имена с трагическими судьбами.....	480
«Народный артист».....	488
На Большой Никитской.....	489
Преданья старины.....	491
Пара гнедых.....	493
Сerp.....	496
Чудный день.....	497
Тайна бытия.....	499
Правобережье.....	503
Цыгане.....	508
Божье лето.....	509
Каширская антоновка.....	511
Корона Каширы.....	513
Дочь Мономаха.....	514
Каширский «Бродвей».....	516
Голуби вы мои сизые.....	518
Каширский соловей.....	521
Шляпа.....	523
Прикол.....	524
Больничная молитва.....	524
Белая Кашира.....	526

*Иван Ефимович Прядкин, отец
Анатолия Прядкина*

*Ксения Никитична Прядкина
(Нижник), мать Анатолия Прядкина*

Толя Прядкин

Толя с отцом и матерью в Сочи (04.06.1946)

*Школа № 58 им. Е. И. Носаль, ул. Гоголя, 17, жилой массив Паиковский, Краснодар.
В этой школе учился Анатолий Иванович Прядкин.*

ГБПОУ КК «Пашковский сельскохозяйственный колледж» (бывший техникум), ул. Евдокии Бершанской, 220, жилой массив Пашковский, Краснодар. Здесь с 1955 по 1959 гг. учился на «землеустроителя» Анатолий Иванович Прядкин.

Юридический факультет имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, Октябрьская ул., 25, микрорайон Центральный, Краснодар. Раньше здесь находился историко-филологический факультет Краснодарского госпединститута, где с 1960 по 1962 гг. учился Анатолий Иванович Прядкин (специальность – Русский язык, литература, история).

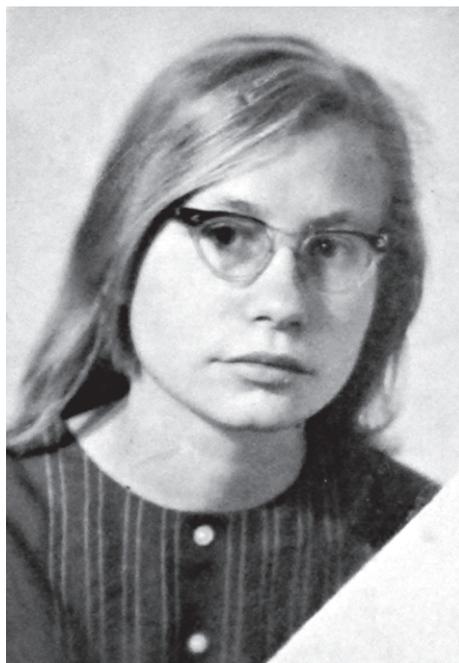
*Крым. Воронцовский дворец. Начало 1960-х гг. Крайний слева – Юрий Кузнецов,
в середине – Анатолий Прядкин.*

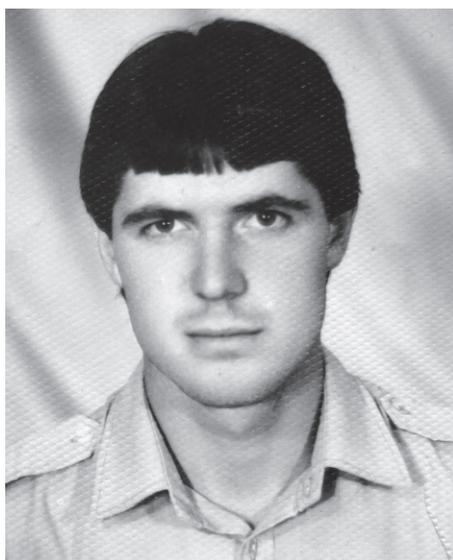
*Крым. Ласточкино гнездо. Начало 1960-х гг. Крайний слева – Юрий Кузнецов,
крайний справа – Анатолий Прядкин.*

*Первая жена А. Прядкина –
Людмила Прядкина (Кузнецова)
(снимок 1992 г.)*

*Вторая жена А. Прядкина –
Нина Ивановна Прядкина (Завьялова)
(снимок 1967 г.)*

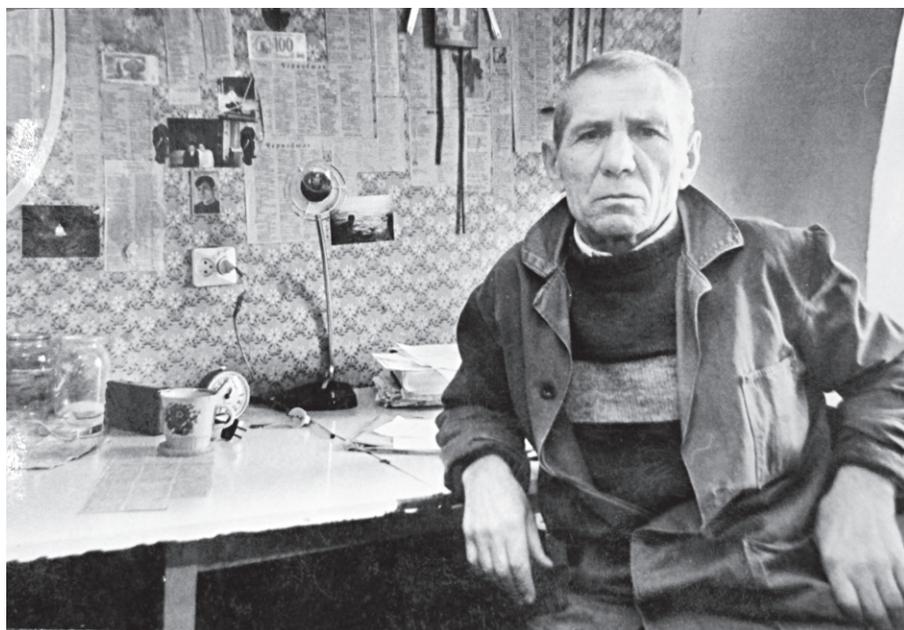
Сын от первой жены – Владимир

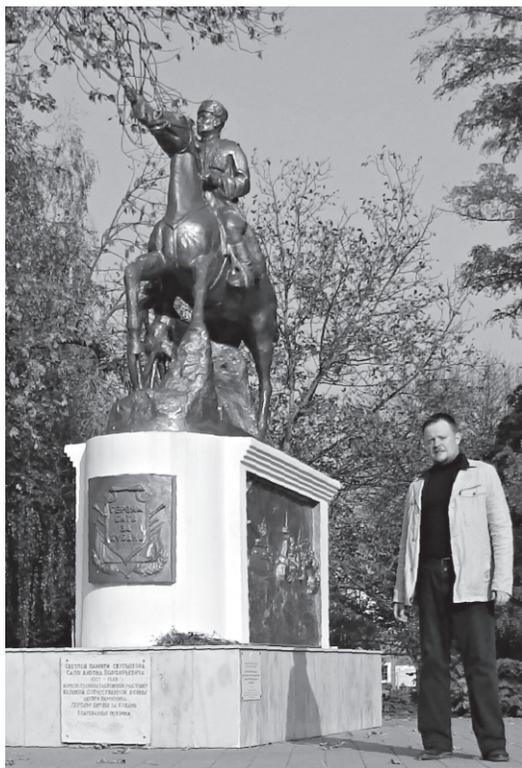
Сын от второй жены – Сергей

Анатолий Прядкин на лесоповале

Анатолий Прядкин в общежитии в Кашире-1 (ул. Новая, д. 11, к. 25)

Памятник Героям битвы за Кубань, 1945 г. Находится в сквере им. Ленинского комсомола поселка Пашковский

В гостях у Анатолия Ивановича Прядкина авторы ЛИТО «Зодиак» (15.02.2014)

*Сноха Елена Прядкина и внук Денис Прядкин на вечере памяти
Анатолия Ивановича Прядкина (11.12.2016)*

*Могила Анатолия
Ивановича Прядкина,
Аладьинское кладбище
Каширы*

Литературно-художественное издание

Анатолий Прядкин

ПО ДЛИННОМУ КОРИДОРУ
ОБЩЕЖИТИЯ

Поэзия. Проза

Сдано в набор 06.07.2020
Подписано в печать 20.07.2020
Составитель и редактор – А. А. Тернов
Компьютерная вёрстка – И. С. Фёдорова

Формат 72x104 ^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура PeterburgC.
Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ 000105-20.

Издательство «ММТК-СТРОЙ»,
113035, Москва, 2-й Кадашевский пер., д. 10, кор.1.
Отпечатано в ООО «ЗЭО»,
142900, Московская обл., г. Кашира, ул. Стрелецкая, д. 70.